

Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность

**Материалы Международной научной конференции,
посвящённой 20-летию кафедры региональной политики
и политической географии СПбГУ**

**Санкт-Петербург, СПбГУ
22–23 апреля 2022**

Под редакцией Н. М. Михеевой и Н. В. Каледина

Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность

Материалы Международной научной конференции,
посвящённой 20-летию кафедры региональной политики
и политической географии СПбГУ

Под редакцией Н. М. Михеевой и Н. В. Каледина

Санкт-Петербург, СПбГУ
22–23 апреля 2022

Санкт-Петербург
2022

УДК 911. 3
ББК 66.0
П50

П50 **Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность.** Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, Санкт-Петербург, СПбГУ. 22–23 апреля 2022 / Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина, — СПб.: изд-во ВВМ, 2022. — 768 с.

ISBN 978-5-9651-1430-6

Содержание

Программный комитет	12
ПРЕДИСЛОВИЕ	15
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОПОЛИТИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	17
ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Чистобаев А. И.	17
КАФЕДРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СПбГУ: ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ОПЫТ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Каледин Н. В., Чистобаев А. И., Елацков А. Б., Лачининский С. С.	23
ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕИ Л. Н. ГУМИЛЁВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ В ХХІ ВЕКЕ Дружинин А. Г.	40
РАЗМЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ О РУССКОЙ ГЕОКУЛЬТУРЕ Ван Ци, Чэнь Диюй, Ульянова С. Б.	48
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦЕНТРОВ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ Федоров Г. М., Пекер И. Ю.	58
Секция 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	71
НЕСАМОУПРАВЛЯЮЩИЕСЯ СТРАНЫ НА КАРТЕ МИРА Соколов С. Н.	71
ВЫБОРЫ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА Диденко Д. Ю.	82
«ОБРАЗ ВРАГА» В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ Абросимова Н. В.	93
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ГЕОГРАФИЧЕСКИ-	

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ФАКТОР (НА ПРИМЕРАХ ИВАНОВСКОЙ И БРЯНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)	
Исайчиков В. Ф.	97
ИМПЕРСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ТЕОРИИ ДЛИННЫХ ЦИКЛОВ ДЖ. МОДЕЛЬСКИ: НЕСКОЛЬКО КРИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ О ТЕЗИСАХ «ЭПОХИ МОДЕРНА»	
Серебряков К. Д., Собянин В. В.	106
ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ ЗАПАДНОБАЛКАНСКОГО РЕГИОНА	
Крусанов Д.	117
КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ ПО ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ	
Девина Ю. Р.	126
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ	
Бабич Н. Д., Сидоркина В. В.	134
РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ПАРАДИГМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ	
Шматов А. С., Самарин В. А.	138
Секция 2.	
ГЕОПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	142
ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ	
Елацков А. Б.	142
КУЛЬТУРНЫЕ АССИМИЛЯЦИИ, ИСКУССТВЕННЫЕ ЭТНОГЕНЕЗЫ И ГЕНАЦИД СЕРБСКОГО НАРОДА — СРЕДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ	
Райко Гнято	151
ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВА	
Хлопов О. А.	162
ИЗРАИЛЬСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ	
Савичева Е. М.	169
О ТОМ, КТО И КОГДА ВСЕ ЖЕ ВПЕРВЫЕ ВВЕЛ В ОБОРОТ ТЕРМИН «ГЕОПОЛИТИКА» В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОПЫТ ИСТОРИКО-НАУЧНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ)	

Рябцев В. Н.	178
РЕФОРМА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: ПРОБЛЕМА СОГЛАСОВАНИЯ	
Кебец В. В.	189
ЧИЛИЙСКАЯ ШКОЛА ГЕОПОЛИТИКИ И А. ПИНОЧЕТА	
Калинин Н. Д.	200
Секция 3.	
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНСАЛТИНГ	210
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ, НАПРАВЛЕНИЯ	
Кулаковский Е. С.	210
МЕСТА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	
Зотова О. А.	217
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ	
Мирзеханова З. Г.	224
ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД	
Владимирски И. , Кротова М. В.	232
АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА ТОВАРООБОРОТ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ РФ	
Котов А. В.	241
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	
Елсуков М. Ю.	249
ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ	
Адамайгис С. А.	258
ВЛИЯНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ НА ПОДДЕРЖКУ ПАРТИИ «ЗЕЛЁНЫХ»	
Груздева Е. Е.	267
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТРУМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ	

ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО И ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2011–2018 ГГ.)	
Аширова О. И., Чайка Е. Е.	276
ТРАНСПОРТ РОССИИ.	
ТУРБУЛЕНТНЫЕ УСЛОВИЯ (САНКЦИИ, ПАНДЕМИЯ COVID-19), КАК ТРИГГЕР РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИИ.	
Митрюкова К. А.	286
Секция 4.	
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	292
ОЦЕНКА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА	
Манаков А. Г., Теренина Н. К.	292
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ	
Кондратов Н. А.	302
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
Махновский Д. Е.	311
ОСОБЕННОСТИ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕПРИЗНАННЫХ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК ЗАКАВКАЗЬЯ	
Дельва К. И.	321
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОГО ФАКТОРА НА ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОМИНИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	
Пенья Пегеро Франсиско Хосе	328
СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДАХ–МЕТРОПОЛИЯХ: ГЕОПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	
Фокин И. А.	341
ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР В ОБРАЗОВАНИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СЕГРЕГАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)	
Першуткина С. П. 1	351
Секция 5	
ГЕОУРБАНИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО	

РАЗВИТИЯ	356
ЦЕНТР И ВНЕШНЯЯ ЗОНА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ- МИЛЛИОНЕРОВ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ АТТРАКТИВНОСТИ	
Меркушев С. А.	356
ГЕОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНУТРИГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОМСКА	
Лазарева Ж. В.	365
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ	
Хаботько Н. А.	375
Секция 6	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН И РЕГИОНОВ	386
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ	
Когут В. Г., Нурышев Г. Н.,	386
УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ПРОЕКЦИЯ НА ВНУТРЕНнюю ГЕОПОЛИТИКУ	
Шупер В. А.	396
ИНСТРУМЕНТЫ АНТИКРИЗМНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И РОСТА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ	
Бурла М. П.	405
МИРОВЫЕ И МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ	
Дельва К. И.	415
ИЗРАИЛЬСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ	
Савичева Е. М.	423
ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	
Зверев Ю. М.	432
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КОНВЕНЦИИ МОНТРЕ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ	
Урпер М.	441

БРИТАНСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В СФЕРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА: ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	
Лопатина В.	444
ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ ПОРТОВ ФИНСКОГО ЗАЛИВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС—ОДИН ПУТЬ» И САНКЦИЙ	
Андреев А. А.	454
ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА КИПРЕ В КОНТЕКСТЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛЕННОГО ОСТРОВА	
Фотопулу Антониа	461
СТРАТЕГИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ КАК ОСНОВНОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ	
Нерсесян Н. С.	467
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕСТА ПАМЯТИ ВЫШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЁРКИ	
Попов Д. И.	476
Секция 7	
ГЕОУРБАНИСТИКА:	
СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 488	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ УРБАНИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ	
Альжанова Ф. Г., Сатыбалдин А. А., Алибекова Г. Ж.	488
ОРГАНИЗАЦИЯ СЕТИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	
Дебелая И. Д.	495
ЗЕЛЕНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА — ПРИОРИТЕТНЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ	
Морозова Г. Ю.	503
ДЕМОГРАФО-РАССЕЛЕНЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И БУДУЩЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ. БЕЛГОРОДСКАЯ, ВОРОНЕЖСКАЯ, КУРСКАЯ ОБЛАСТИ	
Чугунова Н. В., Полякова Т. А., Морковская Д. Н.	511
ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ПО ОСОБЕННОСТЯМ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ	
Смирнов И. П.	522

ИНСТРУМЕНТЫ РЕШЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: МАСТЕР-ПЛАНЫ ИЛИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	
Прибышин Т. К.	529
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ В МАЛОМ ГОРОДЕ	
Лебедев П. С.	534
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАЗВИТИЕ УМНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ЕС В 2010–2030 ГГ.: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ	
Тисленко М. И.	542
МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	
Туркин В. А., Усс В. В.	559
ТИПОЛОГИЯ КРУПНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ ПО МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЗА 2014–2019 ГГ.	
Логвинов И. А.	568
Круглый стол «ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ» К 110-ЛЕТИЮ Л. Н. ГУМИЛЁВА. ...	577
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МОДЕЛЕЙ ДВУХПОРОГОВЫХ БЛУЖДАНИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОСОВ	
Добровольский С. Г., Саркисян С.	577
ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ПОСЕЛЕНИЙ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ ТАЁЖНОЙ СИБИРИ К ИЗМЕНЕНИЯМ КЛИМАТА (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ СУЛОМАЙСКИХ КЕТОВ)	
Медведков А. А.	586
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ НАРОДОВ ТАЙМЫРА	
Боброва В. В.	592
Круглый стол «ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОЦЕНКАХ ПОЛИТ-ГЕОГРАФОВ И МЕЖДУНАРОДНИКОВ» СОВМЕСТНО С КАФЕДРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ФМОПИ СЕВЕРО- ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ	

АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СЗИУ РАНХИГС).....	600
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ ЭСТОНИИ К РОССИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПУТИ ИХ СНЯТИЯ	
Хрущев С. А.	600
АКТИВИЗАЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ	
Шумилов М. М.	611
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КИТАЙСКО- РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОДХОДЫ МЕЖДУНАРОДНИКОВ	
Торопыгин А. В.	621
РОССИЙСКО-МАКЕДОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН	
Смирнов П. А.	629
Круглый стол	
«МЕДИАГЕОГРАФИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ» СОВМЕСТНО С ФАКУЛЬТЕТОМ ЖУРНАЛИСТИКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА.....	638
ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СЛУЖБЫ КАК ВАЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ГЕОПОЛИТИКИ	
Силантьев К. В.	638
ОБРАЗ РОССИИ В СМИ И В СОЗНАНИИ ГРАЖДАН СТРАН ЕАЭС	
Савельева М. А.	648
ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА В РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА: ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИИ	
Мишина Ю. О.	661
Круглый стол	
«ИСЛАМСКИЙ МИР В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ» СОВМЕСТНО С РОССИЙСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА.....	666
КАРТОГРАММЫ РОСТА ЧИСЛА ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ	
Дубич В. В., Бриско А. В., Сухова Е. А.	666

ТИПОЛОГИЯ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО СФЕРАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Бриско А. В., Сухова Е. А., Дубич В. В.	673
РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: АНАЛИЗ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ И ПРОГНОЗ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПОЛИТИКИ	
Тенчиков А. А.	680
Круглый стол	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ» С УЧАСТИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИМРД МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СНГ	688
ГОЛОСОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)	
Амбурцев Р. А. Андреев М. В.	688
УКРЕПЛЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ СИНХРОНИЗАЦИЮ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОГО КОМПОНЕНТА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА, ОДКБ, СНГ	
Лешенюк О. Н.	699
ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МЕЖДУ РЕГИОНАМИ (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2004–2010 ГГ.)	
Черкашин К. В.	706
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ИТАЛЬЯНЦЕВ НА ВЫБОРАХ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ	
Барабанова Е. М.	714
ГЕОГРАФИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПАЛАТУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯПОНИИ	
Осипов К. А.	723
ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2021 ГОДА	
Максимович Н. В., Альтман Л. Л.	729
ПРИМЕНЕНИЕ ЭФФЕКТА СОСЕДСТВА ДЛЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ	
Смирнов Е. В.	739
Сведения об авторах	

Программный комитет

Чистобаев Анатолий Иванович, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии, почётный профессор СПбГУ, Заслуженный деятель науки РФ, руководитель регионального отделения Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) — **председатель**

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, член Координационного совета АРГО — **заместитель председателя**

Михеева Наталия Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, доцент кафедры международных отношений СЗИУ РАН-ХиГС, член Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), член Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) — **заместитель председателя**

Чистяков Кирилл Валентинович, доктор географических наук, профессор, директор Института наук о Земле СПбГУ, Вице-президент Русского географического общества

Аксенов Константин Эдуардович, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, руководитель магистерской программы «Геоурбанистика»

Амбурцев Роман Альбертович, начальник отдела по работе с филиалами Международного института мониторинга развития демократии и соблюдения избирательных прав граждан-государств участников МПА СНГ, выпускник кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ

Антипова Екатерина Анатольевна, профессор, доктор географических наук, заведующая кафедрой экономической и социальной географии Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Ван Ци, профессор, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Циньхуа (Циньхуа, Китай)

Гресь Роберт Андреевич, младший научный сотрудник ИПРЭ РАН, член РГО и АРГО, выпускник кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов, Директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Елацков Алексей Борисович, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ

Ибрагимов Айдын, доктор географических наук, профессор Эгейского университета (Измир, Турция)

Клоков Константин Борисович, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ

Колосов Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, заместитель директора и заведующий лабораторией геополитических исследований Института географии РАН, вице-президент Русского географического общества, паст-президент Международного географического союза

Кулик Сергей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий Кафедрой общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Лачининский Станислав Сергеевич, кандидат географических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой региональной политики и политической географии СПбГУ, вице-президент АРГО.

Марк Бассин, профессор Центра исследований стран Балтии и Восточной Европы, Сёдертёрнский университет (Флемингсберг, Швеция)

Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Президент Российской ассоциации прибалтийских исследований

Минин Александр Игоревич, вице-президент Общества с ограниченной ответственностью «Центр социально-экономических и геополитических исследований», выпускник кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений МГИМО МИД РФ.

Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Стребков Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии Института философии СПбГУ

Ульянова Светлана Борисовна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Федоров Геннадий Михайлович, профессор, доктор географических наук, директор Центра геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, Заслуженный деятель науки РФ

Хрущёв Сергей Андреевич, кандидат географических наук, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного Института управления РАНХиГС

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом Вашему вниманию сборнике представлены доклады участников Международной научной конференции «Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность». Конференция была организована и проведена Санкт-Петербургским государственным университетом по инициативе кафедры региональной политики и политической географии на основе университетского гранта 22–23 апреля 2021 г.

Конференция привлекла внимание широкого круга отечественных и зарубежных учёных, студентов, аспирантов не только представителей географических наук, но и политологов, историков, международных, регионоведов, экономистов, политических практиков. Её актуальность обусловлена не только высокой динамикой и многообразием последствий территориально-политических и геополитических процессов для стран и регионов мира,

В конференции, прошедшей в очном и дистанционном форматах, приняли участие более 200 чел. из России и 14 стран мира: Китай, Казахстан, Белоруссии, Армении, Венгрии, Боснии и Герцеговины, Азербайджана, Чили, Турции, Сербии, Чешской Республики, ДНР, Приднестровья, Доминиканской Республики

Из более чем 30 университетов, институтов, исследовательских центров представили результаты своих исследований авторы из России из 12 субъектов РФ.

Структура сборника материалов конференции представлена двенадцатью тематическими блоками докладов, соответствующих названиям семи секций и пяти круглых столов. В рамках конференции работали семь секций: «Политическая география: фундаментальные и прикладные исследования», «Геополитика: история, теория, геополитические проблемы», «Региональная политика, пространственное планирование, региональный консалтинг», «Пространственное развитие России и зарубежных стран», «Геоурбанистика и проблемы городского развития», «Геополитические проблемы стран и регионов», «Геоурбанистика: системы расселения и сравнительно-городские исследования» и пяти круглых столов: «Этно-геополитические процессы: прошлое и современность» к 110-летию Л. Н. Гумилёва, «Медиагеография: конструирование ментального пространства в глобальном и региональном контексте», «Пространственные аспекты международных отношений в оценках по-

литико-географов и международных», «Исламский мир в современных междисциплинарных исследованиях», «Геополитические аспекты электоральных процессов».

В рамках конференции был конкурс научно-исследовательских работ молодых учёных ««Мой дебют в науке»», в котором приняли участие двенадцать человек, работы участников представлены в сборнике. Конкурс научно-исследовательских работ был направлен на выявление творческого и интеллектуального потенциала студентов, аспирантов и молодых ученых, стимулирование их научно-исследовательской деятельности в области политико-географических и геополитических исследований, в сфере проблем регионального развития отдельных стран и регионов. По итогам конкурса I место заняла работа Крусанова Дмитрия (Рейнский университет Бонна им. Фридриха Вильгельма) на тему «Этнический фактор в электоральном ландшафте Западно-балканского региона». II место получила работа Груздевой Екатерины (МГИМО), тема «Влияние публичной политики Германии на поддержку партии «Зелёных». III место получила совместное исследование Ашировой Оксаны и Чайки Егора на тему «Оценка эффективности инструментов региональной политики в сфере туризма (на примере ФЦП «Развитие туризма» в 2011–2018 гг.)» (Кафедра региональной экономики и географии, РУДН).

Редакционная коллегия благодарит авторов докладов-статей, модераторов тематических секций и мастер-классов, членов жюри конкурса и всех, кто принял участие в подготовке данного сборника.

Надеемся, что опубликованные в сборнике материалы будут полезны представителям не только общественной географии, но и других научных сфер, а также экспертам-практикам, которые занимаются исследованием проблем пространственного развития, территориально-политической, электоральной и геополитической проблематикой современного мира и России.

Редакционная коллегия

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
И ГЕОПОЛИТИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ»**

УДК 911.3:32

**ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Чистобаев А. И.¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье раскрыты особенности и результаты работы петербургских ученых по формированию нового научного и образовательного направления в Санкт-Петербургском государственном университете — региональной политики, политической географии и геополитики как дисциплин, входящих в систему общественно-географической науки. Показана роль петербургских ученых-географов в становлении и развитии этого научно-образовательного направления, имеющего важное научно-практическое и мировоззренческое значение, особенно в условиях современных процессов переформатирования мирового пространства.

Ключевые слова: мировое пространство, Россия, Санкт-Петербург, экономическая география, общественная география, географы-обществоведы.

Общественно-географические исследования в Санкт-Петербурге связаны с именами таких выдающихся российских деятелей, как В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Н. П. Огарев, Д. И. Менделеев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Эту плеяду знаменитых людей дореволюционной России дополняют яркие личности более поздних времен — советской эпохи, когда успешно развивалась экономическая география и из этой базовой для общественно-географической науки выделились новые дисциплины: социальная география, политическая география, рекреационная география, экологическая география и др. Научные труды петербургских географов-обществоведов получили широкую известность в стране и за рубежом, послужили осно-

вой для принятия управленческих решений на всесоюзном, федеральном и региональном уровнях. Не случайно, именно здесь, в городе на Неве, впервые в стране возникли кафедра экономической географии (1902 г.), Географический институт (1918 г.), кафедра региональной политики и политической географии (2002 г.). О том, при каких обстоятельствах, или, точнее говоря, при возникновении каких объективных и личностных предпосылок происходили эти процессы в Санкт-Петербургском государственном университете ниже и пойдет речь.

Первая предпосылка—славные страницы истории развития науки, в том числе общественной географии, на берегах Невы, устойчивые традиции преемственности в проведение научных исследований и подготовке квалифицированных специалистов, ориентированных на запросы практики, со стороны всех поколений петербургских ученых, начиная с петровских времен и до наших дней. Особенно значимым событием для отечественной общественной географии явилось создание и функционирование в составе Географического института научно-исследовательской лаборатории экономической географии и кафедры с тем же названием под руководством Владимира Эдуардовича Дена. Одновременно этот выдающийся экономист, экономико-географ и геополитик возглавлял экономическое отделение и кафедру экономической географии в Техническом институте (ныне—Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого), читал лекции в других институтах Санкт-Петербурга и Москвы, изучал опыт организации производства в Германии. В отличие от других российских научных школ экономической географии он исследовал экономику стран и регионов в диалектическом единстве производительных сил, производственных отношений и надстройки, приравнивал опыт управления развитием производительных сил других стран к условиям России. Одной из наиболее важных заслуг ученого явилось проявление внимания к геополитическим постулатам, в частности, к содержанию учения автора термина «геополитика» Рудольфа Челлена. Однако, находясь под гнетом острой критики со стороны лидеров московской районной школы, ему после отхода от НЭП (новая экономическая политика) не удавалось внедрять свои идеи в практику управления. Достаточно указать на тот факт, что его статья об учении упомянутого выше Челлена была опубликована спустя 69 лет после представления ее в научный журнал Всесоюзного географического общества [1]. Опальный ученый в конце 20-х годов прошлого века был отстранен от всех должностей, рано ушел из жизни [2, 3].

Вторая предпосылка — научно-исследовательский «выход» ленинградских географов в зарубежный мир во время заведования кафедрой экономической географии и исполнения должности декана Географического факультета Ленинградского государственного университета Виктором Морицовичем Штейном (с 1934 г.) — китаеведом, историком, экономистом, экономико-географом, учеником Дена. После борьбы с «отраслево-статистической школой Дена» (термин Баранского), учиненных репрессий, в том числе и самого Штейна, предпринятое им на кафедре обращение к экономической и этнической географии стран Востока, в первую очередь Китая [4], полагаю, не было случайным: объективное исследование экономических проблем страны, решению которых он уделял много внимания во времена НЭПа, было небезопасным. И хотя обращение к исследованию зарубежных стран не способствовало росту престижа экономико-географов среди лиц, принимающих управленческие решения, но зато расширило объектно-предметные функции экономико-географической науки. В. М. Штейн первым прочел в ЛГУ курс по экономической географии Востока, подготовил и издал учебное пособие по экономической географии Азии [5], в котором содержался анализ и политико-географических проблем азиатских стран — в их связи с глобальными политико-географическими процессами предвоенной эпохи. В 1946–1949 г.г. Штейн был деканом Восточного факультета ЛГУ, в создание которого внес большой вклад, не утратив при этом связей с университетскими географами [6].

Третья предпосылка — развитие теории и методологии экономического районирования для целей управления, общественно-географической науки в целом в периоды руководства кафедрой экономической географии Владимиром Михайловичем Четыркиным (1948–1958) и Борисом Николаевичем Семевским (1959–1977). При Четыркине большое значение на кафедре придавалось проблемно-программному подходу к экономическому районированию, выявлению узловых районных народнохозяйственных проблем, апробации этого подхода на примере Северо-Запада РСФСР [7]. Что касается Семевского то он прийдя на кафедру, сохранил всё то, что было создано до него, но в то же время придал научным исследованиям и образовательному процессу новую — политико-географическую — направленность [8], причем по отношению как к СССР, так и к зарубежным странам (ФРГ, Канада, Куба, США и др.).

Четвертая предпосылка — результаты творческого труда двух корифеев общественной географии последней трети 20-го века Николая Тимофеевича Агафонова и Сергея Борисовича Лаврова: первый из них исследовал, в основном, регионы СССР — РФ; второй — Германии.

Вместе с тем, оба ученых оставили глубокий след в теории и методологии общественной географии: территориально-производственном комплексеобразовании [9,10], структуре, функциях и задачах общественной географии [11–13].

С.Б. Лавров как президент Русского географического общества впервые в стране организовывал научные и научно-практические конференции по политической географии и геополитике, опубликовал по этой проблематике серию острых полемических статей [14–16], что в определенной мере способствовало возрождению ранее запрещенного в СССР направления. Как заведующий кафедрой экономической и социальной географии ЛГУ—СПбГУ он внедрил в учебный процесс политико-географические лекционные курсы, заложив тем самым фундамент для создания соответствующей кафедры.

Пятая предпосылка— труды выдающихся российских ученых Вениамина Петровича Семенова Тянь-Шанского [17] и Льва Николаевича Гумилева [18], благодаря которым был актуализирован геополитический подход к региональным исследованиям, особенно на евразийском пространстве. Еще одно актуальное направление—экономическая и политическая география Мирового океана как базис для обеспечения морского планирования (одна из составных частей пространственного планирования) создано благодаря трудам Александра Петровича Алхименко, Сергея Сергеевича Сальникова, Соломона Борисовича Слевича. Эти авторитетные специалисты, доктора географических наук работали в других ВУЗах нашего города, но всегда имели прочные связи с географами-обществоведами ЛГУ—СПбГУ. Об этом свидетельствуют совместные публикации книг по экономико-политическим аспектам географии океанов, а затем вышла в свет фундаментальная монография по теоретическим и прикладным вопросам географии океанов [19]. Заметный вклад в политико-географический аспект общественной географии внесли безвременно ушедшие от нас мои однокурсники, друзья, доктора географических наук, профессора Игорь Яковлевич Блехцин, Владимир Константинович Бугаев, Олег Петрович Литовка; в конце октября прошлого года не стало и Анатолия Александровича Анохина. Светлая им память!

Шестая предпосылка— труды по региональной политике, этнической, электоральной и политической географии, геополитике, пространственному планированию и региональному управлению здравствующих ученых-географов, которые трудятся не только в нашем институте, а и за его пределами. Полагаю, их вклад в предложенные к обсуждению на конференции темы будет освещен отчасти в последующих докладах.

Седьмая предпосылка — эффективная работа диссертационного совета при ЛГУ — СПбГУ по специальности «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». Ученые степени докторов и кандидатов географических наук получили многие соискатели из разных регионов и республик Советского Союза, постсоветского пространства; среди них есть немало участников сегодняшней конференции.

Как видим, кафедра региональной политики и политической географии возникла не на пустом месте: на протяжении многих лет создавался прочный фундамент для возникновения и официального оформления актуального научно-образовательного направления в составе кафедры Санкт-Петербургского государственного университета. Выражаю надежду на успешное его дальнейшее развитие в нынешнее непростое время реформирования мирового пространства. Надеюсь, решению этой задачи будут способствовать и результаты работы данной научной конференции.

Список источников и литературы

1. Ден В. Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Изв. РГО. Т. 129. Вып. 1. 1997. С. 26–38. Вып. 2. 1997. С. 28–41.
2. Чистобаев А. И. В. Э. Ден — опальный лидер научной школы // Географы-экономисты: судьбы и наследие ученых. Тюмень: Вектор Бук. 2003. С. 8–25.
3. Чистобаев А. И. Владимир Эдуардович Ден — лидер научной школы // Изв. РГО. Т. 134. Вып. 2. 2002. С. 47–55.
4. Штейн В. М. О возникновении первых экономико-географических представлений и описаний у китайцев // Страны и народы Востока. Вып. 1. География, этнография, история. М.: ИВЛ. 1959. С. 194–203.
5. Штейн В. М. Экономическая география Азии: Учебное пособие для географических факультетов университетов и педагогических институтов. Л.: Географо-экономический НИИ ЛГУ — Учпедгиз. 1970. 512 с.
6. Дмитриевский Ю. Д. Школа В. Э. Дена: эстафета ученых // Изв. РГО. 1994. Т. 126. Вып. 2. С. 75–79.
7. Четыркин В. М. Проблемные вопросы экономического районирования. Ташкент: ФАН. 1967. 123 с.
8. Семевский Б. Н. Курс экономической и политической географии зарубежных стран. Историко-географическое введение. Лекции. Л.: ЛГПИ. 1957. 59 с.
9. Агафонов Н. Т., Лавров С. Б. О принципиальных различиях между капиталистическими и социалистическими производственно-территориальными комплексами // Вестн. ЛГУ. Сер. 7. 1966. С. 80–87.

10. Агафонов Н. Т. Территориально-производственное комплексообразование в условиях развитого социализма. Л.: Наука, 1983. 188 с.
11. Лавров С. Б. Структура географической науки: прошлые споры и современные позиции // География в системе наук. Л.: Наука. 1986. С. 21–31.
12. Лавров С. Б. Региональная политика в промышленно развитых капиталистических странах: воздействие политических сил (на материалах ФРГ) // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1987. № 1. С. 79–83.
13. Политическая география в условиях перестройки // География, политика, культура. Л.: Наука. 1990. С. 21–25.
14. Лавров С. Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Изв. РГО. 1993. Т. 125. Вып. 4. С. 36–41.
15. Лавров С. Б. Геополитика и регионалистика: взгляд ученых // Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб.: РГО. 1995. С. 3–10.
16. Лавров С. Б. Геополитическое пространство России: мифы и реальность // Изв. РГО. 1997. Т. 129. Вып. 3. С. 1–5.
17. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. — 2-е изд., стереотип. М.: Пеликан. 2017. 314 с. 18. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ. 1998. 496 с. 19. География океана: теория, практика, проблемы. Л.: Наука. 1998. 270 с.

PREREQUISITES FOR CREATING THE DEPARTMENT OF REGIONAL POLICY AND POLITICAL GEOGRAPHY IN SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Chistobaev Anatoliy I. ¹

¹St. Petersburg State University (SPbU),
St. Petersburg, Russia

The article reveals the features and results of the work of St. Petersburg scientists on the formation of a new scientific and educational direction at St. Petersburg State University—regional politics, political geography and geopolitics as disciplines included in the system of socio-geographical science. The role of St. Petersburg scientists-geographers in the formation and development of this scientific and educational direction, which has important scientific, practical and ideological significance, is shown, especially in the context of modern processes of reformatting the world space.

Key words: world space, Russia, St. Petersburg, economic geography, human geography, human geographers.

КАФЕДРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СПбГУ: ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ОПЫТ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Каледин Н. В.¹,
Чистобаев А. И.¹,
Елацков А. Б.¹,
Лачининский С. С.¹**

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье представлены история и наиболее важные результаты образовательной и научной деятельности кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ.

Ключевые слова: кафедра региональной политики и политической географии, СПбГУ, образовательная деятельность, научно-исследовательская деятельность, геополитика, политическая география, региональная политика

История создания

Кафедра была создана по инициативе преподавателей кафедры экономической и социальной географии факультета географии и геоэкологии и сотрудников научно-исследовательского Института Географии СПбГУ решениями Учёного совета факультета географии и геоэкологии 26 апреля 2002 г. (как кафедра региональной диагностики и политической географии) и Учёного совета СПбГУ 24 июня 2002 г. Инициатором создания кафедры и её первым заведующим с 2002 по 2018 гг. был к.г.н. доцент Каледин Николай Владимирович. Весомую поддержку формированию новой общественно-географической кафедры оказал директор Института Географии СПбГУ профессор А.И. Чистобаев. В 2009 г. было утверждено современное название. С 2013 г. после интеграции факультетов географии и геоэкологии и геологического кафедре находится в составе Института наук о Земле СПбГУ. С 2019 г. обязанности заведующего исполняет к.г.н., доцент Лачининский Станислав Сергеевич.

Создание кафедры было обусловлено рядом факторов: а) традицией

развития политико-географического, страноведческого и регионоведческого направлений в Санкт-Петербургском государственном университете со времени его основания, б) активным утверждением в постсоветской России политической географии и геополитики (востребованных для научного понимания внутривосточных и международных процессов), а также региональной политики как междисциплинарного направления по управлению региональным развитием, в) узкой подготовкой традиционных специалистов-управленцев экономического профиля в вузах и дефицитом специалистов-исследователей и управленцев, владеющих междисциплинарным комплексом знаний о территориальной организации общества, региональном развитии и управлении ими, г) ростом числа учебных дисциплин политико-географического, геополитического и регионоведческого характера в учебных планах структурных подразделений СПбГУ и других вузов, что стимулировало потребность в преподавателях-профессионалах, е) наличием необходимого научно-образовательного кадрового потенциала в области политической географии и региональной политики на кафедре экономической и социальной географии факультета и в научно-исследовательском Институте Географии СПбГУ.

Здесь сложились устойчивые коллективы учёных в области региональных исследований (под руководством профессора А. И. Чистобаева) и политической географии и геополитики (во главе с заведующим кафедрой экономической географии профессором С. Б. Лавровым). Их научная и учебная деятельность стала продолжением Санкт-Петербургской университетской научно-образовательной школы общественно-географического страноведения и политической географии с более чем двухсотлетней историей.

Выдающийся вклад в её становление и развитие в разное историческое время внесли основатели политической географии немецкие профессора на российской академической службе (в Академии наук и Академическом университете) Г. В. Крафт, Х. - Н. Винцгейм, а также учёный-энциклопедист М. В. Ломоносов (1730-е-1760-е гг.); профессора кафедры географии и статистики уже Санкт-Петербургского Императорского университета К. Ф. Герман, К. И. Арсеньев, Е. Ф. Зябловский (первая половина XIX в.); учёный-энциклопедист Д. И. Менделеев, антропогеографы профессора П. П. Семёнов-Тян-Шанский и В. П. Семёнов-Тян-Шанский, А. И. Воейков, этнограф и славянофил В. И. Ламанский, экономист-географ и основатель экономической географии в России В. Э. Ден, представители его школы (конец XIX – первая треть XX в.); советские экономико-географы послевоенного времени

В. М. Четыркин, Б. Н. Семевский, В. А. Лачининский, С. Б. Лавров и др.

Сегодня кафедра региональной политики и политической географии развивает традиции этой старейшей в России общественно-географической школы.

Кадровый состав:

«Стартовый» состав в 2002 г. составлял шесть человек (профессор А. И. Чистобаев, доценты Н. В. Каледин, К. Э. Аксёнов, В. В. Лаврухин, Ю. Н. Баженов, старший преподаватель С. А. Хрущёв,) и достиг своего пика в 2015–2017 гг., когда 25 сотрудников (включая совместителей) вели занятия на образовательных программах трех направлений: «География», «Туризм», «Землеустройство и кадастры», а также на пяти факультетах и в институтах СПбГУ. К этому времени почти все сотрудники имели степени кандидатов или докторов географических, либо экономических, исторических и политических наук. Структурные изменения на факультете, его интеграция в Институт наук о Земле, изменения учебного плана и ужесточение кадровой политики повлекли за собой, как и на других кафедрах, постепенное сокращение числа преподавателей. В настоящее время на кафедре работают 10 сотрудников, в том числе 3 профессора (доктора географических наук), 3 доцента (кандидаты географических и политических наук), 4 старших преподавателя (три из них — кандидаты географических наук) и один внешний совместитель.

В сферу интересов коллектива входят широкий спектр научных и образовательных областей: история и теория общественной географии, политической географии и геополитики; общественно-географическое регионоведение, история регионального развития, стратегическое пространственное планирование, территориальное планирование, региональная политика, региональное программирование, геоурбанистика, этнология и этно-география, процессы федерализации и сепаратизма, геополитические и геоэкономические проблемы глобализации и регионализации, международной интеграции и др. Приоритетными объектами исследования являются постсоветское пространство и его государства, Евразийский регион, регионы России, Арктика. Образовательная деятельность

За период 2005–2022 гг. кафедре окончили более 200 выпускников специалитета, бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, обучавшиеся по новаторским общественно-географическим образовательным программам.

Первоначально реализовывалась трёхуровневая модель высшего

образования по направлению «География» с первыми в России специализациями «региональная политика и территориальное планирование» и «политическая география». Она включала подготовку бакалавров и специалистов, а также аспирантов по научной специальности «Экономическая, социальная и политическая география». Затем вместо специальностей были разработаны и начали реализовываться первые в России магистерские программы «Региональная политика и территориальное планирование» (с 2005 г., руководитель профессор А. И. Чистобаев) и «Политическая география и геополитика» (с 2005 г., руководитель профессор К. Э. Аксёнов), дополненные новыми программами «Управление землепользованием» (с 2006 г., руководитель профессор В. Л. Богданов), «Этногеография и этнополитика» (с 2009 г., руководитель профессор К. Б. Клоков). В дальнейшем они стали профилями в укрупнённой магистерской программе «Общественная география» (руководитель доцент Н. В. Каледин), включавшей также профили кафедры экономической и социальной географии («Экономическая и социальная география», «География мирового хозяйства»).

С 2006 г. в работе кафедры, наряду с «Географией», реализуется востребованное временем новое для университета образовательное направление «Туризм» (руководитель доцент Н. В. Зигерн-Корн), которое включает программы «Технология и организация туроператорских и турагентских услуг», «Региональная политика в сфере туризма и рекреации» в бакалавриате и «Менеджмент туристских дестинаций» в магистратуре). В дальнейшем на их основе заметно расширилась сфера деятельности кафедры страноведения и международного туризма после перевода на неё туристского направления.

В 2008 г. впервые в университете начинает реализовываться разработанная на кафедре под руководством профессора В. Л. Богданова бакалаврская программа «Землеустройство и кадастры», в дальнейшем ставшая основой для создания новой одноимённой кафедры.

В 2019 г. самой молодой и одной из наиболее востребованных в магистратуре направлений «География» стала новая, единственная в России географическая междисциплинарная магистерская программа кафедры «Геоурбанистика» (руководитель профессор К. Э. Аксёнов).

Учебные планы бакалавриата и магистратуры имеют модульный характер, включают как обязательные, так и дисциплины по выбору студентов.

Сотрудники кафедры заняты также в университетских образовательных программах направлений «Экология и природопользование» (англоязычная магистерская программа «Полярные и морские иссле-

дования» по модели двух дипломов с Гамбургским университетом), «Туризм», а также в программах факультетов политологии, международных отношений, Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Институтов истории и философии.

В 2018–2020 гг. преподавателями кафедры в составе университетской рабочей группы (руководитель доцент Н.В. Каледин) совместно с представителями других структурных подразделений СПбГУ и организаций-работодателей была разработана междисциплинарная магистерская программа «Политическая география и геополитика», реализация которой планируется совместно с университетскими преподавателями-международниками, политологами, историками, конфликтологами и др.

Подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре также является постоянной сферой деятельности профессоров и доцентов кафедры. Первоначально она осуществлялась по научной специальности 25.00.24-«Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география», а в последние годы по направлению «География». За два десятилетия подготовлено более 50 выпускников для научных организаций и вузов, из которых 14 защитили кандидатские диссертации.

В сфере сотрудничества представителей кафедры с учебными заведениями общего среднего образования главными формами были олимпиадное движение на федеральном и региональном уровнях и профориентационная работа СПбГУ с выездами в десятки городов России и постсоветского пространства (Амбурцев Р.А., Каледин Н.В., Каледин В.Н., Зигерн-Корн Н.В., Кулик С.В. и др.).

Практики:

В ходе обучения на 2 курсе студенты проходят специальную летнюю учебную практику по политической географии и регионалистике (современный учебный план). Основными объектами практики в разное время являлись административные районы и муниципальные округа Санкт-Петербурга, Мурманская область, Белгородская область, Ленинградская область, Республика Крым (Бахчисарайский район), ГФЗ Севастополь.

Студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры проходят производственные и научно-исследовательские практики в организациях, профильных образовательных программах, которые в дальнейшем стали местами работы выпускников:

- Межпарламентская ассамблея государств СНГ

- Органы власти субъектов РФ
 - Комитет по внешним связям Администрации Санкт-Петербурга
 - Избирательная Комиссия Ленинградской области
 - Министерства Правительства Ленинградской области
 - ФГУП РосНИПИ Урбанистики
 - ФГУП «Леонтьевский центр»
 - Центр стратегических разработок «Северо-Запад»
 - Центр социально-экономических и геополитических исследований (ЦСЭГИ)
 - организации и предприятия туристической индустрии
 - кафедра региональной политики и политической географии СПбГУ
- и другие государственные, общественные и коммерческие организации.

Научная деятельность.

Наиболее значимые научные результаты и достижения по основным направлениям деятельности можно представить в следующем виде.

В областях региональной политики, стратегического и пространственного планирования (проф. А. И. Чистобаев, доц. С. Г. Скатерщиков, доц. Елсуков М. Ю., доц. Ю. Н. Баженов, ст. преподаватель А. В. Косарев, ассистент С. В. Федулова и др.):

1. Терминирование региональной политики, определение ее целевых функций, структуры, задач, методов, исследование зарубежного опыта.
2. Выявление принципов, разработка механизма и инструментария пространственного планирования. Создание системно-структурной модели территориального планирования, ее апробация на примерах 11 субъектов РФ, более 40 муниципальных образований. Подготовка проектов нормативных и правовых актов РФ и регионов.
3. Создание системы индикаторов устойчивого развития регионов — федеральных округов и субъектов РФ, муниципальных образований; ее апробация при разработке стратегий социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа РФ, нескольких областей и муниципальных районов.
4. Теоретико-методологические основы географической экспертизы, в том числе оценки воздействия проектируемых объектов на окружающую среду (ОВОС). Апробация теории, методологии и мето-

дики ОВОС на примере нефтегазового комплекса Обского Севера, портово-технологических комплексов на прибрежных территориях и морских акваториях Финского залива Балтийского моря, а также Баренцева и Печорского морей.

5. Теоретико-методологическое обоснование формирования экологической культуры населения, подготовка проекта соответствующего закона на федеральном и региональном (на примере Санкт-Петербурга) уровнях.
6. Теория и методология медицинской географии, интегральной оценки здоровья населения региона, менеджмента медицинского туризма.

В областях истории и теории общественной географии:

1. Разработка деятельностно-геопространственного и геоадаптационного подходов как методологических принципов познания геопространственной самоорганизации общества и природы, теоретизации географии и общественной географии (монографии и статьи Н. В. Каледина, А. Б. Елацкова). На их основе были сформированы: а) новые теоретические представления о географии как науки о геоадаптационных отношениях различного типа и о её единстве (Н. В. Каледин) и б) новая теоретическая концепция общественной географии как науки об общественно-геопространственных адаптационных отношениях и геопространственной самоорганизации общества. Она позволила выйти за пределы традиционной узкой территориальной парадигмы (концепции территориальной организации общества) и расширить представление о содержании науки (Н. В. Каледин).
2. Разработка концепции исторических типов и этапов развития отечественной общественной географии как смены научно-образовательных парадигм (политико-географо-статистической, антропогеографической, экономико-географической, деятельностно-общественной) (Н. В. Каледин).

В области политической географии и геополитики:

1. Теоретическая концепция политической географии как науки о геополитических отношениях и геополитической самоорганизации общества, интерпретирующей политико-географическую реальность (явления) как результат непрерывного взаимодействия, взаимной адаптации разнообразной политической деятельности общества и многообразных условий-свойств земного простран-

- ства (геопространства) (монографии и статьи Н.В. Каледина, А.Б. Елацкова).
2. Новое понимание геополитики с позиций концепции геополитической самоорганизации общества как междисциплинарного прикладного направления по управлению геополитическими отношениями между политическими субъектами и условиями геопространства, как область знания по выявлению, прогнозированию и моделированию (проектированию) таких отношений (геоадаптационная концепция геополитики) (монографии и статьи Н.В. Каледина и А.Б. Елацкова).
 3. Концепция периодизации развития политической географии с выделением четырёх исторических научно-образовательных парадигм и обоснование исторического приоритета России (Академии наук и Академического университета) в её генезисе (с 1740-х гг.) (Н.В. Каледин, А.Б. Елацков).
 4. Исследования истории зарубежной и российской геополитической мысли (К.Э. Аксёнов, А.Б. Елацков, М.Ю. Елсуков, Н.В. Каледин, А.И. Чистобаев)
 5. Деятельностно-геопространственная концепции политической карты мира как глобальной геополитической системы с тремя историческими типами геополитических отношений и соответствующими им геополитическими периодами и геополитическими эпохами, различающимися характером геополитических процессов и формируемых ими геополитических явлений, систем (Н.В. Каледин).
 6. Исследование динамики электорального поведения на парламентских выборах крупных городов и регионов, в том числе выявление закономерностей динамики массового электорального поведения избирателей, электоральных перегруппировок и систем в Ленинграде-Санкт-Петербурге в 1989–2004 (К.Э. Аксёнов)
 7. Изучение пространственной диффузии геополитических инноваций в Российской Федерации и городской символической политике (К.Э. Аксёнов);
 8. Исследование конфликтности территорий различного типа и масштаба, геополитических процессов, конфликтов и кризисов на постсоветском пространстве и в Восточном Средиземноморье (К.Э. Аксёнов, Н.М. Михеева, Н.В. Каледин). Уникален опыт создания студентами магистратуры под руководством профессора К.Э. Аксенова в 2016–2020 гг. учебно-научных электронных атласов по политико-географической и геополитической проблематике

(«Политические ландшафты Ленинградской области», «Геополитический атлас исламского мира», «Геополитическая конфликтогенность постсоветского пространства», «Конфликтогенность городского пространства Санкт-Петербурга» и др.).

В области геоурбанистики (К. Э. Аксёнов):

1. Исследование трансформации городского пространства метрополисов в восточно-европейских странах и в постсоветской России, в том числе Санкт-Петербурга и Москвы;
2. Оценка конфликтогенности городского пространства Санкт-Петербурга.

В области земельной политики (Богданов В. Л., Гарманов В. В.)— исследование принципов управления земельными ресурсами в России и в зарубежных странах.

Один из первых в России опытов разработки и применения к исследованию общественно-географических явлений новой методологии визуализации географической информации на основе «плиточных» карт и картоидов (Елацков А. Б.)

В области этнологии, этнической географии, географии населения (К. Б. Клоков, С. А. Хрущёв, Д. С. Богатуров, Ю. А. Ступин):

1. Разработка отдельных направлений научного наследия Л. Н. Гумилева: идей об этническом поле, его взаимосвязей с географическим пространством, попытка выявления этнических полей коренных народов Севера.
2. Разработка методологии экспертных этногеографических и этноэкологических исследований по воздействию промышленного освоения на коренные народы Севера.
3. Выявление закономерностей эволюции традиционных систем природопользования северных народов.
4. Историко-географическое изучение традиционного природопользования северных народов, их экологических традиций, связанных с ними социально-экологических проблем.
5. Инвентаризация и систематизация материалов Приполярной Переписи 1926/27 гг.
6. Исследование этно-конфессиональной специфики регионов России.
7. Исследования по исторической географии Северо-Запада России.

В области геоэкономических исследований (С. С. Лачининский).

1. Изучение геоэкономических и геополитических проблем России, мировых городов и регионов России.
2. Исследование геоэкономических и геополитических интересов России в Мировом океане, проблем и стратегии её морехозяйственной деятельности, трансформации крупных приморских агломераций.

По всем названным позициям были выполнены договорные или грантовые разработки в рамках РФФИ, РГНФ, РНФ, Администрации Президента РФ, СПб НЦ РАН, СПбГУ и др. организаций с участием аспирантов и студентов кафедры, опубликованы монографии, в том числе коллективные, защищены кандидатские и докторские диссертации.

Сотрудниками кафедры защищены десять диссертаций — восемь кандидатских (А. Б. Елацков, В. Н. Каледин, Д. С. Богатуров, О. В. Подшувейт, К. А. Морачевская, Ю. А. Ступин, С. А. Хрущёв, С. В. Федулова) и две докторских (В. Л. Богданов, К. Э. Аксёнов).

В 2020 г. и 2021 г. были организованы и проведены две международные научные конференции по политической географии, геополитике и региональной политике на основе выигранных научных грантов СПбГУ.

Сотрудники кафедры активно участвуют в научно-исследовательской работе, поддерживаемой на конкурсной основе (гранты, госконтракты, договоры). Ежегодно коллективом кафедры подаётся 3–5 заявок проектов НИР на конкурсы различного уровня: СПбГУ, СПб НЦ РАН, РГНФ, РНФ, РФФИ, Администрации Президента РФ, Русского географического общества, зарубежных фондов и др. К наиболее значимым реализованным конкурсным научным проектам на основе внешнего финансирования относятся:

- ✓ 2011–2013 гг.: грант РГНФ, научный руководитель проф. К. В. Клоков «Разработка теоретических и методических основ этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера»
- ✓ 2013 г.: грант СПб НЦ РАН, науч. рук. проф. А. И. Чистобаев: «Воздействие городской среды на качество жизни населения»
- ✓ 2013–2014 гг.: госконтракты с Администрацией Президента РФ, науч. рук. доц. Н. В. Каледин): «Реформа местного самоуправления как фактор регионального развития на Украине», «Участие общественных объединений (общественных организаций, профсоюзов, комитетов политического действия, иных неправительственных организаций в избирательном процессе», «Мировой

- опыт регулирования агитационных кампаний партий и кандидатов в СМИ и в сети Интернет», «Проблема суверенитета государств Закавказья: внутренние интерпретации, внешние оценки, объективные границы (теоретический и практический аспект)
- ✓ 2014–2016 гг.: гранты РФФИ, научный руководитель проф. К. Б. Клоков:
 - ✓ «Выявление территорий климатического оптимума для традиционного оленеводства коренных северных народов»
 - ✓ 2021, 2022 гг.: гранты СПбГУ на проведение международных научных конференций по политической географии, геополитике, региональной политике.

В багаже кафедры участие в грантах, поддержанных зарубежными фондами:

Наибольшее количество грантов поддержано под руководством и при участии профессора К. Б. Клокова:

- Driver of change in circumpolar tundra ecosystems (TUNDRA) funded by Grant of Research Council of Norway, 2010–2014, Russian coordinato.
- Arctic Domus. Humans and Animals across the North, funded by European Research Council Advanced Grant, 2012–2017, regional fieldworker.
- Taimyr Biodiversity and Landscape Conservation Project UNDP/GEF, 2009–2012 .
- The Resilience, Transformation, Adaptation of Human-Rangifer Systems: A Circumpolar Synthesis of Heterogeneity, Grant of NSF USA, 2006–2008, recherche
- The 1926 Siberian Polar Census and Contemporary Indigenous Land Rights in Western Siberia, funded by Grant of Research Council of Norway, 2005–2007, recherche
- ECORA, Integrated Ecosystem Approach to Conserve Biodiversity and Minimize Habitat Fragmentation in the Russian Arctic, UNEP, 2004–2009, Federal expert.
- Family Based Reindeer Economy, and the Status and Management of Wild Reindeer/Caribou Populations, Sustainable Development Program of Arctic Council, 2003–2004, Russian coordinator
- Sustainable Reindeer Husbandry, Sustainable Development Program of Arctic Council, 2001–2002, Russian coordinator
- Доцент Михеева Н. М. приняла активное участие в грантах фонда Jean Monnet в рамках программы Erasmus+:
- «European Union and Russia: opportunities for joint action towards

- resolving conflicts on post-soviet space» (2018–2019) —
- «The role of the European Union in resolving modern international conflicts» (2020–2021).
- «Разработка проекта рекультивации полигона» Профессор В. Л. Богданов был научным руководителем по договору с ТНК «Интернейшнл Пейпер» (США) (2016–2018 гг.).

Члены кафедры активно участвуют в экспертной деятельности:

- оппонирование кандидатских и докторских диссертаций (А. И. Чистобаев, В. Л. Богданов, Н. В. Каледин, К. Б. Клоков, К. Э. Аксёнов, Ю. Н. Баженов, Н. В. Зигерн-Корн, С. С. Лачининский);
- отзывы ведущей организации (СПбГУ) на кандидатскую диссертацию (А. И. Чистобаев, С. С. Лачининский, К. Б. Клоков, Елацков А. Б., Каледин Н. В., Михеева Н. М., Мораческая К. А.);
- участие в межведомственном совете по подготовке кадров для сферы туризма и совершенствованию управления качеством туристских услуг (Министерство культуры, Федеральное агентство по туризму) (Зигерн-Корн Н. В.);
- члены диссертационных советов при Санкт-Петербургском государственном университете (председатель Чистобаев А. И., Семенова З. А., Клоков К. Б., В. Л. Богданов, Межевич Н. М.) и Санкт-петербургском Горном университете (В. Л. Богданов);
- члены Учёных советов СПбГУ (Чистобаев А. И., Каледин Н. В.) и ИНОЗ и их комиссий (Чистобаев А. И., Каледин Н. В., Клоков К. Б., Богданов В. Л.).
- участие в работе редакционных советов и редколлегий различных журналов: Вестник Санкт-Петербургского университета (Каледин Н. В., Чистобаев А. И.), Балтийский регион (Каледин Н. В., Межевич Н. М.); Региональные исследования (Чистобаев А. И.), География в школе (Чистобаев А. И.), Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов (А. И. Чистобаев, Н. В. Каледин), Sibirica (Клоков К. Б.) и др.

Представлены члены кафедры в составе организаций:

- Русского Географического общества (Учёный совет, Комиссия по территориальной организации и планированию — Чистобаев А. И., Каледин Н. В.);
- Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) (Лачининский С. С. — вице-президент, Чистобаев А. И. — член Экспертного совета, руководитель Санкт-Петербургского реги-

онального отделения АРГО, Каледин Н. В.—член Координационного совета, председатель Комиссии по высшему общественно-географическому образованию);

- УМО университетов по географии (Наук о Земле) и его секции экономической и социальной географии (Чистобаев А. И., Каледин Н. В. 2004–2017 гг.);
- Экспертного совета по географии Российского совета олимпиад школьников (Амбурцев Р. А. 2010–2018 гг.);
- Центральной методической комиссии по географии Всероссийской олимпиады школьников при Министерстве образования и науки РФ и жюри заключительного этапа (Амбурцев Р. А. с 2008 по 2020 г.);
- Жюри финального и регионального этапов Всероссийской олимпиады школьников (Амбурцев Р. А., Каледин Н. В. 2008–2017 гг.).

Международное сотрудничество:

- ✦ Магистерская программа ПОМОП совместно с Гамбургским университетом (Каледин Н. В., Клоков К. Б., Хрущёв С. А.).
- ✦ Участие в работе международной рабочей группы ОЧЭС по туризму (Каледин Н. В., Зигерн-Корн Н. В.).
- ✦ Научное и образовательное сотрудничество в области региональной политики, пространственного планирования — Сирия, Сербия, Республика Сербска (БИГ), Азербайджан, Приднестровская Молдавская республика (Чистобаев А. И.).
- ✦ Научное сотрудничество по арктической тематике с университетами Великобритании, Норвегии, США (Клоков К. Б.), Республики Корея (Михеева Н. М.).
- ✦ Научное и образовательное сотрудничество в области политической географии Франция, университет Париж 4 (Каледин Н. В., Лаврухин В. В.)
- ✦ Образовательная программа «Международный Балтийский университет») Швеция, Уппсальский университет (Каледин Н. В., Хрущёв С. А.)

Наиболее значимые печатные издания коллектива кафедры.

1. Учебники и учебно-методические пособия:
2. География мира в 3-х томах. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. Т. 1 Политическая география и геополитика. Т. 2 Социально-экономическая география мира. Т. 3 Регионы и страны мира//под редакцией Н. В. Каледина и Н. М. Михеевой. М.: Юрайт, 1-е и 2-е издания, 2016–2022. (авторами его глав и раз-

- делов стали восемь преподавателей кафедры).
3. Политическая география и геополитика. Учебник и практикум// под редакцией Н. В. Каледина и Н. М. Михеевой. М.: Юрайт, 2021
 4. Чистобаев А. И., Гладкий Ю. Н. Регионоведение: Учебник и практикум. Изд. 5-е. М.: Юрайт, 2020.
 5. Евразийский регион: экономическая, социальная и политическая география. Международные процессы: Учеб. пос. / Отв. ред. А. В. Торопыгина; Под общ. ред. Н. В. Каледина, Ю. В. Косова. СПб., 2011.
 6. Содружество Независимых Государств: экономическая, социальная и политическая география: учебное пособие. / под ред. Н. В. Каледина, В. В. Ятмановой.— СПб, 2008.
 7. Богданов В. Л. Гарманов В. В. Засядь-Волк В. В. Осипов Г. К. Управление земельными ресурсами: Учеб. пособие / под ред. д. биол. н. В. Л. Богданова, д. с.—х. н. В. К. Константинова.— СПб. 2008.
 8. Богданов В. Л. Управление землепользованием. Учебное пособие. Изд-во СПбГУ. 2017 (в соавторстве)
 9. Каледин Н. В. Ятманова В. В. Политическая и экономическая география мира. В 3-х частях. Учебное пособие.— СПб, 2007–2008 .
 10. Межевич Н. М. Экономический анализ региона: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Регионоведение». — СПб. Изд-во СПбГУ, 2007.

Монографии и другие научные издания:

1. Общественная география в России: взгляд в будущее / под ред. П. Я. Бакланова, А. Г. Дружинина, В. А. Колосова. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. — 130 с.
2. Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия / Сост. И. Ю. Окунев, М. Н. Шестакова. М.: «Аспект Пресс», 2022. — 544 с.
3. Елсуков М. Ю., Исаев А. П. Инновационная экономика России: противоречия формирования и перспективы развития: монография— СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021.
4. Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники?: монография// под редакцией Н. М. Михеевой, Н. В. Шевчук. Москва: Знание-М. 2021.
5. Политическая география и геополитика в России: исторический

- опыт и современность: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург, СПбГУ. 8–9 апреля 2021. Под ред. Михеевой Н. М., Каледина Н. В., Аксёнова К. Э. — СПб.: изд-во ВВМ, 2021.
6. Роль Европейского Союза в урегулировании современных международных конфликтов/ под ред. Н. В. Шевчук, Н. М. Михеевой, М. А. Буланаковой — СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2020
 7. Урегулирование современных международных конфликтов: проблемы, инструменты, методы: сборник статей / под ред. Н. В. Шевчук, Н. М. Михеевой, М. А. Буланаковой. — Москва: РУСАЙНС, 2020
 8. Историческая география России: теория, методы, практика. Коллективная монография. Псков: Издательство Псковского государственного университета, 2019.
 9. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М., Инфра-М. 2017.
 10. Моделирование процессов формирования доходной части бюджета на региональном уровне. Под ред. В. М. Ходачека, В. Н. Наумова — СПб.: Издательство СЗИУ, 2016.
 11. Социально-экономическая география в России. Под ред. академика П. Я. Бакланова. Владивосток: Дальнаука. 2016. (коллектив авторов, в т. ч. Каледин Н. В., Чистобаев А. И.)
 12. Управление социально-экономическим развитием и рекреационно-туристской деятельностью на федеральном, региональном и местном уровне: типологический подход экономики. Под ред. В. А. Шамахова (отв. ред.), В. М. Ходачека, М. Ю. Елсукова — СПб.: Издательство СЗИУ, 2016.
 13. Чистобаев А. И., Семёнова З. А. Медицинская география и здоровье населения: эволюция знания. — СПб.: Европейский Дом, 2015.
 14. Socio-Economic Geography of Russia / a team of authors; ed. by P. Ya. Baklanov, Academician of RAS. The Russian Geographical Society. — Vladivostok: Dalnauka. 2015. 310 p. (коллектив авторов, в т. ч. Каледин Н. В., Чистобаев А. И.)
 15. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. — Ростов-на-Дону, 2014.
 16. Клоков К. Б. Хрущёв С. А. Межевич Н. М. Новожилов А. Г. Устойчивое развитие региональных социально-экологических систем

- северного природопользования как основа экологической безопасности России в Арктике. — СПб.: ВВМ, 2013.
17. Каледин В. Н. Территориальная организация въездного туризма Индии. — Saarbrücken: Lambert Academic Pub., 2012. — 332 с.
 18. Елацков А. Б. Отечественная геополитическая мысль: содержание и исторические формы. — Saarbrücken: Lambert Academic Pub., 2011. — 160 с.
 19. Межевич Н. Пространство России: история территориально-политического устройства. — Saarbrücken: Lambert Academic Pub., 2011. — 168 с.
 20. Чистобаев А. И. Солодовников А. Ю. Влияние нефтегазодобычи на социально-экологическую среду Обского Севера. — СПб., 2011.
 21. Горы и люди: изменения ландшафтов и этносы внутриконтинентальных гор России / К. В. Чистяков, Н. В. Каледин, И. Г. Москаленко; Под ред. д. г. н. К. В. Чистякова, к. г. н. Н. В. Каледина. — СПб.: ВВМ, 2010.
 22. Приполярная перепись 1926/27 гг. на Европейском Севере (Архангельская губерния и автономная область Коми) / Ред. К. Б. Клоков, Д. П. Зайкер. — СПб, 2010.
 23. Чистобаев А. И. Красовская О. В. Скатерщиков С. В. Территориальное планирование на уровне субъектов России. — СПб, 2010.
 24. Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество и практика деятельности еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь. — СПб.: Издательство «Левша», 2009.
 25. Аксёнов К. Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штиты Северной столицы 1989–2004. — СПб, 2008.
 26. Клоков К. Б. Хрущев С. А. Ступин Ю. А. Динамика региональных популяций коренных малочисленных народов Севера: этногеографические и этноэкологические исследования. — СПб, 2008.
 27. Аксёнов К. Э. Браде И. Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград—Санкт-Петербург. 1989–2002. — СПб, 2006.
 28. Ahenov K. Brade I. Bondarchuk E. Transformation of Urban Space in Post Soviet Russia. — London; New York: Routledge, 2006.
 29. Чистобаев А. И. Этнологи, опередившие время (К 90-летию Л. Н. Гумилева и 50-летию К. П. Иванова). — СПб.: НИИ химии СПбГУ, 2002.
 30. Каледин Н. В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

**DEPARTMENT OF REGIONAL POLICY AND
POLITICAL GEOGRAPHY, St. PETERSBURG
STATE: TWENTY YEARS OF SCIENTIFIC AND
EDUCATIONAL EXPERIENCE**

**Kaledin N. V.¹,
Chistobaev A. I.¹,
Elatskov A. B.¹,
Lachininsky S. S.¹**

¹St. Petersburg State University (SPbU),
St. Petersburg, Russia

The article presents the history and the most important results of the educational and scientific activities of the Department of Regional Policy and Political Geography of St. Petersburg State University.

Key words: Department of Regional Policy and Political Geography, St Petersburg University, educational activities, research activities, geopolitics, political geography, regional policy.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕИ Л. Н. ГУМИЛЁВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Дружинин А. Г. -

¹ Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону;
²Институт географии РАН,
Москва, Россия

Зародившись столетие назад, евразийство выступает для современной России одной из наиболее актуальных и значимых научных и идеологических доктрин. Статья посвящена анализу вклада Л. Н. Гумилёва в развитие и популяризацию евразийских идей, а также обоснованию потенциала и приоритетных направлений аппликации интеллектуального наследия Л. Н. Гумилёва в геополитическом и геоэкономическом контексте современной Евразии. Акцентированы возможность и необходимость дальнейшей коррекции и развития евразийского учения с учётом присущих началу XXI столетия глобальных изменений.

Ключевые слова: евразийство, научное наследие, Л. Н. Гумилёв, Россия, Евразия, геополитика.

Введение. Категории «Евразия», «евразийский», «евразийское пространство», «евразийская интеграция» — ныне (в противоречивых, всё ещё не до конца осмысленных [1] реалиях третьего десятилетия XXI века) оказываются постоянно «на слуху» и выступают неотъемлемой, значимой частью как научного, так и в целом общественного дискуса, современных геополитических деклараций, равно как и культивируемой (в особой мере — в России) географической картины мира. В устойчиво меняющемся позиционировании нашей страны в Евразии [2, 3] особым образом при этом актуализируется, обретает, пожалуй, ещё большую чем ранее востребованность очерчиваемое понятием «евразийство» российское интеллектуальное наследие, включающее не только мировоззренческие установки «классического» периода (презентованные в публикациях Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и их сподвижников [4]), но и труды нашего выдающегося Учителя и коллеги Л. Н. Гумилёва (чей 110-летний юбилей со дня рождения приходится именно на текущий 2022 год), его геоисторические, этнологические и геокультурные воззрения и подходы. Цель статьи — презентовать вклад Льва Николаевича в развитие «евразийской идеи»,

показать потенциал и приоритетные направления приложения интеллектуального наследия Л. Н. Гумилёва в геополитическом и геоэкономическом контексте современной Евразии.

Л. Н. Гумилёв как ключевой адепт и популяризатор классического евразийства. Столетие назад основоположники евразийства, всячески подчёркивая многообразие и (что ещё важнее!) равнозначность существующих в мире культур, фокусировали внимание на наличии особого пространственного (страноведческого) объекта — «России-Евразии», или «евразийского мира» [5], протянувшегося (согласно культивируемым первыми «евразийцами» представлениям) от западных рубежей Российской Империи до Великой китайской стены [6]. Схожей позиции придерживался впоследствии (фактически — через два поколения) и Лев Николаевич, неизменно рассматривавший историю человечества и его культуру как мозаичную целостность, полагавший (в русле воззрений Н. С. Трубецкого [7]), что космополитизм являет собой разновидность шовинизма и никакая «общечеловеческая культура», одинаковая для всех народов, невозможна, а сам по себе европоцентризм — явление бедственное, а иногда даже гибельное [8].

Прорисовывая пространственный контур «Евразии», характеризуя её этнокультурную специфику, Л. Н. Гумилёв, как и его предшественники — классики евразийства, опирался на подходы географического детерминизма, считая, что уникальное сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, предопределяет его своеобразие — поведенческое и во многом даже культурное [8]. Последовательно поддерживал и развивал он и ещё один крайне важный, фундаментальный содержательный аспект евразийского учения: понимание (и признание) особой роли тюркской, туранской составляющей в российской (и, соответственно, евразийской) истории (согласно П. Н. Савицкому без «без «татарщины» не было бы России» [5, с. 342]). Своими многочисленными яркими и увлекательными книгами о степных народах и их роли в евразийской этнокультурной динамике [9 и др.] Лев Николаевич внёс мощный, беспрецедентный вклад в отечественное тюрковедение, всячески отстаивая и обосновывая русско-тюркское единство не только как условие целостности Евразии, но и фактическую альтернативу «отрыва» от России основных компактных ареалов расселения тюркских народов и, тем самым, ещё большей её изоляции и, одновременно, «привязки» к Западу в качестве его геополитической и геоэкономической периферии. Де-факто в целом пролонгируя «евразийскую» интеллектуальную традицию, Л. Н. Гумилёв, тем не менее, культивировал собственное мировосприятие, формулировал оригинальные исследова-

тельские задачи, предлагал иные (подчас отличные от классиков евразийства) способы и пути их решения.

Новацонные «евразийские» идеи и подходы Л. Н. Гумилёва.

Полагая, что в классических евразийских текстах ощущался дефицит естествознания [8], и стремясь объединить историю, географию и природоведение, Лев Николаевич, в частности, ввёл в научный оборот категории «этносфера» и «вмещающий ландшафт», делая, при этом, акцент на биосоциальной сущности этносов, на особой роли в их зарождении и развитии энергии живого вещества, трансформируемой в свойство, обозначенное им как «пассионарность». В его трудах (в сопоставлении с «евразийскими» текстами 1920-х годов) рельефнее, мощнее акцентирована и роль «фактора времени» [10], впервые высвечена этническая ритмика, цикличность и, на этой основе, акцентирована темпоральная необратимость, этногенеза, его дискретность, равно как и уникальность, неповторимость этнических взаимодействий и характеристик в ситуации «здесь и сейчас».

Определяя каждую конкретную этническую целостность как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы соответствующего им ландшафта, культурную традицию, а также взаимосвязи с соседями [11], Л. Н. Гумилёв, тем самым, подспудно существенно расширил и сами предметные рамки аппликации «евразийских» мировоззренческих подходов, и собственно рубежи очерчиваемого понятием «Евразия» пространства. География России стала выглядеть, в этой связи, заведомо «усечённой», неполной вне учёта её пролонгированной ретроспективы (российской геоистории, нашего геоисторического наследия, и в территориальном, и во временном отношении существенно выходящего за пределы не только современной Российской Федерации, но и СССР, Российской Империи), а также взаимодействий (в том числе в их пространственном аспекте) со значимыми для российского этногенеза евразийскими соседями. История же нашей страны (благодаря Л. Н. Гумилёву) обрела недостающую ей ранее полиэтничность, стала неотделимой от всей пространственно-временной динамики Евразии. Но она же в предлагаемой Львом Николаевичем логике (в отличие от видения Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого и их сподвижников)—оказалась, одновременно, лимитированной во времени, в том числе и для любого отдельно взятого этнического образования (и сопряжённых с ним пространственных структур), то есть «конечной».

Презентуя, реконструируя геозтноисторию «России — Евразии» как особую, специфическую составляющую планетарной пространствен-

но-временной социально-экономической и этнокультурной динамики и действуя, в этой связи, в предметно-концептуальных рамках классического евразийства, Л. Н. Гумилёв, Лев Николаевич отчасти воспроизводил его «стартовые» идеологемы, отчасти видоизменял, дополнял, формировал собственную исследовательскую повестку, продуцировал оригинальные научные подходы, концепты, не без основания полагая, что «каждая наука требует развития» [12, с. 56]). Решая все эти многоаспектные интеллектуальные задачи, он в существенной мере вышел за очерченные в 1920-х гг. содержательные рамки «классического» евразийского учения, наметив, обосновав, одновременно, его новые грани. Будучи по ряду позиций формально содержательно дистанцированным от базовых евразийских текстов, творчество Льва Николаевича не только наполняло концепт «Евразии» эмпирико-фактологической фактурой, не только привносило столь необходимые евразийству естественнонаучные и динамические подходы, но и способствовало расширению, углублению представлений о факторах, особенностях и форматах эволюции евразийского пространства, роли и перспективах в нём России. Более того, во-многом именно благодаря «феномену Л. Н. Гумилёва» евразийство с конца 1980-х гг. не только широко и прочно укоренилось в российском общественном сознании, стало одним из содержательных оснований и драйверов его столь необходимой последующей геополитизации, но и обрело гибкие, адаптивные черты, продемонстрировало крайне необходимый в современной глобальной динамике потенциал саморазвития. И подобного рода отчасти предопределённая и, одновременно, наглядно проиллюстрированная творчеством Льва Николаевича способность видоизменяться (при сохранении обрётённого столетием ранее содержательного стержня)—оказалась для «евразийства» в стремительных и масштабных метаморфозах первых десятилетий XXI века—критически значима, стала условием его самосохранения, социальной востребованности, в том числе и в грядущей перспективе.

Потенциал и приоритетные направления аппликации «евразийского» интеллектуального наследия Л. Н. Гумилёва в геополитическом и геоэкономическом контексте современной Евразии. Как это подмечали классики евразийства, а впоследствии наглядно показал и Л. Н. Гумилёв, «месторазвития» («вмещающие ландшафты») формируют и «форматируют» соответствующие им этносы. Но этносы (как многократно подчёркивал Лев Николаевич), сами (причём достаточно существенно) трансформируются в процессе прохождения жизненной траектории, видоизменяя в том числе и свой ключевой (согласно Л. Н. Гумилёву) идентификационный признак—стереотип поведения.

Влияет ли это на их «месторазвитие»? По сути и логике общественно-географической динамики — безусловно да! И в этой связи понимание географического контура сердцевинной в картине мира апологетов евразийства пространственной структуры («Евразия») ныне должно быть, вне сомнения, несколько иным, чем тридцать и, тем более, сто лет назад. Как это уже ранее вполне справедливо озвучено [13], абсолютной, извечной, неизменной «Евразии» (как раз и навсегда обособленной по природным, этнокультурным, геополитическим и иным признакам части единого евразийского материка) быть не может. Фиксируя современные метаморфозы, автор уже имел возможность констатировать нарастающую многополюсность Евразии, равно как и лишь внешне противоречивый процесс её пространственного «сжатия» при одновременном же «расширении» [14]. Вовсе не случайным, симптоматичным, видится, в этой связи, и инициированное «посткрымскими» реалиями стремление ведущих российских политологов, экономистов и географов провозгласить, обосновать «большое» евразийское партнёрство, очертить контур некой «Большой Евразии» [15].

Полномасштабное включение Л. Н. Гумилёвым в анализ евразийских реалий этнологических и темпоральных подходов позволяет также ныне не только понимать примерный «возраст» русского этноса (что, одновременно, инициирует разброс мнений о его текущем состоянии и вероятностной перспективе — с вариацией диагностических оценок от констатации уже казалась бы наступившей в 1990-е годы «обскурации» [16], до некой предвкушаемой «золотой осени» [8], ожидаемой вслед за стадией этногенеза, именуемой Львом Николаевичем как «надлом»), но и, как видится, латентно обозначить всё более актуализируемую (по мере фактического, чётко проявляющегося весь постсоветский период ослабления демографического, экономического и культурного «присутствия» России в Евразии) проблему витальности русского этноса. Современный нам интеллектуальный контекст постмодерна предполагает, при этом, не только пролонгацию предложенного Л. Н. Гумилёвым понимания биологической природы этногенеза, но и дальнейшей «социологизации» этнологических подходов, включая осмысление возможностей социального программирования «этнического долголетия», в том числе и применительно к русскому народу, России, особенностям евразийского пространства. Задачи эти, полагаю, должны решаться в рамках особого междисциплинарного исследовательского направления — этнической геронтологии, чья проблематика, вне сомнения, имеет и обширную общественно-географическую составляющую (потенциал «вмещающей» этнос территории, реализация факторов соседства и др.).

Иной, не менее важный аспект аппликации «евразийских» идей Льва Николаевича видится в одновременном целенаправленном выстраивании взаимодействий русского этноса, России с другими системно значимыми государствами и этносами Евразии, конструировании своего рода многовекторной «евразийской комплементарности» (осмысливая хитросплетения исторических событий, Л. Н. Гумилёв настойчиво и очень верно предлагал «искать друзей, а не врагов» [8]).

Учёт «фактора времени» в этногенезе актуализирует и проблематику сохранения русской культуры, её транзита, воспроизводства на новом цикле, витке евразийской геоистории (в логике идей Л. Н. Гумилёва предопределяемом уже «жизненной силой» иного, отличного от русского народа этнического образования, способного оказаться нашим этносом-потомком, этносом-наследником). Саму «Евразию» (в её понимании как классиками евразийства, так и, далее, непосредственно Львом Николаевичем), подчеркну, целесообразно, при этом, осмысливать, воспринимать не столько как некий «естественный», оконтуренный неизменными природными рубежами объект, сколько как «вещественно-невещественный» геокультурный феномен, специфический способ и итог передачи (на каждом конкретном временном этапе) этнокультурной эстафеты. Само же географическое бытие «Евразии», в этой связи, оказывается напрямую связанным с «жизнью» доминирующего в Евразии этноса (или суперэтноса), его «долголетием», равно как и успешностью (включая такие её параметры как своевременность, полнота, пространственный ареал) доминантного для воспроизводства евразийской целостности этнокультурного (и геополитического) транзита, устойчивостью и энергетическим потенциалом (уровнем пассионарности) грядущего «этноса-наследника».

Заключение. Следуя интеллектуальной «колее», прочерченной основоположниками евразийства, Л. Н. Гумилёв, не только пролонгировал её, но и (осмысливая геосторию Евразии, тренды её этногенеза) генерировал собственные оригинальные подходы и идеи, в ряде случаев озвучивая не всегда полностью тождественные «классическому евразийству» положения и выводы, подчас предлагая, используя иной категориальный аппарат. Но в том числе этим, в огромной мере именно этим, по-настоящему ценен и значим его вклад в евразийское учение. Последнее же (если следовать духу и логике основоположников евразийства и, в ещё большей мере, самого Л. Н. Гумилёва), чтобы продолжать оставаться востребованным, продуктивным и по-прежнему являть собой актуальную, позитивную широко востребованную «россииориентированную» идеологическую программу — не может оставаться абсо-

лютно неизменным, а, сохраняя, воспроизводя, отстаивая свой содержательный стержень, должно перманентно «донастраиваться», прирастать инновациями, обретая новые смыслы и грани. Причём, если столетие назад в рамках евразийства акцент справедливо делался на обособлении «России-Евразии», обосновании её пространственной и культурной специфики, а в 1980-е (уже в трудах непосредственно Льва Николаевича) — феномене пассионарности, стадиальности этногенеза, то в современной ситуации на авансцену евразийского анализа неизбежно выходит учёт евразийской многополюсности, этнической (этнокультурной, этнополитической) комплиментарности, сопряжённости природного и социального в этнической истории, а также этногерантологические аспекты развития России, включая социальное программирование антициклической (противодействующей «старению») этноса, его деградации) активности.

Список источников и литературы

1. Естафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4, с. 58–68
2. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Таганрог. 2020. 268 с.
3. Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Дмитрий Тренин. М.: Альпина Паблишер, 2021. 471 с.
4. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону. Таганрог. 2021. 270 с.
5. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы». 1921. 135 с.
6. Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первое. Евразийское книгоиздательство. 1927. С. 234–264
7. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. Российско-болгарское книгоиздательство. София. 1920. 82 с.
8. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). 606с.
9. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.
10. Пилясов А. Н. Разделённые полувеком: интеллектуальное влияние В. И. Вернадского на Л. Н. Гумилёва // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 92–102
11. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
12. Гумилёв Л. Н. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы

- и перспективы. Л.: Изд-во ГО СССР. 1984. С. 51–62
13. Каганский В. Л. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Статья первая. Евразийство как позиция // *Общественные науки и современность*, 2003, № 4. С. 48–61
 14. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2013. № 2. С. 25–36
 15. Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // *Россия в формирующейся Большой Евразии* / под ред. В. М. Котлякова и В. А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс». 2019. С. 357–372
 16. Лавров С. Б. Л. Н. Гумилёв и евразийство // *Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации*. Спб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). С. 5–11

L. N. GUMILEV'S EURASIAN IDEAS AND THEIR SIGNIFICANCE FOR RUSSIA IN THE XXI CENTURY

Druzhinin Alexander^{1,2}

¹The North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems
of the Southern Federal University, Rostov-on-Don;

²The Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Having originated a century ago, Eurasianism is one of the most relevant and significant scientific and ideological doctrines for modern Russia. The article is devoted to the analysis of L. N. Gumilev's contribution to the development and popularization of Eurasian ideas, as well as the substantiation of the potential and priority directions of the application of L. N. Gumilev's intellectual heritage in the geopolitical and geo-economic context of modern Eurasia. The possibility and necessity of further correction and development of the Eurasian doctrine are emphasized, taking into account the global changes inherent in the beginning of the XXI century.

Key words: Eurasianism, scientific heritage, L. N. Gumilev, Russia, Eurasia, geopolitics.

РАЗМЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ О РУССКОЙ ГЕОКУЛЬТУРЕ

Ван Ци ¹, Чэнь Диюй ¹, Ульянова С. Б. ²

¹ Университет Цинхуа,
район Хайдянь, Пекин., КНР

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Положение Евразии на геополитической карте мира определяет значимость этого региона. Сложный комплекс евразийских проблем породил различные геополитические концепции. В центре этого узла противоречий находятся формирование русской геокультуры и ее интерпретации. В статье представлен анализ последних достижений китайских ученых с 2019 года. Авторы сосредоточили свое внимание на трех сюжетах: национально-государственная идентичность и геокультура России; Восток — Запад или Юг-Север в русской геокультуре; неоевразийство — выбор российской геокультуры.

Ключевые слова: Россия, геокультура, Россия и Восток, Россия и Запад, евразийство.

Введение

Беспрецедентные изменения, происшедшие в мире за последние сто лет, в центре которых находится Россия, ее история, геокультура и современное положение все чаще вызывают интерес у китайских ученых. Всплеск россиеведения, увеличение потока исследований и публикаций отмечается особенно с 2019 года. Данная статья основана на изучении сотен статей, опубликованных в ведущих китайских научных журналах и размещенных на авторитетном научном портале «Чжи Ван». Были отобраны репрезентативные мнения 50 ученых. Их анализ позволил выделить три ключевых аспекта исследований: 1) национально-государственная идентичность и геокультура России; 2) Восток — Запад или Юг — Север: история и современность русской геокультуры; 3) от русского классического евразийства к российскому неоевразийству: выбор российской геокультуры. Ниже будет представлен комментарий наиболее значимых концепций в рамках данных исследовательских треков.

I. Национально-государственная идентичность и геокультура России

Опираясь на результаты исследований Хэ Цюнь [1], Мэн Генцан [2], Кун Цяюй [3], Лэй Цзяньфэн [4] и Сун Бо [5], мы утверждаем, что китайские ученые, отталкиваясь от исторических изменений в России и используя этнологические теоретические подходы, анализируют основные концепты российской нации в их становлении и развитии. Центральной проблемой является формирование российской геокультуры и ее соотношение с национально-государственной идентичностью. В частности, прослеживается изменение в различные периоды таких концептов, как «народ», «нация», «этнос», «гражданская нация» и «этнонация», их место в общеисторическом контексте. Так, в дореволюционной России в центр научного дискурса было помещено понятие «народ», изучение которого предполагало использование как социально-гуманитарных, так и естественнонаучных методов. В советской этнографии доминировали понятия «нация» (как основа национальной политики) и «этнос» (как основное понятие этнической идентификации). Ученые изучали происхождение наций, их природу и особенности и пр. В советской научной традиции был укоренен примордиализм, признающий за этническими общностями длительную историю существования и объективно существующие различия в культурной сфере.

В Российской Федерации получил распространение дискурс гражданской нации, в котором акцент делается на атрибутах гражданства, противопоставляемых этническим атрибутам. Хотя идея гражданской нации и подверглась критике со стороны отдельных идеологов традиционного понимания этничности, она получила политическую поддержку на общероссийском уровне и стала частью современного национально-государственного проекта в России. С теоретической точки зрения, если атрибуты гражданства и этнические атрибуты взаимосвязаны и способствуют формированию единой национальной идентичности граждан России на федеральном уровне, то культурное разнообразие отдельных этнических групп защищается на местном уровне. Только тогда в России — многонациональной стране — может быть сформирована гражданская нация. По мнению китайских ученых, этому национально-государственному проекту предстоит пройти еще долгий путь.

Также китайские ученые анализируют положительные и отрицательные примеры в российской практике построения национально-государственной идентичности. Таково, например, исследование Хэ Цюня об этнической группе тувинцев в России [6]. Основываясь на интерпре-

тации данных полевых исследований, он отмечает, что Тыва, которая находится на окраине страны, оглядывается на Москву, и тувинцы ощущают общую со всеми национально-государственную идентичность. В то же время, традиционная культура тувинцев по-прежнему играет для них определяющую роль (в сочетании с элементами традиционной и современной русской культуры). Тыва—это сочетание традиционной культуры с ориентацией на общероссийскую государственность. В этом тувинцы видят залог успешного развития своего этноса и региона.

Другой пример представляет собой украинская ситуация, которая характеризуется конфликтом национальной (сконструирована на культурном уровне) и государственной (сконструирована на политическом уровне) идентичностей. Именно это, по мнению китайских исследователей—Ван Хуэйхуа [7], Ван Цзиньго [8], Чжан Яньбо [9]—является реальной первопричиной продолжающихся после распада Советского Союза политических потрясений и нынешнего кризиса в Украине. Под воздействием новой волны национализма в мире болезненные уроки украинского государства имеют глубокое негативное значение для многонациональных стран, показывают важность поиска интегрированного пути построения национальной идентичности.

Китайские ученые уделяют особое внимание достижениям российских исследователей. Переводятся на китайский язык труды известных этнологов (В. А. Тишков, А. А. Никишенков). В работах российских авторов привлекает оценка понятия «нация-государство», его гражданской значимости, отражения его в современной российской политике и, особенно, в позиции президента В. В. Путина.

Таким образом, изучение российской национально-государственной идентичности позволяет выстроить преемственность русской геокультуры от Российской империи и Советского Союза к современной Российской Федерации. Особая национальная идентичность постимперского государства повлияла как на внутреннюю, так и на внешнюю политику России, отражая силу исторической инерции. Российская стратегия «двуглавого орла» нуждается в постоянном совершенствовании, что требует обсуждения проблемы восточных и западных черт в российской цивилизации.

II. Восток—Запад или Юг—Север: история и современность русской геокультуры

«Россия никогда не была Востоком»—так называется одна из работ Д. С. Лихачева [10]. Академик выдвинул идею о том, что «обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Европой

и Азией, между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада» [11]. Между тем, для истории России важнее дихотомия «Север—Юг». Сегодня китайские ученые включились в эту академическую дискуссию. Так, Бай Сяохун указывает, что интуитивное восприятие характера исторического развития России как промежуточного между Востоком и Западом связано с ее географическим положением. Будучи трансконтинентальной страной, Россия представляет собой своего рода «особый континент», одновременно тесно связанный и отличающийся и от Европы, и от Азии [12]. Начало дискуссии о восточных и западных чертах России было положено спором норманистов и антинорманистов о происхождении русского государства. По мнению китайского ученого, ключ к пониманию русской истории заключается в ее волнообразном колебании между Востоком и Западом. В результате обсуждение вопроса «Россия и Запад» стало постоянной темой в среде русской интеллигенции. Западники подчеркивали европейские черты России, в то время как славянофилы отстаивали «особый путь» ее исторического развития и считали Православную Церковь и крестьянскую общину «уникальным наследием», обуславливающим фундаментальную разницу между Россией и Западом.

Некоторые китайские исследователи рассматривают «восточные» и «западные» характеристики русской геокультуры на теоретическом уровне. Так, Жэнь Цзяньгао [13] с позиций глобальной истории утверждает, что современный «спор между Китаем и Западом» на самом деле является частью более долгой истории и может быть представлен в контексте более широкого «спора между Востоком и Западом». Он отметил, что, с точки зрения макроистории, существует только конфликт между Востоком и Западом, но нет никакого конфликта между Севером и Югом. Вековой конфликт между Востоком и Западом в разные периоды имел разную направленность: Персия стала первым восточным «наставником» формирующегося Запада; исламские страны были вторым восточным «наставником» западных стран; Советский Союз, как полагает Жэнь Цзяньгао, являлся третьим восточным «наставником» западных стран.

Фэн Шаолэй в статье «Краткое обсуждение методологии современных российских дипломатических исследований: предмет, концепция, структура и цикл» анализирует уникальную геодипломатическую роль России [14]. Используя структурный подход, он объясняет процесс роста и развития России в международной системе, внутренние и внешние характеристики ее цивилизационной модели, а также ее статус

и функции в многосторонних отношениях крупных держав.

Китайские ученые (Пан Дапэн [15], Сунь Фан [16], Вань Цинсун [17], Люй Пин [18], Хуан Дэнсюе [19], Цзян Ли [20], Сюй Сянмэй [21], Ли Чжунхай [22], Сун Вэй [23], Сун Бо [24], Ли Юнхуэй [25], Цзян И [26], Сюе Сосо [27], Сюй Бо [28], Чжан Цзянь [29], Цао Инвэй [30], Цюй Вэньи [31] и др.) подчеркивают, что после распада СССР постсоветское пространство стало полем геостратегических битв между Россией и Западом. После начала украинского кризиса отношения России с Западом резко ухудшились, что привело к ускоренному «развороту на Восток».

Таким образом, процесс геокультурного становления России сопровождался дискуссией о принадлежности русской цивилизации к восточной или западной макрообщности. Изначально это был спор между западниками и славянофилами в 1830–1840-е гг. Критика славянофилов была направлена, главным образом, против европоцентризма западников и отказа от традиционной культуры. С изменением геополитического ландшафта понятие «Запад» в российском дискурсе претерпело изменения, охватив весь западный мир, включая Европу и США, а «антизападные» настроения сместились с идеологического и культурного к геополитическому полю.

III. От русского классического евразийства к российскому неоевразийству: выбор российской геокультуры

В трудах Ду Юйпэн [32], Ли Цян [33], Ли Сяоцэнь [34], Гао Ливэй [35], Го Лишуан [36] и Ван Чуньин [37] и др. углубленно изучается русское классическое евразийство. С точки зрения китайских ученых, это течение общественной мысли возникло на основе критики западного универсализма и исходило из тезиса об уникальности русской евразийской цивилизации. Российское неоевразийство вышло за пределы философии и утвердилось в геополитике и этнологии, а также в политической практике. Идеологическая суть неоевразийства заключается в изменении позиционирования российской цивилизации с тем, чтобы противостоять однополярному миру во главе с США и их либеральной идеологии. С точки зрения китайских ученых, именно такой подход стал основой политической философии В. В. Путина.

Сюй Янь [38] проанализировал так называемую «четвертую политическую теорию» А. Г. Дугина [39] и отметил, что тот вдохнул новую жизнь в евразийство и оказал глубокое влияние на геополитическое стратегическое мышление и формулирование основ политики России. В статьях Хао Хэ [40] и Шэн Шилян [41] рассматривается поли-

тическая философия В. Ю. Суркова. По мнению этих ученых, теория В. Ю. Суркова о четырех «долгих государствах» — исторических моделях политического устройства России (государство Ивана III — Московское царство XVI–XVII вв., государство Петра Великого — Российская империя XVIII–XIX вв., государство Ленина — Советский Союз XX в. и государство Путина — Российская Федерация XXI в.) оказала глубокое влияние на институциональное строительство и национальное развитие России. Прогнозируется, что В. В. Путин и путинизм еще долго будут вести Россию по пути незападного развития.

Китайские ученые сосредоточились на изучении евразийской стратегии России и ее практического воплощения, указав, что статус Евразии на геополитической карте мира определяет важность и сложность этого региона, и поэтому Евразия стала ареной для столкновения различных геополитических концепций и субъектов международных отношений. Возглавляемый Россией процесс евразийской интеграции, игра между США и Россией на постсоветском пространстве, процесс построения суверенных государств на постсоветском пространстве и их диверсифицированная дипломатия, а также сопряжение и сотрудничество между Китаем и Россией в Евразийском регионе характеризуют геополитические процессы на континенте с 1990-х гг. по настоящее время. Эти сюжеты представлены в трудах Мяо Цзи [42], Гу Вэй [43], Цзян Цзин [44], Ян Лэй [45], Ли Дин [46], Чэнь Юй [47], У Нин [48], Ли Юнцюань [49], Чжан Шухуа [50], Вэй Цзиньшэнь [51], Ян Чаньюй [52] и др.

Таким образом, влиянием идей неоевразийства Россия обратила свои взоры на восток, продвигая более широкое и инклюзивное евразийское сотрудничество. Создание стабильного евразийского стратегического пространства является одной из главных геополитических целей России.

Заключение

На основе интерпретации основных точек зрения вышеупомянутых китайских ученых мы сделали следующие три вывода:

1) в рамках российской геокультуры академический концепт «гражданская нация» стал важным политическим проектом построения российской национально-государственной идентичности;

2) исторические дискуссии о российской геокультуре (между норманистами и антинорманистами, западниками и славянофилами и пр.) сыграли важную роль в выборе современной геополитической стратегии России;

3) процесс становления русской геокультуры отражает трудности, которые пришлось пережить российской нации. В XXI веке геополитическая стратегия России должна продолжать практиковать диалектическое мышление «кризиса и возможностей», которое создает новые возможности в кризисных ситуациях.

Список источников и литературы

1. Хэ Цюнь, От соединения к интеграции: Исследование Россией государственной и национальной идентичности с XXI века / Вестник Центральной академии социализма, Китай, № 5, с. 135–141, 2021.
2. Мэн Геньцан, Исследование построения академической дискурсивной системы российских национальных концептов / Народы мира. Китай, № 4, с. 56–68, 2020.
3. Кун Цяоюй, Формирование российской национальной идентичности и тенденции ее развития / Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. Китай, № 4, с. 76–91, 2019.
4. Лэй Цзяньфэн, Идентичность государства— преемника империи и российская дипломатия / Исследования России, Китай, № 3, с. 3–36, 2019.
5. Сун Бо, Историческая коннотация и эволюционный путь русификации / Международная политическая наука, Китай, № 2, с. 35–66, 2019.
6. Хэ Цюнь, Национально-государственная идентичность тувинского народа России / Этнологический журнал, Китай, № 1, с. 51–59, 2020.
7. Ван Хуэйхуа, Исследование коренных причин украинского кризиса на пороге теории идентичности / Страновые и региональные исследования, Китай, № 1, с. 123–140, 2020.
8. Ван Цзиньго, Построение национальной идентичности Украины: вызовы и сдвиги / Вестник Центральной академии социализма, Китай, № 1, с. 162–170, 2020.
9. Чжан Яньбо, Краткий анализ кризиса национальной идентичности Украины / Сибирские исследования, Китай, № 6, с. 77–86, 2019.
10. Лихачев Д. С., Россия никогда не была Востоком (Об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) / Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет, Россия, том 2, с. 43–59, 2006.
11. Лихачев Д. С., Историческое самосознание и культура России / Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет, Россия, том 1, с. 21–31, 2006.
12. Бай Сяохун, Восточная и западная особенности развития русской истории / Вестник российских исследований, Китай, № 6, с. 113–124, 2020.
13. Жэнь Цзяньгао, Глобальный исторический портрет «Спора между Китаем и Западом» / Вестник Сычуаньского университета (философия и социальные науки), Китай, № 5, с. 49–68, 2019.
14. Фэн Шаолэй, Краткое обсуждение методологии современных российских дипломатических исследований: предмет, концепция, структура и цикл /

- Исследования России, Китай, № 2, с. 33–73, 2021.
15. Пан Дапэн, Украинский кризис отражает структурную дилемму отношений России с Западом / Современный мир, Китай, № 2, с. 72–73, 2022.
 16. Сунь Фан, Антизападничество: исторический ответ России на «русофобию» Запада / Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай, № 1, с. 48–70, 2022.
 17. Вань Цинсун, Российская дипломатия в 2021 году: новые корректировки в восстановлении баланса / Исследования России, Китай, № 1, с. 164–192, 2022.
 18. Люй Пин, Анализ «Европейского выбора» России / Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай, № 6, с. 59–80, 2021.
 19. Хуан Дэньсюе, Стратегическая игра и перспективы великих держав, стоящих за новым витком украинского кризиса / Современные мировые социалистические проблемы, Китай, № 4, с. 139–153, 2021.
 20. Цзян Ли, Вмешательство и противодействие вмешательству между Западом и Россией / Современные международные отношения, Китай, № 10, с. 18–26, 2020.
 21. Сюй Сянмэй, Образ России с точки зрения Запада: историческая трансформация и реалистичное позиционирование / Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай, № 4, с. 19–34, 2020.
 22. Ли Чжунхай, Историческое расхождение между Россией и Западом: исследование с точки зрения экономической мысли / Вестник российских исследований, Китай, № 3, с. 27–42, 2020.
 23. Сун Вэй, Эволюция стратегического восприятия Россией к США и ее политические последствия / Исследования международной безопасности, Китай, № 2, с. 73–90, 2020.
 24. Сун Бо, Поиск Россией «восточного решения» дилеммы международного порядка — Сопутствующие заметки с конференции Валдайского клуба 2019 года / Мировые Знания, Китай, № 22, с. 54–55, 2019.
 25. Ли Юнхуэй, Пятая годовщина Восточного экономического форума: воплощение политики России «Взгляд на Восток» / Мировые Знания, Китай, № 20, с. 38–40, 2019.
 26. Цзян И, Консерватизм и «ревизионизм»: политика России по отношению к Западу после финансового кризиса / Справочник партийного класса, Китай, № 15, с. 113–118, 2019.
 27. Сюе Сосо, Ход развития и перспективы Восточного вектора России / Сибирские исследования, Китай, № 6, с. 31–36, 2019.
 28. Сюй Бо, Анализ элементов внутривосточного влияния российской стратегии «Восточного вектора»: стратегическая культура, центрально-местные отношения и политическая структура / Современный Азиатско-Тихоокеанский регион, Китай, № 6, с. 47–66, 2019.
 29. Чжан Цзянь, Отношения и тенденции между Россией и НАТО с точки зрения европейской безопасности / Мир и развитие, Китай, № 4, с. 34–50, 2019.

30. Цао Инвэй, «Активная восточная политика» России и ее влияние на Северо-Восточную Азию / Вестник исследований Северо-Восточной Азии, Китай, № 2, с. 89–100, 2019.
31. Цюй Веньи, Украинский кризис и эволюция геоэкономики России / Международное экономическое обозрение, Китай, № 2, с. 123–141, 2019.
32. Ду Юйпэн, Проблеск евразийской мысли на пороге российской национальной культурной идентичности / Вестник Университета Цицикар (философия и социальные науки), Китай, № 8, с. 51–53, 2021.
33. Ли Цян, Конфликт цивилизаций и будущее мирового порядка — Перечитывая книгу Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций» / Вестник Пекинского университета (философия и социальные науки), Китай, № 3, 140–152, 2021.
34. Ли Сяоцэнь, Климат и судьба российской нации — с точки зрения «неоевразийства» / Исследования естественной диалектики, Китай, № 3, с. 60–65, 2021.
35. Гао Ливэй, Цивилизация и выбор российского государственного управления и пути развития / Международные справочные исследования, Китай, № 8, с. 1–8, 2020.
36. Го Лишуан, Сопrotивление и перекраивание: новые идеи неоевразийской политической философии о российской цивилизации / Исследования России, Китай, № 6, с. 110–142, 2019.
37. Ван Чуньин, Тенденция евразийства и позиционирование российской культуры с ее точки зрения / Сравнительные исследования культурных инноваций, Китай, № 3, с. 184–186, 2019.
38. Сюй Янь, Философское происхождение консервативной политической мысли А. Г. Дугина / Исследования России, Китай, № 2, с. 3–32, 2019.
39. Дугин А., Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века, Россия, 2009.
40. Хао Хэ, От разочарования к строительству — История и трансформация политической мысли В. Ю. Суркова / Вестник российских исследований, Китай, № 1, с. 56–72, 2020.
41. Шэн Шилян, В. В. Путин ведет Россию по пути незападного развития — анализ статьи В. Ю. Суркова «Долгое государство Путина» / Рукопись красного флага, Китай, № 8, с. 32–35, 2019.
42. Мяо Ци, Китайско-российское культурное сотрудничество на Евразийском стратегическом пространстве / Форум Северо-Восточной Азии, Китай, № 2, с. 112–126, 2022.
43. Гу Вэй, Лидерство и эволюция конкуренции между великими державами в Евразии / Мировая экономика и политика, Китай, № 10, с. 79–104, 2021.
44. Цзян Цзин, Евразийский экономический союз: цели, эффективность и тенденции развития / Евразийская экономика, Китай, № 6, с. 69–83, 2021.
45. Ян Лей, Сопряжение «Одного пояса, одного пути» и Большого евразийского партнерства с точки зрения международной системы / Форум Северо-

- ро-Восточной Азии, Китай, № 1, с. 115–126, 2021.
46. Ли Дин, Анализ институциональных факторов российской инициативы «Большое евразийское партнерство»—Объяснение, основанное на неоклассическом реализме / Мир связей с общественностью, Китай, № 6, с. 70–71, 2020.
 47. Чэнь Юй, Стратегическое мышление России об эволюции международной модели в условиях пандемии—на основе анализа, суждений и политических рекомендаций стратегических и академических кругов / Мир и развитие, Китай, № 6, с. 53–72, 2020.
 48. У Нин, Развивающиеся державы и глобальное управление—Построение российского взгляда на глобальное управление / Сибирские исследования, Китай, № 6, с. 22–33, 2020.
 49. Ли Юнцюань, Геополитическая ситуация в Евразии и игра великих держав / Исследования России, Китай, № 4, с. 3–19, 2020.
 50. Чжан Шухуа, Всестороннее китайско-российское сотрудничество в новую эпоху и повторное расширение экономического пространства Евразии / Исследования России, № 3, с. 80–96, 2020.
 51. Вэй Цзиньшэнь, Институциональный дизайн Евразийского экономического союза и модель сопряжения «одного пояса, одного союза» // Исследования международных отношений, Китай, № 2, с. 31–46, 2020.
 52. Ян Чанюй, Многочисленные интеграционные цели Евразийского экономического союза и дилемма верховенства закона / Северная юридическая наука, Китай, № 1, с. 5–14, 2020.

MODERN CHINESE SCHOLARS RUMINATIONS ON RUSSIAN GEOCULTURE

Wang Qi¹,
Chen Diyu¹

¹Tsinghua University, Haidian District, Beijing, P.R. China,

Ulyanova Svetlana N.²,

²Peter the Great St.Petersburg Polytechnic university,
Saint-Petersburg, Russia

The place of Eurasia on the geopolitical map determines the importance of this region. The complex of Eurasian problems has given rise to various geopolitical concepts. The focus is on the formation of Russian geoculture and its interpretation. The article presents an analysis of the latest achievements of Chinese researchers since 2019. The authors focused on three subjects: national-state identity and geoculture of Russia; East–West or South–North lines in Russian geoculture; neo-Eurasianism as a choice of Russian geoculture.

Key words: Russia, geoculture, Russia and the East, Russia and the West, Eurasianism.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦЕНТРОВ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

Федоров Г. М.¹,
Пекер И. Ю.¹

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Российская Федерация)

В статье с помощью наукометрических методов анализа базы данных eLibrary.ru дается оценка динамики пространственной дифференциации центров общественно-географических исследований в России. Рассмотрено число публикаций в 2016–2020 гг. в ведущих вузах и институтах, занимающихся данной проблематикой. Основное внимание уделено уровню, динамике и территориальным различиям публикационной активности в разрезе субъектов РФ. Проведено сопоставление с динамикой числа публикаций и их территориального распределения по совокупности научных направлений, и положение в общественно-географической сфере оценено как менее удовлетворительное. На основе полученных результатов высказана обеспокоенность сокращением числа публикаций и ростом территориальной поляризации, что отражает неблагоприятную динамику роли общественной географии в решении проблем пространственной организации производства и расселения, различных аспектов развития общества. Снижение публикационной активности означает, что при планировании социально-экономического развития и территориальной организации общества недооценивается роль его рациональной пространственной организации. Предлагается обратить большее внимание общественно-географическим исследованиям, уделив особое внимание поддержке не только столичных, но и региональных центров.

Ключевые слова: общественная география, публикационная активность, наукометрические методы, общественно-географические центры, дифференциация регионов

Введение

Наукометрические исследования публикационной активности имеют довольно длительную историю и разнообразные методики, основанные на использовании созданных баз данных. Начало таким исследованиям было положено в начале 1960-х гг., когда на основе разработок Ю. Гарфилда и по его инициативе в 1963 г. был создан Институт научной информации, регулярно выпускающий индекс научного цитирова-

ния (Science Citation Index) [1–4]. Изучение публикационной активности российских ученых опирается на использование данных созданных в 1998 г. российской научной электронной библиотеки eLibrary.ru, которая интегрирована с разрабатываемым с 2005 г. Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). В конце 2010-х гг. с использованием этих инструментов стала проводиться и оценка публикационной активности в сфере общественной географии [5–7]. В данной работе мы остановимся на пока еще не исследованных или мало исследованных аспектах наукометрической оценки публикационной активности центров общественной (социально-экономической) географии в России. Для этих целей использован аппарат eLibrary.ru — расширенный поиск по рубрикатуру ГРНТИ [8]. публикационная активность в общественной географии

Обобщенная рубрика, которую можно было бы использовать для оценки публикационной активности географов-обществоведов в eLibrary.ru отсутствует. В нашем исследовании в качестве общественно-географических учитываются следующие рубрики ГРНТИ [8]:

06.61.23 Размещение производительных сил. Экономическая география;

39.03.23 Теоретические вопросы экономической и социальной географии;

39.15.19 Историческая экономическая и социальная география;

39.21.00 Экономическая и социальная география.

В 2016 г. они включали 3939 публикаций, а в 2020 г. — только 2989 [9]. Сократился и их удельный вес в общем количестве публикаций, регистрируемых eLibrary.ru (рис. 1). Если не считать, что сокращение произошло исключительно благодаря росту качества статей (или переориентации на их опубликование в зарубежных изданиях, не индексируемых по каким-то причинам eLibrary.ru), то следует признать сокращение общественно-географических исследований в нашей стране. И снижение престижа экономической, социальной, политической и рекреационной географии — ведь не случайно многие кандидаты географических наук стремятся стать и становятся докторами экономических или политических наук.

Публикационная активность ведущих российских географов-обществоведов

Количество географов-обществоведов, имеющих высокие показатели публикационной активности, невелико. В таблице 1 представлены

библиометрические показатели ученых, имеющих степени по специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». Таких ученых всего 20, к тому же они сильно различаются по другим приведенным в таблице показателям — индексу Хирша по ядру РИНЦ, числу публикаций в РИНЦ и ядре РИНЦ, количеству цитирований, и даже имеют разный процентиль по ядру РИНЦ. Среди 20 ученых — 17 докторов наук (двое из них — академики: П. Я. Бакланов и А. И. Костяев) и 3 кандидата наук.

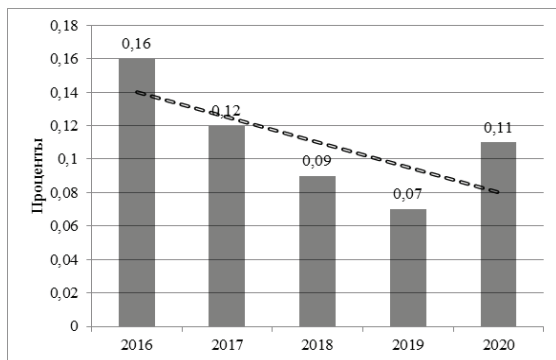

Рис. 1. Доля публикаций по общественной географии в их общем количестве, регистрируемом в eLibrary.ru, %

Источник: составлено авторами на основе данных eLibrary.ru

Таблица 1

Библиометрические показатели ученых-экономгеографов, имеющих Индекс Хирша (РИНЦ) 24 более

ФИО	Ученая степень*	Город, Организация	РИНЦ			Ядро РИНЦ			Процентиль по ядру РИНЦ
			Хирш	Число публикаций	Число цитирований	Хирш	Число публикаций	Число цитирований	
Зубаревич Н.В.	Д	М., МГУ им. М. В. Ломоносова	59	328	12475	14	61	2248	1
Нефедова Т.Г.	Д	М., ИГ РАН	42	276	9303	17	121	3105	1

ФИО	Ученая степень*	Город, Организация	РИНЦ			Ядро РИНЦ			Процентиль по ядру РИНЦ
			Хириш	Число публикаций	Число цитирований	Хириш	Число публикаций	Число цитирований	
Бакланов П.Я.	Д	Владивосток, ТИГ ДВО РАН	40	397	6207	9	93	1092	1
Колосов В.А.	Д	М., ИГ РАН	38	334	5667	19	176	2022	1
Костяев А.И.	Д	СПб, Исслед. центр РАН	38	206	4345	4	42	331	2
Трейвиш А.И.	Д	М., ИГ РАН	35	224	6822	10	83	1642	1
Анимица Е.Г.	Д	Екатеринбург, УрГЭУ	31	202	4790	7	41	479	2
Мкртчян Н.В.	К	М., ВШЭ	30	235	4301	11	62	1127	1
Федоров Г.М.	Д	Калининград, БФУ им. И. Канта	30	309	3176	9	67	809	1
Земцов С.П.	К	М., ИГ РАН	28	155	3410	11	59	780	1
Махрова А.Г.	К	М., МГУ им. М.В. Ломоносова	28	136	2807	11	48	858	1
Бабурич В.Л.	Д	М., МГУ им. М.В. Ломоносова	28	234	3453	7	73	628	1
Пилясов А.Н.	Д	М., МГУ им. М.В. Ломоносова	27	214	3846	9	85	872	1
Дружинин А.Г.	Д	Ростов-на-Дону	27	272	3487	8	64	579	1
Алексеев А.И.	Д	М., МГУ им. М.В. Ломоносова	26	149	3358	6	56	435	3
Катровский А.П.	Д	Смоленск, СмолГУ	25	299	2596	3	10	244	4
Мошков А.В.	Д	Владивосток, ТИГ ДВО РАН	25	225	1859	3	16	255	7
Веденин Ю.А.	Д	М., ИГ РАН	25	115	3674	2	26	467	24
Тархов С.А.	Д	М., ИГ РАН	24	736	2829	5	35	503	4
Замятина Н.Ю.	Д	М., МГУ им. М.В. Ломоносова	24	177	2890	10	65	737	1

*Д— доктор наук, К— кандидат наук

Источник: составлено авторами на основе данных eLibrary.ru

Уже из данной таблицы можно заметить ожидаемое, но все же очень существенное, преобладание ученых их московских организаций: их

13 из 20. Шестеро работают в МГУ им. М. В. Ломоносова, шестеро — в ИГАН РАН и один — в Высшей школе экономики. Двое из представленных в таблице ученых работают во Владивостоке, в Тихоокеанском институте географии Дальневосточного отделения РАН. По одному — в Санкт-Петербургском исследовательском центре РАН, в Екатеринбурге (в Уральском государственном экономическом институте), Калининграде (в Балтийском федеральном университете им. И. Канта), Ростове-на-Дону (в Южном федеральном университете) и Смоленске (в Смоленском госуниверситете).

Типология регионов РФ по публикационной активности в общественной географии

В таблице 2 субъекты РФ распределены федеральным округам и по трем группам, различающихся числом зарегистрированных в eLibrary.ru читателей. В правом столбце находятся регионы с наиболее высокими показателями, в среднем — со средними, в левом — с пониженными. В группе регионов с более высокими показателями расположены наиболее крупные научные центры, концентрирующие наибольшее число читателей eLibrary.ru — и по абсолютному показателю, и относительно, в расчете на 10 тыс. жителей. Как можно заметить, ни одного такого центра нет только в Северо-Кавказском федеральном округе (причем все республики округа находятся в левом столбце с наименее благоприятными показателями). И только один Приморский край относится к таким центрам на Дальнем Востоке.

Таблица 2

Распределение субъектов РФ по числу зарегистрированных в eLibrary.ru читателей (на 18 марта 2022 г.)

Пониженные показатели	Средние показатели	Повышенные показатели
50–499 читателей, 1–15 читателей на 10 тыс. жителей	500–2999 (Краснодарский край 4066) читателей, 1–29 читателей на 10 тыс. жителей	3 000–11 999 тыс. читателей, 10–54 читателя на 10 тыс. жителей
Центральный федеральный округ		
	Области: Белгородская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, , Смоленская, Тамбовская, Тверская	Москва, области: Воронежская, Московская
	Тульская, Ярославская	
Северо-Западный федеральный округ		

Пониженные показатели	Средние показатели	Повышенные показатели
Псковская область; Ненецкий АО	Республики Карелия, Коми; области: Архангельская, Вологодская, Калининградская, Мурманская, Новгородская	Санкт-Петербург; Ленинградская область
Южный федеральный округ		
Республик Адыгея, Калмыкия	Краснодарский край; области: Астраханская,	области: Волгоградская, Ростовская,
Приволжский федеральный округ		
	Республики: Марий Эл, Мордовия Удмуртская, Чувашская; области: Кировская, Оренбургская, Пензенская, Ульяновская;	Республики Башкортостан, Татарстан; Пермский край; области: Нижегородская, Самарская, Саратовская
Северо-Кавказский федеральный округ		
Республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, С. Осетия — Алания, Чеченская	Ставропольский край	
Уральский федеральный округ		
Ямало-Ненецкий АО	Курганская, Тюменская, Ханты- Мансийский АО	Области: Свердловская, Челябинская
Сибирский федеральный округ		
Республики Алтай, Тыва, Хакасия	Кемеровская область	Алтайский, Красноярский края; области: Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская
Дальневосточный федеральный округ		
Чукотский АО	Республики Бурятия, Саха (Якутия); Забайкальский, Камчатский, Хабаровский края; области: Амурская, Магаданская, Сахалинская; Еврейская авт обл.	Приморский край

Примечание: Республика Крым и г. Севастополь не представлены в таблице из-за отсутствия данных в eLibrary.ru.

Источник: составлено авторами на основе данных eLibrary.ru

Таблицы 3–5 отражают типологию субъектов РФ по публикационной активности в сфере общественной географии.

Соответствие общественно-географической публикационной активности с публикационной активностью по совокупности научных

направлений довольно высоко, но не повсеместно. Так, 15 регионов из таблицы 3 относятся к регионам с повышенными показателями абсолютного и относительного числа читателей по всем рубрикам eLibrary.ru (см. таблицу 2), 4—со средними, 2—с низкими показателями (в случае Крыма в таблице 2 данные отсутствуют по причине того, что в eLibrary.ru нет данных по числу читателей). То есть в большинстве случаев регионы с высокими показателями публикационной активности (предположительно, и с повышенным совокупным научным потенциалом) имеют высокий уровень публикационной активности в сфере общественной географии. Но в четырех случаях повышенные публикационные показатели в сфере общественной географии имеют регионы со средними и в двух случаях (Дагестан и Северная Осетия)—с пониженными общими показателями публикационной активности. Предположительно, в этих регионах (особенно в двух последних) экономгеография развита лучше по сравнению с другими отраслями науки.

Таблица 3

Различия субъектов РФ по публикационной активности в сфере общественной географии. Группы регионов с сочетанием наиболее высоких, высоких, повышенных и средних показателей по данным РИНЦ и Скопус

Субъекты РФ	Количество публикаций за 2016–2020			
	индексированных в РИНЦ		индексированных в Скопус	
	Всего	на 10 тыс. жителей	Всего	на 10 тыс. жителей
РФ, всего	14259	0,97	4981	0,34
<i>1. Наиболее высокие показатели РИНЦ и Скопус</i>				
Москва	4532 (32%)	3,61	2111 (42%)	1,68
<i>2. Высокие, повышенные и средние показатели РИНЦ и Скопус</i>				
<i>2.1. Высокие показатели РИНЦ и Скопус</i>				
Санкт-Петербург	895	1,67	385	0,72
<i>2.2. Высокие показатели РИНЦ, повышенные Скопус</i>				
Области: Иркутская, Калининградская	514–548	2,28–5,15	104–198	0,82–1,04
<i>2.3. Высокие показатели РИНЦ, средние Скопус</i>				

Субъекты РФ	Количество публикаций за 2016–2020			
	индексированных в РИНЦ		индексированных в Скопус	
	Всего	на 10 тыс. жителей	Всего	на 10 тыс. жителей
Краснодарский, Пермский края	504–721	1,28–1,93	36–45	0,06–0,17
<i>2.4. Повышенные показатели РИНЦ и Скопус</i>				
Приморский край, Ростовская область	344–398	0,82–2,09	90–99	0,21–0,52
<i>2.5. Повышенные показатели РИНЦ, средние Скопус</i>				
Республики Башкортостан, Крым; Алтайский край; области: Воронежская, Оренбургская	269–445	1,02–2,33	13–38	0,05–0,16
<i>2.6. Повышенные показатели РИНЦ, средние Скопус</i>				
Республики Татарстан, Мордовия; Ставропольский край	178–282	0,52–3,40	17–47	0,12–0,21
<i>2.7. Средние показатели РИНЦ, высокие Скопус</i>				
Области: Новосибирская, Свердловская, Томская	35–165	0,25–0,38	121–349	0,30–1,25
<i>2.8. Средние показатели РИНЦ, средние Скопус</i>				
Республики Дагестан, Саха (Якутия), Северная Осетия—Алания; Московская область	56–109	0,08–1,37	51–88	0,09–1,26
Итого 22 региона	6951		2050	

Составлено авторами на основе данных: eLibrary.ru

В регионах четвертого типа (табл. 5), особенно в подтипах 4.3–4.5, если судить по публикационной активности, общественная география развита слабо. Правда, в Ленинградской области (4.4) это объясняется соседством Санкт-Петербурга, составляющего с областью единую территориальную систему и концентрирующего общий научный потенциал (причем многие научные организации области сейчас входят в состав Санкт-петербургских). И с точки зрения совокупного научного потенциала регионы этого типа относятся в основном к имеющим пониженные (9 субъектов) и средние (23 субъекта) показатели публикационной активности. Повышенные показатели—только у Омской и Ленинградской областей. Следовательно, у большинства (кроме 9) регионов этого типа публикационная активность в сфере общественной

географии ниже, чем в совокупности научных направлений. М все регионы типа 4 требуют особой поддержки общественно-географических исследований, включения их соответствующих организаций в сетевые структуры, где лидерами являются регионы типов 1 и 2.

Таблица 4

Различия субъектов РФ по публикационной активности в сфере общественной географии. Группы регионов с сочетанием средних и низких показателей по данным РИНЦ, с пониженными и низкими Скопус

Субъекты РФ	Количество публикаций за 2016–2020			
	индексированных в РИНЦ		индексированных в Скопус	
	Всего	на 10 тыс. жителей	Всего	на 10 тыс. жителей
<i>3.1. Средние РИНЦ и пониженные Скопус:</i>				
Республика Бурятия; Хабаровский край, области: Белгородская, Волгоградская, Вологодская, Псковская, Тверская	92–144	0,54–1,45	10–26	0,1–0,25
<i>3.2. Средние РИНЦ и низкие Скопус:</i>				
Области: Курская, Саратовская, Смоленская	139–161	0,66–1,62	5–6	0,02–0,06
<i>3.3. Низкие РИНЦ и пониженные Скопус:</i>				
Республики: Кабардино-Балкарская, Карелия, Чеченская; Красноярский край; области: Архангельская без АО, Нижегородская, Самарская, Тюменская без АО, Челябинская; г. Севастополь	24–81	0,15–0,55	20–59	0,13–1,02
<i>3.4. Низкие РИНЦ и Скопус:</i>				
Республики: Алтай, Коми, Марий Эл; Забайкальский край; области: Астраханская, Владимирская, Рязанская; Еврейская авт. область; Ханты-Мансийский АО — Югра	16–89	0,14–5,53	4–19	0,08–0,62
Всего 28 субъектов РФ	2159		636	

Составлено авторами на основе данных: eLibrary.ru

Таблица 5

Различия субъектов РФ по публикационной активности в сфере общественной географии. Группы регионов с сочетанием наиболее высоких, высоких и средних показателей по данным РИНЦ и Скопус

Субъекты РФ	Количество публикаций за 2016–2020			
	индексированных в РИНЦ		индексированных в Скопус	
	всего	на 10 тыс. жителей	всего	на 10 тыс. жителей
4.1. Низкие РИНЦ и Скопус:				
Республики Адыгея, Карачаево-Черкесская, Удмуртская; области: Амурская, Брянская, Кемеровская, Кировская, Липецкая, Новгородская, Омская, Орловская, Пензенская, Тамбовская, Ульяновская, Ярославская	16–59	0,11–0,59	1–7	0,01–0,11
4.2. Низкие РИНЦ и отсутствующие Скопус:				
Чувашская Республика— Чувашия; Курганская область	36–42	0,34–0,43	0	0
4.3. Низкие РИНЦ и пониженные Скопус:				
Области: Мурманская, Тульская, Магаданская; Ямало-Ненецкий АО	15 и менее	...	10–40	0,13–0,77
4.4. Низкие РИНЦ и Скопус:				
Республики: Ингушетия, Калмыкия, Тыва, Хакасия; Камчатский край; области: Ивановская, Ленинградская, Сахалинская Чукотский АО	15 и менее	...	3–9	0,02–0,61
4.5. Низкие РИНЦ и отсутствующие Скопус				
Калужская, Костромская области, Ненецкий АО	15 и менее	...	0	0
Всего 34 субъекта РФ	617		184	

Составлено авторами на основе данных: eLibrary.ru

Заключение

Общественно-географические исследования, обеспечивая всесторонние знания о территории, ее месте в иерархии пространственных образований и в сравнении с другими территориями, крайне необхо-

димы и для стратегического, и для пространственного планирования, которые постепенно становятся все более важными компонентами управления на разных уровнях — федеральном, региональном, муниципальном. К сожалению, к 2022 г. потенциал центров таких исследований в России сократился, и этот процесс продолжается. При этом усиливается его поляризация — усиливается роль Москвы, которая в силу своего потенциала — (концентрации 32 % всех российских публикаций, индексируемых в РИНЦ, и 42 % — в Скопус) выделена нами по публикационной активности в отдельный тип регионов. Занимающий второе место Санкт-Петербург существенно отстает от Москвы. Роль большинства регионов РФ сокращается, и если отнесенные ко второму типу в таблице 3 регионы с высокими, повышенными и средними показателями РИНЦ и Скопус еще обладают определенным потенциалом общественно-географических исследований, то в регионах третьего типа (таблица 5) он значительно меньше, а в третьем типе почти отсутствует. Рост количества и усиление центров производства таких знаний, развитие сетевых взаимодействий между ними необходимы для выявления и использования факторов социально-экономического развития в стратегическом и пространственном планировании.

Географы-обществоведы для усиления престижа своей науки должны больше обращаться как к органам власти, так и к средствам массовой информации, социальным сетям для освещения результатов исследований. Ведь возможности общественной географии в совершенствовании стратегического и пространственного планирования исключительно велики. Более полно нужно использовать и возможности Русского географического общества, обладающего большими возможностями обнародования научных достижений. Особое внимание целесообразно уделить сетевым межрегиональным взаимодействиям, способствующим повышению эффективности и общественной значимости общественно-географических исследований.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ № 22–27–00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».

Список источников и литературы

1. Garfield E., Citation Indexes for Science: A New Dimension in Documentation through Association of Ideas, Science: journal, 1955, Vol. 122, no. 3159, pp. 108–111.

2. Налимов В. В., Количественные методы исследования процесса развития науки, Вопросы философии, 1966, № 12, с. 38–47.
3. Налимов В., Мульченко З., Наукометрия, М.: Наука, 1969.
4. Price D., Little Science, Big Science, Columbia University Press, 1963.
5. Пекер И. Ю., Исследование Калининградской области научными центрами, Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика: монография, Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021, с. 20–31.
6. Попкова Л. И., Казаков С. Г., Степанов М. А., Вузовская общественная география: инерция или обскурация, Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов, 2019, № 8, с. 73–79.
7. Попкова Л. И., Казаков С. Г., Степанов М. А., Вузовские центры общественно-географических исследований в России: наукометрический анализ, Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле, 2020, № 65 (4), с. 624–639.
8. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. Тематический рубрикатоп. URL: <https://elibrary.ru/rubrics.asp> (дата обращения: 12.03.2022).
9. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. Статистика библиотеки. URL: https://www.elibrary.ru/project_risc.asp? (дата обращения: 18.03.2022).

SPATIAL DIFFERENTIATION OF SOCIAL GEOGRAPHY RESEARCH CENTERS IN RUSSIA

Fedorov G. M.¹, Peker I. Yu.¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia

Using scientometric methods for analyzing the eLibrary.ru database, the article assesses the dynamics of spatial differentiation of social geography research centers in Russia. The analyzed material is the articles published in 2016–2020 in universities and institutes with the highest research output in this research field. The article is focused on the level, dynamics and territorial differences in publication activity in individual regions of the Russian Federation. A comparison was made with the dynamics of the number of publications and their territorial distribution in a set of scientific areas. As a result, the situation in the social geography research sphere was assessed as less satisfactory. Based on the results obtained, the concern is expressed about the reduction in the number of publications and the territorial polarization increase. This reflects the unfavorable trend in less use of social geography in solving the problems of the spatial organization of production and settlement, and the various aspects of the social development. The decline in publication activity means that when planning the socio-economic development and territorial organization of society, the role of its rational spatial organization is underestimated. The proposal is made to pay

more attention to social geography research, focusing on supporting not only metropolitan, but also regional centers.

Key words: social geography, publication activity, scientometric methods, socio-geographical centers, differentiation of regions

Секция 1.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 325.:341.212:910.1

НЕСАМОУПРАВЛЯЮЩИЕСЯ СТРАНЫ НА КАРТЕ МИРА

Соколов С. Н.¹

¹ Нижневартковский государственный университет,
Нижневартговск, Российская Федерация

Обычно в страноведческих справочниках указывается, что в мире существуют примерно 250 стран. Каково же их точное число? Трудности в подсчете числа зависимых территорий связаны, прежде всего, с проблемой их идентификации, детерминации и определения признаков. Большая часть из них обладает государственным суверенитетом, но помимо них существуют зависимые территории. Никто и не скрывает, что у той или иной страны есть зависимые от неё государства, только это стараются особо не афишировать. Таким образом, в мире существуют более 50 территорий, которые ошибочно называют странами, хотя на самом деле это зависимые территории. Референдум о получении независимости является одной из наиболее традиционных и распространенных форм демократии, но даже он не гарантирует получение независимости. С другой стороны, не все подобные страны заинтересованы в получении политической независимости по ряду причин. Почти все самоуправляющиеся территории, являются офшорами, и этот статус, после получения независимости, они терять не хотят. Существуют и другие ситуации, когда одно государство имеет власть над вроде бы независимой страной. Есть суверенные государства, являющиеся членами ООН, которые уступили некоторую власть другим государствам (чаще всего ведение иностранных дел и обороны), объединившись с ними в своеобразной свободной форме. Автор предлагает типологию самоуправляющихся стран на политической карте мира XXI века. На основе анализа управления зависимыми странами делается вывод 5 типах данных стран.

Ключевые слова: политическая карта мира, самоуправляющиеся страны, зависимые территории, колонии, государственный суверенитет, независимость.

Введение

Политическая карта мира постоянно меняется. Как правило, в страноведческих справочниках указывается, что в мире существуют бо-

лее 200 государств (обычно полагают, что их насчитывается более 250 стран и территорий). Почему же нельзя назвать их точное число? Большая часть из них обладает государственным суверенитетом, но существуют ещё и зависимые территории. Здесь возникает вопрос: «Существуют ли колонии они в XXI веке?» Нам кажется, что и сам термин «колония» и подчиненный статус территорий остался далеко в XX веке, в котором произошло крушение крупнейших колониальных империй мира. Однако это не так. Разумеется, сейчас никто не произносит слово «колония», заменяя его более нейтральным понятием «зависимая территория». Но есть ли разница?

В мире также существуют десятки территорий, которые ошибочно называют странами, хотя на самом деле это зависимые территории, и ими управляют другие страны. Многочисленные зависимые территории являются вторым по распространенности объектом на политической карте современного мира [3]. Их можно было бы назвать колониями, но статус их слишком разнообразен.

Кроме этого существуют трудности идентификации таких территорий. Так, на вопрос: «Сколько их?», различные источники называют разное число зависимых территорий.

И. А. Родионова говорит о более чем 30 подобных странах [6]; в энциклопедии «Википедия» обозначены 78 зависимых территорий; на сайте FB.ru насчитывается более 80 таких стран; на сайте worldatlas.com — 58, на сайте worldstatesmen.org — 80, на сайт Госдепартамента США — 66. Согласно информационной системе «Книга фактов» ЦРУ США, в мире сейчас 57 зависимых территорий,

Ни одна из этих цифр, на наш взгляд, не является правильной, так как в списке ООН отсутствуют территории с высокой степенью самоуправления (заморские департаменты Франции и др.), а в «Википедии» указаны как зависимые территории Гренландия и Фарерские острова, являющиеся автономными регионами Дании; Макао и Гонконг, являющиеся специальными автономными районами Китая, Шпицберген и Ян-Майен, являющиеся государственными владениями Норвегии, а также необитаемы владения США (типа острова Навасса или рифа Кингмэн) или Франции (например, остров Клиппертон). Кроме того, некоторые страны имеют территориальные претензии в Антарктике, несмотря на то, что претензии на эти земли бессрочно заморожены с 1961 года по Договору об Антарктике. В «Книге фактов» ЦРУ в список зависимых территорий включены датские Гренландия и Фарерские острова, китайские специальные автономные районы Гонконг и Макао, но не включены французские заморские департаменты (типа Французской Гвианы).

Также к зависимым странам часто относят Западную Сахару, которая называется Сахарская Арабская Демократическая Республика, но фактически большая ее часть оккупирована Марокко [7]. Территории Западного берега реки Иордан и сектор Газа в Израиле официально имеют автономный режим и рассматриваются правительством Палестины как территория Государства Палестина [8].

Трудности в подсчете числа зависимых территорий связаны, прежде всего, с проблемой их идентификации, детерминации и определения признаков. Здесь нужно разобраться с тем, что можно именовать «независимым государством». Что же такое независимое государство? В пособии «Типология зарубежных стран» Л. В. Смирнягин озвучил, что с точки зрения американцев, для такого статуса нужно соответствовать 8 критериям:

1. Имеет территорию с границами, которые признаны мировым сообществом, хотя непризнанность (или частичное признание) границ не всегда является жёстким критерием для признания государства.
2. Имеет постоянное население.
3. Имеет экономику, причём государство регулирует внешнюю и внутреннюю торговлю и выпускает валюту. Правда, некоторые страны не имеют собственной валюты или имеют общую валюту для нескольких стран.
4. Имеет социальные институты (например, систему образования).
5. Обладает транспортной системой для перевозки людей и товаров.
6. Имеет государственные органы, которые обеспечивают общественные услуги и порядок.
7. Обладает собственным суверенитетом, т.е. ни одно иностранное государство не вправе регулировать жизнь на части его территории.
8. Признано другими государствами в качестве независимого [5].

В современном мире насчитывается более 50 колоний, владельцы которых не спешат расставаться со своими заморскими территориями. Формы такой зависимости довольно разнообразны. Одни из них сохранились как остатки бывшего колониального господства и по-прежнему находятся в зависимости от метрополий. Однако некоторые из них имеют свое самоуправление. Зависимые территории по-разному называются, но суть их положения едина – они зависят от государств-метрополий.

Самая многочисленная, по числу жителей, зависимая территория — Пуэрто-Рико, где проживает 2860 тыс. чел. Самая малочисленная из оби-

таемых – Питкэрн, на котором проживает 48 человек. Самая большая по площади зависимая территория из признанных мировым сообществом – Гренландия – 2131 тыс. кв. км. Самая маленькая по площади зависимая территория из обитаемых – Гибралтар с площадью 6,5 кв. км.

Колония – зависимая территория без самостоятельной политической и экономической власти, владение иного государства. Образование колоний – основной инструмент расширения влияния развитых государств (метрополий). Многие страны Западной Европы своим процветанием и богатствам обязаны именно своим колониям. Формы контроля над зависимыми странами со временем менялись. До середины XX в. господствовали представления о необходимости сплошного административного контроля над территорией зависимого мира. Это воплотилось в формировании колониальных империй группы государств, которые смогли установить контроль над зависимыми странами благодаря своим техническим преимуществам после Великих географических открытий. Крупнейшими были колониальные владения Великобритании, Франции, России, Бельгии, Нидерландов, Португалии, Испании и др.

Для многих это кажется дикостью, но в XXI веке, как и раньше, существуют колонии в самом прямом смысле. Да, для самых светлых целей, созданы различные громкие организации вроде ООН, но всё это нонсенс. Колонии как существовали в позднем средневековье, так и существуют в XXI веке, только под другими названиями. Собственно никто особо и не скрывает, что у той или иной страны есть зависимые от неё государства, только об этом стараются особо не говорить. Некоторые даже не знают, что у европейских держав или США до сих пор имеются колонии.

Чаще всего зависимые страны являются «осколками» существовавших ранее империй. Население бывших колоний, как правило, обладает теми же гражданскими правами, что и жители государств-метрополий. Местные экономические и политические элиты в таких странах, как правило, и сегодня ориентируются на своих бывших колонизаторов [1]. Как правило, коренные жители зависимых территорий не считаются полноправными гражданами метрополии и не участвуют в избрании парламента и президента страны, хотя эти органы издают обязательные для зависимых территорий акты. Иногда коренные жители зависимой территории сегодня обладают такими же гражданскими правами, как и население страны-метрополии.

Для зависимых территорий из всех старых признаков актуальными остаются только географическая обособленность, а также этническое, культурное, расовое отличие аборигенов от жителей метрополии, зача-

стью дающее первым считать себя отдельной самостоятельной общностью [4]. Применять к данным странам термин «несамоуправляющиеся территории» не совсем корректно, так как в большинстве из них существуют местные администрации и другие атрибуты самоуправления. Более того существует зависимые территории, которые имеют значительные автономные права, а опека в их отношении имеет более мягкий характер. Хотя назвать их автономиями также нельзя, так как подобного официального статуса они не имеют.

В настоящее время понятие «колония» в официальных источниках практически не используется, так как это понятие имеет негативный оттенок, поэтому существующие несамостоятельные территории объединены понятием «зависимая территория». Эти страны, как правило, не могут выступать в качестве субъекта международных отношений. Они не имеют полной политической или экономической самостоятельности, это так называемые зависимые страны. Они даже могут иметь свой государственный флаг и органы самоуправления. Но смысл от этого не меняется: колонии и их коренное население находятся в той или иной степени зависимости от своих метрополий и не обладают политическим суверенитетом. Подобные территориальные образования могут иметь статус автономий, но вот политической независимостью они не обладают.

Исходя из наличия самоуправления и по другим причинам, статусы таких территорий варьируются: заморские департаменты и заморские сообщества во Франции, коронные земли и заморские территории в Великобритании и т.д. (табл. 1).

Таблица 1

Современные зависимые территории и их статус

Метрополия	Официальный статус	Зависимая территория	Тип
Великобритания	коронная земля	Гернси	4
		Джерси	4
		Остров Мэн	4
	заморская территория	Акротири и Декелия	1
		Гибралтар	4
		Питкэрн	2
		Кайман	3
		Монтсеррат	3
		Тёркс и Кайкос	4

		Ангилья	3
		Бермудские Острова	4
		Британские Виргинские Острова	3
		Острова Святой Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья	2
		Фолклендские Острова	2
		Британская Территория в Индийском океане	1
		Южная Георгия и Южные Сандвичевы Острова	1
США	неинкорпорированная организованная территория	Пуэрто-Рико	5
		Виргинские Острова	5
		Гуам	5
		Северные Марианские Острова	5
	инкорпорированная неорганизованная территория	Пальмира	1
	неинкорпорированная неорганизованная территория	Американское Самоа	4
		Риф Кингмэн	1
		Атолл Мидуэй	1
		Бейкер	1
		Джарвис	1
		Хауленд	1
		Атолл Джонстон	1
		Навасса	1
	Уэйк	1	
Франция	заморский департамент и регион	Гваделупа	4
		Мартиника	4
		Реюньон	4
		Майотта	4
		Гвиана	4
	заморское сообщество	Сен-Пьер и Микелон	3
		Сен-Бартельми	3
		Сен-Мартен	3
		Уоллис и Футуна	3
		Французская Полинезия	3

	территория с особым статусом	Новая Каледония	5
	владение	Клиппертон	1
		Французские Южные и Антарктические Территории	1
Австралия	внешняя территория	Норфолк	2
		Остров Рождества	2
		Кокосовые (Килинг) Острова	2
		Территория Островов Кораллового моря	1
		Ашмор и Картье	1
		Хёрд и Макдональд	1
Нидерланды	автономное государство	Аруба	5
		Кюрасао	5
		Синт-Мартен	5
	особый муниципалитет	Бонайре	2
		Синт-Эстатиус	2
		Саба	2
Норвегия	зависимая территория	Буве	1
	интегрированная территория	Шпицберген (Свальбард)	2
		Ян-Майен	1
Новая Зеландия	ассоциированное государство	Острова Кука	5
		Ниуэ	5
	зависимая территория	Токелау	2
Дания	автономная самоуправляемая территория	Гренландия	4
		Фарерские Острова	4
Китай	специальный административный район	Гонконг(Сянган)	5
		Макао (Аомынь)	5
Финляндия	автономный регион	Аландские Острова	4

В приведенной таблице в графе тип нами произведена классификация зависимых стран с точки зрения местоно самоуправления. Так, цифрой 1 обозначены территории без местоно самоуправления из-за отсутствия местоно населения; 2 – без местоно самоуправления; 3 – с расширенными правами по самоуправлению; 4 – со значительными полномочиями по местоно самоуправлению (фактически автономные территории); 5 – полностью самоуправляющиеся территории (ассоциированные государства).

По нашему мнению, наивысшей степенью самостоятельности с сильным внутренним управлением и свободной экономикой пользу-

ются территории со статусом «ассоциированных государств» (или свободная ассоциация, свободно присоединившееся государство). Фактически это форма конфедерации из объединившихся на двусторонней основе неравнозначных государств, при которой меньшее государство, формально сохраняя независимость, доверяет значимую часть своих властных полномочий большему государству [9]. Как правило, это внешняя политика, связь, транспорт, вооружённые силы. Детали такой свободной ассоциации являются специфическими для соответствующих стран. Таким образом, ассоциированное государство – это второстепенный партнер в формальных, свободных отношениях между данной территорией с определенной степенью государственности и государством-метрополией, т.е. разновидность протектората. Поэтому необходимо отметить, что статус свободной ассоциации предполагает, что государство обладает внутренним самоуправлением и определенной самостоятельностью в области внешней политики.

Экономическая ситуация во многих колониях лучше, чем в соседних территориях, ставших независимыми государствами. Примерами таких колоний являются Кайман, Французская Гвиана или Пуэрто-Рико. С другой стороны есть и отсталые территории – Питкэрн, Токелау и др. Почти все самоуправляющиеся территории, являются офшорами, и этот статус. Страны предоставляют иностранным компаниями различные налоговые льготы, чаще всего – низкие налоговые ставки, возможность регистрации компании, не занимающейся реальной деятельностью на данной территории, право на отказ от предоставления финансовой информации другим странам и международным финансовым органам. Для небольших островных территорий эта деятельность является серьезным источником дохода [10]. Естественно, после возможного получения независимости, они не хотят терять офшорный статус. С другой стороны, офшоры помогают уклоняться от налогов и легализовать незаконные доходы, чем наносят экономический ущерб другим странам. Другие колонии (Гуам, Гибралтар) имеют важное военно-стратегическое положение, поэтому являются местом размещения крупных военных и морских баз стран-метрополий, что также дает им немалый доход и возможности для инфраструктурного обустройства [2].

Список самоуправляющихся территорий ООН—это список стран, которые, по мнению ООН, являются колонизированными. Этот перечень был подготовлен в 1946 году в соответствии с Уставом ООН и был обновлен Генеральной Ассамблеей по рекомендации Специального комитета по деколонизации. Для включения в этот список рассматриваются постоянно населенные территории, сейчас он включает 16

территорий. Некоторые территории, которые были включены в правовые рамки контролирующего государства (например, заморские департаменты Франции), рассматриваются ООН как деколонизированные, поскольку они больше не являются «несамоуправляющимися» образованиями; предполагается, что их население согласилось на слияние с бывшей метрополией.

Существуют и другие ситуации, когда одно государство имеет власть над другой страной. В свободной форме объединения некоторые суверенные государства-члены ООН уступают некоторую власть другим государствам, часто с точки зрения иностранных дел и обороны. Например, ответственность за защиту Андорры лежит на Испании и Франции, Сан-Марино и Ватикана – на Италии, оборону Кирибати обеспечивают Австралия и Новая Зеландия, оборону Науру неофициально берет на себя Австралия, так же как Новая Зеландия обеспечивает оборону Самоа. Швейцария взяла на себя ответственность за большую часть дипломатических отношений и обороны Лихтенштейна, Франция защищает независимость и суверенитет Монако, в то время как местное правительство осуществляет свои суверенные права в соответствии с французскими интересами. Фактически Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье являются такими странами для Российской Федерации, а сейчас к ним присоединились и Донецкая и Луганская Народные Республики. Можно этот список и расширить: в политическую зависимость от США сейчас попали почти все европейские страны, Япония и Канада.

Референдум о получении независимости является одной из наиболее традиционных и распространенных форм непосредственной демократии и состоит в прямом выражении воли граждан по определенному вопросу. Но даже референдум не гарантирует получение независимости. Например, Аруба в 1977 г. или Ангилья в 1969 г. проголосовали за независимость, но ее не получили. С другой стороны, не все подобные страны заинтересованы в получении политической независимости по ряду причин.

Заключение

Учитывая все вышеперечисленные характеристики и многообразие современных зависимых территорий, режимы управления ими и особенности исторического развития, можно утверждать, что зависимыми называются страны и территории, находящиеся в режиме той или иной формы опеки со стороны суверенного государства, не обладающие полной или частичной политической и экономической самостоятельностью.

стью, но не являющиеся автономными частями своих метрополий.

Если ранее подобные им страны относились к глубокой периферии мирового хозяйства и имели исключительно подчиненную роль в политических процессах, выступая территорией борьбы между великими державами, то в настоящее время их значение резко изменилось. Многие зависимые страны являются потенциальными суверенными государствами, которые могут стать членами ООН (если захотят), полноправными участниками мирового сообщества, способными в силу своих возможностей изменить планетарное геополитическое, геокультурное и геоэкономическое пространство.

Список источников и литературы

1. Иноземцев В. Л. Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии / Политическая концептология, № 3, с. 154–165, 2014.
2. Лучников А. С. Зависимые территории на политической карте мира XXI века: проблемы идентификации и роль в мировом развитии / Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Москва, С. 218–231, 2017.
3. Лучников А. С. Применение основных теоретико-методологических подходов при изучении политической карты мира / Географический вестник, с. 35–44, № 3, 2015.
4. Лучников А. С. Экономическая и социальная география России и мира. Политическая карта мира: учеб. пособие. Пермь, 164 с., 2015.
5. Наумов А. С., Дохов Р. А., Елманова Д. С., Попов Ф. А. Типология зарубежных стран: учеб.—метод. пособие. Москва, 336 с., 2019.
6. Родионова И. А. Политическая карта мира: учеб.—справ. пособие. Москва, 128 с., 2005.
7. Соколов С. Н. Непризнанные и частично признанные государства на политической карте мира / Культура, наука, образование: проблемы и перспективы, Нижневартовск, Часть V, с. 43–45, 2013.
8. Соколов С. Н. Перспективы существования непризнанных государств в XXI веке / Непризнанные государства: Методологические, политические и правовые аспекты: Самара, с. 108–117, 2016.
9. Шайхутдинова Г. Р. Суверенитет и ассоциированная государственность. 8 с. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F201747158/statuya_Shajhutdinovoj_PDF.pdf.
10. Armstrong H. W., Read R. Comparing the Economic Performance of Dependent Territories and Sovereign Microstates / Economic Development and Cultural Change, No. 48(2). Pp. 285–306, 2000.

NON-SELF-GOVERNING COUNTRIES ON THE WORLD MAP

Sokolov S.N. ¹

¹ Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

Usually, country directories indicate that there are about 250 countries in the world. What is the exact number of them? Difficulties in calculating the number of dependent territories are primarily related to the problem of their determination and identification of features. Most of them have state sovereignty, but in addition to them there are dependent territories. No one hides that a country has states dependent on it, but they try not to advertise it too much. Thus, there are more than 50 territories in the world that are mistakenly called countries, although in fact they are dependent territories. The referendum on independence is one of the most traditional and widespread forms of democracy. But even it does not guarantee independence. On the other hand, not all such countries are interested in gaining political independence for a number of reasons. Almost all Non-Self-Governing Territories are offshore, and they do not want to lose this status after independence. There are other situations when one state has power over a seemingly independent country. There are sovereign states that are members of the UN, which have ceded some power to other states (most often the conduct of foreign affairs and defense), uniting with them in a kind of free form. The author offers a typology of Non-Self-Governing countries on the political map of the world of the XXI century. Based on the analysis of the management of dependent countries, 5 types of such countries are concluded.

Key words: political map of the world, Non-Self-Governing countries, dependent territories, colonies, state sovereignty, independence.

ВЫБОРЫ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Диденко Д. Ю. ¹

¹ АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,

Михеева Н. М. ^{2,3}

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация;

³ Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируются особенности электоральной геоструктуры Европейского союза на основе результатов выборов в Европейский парламент. Основной задачей исследования было выделение регионов в государствах-членах ЕС, в которых результаты выборов в Европейский парламент будут наиболее близки к всесоюзным результатам. Для анализа авторы использованы региональный индекс, демонстрирующий отклонение результатов выборов в Европарламент в конкретном регионе страны от национальных и коэффициент неоднородности, позволяющий судить об уровне электоральной поляризации.

Ключевые слова: территориальная электоральная структура, Европейский Союз, выборы в Европейский парламент, математические методы пространственного анализа.

Введение

На сегодняшний день Европейский парламент является единственным избираемым международным парламентским органом, при этом среди институтов ЕС именно Европарламент (ЕП) напрямую избирается населением Союза. В этой связи интересным представляется анализ электоральных предпочтений населения государств-членов ЕС. С точки зрения теоретических подходов структуризация электоральных предпочтений должна способствовать образованию электоральных геоструктур, т.е. подчиняться определённым закономерностям, а не быть хаотичной [1].

Основной исследовательским вопросом, которому посвящена данная

статья, стоит следующим образом: «В каких регионах результаты выборов в Европейский парламент наиболее близки к всесоюзным (уровня ЕС)?». Выделение подобных регионов, оценка их пространственной дифференциации позволит определить центр и периферию европейских политических процессов, что с большей вероятностью позволит прогнозировать вектор дальнейшего развития электоральных процессов в ЕС при выборах в ЕП.

Результаты выборов в Европейский парламент в контексте расширения его полномочий

Среди как отечественных, так и зарубежных исследователей существует довольно противоречивые оценки роли ЕП в процессе принятия решений по вопросам внутренней и внешней политики ЕС [2,5]. Очевидно, что в процессе развития европейских интеграционных процессов значение и функции ЕП претерпели значительные изменения. Общая Ассамблея ЕОУС в 1952 г. представляла формально-декоративный институт народной демократии, не имевший ни бюджетных, ни законодательных, ни иных регулятивно-контрольных полномочий. За 70 лет существования этого института его роль и значение выросли. Связано это в первую очередь было с переходом к прямым выборам (первые прямые выборы состоялись в 1979 г.), что отразилось на постепенном возрастающей вовлеченности европейских граждан в формирование состава ЕП, большей узнаваемостью института. Вторым значимым явлением стало постепенное расширение полномочий ЕП. С 1971 г. ЕП получил право отклонять бюджет ЕС. Первое существенное расширение полномочий произошло на основе Единого европейского акта (1986), согласно которому была утверждена процедура сотрудничества. ЕП получил право вносить поправки в директивы Совета ЕС, особенно при наличии расхождений, давать согласие на вступление новых государств в ЕС, на ратификацию соглашений с третьими государствами. Маастрихтские соглашение принципиально не расширили компетенции ЕП в бюджетных отношениях, но ЕП стал принимать активное участие в формировании Комиссии. Вплоть до 2010-х годов в компетенции ЕП был только контроль над так называемыми необязательными расходами (расходы на две главные политики ЕС — региональную и сельскохозяйственную не входили в этот список, а это от 60 до 70 % всего бюджета). Равные права с Советом ЕС ЕП получил лишь после вступления в силу Лиссабонского соглашения. На сегодняшний день ЕП имеет следующие функции: в рамках законодательной процедуры принимает совместные решения совместно с Советом, осуществляет демократический контроль над Комиссией и участвует в формировании состава Комиссии,

участвует в разработке бюджета и осуществляет политический контроль над исполнением бюджета.

Довольно долго выборы в ЕП воспринимались гражданами и политиками как второстепенные, поскольку в ходе голосования избиратели выражали в первую очередь свое отношение к вопросам по национальной повестке дня. Стоит отметить, что большинство влиятельных национальных партий имели совпадающие позиции по проблемам развития интеграционных процессов в ЕС. Расширение полномочий ЕП повысило интерес национальных партий к участию, формированию лоббистских групп. Экономический кризис 2008 г. и миграционный кризис 2014–15 гг. очевидно отразились на изменениях предвыборных программ партий, появились правые и левые популистские партии, получившие большую поддержку именно на выборах в ЕП, нежели на национальных. Отразилось это и на составе ЕП. По итогам выборов 2019 г. Европейская народная партия и Партия европейских социалистов, традиционно составляющие большинство, потеряли часть мандатов. В то же время дополнительные мандаты получили крайне правые и право-популистские партии: Австрийская Партия свободы, французский Национальный фронт, Партия свободы (Нидерланды) и ряд других (для результатов по регионам см. Рисунок 1). По мнению Н. Ю. Кавешникова ЕП стал более фрагментированным: у традиционных коалиций значительно сократились возможности обеспечения простого большинства при голосовании по повестке дня, абсолютное большинство в сложившейся расстановке сил в ЕП практически невозможно [2].

Явка на выборах в ЕП традиционно всегда была невысокой. В первых выборах в ЕП в среднем участвовало 60 % населения государств-членов ЕОУС, в дальнейшем активность избирателей снижалась в среднем до 40–45 %, выборы 2014 г. продемонстрировали одни из самых низких показателей участия граждан (42,61 %). Электоральные циклы 2009–2014 гг., 2014–2019 гг. показали повышенную заинтересованность избирателей в деятельности ЕП, большую вовлеченность граждан в обсуждение позиций ЕП по ряду ключевых вопросов, что наглядно отразилось в деятельности СМИ, отмечено рядом исследователей, но принципиальным образом не нашло отражение в активизации явки избирателей.

На сегодняшний день ведущими фракциями ЕП являются: «Европейская народная партия» (EPP), включающая христианско-демократические и консервативные партии стран-членов ЕС; «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» (S&D), состоящий из социалистических, социал-демократических и рабочих партий; «Европейские кон-

серваторы и реформисты» (ECR), «Зелёные—Европейский свободный альянс» (Greens—EFA), альянс либеральных партий «Обновляя Европу» (RE), «Европейские объединенные левые/Лево-зелёные Севера» (GUE/NGL), объединившая евро-коммунистические, лево-зелёные и социалистические партии; фракция евроскептиков «Идентичность и демократия» (ID). Применение подходов электоральной географии к анализу электоральных предпочтений населения государств-членов ЕС позволит нам найти ответ на вопрос о возможности выявления регионов в странах-членах с наиболее близкими к общеевропейским результаты выборов в Европарламент, что в определенной степени позволит судить о том насколько партии, представленные в ЕП и образованные ими фракции демонстрируют консолидированность позиций или отсутствие ее у избирателей ЕС. Особенности пространственной дифференциации подобных регионов позволит ответить на вопрос о возможности выявления центра и периферии общеевропейских политических процессов, а также теоретически обоснованного выделения вектора развития дальнейших электоральных процессов в ЕС при выборах в ЕП.

Степень разработанности темы. Основной объём исследований по электоральной географии ЕС сосредоточен на национальном уровне анализа, без углубления на уровень регионов или муниципалитетов. Можно выделить статьи Т. Даублера, М. Чиру и С. Хермансена, подготовивших наборы данных по кандидатам и партиям для сравнительных исследований по выборам в Европарламент начиная с 1999 года [3]. Одно из немногих электоральных исследований европейских выборов, сделанных на субнациональном уровне, подготовили Н. Фиорино, Н. Понтаролло и Р. Ричутти. Учёные сосредоточились на предикторах явки на выборах в Европе [4,5]. Конкретный инструментарий для сравнительного электорально-географического анализа предлагает А. Зимиха [6].

Методология исследования. На выборах в Европарламент во всех странах-членах используются пропорциональные избирательные системы. Различия заключаются в отказе от единого избирательного округа (Польша, Италия), введении открытых партийных списков (Финляндия, Швеция) и иных элементах избирательных систем, которые незначимы, так как основными переменными здесь выступает процент голосов, поданных за европартию (партии, входящие в соответствующий политический альянс). В Ирландии, Мальте и британской Северной Ирландии, где используется система единого передаваемого голоса, ординарная структура бюллетеня не оставляет особого выбора, кроме как считать процент поданных первых предпочтений, поданных за всех кандидатов от отдельной партии, даже если какие-то из них не прошли в ЕП. При

расчёте долей голосов учитывались лишь партии, сумевшие получить мандаты. В некоторых случаях депутаты от одной партии оказывались в разных альянсах (что произошло, к примеру, с немецкой партией Die PARTEI, один депутат от которой вошёл в состав Зелёных — Европейского свободного альянса, а другой стал независимым). В таком случае голоса пересчитывались пропорционально доле национальной партии в каждой из европейских партий. Всего для избирательной кампании 2009 года было учтено 239 регионов, для кампании 2014 года — 240, 2019 года — 243, выделяемых на уровне NUTS-2, (по мере трансформации сетки регионов мы стремились отражать её изменения).

Для анализа электоральной геоструктуры ЕС использовался региональный индекс (RI) и коэффициент неоднородности (KD). Первый показатель нужен для оценки того, насколько результаты выборов в выбранном регионе отличаются от общеевропейских результатов. Он рассчитывается по формуле 1

$$RI = \frac{\sum \left| \frac{P[i, j]}{P[i]} - 1 \right|}{n} .$$

Где $P[i, j]$ — процент голосов, полученных i -партией в j -регионе, $P[i]$ — процент голосов, полученных i -партией на национальном (всесоюзном), n — число партий, по которым ведётся подсчёт, $\sum |P[i, j] / P[i] - 1|$ — сумма разниц по модулю долей голосов. Диапазон регионального индекса измеряется от 0 до бесконечности, 0 означает, что результаты выборов в регионе и на национальном уровне совпадают. Однако нужно понимать, что одинаковые значения RI никак не означают, что одинаковы результаты отдельных партий.

Коэффициент неоднородности же представляет собой среднее арифметическое ранее высчитанных региональных индексов (формула 2)

$$KD = \frac{\sum RI + \dots + RIn}{n} .$$

Где $R + \dots + Rn$ — сумма региональных индексов по регионам, n — число ячеек. Измеряется от 0 до бесконечности, 0 означает, что регионы по всей стране проголосовали абсолютно одинаково. Он позволяет параметризовать электоральную геоструктуру в целом, одновременно предоставляя информацию об уровне электоральной поляризации. На основе сравнительного исследования, проведённого А. Зимохой по 26 странам, значения KD предлагается интерпретировать по следующей шкале (таблица 1) [6].

Диапазон значений коэффициента неоднородности

> 1	Сильные региональные противоречия, проявляющиеся на национальном уровне (пример—Бельгия)
От 0,6 до 1	Сильные региональные противоречия, не проявляющиеся на национальном уровне (пример—Испания)
От 0,4 до 0,6	Существует потенциальная угроза стабильности политической системы (пример—Германия)
< 0,4	Региональных противоречий нет или же они незначительны (пример—Чехия)

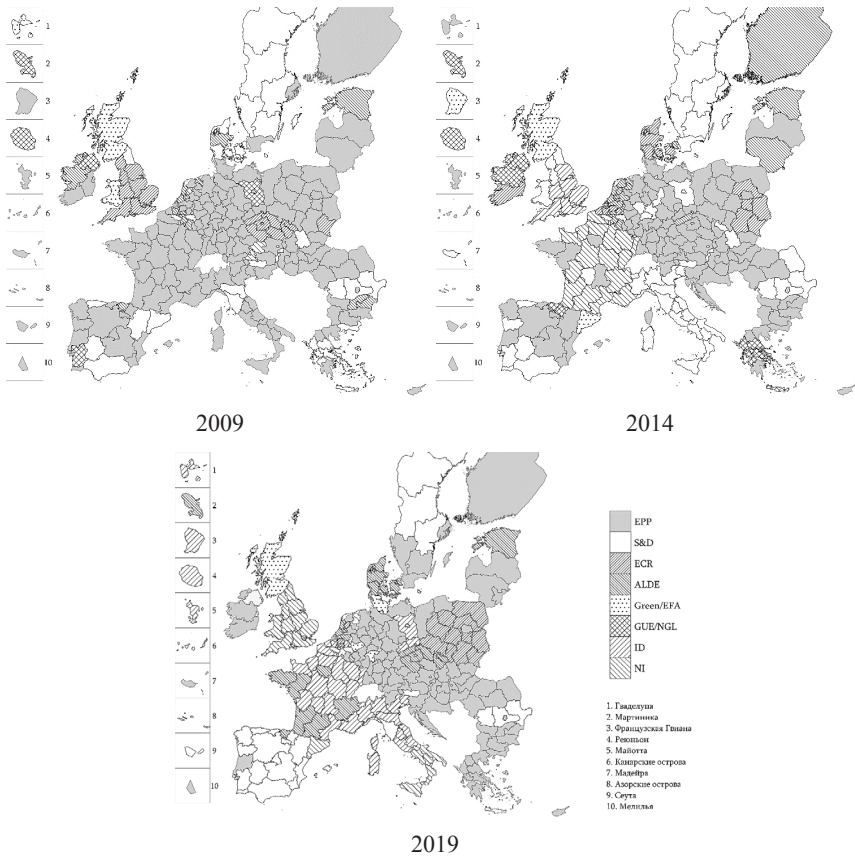

Рис. 1. Результаты политических партий-членов фракций ЕП—победители по регионам (2009, 2014, 2019)

Результаты. Из анализа картограмм (Рисунок 2) мы видим, что общеевропейские расколы представляют собой размежевания «центр-периферия» и «цивилизационный» раскол. Однако в данном случае периферию не стоит воспринимать лишь в значении «депрессивный регион». В ФРГ особенно выделяется кластер регионов, являющихся частью плотно заселённого Рурского бассейна, представляющего собой экономически развитый даже по немецким меркам юго-запад Германии. Довольно близкие к общеевропейским результаты показывают и заморские территории Португалии, Франции и Испании (например, Гваделупа в 2014-м), это объясняется особенностями партийных систем в странах-метрополиях: учитывая, что расчёты производились для всех восьми политических альянсов, а в одной стране национальные партии почти никогда не были представителями всех восьми, то именно партийный плюрализм мог играть решающее значение. В отдельных случаях расколы в некоторых странах выделяются даже на фоне остальной Европы, как в Испании (Каталония, Баскония), так и в Бельгии (Валлония), что демонстрирует глубину противоречий в этих странах. Территории бывшей ГДР были сильно поляризованы лишь в 2009 г., что, видимо, связано с влиянием мирового финансового кризиса. Раскол «город-село» в общеевропейском масштабе также прослеживается, однако здесь важно понимать, что речь идёт о мегаполисах, настолько населённых, что им был присвоен статус отдельных регионов NUTS-2, таких как Берлин и Лондон.

Результаты подсчета коэффициента неоднородности противоречивы. Очевидно можно выделить кластер регионов с относительно небольшим RI, расположенный в Западной Европе, при этом стабильность за оба цикла демонстрировали лишь юго-западные регионы Германии, хоть ни один из них не удерживал свои позиции за все 3 кампании. Регионы-аутсайдеры в большинстве своем расположены на окраинах ЕС, среди которых особенно выделяется британская Северная Ирландия, стабильно занимающая первое место, и Подкарпатское воеводство Польши. Есть все основания предполагать, что причиной этому является не сколько политическая история североирландского региона или политическая культура, сколько влияние избирательной системы. В совокупности можно сделать вывод, что решающими для «общеевропейскости» факторами являются 1) партийный плюрализм; 2) плотность населения, а, значит, и численность избирателей (так, в 2019 году каждый пятый голос, поданный на выборах в Европарламент, был из Германии); 3) географическое положение, которое, по всей видимости, определяет степень влияния общеевропейского дискурса, а, значит,

и всеевропейскую электоральную структуризацию. Таким образом, мы отвечаем на поставленный исследовательский вопрос следующим образом: мы можем выделить конкретный макрорегион (Рурский регион), однако выделение более мелких административных единиц будет, по всей вероятности, сомнительной исследовательской стратегией. Очевидно требуется проведение уже полноценного количественного исследования.

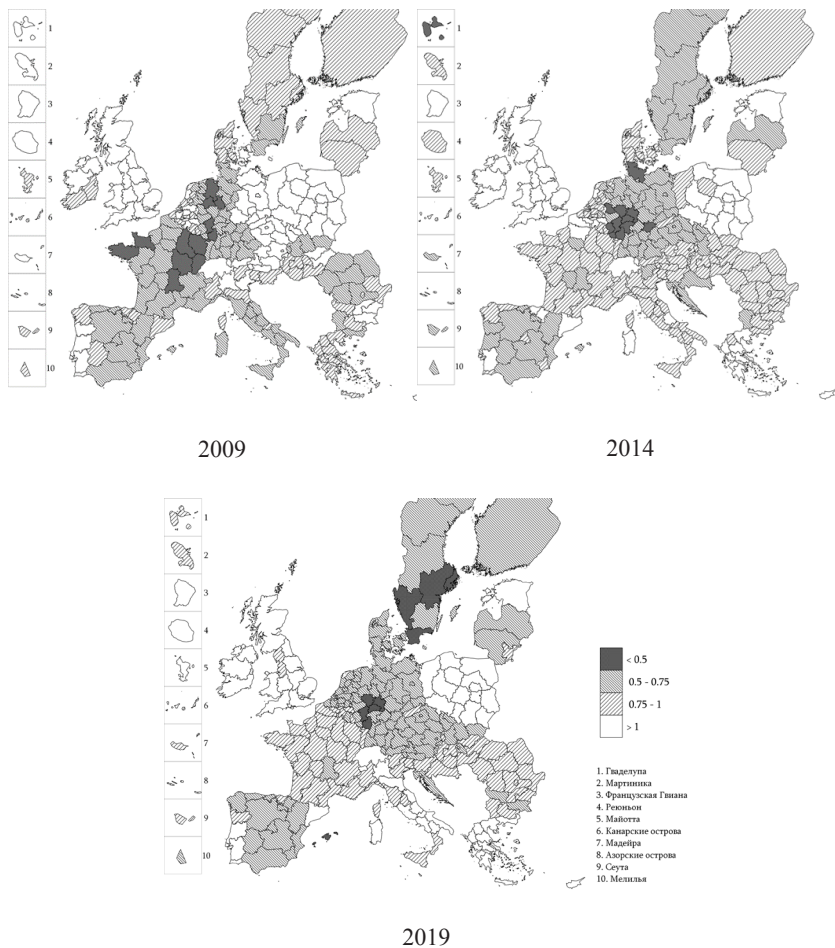

Рис. 2. Значения регионального индекса в регионах ЕС по итогам выборов в Европарламент (2009, 2014, 2019)

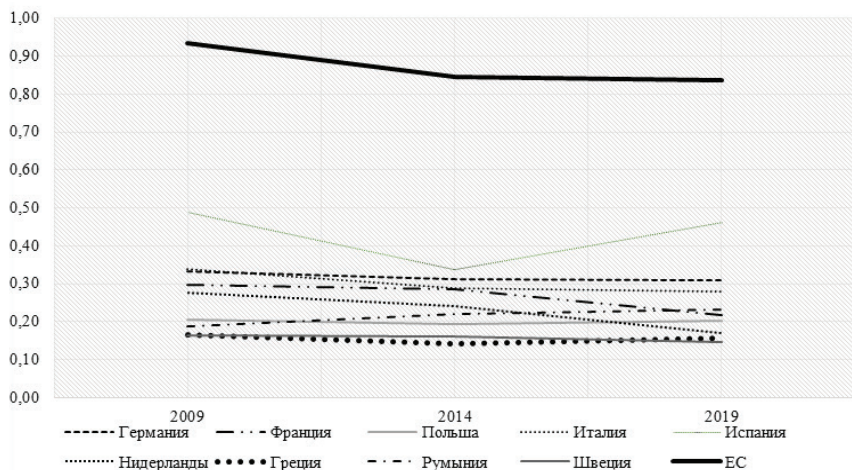

Рис. 3. Значение коэффициента неоднородности для отдельных стран-членов ЕС и для ЕС в целом

Крайне высокие значения коэффициента неоднородности в целом по ЕС (0,93 в 2009 году и 0,84 в 2019 году), учитывая характер «все-союзной» избирательной и партийной систем не удивителен, однако он беспрецедентно высок даже в сравнении со крупными европейскими странами (Рисунок 3). Это наводит на мысль, что Европарламент как законодательный орган может существовать лишь в условиях узких полномочий, так как в противном случае углубление интеграции и расширение компетенций Европарламента грозит масштабным политическим кризисом. С другой стороны, нисходящая динамика коэффициента как в ЕС, так и в большинстве рассмотренных государств даёт основания предполагать, что электоральная поляризация может быть преодолена, но — только в долгосрочной перспективе.

Заклучение

Целью исследования было выявление регионов с наиболее близкими к общеевропейским результаты выборов в Европарламент. Для анализа электоральной геоструктуры ЕС был применён метод расчёта регионального индекса и коэффициента неоднородности. Выявлено, что географическая зависимость в наборе регионов с наименее и наиболее далекими от общеевропейских цифр результатами действительно имеется. Регионы с наибольшим региональным индексом представляют собой как действительную экономическую периферию ЕС (Греция и Пор-

тугалия), так и регионы, либо относительно недавно ставшие членами Союза (Польша, Эстония, Кипр), либо обладавшие значительной степенью автономии от него (Великобритания). Центром же в значительной степени выступают регионы, входящие в те государства, вовлечённые в процессы европейской интеграции уже очень давно (Германия). Значения коэффициента неоднородности в целом по ЕС крайне высоки. (0,93 в 2009 году и 0,84 в 2019 году). Для Германии значение коэффициента стабильно, наиболее низкие показатели у Швеции и Греции. Основываясь на результатах исследования можно уверенно утверждать, что ближе всего к общеевропейским результатам регионы юго-западной Германии. В дальнейшем их можно использовать как модельные регионы для анализа выборов в ЕП.

Список источников и литературы

1. Туровский Р.Ф. Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного сравнительного анализа // Полития.— 2004.— № 1.— С. 198–232.
2. Кавешников Н. Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа, 2020, № 2, С. 165–175.
3. Däubler T., Chiru M., Hermansen S. S. L. Introducing COMEPELDA: Comprehensive European Parliament electoral data covering rules, parties and candidates // European Union Politics.— 2021.
4. Fiorino N., Pontarollo N., Ricciuti R. Supranational, national and local dimensions of voter turnout in European Parliament elections // JCMS: Journal of Common Market Studies.— 2019.— Т. 57.— № 4.— С. 877–893.
5. Fiorino N., Pontarollo N., Ricciuti R. Voter Turnout in European Parliament Elections: A Spatial Analysis.— 2016.
6. Зимоха А. Ю. Цели и методы воздействия на территориальную картину результатов выборов // Региональные исследования.— 2006.— № 2.— С. 17–24.

ELECTIONS TO THE EUROPEAN PARLIAMENT IN THE CONTEXT OF ELECTORAL AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS

Didenko D. Yu. ¹

¹ ANOOVO “European University in St. Petersburg”,
St. Petersburg.

Mikheeva N.M. ^{2,3}

² St. Petersburg State University, Russia;

³ North-West Institute of Management of RANEP
under the President of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

The article analyzes the features of the electoral geostructure of the European Union on the basis of the results of the elections to the European Parliament. The main objective of the study was to identify the regions in the EU member states in which the results of the elections to the European Parliament will be closest to the all-Union results. For the analysis, the authors used a regional index demonstrating the deviation of the results of the elections to the European Parliament in a particular region of the country from the national ones and the heterogeneity coefficient, which allows us to judge the level of electoral polarization.

Key words: territorial electoral structure, European Union, elections to the European Parliament, mathematical methods of spatial analysis

«ОБРАЗ ВРАГА» В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Абросимова Н. В.¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В своей работе автор анализирует тему «образа врага» в системе политической картины мира, рассматриваемую в научных статьях, опубликованных в 2012–2022 годы и размещенных в онлайн-библиотеке cyberleninka.ru на русском языке. Основная цель данной работы — описать научные направления исследований, авторы которых изучают проблему «образ врага».

Ключевые слова: образ врага, картина мира, психология политики

Введение

Психологический феномен «дьявольского образа врага», сопровождающий любые социальные, и в особенности политические, конфликты, описанный американским психологом Р. Уайтом, неплохо проанализирован в отечественной и зарубежной литературе. Сущность «дьявольского образа врага» состоит в том, что «хорошие поступки противника всегда соотносятся с устремлением достичь какой-либо цели, собственные же добрые действия совершаются-де в силу мирного и доброго характера, а свои весьма сомнительные поступки объясняются обстоятельствами или поведением другого лица, которое и вызвало грубый ответ» [1: с. 258]. Формирование данного феномена происходит в ситуации, когда «на уровне представлений масс все многообразие действительности укладывается в рамки полярных понятий — «победа или смерть», «свой-чужой», «мы-они», «хороший — плохой» [2: с. 302].

При анализе работ, опубликованных в онлайн библиотеке cyberleninka.ru, автором статьи было выделено несколько основных областей наук, в рамках которых исследователями рассматривается проблема «образа врага»: «История и археология» (Абдрашитов Э. Г., Агаркова В. Д., Алейников С. С., Алибекова Л. М., Артамонов Г. А., Богомоллов И. К., Братолобова М. В., Бурик Н. М., Воловников В. Г., Воробьева Э. А., Гончаров Е. В., Дронов В. А., Дятлов В. И., Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г., Кокконен Е. И., Колдомасов И. О., Коробейников А. В., Коробков Ю. Д., Магомедов Р. Р., Минц М. М., Михеев Д. В.,

Орлова А. С., Попова В. В., Рябов О. В., Рябченко Н. П., Свечникова С. В., Соболева А. Н., Улизко П. В., Ульянов П. В., Урбански С., Федосов Е. А., Фоменко Т. А., Чогандарян М. Г., Чурилов Е. О., Юдин Н. В., Яковлева М. А.), «Искусствоведение» (Дронов В. А., Макаров Д. В., Спутницкая Н. Ю.), «СМИ (медиа) и массовые коммуникации» (Артамонов Г. А., Беляев А. В., Галдина Е. В., Зинковская Л. С., Кафтан В. В., Кузьминская С. И., Орлова А. С., Осин Р. В., Томбу Д. В.), «Языкознание и литературоведение» (Бакуменко Л. И., Бачурин В. Д., Вейн Д. К., Егорова Т. П., Желтухина М. Р., Заранян Е. В., Зеленская Л. Л., Калинта В. В., Клевцова А. М., Костылев Ю. С., Котов Б. С., Лугуева Р. Г., Манухина А. О., Маслинская С. Г., Молодыченко Е. Н., Павлов П. В., Потапов Д. С., Похаленков О. Е., Фадеичева М. А., Филиппова С. В., Фоменко Т. А., Храброва Е. С.), «Политические науки» (Ачкасов В. А., Двойненко, М. О., Журавская О. С., Култышева И. В.), «Философия, этика, религиоведение» (Василенко Ю. В., Зыгмонт А. И., Кучинов Е. В., Лункин Р. Н., Хугаев И. С., Шалагинов, Д. С. Щукин Д. А.), «Право» (Конев А. Н.), «Психологические науки» (Альперович В. Д., Басангова А. А., Горшков А. А., Гринькова Ю. Н., Куковская М. А.).

Остановимся на некоторых работах вышеперечисленных авторов.

Например, Рябченко Н. П. пишет о статье С. Урбански, анализирующей вопросы советско-китайских отношений второй половины XX века [3].

Лункин Р. Н. говорит об исторической динамике формирования негативного образа сектанта (в СССР и России), роли СМИ в трактовке религиозной мифологии. Сложность «сектантского» образа состоит, по мнению автора, в том, что первый «делает религиозность или антирелигиозность оппонента намного ярче, чем она есть на самом деле» [4: с. 89], добавляя, что «сектантская «пищевая цепочка» многообразна: для православных сектант—баптист, а для баптиста—пятидесятник, для пятидесятника—свидетель Иеговы, для иеговиста—все, впрочем, в таком ключе мыслят и многие православные и мусульмане» [4: с. 93].

Кузьминская С. И. анализируя мифологему «образ врага» в русле манипулирования сознанием, описывает основные элементы данной мифологемы [5].

Кафтан В. В. и Беляев А. В. в своей работе, посвященной анализу конструирования и репрезентации образа врага в современных насильственных практиках пишут о том, что «конструирование такого образа в современной социально-политической реальности позволяет стороне конфликта списывать внутренние трудности, неумение управлять и хозяйствовать, обеспечивать достойный уровень жизни и защищать собственные интересы на изощренные происки своего противника» [6: с. 242].

Заключение

Таким образом, в данном материал автор попыталась провести анализ статей, в которых поднимаются вопросы «образа врага», рассматриваемые исследователями разных научных областей. Автор выделила основные направления работ, рассматривающих данную тематику. В задачи данной статьи не входил полный и глубокий анализ всех журнальных работ, встречающихся в онлайн-библиотеке cyberleninka.ru, опубликованных с 2012 по 2022 гг. Данная работа может быть продолжена, поскольку тема носит актуальных характер.

Список источников и литературы

1. Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. Ростов-н/Дону: Феникс, 1996, 448 с.
2. Бушев А. Б. Элементы дискурс-анализа для оценки манипуляции в глобальных средствах массовой коммуникации // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, 2009, с. 301–306. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-diskurs-analiza-dlya-otsenki-manipulyatsii-v-globalnyh-sredstvah-massovoy-kommunikatsii> (Дата обращения: 10.02.2022 г.)
3. Рябченко Н. П. Кто же и зачем создавал образ врага? Россия и АТР, 2019, № 3, с. 190–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kto-zhe-i-zachem-sozdaval-obraz-vraga> (Дата обращения: 10.02.2022 г.)
4. Лункин Р. Н. Образ врага в религии: особенности антропологической зависимости // Религиоведческие исследования, 2018, 2 (18), с. 88–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vraga-v-religii-osobennosti-antropologicheskoy-zavisimosti> (Дата обращения: 10.02.2022 г.)
5. Кузьминская С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016, № 3, с. 49–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vraga-v-sovremennoy-politicheskoy-mifologii> (Дата обращения: 10.02.2022 г.)
6. Кафтан В. В., Беляев А. В. Конструирование и репрезентация образа врага в современных насильственных практиках // Социально-гуманитарные знания, 2020, с. 236–242. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-i-reprezentatsiya-obraza-vraga-v-sovremennyh-nasilstvennyh-praktikah> (Дата обращения: 10.02.2022 г.)

«IMAGE OF THE ENEMY» IN THE SYSTEM OF THE POLITICAL PICTURE OF THE WORLD: REVIEW OF RESEARCH

Abrosimova Natalia Valerievna¹

¹Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

In her work, the author analyzes the topic of the «image of the enemy» in the system of the political picture of the world, considered in scientific articles published in 2012–2022 and placed in online library cyberleninka.ru in Russian. The main purpose of this work is to describe the scientific areas of research, the authors of which study the problem of the «image of the enemy».

Key words: image of the enemy, picture of the world, the psychology of politics

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ГЕОГРАФИЧЕСКИ- АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ФАКТОР (НА ПРИМЕРАХ ИВАНОВСКОЙ И БРЯНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Исайчиков В. Ф.¹

¹Журнал «Просвещение»,
Москва, Российская Федерация

Одним из видов политической (классовой) борьбы является использование географически-административных факторов. Политические ошибки при административном делении, как это было при создании СССР по сталинскому пути, когда для национальных регионов с разными экономическими укладами были установлены одинаковые административные формы, вылились в серьезные потрясения после распада СССР и смены классовых процессов в самостоятельных республиках. На примере двух областей России (Ивановской и Брянской) показано, как исторически на административное деление влияли факторы классовой борьбы и сделан вывод, что нужна максимальная точность, осторожность и соблюдение демократических норм при административном делении, затрагивающем национальные отношения.

Ключевые слова: географически-административное деление, политическая борьба, национальные отношения, Брянская область, Ивановская область, Украина.

Введение

Политическая борьба, наряду с экономической и теоретической борьбой является одним из видов классовой борьбы. При определяющем виде экономической борьбы, каждый из видов классовой борьбы обладает определённой автономностью и своей структурой. Одним из видов политической борьбы является использование политико-географических факторов. Обычно административное деление определяется как прямым воздействием экономических факторов: торговли, промышленности, транспорта; так и факторами политическими, в первую очередь, защищенностью от воздействия враждебных сил. Но в случаях, когда территория имеет национальные, классовые и другие особенности, одним из методов политической борьбы является административное деление, при котором ряд экономических преимуществ может игнорироваться в пользу преимуществ политических. Например, обра-

зование СССР в её сталинском виде, при котором волонтаристски были политико-административно уравнены регионы с существенно отличающимися экономическими укладами, было большой политической ошибкой (последствия которой мы до сих пор расхлёбываем), и оно было связано с классовой борьбой в советском обществе того времени [1].

Например, было большой ошибкой образование союзных социалистических республик в Казахстане и Средней Азии, где отсутствовал рабочий класс, особенно из коренных жителей (при том, что В.И. Ленин предостерегал от «введения там социализм», а главной задачей ставил борьбу с феодализмом) [2]. Но без рабочего класса и при крестьянстве, которое не то что до трактора, до лошади с плугом не доросло, социализм самостоятельно построить нельзя. В результате в Средней Азии и Казахстане (и некоторых других регионах) усилиями советского рабочего класса (преимущественно русского и украинского) была построена промышленность, инфраструктура, каналы и пр., которые достались детям баев и кочевников, в то время как коренные пролетарские центры России недополучали то, что уже имели «отсталые» окраины. Для этих регионов следовало с самого начала избрать иные формы административной подчинённости и экономического взаимодействия — чтобы они не были ни формой колониального господства, ни формой нахлебничества.

Не менее существенными были ошибки в политико-административном делении УССР, в том числе с передачей Крыма в состав Украины (а ещё ранее — передача в состав Украины северных уездов Таврической губернии).

Результаты исследования

Исследование всех политико-административных процессов в рамках СССР требует большого объема исследований и доступно крупным коллективам учёных в рамках специальных программ, поэтому автор ограничился исследованием истории двух российских регионов (нынешних Брянщины и Ивановской области) после Великой Октябрьской социалистической революции.

После губернского административного деления новые губернии на старых территориях создавались не часто; хотя со временем старые губернские города нередко теряли свои экономические преимущества. Если для правящего класса административный консерватизм не имел большого политического смысла, то он соответствовал мелким интересам чиновничества, для которого смена административного деления представляла определённые неудобства. Но когда новые промышлен-

ные центры оставались в разряде сёл или заштатных городов, то это уже классовая политика помещичьего государства. Таких примеров было не мало в промышленных центрах Юга России. В центральной России яркие примеры такой политики—это заштатный промышленный Иваново-Вознесенск, бывший в разы крупнее и уездной Шуи, и губернского Владимира, и промышленный район вокруг Брянска, подчинённый непромышленным Орлу и Калуге.

Уже буржуазная Февральская революция показала начало классовой борьбы в административно-территориальном делении—29 июня 1917 года был создан Иваново-Кинешемский продовольственный комитет с правами губернского; у местной буржуазии возникли экономические противоречия с помещиками: помещики заинтересованы в дорогом продовольствии, а капиталисты—в дешёвом. Великая Октябрьская социалистическая революция, упразднив класс помещиков и связанные с ним классовые противоречия одним декретом, другие классовые противоречия, например, между рабочим классом и крестьянскими классами упразднить не могла. При этом малочисленный рабочий класс и малограмотное крестьянство не могли управлять государством без помощи класса слуг (бюрократии), этот неосновной класс мог защищать свои классовые интересы в ущерб классам своих фактических хозяев.

Во Владимирской губернии оказались разобщёнными победивший пролетариат (из района Иваново-Вознесенска) и органы управления (в малопромышленном Владимире). До революции руководство партийными организациями РСДРП на местах осуществлялось, как правило, из района Иваново-Вознесенска, Шуи и др. пролетарских центров. После Октябрьской революции противоречие между крестьянско-чиновничьим Владимиром и пролетарским Иваново-Вознесенском продолжало сохраняться. Для приведения административно-территориального деления в соответствие с реальной структурой власти было два пути: либо перенос губернского центра в Иваново-Вознесенск, либо образование Иваново-Вознесенской губернии. Уже в ноябре 1917 года на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов был поставлен вопрос о переносе губернского центра в Иваново-Вознесенск, но предложение не получило большинства голосов. После этого в регионе с однородной текстильной промышленностью стало больше сторонников выделения Иваново-Вознесенской губернии из части Владимирской и Костромской губерний, и уже 1 декабря возникает Временный областной совет рабочих и солдатских депутатов Иваново-Кинешемской области, который пытается образовать новую губернию в составе Владимирской и части Костромской губерний. Чиновничье-крестьянский Владимир

проигнорировал это решение, причём интерес в сохранении Владимирской губернии был больше у местного чиновничества, которое потеряло бы работу. Поэтому после периода организационной подготовки и обсуждения различных вариантов в конце января при значительном участии М. В. Фрунзе была фактически организована пролетарская Иваново-Вознесенская губерния [3].

Но случай с Ивановской областью относительно прост, так как он не связан с национальным вопросом. Иное дело Брянщина. Её нынешняя территория до революции входила в состав Орловской губернии (4 уезда на западе губернии) и в состав Черниговской губернии (4 уезда на севере Черниговщины), при этом нынешняя Западная Брянщина до губернского деления конца XVIII века входила в состав Стародубского полка Малороссийского козацкого войска (административно-военной единицы Малороссии), а до Переславской Рады входила то в состав России, то в состав Речи Посполитой или Великого княжества Литовского.

После Хмельничины у новоявленных помещиков из козацкой верхушки возникли проблемы с крестьянами. Поскольку вольные казаки работать на помещиков не стремились, то наряду с процессом укрепления феодальной зависимости казаков (один гетман Мазепа роздал козацкой верхушке более тысячи универсалов на имения, и сам захватил 20 тыс. дворов), козацкая верхушка всеми правдами и неправдами стала усиленно сманивать крепостных крестьян из России. Переселенцы не только получали волю, но и освобождались от податей на 7–10–15 лет. Поскольку период активного бегства из Центральной России в Малороссию совпал с началом церковного раскола, то у большей части беглецов было идейное прикрытие — убегали якобы от никонианских преследований.

Политика Петра I по отношению к старообрядцам, как и к беглецам в Малороссию, была непостоянной, периоды притеснений сменялись периодами послаблений. Во время войны со шведами Пётр I мало обращал внимания на жалобы русских помещиков, поскольку основной поток старообрядцев не оседал в Малороссии, а уходил на территорию близкой Речи Посполитой, где для беглецов были более приемлемые условия, чем в России. Положение старообрядческих слобод в этом регионе изменилось после измены гетмана Мазепы. Петр I решил использовать русских старообрядцев в качестве одной из опор царской власти в Малороссии. Когда военные действия в Малороссии были завершены, Пётр I провёл перепись старообрядческих слобод, а в 1715 году изъял эти слободы из гетманщины и подчинил их непосредственно россий-

ской власти. А поскольку управлять жизнью 17 слобод из Киева или Стародуба было невозможно, то фактически эти слободы получили самоуправление: в каждой слободе выбиралась местная власть, а представителями от всех слобод выбиралось общее руководство. То есть, православные царь Пётр и губернатор Голицын создали фактически автономную старообрядческую республику, которая, между прочим, имела право выдавать паспорта (в те времена они выполняли и функции загранпаспортов). Эта «республика» просуществовала несколько десятков лет и была упразднена после раздела Польши при Екатерине II, но её русское ядро сохраняло свою самобытность. Кстати, после того, как Пётр I упразднил гетманщину в Малороссии, для управления этой территорией было создано специальное «министерство» — Малороссийская коллегия, которая располагалась в Глухове, на самой границе с Россией — тоже элемент административного управления [4].

На нынешней Брянщине к Великой Октябрьской социалистической революции наблюдалось несоответствие устаревшего административно-территориального деления и новой практики. До революции из 4-х западных уездов Орловской губернии 2 уезда были непромышленными, 1 — со слабым развитием промышленности, и 1 (Брянский), с сильно развитой промышленностью (при том, что остальная часть Орловской губернии была непромышленной). В Орле промышленность была слабой, это был чиновничье-помещичий город. Похожая картина была и в Черниговской губернии: в непромышленной губернии промышленные предприятия текстильной и спичечной промышленности располагались в 2-х северных уездах. Но на экономическую картину накладывалась и картина национальная — 4 северные уезда были преимущественно русскими, причём городское население было преимущественно русское и еврейское, а сельское население говорило на языке, переходном между русским, белорусским и украинским.

Великая Октябрьская социалистическая революция резко изменила ситуацию в регионе. Если в Брянске Советская власть была установлена в течение нескольких часов после получения известия о передаче власти Советам в столице, то на севере Черниговщины Советская власть была укреплена в ноябре-декабре 1917 года прибывшим из Петрограда эшелонном моряков (местных уроженцев) под командованием матросов Улезко и Федосенко. Но в Чернигове и в Киеве была установлена власть мелкобуржуазной и самозванной Украинской Рады (её население не выбирало), которая выступила против большевиков и объявила продовольственную блокаду российским городам и фронтам.

В этих условиях произошёл одновременно и классовый, и наци-

ональный раскол: Советы северных уездов Черниговщины приняли решение не подчиняться Украинской Раде. 30 декабря 1917 года Ново-зыбковский уездный съезд Советов принял решение подчиняться ближайшему губернскому совету (в Могилёве). Однако в процесс национально-классового размежевания в этом районе вмешался Брестский мир. Знали ли Советское правительство и советская делегация на мирных переговорах о самоопределении 4-х уездов в состав России, автору не известно, ибо в исторической литературе об этом умалчивалось, но германские власти определённо не признали отделения этих уездов от Украины и, несмотря на сопротивление рабочих полков и партизанских отрядов, в марте 1918 года оккупировали большую часть этой территории. Неоккупированной осталась территория чуть больше уезда — и эту часть в Москве продолжали считать территорией союзной Украины и помогали формировать в районе Унечи Богунский и Таращанский полки Украинской Красной Армии. В то же время выдвинутые с большей части своей территории уездные Советы считали себя территорией России и на объединённом съезде в Почепе 16–17 июня приняли решение войти в состав Советской России. Эта территория получила права губернии; но она ими не успела воспользоваться, так как после Ноябрьской революции в Германии войска Украинской Красной Армии в течение нескольких дней не только освободили эти уезды от немецкой оккупации и власти украинских националистов, а затем освободили Гомель и Киев. Уезды, вышедшие из состава Украины, были включены в состав новой губернии, Гомельской (тогда — в составе РСФСР). И лишь к 1926 году на стыке трёх республик была установлена окончательная граница и эти уезды вошли в состав новой губернии — Брянской [5].

Ситуация с образованием Брянской губернии была близкой к ситуации с образованием Иваново-Вознесенской. Хотя первые марксистские кружки появились в губернском Орле, но в связи с развитием рабочего движения партийный центр переместился в Брянский промышленный район, в который, кроме Брянского уезда, входила часть Жиздринского уезда Калужской губернии (так называемая Мальцовщина — район со стекольными и машиностроительными предприятиями и собственной узкоколейной железной дорогой). На крупнейшем предприятии района (Брянском машиностроительном заводе) работало до 18 тыс. человек — это был один из крупнейших заводов России. Пролетарский Брянск ещё до революции выполнял функции регионального центра; во время корниловского мятежа именно Брянский комитет РСДРП(б) взялся за координацию отпора мятежникам на территории соседних губерний. Не удивительно, что и до, и после революции губернские партий-

ные конференции проходили в Брянске, и Советская власть в губернии опиралась, в первую очередь, на брянских рабочих. Поэтому классовые противоречия между помещичье-чиновничьим и крестьянским Орлом и Брянским пролетарским районом также стали возрастать.

Руководитель брянских большевиков потомственный рабочий Игнат Фокин, который, несмотря на свою молодость, имел большой авторитет в партии (в годы Первой мировой войны он руководил Петербургской организацией, а в Учредительном собрании был руководителем фракции большевиков) также (возможно, что и под влиянием М. В. Фрунзе и образования Иваново-Вознесенской губернии) почувствовал, что необходимо привести в соответствие реальную власть и административное деление, и начал соответствующую работу в ЦК и правительстве (тем более, что фактически под его контролем находился и Военный Совет Брянского района и оставшийся «бесхозным» клочок Черниговской губернии). В октябре 1919 года деникинцам удалось на неделю захватить Орёл; они покинули его, в том числе, и под давлением войск из Брянска. Возможно, что и этот факт сыграл свою роль при решении об образовании Брянской губернии.

А поскольку границы Черниговщины проходили недалеко от Брянска (и далеко от Чернигова и Гомеля), то, естественно, что в его расчёты входило и включение в состав губернии 4-х русских уездов Северной Черниговщины. Однако ранняя смерть не позволила довести Фокину это дело до конца, и губерния официально была организована 1 апреля 1920 года без нынешних западных районов (они вошли в состав губернии позже) [6].

Но административно-территориальное деление далеко не всегда применялось с умом. Например, административная перекройка территорий с образованием крупных краёв и областей в конце 20-х годов, для которой не было экономических оснований, поскольку при имевшемся уровне транспорта и связи эти регионы становились малоуправляемыми, оказалась неудачной. И если Ивановская область при этом особо не пострадала, поскольку её центр остался в Иванове, то образование Западной области, куда вошла территория Брянской губернии, ничего хорошего не принесла для Брянщины — транспортные связи с областным центром у удалённых районов были крайне неудобные. Брянск, только начавший отстраиваться как губернский центр, опять застыл в развитии культуры и инфраструктуры. Последующая реорганизация с включением бывшей территории Брянской губернии опять в состав Орловской области и возврат Жиздринского уезда в Калужскую область тоже мало способствовала развитию этого региона; даже в сельском хозяйстве

чернозёмная Орловщина существенно отличалась от преимущественно нечернозёмной Брянщины. Образование Брянской области в 1944 году не полностью восстановило экономические связи в регионе, поскольку прилегающие к Брянску районы Калужской области так и остались на задворках у калужан, в то время как от границ Калужской области до Брянска всего 20 км.

Заключение

Из представленных материалов следует, что перед внесением изменений в существующую административно-политическую структуру государства необходимо глубокое изучение истории политико-административного деления рассматриваемых регионов, особенно в случае проблем в национальных отношениях. Это актуально в настоящий момент в связи с возможными изменениями в политико-географическом состоянии в Украине и в прилегающих регионах России. Для учёта опыта национального самоопределения Северной Черниговщины (Западной Брянщины) в российско-украинских отношениях как исторического прецедента автор направил историческую справку в МИД России [7].

Список источников и литературы

1. Исайчиков В. Ф. Ленинский и сталинский пути построения советского многонационального государства как отражение классовой структуры общества — тезисы доклада для конференции «Становление советской государственности: выбор пути и его последствия», Екатеринбург, Ельцин-центр, 21–25 июня 2022 года — в печати.
2. Ленин В. И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в Туркестане, ПСС, т. 41, с. 153.
3. Возилов В. В. Страницы биографии М. В. Фрунзе Иваново: «Референт», 2018, — 308с.
4. Исайчиков В. Ф., Исайчиков Ф. С. Климова Слобода — Климов — Климово. Книга первая: Климова Слобода — Климов. М.: «Петит», 2009, 292с.
5. Исайчиков В. Ф. Национально-классовое самоопределение Северной Черниговщины (Западной Брянщины) — «Просвещение», № 2. 2019, с. 11–22.
6. Исайчиков В. Ф. Игнат Фокин и Брянская губерния — «Брянский Рабочий», 11.04.2019, с. 12.
7. Исайчиков В. Ф. Историческая справка о Западной Брянщине — при исх. № 1/3 от 25.03.2022 журнала «Просвещение».

POLITICAL STRUGGLE AND GEO-ADMINISTRATIVE FACTOR (USING EXAMPLES OF THE IVANOVO AND BRYANSK REGIONS)

Isaichikov V. F. ¹

¹The magazine “Enlightenment”,
Moscow, Russia

One type of political (class) struggle is the use of geographical and administrative factors. Political errors in administrative division, as was the case when the USSR was created along the Stalinist path, when the same administrative forms were established for national regions with different economic ways, resulted in serious upheavals after the collapse of the USSR and the change of class processes in independent republics. The example of two regions of Russia (Ivanovo and Bryansk) shows how historically factors of class struggle influenced administrative division and concluded that maximum accuracy, caution and observance of democratic norms in administrative division affecting national relations are needed.

Key words: geographical-administrative division, political struggle, national relations, Bryansk region, Ivanovo region, Ukraine.

ИМПЕРСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ТЕОРИИ ДЛИННЫХ ЦИКЛОВ ДЖ. МОДЕЛЬСКИ: НЕСКОЛЬКО КРИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ О ТЕЗИСАХ «ЭПОХИ МОДЕРНА»

Серебряков К. Д.¹

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Собянин В. В.²

² ООО «ВКонтакте»

Дж. Модельски говорит о наступлении с XV века эпохи Модерна, в которой наблюдается кризис имперской идеи и объявляется победа национального государства. Однако сами государства-гегемоны в исследуемой теории в своей пиковой форме представляли именно различные варианты империй. Методологическая часть: синхронный и асинхронный компаративный анализ. Наравне с экономическим национальный фактор играл важную роль в конфигурации основных макрополитических акторов, но имперские тенденции при усилении влияния гегемона на третьих и четвертых стадиях длинного цикла усиливались. Каждый длинный цикл означал собой новую имперскую форму в содержательном смысле. Нация становится не оппонентом имперскому правлению, а его легитиматором, а крупные события, влияющие на переконфигурацию по итогам каждого цикла лидеров сигналируют о кризисе имперских форм как в их балансе с национальными началами двух противоборствующих ведущих государств, так и в содержательном смысле самой идеи империи, принимающей в каждом цикле свою специфическую модель существования в пределах противоборствующих ведущих государств.

Ключевые слова: циклы глобальной политики, империя, кризис империи, государственная идентичность, Дж. Модельски, национальное государство, эпоха модерна.

Введение

Джордж Модельски стал первым в мировом научном сообществе, кто серьезно взялся за обоснование термина «хронополитика». Темпоральное измерение мировой политики через рассмотрение в ней цикличности, а кроме того разработанный понятийный аппарат по теории и многочисленные эмпирические исследования в её обоснование — в этом краткое описание того, чем и как Дж. Модельски обогатил теорию.

рию и методологию международных отношений.

Методологической установкой в «теории длинных циклов» Дж. Модельски является допущение того, что мировой политический процесс имеет циклический характер. На этом основании им выводится группа циклов т.н. эпохи модерна, берущей своё начало в XV веке, где в указанные периоды, составляющие примерно 100–110 лет за мировое лидерство борются два ведущих государства, ставших таковыми на основе ряда факторов экономического и военно-политического характера, приводимых автором теории. Ниже в Таблице 1 можно подробнее ознакомиться с периодизацией циклов и выделенными ведущими государствами.

Таблица 1

Длинные циклы эпохи модерна согласно теории Дж. Модельски

Фазы, год начала				Лидер и Оппозиция
Определение глобальной повестки дня Построение коалиций	Макрорешение	Исполнение		
Западноевропейская эра				
1430	1460	1494	1516	Португалия-Испания
1540	1560	1580	1609	Нидерланды-Франция
1640	1660	1688	1714	Великобритания I-Франция
1740	1763	1792	1815	Великобритания II-Франция

Примечание: взято из Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I).—Полис. Политические исследования. 2005. № 3.

В своём труде «Эволюция глобальной политики» Дж. Модельски довольно подробно представлена периодизация борьбы и господства стран за лидирующее место в системе международных отношений, которая закреплена на методологической основе теории «длинных волн» Н. Д. Кондратьева. Свой «отсчёт» американский учёный начинает с конца XV века, отметившегося военными действиями в Италии, а итоги которых с подписанием Като-Камбрезийского мира изменили не только баланс сил в Европе, но и заложили уже новые форматы мышления: идеи будущих национальных государств и новых форм имперского существования, оправданных интересами «народного духа» [1; 2].

Мировой политический процесс в каждый конкретный момент вре-

мне видится им как противостояние державы-лидера и державы-челленджера. Историческая роль государств не predetermined, но зависит от совокупности условий и характеристик этой державы. Дж. Модельски тщательно разрабатывает теорию факторов, выводит необходимые условия, описывает совокупность «ингредиентов», стремясь научным методом вывести «рецепт» достижения «глобального лидерства».

По представлениям Дж. Модельски, в «кулинарии» мировой политики «блюда» бывают двух качеств и «вкусовые характеристики» их могут быть чётко определены, стоит только ответить на четыре вопроса:

1. Какова у державы политико-стратегическая организация глобального охвата?
2. Может ли экономика страны быть охарактеризована как передовая?
3. Насколько открыто общество?
4. Насколько государство чувствует изменения в мировой политике и как реагирует на глобальные проблемы?

Ответ на каждый вопрос важен для оценивания возможностей ведущего государства занять место лидера. «Политико-стратегическая организация глобального охвата», согласно Модельски, «это то, благодаря чему выигрываются глобальные войны» [1, с. 63]. И условием «хорошего вкуса у блюда» является наличие сильного и передового флота. Благодаря этому и, в некотором смысле, из-за этого держава получает преимущество не только в самом выдвижении на роль лидера, но и приобретает вытекающие отсюда преимущества при оценке по трём оставшимся вопросам. Сильный и передовой флот может держать государство, обладающее передовой и интенсивной экономикой, но отнюдь не просто масштабной или экстенсивной по своей организации. Наличие обширного флота напрямую связано с обширностью геополитических притязаний державы, а интенсивность международных контактов в этом свете сказывается и на открытости общества, и на его рефлексивности по отношению к глобальной повестке дня.

Кроме того, под чувствительностью к повестке дня можно как раз сформулировать понимание для имперской идеи нового запроса, поступающего от внешней среды, интеллектуальных, социальных и прочих запросов тех групп людей, которые позволяют назвать империю империей. Если государство готово модернизироваться, получая подобный запрос, то оно остаётся на арене, исключая модель крушения сформированной империи (как это было с Великобританией в период с XVII по XIX века), также этот тезис тесно связан с предыдущими.

Вторые блюда же, «уступающие первым по вкусу» в целом, отлич-

ны от них каждым ингредиентом: имеют крупные сухопутные армии, масштабную, часто экстенсивную экономику, замкнутый или, как минимум, государствоцентричный взгляд на мировую политику [1, с. 67–68]. Если попробовать перевести концепцию Дж. Модельски в термины классической геополитики, то на роль лидера способны претендовать лишь талассократические государства, а в роли челленджеров постоянно оказываются теллуократические державы.

Высокая концентрация пассионарных держав на ресурсно дефицитных и территориально ограниченных территориях, привела к оформлению сложной динамической системы в пространстве Западной Европы, что в конечном счёте привело к формированию той международной политической системы, которую мы имеем сейчас. Другими словами, при известных ограничениях аналогии в социальных науках, мы можем для наглядности охарактеризовать Европу того периода (что, особенно верно будет для уже институционализированных государств в современном смысле слова¹) как малую социальную группу, в которой идёт активное распределение ролей и этапно-циклическая борьба за лидерство.

При такой интерпретации длинных циклов можно закономерно вывести следующее предположение: описываемый в таблице период времени качественно отличен от периодов до или после, что и позволяет методологически выделить его. Однако в чём заключается эта отличность? Мы предполагаем, что описанные пять циклов с XV по XX характеризуются высокой концентрацией имперских форм в пространстве Западной Европы. Как раз в этот период конструируются и конституируются национальные государства, которые на определенном этапе своего исторического развития переживали период имперского состояния.

Авторы считают, что в данной системе отсчёта стоит отметить не только экономический фактор (военные действия на европейском континенте отвлекли внимание от возможности развития морских торговых связей, которыми воспользовалась Португалия, укрепившись на европейском рынке с помощью импорта гвинейских специй и индийского золота, что, по мнению автора, вкупе с нарастанием морской мощи привело к утверждению португальского лидерства), но и считать оправданным включение национального фактора в определении международных отношений. Более того, именно такой фактор стал новым контекстом развития имперской идеи в данном периоде, идеи, прошедшей через свой смысловой кризис в философско-политическом дискур-

¹ Здесь мы имеем в виду, что рассматриваемому государству могут быть приписаны, как минимум, пяти системообразующих характеристик в теории П. Данливи.

се XIV века. Т.е. речь идёт о переходе от сакральной теократической всемирной монархии, приобретавшей антропологические коннотации, к своему пиковому для XV века значению — протонациональной форме.

Здесь стоит сказать, что выбранная Дж. Модельски интерпретация, согласно которой он называет период XV–XX «эпохой модерна», а предыдущий цикл — имперским периодом, кульминацией которого становится деятельность Монгольской империи, кажется нам не совсем уместной. При том обстоятельстве, что термин империи четко не определён, это накладывает определённые вопросы. Так, например, мы исходим из посыла, что феномен империи носит кросс-культурный и кросс-эпохальный характер. В таком контексте помещение имперских форм и их конкуренции на мировой арене в один цикл до периода активного конструирования национальных государств, выглядит узко. В качестве периодизации существования империй мы можем привести в качестве примера типологию политических систем Ш. Айзенштадта: им выделяется семь разновидностей, три из которых относятся им к империям — патримониальные империи, империи кочевников, централизованные исторические бюрократические империи. [3, с. 30]

Другими словами, широкая трактовка выбранного концепта требует чёткого определения методологии: что мы будем считать империей. Считающееся классическим в западной науке определение империи, данное Ш. Айзенштадтом, носит синдромный характер и, по сути, не существует общепринятого, генетического определения империи. Напротив, вопрос этот находится на периферии научного интереса и среди учёных особым спросом не пользуется [4, с. 35], однако существует очевидный общественный спрос, в частности, в рамках постсоветского пространства [5, с. 86].

Отсутствие парадигмальной интерпретации любого научного вопроса приводит к закономерным размываниям терминологии и методологическим вольностям. Т. Ван Дейк, один из классиков дискурс-анализа, с горькой иронией отметил, что наиболее популярными и чаще всего используемыми в науке становятся неопределённые и расплывчатые термины [6, с. 215]. Это относится и к «дискурсу», и к «идентичности», то же самое можно сказать и в отношении «империи».

Выделим критерии, которые мы будем брать за основополагающие в плане определения империй. Во-первых, это размер территории. Сама по себе площадь не ведёт к образованию имперских форм, но размер обуславливает геополитические претензии и масштаб рефлексивности на вызовы. Государство может быть маленьким, но «маленькая империя» — форменный оксюморон. [5, с. 85] Во-вторых, это полиэт-

ничность, шире — поликультурность населения. Население империи не может быть однородным, иначе, это сугубо национальное государство. Если же государство-нация подчиняет себе другой народ — это первый шаг на пути формирования имперской структуры. В-третьих, экспансивность державы вовне. Империя, не стремящаяся к геополитическому доминированию, не может быть империей. В-четвертых, централизация и строгая вертикальность организации управления. Не стоит забывать, что в основе конструкции империи всегда лежит деятельность сравнительно небольшой группы, по сути, элиты, при чём вне зависимости от способа её рекрутирования. Поэтому дабы связать теорию глобальных эволюционных циклов Дж. Модельски в рамках работы мы будем называть государства «эпохи модерна» современными империями, к которым относились, по крайней мере, все «челленджеры» и часть «лидеров». [7, с. 32–33]

XIV век действительно подготовил в сущностно-смысловом плане новую платформу осознания того, что такое империя. Например, в своей диссертации А. А. Бычков, проанализировав теоретическое наследие политических философов того периода (Марсилия Падуанского, Оккама, Данте Алигьери), приходит к мнению, что империя есть состояние в большей степени идеальное, это система высших ценностей, т. е. имеющих наибольшую значимость для данного территориального состояния, к которым стремится подобное государство [8, с. 19]. Большой заслугой мыслителей эпохи Треченто стал отход от чётких теоцентристских коннотаций идеи империи и обрастание данной модели позициями антропоцентристскими, сформировавшимися к XIX веку в социоцентристские национальные империи.

Таким образом, мы видим, что к периоду модернизации общества, наступления «западноевропейской эры» идея империи претерпела некоторые значимые изменения, вступив в фазу кризиса, но не потеряв своей сути на уровне операционализации, где сущностно-божественная составляющая либо сакральный компонент стали тяготеть к народному фактору, а затем к нации как понятию, формирующемуся благодаря закреплению капиталистического уклада жизни на территории европейских государств. Для империи как территориальной и символической формы народ выступает самодостаточным конструктом, обозначающим антропомизацию общества и его сознания и именно народный фактор заложит новый фундамент для существования идеи империи, приближая её к более современному пониманию.

Дж. Модельски пишет, что с наступлением эпохи модерна лидирующей страной становится государство-нация [1, с. 65]. С этим можно

в какой-то степени оппонировать, т.к. лидирующие позиции занимают те же империи, но только с народно-национальным каркасом (по крайней мере, на протяжении всего периода «западноевропейской эры»). И Португалия, и Нидерланды (в системе сохранения монархии и колониальной политики), и Великобритания были империями настолько, насколько это было возможно во всех модификациях, подразумевающих под собой единую политическую, экономическую и идеологическую объединяющие платформы.

И для «западноевропейской эры» идея внеграницности приобрела особое значение, т.к. к чёткой демаркации и регламентации границ мир приступил только к XX веку, когда, с позиции И. Валлерстайна [9, с. 17], западноевропейская мир-система поглотила весь мир (благодаря активной колониальной политике [10, с. 264]), а до этого свободное «движение идей» было вполне нормальным явлением, задающим нередко новые формы, способы организации жизни, векторы существования и действия.

С развитием империи, укреплением власти правителя наблюдается почти неминуемый процесс замыкания ключевых политических процессов в руках элит, которые властно распределяют ресурсы между собой. Империи, вернее, имперские состояния, которые могли отложить процесс замыкания элит, закрывающих общество и подмывающих процесс свободной экономики, становились потенциальными претендентами на лидирующие позиции, те же, кто этого состояния не добивались, становились потенциальными «челленджерами», как их называет Дж. Модельски [1, с. 64–65].

Дж. Модельски, каждый свой цикл разделял примерно на равные промежутки времени (около 110 лет), которые включали в себя стадии «определения повестки дня», «построения коалиций», «макрорешения», и «исполнения». Причём «макрорешение» всегда сопровождается довольно продолжительным военным столкновением сформировавшихся вокруг лидера и его альтернативы коалиций [1, с. 67, 70–71]. Военное столкновение можно считать сигналом назревшего кризиса, который определяет соответствующую вызовам времени империю от несоответствующей, причём также эти периоды можно считать обострением каждый раз нового вызова или нового кризиса идеи империи как таковой, где первая волна «западноевропейской эры» обозначена крупным онтологическим идейным кризисом, а в рамках волн внутри «западноевропейской эры» — локальными, требующими незначительной правки устоявшейся системы имперской формы существования кризисами, лежащими в плоскости баланса собственно имперского и национального.

Первая волна в плане «макрорешения» связана с началом итальянских войн, закончившихся только в 1559 году с подписанием Като-Камбрезийского мира, оставившего после себя далеко идущие последствия для развития идеи государств-народов. В рамках данной волны в контексте кризиса обозначались коренные перемены (десакрализация термина империя), начатые ещё с XIV века и поддержанные рефлексией итальянцев на свой народ, что ввело в имперский дискурс народный фактор, породило эпоху модерна и стало рассматривать имперскую форму в призме существования и противостояния с формирующимися государствами-нациями. [10, с. 243]

В дальнейшем наступает ещё один кризис имперской идеи, который привёл к потере Португалией своих лидирующих позиций. Волновой эффект закономерно сопровождался военными действиями (война Нидерландов с Испанией), поэтому можно ещё раз сказать, что именно масштабные войны, включающие на тот момент в схватку либо страну-лидера, либо страну-соперницу и являются тем основанием, когда формируется новая волна с новой системой международных отношений. Данный кризис был завязан за формирование нации и суверенитета, окончательно утверждая и укрепляя тенденции предыдущей волны (формальным закреплением этого послужит Вестфальский мир) [10, с. 271].

Следующий кризис наступает в период «Славной» революции 1688 г. в Англии и войны за Испанское наследство. «Челленджером» здесь также выступает Франция, как и в следующем периоде. Основной проблемой данного периода стала потребность в снижении роли монарха в управлении страной, т.е. новый виток десакрализации при сохранении внешнеполитических амбиций. [10, с. 301] Здесь можно говорить о двух сформировавшихся путях развития имперской формы — технической (основанной на сохранении монархии, росте влияния, но парламентарной по природе) и автократической (основанной на идеях абсолютизма и сопутствующих ему форм).

Далее кризисная тенденция связана с осуществлением якобинского террора во Франции, а также Наполеоновскими войнами. Это последний кризис имперской идеи в рамках «западноевропейской эры». Данный период можно считать расцветом имперской идеи как таковой (с превалярованием геополитического сознания), но на чётких бюрократических механизмах в духе чистого типа, предложенного Ш. Айзенштадтом. Всё это стало плацдармом, в котором победителем вновь вышла Великобритания, закрепившая своё лидерство у Франции. В данном случае мы уже имеем дело с полностью сформировавшейся

полиэтнической империей-нацией, которая политику национального уровня выводит далеко за свои границы, подрывая национально-социальную платформу иных государств, ещё больше обособляя себя от других, а также действуя в рамках своих специфических, но осознанных для легитимации своей имперской формы «национальных интересов» [11, с. 89–96].

Заключение

По итогам проведенного исследования можно говорить о том, что Дж. Модельски, объявив последние пятьсот лет западноевропейской «эпохой модерна», которую отличает качественный переход от имперских форм предыдущих исторических периодов, в своей хронополитической концепции так и не смог ясно обосновать этого перехода, поскольку не дал ни чёткого определения империи, ни операционализировал национальное государство. Мы не видим в этой теории чёткой аргументации и характеристик нации, аспекты, направленные на единение народа, носят точечный характер, которые определяются американским исследователем по случаю, уделяется внимание фактору идей, на котором также строится и империя.

Безусловно, национальный фактор в пределах «длинных циклов» играл важную и нарастающую роль, но не исключаящую имперские формы как атрибуты легитимации власти ведущих держав, выделенных Дж. Модельски в каждом цикле. Мы можем лишь говорить о том, что эпоха империй продолжилась, но, пройдя через первый самый крупный онтологический и идейный кризис собственной десакрализации при переходе от «эпохи империй» к «эпохе модерна», она как бы вошла в иную плоскость — плоскость поиска баланса с фактором формирующихся наций. При этом объявление нации ведущей идеей рассматриваемой эпохи также амбициозно, поскольку в чистом виде развитие гражданской идентичности и государства-нации произошло во Франции, но это государство так ни разу и не стало лидером какого-либо из указанных американским исследователем циклов.

Можно также говорить о том, что конец каждого из циклов внутри «эпохи модерна» связан с содержательным и техническим микрокризисом имперских форм, требующих новой «пересборки» своих атрибутов, постепенно приближаясь к идее классической бюрократической полиэтнической империи-нации, характерной для европейских государств до развала колониальной модели в XX веке. Нации, народный суверенитет, национальные интересы — сопутствующие продукты нарастающего национального фактора, который стал легитиматором для новых

имперских форм, при этом критерии определения собственно «лидера» и «челленджера» у Дж. Модельски демонстрируют готовность держав к модернизации и ответам на вызовы в балансе национального и имперского, где отсутствие соответствующего ответа демонстрировало самый яркий кризис выбранной имперской формы, проиллюстрированный всеми государствами, которые так и не смогли в каждом длинном цикле взять в свои руки пальму первенства.

Список источников и литературы

1. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) / Полис. Политические исследования, № 3, с. 62–82, 2005.
2. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (II) / Полис. Политические исследования, № 4, с. 124–142, 2005.
3. Абдилдабекова А. М. Проблема типологии империй / Приоритетные научные направления: от теории к практике, № 10, с. 29–33, 2014.
4. Каспэ С. И. Империи: генезис, структура, функции / Полис. Политические исследования, № 5, с. 31–48, 1997.
5. Тавровский А. В. «Имперская» идентичность / STUDIA CULTURAE, № 8, с. 83–92, 2005.
6. Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование: Учебник.—М.: Аспект Пресс, 2011, 464 с.
7. Миллер А. И. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада / Политическая наука, № 3, с. 30–42, 2003.
8. Бычков А. А. Обоснование и кризис имперской идеи в XIV веке: Данте Алигьери, Уильям Оккам и Марсилиус Падуанский: автореф. канд. дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.01 / Бычков А. А. Москва, 2008, 23 с.
9. Валлерстайн И. Европейский универсализм: риторика власти / Прогнозис, № 2 (14), с. 3–56, 2008.
10. История международных отношений: В трех томах: Учебник/ под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского.— 3-е изд., испр.—М.: Аспект Пресс, 2015, Т. I: от Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева, 2015, 400 с.
11. Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика.—М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001, 256 с.

IMPERIAL AND NATIONAL IN THE THEORY OF LONG CYCLES BY J. S. MILLER. MODEL: A FEW CRITICAL ASPECTS OF THE MODERN ERA THESES»

Serebryakov K. D.¹

¹ St. Petersburg State University.

Sobyanin V. V.²

² LLC «VKontakte»,

J. Modelsky speaks of the onset of the modern era from the XV century, in which there is a crisis of the imperial idea and the victory of the nation-state is declared. However, the hegemonic states themselves in the theory under study in their peak form represented precisely the various variants of empires. Methodological part: synchronous and asynchronous comparative analysis. Along with the economy, the national factor played an important role in the configuration of the main macropolitical actors, but imperial tendencies increased with the strengthening of the influence of the hegemon in the third and fourth stages of the long cycle. Each long cycle marked a new imperial form in the meaningful sense

Key words: cycles of global politics, empire, crisis of empire, state identity, J. S. Miller. Model, nation-state, modern era

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ ЗАПАДНОБАЛКАНСКОГО РЕГИОНА

Крусанов Д. ¹

¹ Рейнский университет Бонна им. Фридриха Вильгельма,
Бонн, Германия

В статье при помощи сравнительно-географического и статистического методов исследуется влияние различных этносов, а именно системы расселения различных этнических групп и националистических настроений среди их представителей на электоральный ландшафт Западнобалканского региона. Для этого проанализированы электоральные системы стран, сопоставлены результаты переписей населения и последних парламентских выборов, проведен пространственный анализ их результатов при помощи расчёта коэффициентов корреляции Пирсона. По итогам исследования проведено районирование и предложена типология стран Западнобалканского региона по уровню и характеру поддержки «этнических» и националистических партий, а также проведена их классификация.

Ключевые слова: электоральная география, расселение этносов, национализм, Западные Балканы.

Вопрос влияния этнического фактора на электоральный ландшафт стран Западнобалканского региона в связи с конфликтным потенциалом межэтнических отношений и неустоявшимися национальными электоральными системами стоит как никогда остро. В ходе исторического развития рассматриваемого региона, состоящего из Республики Сербии, Республики Хорватии, Республики Словении, Республики Черногории, Республики Боснии и Герцеговины, Республики Северная Македония и частично признанной Республики Косово, а также Республики Албании, этнический фактор не раз играл важную, а порой и решающую роль, в социальных и политических процессах, включающих в себя изменения территориального устройства, политические, межэтнические и межгосударственные конфликты. Безусловно, влияет этническая принадлежность жителей региона и на его электоральную систему и результаты выборов, формируя особый электоральный ландшафт.

Помимо этого, актуальность работы заключается в необходимости комплексного изучения обозначенной проблематики не только на на-

циональном, но и на региональном уровне, выделяя пространственную дифференциацию применительно ко всем описываемым странам вместе.

Любой парламент в демократической стране является представительным органом населения, отражающим его структуру и интересы. По составу парламента и по результатам выборов в него можно судить о важности этнического фактора для избирателей, однако при выборах президента очень часто более важными для избирателей являются другие факторы, в основном, личностного фактора. Таким образом, этнический фактор, интересующий нас при проведении данного исследования, находит свое более полное отражение именно при проведении парламентских выборов.

На основании рассмотрения особенностей партийных систем стран региона можно сделать вывод о существовании трех типов «этнических» партий, выделенных по характеру влияния и поддержки в своих странах:

Группа партий, пользующихся большой поддержкой и имеющих значимое представительство в национальных парламентах, так как их поддерживает довольно большая этническая группа, играющая важную роль в политической жизни страны. Примеры таких партий: Партия демократического действия и Хорватское демократическое содружество в Боснии и Герцеговине, объединение ВМРО-ДПМНЕ в Северной Македонии.

Партии, поддерживаемые во многих регионах страны, отстаивающие интересы широко представленного в стране этноса, или даже этноса, составляющего подавляющее большинство в данном государстве, однако имеющие скромные доли голосов, не превышающие 10 % как по отдельным округам, так и в целом по стране и слабо представленные в парламентах. К таким партиям можно отнести Сербский патриотический альянс (Сербия), Партию за справедливость, интеграцию и единство (Албания), Словенскую национальную партию (Словения).

Маленькие региональные партии, пользующиеся значимой поддержкой лишь среди представителей определенных районов, в которых компактно проживают представители этноса, очень незначительно представленного в структуре этнического населения страны. Часто такие партии ориентируются на местные выборы и не всегда претендуют на представительство какой-либо этнической группы в национальном парламенте. К таким партиям относятся Партия демократических действий Санджака (босняки, живущие в Сербии), Независимая демократическая сербская партия (сербы, живущие в Хорватии), Альянс воево-

динских венгров (венгры, живущие в Сербии).

Из-за того, что во многих странах региона избирательные округа не соответствуют административно-территориальным единицам первого уровня или статистическим округам, по которым ведется учет этнического состава населения, значительную сложность при проведении исследования составляло приведение к общим территориальным единицам статистических данных, характеризующих этническую систему расселения, и результатов выборов. Для решения данной задачи производился подсчет доли этнического населения в избирательных округах по данным, относящимся к мелким единицам территориального устройства.

Проблемой при проведении данного исследования также являлась недостаточность и невысокая актуальность имеющихся в распоряжении данных об этническом составе населения стран и их территориальных единиц. Поскольку переписи населения проходили давно, как правило, более 10 лет назад, система этнического расселения могла трансформироваться. В ряде стран переписи населения запланированы на 2021 год, но на момент составления работы их результаты доступны не были. Однако, можно предположить, что существенных изменений, значительно влияющих на результаты исследования, не произошло. Также, за неимением других данных, в исследовании будут использованы именно данные последних переписей населения.

Статистический анализ не проведен для Словении и частично признанной Республики Косово. В случае со Словенией это связано, во-первых, с отсутствием детальной этнической статистики, во-вторых, с отсутствием в стране националистических партий, пользующихся заметной поддержкой. В Косово из-за абсолютного доминирования албанцев во всех административных округах, а также наличием отдельных избирательных списков для компактно проживающих представителей этнических меньшинств, проведение анализа методом расчета коэффициента корреляции становится бессмысленным, так как влияние на заметные изменения коэффициента будут оказывать незначительные различия доли албанцев, а из-за отсутствия в общем избирательном процессе этнических меньшинств не будет возможности проведения сравнительного анализа показателей. Схожая ситуация наблюдается также в Хорватии и Албании, однако для этих стран статистический анализ проведен.

Хорватия. При проведении анализа взяты самые популярные партии по результатам выборов, а также доли населения хорватов и сербов. Сербы взяты для сравнительного анализа как второй по численности

этнос страны, хотя в основном и голосуют в отдельном 12-м округе, предназначенном для представителей этнических меньшинств. Хаотичный разброс «сербских» результатов корреляционного анализа объясняется слишком малой долей их населения, из-за чего коэффициент может меняться довольно сильно, а также тем, что большинство из них все-таки голосует в 12-м избирательном округе. Таким образом получается, что по итогам статистического анализа заключений о связи этнического фактора и поддержкой какой-либо из прошедших в парламент партии сделать нельзя, этнический фактор играет крайне малозаметную роль при голосовании. Это связано как с выделением этнических общин, населенных представителями меньшинств в отдельный округ, так и с тем, что этническая и националистическая повестка для Хорватии не столь актуально, что видно и по невысоким результатам на выборах праворадикального движения «За Родину».

Сербия. Это единственная страна региона, где во всех единицах АТД первого уровня победила одна партия—Сербская прогрессивная партия. Также необычно в сравнении с остальными странами, что и второе место во всех округах занимает одна и та же партия—социалисты, и пестрая картина, в которой проявляются «этнические» партии появляется только при рассмотрении занявших третье место. Тут уже вырисовывается структура, содержащая и Альянс венгров Воеводины, и боснийскую Партию демократических действий Санджака, и радикальные сербские партии За Королевство Сербия и Сербскую радикальную партию. Достаточно высокие коэффициенты корреляции имеются между долей сербов и результатами голосования за Сербскую прогрессивную партию и Социалистическую партию, а также, ожидаемо, отрицательные коэффициенты с голосованием за Альянс воеводинских венгров и «босняцкую» партию демократических действий Санджака.

Также ожидаемо высоки коэффициенты при корреляции долей венгров и босняков с голосованием за Альянс воеводинских венгров и партию демократических действий Санджака соответственно и отрицательных—при голосовании за две ведущие партии. При этом невозможно выявить каких-либо внятных тенденций при голосовании болгар и цыган. У них нет собственных партий и, вероятно, они в принципе мало участвуют в сербских выборах. Анализ не проведен для округов края Косово и Метохия, так как по ним отсутствуют внятные статистические данные.

Босния и Герцеговина. Как и предполагалось, страна отличается очень сильной электоральной раздробленностью именно по этническому фактору. Наблюдаются очень высокие коэффициенты корреляции

между этносами и поддерживаемыми ими соответствующими «этническими» партиями, а также отрицательные низкие при корреляции с партиями других этносов. При этом за социал-демократов, как видно по коэффициентам, голосуют преимущественно босняки и хорваты из-за ее привязанности к Федерации Боснии и Герцеговины.

Черногория. Отмеченные по результатам статистического анализа закономерности: высокая поддержка босняцкой партии и албанского объединения среди соответствующих этносов, высокая поддержка партии «За будущее Черногории» среди сербов и «Мир — наша нация» среди черногорцев, близкий к нулю коэффициент по всем этносам у ведущей Демократической партии социалистов.

Албания. Этнический фактор играет слабую роль в территориальном распределении результатов выборов. Разницу в поддержке Социалистической и Демократической партий можно объяснить скорее экономическим фактором: социалистов больше поддерживают в более богатых регионах с развитой промышленностью, демократов — в северных сельскохозяйственных областях. При анализе был подсчитан коэффициент корреляции относительно албанцев и македонцев, однако, албанцы составляют абсолютное большинство во всех регионах страны, и доля македонцев и греков редко где превышает 1 % населения. Единственная внятная тенденция по результатам расчета коэффициента корреляции заключается в небольшой отрицательной взаимосвязи между регионами с более высокой долей албанского населения и результатами Социалистической партии. Следовательно, в более моноэтнических регионах социалисты, пользуются меньшей поддержкой.

Северная Македония. В стране наблюдается явная поляризация при голосовании на парламентских выборах. Среди македонцев — высокая поддержка националистической ВМРО-ДПМНЕ и мультиэтнического Социал-демократического союза Македонии, отсутствие поддержки Демократического союза за интеграцию, Албанского альянса и Демократической партии Албанцев, которые, в свою очередь, пользуются поддержкой албанского населения.

По результатам проведения анализа можно разделить страны региона на следующие три типа:

Тип I. Страны с низким уровнем влияния этнического фактора на электоральный ландшафт: Словения, Хорватия и Албания. Уровень влияния этнического фактора, националистических настроений на результаты выборов в данных странах очень мал, он носит фрагментарный характер в некоторых бедных регионах центральной Албании и менее богатой, по сравнению с приморскими районами Хорватии, Славонии.

Также в Хорватии четко видны сербские общины, голосующие за сербскую партию.

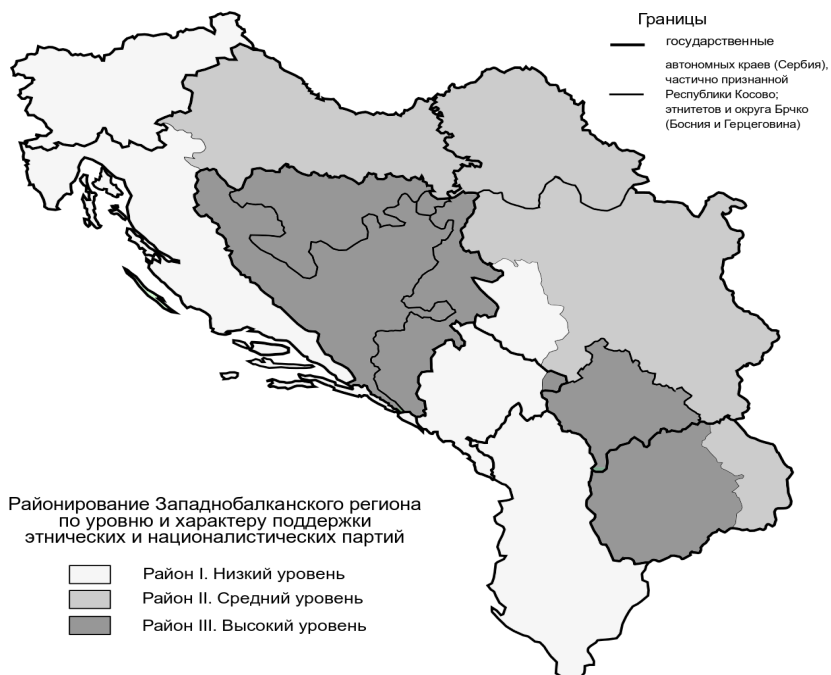

Рис. 1. Районирование Западнобалканского региона по уровню и характеру поддержки этнических и националистических партий (Составлено автором)

В Хорватии и Албании, тем не менее, наблюдается постепенный рост националистических и популистских настроений, там наблюдается рост голосов за правые партии. В Албании ранее поддержка подобного рода настроений была мала, а в Хорватии и вовсе на парламентских выборах 2016 года не увенчалась успехом попытка ни одной националистической партии пройти в парламент (кроме списка по 12-му округу).

Тип II. Страны со средним уровнем влияния этнического фактора на электоральный ландшафт: Сербия и Черногория. Средний уровень, поддержки «этнических» и националистических партий, что выражается в доминировании партий, не заявляющих о подобной повестке, хотя в обеих странах определенное разделение есть. Оно выражается в большинстве случаев в поддержке среди меньшинств собственных

небольших партий, а доминирующими этносами — крупных общенациональных игроков, таких как Прогрессивная партия в Сербии и Демократическая партия социалистов. В обеих странах схожая ситуация с президентскими выборами, так как в адрес обеих стран звучат обвинения в авторитаризме и препятствовании президентам обеих стран демократическим процессам.

Тип III. Страны с высоким уровнем влияния этнического фактора на электоральный ландшафт: Босния и Герцеговина, Северная Македония и Косово. Страны с крайне высокой ролью этнического фактора как в электоральных системах, так и в проведении внутренней политики. Практически во всех территориальных единицах присутствует четкая поддержка определенных «этнических» и националистических партий, в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии очень высокие коэффициенты корреляции.

По результатам исследования можно четко выделить три района, различающиеся по степени и характеру поддержки «этнических» и националистических партий (Рис. 1). Первый район включает в себя территории, где подобные партии имеют крайне низкую поддержку, или же их поддержка носит фрагментарный характер в отдельных местах. В этот район входят Албания, большая часть Черногории, западная Сербия, Словения и приморская Хорватия. Вторым районом, где подобные партии занимают как правило третьи места, состоит из большей части территории Сербии (без Косово), кроме западной ее части, Славонии (восточной Хорватии) и восточной части Северной Македонии. Третий район с наиболее высокой поддержкой, совпадает со странами выделенного нами ранее III типа: Босния и Герцеговина, Северная Македония, частично признанная республика Косово и черногорская община Рожае. Границы выделенных районов во многом совпадают с государственными границами, что объясняется, различиями национальных электоральных систем и особенностями голосования.

На основании сравнительного анализа стран региона и их выделенных типов можно сделать следующие выводы:

Имеются значительные различия роли этнического фактора в электоральных системах моно — и полиэтничных стран региона. В последних имеется одна или несколько заметных партий, отстаивающих на национальном уровне интересы того или иного этноса, результаты таких партий на выборах значительны, и этот раскол оказывает влияние на функционирование органов законодательных властей. В моноэтнических странах как правило имеется партия с явной этнической ангажированностью, но ее роль в политической жизни страны незначительна и из-

биратели при голосовании как правило руководствуются другими факторами, преимущественно экономического характера, а не этническим.

В разных странах наблюдается разные тенденции изменения роли этнического фактора в трансформации электорального ландшафта. Наблюдается рост важности этнического фактора в Хорватии и Албании, снижение — в Словении, Черногории и Сербии, остается крайне высока его роль в странах третьего типа.

Если в стране имеется компактно проживающая этническая группа, то в большинстве случаев будет иметь место четко выраженная географичность голосования ее представителей.

Благодарность: за помощь в подготовке исследования – старшему преподавателю кафедры региональной политики и политической географии, к. г. н. Елацкову Алексею Борисовичу.

Список источников и литературы

1. Croatian bureau of statistics, Census of Population, Households and Dwellings, 2011, 2013
2. Republika Makedonija Drzaven zavod za statistika, Popis na naselenieto, doma instvata i stanovite vo Republika Makedonija, 2002, 2005
3. Statistical office of the Republic of Serbia, Census Atlas 2011, 2014
4. Zavod za statistiku Crne Gore, Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. Godine (Stanovništvo Crne Gore prema polu, tipu naselja, nacionalnoj, odnosno etničkoj pripadnosti, vjeroispovijesti i maternjem jeziku po opštinama u Crnoj Gori), 2014
5. Государственная избирательная комиссия Черногории, Результаты Парламентских выборов 2020 года [URL—<https://dik.co.me/ukupni-rezultati-izbora-za-poslanike-u-skupstinu-crne-gore-2/>] (дата обращения: 10.05.2021)
6. Перепись населения Боснии и Герцеговины 2013 года, Этносы Боснии и Герцеговины [URL—<http://www.statistika.ba/?lang=en>] (дата обращения: 23.04.2021)
7. Результаты Парламентских выборов 2020 года, Центральная избирательная комиссия Северной Македонии [URL—<https://rezultati.sec.mk/>] (дата обращения: 29.04.2021)
8. Республиканская избирательная комиссия Сербии [URL—<https://www.rik.parlament.gov.rs/>] (дата обращения: 13.04.2021)
9. Республиканская избирательная комиссия Сербии, Результаты выборов в Народную скупшину, 2020 год [URL—<https://www.rik.parlament.gov.rs/tekst/1550/izbori-za-narodne-poslanike-narodne-skupstine-21-jun-2020-godine-.php>] (дата обращения: 05.05.2021)
10. Центральная избирательная комиссия Албании, Результаты Парламентских выборов [URL—<http://kqz.gov.al/zgjedhje-per-kuvendin/?lang=en>]

- (дата обращения: 03.05.2021)
11. Центральная избирательная комиссия Боснии и Герцеговины, Результаты Всеобщих выборов 2018 [URL—http://www.izbori.ba/rezultati_izbora?resId=25&langId=1#/2/1/0/0/0/0] (дата обращения: 08.05.2021)
 12. Центральная избирательная комиссия Косово, Результаты Парламентских выборов [URL—<https://www.kqz-ks.org/an/zgjedhjet-e-pergjithshme>] (дата обращения: 06.05.2021)
 13. Центральная избирательная комиссия Хорватии, Результаты Парламентских выборов 2020 года, [URL—<https://www.izbori.hr/arhiva-izbora/index.html#/app/parlament-2020>] (дата обращения: 02.05.2021)
 14. Albanian Institute of Statistics, Population and Housing Census 2011 [URL—<http://www.instat.gov.al/en/themes/censuses/census-of-population-and-housing/publikimet/2011/publications-of-population-and-housing-census-2011/>] (дата обращения: 22.04.2021)
 15. Kosovo agency of statistics, Municipalities Kosovo's population by ethnicity and censuses 1948–2011 [URL—http://askdata.rks-gov.net/PXWeb/pxweb/en/askdata/askdata__14%20Census%20population__Census%202011__3%20By%20] (дата обращения: 14.04.2021)
 16. Register-based Census 2011, Statistical Office of the Republic of Slovenia [URL—<https://www.stat.si/popis2011/eng/Default.aspx?lang=eng>] (дата обращения: 20.04.2021)

THE ETHNIC FACTOR IN THE ELECTORAL LANDSCAPE OF THE WESTERN BALKAN REGION

Krusanov D.¹

¹ Friedrich Wilhelm University of the Rhine,
Bonn, Germany

In the article the influence of different ethnic groups, namely the settlement system of different ethnic groups and nationalistic moods among their representatives on the electoral landscape of the Western Balkan region is investigated with the help of comparative-geographical and statistical methods. For this purpose, the electoral systems of the countries have been analyzed, the results of the population censuses and the last parliamentary elections have been compared, and a spatial analysis of their results has been carried out by calculating Pearson's correlation coefficients. As a result of the study we conducted zoning and proposed a typology of the countries of the Western Balkan region according to the level and nature of support for “ethnic” and nationalist parties, as well as their classification.

Key words: electoral geography, ethnic settlement, nationalism, Western Balkans.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ ПО ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Девина Ю. Р.¹

¹Смоленский государственный университет,
Смоленск, Российская Федерация

В статье рассмотрена предложенная автором классификация территориальных споров, существующих на современной политической карте мира, по времени возникновения. Отмечен её дискуссионный характер. Классификация предполагает распределение территориальных споров по следующим периодам: колониального раздела мира, деколонизации Испанской империи, деколонизации Второй Французской империи, деколонизации Британской империи, поствоенного переустройства мира, холодной войны, постсоциалистический, постсоветский. Периоды выделены на основе времени и причин возникновения территориальных споров. Дана характеристика каждого периода, исходя из перечисленных критериев, их географическое содержание. Цель классификации — выявить объективные закономерности в формировании территориальных споров.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, территориальные споры, классификация.

Введение

Исследование аспектов формирования разных видов территориальной конфликтности на современной политической карте — одна из наиболее актуальных и востребованных тем в политической географии (работы Д. В. Зайца, В. А. Колосова [1,2], Ф. А. Попова [5] и др.). Наиболее изученными в ней являются вопросы, связанные с выявлением объектов споров, состава участников, времени появления, причин возникновения, степени угрозы, способов урегулирования, стадии урегулирования, локации. И в целом, механизмов их формирования. В связи с этим, большинство исследователей активно используют типологический научный подход для классификации территориальных споров по перечисленным критериям — работы А. С. Орлова [3,4]. При этом наиболее важной и во многом дискуссионной является классификация по времени формирования, поскольку определенный период времени в конечном итоге влияет и на объект спора, и на состав участников, и на причины формирования, и др. В данном изыскании автор предпринял попытку решить эту проблему, предложив классификацию территориальных споров по времени возникновения.

Результаты исследования

Существующие классификации территориальных споров по времени возникновения, например, классификация Т.И. Потоцкой [6], [7] ориентирована на анализ международных конфликтов, возникших после окончания Второй мировой войны и обладающих геополитическим характером. В связи с этим, за её пределами остаётся большое количество территориальных споров, которые возникли в более ранние временные периоды и / или не обладающие геополитическим характером. Данное обстоятельство побудило к созданию авторской периодизации классификации по времени возникновения (табл. 1).

Таблица 1

Виды периодизации классификации территориальных споров по времени возникновения. Составлено автором

Временные периоды (Потоцкая Т.И.)	Временные периоды (Девина Ю.Р.)	Принадлежность территориальных споров к периодам, выделенным автором
Поствоенный-деколониальный	Колониальный раздела мира (XVIII—XX I вв.)	Гибралтар (1704 г.), Оливенса (1806 г.), о.Навасса (1858 г.), Фолклендские о-ва (1945 г.)
	Деколонизация Испанской империи (1701–1976 гг.)	арх. Лос-Монхес (1831 г.), о. Перехиль (1956 г.), Сеута и Мелилья (1970 г.), Свободная Зона (1976 г.)
	Деколонизация второй Французской империи (1825–1980 гг.)	о. Майотта (1976 г.)
	Деколонизация Британской империи (1945–1997 гг.)	Кашмир (1947 г.), арх. Хавар (1950 г.), Треугольник Халайба (1956 г.), Аксай-Чин (1956 г.), сельские поселения (Демчок, Чумар, Каурик, Шипки Пассе, Джадх и Лапфал) (1956 г.), Аруначал-Прадеш (1959 г.), Огаден (1960 г.), долина Шаксгама (1963 г.), Западная Гайана (1966 г.), о-ва Лигитан и Сипадан (1969 г.), лиман Сэр Крик (1969 г.), о-ва Абу-Муса, Большой Томб, Малый Томб (1974 г.), о-ва Боигу, Саибаи, Дауан (1975 г.), Северный Кипр (1975 г.), арх. Чагос (1982 г.), о. Касикили/Седу-ду (1996 г.), риф Минервы (1997 г.)
	Поствоенное переустройство мира (1945–1982 гг.)	границы в Баренцевом море (1970 г.), границы и принадлежность о-в в Эгейском море (1973 г.), скала Роколл (1972 г.), о. Ганса (1973 г.), проведение границ в море Бофорта (1976 г.)

Временные периоды (Потоцкая Т. И.)	Временные периоды (Девина Ю. Р.)	Принадлежность территориальных споров к периодам, выделенным автором
Холодной войны (1950–1990 гг.)	Холодная война (1953– 1990 гг.)	Парасельские о-ва (1951 г.), о-ва Спратли (1951 г.), Южные Курильские о-ва (1951 г.), скалы Лианкур (1954 г.), Голанские высоты (1970 г.), о. Сенкаку (1971 г.)
Постсоциалистический	Постсоциалистический (1991 г.—настоящее время)	Северное Косово (1991 г.)
	Постсоветский (1991 г.— настоящее время)	Нагорный Карабах (1987 г.), Приднестровье (1992 г.), Ферганская долина (2000 г.), долина Исфара (2000 г.)

Классификация территориальных споров по времени возникновения, предложенная автором, включает *период колониального раздела мира (XVIII—XXI вв.)*. Данный период связан с активной колониальной экспансией, проводимой мировыми державами. Колониальный раздел мира сопровождался столкновением интересов, как между мировыми державами, так и между державами и бывшими колониями другого государства. Активный процесс оккупации территорий часто сопровождался опусканием моментов, связанных с документальным закреплением за империей их чётких границ. К таковым спорам можно отнести: столкновение интересов Великобритании и Испании на основании стремления Испании к восстановлению исторической целостности государства и пересмотру определения владений Великобритании в спорной территории по Утрехтскому мирному договору 1713 г.—территория Гибралтара; столкновение интересов Испании и Португалии на основании неопределённости в выделении единого договора о закреплении территориальной принадлежности города к одной из сторон—город Оливенса; столкновение интересов США и Гаити на основании отсутствия в конституции Гаити 1801 г. чёткого определения территориальной принадлежности острова республике, что подтверждалось США, оккупировавшим остров, считавшийся свободным—о. Навасса и др..

Также автор проводит дифференциацию деколониального периода: *деколонизация Испанской империи (1701–1976 гг.)*, *деколонизация второй Французской империи (1825–1980 гг.)*, *деколонизация Британской империи (1945–1997 гг.)*. Процесс деколонизации нередко сопровождался документальной неточностью в проведении границ новообразованных независимых государств, что в дальнейшем привело к возникновению территориальных споров.

Испанская колониальная империя образовалась одной из первых и преимущественно охватывала территории Северной и Латинской Америки, Зарубежной Европы, а также небольшие территории на севере и западе Африки. Военная и экономическая слабость метрополии, развитие хозяйственной самостоятельности колоний, недовольство колониальной элиты социальной политикой Испании и развитие освободительного движения привело к распаду колониальной Испанской империи. Новообразованные государства, претерпевшие экономический упадок в колониальный период, полностью утратили связь с империей, передавшей им неопределённость в дальнейшем характере развития. Большинство колоний перешли во владения других империй и по провозглашению независимости, вступили в территориальный спор с Испанской империей. Это такие территориальные споры, как: столкновение интересов Колумбии и Венесуэлы на основании документальной неопределённости островов после распада Великой Колумбии — арх. Лос-Монхес; столкновение интересов Испании и Марокко на основании документальной неопределённости между странами о принадлежности острова — о. Перехиль; столкновение интересов Испании и Марокко на основании стремления Марокко к восстановлению исторической целостности страны посредством принуждения Испании завершить деколонизационный процесс — города Сеута и Мелилья и др.

Французская колониальная империя претерпела в своём существовании два периода. Вторая французская колониальная империя, в отличие от предшествующей первой колониальной империи, сконцентрированной преимущественно в Северной Америке, охватила территории Африки и Азии и являлась более успешной. Но со временем Французской империи пришлось сдать позиции и уступить первенство Британской империи по причине внутривосточной неустойчивости, слабости торгово-экономической инфраструктуры, а также фактически провальной модели переселенческого колониализма. Сегодня Франция активно вовлечена в поддержание мира между бывшими колониями и эффективно подавляет возникающие волнения и спорные моменты, что сказалось на малом количестве территориальных споров между её бывшими колониями. В то же время, бывшие колонии оспаривают современные границы своих территорий с бывшей империей и настаивают на полной деколонизации и восстановлении целостности своей территории. К такому рода спорам можно отнести столкновение интересов Коморских островов и Франции на основании требования Коморских островов о полной деколонизации своей территории, в которую входит спорный остров, жители которого предпочли остаться частью Франции — о. Майотта.

Британская колониальная империя являлась крупнейшей колониальной империей за всю историю, с колониями на всех континентах. Британская империя была основана на этнической исключительности англосаксов, принципе верховенства расы завоевателей. Одним из основных столпов британского колониального права является то, что конфликты между различными этническими группами служили средством поддержания колониального господства. Получившие независимость государства активно вступали в территориальные споры с соседними государствами, пытаясь расширить территорию посредством документальной неопределённости, оставленную колониальной державой. Территориальные споры данного вида: столкновение интересов Индии и Пакистана в результате присоединения территории, с подавляющим большинством мусульман, к Индии при деколонизации Британских владений без права на самоопределение населения — Кашмир; столкновение интересов Маврикия и Великобритании на основании требования Маврикия к Великобритании о полной деколонизации своей территории, в которую входит спорный архипелаг, в целях восстановления целостности территории — арх. Чагос и др.

Дифференциация деколониального периода была предложена автором по причине возникновения наибольшего количества исследуемых территориальных споров в данный период и выявления более детальной их принадлежности к процессу деколонизации великих колониальных империй.

Также автором отдельно выделяется *период поствоенного переустройства мира (1945–1982 гг.)* и *период Холодной войны (1953–1991 гг.)*, совпадающий с периодизацией сравниваемой классификации, *постсоциалистический период* и *постсоветский период (1991 г. — настоящее время)*.

Период поствоенного переустройства мира характеризовался созданием ООН в целях поддержания международного мира и безопасности. Произошёл пересмотр международного права: подписание «Конвенции ООН о территориальном море и прилегающей зоне», «Конвенции ООН о континентальном шельфе», «Конвенция ООН о морском праве» и др., которые противоречили ранее установленному территориальному делению в результате Лозаннского договора и Парижского договора 1947 г. Это привело к пересмотру морских границ и стремлению стран к расширению морских владений посредством оккупации островов и скал, что привело к столкновению интересов с соседними государствами и возникновению территориальных споров — проведение границ в Баренцевом море, проведение границы и принадлежность

островов в Эгейском море, скала Рокколл, о. Ганса, проведение границ в море Бофорта.

Период Холодной войны характеризовался борьбой США и СССР за влияние в третьем мире бывших колоний и неприсоединившихся стран. Происходило разделение мира на два противоборствующих блока, где каждый использовал свою идеологию для упрочения власти над входящими в их блок государствами. Противостояние между США и СССР осуществлялось на территории других государств, в которых в то время нарастали национально-освободительные движения. Таким образом, территориальные споры приобретали международный характер, одни участники получали помощь со стороны СССР, Китая, государств «восточного блока», другие — со стороны США. К таким спорам можно отнести: поддержку интересов Израиля США с одной стороны, и интересов Сирии СССР (Россией) с другой в столкновении интересов стран в отношении спорной территории (Голанские высоты); заключённый Сан-Францисский мирный договор между частью стран антигитлеровской коалиции (СССР — отказался в подписании, КНР — не участвовал) и Японией вызвал документальную территориальную неопределённость островов в Восточной Азии (в тексте договора не закреплены территориальные права Китая на Тайвань и Парасельские острова, а также суверенитет СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами). Не все территории, от которых отказалась Япония, были определены в договоре, что заложило основы для дальнейших споров — Парасельские о-ва, о-ва Спратли, Южные Курильские острова, скалы Лианкур, остров Сенкаку.

Постсоциалистический период характеризуется распадом социалистической системы и последовавшей за этим ряда социалистических стран. Культурные и религиозные разногласия между этническими группами, приводящие к дискриминации, и компактное размещение этнических групп на территории порождало стремление к национальному и территориальному самоопределению и возникновения территориальных разногласий между новообразованными государствами (Северное Косово).

Постсоветский период характеризуется возникновением многочисленных национальных конфликтов и появлением территориальных претензий между бывшими республиками СССР. Располагая протяжённой границей с постсоветскими странами (бывшими республиками СССР), Россия столкнулась с пограничными проблемами. Для новообразованных государств характерно несовпадение государственных границ с ландшафтными, этнокультурными, историческими, геополитически-

ми и другими рубежами. Причинами территориальных претензий стали этнические противоречия, выраженные в дискриминации по этническому, лингвистическому и религиозным признакам; выдвижение политических требований дискриминируемых этносов к культурной и политической автономии; столкновение взглядов противоборствующих сторон в стремлении к самоопределению и сохранению целостности территории; обострение экономических интересов — Нагорный Карабах, Район Приднестровья, Ферганская долина, долина Исфара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в процессе разработки распределение территориальных споров по временным периодам, позволило автору выделить не только время, но и причины их формирования: период колониального раздела мира (столкновение интересов колониальных империй в процессе документальной неопределённости границ своих территорий); период деколонизации Испанской империи (документальная неточность в проведении границ; экономический упадок новообразованных государств); период деколонизации второй Французской империи (документальная неточность в проведении границ; оспаривание новообразованными государствами своих современных границ с бывшей империей); период деколонизации Британской империи (документальная неточность в проведении границ; поддержание империей этнических конфликтов в колониях породило агрессию в отношении спорных территорий, как между новообразованными государствами, так и с соседними странами); период поствоенного переустройства мира (изменение международного права в области проведения государственной границы); период Холодной войны (противостояние между политическими блоками, возглавляемых США и СССР, осуществляемое на территории других государств); постсоциалистический период (нарастание национального и территориального самоопределения этнических групп); постсоветский период (обострение противоречий в постсоветских странах из-за изменения статуса национальных меньшинств). При этом наибольшее количество территориальных споров связано с периодом деколонизации Британской империи.

Другими словами, основные причины, формирующие рассмотренную территориальную конфликтность на современной политической карте мира: документальная неопределённость исторических государственных границ; особенности колониальной политики; особенности деколониальной политики; изменение международного права в области проведения государственной границы; геополитические факторы; статуса национальных меньшинств.

Список источников и литературы

1. Колосов В. А., Заяц Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 88–122.
2. Новая географическая картина мира. Часть I / Под ред. В. А. Колосова, Д. В. Зайца. Москва: Дрофа. 2020. 319 с.
3. Орлов А. С. Понятие международного территориального спора // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 3. С. 94–100.
4. Орлов А. С. Классификация международных территориальных споров и её значение для их развития // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 2. С. 157–162.
5. Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. Москва: Новый Хронограф. 2012. 672 с.
6. Потоцкая. Т. И. Геополитика. Смоленск: Издательство СмолГУ. 2014. 346 с.
7. Потоцкая. Т. И. Геополитика России на постсоветском пространстве. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. 162 с.

CLASSIFICATION OF TERRITORIAL DISPUTES BY THE TIME OF ARRANGEMENT

Devina J. R¹

¹Smolensk State University, Smolensk, Russia,

The article considers the author's proposed classification of territorial disputes that exist on the modern political map of the world, according to the time of occurrence. Its debatable nature is noted. The classification assumes the distribution of territorial disputes according to the following periods: the colonial division of the world, the decolonization of the Spanish Empire, the decolonization of the Second French Empire, the decolonization of the British Empire, the post-war reconstruction of the world, the Cold War, post-socialist, post-Soviet. Periods are allocated based on the time and causes of territorial disputes. The characteristic of each period, based on the listed criteria, their geographical content is given. The purpose of the classification is to identify objective patterns in the formation of territorial disputes.

Key words: political geography, geopolitics, territorial disputes, classification.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Бабич Н. Д.¹
Сидоркина В. В.¹

¹ МГИМО МИД России,
Москва, Российская Федерация

Доклад посвящён актуальной на сегодняшний день проблеме — постепенному структурному изменению системы международных отношений. Производится попытка выявить причины, послужившие импульсом начала этих процессов. Авторы выделяют процесс глобализации как основополагающий в явлении изменения структуры международных отношений. Анализируется влияние транснациональных компаний на суверенитет акторов международных отношений через призму вмешательства в их внутренние дела. В исследовании производится критика школы либерализма в контексте понимания международных процессов, положения концепции реализма взяты за основу при изучении данной проблемы. Отдельное внимание уделяется тезису о ведущей роли государств как акторов международных отношений. В дополнение, авторами рассматривается подрыв одного из основополагающих принципов существования государств — суверенитета — в контексте глобализма.

Ключевые слова: глобализация, суверенитет, международная система, актор международной системы, кризис международной системы.

Введение

На протяжении десятилетий специалисты в области международных отношений вели горячие споры о сущности современной международной системы. И если международная система времён холодной войны однозначно определялась и вписывалась в концепцию М. Каплана [7], по которой она являлась гибкой биполярной системой, то с распадом Ялтинско-Постдамской системы в конце XX века началось становление новой структуры международных отношений. Существует множество факторов, повлиявших на данный процесс, однако, как основополагающий авторы выделяют глобализацию.

Школы неореализма [8] и либерализма говорят, что на международной арене помимо государств-акторов также существует множество иных негосударственных участников международного процесса, таких как международные организации, транснациональные компании, обще-

ственные объединения и группы и так далее. Традиционно считается, что такие акторы обладают собственной волей и являются самостоятельной единицей в системе международных отношений, однако украинский кризис 2022 года показывает, что это не так. Ни международные организации, ни транснациональные компании не имеют сколько-нибудь значимого влияния на международные процессы[3]. В контексте сегодняшних событий нам отчётливо видно, как негосударственные участники международных отношений стали инструментами в руках государств. Авторы задаются вопросом отвечают ли интересам многих, насильственно ушедших, иностранных компаний потеря российского рынка? Такие действия наносят экономический ущерб подобным компаниям и объективно не соответствуют их интересам. Но помимо экономических издержек существует упадок гуманизма—прекращение сотрудничества международного научного сообщества онкологов OncoAlert[9] с Россией, тогда как организациям такого рода надлежит выполнять свою работу вне зависимости от пола, возраста, национальности, религии, политических убеждений и так далее. Эта ситуация лишь подтверждает актуальность взглядов школы реализма на международные отношения. Пока государства не принимали во внимание тезисы школы реализма, считая её устаревшей, всецело доверяя учениям неолиберализма и других более современных концепций устройства международных отношений, они упустили, как на их суверенной территории возникли множества юридически независимых, а в реальной жизни, зависимых международных компаний и организаций, взявших на себя весомую часть обеспечения потребностей общества. Естественным образом отпадала необходимость в создании чисто национальных структур подобного рода. С экономической точки зрения, это—оправданный шаг: зачем государству свой новый и неразвитый автопром, если легче и дешевле импортировать качественные и дешёвые иномарки из зарубежных стран, и так далее.

К сожалению, тридцать лет спокойной международной обстановки после окончания холодной войны даровало ложное чувство, что такая политическая ситуация будет оставаться всегда. Политик, бизнесмен и просто человек не задумывались или не хотели задумываться, к каким последствиям может привести глобализация в случае непредвиденных ситуаций. Как следствие, ими не были выработаны соответствующие правовые нормы, которые бы регулировали отношения государства и, скажем, международной компании. В результате этого, можно наблюдать ситуацию, когда международная компания управляется человеком, старающимся удовлетворить национальные интересы своей страны, не

гнушаясь влиянием на внутреннюю политику других государств. Разве не является одновременный уход иностранных компаний из России попыткой оказать влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в стране? Уход компаний с рынка ведёт за собой сокращение рабочих мест, что вызывает безработицу, а это, в свою очередь, приведёт к большим проблемам в экономике и обществе в целом. Использование данной ситуации как рычага давления, естественным образом подрывает принцип суверенитета.

Заключение

Состояние кризиса нам показало, что, в следствие процесса глобализации ни одно из государств мира не способно обеспечить полный суверенитет. Как только страны осознают подобное положение дел, они всеми силами попытаются вернуть утраченный в следствии глобализации суверенитет, что соответствует основным принципам международных отношений[1]. Таким образом страны будут стремиться к импортозамещению и абстрагированию экономики от мировой системы. И если государство в перспективе способно обеспечить общество всем необходимым своими силами, в таком случае оно становится полюсом силы, к которому будут примыкать менее великие государства, которые по объективным причинам не способны обеспечить достойное существование своим гражданам при этом сохранив полный суверенитет. Всё вышесказанное подтверждает идею того, что современная международная система стоит на пути к преобразованию.

Список источников и литературы

1. Дробот, Г. А. Мировая политика: учебник для вузов / Г. А. Дробот. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019—232 с.
2. Лордон Ф. Адье, глобализация! Выход из кризиса в регионализацию // Международная конференция «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса». Москва, 11–12 сент. Стенографический отчет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inop.ru/files/p_olit_teor_st_1.doc
3. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. М.: ИФ РАН, 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html>
4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2000
5. Чихарев И. А. Кризис мироуправления // Сетевой портал журнала «ПО-

- ЛИС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polisportal.ru/Chicharev_crisi.html
6. Теория международных отношений: Хрестоматия. Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. — М.: Гардарики, 2002. С. 220
 7. Morton A. Kaplan. System and process in international politics.—ECPR Press, 2005.
 8. Waltz K. Theory of International Politics.—Addison-Wesley, 1979.
 9. Международная организация онкологов OncoAlert отказалась от сотрудничества с Россией — Рамблер/новости (rambler.ru)

GLOBALIZATION AS ONE OF THE FACTORS OF THE CRISIS OF THE INTERNATIONAL SYSTEM

Babich N. D.¹

Sidorkina V. V.¹

¹MGIMO University,
Moscow, Russian Federation

The article is devoted to an urgent problem today—a gradual structural change in the system of international relations. An attempt is made to identify the reasons that served as the impetus for the beginning of these processes. The authors single out the process of globalization as fundamental in the phenomenon of changing the structure of international relations. The influence of transnational companies on the sovereignty of actors in international relations is analyzed through the prism of interference in their domestic affairs. The article criticizes the school of liberalism in the context of understanding international processes, the provisions of the concept of realism are taken as a basis for studying this problem. Special attention is paid to the thesis about the leading role of states as actors in international relations. In addition, the authors consider the undermining of one of the fundamental principles of the existence of states—sovereignty—in the context of globalism.

Key words: globalization, sovereignty, international system, actor of the international system, crisis of the international system

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ПАРАДИГМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Шматов А. С.¹

Самарин В. А.¹

¹ МГИМО МИД России,
Москва, Российская Федерация

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме — постепенному структурному изменению системы международных отношений. Анализируется ряд определенных политических процессов как в их ретроспективе, так и в перспективе для выявления причин, послуживших точкой отсчета подобных действий. Авторы выделяют регионализацию как неотвратимую действительность современной системы международных отношений, замещающую сложившийся до этого принцип глобализации.

Ключевые слова: регионализация, глобализация, интеграция, суверенитет, международная система, актор международной системы.

Введение

Вопрос о современном состоянии международной системы стоит на повестке дня уже не первый год. Множество политологов, государственных деятелей и простых активистов различных стран имеют зачастую диаметрально противоположные мнения касательно данной парадигмы, но как правило все выдвигаемые тезисы имеют довольно субъективный характер и зависят от политических взглядов индивида, а также взглядов конкретного государства, занимающего определенное место в мире.

Не стоит отрицать, что тенденция глобализации всех сфер общественной жизни долгое время считалась и являлась безальтернативным путем эволюции как международной системы, так и общества в целом. С. Перегудов отмечает, что в современном мире управляют ТНК, ВТО, ВБ, идеология «минимального государства» обретает свое законченное «идеальное воплощение». [1] Но данные мнения выражались во время пиковой точки господства мирового гегемона в лице Соединенных Штатов Америки, когда взращённые ими негосударственные акторы на прямую влияли на решения суверенных государств.

Беря во внимание политические события последних лет, можно

ответственно заявить, что сложившийся гегемонистический мировой уклад во главе с Соединёнными Штатами Америки окончательно рухнул. Этому свидетельствуют множество факторов, один из которых — начало ведения независимой от гегемона внутренней и внешней политики огромного пласта региональных и мировых лидеров. Первым сигналом для бенефициаров глобалистской повестки стала речь президента Российской Федерации Владимира Путина на мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году. По словам Путина В. В.: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна». «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня». [2] Подобное заявление стало своего рода декларацией о превосходстве власти государственного актора над негосударственными.

По прошествии времени с этого заявления все большее число стран ни только на словах, но и на деле стали проводить независимую от воли транснациональных корпораций и наднациональных организаций внутреннюю и внешнюю политику. Причину столь новой и своего рода радикальной тенденции можно найти в тезисах конструктивистского подхода. По словам одного из главных идеологов конструктивизма в политике Александра Вендта: «Характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями, которые государства имеют друг о друге, и этот характер устанавливается социальными, а не материальными факторами». [3] Другими словами, любое государство имеет свой собственный путь развития, складывающийся на основе культурно исторических факторов в течение длительного периода. Именно данный тезис и был объявлен российским президентом в Мюнхене в 2007 году.

Но мало отказаться от старого курса. Необходима эффективная альтернатива существующим реалиям и этой альтернативой служит регионализация. На данный момент в нашем мире появилось несколько альтернативных центров силы, в задачи которых входит сохранение расширения своих автономных интеграционных пространств. В современных реалиях просматриваются лишь 4 подобных проекта: Англо-саксонский мир, Объединенная Европа (без какого-либо симбиоза с американо-британским проектом), Малая Евразия (ЕАЭС) и Большая поднебесная (сфера влияния Китая). Каждое объединение пытается построить свое существование на принципах автаркии, но не в контексте одного государства, а целого интеграционного образования. Из те-

оретических основ определена невозможность абсолютного экономического суверенитета, столь желанного для сторонников данной идеи. Именно поэтому каждый центр силы стремится достичь так называемой паритетной автаркии, то есть полной независимости по ключевым и жизненно важным секторам экономики. Такой подход наблюдается в курсе Российской Федерации на импортозамещение. Регионализация в этом случае играет роль связующего звена по тем направлениям в которых полная автаркия невозможна ввиду объективных причин, например, рабочая сила.

Сама регионализация по своей сути ставит те же интеграционные задачи что и всемирная глобализация, но с учетом взаимных интересов всех стран участниц конкретного регионального образования. Именно это ключевое отличие и дает регионализму явное преимущество перед общепланетарными интеграционными проектами. Ведь найти консенсус по достижению устойчивой политики развития среди узкой группы государств, имеющих общую идеологию, традиции и интересы гораздо проще чем между государствами с диаметрально противоположными взглядами на развитие. Именно по этой причине глобализм и показал столь низкую эффективность перед вызовами времени.

Заключение

Современная политическая система находится на стадии кульминации ее полного слома и реформатирования. Смена курса в сторону регионализации отчетливо просматривается у подавляющего числа государств. Со становлением нового многополярного мира становится также очевидно, что данный процесс необратим, а время до полного установления нового мирового порядка и новой парадигмы мирового развития зависит лишь от политической воли игроков международной арены.

Список источников и литературы

1. Перегудов, С. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? / С. Перегудов // МЭиМО. — 2002. — №4. — С. 22–28.
2. Путин, В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Мюнхен. — 2007.
3. Wendt, A. Social Theory of International Politics. / A. Wendt // Cambridge: Cambridge University Press. — 1999. p.1

REGIONALIZATION AS A PARADIGM FOR THE EXISTENCE OF THE MODERN INTERNATIONAL SYSTEM

Shmatov A. S.¹

Samarin V. A.¹

¹ MGIMO University,
Moscow, Russian Federation

The article is devoted to an urgent problem today—a gradual structural change in the system of international relations. A number of certain political processes are analyzed both in retrospect and in the future to identify the reasons that served as a starting point for such actions. The authors single out regionalization as an inescapable reality of the modern system of international relations, replacing the previously established principle of globalization.

Key words: Regionalization, Globalization, Integration, Sovereignty, International system, Actor of the international system.

Секция 2.

ГЕОПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 911:32

ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ

Елацков А. Б. ¹

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается общая типология районов. Система категорий представлена в виде двух пересекающихся осей: ареал — однородный район, очаговый ареал — узловой район. Общей «нулевой» точкой отсчета представляется понятие территории. Показано, что для целей геополитического и некоторого иного районирования названных понятий недостаточно. Предложено дополнить общую систему районов, выделив новый, третий, тип — (нормативно)-реляционный. Именно он оказывается основным для решения задач геополитического исследования. Районообразующими в нем являются не объекты, а отношения. В частности геополитические.

Ключевые слова: геополитика, геополитические отношения, политико-географический, район, районирование, место, территория.

Введение

Геопространство (земное пространство) представляет собой многогранное единство ряда планетарных сфер [1]. Именно в геопространстве мы можем выделять различные районы по определенным признакам. Территория же в географическом смысле (как и геотория) лишь выделяет в геопространстве определенную часть. Любой объект или таксон (район, ареал) обладает территорией, но сама территория безразлична к своему содержанию [2]. Она лишь задает локализацию в пространстве. Обычно через локализацию границ. Как отмечает Ю. Н. Гладкий, она “служит лишь общим фоном расположения материально-вещественных объектов и, строго говоря, — “пуста” с точки зрения модельных построений...” [3]. «Соответствующим образом квалифицированная, территория приобретает качество географического таксона» [4, с. 50].

Вместе с тем, с точки зрения концепции геополитической самоорганизации общества и деятельностно-геопространственного подхода [1; 5], политико-географическая и геополитическая реальность понимается как результат непрерывного взаимодействия, взаимной адаптации разнообразной политической деятельности общества и многообразных условий-свойств земного пространства (геопространства). Результатом и элементарным носителем этого геоадаптационного процесса и его результатов — геополитических и политико-географических явлений выступают геополитические отношения (ГПО). Это те «кирпичики», из которых сложена политико-географическая картина мира. С этих позиций геополитика представляется деятельностью по управлению геополитическими отношениями между политическими субъектами и условиями геопространства, в т.ч. отношениями контроля над этим геопространством. Соответственно геополитика как область знания ставит задачу выявления, прогнозирования и проектирования таких отношений. В этом же ключе надо понимать и геополитическое районирование — как одну из процедур исследования соответствующего геопространства а, значит, и его объективных ГПО, и процессов районобразования. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Трудности типологизации

Здесь возникает и определенная сложность. Дело в том, что геополитический район отражает не только внутренние объективные особенности территориальных систем, но и ГПО, и интересы субъектов. В этом смысле район выделяется не только по связям в территориальной системе, но и по связям (отношениям) с геополитическим субъектом. Получается довольно сложная матрица взаимно пересекающихся районов разного содержания. Отметим, что одни и те же объективные признаки в разных районах могут вступать в ГПО разного типа и значения в зависимости от геополитического контекста. Поэтому районирование может быть «двухслойным»: на первом слое отражаются объективные параметры геопространства, потенциально могущие участвовать в ГПО. (Но это еще не геополитическое районирование в чистом виде, а скорее географическое. Например, экономические районы и этнические ареалы.) На втором — эти признаки уже как сторона ГПО с соответствующей политической оценкой. Причем именно ГПО здесь являются районообразующими: разные участки даже абсолютно однородного геопространства могут иметь разные ГПО. Более того, изменение геополитического контекста может вести к изменению геополитических районов, даже если на самой территории ничего не изменилось.

Далее определим место описанного района в классической типологии географических районов. Главное отличие территории от района, как уже было отмечено,—в содержательности. Соответственно, районирование выполняет важнейшую функцию упорядочивания геопространственной информации и используется в познавательных и управленческих целях. Впрочем, районирование может проводиться по вторичным признакам-индикаторам, не имеющим для района существенного значения («эффект трилобита» по Л. В. Смирнягину [6, с. 14]).

Г. Д. Костинский предложил рассматривать территорию и район как два полюса на оси матрицы пространственности: Территория—Район [7]. И в таком виде понятийная ось действительно имеет смысл. Но интерпретация у нее может быть такой: это своеобразная шкала—от отсутствия районных признаков (безразличия к содержанию) до полной определяемости этими признаками. Вместе с тем, сам район в широком понимании включает три разновидности: ареал, частный и комплексный районы [6, с. 6] (хотя ареал по некоторым особенностям районом часто не считается). Не вступая в дискуссию о соотношении ареального, частного и комплексного районирования, объединим две названные «оси» категорий в одну, упорядоченную в соответствии со сложностью и содержательностью понятий: *территория—ареал—частный район—комплексный район*.

Далее нас интересуют наиболее обобщенные типы районов. Традиционно их принято подразделять на однородные (или равномерные, гомогенные) и узловые (или нодальные, вместе с которыми можно рассматривать также полинодальные и коннекционные) [8, с. 316]. По Л. В. Смирнягину, диалектика однородных и узловых районов—один из «проклятых» вопросов теории районирования. «Впрочем,—пишет Смирнягин,—это противоречие во многом кажущееся, порожденное слишком буквальным толкованием сути узлового и однородного районов» [6, с. 11]. Таким образом, оба вида районов можно представить как идеальные типы, отдельными признаками которых обладают те или иные реально выделяемые районы. Выше мы выделили ось понятий: территория—ареал—район. Но здесь правильнее было бы говорить именно об однородном районе. Кроме того, можно провести аналогию между очаговым ареалом и узловым районом, которые различаются наличием целостности [4, с. 72]. Эти понятия образуют вторую ось понятий: *территория—очаговый ареал—узловой район*. Можно предположить, что обе оси пересекаются в «нулевой» точке, обозначенной понятием «территория/геотория» (на обеих осях она одинаково без-

различна к содержанию). Таким образом, мы получаем систему координат, в которой можно расположить реальные районы по выраженности в них признаков обоих типов. В частности, промежуточное положение займут полинодалные и коннекционные районы.

Казалось бы, две названные смысловые «оси» их сочетания охватывают всё возможное многообразие районов. В социально-экономической и естественной отраслях географии, в рамках которых и развивалась теория районирования, такого представления часто достаточно. Однако в политической географии и, тем более, в геополитике этого оказывается недостаточно (в других отраслях это просто менее заметно). Проблемный вопрос заключается в том, что некоторые районы лишь с натяжкой приходится относить к одному из двух вышеназванных типов, или же именовать их «искусственными», «практическими» или «юридическими» [8, с. 318], чтобы обосновать их особое положение в типологии. Речь идет, прежде всего, о государствах и их административно-территориальных единицах. Разные исследователи классифицируют их по-разному, что само по себе говорит о проблемности вопроса. С одной стороны, административный район обладает признаками однородного. «Их однородность заключается в отнесении к одному рангу политико-административного деления...» [9, с. 7]. Об этом же писал еще Р. Хартшорн [10]. Но с другой стороны, большинство авторов по понятным причинам относят административный район к типу узловых [8, с. 316; 3, с. 293]. Вместе с тем, с точки зрения политической регионалистики, фактические территориально-политические системы (как узловые районы), не совпадают с границами административно-территориальных единиц. Положение спорное, но показывающее трудность идентификации административной единицы в качестве именно узлового района. В частности, пустынные необитаемые территории страны никакими явными «узловыми» связями не обладают.

С подобной проблемой можно столкнуться и при ином «практическом» районировании. Как типизировать, например, районы земельной собственности и зоны интересов? Каким типом районов являются шесть глобальных «зон ответственности» американского военного командования (US CENTCOM и т.д.), которые, однако, не совпадают со специализацией шести же региональных бюро госдепартамента США? Такой район, казалось бы, обладает признаками районов обоих типов. Он вроде и централизован, но суверенитет государства, например, на нем равномерен. Центр вроде есть (допустим, штаб-квартира или индивид-собственник), но может легко переместиться даже за пределы района. Существуют, например, «экстерриториальные» столицы и центры:

Пешавар для Зоны племен в Пакистане, Штутгарт (Германия) для «зоны ответственности» Африканского командования США (US AFRICOM). (Узловые районы также могут иметь внешний центр, но это возможно в специфических условиях и прослеживается на входящих и исходящих потоках.)

Расширение типологии

Нам представляется, что мы имеем дело не с синтезом двух типов, а с третьим, равноправным типом района. Его особенность в том, что *в общем случае одним лишь исследованием местности невозможно обнаружить признаки, по которым определенный участок следует отнести к некоторому району данного типа, как и объяснить изменение его границ только изменением местных условий*. Подсказать это могут разве что пограничные столбы или некоторые вторичные индикаторы. Да и то не всегда. Так, Р. Платт писал в 1935 г. о племени в верховьях Амазонки, пребывающем в «благословенном неведении того, что оно живет в зоне международной напряженности» — на территории, оспариваемой Перу и Эквадором, и не знавшем о существовании даже самих этих государств [цит. по: 10, с. 180]. Другой яркий пример — часовые зоны и изменение их границ «росчерком пера». Сходными особенностями обладают и вернакулярные районы. В ряде случаев единственный способ определить принадлежность — исследовать архивы (причем не об истории самой исследуемой местности).

То есть для выделения таких районов нужно иметь один или несколько своеобразных нормирующих «ключей» (материальных ли, смысловых ли, или каких-либо еще). Это связано с тем, что в таких случаях мы районируем не сами объекты геопространства, а их отношения с некоторым внешним или независимым явлением. А чтобы определить отношение, недостаточно знать лишь об одной его стороне. Но такие районы не становятся от этого чем-то эфемерным: из-за них могут вспыхивать даже международные конфликты. Отдаленным сходством с обсуждаемым типом районов обладают выделяемые Б. Б. Родоманом ассоциативные районы [8, с. 34–36], которые определяются, однако, в противопоставлении с субстантивными, а не узловыми или однородными районами, и часто имеют явную выраженность на местности.

Назовем выделенный тип района, допустим, нормативно-реляционным [2] (его можно было бы именовать и информационным, но это привнесет нежелательный дополнительный смысл). В разных отраслях географии районообразующие отношения в данном типе районов будут разного типа. Так, для государственной территории ими предстают

отношения геополитические. В таком районе функциональность часто привносится извне, а не проистекает из особенностей самого района. Более того, привнесенная функциональность задает внешне-детерминированную морфологию и, таким образом, сочетает признаки обоих других типов. Данный тип района создает третью ось понятий: *территория—нормативно-реляционный район*. Именно она является основой для геополитического районирования, которое проводится с помощью оценки и обобщения ГПО. Так, идеологический интерес геополитического субъекта выступает в роли того нормирующего «ключа», который позволяет выделять геополитические районы. Каждый реальный район в той или иной мере может обладать признаками не двух, а всех трёх «идеализированных» типов.

Попробуем с этих позиций интерпретировать понятие «место». Этимологически оно происходит от слова «метка». (В других языках — от «столб», «цель» и т. п.) Изначально мечение позволяло человеку преодолеть относительность и неопределенность пространства. Геопространство с присвоенным «адресом» может быть и точкой, и территорией, и даже объемом. Таким образом, «место» мы должны расположить на оси нормативно-реляционного района. Но отдельное место относится к такому району так же, как отдельный ареал к однородному району. Поэтому поместим «место» на половине соответствующей оси понятий. В итоге, объединив все три оси вместе, получим своеобразную матрицу районирования (рис. 1)

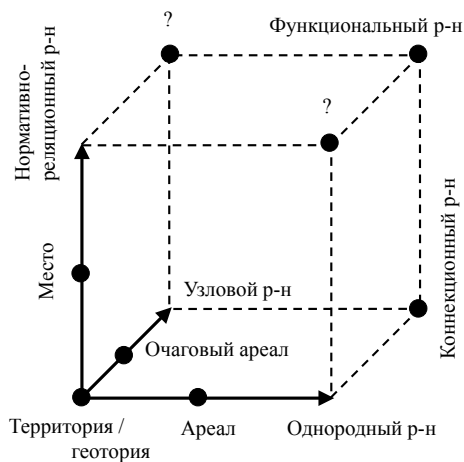

Рис. 1. Пространственная матрица районирования

Геополитическое районирование

Многомерность и динамичность полей ГПО позволяет проводить их районирование по множеству различных оснований. Необходимость районирования и типологии ГПО связана с потребностью их изучения, обобщения, прогноза и управления. К геополитическому районированию как форме обобщения и схематизации многообразной политической реальности вольно или невольно прибегает любой заинтересованный субъект познания. Вместе с тем в сами понятия «районирование» и «район» вкладывается разный смысл. В.Л. Каганский попытался выделить пять идеализированных общегеографических парадигм районирования [11]. На наш взгляд, четыре из них в значительной степени соответствуют исследованию рассмотренных нами выше трех типов районов. Пятый же действительно стоит особняком. Кратко обозначим их в геополитическом контексте.

Однородный район (у В.Л. Каганского — семиотическая парадигма). Районирование здесь представляется системой репрезентации, обобщения локальной «точечной» информации о геопространстве. «Умение выражать разнообразные знания и данные сетками районирования — выдающееся достижение географической техники и методологии» [11, с. 19]. Примеры: районирование страны по статистическим итогам выборов, районирование мира по военным расходам. Такой район может стать базисным для геополитического района, но, не будучи включен в ГПО, сам таковым не является.

Узловой и коннекционный районы (у В.Л. Каганского — онтологическая парадигма). По Л.В. Смирнягину, основную роль в его выделении играет функциональный аспект [6, с. 10]. Задача состоит не просто в систематизации пространственной информации, а в выявлении реально существующих целостных районов с особыми системными свойствами. Примерами в области геополитики могут быть цивилизации по С. Хантингтону, самоорганизация общества в форме социально-экономического регионализма, мир-системные зоны ядра — полупериферии — периферии в соответствии с теорией И. Валлерстайна. Такой район может рассматриваться либо как базисный для частного геополитического района, либо как район суперпозиции множества частных ГПО или районов следующего типа.

Нормативно-реляционный район (у В.Л. Каганского — конструктивная и ментальная парадигмы). Собственно геополитические районы как раз к этому типу и относятся. «Районирование как расчленение территории — способ дискретизации, перехода от непрерывной про-

странственной дифференциации к системе дискретных объектов, эту дифференциацию описывающих и репрезентирующих» [11]. Только вот «ключ» к такому расчленению, как мы уже отмечали, сама территория не содержит. Поэтому районы будут выделены в зависимости от задач и методов и, видимо, не существуют как объективные дискретные целостности в отрыве от отношений с указанным «ключом». В геополитическом плане к этому подходу в чистом виде отнесем, например, упомянутые зоны ответственности дипломатических и военных ведомств, территории государств, потенциальные театры войны, зоны интересов. В этом ключе следует рассматривать и такие внешние факторы, как потенциальные территориальные претензии между странами. В целом же во многом справедливо утверждение, что «политический регион представляет собой определенную территорию, выделенную субъективным способом, произволом доминирующей геополитической силы — не просто исходя из потребности контроля над ним, но и потому, что таким образом ей удобно рассматривать пространство своего действия. Мыслительные структуры накладываются на реальность...» [12, с. 95].

Особняком стоит выделяемая В. Л. Каганским «социококонструктивная парадигма». Описываемый в ней подход было бы правильнее называть просто конструктивным или проектным. Пример реализации в геополитике — проекты политических блоков государств. И далеко не факт, что такой проект будет реализован в полном объеме.

Заключение

В статье было предложен способ объединения категорий территории, узлового и однородного районов в единую систему. Но для геополитического районирования имеющейся типологии недостаточно. Поэтому предлагается дополнить указанную систему третьим типом района — (нормативно)-реляционным. Именно этот тип района является основным для геополитики. В заданной таким образом системе координат можно найти место и другим категориям, таким как «место».

Список источников и литературы

1. Елацков А. Б., Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации, М.: ИНФРА-М, 2017, 251 с.
2. Елацков А. Б., Территория и район в географической матрице ответственности, Известия РАН. Сер. географическая, 2013, № 3, С. 5–13
3. Гладкий Ю. Н., Гуманитарная география: научная экспликация, СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2010, 664 с.
4. Алаев Э. Б., Социально-экономическая география. Понятийно-термино-

- логический словарь, М.: Мысль, 1983, 350 с.
5. Каледин Н. В., Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996, 164 с.
 6. Смирнягин Л. В., Узловые вопросы районирования, Изв. РАН. Сер. геогр. 2005, № 1, С. 5–16.
 7. Костинский Г. Д., Географическая матрица пространственности, Известия РАН. Серия географическая, 1997, № 5, С. 16–31.
 8. Родоман Б. Б., География, районирование, картоиды: сб. трудов, Смоленск: Ойкумена, 2007, 368с.
 9. Файбусович Э. Л., Герасименко Т. И., Регионалистика: курс лекций, Оренбург: ОГУ, 2010, 94 с.
 10. Хартсхорн Р., Политическая география, Американская география: Современное состояние и перспективы, М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957, С. 169–218.
 11. Каганский В. Л., Основные практики и парадигмы районирования, Региональные исследования, 2003, № 2, С. 17–30.
 12. Лурье С., Казарян Л., Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса), Общественные науки и современность, 1994, № 4, С. 85–96.

FEATURES OF GEOPOLITICAL ZONING

Elatskov A. B. ¹

¹St. Petersburg State University (SPbU),
St. Petersburg, Russia

The article considers the general typology of districts. The system of categories is represented in the form of two intersecting axes: area—homogeneous region, focal area—nodal region. A common «zero» point of reference is the notion of territory. It is shown that for the purposes of geopolitical and some other zoning the above concepts are not enough. It is proposed to supplement the general system of zones by highlighting the third type—(rule)-relational. It turns out to be the main one for solving the problems of geopolitical research. Zoning in it are not objects, but relations. In particular, geopolitical ones.

Key words: geopolitics, geopolitical relations, political-geographical, region, zoning, place, territory.

КУЛЬТУРНЫЕ АССИМИЛЯЦИИ, ИСКУССТВЕННЫЕ ЭТНОГЕНЕЗЫ И ГЕНАЦИД СЕРБСКОГО НАРОДА — СРЕДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ

Райко Гнято¹

¹Университет у Баня-Луке,
Республика Сербская, Босния и Герцеговина

В предшествующие десять веков сербский народ был подвержен различным формам культурных ассимиляций, а в течение двадцатого столетия — искусственным этногенезам, массовому страданию и геноциду. В чем причина, какие цели, есть ли конец сербскому страданию?! Эти вопросы — предмет данной работы.

Ключевые слова: сербы, Западные Балканы, географическое положение, культурные ассимиляции, этногенезы, геноцид, Ватикан, ислам, геополитика.

Введение

С 5 века н.э. по сей день сербский этнос на едином этническом пространстве от Словении до Македонии проходил через разнообразные испытания. В течение этого периода, особенно с конца одиннадцатого века и до сих пор, сербское население было охвачено мощными процессами культурных ассимиляций, искусственного этногенеза, насильственных переселений, массового страдания, включая и геноцид в 20 веке. Причины этих процессов многочисленны. Одну из них можно назвать существенной — она касается контактного положения сербского этнического пространства относительно различных и взаимно конфликтующих культурологических, цивилизационных, религиозных, геополитических и экономических систем и их интересов.

Материал и методы

Крупные культурные и политические изменения в сербском этническом пространстве начинаются в 4 веке нашей эры, под влиянием Рима. „Вскоре после раздела Империи на Восточную и Западную в 395 году произошли изменения в административном устройстве Балкан... заметно стремление поставить Иллирик, в церковном отношении, под юрисдикцию Рима (Равић, 2013, стр. 6).

Великая схизма или Великий раскол (1054) привели к отделению западного христианства от Вселенской церкви. Сразу после раскола, и до сегодняшнего дня, Ватикан и католическая церковь неустанно работают над искоренением православия, переводом православных в католицизм, расколом во Вселенском патриархате, признанием неканонических православных цервей и т.п. Во Вторую мировую войну Ватикан и католицизм благосклонно смотрели на беспримерные преступления и геноцид сербского народа со стороны т. наз. Независимого государства Хорватия (1941–1945). В этих ужасающих резнях непосредственно участвовало и католическое духовенство.

Турецкий колониальный период, путем многовекового процесса культурной ассимиляции, т.е. **исламизации сербов**, создал предпосылки для появления искусственной нации — мусульман, т.е. босняков. Окончательную нациоанальную форму исламизированное население приобрело в 1971 году, получив название *мусульмане*. После 1991 года большая часть исламизированного населения объявляет себя, в национальном смысле, босняками.

„Процесс исламизации в югославских землях (*большая часть принадлежит сербскому этническому пространству*. — Прим. Р. Г.) продолжался с начала и почти вплоть до конца османско-турецкого правления. Он разворачивался поэтапно, с неравномерной интенсивностью... Главные факторы исламизации заключались в разделении населения на религиозном основании, разнице в правовом положении и реальной жизни мусульман (*правоверных*) и немусульман (*гяуров*)“⁴. Факторы исламизации были комплексными, но среди них факторы экономического характера оказывали самое сильное влияние. Это в значительной степени усиливало видимость добровольности самого перехода в ислам (Васић, 2005, стр. 63–65). На первом этапе, до конца 1481, исламизация в югославских землях не имела такого массового характера, ... сводилась к обращению в ислам отдельных лиц и групп христианского населения. На этом этапе шла подготовка условий для последующей массовой исламизации... Второй этап в процессе исламизации начался где-то около 1480 года... Массовый характер исламизации в югославских землях и на всем Балканском полуострове, в конце 15 и 16 веке, отражен в османско-турецких книгах переписи (*тахрир дефтерлари*) отдельных санджаков, образованных на указанной территории. Во время массовой исламизации в Боснии у Герцеговине ислам относительно интенсивно распространялся и в других югославских землях... Распространение ислама в Македонии началось раньше, чем в остальных югославских землях. В 16 столетии исламизацией был охвачена и часть населения

новозавоеванных краев к северу от рек Савы и Дуная, больше всего в Среме и Славонии. Семнадцатый и восемнадцатый столетия характеризуются новым размахом распространения ислама... Он ярко выражен в Албании, у нас в Македонии, особенно в Косово, пространстве Стари-Влаха и почти везде, где возникало усиленное противостояние турецкой власти (там же, 67–71).

В рамках антропогеографии Балканского полуострова Йован Цвиич изучал и **мухамеданцев**. В качестве „отдельного этноса“ он их выделяет только по религиозной принадлежности и считает их представителями „сербской расы“ (Цвијић, 1991, стр. 379–387). Исламизированное сербское население в переписях БиГ 1879, 1885 и 1895 гг. объявляло себя исключительно в смысле религиозной принадлежности — **мухамеданцами** (мухамедовцами), а в переписи 1910 года — **мусульманами**. Не осознавая их в качестве отдельного этноса, тем более отдельной национальной сущности, власть их переписала исключительно по религиозной принадлежности, умело избегая перепись на основе настоящей этнической и национальной принадлежности.

Народность „мусульмане“ создана в социалистической Югославии после Второй мировой войны. В переписи населения 1948 года мусульманское население, предтечи сегодняшних **босняков**, назвало себя: сербами, мусульманами, хорватами мусульманами, мекедонцами мусульманами или неопределившимися. В переписи 1953 года мусульмане чаще всего объявляют себя „югославами неопределившимися“. Перепись населения бывшей Югославии 1961 года впервые вводит категорию **мусульмане** в этническом смысле, а перепись 1971 года категорию мусульмане в национальном смысле. До распада бывшей СФР Югославии представители этой этногенной формы объявляют себя „мусульманами“ в национальном смысле (Мрђен, 2002, стр. 86–87). В сегодняшнее время большинство представителей исламизированного сербского населения объявляют себя босняками в национальном смысле. Речь явно идет о процессе искусственного этногенеза, породившего новую национальную категорию.

Под влиянием Католической церкви и политики Ватикана культурный, языковой и остальные формы ассимиляции сербов (обращение в униатство или католицизм) были составной частью этногенеза хорватской нации (**кroatизации**). Эти процессы происходили вне границ исходной Хорватии, которая определяется областью кайкавского и чакавского говоров (Илић, 1993, стр. 26). Процесс искусственного этногенеза хорватов начался в 11 веке обращением в униатство сербов на территории Конавле, Дубровника, Далмации, Лики, Горски-Котара,

Славонии, Истрии и т.д., и продолжился окатоличиванием и кроатизацией в середине 19 века, не оканчиваясь и по сей день.

Историк Й. Радонић в капитальном произведении „Римская курия и южнославянские земли в 16–19 веках“ хронологически анализирует время, место, интенсивность и подоплеку данных процессов, уделяя особое внимание влиянию политики Ватикана (Радонић, 1950, стр. 4–688). Перевод православного духовенства в униатство начался сразу же после раскола Христианской церкви в 1054 году, и усилился после церковного собора в Тренте в 1540, когда учреждена Конгрегация пропаганды (*Congregatio de propaganda fide*), которая делает упор на сербском этническом пространстве, с целью присоединить к унии **Печский патриархат** и **Цетинскую митрополию**.

Во второй половине 19 века, опираясь на идеи иллиризма, экстремистских хорватских (гео)политиков (Э. Кватерника, А. Старчевича, Й. Франка...) и Католичкой церкви, интенсивируется процесс **кроатизации**. Ранее окатоличенное или обращенное в униатство сербское население пытаются провозгласить хорватами. Анализируя записки многочисленных иностранных писателей-путешественников, государственных статистиков и ученых, Й. Илић отмечает, что „хорваты находятся в небольшом количестве в Боснии, Герцеговине, Далматции, Славонии и даже на Истрии. Область хорватов располагается вдоль словенской границы, от Горски-Котара, через Загреб, до венегерской границы...“ (Илић, 1993, стр. 31).

Сильный толчок кроатизации сербского населения на территории, ныне принадлежащей Республике Хорватии, дал Всехорватский католический конгресс, прошедший в Загребе в 1900 году, на котором архиепископ Й. Штадлер прочитал программную речь об отождествлении **хорватства с католицизмом**. В целях реализации программных идей запущено большое количество экстремистских клерикальных газет (*Хрватство, Дан, Хрватска стража, Врхбосна, Католички лист...*). Клерикалы приобрели большую политическую силу и влияние, пользуясь полной австрийской и ватиканской поддержкой (*Novak, 1948/1986*).

Окатоличивание и кроатизация достигли пика в начале Второй мировой войны, когда усташские власти т. наз. Независимого государства Хорватия совершают геноцид сербов. Они осуществляют идею радикальных хорватских геополитиков: уничтожить 1/3 сербов, 1/3 прогнать, а 1/3 окатоличить, т.е. кроатизировать. В капитальном труде „Magnum Crimen“ хорватский историк В. Новак, на основе исследования целого ряда исторических источников и архивных материалов, на свыше 1200 страниц текста, объясняет влияние клерикализма на ука-

занные события в первой половине 20 столетия. Он приводит сведение о том, что в период 1941–1945 гг. окатоличено около 240 000 сербов (*ibidem*, стр. 788).

Культурная ассимиляция (обращение в униатство и католичество) с конца 15 и вплоть до конца 17 века охватила и сербское население Белой Краины. Эта область ныне принадлежит Республике Словении. От сербов, прежних обитателей Белой Краины, осталось всего несколько деревень (Боянцы, Миличи, Пауновичи и Мариндол), где все еще живет немногочисленное сербское население (Мал, 1924; Влаховић, П., 1993; Влаховић, Б., 1993. и 1997; Гавриловић, 1996).

В социалистический, а особенно в постсоциалистический период сербское население в Словении охвачено процессом словенизации. Хотя они являются самым многочисленным национальным меньшинством, насчитывающим около 50 000 жителей, в наше время сербы в Словении не имеют статуса национального меньшинства. В отличие от сербского, этот статус имеют представители итальянского этноса, с примерно 2 000 жителей, и венгерского, с примерно 6 000 жителей (согласно переписи 2002 года).

Весомый вклад в наши познания о *македонском этносе* привнесли исследования Й. Цвиича. В знаменитом труде „La Peninsule balkanique“ (1918) Цвиич определил многочисленные разновидности сербского этноса от Словении до южных границ Македонии ((Гњато, Гајић, Вујадиновић и Станојевић, 2011, стр.41–42). Существующее в настоящем сознание о национальной отдельности македонцев является результатом сложной исторической обстановки, включая и период после Второй мировой войны, когда коммунистические власти бывшей ФНР Югославии в лоне сербского этноса, по политическим соображениям, образуют новые нации, в том числе македонскую. Мы подчеркиваем, что в работах многочисленных авторов констатируется, что славянское население Северной Македонии носит основные элементы сербской культуры и духовности (Трифуноски, 1995, стр. 8).

Сегодня в Северной Македонии официально живет око 35 000 представителей сербского этноса (*Государственное статистическое агентство, 2002*), обремененных целым рядом неразрешенных вопросов, касающихся использования материнского языка и письма, стимулирования учреждений культуры, статуса Сербской православной церкви и пр.

В лоне сербского этноса путем процесса **этногенеза** возникла и **черногорская нация**. Научный подход и политическая практика показывают два разных толкования ее возникновения. Одно основывается на тезисе о постепенном выделении черногорского из сербского наро-

да (Ђилас, 1945). Сторонники этого тезиса — **этнические черногорцы**, которые сегодня, в языковом смысле, объявляют себя носителями сербского языка, а в конфессиональном смысле — прихожанами Сербской православной церкви. Второй подход заключается в политически сконструированном тезисе о полном **различии** черногорского и сербского этносов. Этот тезис распространен среди **этнических черногорцев**, объявляющих себя в языковом смысле носителями черногорского языка, а в конфессиональном — прихожанами новообразованной и неканонической Черногорской православной церкви.

Черногорская нация, в формальном смысле, конституирована после 1945 года решением коммунистических властей ФНР Югославии. Хотя речь идет об искусственно сконструированной нации, восходящей к сербскому этносу, она уже десятилетиями является реальностью и выражением воли одной части православного населения Черногории (около 44 % всего населения Черногории, или око 240 000 человек, по переписи 2011 года), считающей себя носителем особых этнических признаков.

В течение 20 столетия над сербским населением в т. наз. Независимом государстве Хорватия совершен **геноцид**², по своей чудовищности беспрецедентный в истории человеческого рода. В целях истребления сербов на территории т. наз. Независимого государства Хорватия усташские власти формировали 22 лагеря, среди которых Ясеновац был самым печально известным. „На основании приказа, подписанного Марко Пуком, министром правосудия и религии в Независимом государстве Хорватия Анте Павелича, концлагерь Ясеновац создан 23 августа 1941 года, а упразднен 22 апреля 1945 года...“ (*Государственный центр исследования войны, военных преступлений и поиска пропавших без вести мирных жителей*, 2015, стр. 28). В обозначенный период усташские власти в концлагере Ясеновац убили око 700 000 сербов, 23 000 евреев и 80 000 цыган. Это коллаборационистское образование было единственным „государством“, в котором во Второй мировой войне существовали лагеря для детей (в Стара-Градишке, Ясеноваце, Уштице, Ябланаце, Ястребарско, Риеке око 14 Ястребарско, Горня-Риеке око 14 Крижевцев...). Согласно неполным исследованиям, „с апреля 1941 до мая 1945 года в Независимом государстве Хорватия умерщвлено 74 762 детей, моложе 14 лет... Среди убитых был 42 791 сербский ребенок, 5 737 цыганских детей, 2 289 хорватских, а в случае 273 жертв невозможно было установить национальную принадлежность...“ Са-

² Статьи 2 и 3 Конвенции о преотвращении преступления геноцида и наказании за нее от 1948 года, ООН

мых молодых ясеновацских жертв привозили в лагерь смерти из 1074 населенных пунктов на территории НГХ... из 155 муниципалитетов, в которых преимущественно жили сербы (там же, стр. 28–30).

Массовые усташские злодеяния, организаторами и исполнителями которых нередко были католические священники, совершались на всей территории т. наз. Независимого государства Хорватия — от Лики до восточной Герцеговины. Одно из самых массовых преступлений, во главе которого стоял монах-францисканец Мирослав Филипович (фра Томислав), совершено 7 февраля 1942 года в сербских деревнях Дракуличи, Шарговац, Мотики и в руднике Раковац под городом Баня-Лука. За всего лишь один день зарезано или убито тупым предметом 2315 сербских мирных жителей, детей, женщин и стариков, застигнутых дома, в школах, на работе и пр. Об этом неслыханном злодеянии свидетельствовало несколько переживших бойню, в их числе и учительница Добрила Мартинович, на глазах у которой фра Филипович и усташки убили 52 сербских детей (Лукајић, 2005, стр. 111–112).

Список сербских жертв во Второй мировой войне составлен только в 1964 году... В этом списке констатируется, что на территории всей Югославии было только 597 000 погибших. На Парижской мирной конференции принято число в 1 706 000 югославских жертв. Вопрос числа жертв геноцида над православными сербами стал существенным вопросом в послевоенный период. В отчете Государственной комиссии Хорватии по установлению преступлений оккупантов и их сподручников от 1946 оценивается, что в системе лагерей Ясеновац уничтожено 500–600 тысяч мужчин, женщин и детей, а согласно „Энциклопедии холокоста“ — 600 000 (там же, стр. 600).

Страдания сербов в Республике Сербской Краине происходили в период военных действий на территории Республики Хорватии (1991–1995). Вдохновленная идеологией радикальных хорватских геополитиков конца 19 и первой половины 20 столетия, новообразованная Республика Хорватия (1991), при полной поддержке Запада, как политической, так и военной, в течение 1995 года выгнала около 250 000 сербов с территории, на которой они жили в рамках новообразованной Республики Сербской Краины (1991). Хотя Хорватия в Международном Суде ООН не признана виновной в этом геноцидном деле, ее намерения в военных операциях «Молния» (*серб., хорв. Бљесак — Прим. пер.*) и «Буря» (*серб., хорв. Олуја — Прим. пер.*), проведенных в 1995 году, были явно геноцидными. Большая часть прогнанного сербского населения из насильственно упраздненной Республики Сербской Краинышла приют в Сербии, а меньшая часть — в Республике Сербской.

Конфессиональная, этническая и—по многим признакам—гражданская война в БиГ (1992–1995) началась преступлениями над сербским населением, в начале марта 1992 года, резней на севере Республики Сербской (в Посавине). Преступления совершили военнослужащие регулярных частей Республики Хорватии и местные хорватские и мусульманские отряды. В ходе военных событий в БиГ, на территории, контролируемой вооруженными силами т. наз. Армии БиГ, регулярные части Республики Хорватии и члены вооруженных отрядов, составленных из радикальных исламистов (моджахедов) с Ближнего Востока и других исламистских стран, открыты многочисленные лагеря для сербов. В них пытали и уничтожали сербское население. В ходе военных событий (1992–1995) в БиГ, в 181 населенном пункте зафиксировано 137 мест массового уничтожения людей и 400 лагерей и различных мест заключения сербов (*Документациони центар Републике Српске, 2001, стр. 9 и 10*).

Результаты и дискуссии

Многовековые процессы культурной ассимиляции сербского населения на пространстве Западных Балкан привели к созданию искусственных наций, а эти нации в свою очередь, в конце двадцатого века, создали новые государства на едином сербском этническом пространстве. Заключительный этап этногенеза сербского населения наступил после Второй мировой войны, когда коммунистические власти ФНР Югославии провозгласили две новые нации—македонскую и черногорскую, а а власти СФР Югославии—и мусульманскую.

Ключевые факторы ассимиляции сербского населения, в многовековой период, связаны с крупными геополитическими и экономическими интересами Запада (католичества) и Востока (ислама). Интересы Запада подразумевали экспансию католичества на Восток, а Востока—распространение ислама на Запад. Препятствием всем этим интересам, в силу своего положения, но и из-за неприятия чужих интересов, вплоть до наших дней, был сербский народ. **Подходы** Востока и Запада к осуществлению данных интересов были главным образом различными, а их цели созвучны с их политическими и экономическими интересами. Для Востока (Оттоманской империи) **исламизация** была, прежде всего, **средством** геополитики, т. е. способом осуществления интересов. В противовес исламизации как средству геополитики многовековые интересы Запада, возглавляемого Ватиканом, в рамках сербского этнического пространства осуществлялись посредством всех форм культурной ассимиляции сербов. Такая политика пронизывает программные цели

экстремистских хорватских геополитиков и последовательно реализована на практике т. наз. Независимого государства Хорватия. Истрический опыт подтвердил, что **обращение в униатство и окатоличивание** сербского населения были одновременно многовековым **средством геополитики и геополитической целью** Ватикана и мощной Австро-Венгерской империи.

В период 1941–1945 гг. т. наз. Независимое государство Хорватия провела геноцид сербского народа на территории под усташской властью. Это подтверждают многочисленные места массового уничтожения сербского мирного населения, от горы Велебит, Госпича, Глины, Ясеноваца, Шушняра, Дonya-Градины, Бания-Луки и т. д. до многочисленных мест в восточной Боснии, восточной Герцеговине, западной Герцеговине и в низовьях Неретвы (Пребиловц), включая и места массовой казни сербов на некоторых адриатических островах. В этом преступлении, со всеми признаками геноцида, напрямую участвовала Католическая церковь и хорватское католическое духовенство. Преступление над сербским, цыганским и еврейским населением Католическая церковь до сих пор не осудила. Напротив, она оспаривает и преступление и участие католических вождей в совершенном преступлении, минимизируя число сербских и остальных жертв в проведенном геноциде. Идеологическую подоплеку геноцида формулировали ведущие хорватские политики второй половины 19 столетия Эуген Кватерник и Анте Старчевич, основатели Партии права (Илић, 1993, стр. 43).

Заключение

В отличие от многовекового процесса исламизации, который главным образом был средством оттоманской геополитики, культурная ассимиляция сербского народа, обращение в униатство и католичество, были и по сей день остались средством геополитики и стратегической геополитической целью католичества и хорватской геополитики, начиная со второй половины 19 века и до сих пор. Эта католическая и „великохорватская“ антисербская политика привела к кроатизации большей части сербского населения на географическом пространстве Хорватии и к **геноциду** сербского народа в Независимом государстве Хорватия.

Уничтожение сербского национального существа продолжилось и после Второй мировой войны, когда коммунистические власти излона сербского национального существа выделили три искусственных нации (македонскую, черногорскую и мусульманскую / босняцкую), что в процессе разорения бывшей СФРЮ привело к возникновению трех новых государств на сербском этническом пространстве.

Сегодня одна из ключевых причин сатанизации сербского народа касается интересов американского глобализма и европейских регионализмов. Препятствием этим интересам является сербский народ, его геопространственное, а особенно геополитическое позиционирование, предпочитающее политику антиглобализма и суверенитета, продвигаемую Россией, а затем и Китаем. Поэтому в раскладе различных и взаимно противостоящих интересов, на глобальном, региональном, а также местном уровнях сербский народ ожидают новые испытания, с (не) предсказуемым исходом. В этом смысле, горячие проблемы сербского народа касаются статуса Косово и Метохии, статуса и вообще сохранения Республики Сербской, положения сербского народа в Черногории, Республике Хорватии, Северной Македонии, а также Республики Словении.

Список источников и литературы

1. Равић, П. И. (2013): ЦРКВА И ДРЖАВА У СРПСКИМ ЗЕМЉАМА ОД XI ДО XIII ВЕКА УНИВЕРЗИТЕТ У БЕОГРАДУ, ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ (докторска дисертација), Београд. стр. 1–430.
2. Из колијевке у Јаеновац (2015): Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих цивила, Удружење „Јасеновац. Донја Градина“, стр 1–449.
3. Лукајић, Ј. (2005): Фратри и усташе кољу—злочинци и сведоци. Покољ Срба у селима код Бање Луке, Дракулићу, Шарговцу и Мотикама 7. фебруара и Пискавици и Ивањској 5. и 12. фебруара 1942. године. Фонд за истраживање геноцида, Београд, 2005. стр. 1–672.
4. Васић, М. (2005): Исламизација на Балканском полуострву. Завод за уџбенике и наставна средства. Источно Сарајево, стр. 1–386.
5. Цвијић, Ј. (1991). Балканско полуострво, Друго издање. Српска академија наука и уметности, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства Београд: Новинско-издавачка радна организација „Књижевне новине“ Београд, стр. 1–550.
6. Илић, Ј. и др. (1993): Срби у Хрватској, насељавање, број и територијални размјештај. Едиција: Етнички простор Срба, Књига 3. Универзитет у Београду, Географски факултет. Београд. Београд, стр. 1–278.
7. Радонић, Ј. (1950). Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX вијека, стр. 4–688). Српска академија наука, Посебна издања, Књига CLV. Београд, 1950, стр. 4–688.
8. Мал, Ј. (1924). Ускочке сеобе и словенске покрајине—повест насеобина с културно-историјским приказом. Српски етнографски зборник, књига XXX, Прво одељење—Насеља и порекло становништва. Љубљана: Српска краљевска академија.
9. Влаховић, П. (1993). Прилог етничкој историји Срба у Горском Котару

- и Белој Крајини, Едиција: Етнички простор Срба, Књига 3. Срби у Хрватској — насељивање, број и територијални размештај. Београд: Универзитет у Београду, Географски факултет.
10. Влаховић, Б. (1993). Српско становништво у Белој Крајини из времена војне границе. Едиција: Етнички простор Срба, Књига 3, Срби у Хрватској — насељивање, број и територијални размештај. Београд: Универзитет у Београду, Географски факултет.
 11. Влаховић, Б. (1997). Допринос словеначке и српске етнологије проучавању Срба у Белој Крајини. Срби у Словенији — зборник радова Конференције одржане 8. и 9. јуна 1996. године у Сремским Карловцима. Београд: Светска српска заједница.
 12. Гавриловић, С. (1996). Унијаћење Срба у Хрватској, Славонији и Барањи. У Зборнику радова: Српски народ ван граница данашње СР Југославије од краја XV века до 1914. године. Београд.
 13. Ђилас, М. (1945): „О црногорском националном питању“. „Борба“, 1 мај. Београд
 14. Gnjato, R., Gajić, M., Vujadinović, S. & Stanojević, M. (2011). Serbian national geography — theoretical foundations and its potential role in solving modern geopolitical issues in serbian countries. Herald, 15, стр. 23–52.
 15. Државени завод за статистика (2002), Скопље.
 16. Из колијевке у Јасеноцац (2015): Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих цивила. Бања Лука, стр. 14–449.
 17. Документациони центар Републике Српске (2001). Континуитет страстишта и логора. Бања Лука, стр. 7–201.

CULTURAL ASSIMILATION, ARTIFICIAL ETHNOGENESIS AND GENOCIDE AGAINST THE SERBIAN PEOPLE — A GEOPOLITICAL TOOL OR A GEOPOLITICAL OBJECTIVE

Rajko Gnjato¹

¹ University of Banja Luka,
RS, B&H

Over the last ten centuries, the Serbian people have been exposed to different types of cultural assimilation. During the 20th century, they suffered artificial ethnogenesis, mass tribulation and genocide. What is the cause and what is the objective? Is there an end to Serbian ordeal?! The paper will address these questions.

Key words: the Serbs, the Western Balkans, geographic position, cultural assimilation, ethnogenesis, genocide, Vatican, Catholicism, Islam, geopolitics

ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВА

Хлопов О. А.¹

¹Российский государственный Гуманитарный университета (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Статья анализирует роль и влияние памяти на объяснения формирования государственных границ. Воспоминания о прошлом определяют способы построения идентичностей, дают оценку настоящего в контексте изменения границ. Автором представлен анализ ключевых публикаций о временном характере границ, в которых представлены ключевые идеи в исследованиях о границах государств, и исторически обусловленные причины, лежащим в основе формирования границ. В статье подчеркивается значение памяти в процессе запоминания и создания границ между государствами, что позволяет выйти за рамки линейных и унифицированных представлений о времени.

Ключевые слова: государственная граница, геополитика, память, историческое время, идентичность, государство.

Временный характер границ (*border temporalities*) стал центральным вопросом в исследованиях о границах государств, в которых ученые обращают внимание на изменчивый и исторически обусловленный характер границ. Большая часть работ о влиянии прошлого и памяти на формирование межгосударственных границ была ориентирована на эмпирический опыт и основывалась на тематических исследованиях, не затрагивая концептуальные вопросы, ссылаясь только на одну область исследования—либо пограничные исследования, либо исследования памяти [1].

С точки зрения памяти прошлые события имеют значение не как объективные исторические факты, а как реконструированные события о прошлом, которые действуют в настоящем и служат для легитимации, формирования или изменения границ. Сосредоточение внимания на временных особенностях государственных границ с этой точки зрения не означает рассмотрение того, как время используется при создании пространственных порядков. В более общем плане создание границ можно рассматривать как частично зависящее от повседневных практик, которые играют важную роль в легитимации границ и их закреплении. Исследование памяти при объяснении существующих границ меж-

ду государствами, таким образом, является важной областью изучения пограничных явлений: оно позволяет не только достичь более полного понимания сил, которые создают границы и оспаривают их, но также помогает объяснить совпадения и несоответствия границ.

Память позволяет нам раскрыть временную сложность границ — она позволяет раскрыть различные отношения между прошлым и настоящим за пределами линейной концепции времени, подчеркивает существование множественных и пересекающихся временных факторов в разных масштабах. Ученые также отметили увеличение числа акторов, участвующих в создании границ, включая роль нетрадиционных акторов, а в более общем плане в фокусе исследований оказались пограничные процессы, чтобы классифицировать, маркировать пространства и конструировать их как законные или как неуместные [2].

Ряд подходов привнес временной характер в центр исследований границ, предоставив различные способы понимания границ сквозь время, исследования памяти могут быть одними из способов приблизиться к пониманию временных факторов влияющих на формирование и изменения государственных границ.

Первая широкая перспектива временных аспектов границ государств исследует хронологическое развитие границ и предлагает эволюционные или так называемые биографии границ для концептуализации изменения границ. Эта точка зрения утверждает то, что означают границы, а также их материальная, правовая и техническая инфраструктура, которая со временем меняется. Другие эксперты выдвинули иную концептуализацию времени, где время не линейно и упорядочено, движется от прошлого к настоящему, а прошлое множественно и противоречиво и может сохраняться в настоящем, формируя формы и значения границ. Так О'Дауд предложил объединить исследования границ с исторической социологией, чтобы изучить совпадения и преемственность между империями и современной системой национального государства [3].

Кроме того, концепция пограничных ландшафтов также учитывает, как современные формы границ могут нести следы прошлого, например, при изучении того, как наследие колониализма прослеживается в современном понимании границ.

Несмотря на различия в этих подходах, эти взгляды на изучение изменения границ с течением времени вносят существенный вклад в дебаты о процессуальном характере границ. Воспоминания позволяют людям упорядочивать время и присваивать его с точки зрения собственного жизненного опыта. Благодаря процессам запоминания прошлое выборочно переносится в настоящее и используется для понимания границ

и своего положения по отношению к ним. Пограничные воспоминания могут располагаться в разных пространственных масштабах; они производятся в медиа-дискурсах, политических речах, музеях и литературе, которые традиционно были в центре внимания многих исследователей границ и памяти, но также могут быть обнаружены в повседневных разговорах, нарративах и практиках, что особенно актуально для настоящего времени [4].

В последние годы исследования о границах переключили свое внимание на само значение границ и способы их создания, выходя за рамки государства как главного действующего лица в создании границ. Ученые отмечают, что «пограничные практики все меньше и меньше относятся к исключительной сфере деятельности государства и его агентов [5].

Использование перспективы изучения памяти как метода исследования позволяет нам посмотреть, как время воспринимается, упорядочивается и интерпретируется в различных пространственных масштабах и как эти временные упорядочивания подтверждают, расширяют или ставят под сомнение значения существующих границ. Исследования памяти основаны на общем предположении о существовании множества временных порядков и форм рассуждений о прошлом, и поэтому хорошо подходят для изучения сложных временных характеристик государственных границ. Таким образом, сосредоточение внимания на памяти бросает вызов предположению о том, что время движется только в одном направлении, от прошлого к настоящему, и что именно это движение представляет основной интерес для изучения границ.

При исследовании исторической памяти акцент делается на процесс присутствия прошлого как активную реконструкцию запоминающим субъектом, т.к. посредством процессов припоминания прошлые события и переживания переосмысливаются с точки зрения настоящего. То, что воспоминание является активным процессом, формируемым настоящим, уже подчеркивалось в ранних социологических концепциях коллективной памяти, и сегодня среди исследователей памяти принято утверждать, что воспоминание включает в себя рассказ различных историй как о прошлом, так и о настоящем, которые определяют отношение прошлого к настоящему [6]. Это означает, что воспоминания, связанные с границами, не просто дают нам возможность заглянуть в прошлое, но и позволяя понять границу сегодня, о том, как она оценивается с точки зрения настоящего.

При изучении пограничных воспоминаний важно обратить внимание на избирательность памяти: какие события и периоды запоминаются, а какие забываются, а также на процесс построения сюжета. Изу-

чая пограничные воспоминания, можно различить разные сюжетные линии, как, например, нарративы прогресса, упадка и зигзагообразные нарративы, которые мобилизуются с разными эффектами, привлекает внимание к конкретным способам использования прошлого для стабилизации или подрыва существующих границ между государствами.

Изучение памяти предполагает изучение того, как повседневность соотносится с различными масштабами запоминания, включая локальный, национальный и транснациональный уровни. Повседневные процессы запоминания регулярно ссылаются на национальные события, истории и символы и могут адаптировать и интерпретировать их по мере того, как они включаются в повествование памяти. Нарративы воспоминаний также могут предоставлять альтернативные фреймы, выходя за пределы национального государства и, таким образом, формировать или мобилизовывать пространственные образы. Исследователи памяти часто исходили из того, что память в обществе однородна. Например, при изучении национальной памяти обобщения о памяти более широких слоев населения делаются на основе анализа конкретных текстов воспоминаний. Канштайнер, например, предполагает, что люди, знающие определенное прошлое, «имеют сходные представления и образуют стабильное интерпретирующее сообщество [7].

Другое направление исследований памяти, ограничивают изучение формирования памяти только одним конкретным масштабом: политологи изучают политику памяти, социальные психологи — личную память, а культурологи — опосредованное представление прошлого в музеях, фильмах и по другим медиа-продуктам [8]. Это привело к особому видению памяти как социального феномена, происходящего на четко разделенных уровнях.

Индивидуальные воспоминания никогда не основываются просто на одном индивидуальном опыте, а включают в себя общие или полученные из вторых рук знания, «перемещаясь туда и обратно между нашим собственным опытом и опытом других» [9, с. 28]. Такие пространственные образы помогают натурализовать границы и исключить других из культурного сообщества. Важно учитывать, что память не дает никаких гарантий в отношении того, как она может быть актуализирована, и, следовательно, прошлые события могут быть мобилизованы для информирования множественных пространственных образов. Это допущение полезно при размышлениях о границах потому, что оно показывает пластичность памяти при установлении границ, а также необходимость эмпирического анализа того, для каких целей мобилизуются воспоминания.

Рассмотрение роли памяти в повседневной работе с границами требует

анализа того, насколько воспоминания продуктивны для создания границ. Как отмечают исследователи Чезари и Ригни, «динамика воспоминаний тесно связана с созданием сообщества, поскольку нарративы о событиях, принадлежащих «нашему миру», постоянно воспроизводят, перерисовывают или оспаривают границы между «ними» и нами» [10, с. 9].

Научные исследования показывают, что воспоминания можно использовать для разных целей. Например, воспоминания о насилии в прошлом можно использовать для легитимации границ с помощью исторических аналогий, предполагающих, что прошлое насилие повторится в будущем, или создания постоянной угрозы, исходящей из соседней страны. Однако работа с памятью может также предложить возможности для примирения и может обеспечить основу для воображения линий настоящих и будущих государственных границ.

Одна из ключевых целей пограничных исследований состоит в том, чтобы показать, что они социально сконструированы и являются результатом как материальных, так и символических практик, и рассмотрение их временных характеристик является одним из важных способов анализа существующих границ между государствами.

Заключение

Изучение исторических особенностей и роли памяти в формировании границ позволяет нам выйти за пределы, которые формирует большую часть современных исследований границ. Это позволяет нам исследовать исторические траектории пограничного процесса, показать, что границы исторически обусловлены и что, например, современные отношения между государствами, восприятие беженцев и мигрантов или создание незащищенности — это временные явления с определенной историей.

Следовательно, характеристики времени и оценка прошлого активно и избирательно используется при установлении границ путем запоминания определенных прошлых событий и забвения или принижения других фактов. Среди различных подходов к изучению временного характера границ память предоставляет призму, которая особенно подходит для анализа причин формирования границ. Воспоминания, как правило, множественны и противоречивы, и они позволяют нам объяснить тот факт, что время нелинейно, что прошлое не закончилось, а действует в настоящем.

Изучение памяти в изучении механизмов формирования государственных границ является важной областью в изучении временного характера границ, поскольку это позволяет не только достичь более

полного понимания сил, которые создают границы и оспаривают их, но также помогает объяснить совпадения и несоответствия факторов, которые обычно упускаются из виду. В последние годы приграничные исследования подчеркивали множественность действующих лиц, создающих границы, и необходимо видеть эту множественность с точки зрения временных порядков. Одним из способов сделать это является более глубокое изучение влияния памяти на исторические процессы и возможности изменения межгосударственных границ

С точки зрения памяти прошлые события имеют значение не только как объективные исторические факты, а также как реконструированные отчеты о прошлом, которые действуют в настоящем и служат для легитимации, формирования или изменения границ. Сосредоточение внимания на временных особенностях государственных границ с этой точки зрения не означает рассмотрение того, как время используется при создании пространственных порядков.

В более общем плане создание границ можно рассматривать как частично зависящее от повседневных практик, которые играют важную роль в легитимации границ и их закреплении. Исследование памяти при объяснении формировании существующих границ между государствами, таким образом, является важной областью изучения пограничных явлений: оно позволяет достичь более полного понимания сил, которые создают границы и оспаривают их нынешнее существование.

Список источников и литературы

1. Hurd M., Donnan H, Leutloff-Grandits C. Introduction: Crossing Borders, Changing times. In *Migrating Borders and Moving Times: Temporality and the Crossing of Borders in Europe*, ed. H. Donnan, Hurd M, Leutloff-Grandits C, pp.1–24. Manchester: Manchester UP. 2017.
2. Цветкова О.В. Генезис политических и географических концепций государственных границ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 4. С. 161–172.
3. O'Dowd L. From a 'Borderless World' to a 'World of Borders': 'Bringing History Back in' // *Environment and Planning D: Society & Space*. 2010, № 28 (6), pp.1031–50.
4. Колосов В.А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // *Известия РАН. Сер. Географическая*. 2008. № 5. С. 8–20.
5. Киреев. А.А. Государственная граница // *Введение в исследования границ*. Владивосток: Федеральное государственное унитарное предприятие «Издательство Дальнаука», 2016. С. 101–121.
6. Keightley E., Pickering M. *The Mnemonic Imagination*. London: Palgrave Macmillan. 2012.

7. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2001, № 41 (2), pp.179–97.
8. Keightley E., Pickering M. *The Mnemonic Imagination*. London: Palgrave Macmillan. 2012.
9. Keightley E., Pickering M., Bisht P. Interscalarity and the Memory Spectrum. In *Communicating Memory and History*, ed. N. Maurantonio, Park D. W, pp.17–37. New York: Peter. 2019.
10. De Cesari, C., Rigney A. Introduction. In *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*, ed. C. De Cesari, Rigney A., pp. 1–25. Berlin: de Gruyter. 2014.

TIME AND MEMORY AS KEY FACTORS IN SHAPING THE BORDERS OF THE STATE

Khlopov Oleg A.¹

¹ Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russian Federation

The article analyzes the role and influence of memory on the explanations of the formation of state borders. Memories of the past determine the ways of building identities, give an assessment of the present in the context of changing boundaries. The author presents an analysis of key publications on the temporal nature of borders, which present key ideas in studies on the borders of states, and historically determined reasons underlying the formation of borders..

Key words: state border, geopolitics, memory, historical time, identity, state.

ИЗРАИЛЬСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Савичева Е. М. ¹

¹Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается политика Израиля в отношении Азербайджана в период с 1992 по 2021 год. Автор акцентирует внимание на интересах Израиля на Южном Кавказе, а также факторах, определяющих израильско-азербайджанские отношения. Двусторонний диалог анализируется в контексте геополитической ситуации в регионе. Автор делает вывод, что заинтересованность Израиля в активизации южно-кавказского направления внешней политики детерминирована геополитическими факторами и прагматизмом. Оцениваются перспективы израильско-азербайджанского сотрудничества. Автор придерживается парадигмы неореализма, в частности теории баланса сил и региональных комплексов безопасности, принципа, согласно которому внешняя политика государства диктуется логикой международной системы и распределения силы среди государств. В основе исследования лежат такие методы исторической науки, как проблемно-хронологический, историко-генетический, сравнительно-сопоставительный. Методологическую основу составили принципы историзма, объективности, достоверности, что позволило провести исследование с учетом объективных закономерностей, с опорой на подтвержденные документальными источниками факты.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Израиль, Азербайджан, отношения, сотрудничество, геополитика

Введение

Израиль приступил к выстраиванию отношений с вновь образованными государствами Южного Кавказа в начале 1990-х гг., установив в 1992 г. дипломатические отношения — в апреле с Арменией [1] и Азербайджаном [2], а в июне с Грузией [3]. Активизации южно-кавказского вектора израильской внешней политики, во многом, способствовали следующие обстоятельства. За более, чем 7 десятилетий своего существования Государство Израиль так и не смогло в полной мере (хотя в настоящее время этот процесс актуализировался в связи с подписанием так называемых «соглашений Авраама» с рядом арабских

стран Персидского залива [4]) интегрироваться в Ближневосточный регион, что обусловило его стремление искать союзников в других регионах, в том числе — среди неарабских исламских стран. В начале 1990-х гг. появилась реальная возможность развивать сотрудничество со странами постсоветского пространства, включая государства Южного Кавказа, которые, к тому же не имели предвзятого отношения к еврейскому государству и стремились найти экономически сильного партнера для взаимовыгодного сотрудничества.

Значимость региона нашла отражение в структуре МИД Израиля. В 2008 г. там были созданы профильные подразделения, которые отвечают за южно-кавказский вектор [5]. Взаимодействие Израиля со странами Южного Кавказа выстраивались, естественно, с учетом сложившейся новой геополитической ситуации, в рамках разработанной еще в середине 50-х годов прошлого века «теории периферий», которая ставила целью «разорвать» пояс окружающих Израиль враждебных арабских государств и выстраивать отношения со странами за пределами Ближнего Востока [6]. Изначально реализовывать данную внешнеполитическую стратегию предполагалось на трех направлениях — иранском, африканском и турецком, однако вскоре стала очевидной ее несостоятельность на указанных направлениях.

Немалую роль в развитии контактов со странами региона сыграл фактор заинтересованности Израиля в поддержании связей с еврейскими общинами, проживающими на территории бывших советских республик, а также в привлечении евреев из стран Южного Кавказа на историческую родину. После распада СССР произошел резкий отток еврейского населения из региона в связи с политической нестабильностью, экономическими трудностями и конфликтами.

В Грузии, Армении и Азербайджане действуют культурные центры «Сохнут» [7], истоки которых обнаруживаются в Палестине в начале прошлого века; там они были созданы на основе Еврейского агентства. Сейчас центры работают с представителями еврейских общин, в том числе по подготовке их к переезду в Израиль, что свидетельствует о нацеленности такой политики «мягкой силы» на привлечение как можно большего количества иммигрантов — стратегического ресурса страны, поскольку темпы утечки мозгов за рубеж из Израиля достаточно высокие.

Заинтересованность Израиля в укреплении своих позиций на Южном Кавказе подпитывается ограниченностью собственных энергетических ресурсов, отсутствием тяжелого машиностроения (производство грузовых автомобилей, станков, строительных механизмов), преоблада-

нием импорта товаров массового потребления. Израиль рассматривает каспийскую нефть, идущую через нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан как альтернативный арабской нефти источник энергоресурсов. В июле 2006 г. этот трубопровод был запущен, и потребление Израилем нефти значительно увеличилось [8]. На Азербайджан в среднем приходилось около 20 % нефти, импортируемой Израилем.

Потеплению отношений с Израилем способствовали и внешнеполитический курс южно-кавказских республик в решении ряда актуальных ближневосточных проблем, в частности, их поддержка антииракских санкций (1990–2003 гг.), изменение позиции по палестино-израильскому конфликту. Так, со стороны Грузии, Армении и Азербайджана больше не поступало официальных заявлений о необходимости создания независимого палестинского государства, а Израиль перестал ассоциироваться с «оккупантом» и «агрессором».

Вместе с тем, экономическое сотрудничество между Израилем и странами Южного Кавказа развивается не достаточно интенсивно, что связано, прежде всего, с экономической и политической нестабильностью в регионе, наличием конфликтов и территориальных споров, а также отсутствием гарантий для иностранных инвесторов на законодательном уровне.

Отметим, что Израилю приходится проводить весьма гибкую политику в отношении со странами региона, учитывать расстановку сил на Южном Кавказе, влияние внешних факторов, а также серьезные противоречия между южно-кавказскими столицами.

Взаимовыгодное двустороннее сотрудничество

Израильско-азербайджанские отношения следует рассматривать в широком контексте политики Израиля на Южном Кавказе. При этом Израиль выстраивает связи со странами региона, преследуя в отношениях с каждой из них различные цели и применяя разные механизмы [9]. В отношениях с Азербайджаном просматривается ряд нюансов, которые требуют от Израиля политической гибкости. Азербайджан является мусульманской страной с преимущественно шиитским населением. Он соседствует с Ираном и имеет культурные и иные связи с другими влиятельными странами исламского мира, в том числе с Турцией. Посольство Азербайджана в Израиле до сих пор не открыто, несмотря на ряд заявлений Баку о намерении это сделать, хотя посольство Израиля в Баку функционирует с 1993 г.

Наличие у Азербайджана таких крупных и влиятельных соседей, как Россия и Иран, а также поражение Баку в войне с Арменией

за контроль над Нагорным Карабахом в 1990 г. и стремление отыграть ее итоги подтолкнули азербайджанскую сторону к расширению диалога с Израилем. Весомым оказался и тот фактор, что Израиль является одним из важнейших импортеров нефти из Азербайджана, поэтому он активно поддерживает различные энергетические проекты, в том числе прокладку трубопроводов для транспортировки энергоносителей из Азербайджана. Обратим внимание на проект строительства нового многофункционального трубопровода протяженностью 400 км по дну Средиземного моря (Medstream—Mediterranean Pipeline Project) из Турции в Израиль, по которому планируется прокачивать нефть, газ и воду. Трубопровод соединит Джейхан с израильским портовым городом Ашкелон.

В израильско-азербайджанских отношениях заработала дипломатия на высшем и высоком уровнях. Первая встреча на высшем уровне прошла в 1997 г., когда премьер-министр Израиля Б. Натаньяху нанес официальный визит в столицу Азербайджана. В июне 2009 г. в Баку состоялся бизнес-форум, в работе которого приняли участие президент Азербайджана Ильхам Алиев и президент Израиля Шимон Перес. В 2009 и 2013 гг. состоялись визиты министров иностранных дел Израиля и Азербайджана в Баку и Тель-Авив [10]. Израиль стал третьим в мире по объемам импортером азербайджанской нефти, страны стали плотно сотрудничать в военной и технологической сферах. Баку занял первое место среди мусульманских стран по товарообороту с Израилем.

В декабре 2016 г. состоялся второй визит Б. Нетаньяху в Азербайджане, тем самым был продемонстрирован курс на дальнейшее сближение двух стран. Премьер-министр Израиля и президент Азербайджана Ильхам Алиев провели переговоры, касающиеся развития двусторонних отношений в различных сферах [11]. По итогам визита эксперты отметили «предельно диверсифицированные связи между двумя странами» [12].

Постоянно растут израильские инвестиции в азербайджанскую экономику. Достаточно перспективно двустороннее взаимодействие по таким вопросам, как телекоммуникации, опреснение воды, мелиорация, альтернативные источники энергии. Израиль готов предоставить свои технологические разработки в этих сферах. Выгодными для Азербайджана представляются и инвестиционные проекты Израиля, связанные со строительством фабрик и заводов, которые обеспечат рабочими местами более трети населения страны. В 2007 г. между правительствами Израиля и Азербайджана было заключено соглашение о взаимной защите инвестиций [13].

В апреле 2017 г. между двумя странами была утверждена отмена двойного налогообложения [14]. По состоянию на 2019 г. товарооборот между двумя странами достиг \$4 млрд. в год [15], однако сократился в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса. В 2021 г. азербайджанские власти заявили об открытии в Израиле торгового представительства с дипломатическим статусом и официального представительства по развитию туризма [16].

Развитие экономического сотрудничества признается странами взаимовыгодным, так как израильская сторона может помочь Азербайджану диверсифицировать экономику и сделать ее менее зависимой от энергетического сектора за счет взаимодействия в сфере высоких технологий, легкой промышленности и сельского хозяйства.

В июле 2019 г. оба государства подписали меморандум о сотрудничестве, согласно которому Израиль будет выступать в качестве консультанта в проекте по созданию национальной информационной системы Азербайджана с привлечением современных технологий [17].

Традиционно Израиль продвигает сотрудничество в военно-технической сфере. В 2004 г. между Израилем и Азербайджаном подписан контракт на поставку израильского вооружения турецкой сборки [18]. В 2008 г. стороны подписали соглашение, по которому в Азербайджан поставлялись минометы и другое вооружение от израильской компании Soltam, средства коммуникации от Tadiran Communications, а также ракеты системы наведения от Israel Military Industries. В 2009 г. израильская оборонная компания Elbit Systems открыла представительство в Азербайджане [19]. В том же году была достигнута договоренность о создании на территории Азербайджана электронной сети разведки, направленной на сбор информации об иранской ядерной программе [20].

Во время визита премьер-министра Нетаньяху в 2016 г. в Баку стороны заключили договор о сотрудничестве в области обороны и безопасности. Было согласовано пребывание в Азербайджане израильских военных специалистов и сотрудников МОССАД (израильская политическая разведка) на постоянной основе [21].

В 2018 г. были достигнуты договоренности о продлении соглашения по совместному конструированию беспилотных летательных аппаратов. В рамках проекта создаются новые виды беспилотников [22]. В 2019 г. Израиль и Азербайджан подписали соглашение о поставке тактических новейших вооружений — дронов «Sky Striker» [23].

Военное сотрудничество является крайне выгодным как для Израиля, так и для Азербайджана. Последний нуждается в высококачествен-

ном вооружении и подготовке военных кадров иностранными специалистами. Результаты такого сотрудничества стали очевидными в войне в Нагорном Карабахе 2020 г. Именно из Израиля и Турции Азербайджан получал передовое вооружение [24]. Тель-Авив реализует израильско-американские интересы в данном регионе, объективно ослабляя позиции России, что выгодно также и США.

Развиваются двусторонние контакты и в культурно-гуманитарной сфере. Так, в апреле 2003 г. в рамках программы «Машав» [25] в Баку прошла двухнедельная израильская благотворительная программа оказания офтальмологической помощи малоимущим гражданам Азербайджана, более трех десятков азербайджанцев уехали на образовательные курсы в сфере медицины в Израиль. В офтальмологическую клинику Caspian Compassion Project израильские врачи передали медицинское оборудование и лекарственные средства на сумму 10 тыс. долларов.

Для Баку интерес представляет и то что Израиль может стать своеобразным мостом по выстраиванию сотрудничества с западными государствами [26].

Заключение

Заинтересованность Израиля в активизации южно-кавказского направления внешней политики детерминирована геополитическими факторами и прагматизмом. С Азербайджаном у Израиля сложились особенно тесные отношения. Одна из ключевых целей израильской внешнеполитической стратегии—обеспечение своей безопасности, в том числе, за счет создания «стратегического окружения», т.е. расширения международных связей с государствами за рамками Ближневосточного региона. Эти страны составляют так называемый «дальний круг» безопасности для Израиля.

Он балансирует между региональными тяжеловесами—Россией и Турцией, при этом стремится предотвратить расширение влияния Ирана в данном регионе. В частности, Израиль выступил против вовлечения Тегерана в проекты по добыче и транспортировке углеводородов на внешние рынки.

Израиль достаточно активно продвигает сотрудничество в военно-технической сфере, поскольку Азербайджан нуждается в высококачественном вооружении и подготовке военных кадров. Результаты такого сотрудничества стали очевидны во время 2-й карабахской войны осенью 2020 г.

Израиль и Азербайджан видят взаимную заинтересованность во

взаимодействии в сфере высоких технологий, инвестиций, легкой промышленности и сельского хозяйства.

Однако существуют факторы, затрудняющие двустороннее израильско-азербайджанское сотрудничество, и это: политическая и экономическая нестабильность на Южном Кавказе, наличие здесь конфликтных узлов, необходимость учитывать геополитические интересы других международных акторов.

В целом же отмечается тенденция к расширению присутствия Израиля на Южном Кавказе, в том числе, используются и инструменты «мягкой силы» в отношении Азербайджана.

Благодарности: «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–51–00001»;

Список источников и литературы

1. Израиль и Армения-общие сведения // Сайт МИД Израиля. URL: https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Armenia/Pages/Israel_Armenia_Intro.aspx
2. Израиль и Азербайджан // Сайт МИД Израиля. URL: [сведенияhttps://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel_Azerbaijan_Intro.aspx](https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel_Azerbaijan_Intro.aspx)
3. Израиль и Грузия // Сайт МИД Израиля. URL: https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Georgia/Pages/Israel-Georgia_Intro.aspx
4. Гофман Артем. Мир Ближнему Востоку: изменят ли «Соглашения Авраама» историю // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/mir-blizhnemu-vostoku-izmenyat-li-soglasheniya-avraama-istoriyu/>
5. Маркедонов С. Кавказские приоритеты Израиля // Ноев ковчег. 2011. № 9 (168) Май (1–15). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2011-09/2547.html>
6. Levkowitz A. Israel's Asia Strategy: Expanding Economic Engagement. // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/israels-asia-strategy-expanding-economic-engagement>
7. Израильский центр «Сохнут». URL: https://archive.jewishagency.org/ru/about_us
8. Марджанян А. Нефтяная отрасль Израиля // Фонд «Нораванк». 05.11.2018. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=17789
9. Жильцов С., Зонн И., Орловский Н. Политика Израиля на Южном Кавказе: особенности реализации // Центральная Азия и Кавказ. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2020/journal_rus/cac-02/04.shtml
10. Мамедъяров в Израиле // Вестник Кавказа. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Mamedyarov-v-Izraile.html>
11. Нетаньяху и Алиев обсудили в Баку планы сотрудничества // BBC News.

- 13.12.2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38307517>
12. Месамед В. И. К итогам визита премьер-министра Израиля Б. Нетанияху в Азербайджанскую республику 15 декабря, 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=31349>
 13. Израиль-Азербайджан: сотрудничество ради развития // Официальный сайт МИД Израиля. URL: <https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel-Azerbaijan-Development-Dialogue.aspx>
 14. Израиль-Азербайджан: сотрудничество ради развития // Официальный сайт МИД Израиля. URL: <https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel-Azerbaijan-Development-Dialogue.aspx>
 15. Вестник Кавказа. URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/Zeev-Elkin-Tovarooborot-Izrailya-s-Azerbaydzhanom-bolshe-chem-torgovlya-s-Rossiey.html>
 16. Азербайджан откроет в Израиле торгпредство с дипломатическим статусом// ТАСС. URL: 28.04.2021. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11269021>
 17. Израиль поможет Азербайджану построить национальную информационную систему // News.Ru. URL: <https://www.newsru.co.il/finance/25jul2019/azer311.html>
 18. Новиков И. А. Отношения Израиля со странами бывшего СССР // Институт Ближнего Востока. 25. 01. 2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3450>
 19. Азербайджано-израильское военно-техническое сотрудничество развивается быстрыми темпами // 1news. URL: <https://1news.az/politics/20091009065443314.html>
 20. Станислав Тарасов. Удастся ли Баку расколоть союз армянских и еврейских лоббистов? // Regnum. 9.02.2010. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1251577.html>
 21. Станислав Иванов. Израиль разыгрывает карабахскую карту в своих интересах. Сайт Riataza. 19.11.2020. URL: <https://riataza.com/2020/11/19/израиль-разыгрывает-карабахскую-кар/#comments>
 22. Азербайджан и Израиль договорились совместно создавать новые типы БПЛА // News.Ru. URL: https://www.newsru.co.il/finance/11jul2018/az_il_120.html
 23. Ahronhem. A. Israel's Elbit Systems sells Azerbaijan SkyStriker suicide drone // The Jerusalem Post. 11.01.2019. URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Israels-Elbit-Systems-sells-Azerbaijan-SkyStriker-suicide-drone-577053>
 24. Секретные подробности поставок оружия из Израиля в Азербайджан — в документах финансовой разведки США // Важные истории. URL: <https://stories.media/investigations/2020/10/05/sekretnie-podrobnosti-postavok-oruzhiya-iz-izrailya-v-azerbaidzhan—v-dokumentakh-finansovoi-razvedki-ssha/>

25. Программа «Машав» // Сайт МИД Израиля. URL: <https://embassies.gov.il/astana/Departments/mashav/Pages/AboutMASHAV.aspx>
26. Сатановский Е. Я. Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и партнеры. М., 2001

ISRAELI-AZERBAIJANI RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE SOUTH CAUCASUS

Savicheva E. M. ¹

¹Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

The article examines Israel's policy towards Azerbaijan from 1992 to 2021. The author focuses on the interests of Israel in the South Caucasus, as well as the factors determining Israeli-Azerbaijani relations. The bilateral dialogue is analyzed in the context of the geopolitical situation in the region. The author concludes that Israel's intensifying of the South Caucasus direction of foreign policy is determined by geopolitical factors and pragmatism. Prospects for Israeli-Azerbaijani cooperation are being assessed. The author adheres to the paradigm of neorealism, in particular the theory of the balance of power and regional security complexes, the principle that foreign policy is dictated by the logic of the international system and the distribution of power among states. The research is based on such methods of historical science as problem-chronological, historical-genetic and comparative-comparative. The methodological basis was the principles of historicism, objectivity, reliability, which made it possible to conduct a study taking into account objective patterns, based on facts confirmed by documentary sources.

Key words: South Caucasus, Israel, Azerbaijan, relations, cooperation, geopolitics

О ТОМ, КТО И КОГДА ВСЕ ЖЕ ВПЕРВЫЕ ВВЕЛ В ОБОРОТ ТЕРМИН «ГЕОПОЛИТИКА» В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (опыт историко-научного расследования)

Рябцев В. Н.¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В статье рассмотрены неизвестные и малоизвестные вопросы генезиса и исторической интерпретации терминов «геополитика», «политическая география», «политическая наука», «географическое государственное управление», связанные с творчеством Ф. Ратцеля, Р. Челлена, В.Э. Дена, а также современная ситуация терминологической неопределенности («вокруг геополитики»).

Ключевые слова: геополитика, Ф. Ратцель, Р. Челлен, В.Э. Ден, политическая география, географическое государственное управление

К концу прошлого века эйфория начала бурных 1990-х..., связанная с «бумом» геополитики, практически сошла на нет. А вслед за этим стали видны серьезные издержки процесса «реабилитации» геополитики как особого направления мысли, которые (по идее) должны были бы стать объектом критического анализа. Но этого не произошло. И, между прочим, до сих пор. А ведь к настоящему времени сложилась недопустимая ситуация, когда под геополитикой разные специалисты подразумевают разные вещи, вплоть до взаимоисключающих. Диапазон здесь очень большой: от понимания того, что это просто-напросто обычная внешняя политика государств, только в ее географическом выражении, до сциентистского подхода, согласно которому геополитика — это одна из академических дисциплин, особая область знания на стыке географии и политики (пусть и не до конца еще сформировавшаяся). То есть это все-таки область научного знания, т.к. она обладает основными признаками научности, имеет свое предметное поле, обладает набором методов и средств исследования. Правда, и в данном случае до единства мнений далеко, поскольку одни исследователи считают геополитику особой частью политической географии, другие — предпочитают рассматривать как одну из субдисциплин теории мировой политики и международных отношений, третьи — склонны считать ее частью

обычной политологии, а четвертые усматривают в качестве ее «родной» стихии военно-стратегический анализ.

В этом смысле ситуация с употреблением термина «геополитика» все еще далека от «нормы». Сложившееся здесь к настоящему времени положение дел напоминает то, что в свое время великий русский лингвист и философ А. А. Потебня называл употреблением «стершихся пятаков». Это когда налицо давно пущенный в оборот термин (или слово), которое всеми и каждым используется как им заблагорассудится, т.е. когда понастоящему мало кто задумывается над его подлинным содержанием. Достаточно обратиться к тому «великому множеству» учебников, учебных пособий и разного рода руководств по геополитике, которые без меры расплодились за последние два—три десятка лет (иные из которых написаны явными дилетантами, исходящих из соображений обычной политической и квазинаучной конъюнктуры, хотя и под всякими грифами и аннотациями типа «рекомендовано», «разрешено», «допущено» и т.д.), чтобы сделать этот нехитрый вывод. При этом приходится констатировать, что многие серьезные вещи упускаются из виду, глубинный анализ заменяется поверхностным, а наиболее важное — малозначительным, второстепенным. Встречаются порой и настоящие несуразицы.

Комментируя сложившуюся в начале 2000-х гг. ситуацию в отечественном «хозяйстве» порой довольно резкий на слово, но очень профессионально работавший В. Л. Цымбурский писал: «Здесь очень кстати было бы в принципе задуматься над политическим смыслом спроса на геополитику в Российской Федерации 1990-х и начала нового века. Случайно ли то, что безоглядная мода на этикеточный геополитизм всех марок (выделено нами. — В.Р.) вовсе не содействовала умножению профессиональных разработок в этой области?» [1]. Увы, это так. Несмотря на некоторое ехидство сказанным В. Л. Цымбурским слов, он прав в главном — в констатации самого феномена «геополитизма», т.е. во многом поверхностного освоения подлинных достижений геополитической мысли. Но есть еще один важный момент, на который стоит обратить внимание.

Как отмечает политолог Р. Евстифеев, на первых порах приобщение отечественных специалистов к «старойновой» области знания сопровождалось тем, что за основу были взяты, с одной стороны, труды классиков геополитики 1890–1930 гг., а с другой, — наше евразийство в русской эмиграции «первой волны» (1920–1930 гг.), причем и то, и другое в усеченном и отчасти даже искаженном виде. Вся же прочая геополитика, в первую очередь, французский POSSИБИЛИЗМ, американский

послевоенный ревизионизм, современные критические течения и др., оказались за рамками многочисленных учебников и пособий, соответственно, они не стали фундаментальной базой современной российской геополитики. В итоге отечественная мысль в этой области не усвоила целые пласты научного знания, более того, упустила начавшийся на Западе примерно в это же время бурный рост интереса к геополитике, связанный с появлением целой плеяды новых ярких западных авторов (Дж. Эгню, П. Тейлора, Дж. О'Локлина, Ж. Тоала, Д. Ньюмена и др.) и отдельно с развитием критической геополитики, адепты которой, по сути, окончательно пересмотрели классическую парадигму. В результате Россия оказалась вне «большой дискуссии», которая развернулась в западной мысли о переосмыслении значения классической геополитики и поиске новых подходов к пониманию роли пространства в международных отношениях [2].

Все, однако, упирается в понимание того, что же такое на самом деле есть геополитика как особая область знания и научное ли вообще это знание? Пока же, по справедливому замечанию В. А. Бурлакова, в данной области налицо «некий конгломерат абстрактных категорий, понятий и концепций, слабо поддающихся формализации, а потому бесполезных в рамках формирования стратегии поведения государства и схоластически ненужных в процессе изучения. В лучшем случае геополитика воспринимается как некая парадигма, позволяющая хотя бы частично объяснить внешнеполитическую линию поведения государства. Это просто отвлеченное философствование на пространственно-политическую тематику, абсолютно лишенное какой-либо связи с реальностью. Опасность состоит в том, что в России геополитика все еще воспринимается как некий «пустой сосуд», который можно наполнить любым содержанием в зависимости от вкуса автора. Такая форма «без содержания» представляет хорошую основу для различного рода спекуляций...» [3].

Заметим, однако, что сегодняшняя содержательная и терминологическая неразбериха восходит не только к постперестроечным годам, когда начался процесс «реабилитации» соответствующей области знания, но и к не очень точному прочтению в России наследия одного из «отцов-основателей» геополитической науки шведского географа и политика консервативного толка Р. Челлена в предшествующий период. Последнее не удивительно, учитывая сколько и каких оценок было дано геополитике в сталинском СССР — в период официального «запрета» на данное направление мысли и, если говорить шире, целую область знания. И это при том, что до вплоть до начала 1930-х гг. в от-

естественной литературе бытовало вполне адекватное, т. е. восходящее к «аутентичному Челлену», толкование терминов «геополитика» и «геополитический». Хотя оно, по правде сказать, достаточно поздно (в сравнении с появлением первоисточника) и, увы, ненадолго вошло в оборот российских авторов. Но это — предмет для особого разговора. Сейчас же речь не об этом, а о том, чтобы совершить историко-научный экскурс в эпимологию данного термина в мировой (зарубежной) литературе. И сделать это, максимально учитывая реальные факты, а не следуя в фарватере общеизвестных истин.

Дело в том, что по широко распространенному мнению, этот шведский ученый и политик (кстати, убежденный германofil, ученик и последователь идей не только такого мэтра науки, как политгеограф Ф. Ратцель, но и других великих немцев — историков Л. фон Ранке и Г. фон Трейчке [4]³), размышляя о составе науки, которая ныне называется политологией, и структуре ее предмета, впервые использовал термин «геополитика» и как бы запустил его в научный оборот. Так принято считать. В принципе это верно, но с уточнениями. Постараемся внести ясность в данный вопрос. Используем для этого в качестве основных источников две базовые работы Р. Челлена [5].

Суть вопроса (читай: проблемы) в том, что на каждом шагу заявляется, чуть ли не в каждой работе пишется, что термин «геополитика» Р. Челлен ввел в научный оборот в 1916 г. Это так, но не совсем. Если быть исторически точным, то «событие», о котором идет речь, произошло не в 1916 г., как это принято многими думать, а несколько раньше, плюс к этому в «запуске» данного термина в широкий научный оборот «повинен» не только и не сколько сам Р. Челлен, сколько другой автор, а именно австрийский географ Роберт Зигер, автор некогда весьма популярной в германоговорящих странах работы «География и государство» [6]. Как убедительно доказал наш известный политолог М. В. Ильин [7], а задолго до него выдающийся экономгеограф В. Э. Ден [8]⁴, которому мы во многом обязаны переносом идей Р. Челлена на российскую (тогда — уже советскую) почву, само это слово — «геополитика» — было предложено Р. Челленом еще в 1899 г. И сделано это было в работе «Ис-

³ Заметим: от всех трех указанных исследователей Р. Челлен воспринял органицистский подход к государству, которого всегда и строго придерживался в своих работах.

⁴ Уточним: текст статьи, о которой мы говорим, сложился у В. Э. Дена уже в 1929 г., после его возвращения из научной командировки в Германию в период с 1925 по 1928 г. Но толком подготовить ее к печати автор не успел. В то время уже начинались гонения на геополитику, а спецслужбы явно «положили глаз» на ее новоявленных адептов в СССР. В этих условиях публикация статьи В. Э. Дена первоначально была приостановлена, а потом и вовсе запрещена. Статья вышла в свет лишь в 1997 г.

следование политических границ Швеции», где в качестве геополитической была обозначена особая отрасль, как выражался сам Р. Челлен, «эмпирической политологии». Следующий шаг великий швед сделал в публичной лекции, прочитанной в том же году и напечатанной в серии «Введение в географию Швеции» (1900 г.). Заметим: первоначально эпизодически использованный термин «геополитика» у Р. Челлена обозначал то же самое, что у Ф. Ратцеля означали термины «антропогеография» и «политическая география», не более того. Спустя два года в статье «Политика как наука», вышедшей в 1901 г. [9], термин «геополитика» получил уже права гражданства. Правда, и здесь еще он в значительной степени был элементом внутренней интеллектуально-научной «кухни» Р. Челлена, который не решался на радикальный шаг в плане введения новой терминологии (все еще как бы «прятался» за ратцелевские антропогеографию и «политическую географию»). Именно в это время его идеи подхватил и тиражировал вышеуказанный Р. Зигер.

Факты суть таковы, что именно благодаря Р. Зигеру термин «геополитика» стал известен читающей публике (первоначально это были, естественно, специалисты-географы). Произошло это после появления его рецензии на лекцию Р. Челлена, прочитанную в 1899 г. Рецензия была помещена в одном из номеров немецкого журнала «Geographische Zeitschrift» за 1903 г. (сам журнал начал издаваться в Германии в 1895 г.). Поэтому существует мнение, что именно Р. Зигеру принадлежит честь введения понятия и слова «геополитика» в германскую академическую традицию. Заодно с этим (и здесь у нас больше оснований для принятия такой точки зрения) считается, что Р. Зигер был первым, кто провел четкое различие между политической географией и геополитикой. Как свидетельствуют специалисты (например, С. Б. Переслегин) [10], отвечая на вопрос, что же в итоге отличает политическую географию от такой области знания, как геополитика, Р. Зигер недвусмысленно отвечал: «Прогнозы». И уточнял: «Первая им чужда; вторая же к ним неизбежно тяготеет. На то она и геополитика».

Любопытно, что сам Р. Зигер в 1903 г. делал оговорку, согласно которой термин «геополитика» не очень удачный, как, впрочем, и не совсем убедительна (по его мнению) точка зрения Р. Челлена на положение соответствующей дисциплины в системе наук. Некоторое время спустя Р. Челлен отреагировал на этот «демарш» коллеги, опубликовав в том же журнале статью «Геополитические рассуждения о Скандинавии» (1905 г.). Она была написана в связи с готовившимся «разводом» Швеции и Норвегии. В ряду прочего в ней Р. Челлен выражал сожаление

ние, что Р. Зигеру не понравился его термин, вместе с тем он выразил надежду, что, возможно, этот термин «покажется более естественным тем, кто, подобно автору, пришел к географии от науки о государстве» [11].

Как бы там ни было, так или иначе, но, начиная с 1905 г., юридическая проблематика с упором на «нормативизм» и чисто институциональную сторону в жизнедеятельности государства, у Р. Челлена окончательно отходит на второй план, а позднее и вовсе вытесняется из его поля зрения. Ее место прочно занимает, выражаясь современным языком, политико-государственная и—как ее часть—геополитическая проблематика. Видимо, все-таки сказалось преподавание Р. Челленом географии в университете Гётеборга, да и местоположение этого города на перекрестке путей на севере Европы—тоже. Ведь именно там и именно в то время Р. Челлен всерьез заинтересовался «естественными законами» международной политики. Не случайно в 1905 г. он публикует на немецком языке статью о скандинавской геополитике [12].

Широко же распространяться термин «геополитика» стал за пределами Швеции несколько позже, причем вместе с распространением челленовской «науки о государстве» в целом. Как отмечает хорошо осведомленный в этом вопросе В. Э. Ден [13], произошло это в связи с его работой «Политические проблемы мировой войны» (1916 г.), первые две главы которой были так и озаглавлены «Геополитические проблемы». С тех пор интересующий нас термин получил «права гражданства», прежде всего в Германии (видимо, сказалась любовь Р. Челлена к немецкой философии и географии, в частности, его сверхпочтительное отношение к политгеографу Ф. Ратцелю и его школе). Одним из проявлений той популярности, какую термин «геополитика» получил на немецкой почве, стал позднее журнал К. Хаусхофера «*Zeitschrift für Geopolitik*». Его редактор и участники стали энергичными пропагандистами геополитических идей шведского ученого, что выразилось не только в их активном участии в делах самого журнала, но и в собственной литературной деятельности.

Свое логически стройное завершение «наука о государстве» Р. Челлена получила в его лекции «Предмет политологии», которую он в мае 1916 г. прочитал при вступлении в должность профессора Упсальского университета. Затем эта концепция в более полном виде (и уже с мощным *back-ground*'ом в виде геополитического блока) была изложена автором в одной из двух его самых важных работ—«Государство как форма жизни» (1916 г.; немецкий перевод был сделан в 1917 г.). Последний факт, впрочем, хорошо известен. Тем не менее, в свете выше-

сказанного отметим один важный момент.

Речь идет о не совсем точной интерпретации челленовского термина «геополитика», что, кстати сказать, началось еще при жизни ученого. На волне популярности его идей и концепций (особенно в Германии) не обошлось без профанации. Мы уже не говорим о дне сегодняшнем... Не вдаваясь в детали, отметим главное: с нашей точки зрения, вводя это самый термин, великий шведский ученый, в общем-то, имел в виду не то, что позднее закрепилось за определенным научным направлением, имеющим дело преимущественно с международными реалиями, т.е. глобальным уровнем международных отношений. И уж тем более Р. Челлен был далек от трактовки геополитики как некоего специфического мировидения на манер пустого идеологизирования, вплоть до банального (хоть и прикрытого флером научности) мифотворчества. «Не будет преувеличением сказать, — пишет в этой связи М. В. Ильин, — что Рудольф Челлен фактически создал на немецкой почве научную традицию геополитики. Этому способствовали переводы его работ на немецкий язык, следовавшие практически сразу

за их выходом на шведском» [14]. Да, это так. Но как понимать эту научную традицию? Традицию в изучении чего конкретно?

Вообще, иногда надо желать и уметь делать элементарные вещи. Достаточно прочитать аутентичный текст Р. Челлена из его базовой работы, датированной 1916-м годом, чтобы сделать простой вывод: для него геополитика — это не более чем пространственно-территориальный аспект жизнедеятельности государства как политического «организма» (или, как он говорил, «политическая организация конкретной территории», «территориальная форма власти»), т.е. вещь по преимуществу практическая... Отсюда и вытекало его знаменитое изречение, вошедшее во многие хрестоматии мира: «Геополитика является учением о государстве как географическом организме или явлении в пространстве, о государстве как о земле, территории, области или, точнее всего, — как о территориальном господстве [rike]. Как и политическая наука, геополитика держит в поле своего зрения целостность государства, помогая тем самым пониманию его сущности. Политическая же география изучает земную поверхность в качестве места жительства человеческого общества в его отношении к прочим свойствам земли» [15]. В этом смысле еще более характерно его высказывание из другой базовой работы — «Основные начала системы политики». Эта концептуально значимая работа Р. Челлена печаталась на шведском языке в виде нескольких статей. В виде отдельной книги, причем в расширен-

ном варианте, она вышла только на немецком языке⁵. В ней автор писал: «Геополитика есть учение о государстве как территории; в своем роде она является аналогией к геофизике или к учению о земле в зависимости от естественных законов» [16]. Таким образом, выражаясь современным языком, шведский ученый трактовал ее как учение о политико-территориальном устройстве общества. И только.

Надо вообще исходить из того, что Р. Челлен намеревался сделать на самом деле, а не приписывать ему не существующие вещи. А исходил он из необходимости отойти от чисто юридического подхода к государству (скажем, государственного права) и разработать совершенно новый, принципиально иной подход к нему. Он назвал его «политикой». Для него «политика» и должна была стать «наукой о государстве» в полном и точном смысле слова—наукой о государстве во всех его формах и проявлениях.

Вот что он сам писал по этому поводу в 1920 г.: «Приступая к своей работе, я находился под впечатлением, что политика, или наука о государстве, представляет собой пустое место. А так как человеческая любознательность в такой же степени боится пустоты, как и природа, то, естественно, в это пустое место проник целый ряд других наук: философское учение о государстве, политическая история, политическая география, политическая экономия, социология, государственное право. Чтобы выйти из этого положения, было необходимо объединить науку о государстве в одно целое: для этого нужно было дать ей особый самостоятельный объект, далее обратно отвоевать потерянные ею области и, наконец, органически объединить эти области в систему». И еще один важный момент: «Для разрешения первой задачи,—продолжал Р. Челлен,—политика должна была сделать центральным местом своего изучения исторически сложившееся государство как организацию власти. Вторая задача повела к отграничению политики от ряда других наук. Затем уже на отвоеванной и закрепленной таким образом территории была произведена та организационная работа, которая завершилась созданием законченной системы с относящимися к ней методами и категориями» [17].

В очень важной с концептуальной точки зрения статье в газете «*Göteborgs Aftonblad*» (1901 г.) Р. Челлен задается вопросом «Является ли государство самостоятельным фактом в человеческой истории? Если

⁵ Именно в этой своей работе Р. Челлен дал подробную схему, по которой (с его точки зрения) должен производиться анализ государства как особого рода «организма». В своей итоговой работе автор не только подтвердил верность своей прежней концепции, но и развил ее далее. Речь идет о пяти науках, каждая из которых, в свою очередь, распадается на свои подразделения (особые разделы). Одной из этих наук, как мы знаем, и является геополитика.

да, то и наука о нем должна представлять собой самостоятельную дисциплину. И если политическая наука таковой еще не является, то она во всяком случае должна такой стать. Требуется лишь укрепить взгляд на государство как на эмпирический факт, и тогда политика получит свое собственное и естественное место в сообществе наук, как, например, зоология». И резюмирует: «Размышляя о сущности государства, мы приходим, таким образом, к открытию одной за другой огромных областей самостоятельной политической науки, которой больше нет необходимости держаться за юбку истории, юриспруденции или какой-либо еще научной дисциплины» [18].

Вот как, и не иначе, характеризует Р. Челлен созданную им систему знаний о государстве и ход своего творческого «созревания», связанный с отходом от господствовавшего тогда формально-юридического подхода. Не более и не менее того. И ничего лишнего приписывать ему в этом плане не надо. Исходя из этого, становится понятно и то, что геополитика для него не выходила за рамки государствоведения как такового, будучи его неотъемлемой — географической! — частью. Следуя в данном случае вслед за Ф. Ратцелем, Р. Челлен от подчеркивает, что отныне знание о государстве должно быть расширено за счет учета тех отношений, которые устанавливают границы государства, а также его общие морфологические предпосылки, формы и образ: одним словом, за счет окружающей его географической среды. Это и есть для него геополитика. Р. Челлен обращает внимание, что «довольно долго эти отношения интересовали только статистиков в качестве своеобразного доведка к конституционному строю государств». Теперь же надо изначально учитывать ту глубокую органическую связь, которая превращает эту естественную сторону бытия государства в одну из центральных глав будущей политической науки [19].

В этом смысле характерно высказывание Р. Челлена из его работы «Основные начала системы политики»: «... предметом политики является не страна как таковая, но страна, политически организованная и прописанная политической властью, служащая политическим задачам. Этому пониманию соответствует термин государственная территория (Reich — по-немецки, rike — по-шведски), и это есть совершенно иное, чем просто страна. Последняя интерпретирует политику как форма или территория и как содержание или доминиум, но всегда и исключительно с точки зрения власти. Отсюда, между прочим, вытекает совершенно разный подход к изучению страны со стороны аналитической геополитики и политической географии» [20]. При этом геополитика у него четко распадается на три раздела: 1) тополитика (она изучает внешнее

положение государства по отношению к соседям, в том числе вопрос об оказываемом с их стороны демографическом давлении на это государство); 2) морфополитика, или картополитика (изучает внешние очертания, форму территории государства со всеми ее свойствами, ее величину, а также проблему границ); 3) физикополитику (она изучает широту и долготу, на которых располагается конкретное государство плюс рельеф его территории и естественные богатства страны).

Таким образом, по сути, у Р. Челлена речь о географическом государствоведении (примерно в том варианте этой научной дисциплины, который предлагает уже в наши дни политолог Р.Ф. Туровский, рассматривающий ее как раздел политической географии) [21]. Российская же публика все это поняла по-своему, восприняла некогда базовые положения Р. Челлена излишне просто и — главное — не совсем точно. Как это часто бывает с отечественными «заемщиками чужих научных истин», без профанации здесь дело не обошлось. Увы, ситуация терминологической неопределенности «вокруг геополитики», в понимании ее предмета и круга проблем не преодолена до сих пор.

Список источников и литературы

1. Цымбурский В. Л. Рецензия на книгу: И. В. Алексеева, Е. И. Зеленев, В. И. Якунин. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. URL: [6http://www.politstudies.ru/universum/biblio/issue11a.htm](http://www.politstudies.ru/universum/biblio/issue11a.htm)
2. См.: Евстифеев Р. Можно ли согласиться с утверждением, что геополитику подменили политологией? Мнения. URL: <http://www.iarex.ru/interviews/34870.html>
3. Бурлаков В. А. Геополитика в системе современной российской политической науки: поиск новой парадигмы // Россия и АТР. — 2008. — № 4. — С. 140.
4. См.: Крейтер Н. фон. Народный дом Рудольфа Челлена. Автаркия как геополитическая защита. URL: <http://www.whitewolld.ru/rubaliki/000108/002/01090303.htm>
5. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. и прим. М. А. Исаева; предисл. и прим. М. В. Ильина. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 94–116; Kjellén R. Grundriss-zueinemSystemderPolitik. — Leipzig: S. Hirzel, 1920. — S. 29–30, 40, 61, 104–105.
6. См.: Sieger R. Die Geographie und der Staat... — Graz: Leuschner & Lubensky, 1925.
7. См.: Ильин М. В. Политические профессии Рудольфа Челлена // Р. Челлен. Государство как форма жизни / пер. с швед. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 30.
8. См.: Дэн В. Э. [1929]. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах ге-

- ополитики // Известия РГО.— 1997.—Т. 129.—Вып.1.—С. 26–38; его же.—Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия РГО.— 1997.—Т. 129.—Вып. 2.—С. 28–41 (обе статьи—публикация В.В. Чапарухина).
9. См.: Челлен Р. Политика как наука (статья из газеты «Гетеборгс Афтонблад» от 22 и 26 смарта 1901 г.) // Р. Челлен. Государство как форма жизни.—М.: РОССПЭН, 2008.—С. 291–299.
 10. Переслегин С.Б. Геополитика. URL: http://www.igstab.ru/materials/Preslegin/Per_Greopolit.htm
 11. См.: Ден В.Э. Указ.раб.—Вып. 2.—С. 29.
 12. Озелиус Г., Чуканов М.Ю. Отец геополитики о России как великой державе // Вопросы истории.— 1996.— № 1.—С. 148.
 13. См.: Ден В.Э. Указ. раб. (вып. 2).—Т. 29.
 14. См.: Ильин М.В. Указ.раб.—С. 30.
 15. Челлен Р. Государство как форма жизни...—С. 94.
 16. Kjellén R. Grundrisszueinem System der Politik...—S. 40.
 17. Kjellén R. Grundrisszueinem System der Politik...—S. 104–105.
 18. Челлен Р. Политика как наука (статья из газеты «Гетеборгс Афтонблад» от 22 и 26 смарта 1901 г.) // Р. Челлен Р. Государство как форма жизни...—С. 296, 299.
 19. Там же.—С. 296.
 20. Kjellén R. Grundrisszueinem System der Politik...—S. 29–30.
 21. См.: Туровский Р.Ф. Политическая география: Учебное пособие.—М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999 (Гл. 2).

ABOUT WHO AND WHEN FIRST INTRODUCED THE TERM “GEOPOLITICS” INTO CIRCULATION IN THE WORLD LITERATURE (experience of historical and scientific investigation)

Ryabtsev V.N.¹

¹ Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Unknown and little-known issues of genesis and historical interpretation of the terms “geopolitics” are considered, “political geography”, “political science”, “geographical state science”, associated with the work of F. Ratzel, R. Kjellén, V.E. Dehn, and the current situation of terminological uncertainty “around geopolitics”.

Key words: geopolitics, F. Ratzel, R. Kjellén, V.E. Dehn, political geography, geographical state science.

РЕФОРМА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: ПРОБЛЕМА СОГЛАСОВАНИЯ

Кебец В. В.¹

¹ Белорусский государственный университет,
Минск, Белоруссия

Статья посвящена довольно давней, но по сей день актуальной и активно обсуждаемой в научных и политических кругах проблеме, связанной с реформой Совета Безопасности ООН—вопросу возможного увеличения числа постоянных членов. В первую очередь данная проблема затрагивает факт признания ряда региональных держав в качестве важных участников построения нового миропорядка. С пониманием важности консенсусного принятия решения по данной проблеме, на основании существующих проектов и предложений по преобразованию состава органа, в статье предлагаются ряд критериев, которые могут существенно поспособствовать получению заинтересованными странами статуса постоянного члена.

Ключевые слова: Совет Безопасности, реформа, ООН, постоянный член, широкое согласие.

Распад социалистической системы в конце прошлого века ознаменовал завершение Ялтинско-Потсдамского этапа в истории международных отношений. Несмотря на это, Организация Объединенных наций, как один из его ключевых элементов, продолжила свою деятельность уже в новом мире, в котором постепенно складывается иной миропорядок. Ключевым постоянно действующим органом при организации был и остается Совет Безопасности ООН, на который, в соответствии со статьей 24 Устава ООН, возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

На сегодняшний день, в соответствии со статьей 23 Устава, в состав Совета входят 15 государств-членов, среди которых 5 постоянных (США, Россия, Китай, Великобритания, Франция). В соответствии со статьей 23 Устава ООН, Генеральная Ассамблея избирает десять других Членов Организации в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, уделяя, в особенности, должное внимание, в первую очередь, степени участия Членов Организации в поддержании международного мира и безопасности и в достижении других целей Организации, а также справедливому географическому распределению: пять—от

государств Африки и Азии; один — от государств Восточной Европы; два — от государств Латинской Америки; два — от государств Западной Европы и других государств. Непостоянные члены избираются на 2 года, по 5 каждый год. К слову, на момент создания органа, их количество равнялось 6. Их число было увеличено после принятия соответствующей поправки в Устав ООН, которая основывалась на резолюции ГА ООН A/RES/1991 (XVIII) от 17 декабря 1963 года.

Состав «пятерки» постоянных членов Совета, который не изменял своей формации с 1945 года, в последние несколько десятилетий, является объектом непрекращающейся критики. Данное устройство, в значительной степени, базировалось на плане «четырёх полицейских» (США, Советский Союз, Великобритания и гоминьдановский Китай) президента США Ф. Рузвельта, модифицированного включением Франции. Статус постоянного члена Совета Безопасности ООН придает значительный вес на международной арене, ведь именно постоянные члены принимают окончательные решения по ключевым вопросам международной безопасности. На своих заседаниях орган, путем голосования, принимает решения и рекомендации, которые в любом случае именуются резолюциями и являются юридически обязательными. Процесс их принятия базируется на принципе единогласия пяти великих держав: решение принимается при наличии большинства в 9 голосов, но ни один из постоянных членов не должен его ветоировать. Таким образом, специальное право голосования, известное как «право вето», одновременно придает им значимый правовой и политический вес в рамках ООН, и в то же время возлагает большую ответственность по поддержанию эффективного функционирования организации. Все же, в последнее время подобного рода политико-правовое превосходство только пяти государств считается несправедливым, своего рода отражением 1945 года, в котором судьба мира решалась странами-победительницами.

Целый ряд причин сейчас указывает на необходимость изменения данного status quo. Во-первых, все больше становится число стран, в первую очередь развивающихся, способных определяющим образом повлиять на глобальные процессы, вносящих существенный вклад в разрешение международных споров, противодействующих мировым и региональным угрозам безопасности. Во-вторых, общая численность государств-членов ООН, за время ее существования, также существенно увеличилась: с 51 до 193. Таким образом членский состав Совета Безопасности в 1945 г. составлял 21,6% от общего числа Объединенных наций, в то время как на сегодняшний день почти в 3 раза меньше — 7,8%. В-третьих, новый миропорядок характеризуется ростом

масштабов и интенсивности кризисных ситуаций, в первую очередь социально-политического характера, требующих незамедлительной реакции и последовательного разрешения. В-четвертых, обострение геополитических противоречий между пятеркой постоянных членов и поступательное возвращение к “блоковому мышлению” существенно затормаживают (или и вовсе парализуют) принятие решений по вопросам, входящим в непосредственную компетенцию Совета.

Впервые проблема справедливого представительства в Совбезе, была поднята на 34-й сессии Генеральной ассамблеи ООН (1979), а уже на 48-й(1993) было принято решение «учредить рабочую группу открытого состава для рассмотрения всех аспектов вопроса о расширении Совета Безопасности и других вопросов, касающихся Совета». Одним из результатов работы группы, стала резолюция 53/30 ГА ООН от 23 ноября 1998 г., которая постановила «не принимать никакой резолюции и никакого решения по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и связанным с этим вопросами, если за это не будет поданы голоса по крайней мере двух третей членов Генеральной Ассамблеи». К тому же, какое-либо изменение в численном составе Совбеза влекут за собой соответствующие поправки в Устав ООН, которые в соответствии со статье 108 Устава должны быть «приняты двумя третями голосов членов Генеральной Ассамблеи и ратифицированы, в соответствии с их конституционной процедурой, двумя третями Членов Организации, включая всех постоянных членов Совета Безопасности».

В 2005 году Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан представил доклад, известный под названием «При большей свободе». В нем было заявлено следующее: «Совет Безопасности должен широко представлять реальную расстановку сил в сегодняшнем мире. Генеральный секретарь поддерживает принципы реформы, сформулированные в докладе Группы высокого уровня, и настоятельно призывает государства-члены рассмотреть два варианта— модели А и В, предложенные в этом докладе, или же любые другие жизнеспособные предложения в плане численности и сбалансированности, сформулированные на основе любой из моделей». Упомянутые в докладе два плана реформирования были разработаны в начале 2000-х годов «Группой высокого уровня» («Группа мудрецов»), в которую входили 16 наиболее авторитетных международных деятелей.

Предложения были следующими:

Модель А: увеличение числа членов Совбеза ООН на 6 постоянных и 3 непостоянных члена. В итоге, количество членов органа увеличива-

лось до 24 членов: Азия—три постоянных и три непостоянных места, Африка—два постоянных и четыре непостоянных, Европа—четыре постоянных и два непостоянных, Америка—два постоянных и четыре непостоянных места;

Модель В: введение нового класса, так называемых восьми полупостоянных членов (избираются на 4 года, с правом переизбрания) и, одновременно, введение одного непостоянного члена. Общее количество мест—24.

Помимо этого, “мудрецами” были выдвинуты принципы, в соответствии с которыми должно осуществляться реформирование Совбеза: а) реформа должна обеспечить большее вовлечение в принятие решений стран, внесших важный вклад в ООН в военной и дипломатической областях, в процессе принятия решений; б) необходимо пригласить для участия в процессе принятия решений государства, которые могут представлять большинство стран-членов, особенно развивающихся стран; в) реформа не должна навредить эффективности СБ ООН; г) реформа должна сделать Совет Безопасности более демократическим и ответственным. При этом ни в докладе госсекретаря, ни в плане, разработанном мировыми авторитетами, не упоминается о возможном наделении новых постоянных членов «правом вето», а этот вопрос является одним из наиболее острых, в первую очередь, пожалуй, для нынешний постоянных членов.

Тогда же, свои предложения по реформе начали выдвигать целые группы стран. В чем-то предложенные условия могли совпадать с положениями выдвинутыми «Группой мудрецов», в чем-то кардинально отличаться от них.

Предложение так называемой «четверки» (G4)—Бразилия, Германия, Индия, Япония заключалось в первоочередном расширении круга постоянных членов. В первую очередь, за счет самих себя (именно эти 4 государства, на данный момент, признаны наиболее вероятными кандидатами на постоянные места в СБ ООН) и двух государств Африки.

Оппонентом данной позиции выступает группа под наименованием «Единство ради консенсуса», в которую входят Италия, Аргентина, Мексика, Пакистан и многие другие государства. Позиция этих стран заключается в первоочередном увеличении числа непостоянных членов, с возможным пренебрежением увеличением количества постоянных мест. Данная позиция в целом понятна: страны «Единства» являются региональными соседями стран «G4», а в случае если 4 наиболее вероятных кандидата получают свои постоянные места в органе, это существенным образом укрепит их политическое влияние в регионе

и мире, а в случае наделения их специальным правом голосования, еще и международно-правовой статус.

Свою позицию выражали и страны Африканского Союза. Она была выражена в принятых в 2005 году «консенсусе Эзулвини» и Сиртской декларации. В соответствии с консенсусом, за Африкой в Совбезе должны быть закреплены 2 постоянных с правом вето и как минимум 2 непостоянных места. При этом союз выразил намерение самостоятельно выбрать те страны, которые получают места в Совете, что напрямую противоречит резолюции 53/30 Генеральной Ассамблеи и статье 23 Устава ООН. Наиболее вероятными кандидатами на статус постоянного члена считаются Египет, Нигерия и ЮАР. Вместе с ними своего представительства в органе требуют государства Организации Исламского Сотрудничества и Лиги Арабских Государств.

В целом, реформу Совета Безопасности, в том числе изменение его количественного состава, поддерживает большинство членов Организация. Свои представления о реформе имеют и нынешние постоянные члены. Позиция Великобритании и Франции считается наиболее гибкой: они выражали готовность поддержать и модели Аннана, и проект «четверки». Данная позиция обусловлена, в первую очередь, обеспокоенностью растущей критикой «перепредставленности» европейских стран, а также существовавшей в свое время «угрозы» единого постоянного места для Евросоюза, предлагаемого рядом европейских стран, в частности Италией [Мустафаев, 2016: 208–209]. Позиции США и КНР сводятся к критике неприятию проекта «четверки». Эти страны также выступают за реформу Совбеза, но с учетом своих интересов, которые по многим вопросам абсолютно противоположны друг другу. Наиболее горячей точкой в данном споре является вопрос постоянного членства Японии: США поддерживают принятие страны восходящего солнца в круг постоянных членов; Китай противится данному шагу, так как Япония до сих пор не принесла официальных извинений китайскому народу за преступления, совершенные в годы Второй Мировой войны. Однако КНР активно отстаивает интересы развивающихся стран в вопросе реформы. Россия выступает за реформирование органа, но только на основе широкого согласия и в разумных пределах. В частности, российская сторона неоднократно заявляла о своей поддержке кандидатур Индии и Бразилии и не исключала поддержки других возможных кандидатов.

Таким образом, в общем и целом, в вопросе реформирования Совета Безопасности наблюдается отсутствие того самого широкого консенсуса касательно будущего членского состава. За долгое время

обсуждения данной проблемы были выдвинуты разные проекты и модели реформы, озвучены мнения глав государств, нынешних постоянных членов Совбеза, и везде представлены свои видения будущих преобразований. Согласие достигнуто только в одном — рано или поздно реформа должна состояться. Вопрос расширения состава постоянных членов является наиболее острым: целый ряд государств могут претендовать на данный статус, однако расширение круга постоянных мест должно проходить при условии сохранения “компактности” органа. Значительное расширение Совбеза превратит его, как однажды выразился российский дипломат Ю. Воронцов, в “дискуссионный клуб” [Воробьев, 2005].

Достижение широкого согласия по вопросу будущего членского состава невозможно без компромиссов. Вполне логичным следует считать решение, которое будет основываться на базовых положениях существующих на данном этапе проектов и предложений по реформе. Исходя из этого, предлагается следующий ряд условий, для потенциальных кандидатов на постоянное членство в Совбезе: 1) Способствовать получением данного статуса становлению более справедливого регионального представительства; 2) Обладать определенным влиянием как минимум в региональных масштабах; 3) Заручиться поддержкой всех нынешних постоянных членов, а также, соответствовать положениям существующих на данный момент проектов, в которых предусматривается увеличение числа постоянных мест в Совете; 4) Гармонично вписываться в рамках принципов, предложенных “Группой мудрецов”; 5) Заручиться правовой поддержкой мирового сообщества, в первую очередь, путем предложенным в резолюции 53/30 ГА ООН. Исходя из приведенных требований может быть выведен закономерный алгоритм рассмотрения кандидатур на статус постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Полностью или в большей степени данный перечень выполним для государств G4, будущее постоянное членство которых наиболее вероятно. Потенциал Японии, ФРГ, Индии и Бразилии широко рассматривается и оглашается как в научных, так и в политических кругах. В то же время, несмотря на то что подчеркивается важность расширения Совбеза за счет некоторых африканских государств, вероятность наделения их постоянным местом в органе рассматриваются не столь активно. В связи с этим, на основании приведенных выше условий и связанных с ними дополнительных параметров, предлагается алгоритм рассмотрения кандидатуры Арабской Республики Египет на постоянное место в Совете Безопасности ООН.

1) Отличительной чертой Египта является его уникальное географическое положение, так как он находится на стыке двух регионов, роль которых в современном миропорядке только возрастает — это Ближний Восток и Северная Африка. Данный факт уже дает АРЕ определенное преимущество, так как с ее становлением в качестве постоянного члена будет сделан существенный шаг в сторону преодоления регионального дисбаланса, а также расширения представительства развивающихся государств в условиях необходимого сохранения компактности органа. Ведь таким образом, в лице одного государства уже будет обеспечено представительство и Африки, и Ближневосточного региона, и мусульманского сообщества. К тому же, сам факт вхождения ближневосточной страны в круг постоянных членов, может повлиять на оперативность принятия Советом решений по вопросам, касающихся одного из наиболее «проблемных», в плане различного рода кризисов, регионов планеты.

2) В исторической ретроспективе, Египет внес значимый вклад в укрепление международного мира и безопасности. В середине прошлого века президент Египта Г. Насер внес весомый вклад в дело борьбы с колониализмом, активно продвигал интересы стран «третьего мира» на международной арене. Важнейшим результатом данной деятельности стало создание «Движения неприсоединения», одним из отцов-основателей которого являлся Насер. В конце 70-х годов XX века, после 30 лет конфронтации между арабскими странами и Государством Израиль, Египет, самое сильное в военном плане государство Ближнего Востока, первым сделало шаг к урегулированию арабо-израильского конфликта. На основании Кэмп-Дэвидских соглашений (1978), 26 марта 1979 был подписан Египетско-израильский мирный договор, по которому оба государства обязывались уважать территориальную целостность друг друга в рамках признанной международной границы, что в свою очередь также подразумевало прекращение оккупации Израилем Синайского полуострова, длившуюся с 1967 года. Таким образом, АРЕ первой совершила демарш против позиций «трех нет», предусмотренных Хартумской резолюцией 1967 года: нет признанию Израиля, нет миру с Израилем, нет переговорам с Израилем. В дальнейшем, подобные договоры с Израилем были подписаны Иорданией (1994) и ОАЭ (2020). Сегодняшняя внешняя политика Египта во многом детерминирована возрастающей угрозой со стороны исламского терроризма. Данное явление в последние годы подрывает всю систему безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, что в свою очередь побуждает правительство страны активно ему противодействовать с целью обеспе-

чения безопасности как своих граждан и территориальных границ, так и в целом государственности.

3) Вооруженные силы страны уже многие годы признаются сильнейшими на африканском континенте и на Ближнем Востоке. В последние годы, они стабильно входят в Топ-15 мощнейших армий мира (в 2021—13 место) [Global Firepower Index, 2021]. К тому же, по данным на 2021 год, АРЕ занимает седьмое место среди стран, предоставляющих наибольшее число сотрудников в миротворческий контингент ООН (3093 по состоянию на 31 августа 2020 г.) [Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country..., 2020].

4) Несмотря на определенные проблемные моменты, экономика Египта является наиболее развитой среди государств Северной Африки. Среди государств Африканского Союза, республика вносит один из крупнейших вкладов в регулярный бюджет ООН: в докоронавирусный 2019 год валовый взнос составил 5,7 млн. долларов [Assessment of Member States' contributions to the United Nations regular budget..., 2020].

5) На современном этапе, Арабская Республика Египет установила крепкие отношения со всеми постоянными членами Совбеза ООН. Республика стала одной из первых стран-союзниц США вне НАТО, и по сей день считается ключевым союзником штатов на Ближнем Востоке. В то же время АРЕ активно расширяет свое сотрудничество с Российской Федерацией, в первую очередь в военном, энергетическом и, конечно же, туристическом секторах. Расширяет торговое сотрудничество с Китаем, с которым активно взаимодействует в рамках проекта «Один пояс—один путь»: Суэцкому каналу, находящемуся на территории Египта, отводится роль важнейшей составной части морского маршрута «Нового шелкового пути». Прочны взаимодействия арабской республики с Соединенным королевством и Францией, с которыми налажены прочные связи в целом ряде областей: оборона, культура, образование, торговля. Следовательно, можно смело заявить, что значимый политический вес Арабской Республики Египет в своем регионе подкрепляется широким взаимодействием и сотрудничеством с ключевыми великими державами современности, по совместительству составляющих пятерку постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Однако, для окончательного получения постоянного места в органе, необходимо получить одобрение большинства государств-членов ООН, которое должно быть подтверждено путем голосования на Генеральной Ассамблее, в соответствии с резолюцией 53/30, а также последующем внесении поправок в статью 23 в соответствии с требованиями статьи 108 Устава ООН. Данный этап, разумеется, будет играть решающую

роль, но исходя из вышеприведенных доводов, Арабская Республика Египет может вполне себе претендовать на столь высокий статус постоянного члена.

Подводя итоги, необходимо отметить, что реформа Совета Безопасности не должна являться самоцелью. Преобразование должно проходить на базе широкого согласия всех государств-членов Организации Объединенных Наций. Дискуссия о будущем составе центрального органа ООН далека от завершения. С большей долей вероятности, расширение является неизбежным, однако оно должно быть строго выверенным, возможности и достижения государств, которые имеют определенные амбициями на статус постоянного члена Совбеза ООН, должны быть тщательно проанализированы в силу необходимого сохранения ограниченности членского состава. Основная задача реформы — повышение эффективности и демократизация органа. А реформа, проводимая только ради реформы, приведет только к обратному эффекту. В данной работе кандидатура АРЕ была рассмотрена лишь в качестве примера того, как, по моему субъективному мнению, будет вполне логичным выглядеть алгоритм рассмотрения той или иной кандидатуры (в данном случае государства), претендующей на постоянное место в Совете Безопасности. Ведь роль ООН сегодня по-прежнему важна для всего человечества, но многие пережитки прошлого препятствуют адаптации организации к реалиям XXI века.

Список источников и литературы

1. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и в Экономическом и Социальном Совете: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, № 1991 (XVIII), 17 декабря 1963. С. 1.
2. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и связанные с этим вопросы: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, № A/Res/53/30, 23 ноября 1998. С. 1.
3. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, № A/Res/48/26, 3 декабря 1993. С. 2.
4. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и связанные с этим вопросы. Проект «Объединившихся в поддержку консенсуса» A/59/L.68 от 21 июля 2005 г.
5. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и связанные с этим вопросы. Проект «четвёрки» A/59/L.64 от 6 июля 2005 г.
6. Воробьев В. Совбез их попутал // Российская газета, 2005, 14 сент. /

- [Электронный ресурс].—Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2005/09/14/oon-summit.html> (дата обращения: 23.11.2021).
7. Доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех», № A/59/2005 от 21 марта 2005 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/2005>.
 8. Доклад Рабочей группы открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и другим вопросам, связанным с Советом Безопасности. Генеральная Ассамблея, Официальные отчеты, Пятьдесят восьмая сессия, Дополнение № 47 (A/58/47). Нью-Йорк, 2004.
 9. Мустафаев Н. И.— кызы. Совет Безопасности как приоритет реформы ООН // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2(63). С. 206–214.
 10. Положения «консенсуса Эзульвини». URL: http://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/au/cap_screform_2005.pdf (дата обращения: 30.11.2021).
 11. Assessment of Member States' contributions to the United Nations regular budget for the year 2019, № ST/ADM/SER.B/992, 24 December 2018.
 12. Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post Police, UN Military Experts on Mission, Staff Officers and Troops. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_summary_of_contributions_28.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
 13. Global Firepower Index. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 23.04.2021).
 14. Israel-Egypt Peace Treaty, 26.03.1979. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/israel-egypt%20peace%20treaty.aspx> (дата обращения 02.12.2021).
 15. The Khartoum Resolutions, 01.09.1967. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-khartoum-resolutions> (дата обращения: 12.12.2021).

REFORM OF THE UN SECURITY COUNCIL AND THE CURRENT GEOPOLITICAL PICTURE OF THE WORLD: THE PROBLEM OF HARMONIZATION

Kebets V. V. ¹

¹ Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article is devoted to a rather long-standing, but still relevant and actively discussed in scientific and political circles problem related to the reform of the UN Security Council.—and the question of a possible increase in the number of permanent members. First of all, this problem affects the fact of recognition of a number of regional powers as important participants in building a new world order. With the understanding of the importance of consensual decision-making on this issue, on the basis of existing projects and proposals for the transformation

of the composition of the body, the article proposes a number of criteria that can significantly contribute to the acquisition by interested countries of the status of permanent member.

Key words: Security Council, reform, UN, permanent member, broad agreement.

ЧИЛИЙСКАЯ ШКОЛА ГЕОПОЛИТИКИ И А. ПИНОЧЕТА

Калинин Н. Д.¹

¹Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Настоящее исследование посвящено чилийской школе геополитики — недооценённому научному направлению, представленному рядом исследователей, включая А. Пиночета. В настоящем исследовании рассказывается о научных трудах в области геополитики Аугусто Пиночета. Чилийская школа геополитики и труды по геополитике А. Пиночета остаются в России почти неизученной темой. Мир чилийской геополитики богат и разнообразен, его только предстоит исследовать. Данная статья имеет обзорный характер: здесь представлены наиболее интересные факты истории чилийской геополитической школы.

Ключевые слова: геополитика, чилийская школа, Пиночет, государство, ландшафт.

Для начала определимся с понятиями. Мы определяем геополитику как направление политической мысли, концепция о контроле над территорией, о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений. Геополитика — синкретичная наука, реализующая анализ с помощью политической географии, ландшафтоведению, антропологии, политологии, социологии и других дисциплин.

Наиболее полным русскоязычным трудом, посвящённым чилийской школе геополитике, является статья Ю. А. Шелеповой «Развитие идей классической геополитики в Чили в XIX–XX вв.», опубликованная в Вестнике МГИМО в 2017 г. Некоторые описательные части настоящего исследования будут перекликаться с означенным трудом. Однако статья Шелеповой не содержит подробного анализа трудов по геополитике А. Пиночета — настоящим исследованием постараемся это исправить. Чтобы дать более детальное представление об академической деятельности Пиночета, в статье представлены многочисленные вырезки из его учебника «Геополитика».

Идеи геополитики развивались в Чили со времён Тихоокеанской войны 1870–1883 гг. В ту эпоху, когда окончательные границы южноамериканских стран ещё не сформировались, Чили расширяла свою тер-

риторию с помощью войн. Перед чилийскими государственными деятелями вставала проблема: как укрепиться на новых землях, продолжая осваивать старые? Ряд учёных и политиков, Б. О'Хиггинс, Р.К. Монтальва, Д. Порталес А. Бейо и др. развивали различные теории, посвящённые зависимости успехов государства от типа ландшафта и климата, наличия природных ресурсов [1]. Эти теории в дальнейшем создали мощную чилийскую школу геополитики, к которой и примыкал впоследствии Аугусто Пиночет.

Как независимое национальное государство Чили возникло, подобно своим латиноамериканским соседям, в начале XIX века. Это произошло по окончании войны за независимость 1810–1826 гг. Обретение независимости сопровождалось вспышкой постколониального национализма. Эрик Хобсбаум отмечает, что освобождение от колониального ига было одним из самых популярных способов обретения национальной идентичности для не-европейских стран—интеграция общества происходила на негативном основании против сил метрополии [2]. Республика отстаивала свою независимость в ходе кровопролитной войны и вышла из неё окрепшим государством с юной, но закалённой нацией. Чили приняло президентскую республику в качестве формы правления (и тут не отличившись от прочих латиноамериканских государств, получивших независимость). Молодая республика занялась укреплением внешнего и внутреннего суверенитета, проводя политику централизации. Геополитика была хорошей возможностью укрепить как внутренний, так и внешний суверенитет Чили.

Бернардо О'Хиггинс считается первым чилийским геополитиком. Бернардо О'Хиггинс— национальный герой Чили, его называют «отцом независимости». Вместе с Франсиско Мирандой, Хосе де Сан-Мартинем и Симоном Боливаром он сражался за независимость латиноамериканских государств. Бернардо О'Хиггинс обеспечил Чили статус морской державы. В своих проектах он писал о значимости морского побережья и о необходимости воспользоваться этим ресурсом для укрепления чилийской государственности. Именно по его приказу был заложен чилийский флот—в будущем сильнейший флот во всём западном полушарии. Также О'Хиггинс сынициировал ряд исследовательских экспедиций в район Огненной земли, чтобы изучить возможности территориального расширения Чили на юг. Одна из экспедиций даже достигла Антарктиду. Благодаря этому было колонизировано значительное количество новых земель, а границы Чили подошли к южной оконечности континента [1].

Другая значимая персоналия в теме отцов-основателей школы чи-

лийской геополитики — Диего Порталес. Порталес был министром внутренних дел при нескольких президентах в ранний период существования республики. Хотя он никогда не был главой государства, он добился обширных полномочий и сумел огнём и мечом навести порядок в стране, в которой то и дело вспыхивали гражданские междоусобицы. Пиночет называл его «духом, который объединил нацию». Порталес был приверженцем *realpolitik*, действовал ситуативно, стремясь укрепить центральное правительство и обеспечить спокойствие на границах. Геополитическую мысль Порталес развивал в обоснованиях стратегической опасности общей границы с Перуано-Боливийской Конфедерацией (1836–1839 гг.). Он поддерживал тезис о Чили как о суверенном государстве с относительно слабыми соседями, которые не угрожают безопасности суверенитета [3].

Стоит также упомянуть об Андреасе Бейо — малоизвестном человеке, которого, тем не менее, можно назвать один из предвестников идеалистической парадигмы международных отношений. Он, следуя правовой теорией Гуго Гроция, отстаивал принцип международного права как альтернативу силовому воздействию. Его фундаментальный труд «Принципы международного права», вышедший в 1844 г., заложил основы легализма — одного из главных направлений чилийской внешней политики [1].

Чилийская модернизация во второй половине XIX в. имела целью уменьшить экономическое и технологическое отставание республики от развитых стран Европы и США. С помощью Эмиля Кёрнера — германского военного специалиста и ветерана Франко-Прусской войны, в Чили была проведена военная реформа по прусскому образцу. Реформа делала упор на введение жёсткой дисциплины и развитие артиллерии [4]. Стоит также отметить, что ради увеличения мотивации в службе в армии и повышения социального статуса военных, правительство ввело ряд социальных льгот и страховок. Это заложила фундамент для привилегированного положения чилийских военных — практики, которая достигла апогея во время диктатуры Пиночета.

Кёрнер организовал ряд военных учебных заведений для солдат и офицеров. К 1919 г. 90 % чилийских военных были грамотными. В результате проведённой «пруссификации», чилийская армия стала передовым образовательным институтом в регионе. Чилийское офицерство было источником самых прогрессивных и новомодных идей в политике, культуре и военном деле. Генералитет приобрёл высокий удельный вес в политике, представляя собой что-то вроде круга экспертов, имевших свои взгляды на судьбы страны. В этой военно-академичной среде

и развивалась чилийская геополитическая мысль. Регуляризация армии по германскому образцу привела к распространению трудов по геополитике германских авторов, в частности, одного из основателей этой науки — Фридриха Ратцеля. Чилийская военная элита ознакомилась с идеями антропогеографии, а также с тем, как организация человеческого общежития, культура, рекреационные ресурсы и ландшафт влияют на государство [4].

Проявление геополитической стратегии можно проследить в целях Чили во Вторую Тихоокеанскую войну (1879–1883 гг.). Многие военные деятели республики говорили о необходимости «расширения жизненного пространства» для чилийцев за счёт богатых территорий Перу и Боливии, дублируя знаменитую германскую теорию о *lebensraum*. По итогам кампании Чили получила ряд новых земель, в том числе прибрежные земли Боливии — провинцию Антофагаста (это изолировало Боливию от моря). Чили закрепило своё превосходство на Тихом океане, довершив дело, начатое О'Хиггинсом [1].

Увлечение геополитикой способствовало появлению разного рода теорий и стратегий, разработанных чилийскими военными. Эти теории были посвящены одной цели — становлению Чили могущественной морской и континентальной державой в регионе. После разгрома Боливии и Перу, Чили столкнулась с более опасным противником — Аргентиной. Спора по поводу определения границ в Патагонии, принадлежность ряда островов на южной оконечности континента и делимитация морских границ создавали заметное напряжение в чилийско-аргентинских отношениях. Тем не менее, открытого вооружённого противостояния удалось избежать, сохранив хрупкое положение баланса сил в регионе.

Крупным теоретиком чилийской школы геополитики был генерал Рамон Каньяс Монтальва. Как отмечает в своей статье Ю. А. Шелепова, Р. К. Монтальва был первым редактором и создателем, совместно с Пабло И. Клерикусом, географического журнала Чили *Terra Australis* [1]. Монтальва очень ценил труды американского геополитика А. Мехэна, в частности его самый известный труд «Влияние морской силы на историю», 1890 г. Среди выдвигаемых Монтальвой идей следует выделить: административное устройство страны с учётом её интересов в данном регионе, усиление присутствия Чили в бассейне Тихого океана, укрепление восточных границ, обсуждение возможности создания группы стран юга Тихого океана, в которую могли бы войти соседние с Чили латиноамериканские страны.

В середине XX в. появилась одна из самых знаменитых чилийских

геополитических теорий: концепция внутреннего моря. Внутренним морем называлось водное пространство, которое соединяло «три органические части Чили»: материковую часть, острова на юге и Антарктиду. В андском хребте, который продолжается под океаном, была усмотрена стратегическая возможность для контроля границ между Атлантическим и Тихим океаном. Создателями этой концепции считают Р. К. Монтальва, П. И. Клерикус и Маруль Бермудез [1].

Наконец, мы подошли ко второй половине XX в., а значит, и к наиболее известной фигуре в истории Чили — генералу Аугусто Пиночету. География и связанные с ней науки смолоду привлекали будущего президента. Свою первую книгу — «География Чили, Аргентины, Боливии и Перу», Пиночет опубликовал ещё в 1953 г в возрасте 38 лет. В 1960-е Пиночет работал преподавателем в Высшей военной академии, для которой написал учебник «Геополитика», а также «Эссе к изучению геополитики», которые стали методическими пособиями для преподавания геополитики по всей стране.

По словам журналиста Хуана Кристобала Пенья, автора «Тайной литературной жизни Аугусто Пиночета», книга «Геополитика» является плагиатом работы Грегорио Родригеса Таскона, наставника Пиночета во время его академической карьеры в Военной академии. В своей книге Пенья обвиняет Пиночета в плагиате большей части его письменных работ. Насколько оправданны эти обвинения — трудно судить.

Учебник «Геополитика» выстроен по следующему плану: материал разделён на четыре главы, каждая из которых поделена на разделы и части. В первой главе «Введение в изучение геополитики» обобщённо рассказывается о сути предмета [5]. Во второй главе «Составные элементы государства» разбираются те природные, экономические и общественно-политические механизмы, которые образуют собой государство [5]. В третьей главе «Структура государства» рассказывается о функционировании и взаимодействии описанных в предыдущей главе элементов государства [5]. Четвёртая глава — «Жизненный цикл государства», рассказывает про органическую жизнь «живого государства», затрагиваются факторы и стимулы, меняющие жизнь государства [5]. В приложении «Географическая ось истории» автор высказывается о теории «Хартленда» сэра Хэлфорда Джона Маккиндера [5].

Ниже мы рассмотрим краткое содержание учебника, чтобы иметь представление о содержании геополитической мысли Аугусто Пиночета. Автор рассказывает о появлении термина «геополитика», повествуя о Роберте Кьёллене, профессоре Упсальского университета, который кодифицировал суть геополитики как науки в своей работе «Государство

с образом жизни» [5]. «Работа Кьёллена рассматривает государство как биологический организм, «высший индивидуальный (отдельный) организм», с собственной жизнью и сознанием, которое рождается, растёт и умирает среди постоянной биологической борьбы и конфликтов. В работе упоминается государство, в котором доминируют два основных влияния: географическая среда и раса; и три вторичных влияния: экономика, общество и правительство»—пишет автор [5]. Именно Кьёллен ввёл термин «геополитика». Пиночет показывает, что все последующие исследования области геополитики отталкивались именно от трудов шведского учёного.

Приведём отрывок из первой главы, который кратко описывает держательную часть геополитики:

«Геополитика рассматривает государство как высший отдельный (индивидуальный) организм, как таковым он и является—живым организмом, который постоянно ведет постоянную борьбу за собственное существование. Земля, в силу своей естественной особенности, разделена на определенное количество пространств, которые являются ареной для борьбы между государствами. Это влияет на политику, связанную с пространством, с четко определенными и постоянными законами, которые постоянно влияют на народы, которые функционируют в регионе, по мере того как они появляются в истории. [...] Конфликт между народами превращает пространства в «силовые поля», пересекаемые «силовыми линиями». Одной из целей геополитики—дать представление о возможном применении и использовании этих пространственных законов во внешней политике государства, и также в период развития. Из-за постоянного воинственного отношения народов друг к другу это заставляет внешнюю политику государства преобладать над внутренней политикой. Политические идеологии и системы государственного управления обеспечивают устойчивость и помогают более эффективно достигать тех национальных целей в географических условиях, в которых расположено государство».

Вот что Пиночет говорит о структурной части геополитики:

«Мы не можем рассматривать геополитику как отрасль географических наук—это было бы неправильно, потому что, несмотря на то, что это правда, географический фактор сильно влияет на человеческие, социалистические, организационные, экономические, исторические и стратегические факторы. Геополитика—это результат их слияния, и правителю необходимо их учитывать, для того, чтобы была возможность определить интересы

государства для достижения большого могущества и власти и для развития государства, и тогда правительство будет знать, как применять эти знания для достижения политической цели своего правления».

Также автор упоминает об эмпирической части геополитики:

«Геополитика стала рассматриваться как инструмент политического мышления и действий; более того, она должна стать “географическим сознанием государства” и “источником вдохновения для различных внутренних и внешних целей, которые оно должно достичь”».

Пиночет оговаривает непреложные принципы, на которые опирается геополитика:

«Первоначальная градация, которую мы ранее рассматривали для большего понимания областей геополитики, будет следующей:

— *Государство как живой организм. (Составные элементы государства, строение государства, жизненный цикл).*

— *Вклад и связь социально-политических и географических наук с геополитикой.*

— *Общая и конкретная геополитика каждого государства».*

Необходимость уподобления государства живому организму подтверждается автором ссылками из различных источников:

«Сравнение государства с живым существом восходит к истокам политической мысли; так Платон выделяет его как великолепного и великого человека и сравнивает функции человека с ним; Цицерон сравнивает политического правителя с сущностью (духом, душой), которая управляет человеческим телом».

Перейдём ко второй главе. Геополитика смотрит на государство в следующих аспектах:

А) образующие элементы государства

1) Территории или пространство: это территория, на которой базируется государство, и, как таковая, должна иметь характеристики, позволяющие государству родиться и развиваться.

2) Население или человеческая масса: группа людей со своими особенностями, которая располагается в пространстве.

3) Суверенитет: фактор, который объединяет государство и дает ему силу для сплоченности и власти.

Б) Структура государства: Государство как живой организм, состоящий из выше указанных элементов, получает в своем составе строение (структуру), подобно амебе, где можно проводить различие:

а) Границы: оболочка, прочность которой согласуется с уровнем потенциальности жизненного ядра.

б) Хинтерленд. Или пространство как источник питания (питательное пространство) «жизненного ядра», которое при разрастании занимает его до тех пор, пока не достигнет своих же границ, создавая необходимость искать новое «жизненное пространство» или зону источника питания в других областях земного шара.

в) «Жизненное ядро» или «Хартленд»: это самое мощное ядро государства и то, что дает ему жизнь.

г) Коммуникации — это нервы, которые связывают разные зоны друг с другом и внутри них.

д) Жизненный цикл государства. Зная составляющие элементы государства и его строение, мы должны изучить его жизненный цикл, который подтвержден историей человечества на протяжении веков: рождение, развитие и смерть.

Пиночет перечисляет следующие школы геополитики, комментируя основные направления их научной деятельности:

Немецкая — проблема жизненного пространства;

Английская — проблема развития военно-морской мощи;

Русская — проблема преодоления экономической отсталости;

Американская — проблема становления мировым гегемоном;

Ватиканская — проблема расширения влияния католической церкви;

Французская — определённая стратегическая линия отсутствует;

Аргентинская — проблема усиления влияния на Тихом океане;

Бразильская — проблема господства над континентом;

Чилийская — в процессе становления. Среди целей отмечено: развитие военно-морской мощи Чили, освоение горной местности, становление региональным гегемоном за счёт промышленно-экономического прогресса.

В третьей главе Пиночет даёт характеристики государства и тех черт, которые влияют на его эффективность;

«Расположение государства в умеренной климатической зоне будет особенно легко для его развития, а близость к полюсам затруднит его формирование как таковое. [...] Другим важным фактором определения местоположения является близость или удаленность от менее могущественных или более могущественных государств; хотя первые обычно получают лишь выгоды, вторые рискуют быть поглощенными или вовлеченными в их внутреннее развитие, часто превращаясь в спутники. [...] Идеал государства

состоит в том, чтобы быть окруженным другими с меньшей силой. [...] Государства борются с нехваткой места и избытком населения. Завоевание территории в наше время является серьезной проблемой для завоевательного государства, и достижение большей площади достигается только с градацией от простого контакта к полному господству; но это является причиной длительного периода времени. [...] Поверхность государства, когда оно имеет большую протяженность, вряд ли имеет однородность в условиях его земель. Благоприятные районы, как правило, отделены друг от друга, и возникают настоящие человеческие озера, с населенными районами, которые, соединяясь друг с другом, растут, чтобы составить одну большую зону.

Также в главе уделяется внимание обсуждению гор, низменностей, пустынных равнин, речных систем. В анализ свойств природных ландшафтов автор закладывает следующий принцип: «Каждая благоприятная территория навязывает определенную форму работы и изобретательности, а также постоянную связь между ними».

Четвёртая глава описывает жизненный цикл государства:

«Для геополитики государство не является юридическим созданием, а, наоборот, видит в нем «живой» организм, подчиненный определенным законам и подверженный природным воздействиям, как и любой другой животный организм. Таким образом, государство переживает явления рождения, роста и смерти; оно расширяется, заболевает и стареет, как все существа».

Пиночет заканчивает книгу геополитическим анализом современной ему политической повестки:

«Настоящий же баланс политического могущества в каждый конкретный момент является, безусловно, с одной стороны, результатом географических, а также экономических и стратегических условий, а с другой стороны — относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов».

Заключение

Проведя краткий анализ трудов чилийской школы геополитики и книги «Геополитика» А. Пиночета, мы пришли к следующим выводам:

Чилийская школа геополитики появилась как вторичная от германской школы;

Носителями геополитического знания являлось военное сословие,

которое находило ему практическое применение;

За десятилетия чилийская школа геополитики развила независимое направление научной мысли и стала крупнейшим центром изучения геополитики в Латинской Америке.

Список источников и литературы

1. Шелепова Ю. А. Развитие идей классической геополитики в Чили (XIX–XXвв) ИЛА РАН, Москва, 2017.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года, Алетея, 1998.
3. Arzamas // Историческая память в Чили. Как чилийцы создали культ «сильной руки» и стабильности и на кого равнялся Пиночет // <https://arzamas.academy/materials/1339>
4. Warhead // Откуда у чилийских солдат немецкий акцент? // 28.06.2020 // <https://warhead.su/2020/06/28/prusskoe-nasledie-otkuda-u-chiliyskih-voennyh-nemetskiy-aktsent>
5. Пиночет Угарте А. Геополитика. Второе издание—Чили: Imprenta Camilo Henríquez, 1974.

THE CHILEAN SCHOOL OF GEOPOLITICS AND THE WORKS OF A. PINOCHET

Kalinin N. D.¹

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

This study focuses on the Chilean School of Geopolitics, an underrated scientific field presented by a number of researchers, including A. Pinochet. The Chilean School of Geopolitics and the Works on Geopolitics of A. Pinochet remain an almost unexplored topic in Russia. The Russian translation of the textbook “Geopolitics” authored by A. Pinochet appeared only in April 2021. The world of Chilean geopolitics is rich and diverse, yet to be explored. This article is of an overview nature: here are the most interesting facts of the history of the Chilean geopolitical school.

Keywords: geopolitics, Chilean school, Pinochet, state, landscape.

Секция 3.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНСАЛТИНГ

УДК 911.3

ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ, НАПРАВЛЕНИЯ

Кулаковский Е. С.^{1,2}

¹ Воронежский государственный университет,
Воронеж, Российская Федерация,

² Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Российская Федерация,

В статье рассматриваются вопросы общественно-географического исследования местного самоуправления в Российской Федерации. Одной из ключевых проблем в практике функционирования муниципалитетов — это неразрешенность границ и нечёткость критериев обособления, что лишь усиливает деформацию социально-географического пространства. Отдельное внимание уделено сопоставлению нормативно-правовой базы, в том числе в связи с внесением в Государственную Думу Российской Федерации новой редакции федерального закона «Система местного самоуправления Российской Федерации в системе публичной власти». Выявлены противоречия разных вариантов закона, обоснована необходимость продолжения изучения муниципального управления.

Ключевые слова: территориальная организация общества, социальный институт, система публичной власти, муниципальные образования, муниципальный округ.

Введение и постановка проблемы. Пространственная организация местного самоуправления в условиях России относится к значимым вопросам государственного устройства. В своей деятельности муниципальные образования сталкиваются с противоречием: с одной стороны, это форма организации местного сообщества, основанная на принципах демократичности и автономности (самостоятельности) в принятии решений, а с другой — проводники государственной политики. На поиск

баланса между потребностями локальных сообществ и государства уходят многие десятилетия.

Муниципалитеты в России находятся в двух периодически сменяющихся состояниях—кризиса и реформ. Кризис в муниципальном управлении заключается в отсутствии стимулов роста, недостаточности финансового потенциала для исполнения своих полномочий. Данные обстоятельства вынуждают законодателей переходить к поиску путей выхода из сложившейся ситуации, что приводит к «реформированию». Ключевым направлением проводимой в последние десять лет политики является сокращение числа муниципальных образований, за счёт муниципалитетов «нижнего» (первого) уровня. В целом наметившаяся тенденция может иметь смысл с финансовой точки зрения, но противоречит принципу функционирования местного самоуправления—близость к населению [1].

Дополнительную актуальность придаёт тот факт, что сейчас местное самоуправление в России находится на этапе очередных изменений в законодательство в связи с принятием поправок в Конституцию. Так, в конце 2021 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «Система местного самоуправления Российской Федерации в системе публичной власти», который был утверждён в первом чтении— 25.01.2022; второе чтение намечено на 25.05.2022.

Местное самоуправление привлекает интерес многих общественных наук. Среди тех, кто изучает муниципалитеты, значимое место занимает и общественная (социально-экономическая) география. Причём географов-обществоведов интересует несколько аспектов функционирования местного самоуправления: критерии обособления муниципальных образований, выявление точек роста в пространственном развитии, определение ключевых вызовов, которые требуют своего разрешения. Данные пункты объединяет общая цель—повышение эффективности института местного самоуправления.

Исследователи подчеркивают необходимость использования комплексного подхода при изучении проблем местного самоуправления [2, 3]. Взятый курс на простое сокращение числа муниципальных образований, очевидно, не изменит уровня жизни населения, в том числе в сельской местности, в малых городах. Данные обстоятельства вынуждают заинтересованные лица к поиску оптимальной модели территориальной организации местного самоуправления с учётом отечественной специфики.

Результаты исследования и их обсуждение. Пространственная организация местного самоуправления представляет собой сочетание пяти взаимосвязанных блоков функционирования муниципальных об-

разований, что позволяет раскрыть конкурентные преимущества и недостатки регионов [4].

Первый блок—территориальный. В юридическом (более узком) значении территориальные основы определены во 2 главе ФЗ № 131 (действующего закона), включают в себя территорию муниципального образования, *критерии разграничения между различными муниципалитетами*. Определение границ—задача чисто географическая, так как требует определение внутренних процессов в социуме и экономике; выявление связей между людьми, хозяйствующими субъектами; оснащение инфраструктурой. В более широком—географическом—значении, помимо критериев обособления муниципалитетов, территориальный блок вбирает вопросы пространственного развития:

социально-экономическое положение муниципальных образований предполагает рассмотрение экономической специфики районов, их положение по отношению к транспортным магистралям и к центрам;

природно-ресурсный потенциал, под которым понимается совокупность природных ресурсов;

геопространственные вызовы—это вероятное перспективное состояние, которое порождает серьезные осложнения в развитии и требует упреждающей реакции в планируемом периоде;

выявление точек роста, отличающихся наиболее выгодными условиями и возможностями для социально-экономического развития.

Второй блок—экономический, который включает следующие направления: *транспортная инфраструктура; отрасли экономики, малый и средний бизнес; формирование бюджета, владение и распоряжение муниципальным имуществом*.

Третий блок—природно-экологический—включает в себя *природопользование, рекреацию, чрезвычайные ситуации, угрозы, охрану природы*.

Четвертый блок—социально-демографический—представлен *демографической ситуацией; оценкой здоровья населения и системой здравоохранения; образованием; информационной инфраструктурой, культурой*.

Пятый блок—институциональный—включает в себя формирование *органов государственной власти и местного самоуправления*.

Проблемы местного самоуправления в России заключаются в нечеткости критериев обособления муниципальных образований и проблемах взаимодействия в финансово-бюджетной сфере на государственном, региональном и локальном уровнях. Это во многом и определяет современное положение муниципальной системы управления: сопод-

чиненность вышестоящим уровням власти; финансовую зависимость субъектов управления; отсутствие диалога населения и власти.

Рассмотрение актуальной нормативно-правовой базы позволяет оценить функционирование муниципальных образований. Рассмотрим существенные отличия двух версий закона о местном самоуправлении: действующего — Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.) и внесенного законопроекта «Система местного самоуправления Российской Федерации в системе публичной власти».

Во-первых, расширяется и дополняется понятие местного самоуправления, в том числе за счет того, что *«Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации» (ст. 1 п. 5), но «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (ст. 1 п. 6).*

Во-вторых, отсутствует отдельная статья, посвященная ключевым понятиям, что осложняет восприятие закона.

В-третьих, впервые определяется соотношение административно-территориального деления и муниципального устройства: «муниципальное образование не является административно-территориальной единицей» (ст. 4, п. 9).

Результаты проводимой муниципальной реформы, особенно в части реализации принципов территориальной организации местного самоуправления, во многом зависят от понимания соотношения административно-территориального и муниципального устройства субъектов РФ. Административно-территориальное устройство субъектов РФ первично по отношению к территориальной организации местного самоуправления, поскольку именно в соответствии с административным устройством территории субъекта РФ организуется деятельность не только органов государственной власти, но и местного самоуправления.

В-четвертых, в новом варианте закона закрепляется наметившаяся тенденция, а именно: упрощение муниципального устройства, формирование одноуровневой системы местного самоуправления, ликвидация низового уровня — сельских поселений и формирование городских (муниципальных) округов [5]. В новой редакции закона предусмотрено три формы муниципалитетов: муниципальный округ, городской округ и внутригородские территории городов федерального значения.

В качестве критериев разграничения между городскими и муниципальными округами предлагаются следующие: 1) доля населения, проживающего в городских населенных пунктах (не менее 2/3 населения — городской

округ); 2) размер территории сельских населенных пунктов и территории, предназначенной для развития инфраструктуры городского округа, не может превышать в два и более раз площадь территории городских населенных пунктов; 3) плотность населения в пределах городского округа должна в пять и более раз превышать среднюю плотность населения РФ.

В пояснительной записке указан способ образования муниципальных округов — объединение муниципальных районов и поселений.

В законопроекте определен следующий подход к установлению границ муниципалитетов: «границы городского округа, муниципального округа, как правило, устанавливаются с учетом *транспортной доступности до их административных центров и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в их состав*. Указанные требования в соответствии с законами субъектов Российской Федерации могут не применяться на территориях с низкой плотностью населения, а также в отдаленных и труднодоступных местностях» [6].

Некоторые нюансы проявления законопроекта рассмотрим на примере Воронежской области. Так, в ряде районов отсутствует устойчивое транспортное сообщение между районным центром и центрами поселений. Данная ситуация наблюдается как в пригородных районах — Рамонский, Хохольский, так и в некоторых удаленных от административного центра области районах — Петропавловский.

Рассмотрим в качестве примера транспортное сообщение некоторых (ключевых) районов: Грибановского Лискинского, Павловского, Панинского. Их выбор объясняется внутренними различиями (табл. 1).

Таблица 1

Транспортное сообщение с районным центром
в отдельных районах Воронежской области

Район	Населенные пункты, не имеющие регулярной связи		Населенные пункты, имеющие эпизодическое сообщение (1 раз в день)		Населенные пункты, имеющие регулярное сообщение (2–3 раза в день)		Населенные пункты, имеющие устойчивое сообщение (4 и более раза в день)	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Грибановский	21,3	5,5	2,1	1,9	44,7	47,5	31,9	45,1
Лискинский	28,0	1,9	1,3	0,9	18,7	28,5	52,0	69,2
Павловский	22,6	1,5	-	-	54,5	28,5	22,6	70,0
Панинский	35,0	12,4	12,5	11,0	48,7	58,7	3,8	17,9

Легенда: I — доля населенных пунктов,%; II — Доля населения, проживающие в них, %.

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что от 20 % до 35 % населенных пунктов не имеют транспортной связи с районным центром. На сегодняшний момент, доля населения живущих в этих населенных пунктах варьируется от 1,9 % до 12,4 %, однако подавляющее большинство из них приходится на лиц пенсионного возраста.

Данные предложения не изменяют и не решают давно назревших проблем в муниципальном устройстве, а лишь консервируют их .

Заключение. Общественная география изучает муниципальные образования с позиции её пространственной организации, что определяет специфику исследования локальных сообществ, в том числе появляется необходимость изучения нормативно-правовой базы.

Так, при анализе двух вариантов закона о местном самоуправлении выявлены противоречия в отношении территориальных основ местного самоуправления. Подобного рода «оптимизация» лишь усиливает процесс поляризации регионов, особенно в условиях разреженного российского пространства.

Наиболее проблемным при проведении муниципальной реформы оказывается положение сельских населенных пунктов. Опыт показывает, что удаление административного центра усугубляет проблемы развития территории, приводит к обострению местных проблемы. По мнению автора, в предлагаемом законе не учитывается потенциал территории, что, безусловно, отразится на социально-экономическом развитии региона.

Список источников и литературы

1. Симагин Ю. А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения // Народонаселение. — 2013. — № 4 — С. 87–93.
2. Поросенков Ю. В. Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. — 2012. — № 1. — С. 5–13.
3. Чистобаев А. И. Территориальная организация местного самоуправления в России // География в школе. 2014. № 7. С. 10–17.
4. Трофимов А. М., Рубцов В. А., Шарыгин М. Д., Комарова В. Н., Рожко М. В. Позиционирование и конкурентоспособность регионов в процессе социально-экономического развития // Географический Вестник — 2009 — № 2 — С. 68–77.
5. Кулаковский Е. С. Типология городских округов в системе местного само-

- управления Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2019. Т. 29, Вып. 4. С. 525–533.
6. Законопроект № 40361–8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361–8](https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8) (дата доступа: 09.01.2022).

THE HUMAN-GEOGRAPHIC STUDIES OF THE PROBLEMS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA: TASKS, METHODS, DIRECTIONS

Kulakovskiy E. S. ^{1,2}

¹Voronezh State University,
Voronezh, Russia,

²Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russia,

e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

The article deals with the issues of socio-geographical research of local self-government in the Russian Federation. One of the key problems in the functioning of municipalities is the lack of resolution of borders and the vagueness of the criteria for separation, which only increases the deformation of the socio-geographical space. Special attention is paid to the comparison of the legal framework, including in connection with the submission to the State Duma of the Russian Federation of a new version of the federal law “The system of local self-government of the Russian Federation in the system of public authority”. The contradictions of different versions of the law are revealed, the need to continue the study of municipal government is substantiated.

Key words: territorial organization of society, social institution, system of public authority, municipal formations, municipal district.

МЕСТА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Зотова О. А.¹

¹ Западно-Казахстанский университет им.М.Утемисова, .Уральск, Республика Казахстан

Статья посвящена анализу приграничных населенных пунктов на участке между приграничными областями: Оренбургской областью Российской Федерации и Западно-Казахстанской областью Республики Казахстан. Показано, что на исследуемой территории на базе существующих населенных пунктов образуются специализированные пункты пропуска, направленные на упрощение пересечения государственной границы жителями этих поселений. Рассмотрено пространственное расположение всех приграничных населенных пунктов и выявлены наиболее перспективные поселения, которые могут быть включены в реестр опорных населенных пунктов, выполняющих функции мест упрощенного пересечения государственной границы.

Ключевые слова: приграничный регион; приграничное сотрудничество; государственная граница; места пересечения границы; российско-казахстанское приграничье.

Введение

В условиях глобализации приграничные регионы стремятся использовать свое географическое положение как положительный потенциал, позволяющий учитывать и совместно использовать социально-экономический, культурный и политический потенциалы, которые существуют между двумя соседствующими приграничными регионами. Это приводит к тому, что снижается барьерная и усиливается контактная функция границы.

В статье более подробно рассматриваются приграничные Оренбургская область Российской Федерации и Западно-Казахстанская область Республики Казахстан. Это один из самых протяженных участков сухопутной государственной границы между Россией и Казахстаном, составляющий около 700 км., территория с идентичными процессами исторического освоения и заселения, находящаяся в схожих ландшафтных условиях. Для рассматриваемого участка границы барьерная функция отражается, прежде всего, на демографических характеристиках

систем расселения. Особенно показательна она в отношении этнической ситуации, что выражается в нарастании контрастности этносов по обе стороны от границы. Контактная функция границы сказывается прежде всего на экономической специализации. Некогда единая территориальная система, функционирующая как один территориально-производственный комплекс, перешла в формат сотрудничества, кооперации и приграничных контактов.

Учитывая географическое положение, исторически сложившиеся экономические и культурные связи был разработан документ, в котором прописаны правила пересечения государственной границы жителями приграничных территорий. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке пересечения российско-казахстанской государственной границы жителями приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан» и изменения, внесенные в международный протокол от 09 ноября 2018 года, публикует список мест пересечения границ приграничных территорий. В Соглашении утверждены места пересечения границы, которые установлены для ее пересечения жителями приграничных территорий в упрощенном порядке [1].

В соответствии с Соглашением, были выделены и проанализированы места пересечения границ на территории Оренбургской и Западно-Казахстанской областей. Всего на территории Оренбургской области определено 24 места пересечения границы, а в Западно-Казахстанской области — 19, в том числе 6 непосредственно между исследуемыми областями (табл. 1). Обе области имеют еще пункты пересечения границы с другими пограничными областями Российской Федерации и Республики Казахстан.

Таблица 1

Места пересечения границ на территории Оренбургской (РФ) и Западно-Казахстанской (РК) областей.

Российская Федерация		Республика Казахстан	
Название административного района	Название мест пересечения границы	Название административного района	Название мест пересечения границы
Оренбургская область (6)		Западно-Казахстанская область (6)	
Первомайский район	Рубежинский	Район Байтерек	Чесноково
Первомайский район	Усов	Район Байтерек	Раздольное
Ташлинский район	Раннее	Район Байтерек	Кирсаново

Российская Федерация		Республика Казахстан	
Илекский район	Затонное	Бурлинский район	Жанаталап
Илекский район	Озерки	Шынгырлауский район	Шоктыбай
Соль-Илецкий район	Линевка	Шынгырлауский район	Шынгырлау

Источник: Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации, 2006.

Указанные места (пункты) пересечения границы можно рассматривать, как опорные населенные пункты. Они имеют стратегическое значение, а значит могут быть включены в программу поддержки приграничных территорий, предусмотренную в рамках Государственных программ развития регионов как в России, так и в Казахстане, нацеленные на улучшение качества жизни сельчан и развитию сельских территорий.

Число пунктов пропуска и их плотность в значительной мере определяются историей и современным состоянием двусторонних отношений России и Казахстана. Согласно данным, опубликованным в сборнике [2], на начало 2015 г. на границах России и Казахстана установлены и действуют 48 пунктов пропуска. Плотность пунктов пропуска на 100 км. границы составила в среднем 0,6. Исходя из этого, был произведен аналогичный расчет относительно пунктов пропуска на участке границы Оренбургской и Западно-Казахстанской областей, который выявил, что на исследуемом участке плотность пунктов пропуска составляет 0,8.

Для объективной оценки ситуации в приграничных населенных пунктах, в которых установлены места пересечения границы, согласно Соглашению между Россией и Казахстаном, были использованы спутниковые снимки, благодаря которым можно визуально посмотреть пространственное размещение мест пересечения границы и определить рациональность их размещения (рис. 1).

Из анализа спутниковых снимков были определены лишь три места пересечения границ из шести созданных. В поселках Рубежинское-Чесноково и Усов-Раздольное (Первомайского/Байтерекского районов) на снимках видны оборудованные места пересечения границы и дорога, приводящая к ним. На приграничном участке Раннее (Ташлинский район)- Кирсаново (Байтерекский район) на снимках видно, что из населенных пунктов ведет дорога к трассе R-91 Чинарево (Республика Казахстан), которая после пересечения границы соединяется с дорогой на село Раннее. Очевидно, что именно тут находятся места пересечения границы. В приграничных поселениях Затонное (Илекский район)-Жанаталап (Бурлинский район), Озерки (Илекский район)- Шоктыбай (Шынгырлау-

усский район), оборудованные места пересечения границы на спутниковых картах не определяются. Населенные пункты разделяет река Урал в широкой долине с множеством стариц, что затрудняет обустройство на этой территории пунктов пересечения границ. Судя по дорогам, различимых на космических снимках, можно сделать вывод, что приграничные жители этих поселений могут пересекать границу только через автомобильный таможенный пост Аксай-Илек, находящийся на расстоянии примерно 20 км. от приграничных поселков Затонное и Жанаталап, а также на расстоянии 57 км. до посёлка Озерки и 80 км. от поселка Шоктыбай. Жители приграничных поселений Линевка (Соль-Илецкий район)- Шынгырлау (Шынгырлауский район) могут пересечь границу лишь железнодорожным транспортом через таможенный пункт пропуска Илецк- Шынгырлау, находящийся в 10 км. от поселка Линевка и непосредственно в самом поселении Чингирлау. Альтернативой для приграничного поселка Линевка может выступать только автомобильная дорога через города Соль-Илецк и Оренбург до таможенного пункта пропуска Илек, расстояние до которого составляет примерно 250 км. Жители приграничного поселка Шынгырлау на автомобильном транспорте могут пересечь границу в пункте пропуска Аксай-Илек, расстояние до которого около 85 км.

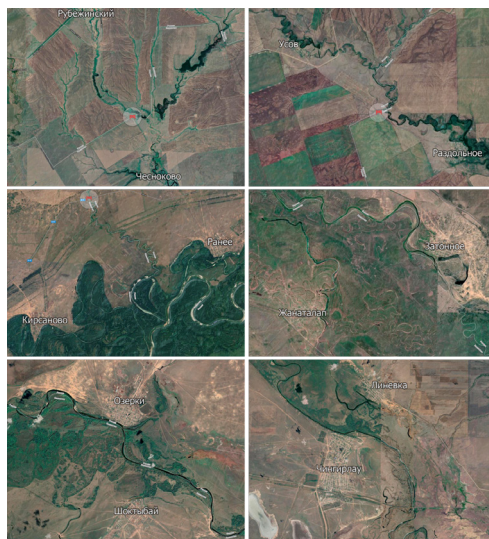

Рис. 1. Фрагменты спутниковых снимков приграничных населенных пунктов-мест пересечения границы между Оренбургской и Западно-Казахстанской областями.

Источник: составлено автором на основе Google maps.

Немаловажное значение имеет и анализ потоков через границу по сети трасс, направление которых в большинстве случаев не совпадает с кратчайшим путем, а следовательно возрастают и затраты на эти перемещения. Для измерения барьерной функции, В. Е. Шувалов [3] в статье «Географическая границы как фактор районообразования», предлагает использование показателя степени барьерности границы, который определяется по формуле (1):

$$\gamma = Rab / \bar{R}ab, \quad (1),$$

где γ — коэффициент барьерности участка границы узлового района; R_{ab} — расстояние между пунктами «а» и «b» по прямой; $\bar{R}ab$ — расстояние между пунктами «а» и «b» по трассе. При отсутствии барьерной функции границы $\gamma=1$, при ее увеличении $\gamma \rightarrow 0$.

Для зон с высоким показателем барьерности границы, затраты на ее пересечение могут оказаться такими большими, что граница на определенном своем участке будет непреодолимой для прохождения через нее потоков.

С помощью спутниковых карт нами были изучены приграничные населенные пункты на границе между Оренбургской и Западно-Казахстанской областями с целью выявления поселений с наибольшей и наименьшей степенью барьерности. Некоторые поселения были сразу исключены из анализа, так как отсутствие каких-либо трасс, мостов и широкая долина рек Урал и Илек делают невозможным транспортное сообщение между этими приграничными населенными пунктами. В результате были выбраны 14 пар поселений в приграничье, которые потенциально могут выступить опорными приграничными пунктами или местами пересечения границ. В этот список были также включены уже утвержденные места пересечения границ, которые выделены жирным шрифтом. После подсчета показателя барьерности, пары населенных пунктов были сгруппированы по степени барьерности, результаты которой приведены в таблице (табл. 2):

Из таблицы 2 видно, что в группу с абсолютной барьерностью вошли 3 пары поселений, утвержденные в качестве мест пересечения границы. Однако удаленность от автомагистралей, через которые возможно пересечь государственную границу, довольно большая, что делает затруднительным населению быстро и беспрепятственно пересекать границу. Отдельно следует выделить поселения Линевка-Шынгырлау так как между данными поселениями нет прямой автомобильной трассы, но рядом с ними проходит железная дорога, благодаря которой население может довольно быстро и менее затратно пересечь государствен-

ную границу. Учитывая этот факт и рассчитав с его учетом показатель барьерности, поселения Линевка- Шынгырлау можно отнести к группе «усиленной барьерности».

Таблица 2

Группировка приграничных поселений между Оренбургской и Западно-Казахстанской областями по степени барьерности.

Степень барьерности	Показатель барьерности	Населенные пункты по обе стороны границы
Отсутствующая барьерность	0,8–1	Кузьминка-Чинарево; Кузьминка-Кирсаново; Рубежинский-Чесноково*; Усов-Раздольное; Теплое-Чувашинское; Теплое-Красный Урал
Относительная барьерность	0,6–0,8	Раннее-Чинарево; Мирошкино-Чинарево
Усиленная барьерность	0,3–0,6	Илек-Дмитрово; Илек-Жарсуат; Раннее-Кирсаново;
Абсолютная барьерность	0,3 и менее	Затонное-Жанаталап; Озерки-Шоктыбай; Линевка-Чингирлау

*- утвержденные места пересечения границы

Рассмотрев пространственное расположение приграничных поселений и рассчитав показатель барьерности, можно предположить, что вместо поселений Затонное-Жанаталап и Озерки-Шоктыбай рациональнее включить в реестр мест пересечения границы поселения Илек-Дмитров или Илек-Жарсуат, которые находятся в более выгодном с точки зрения преодоления границы положении. Поселения, находящиеся в группе «отсутствующей барьерности», следует включить в список опорных приграничных пунктов или мест пересечения границы.

Таким образом, участок государственной границы между Оренбургской областью Российской Федерации и Западно-Казахстанской областью Республики Казахстан обладает низким уровнем барьерности, что соответствует уровню приграничного сотрудничества между регионами. Отсутствие значимых природных рубежей и контактность границы можно рассматривать как фактор, облегчающий процесс интеграции. Создание и развитие опорных населенных пунктов на базе существующих мест пересечения границ в приграничных образованиях

даст импульс к формированию опорных узловых точек, позволит укрепить каркас расселения, тем самым улучшив экономическую ситуацию в приграничном регионе.

Список источников и литературы

1. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о порядке пересечения казахстанско-российской государственной границы жителями приграничных территорий Республики Казахстан и Российской Федерации (г. Уральск, 3 октября 2006 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.11.2018 г.).—https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30022151#pos=0;0.
2. Российское пограничье: вызовы соседства / Под ред. В. А. Колосова— Москва: ИП Матушкина И. И., 2018—562 с.
3. Шувалов В. Е. Географическая границы как фактор районообразования/ Географические границы. Под ред. Б. Б. Родомана и Б. М. Эккеля. М.: МГУ, 1982.— 128 с.

BORDER CROSSING POINTS IN THE RUSSIAN-KAZAKH BORDER REGION AS ONE OF THE ELEMENTS OF CROSS-BORDER COOPERATION

Zotova Olga A.¹

¹ West Kazakhstan University named after M. Utemisov,
Uralsk, Republic of Kazakhstan

The article is devoted to the analysis of border settlements in the area between the border regions: the Orenburg region of the Russian Federation and the West Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan. It is shown that in the study area, on the basis of existing settlements, specialized checkpoints are formed, aimed at simplifying the crossing of the state border by residents of these settlements. The spatial location of all border settlements was considered and the most promising settlements were identified, which can be included in the register of key settlements that serve as places of simplified crossing of the state border.

Key words: border region; cross-border cooperation; state border; border crossing points; Russian-Kazakh border region.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Мирзеханова З. Г.¹

¹Институт водных и экологических проблем ДВО РАН

Рассматриваются отдельные проблемы формирования и эффективной реализации задач региональной экологической политики. Показано, что ряд проблем закладывается еще на стадии создания экологических программ регионов — документов, призванных отражать специфику территории в решении наиболее значимых задач в сфере охраны окружающей среды. Они связаны, в частности, с отсутствием координации экологических программ со стратегическими планами развития регионов, унифицированностью и избирательностью используемых показателей и др. Результаты исследования получены в процессе анализа нормативных документов в области экологической политики России и субъектов Дальневосточного Федерального Округа (ДФО), данных Росстата. При проведении исследования были использованы сравнительный анализ, методы количественного и качественного контент-анализа методы экспертных оценок, статистического и библиометрического анализа, обобщения и систематизации. Выполнен анализ экологических программ регионов Дальневосточного Федерального Округа, принятых в 2019–2020 годах в контексте основных факторов неэффективного решения поставленных задач в предшествующих программах. Рассмотрены отдельные проблемные аспекты формирования региональных экологических программ на примере Хабаровского края.

Ключевые слова. Экологическая политика, контент-анализ, экологическая программа, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, Дальний Восток России, экологические индикаторы

Введение

Складывающаяся ситуация в мире и в нашей стране на некоторое время отодвинула обсуждение вопросов по решению насущных для человечества проблем, одной из которых является формирование странами национальной экологической политики, соответствующей современным требованиям. Экологические угрозы не стали менее значимыми. В данной связи следует надеяться на то, что природоохранная тематика будет способной объединить «самые разные — по ценностям, моде-

лям политического и экономического развития, развитости экономики, внешнеполитической ориентации — страны и наладить между ними диалог и сотрудничество даже в том случае, если их отношения друг с другом в целом носят недружественный характер» [1, с. 14].

Экологические аспекты развития России отражены в многочисленных нормативно-правовых документах, декларирующих, что сохранение природы и улучшение окружающей среды являются приоритетными направлениями деятельности государства и общества. Возглавляет систему законодательства в сфере экологии закон «Об охране окружающей среды», другие законы не должны ему противоречить. Его выполнение обеспечивается Государственной программой РФ «Охрана окружающей среды» [2]. Она представляет собой план реализации национальной экологической политики в долгосрочной перспективе. Ее эффективность связана с успехами выполнения задач, обозначенных в программах развития субъектов РФ (региональная экологическая политика (РЭП)) и отраслей экономики (отраслевая экологическая политика).

Мы под РЭП понимаем разветвленную систему механизмов, норм и правил, определяющих специфику и приоритеты регионального развития в контексте национальной экологической доктрины; имеющих целью обеспечение охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, экологической комфортности среды для проживания населения; учитывающих ценность экологических ресурсов при решении политических, социальных и экономических задач [3]. Объективными предпосылками РЭП выступают структурная неоднородность пространства страны в природно-географическом, ресурсном, экономическом, социальном, этническом и политическом аспектах.

Экологическая политика регионов России реализуется через соответствующие программы. Они выражают политику государства и конкретного региона в обеспечении защиты окружающей среды, представляя собой региональные стратегии, которые концентрируют наиболее приоритетные цели в области экологии. С определенной периодичностью экологические программы обновляются, исходя из современных мировых и национальных требований, складывающейся текущей ситуации в стране и регионах, возможностей использования инновационных решений и др. И национальная, и региональные экологические программы в 2019–2020 годах получили новые редакции. При разработке практически все регионы страны декларировали необходимость учета в формировании стратегии устойчивого развития нововведений, используемых на мировом уровне и принятых в их рамках программных ориентиров.

Обсуждение результатов

Экологические программы всех субъектов Дальневосточного Федерального Округа (ДФО) в 2019–2020 годах были обновлены с корректировкой трендов развития и индикаторов отслеживания результативности. Подводя итоги завершенных программ по запланированным результатам на территории округа, исследователи единодушны в выводах: количественные показатели социального и экономического содержания не достигнуты, экологические результаты не соответствуют ожидаемому уровню значений [4–7]. Причин сложившейся ситуации много. В отношении экологических программ значительная доля причин, объясняющих низкую эффективность их выполнения, как показали наши исследования, закладывается еще на стадии формирования программ. Мы проанализировали некоторые причины неуспеха завершенных программ и особенности формирования новых экологических документов в контексте возможных неудач в достижении поставленных целей [7,8].

Основные причины можно объединить в группы.

Первая показывает отношение к решению экологических проблем в регионах при формировании перспективных планов развития. В ней:

1. Несмотря на важность и актуальность решения проблемы охраны окружающей среды, экологические программы имеют соподчиненное положение в формировании стратегических планов развития. Они традиционно являются «приложением» к экономическим стратегиям, которые, вопреки принятым программам, нередко корректируются в связи с изменением инвестиционных планов без особой оглядки на экологические регламенты.

2. В предшествующих программах социально-экономического развития регионов в числе результирующих показателей экологических не обнаружено, что свидетельствует о низкой эффективности экономического развития в контексте учета экологических условий [9–11]. Для новых программ ситуация не изменилась.

3. В большей части предшествующих и новых социально-экономических стратегий развития дальневосточных регионов, отсутствуют целевые экологические индикаторы, не обозначены стратегические приоритеты в экологическом контексте [7, 10].

4. Отдельные региональные задачи, обозначенные в экологических программах, не имеют необходимой методической и финансовой проработки, что показано на примере выполнения задачи сохранения ландшафтного разнообразия в экологической программе Хабаровского края [7].

В целом, экологические индикаторы не согласованы со стратегическими целями социально-экономического развития территории, не увязаны со стратегическим планированием.

Вторая группа причин, объясняющая неудачи в достижении запланированных целей в природоохранной области, связана с:

1. Несоответствием в названиях программ. Из 11 региональных программ субъектов ДФО только 4 имеют близкое название с национальной программой.

2. Противоречивостью с использованием терминологического аппарата. Даже поверхностный анализ названия программ свидетельствует о некоторой вольности в разделении понятий «охрана окружающей среды — экология — рациональное природопользование».

3. Несогласованностью структуры подпрограмм в контексте их названия и названий самих региональных программ, ресурсные/отраслевые подпрограммы искусственно добавлены в программу «Охрана окружающей среды».

4. Частичным соответствием обозначенных задач ключевым темам национальной программы. Ключевые темы национальной программы в разной степени отражены в региональных программах [8]. При этом, даже, несмотря на присутствие заявленных в региональных программах тем, обозначенных в национальной программе, большая часть планируемых мероприятий не имеет четких индикаторов достижения целей.

Третья группа объединяет причины, связанные с использованием применяемых показателей. В содержательном отношении показатели экологических программ призваны, реально продемонстрировать социально-экономический смысл принимаемых мер и отражать тенденции в оздоровлении экологической ситуации. Между тем «налицо» масса проблем в их реальном использовании: качественном и количественном выражении, соотношении с федеральными требованиями, сохранении региональных требований и баланса между ними и др.

1. Унифицированные требования еще на стадии разработки экологических программ должны предопределить их общую ориентацию и согласованность со стратегическими целями государства, между тем не во всех регионах это требование выдерживается. Так, например, из 18 индикаторов, рекомендованных Стратегией экологической безопасности страны на период до 2025 года, преимущества отданы показателям (их 10), ориентированным на утилизацию отходов [12]. Как показывает практика, мониторинг показателей в рамках Государственной программы РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы» [13] осуществлялся только по шести показателям [14]. В 30 % новых регио-

нальных программ ДФО решение проблемы утилизации отходов даже по этим шести показателям не представлено в полной мере.

2. Анализ новых экологических программ 11 субъектов ДФО показал, что 19 % всех показателей не имеют непосредственного отношения к решению экологических вопросов вследствие специфики формирования программ. По этой же причине 9 % показателей, встречающихся в 7 программах, являются некорректными. Например, увеличение количества животных в региональном зоопарке, разработка рекламно-информационных материалов о горной промышленности.

3. Задачи непосредственно регионального содержания в программах немногочисленны, при этом большая часть планируемых мероприятий не отличается четкостью методических решений в количественном измерении достижения целей (например, «сохранение ландшафтного разнообразия»). В отношении структурного баланса используемых показателей также существует масса возможностей для совершенствования. В качестве примера рассмотрим ситуацию с дифференциацией используемых показателей в программе Хабаровского края [7,15]:

- 45 % из них имеют административно-организационно-аналитический характер. Например, количество особо охраняемых природных территорий краевого значения, оснащенных информационными щитами, количество международных проектов в области охраны окружающей среды, реализуемых на территории края и т. д.;
- 15 % показателей сугубо природоохранного содержания (доля площади территории Хабаровского края, занятой особо охраняемыми природными территориями краевого значения, в общей площади территории Хабаровского края, численность популяции амурского тигра на территории края);
- 10 % показателей ориентировано на достижение целей в сфере образования (количество проводимых экологических акций, практических природоохранных мероприятий, конкурсов, викторин в год);
- 30 % экологических индикаторов можно использовать в аспекте оценки эффективности «озеленения» экономики (доля использованных, обезвреженных отходов в общем объеме образовавшихся отходов в процессе производства и потребления; количество введенных в эксплуатацию пунктов обезвреживания биологических отходов; количество ликвидированных объектов прошлого экологического ущерба; объем продукции, произведенной с использованием утилизированных отходов потребления).

Собственно региональных показателей, отражающих специфику

конкретной территории, лишь 20 % (численность популяции амурского тигра на территории края; доля площади территории Хабаровского края, занятой особо охраняемыми природными территориями краевого значения, в общей площади территории Хабаровского края). Доминирование административно-организационных показателей не позволяет акцентировать внимание на наиболее насущных проблемах, снижает значимость охраны окружающей среды в региональном развитии.

4. Несмотря на избирательность предлагаемых для использования показателей, большая их часть не имеет количественного измерения, и самое главное — стоимостной интерпретации. Отсутствие экономической оценки эффективности проводимых мероприятий — основной недостаток в проработки экологических программ.

Заключение

Результативность региональной политики во многом зависит от качества проработки социально-экономических и экологических стратегий развития территорий. Экологическая составляющая развития регионов отражена в РЭП и реализуется через выполнение задач в соответствующих программах. Эффективность их решения зависит от согласованности экологических целей с экономическими задачами, предусмотренными в соответствующих программах, а также наличия в них экологических показателей, в том числе, регионального характера. Причины невыполнения некоторых задач, обозначенных в экологических программах, много. Большая часть из них становится очевидной уже на стадии формирования документов.

Невзирая на современную ситуацию в мире, следует помнить, что проблема повышения эффективности экологической политики не теряет своей актуальности в связи с отчетливо проявляющейся тенденцией к лидерству в сфере экологически ориентированного экономического роста.

Список источников и литературы

1. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях “зеленой” трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов / Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Факультет мировой экономики и мировой политики. — М.: Международные отношения, 2021. 97 с.
2. Государственная программа Российской Федерации „Охрана окружающей среды“ (с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2021 № 507) <https://www.mnr.gov.ru/docs/>

- gosudarstvennye_programmy/gosudarstvennaya_programma_rossiyskoy_federatsii_okhrana_okruzhayushchey_sredy_s_izmeneniyami_vnesen/ (дата обращения 14.05.2021)
3. Мирзеханова З. Г. Региональная экологическая политика: содержание и индикаторы реализации отдельных направлений // Вестник ДВО РАН. № 3 (175). 2014. С. 77–85.
 4. Минакир П. А. «Программная» экономика: Дальний Восток // Пространственная экономика, 2019. Т. 15.— № 2. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2019.2.007–016
 5. Аганбегян А. Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика, 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. DOI: 10.14530/se.2019.3.165–187
 6. Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС. 2017–2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (Дата обращения: май 2021).
 7. Mirzekhanova Z. G. Regional Environmental Programs: Problems of Implementation // Geography and natural resources Vol. 42 No. 2 2021. P. 99–10. DOI 10.1134/S1875372821020098
 8. Мирзеханова З. Г., Кольцова А. А. Экологические программы регионов ДФО: контент-анализ соответствия национальным стратегическим целям // Материалы XVI Совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2021. С. 52–56.
 9. Шкиперова Г. Т. Экологическая политика как инструмент согласования интересов экономического развития и экологической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2016. Т. 12. Вып. 6. С. 97–110.
 10. Илинбаева Е. А. Оценка результативности стратегий развития субъектов федерации на основе учета экологического компонента. Дисс. на соискание уч. ст. кандидата экономических наук. Екатеринбург. 2016. uies.ru... [Pinbaeva_E...Dissertatsiya_21.01.2016.pdf](http://uies.ru/theses/1138623506156). (Дата обращения ноябрь 2021).
 11. Илинбаева Е. А. Методика оценки результативности стратегического планирования социально-экономического развития на уровне субъектов федерации с учетом экологической составляющей // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, 2015. № 3. С. 108–122.
 12. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.: утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176. URL: <http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074>
 13. Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружаю-

шей среды» на 2012–2020 гг.: утв. пост. Правительства РФ от 15.04.2014 № 326. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499091755>

14. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 г.». М.: Минприроды России; НИИ-Природа, 2017. — 746 с. 15. Государственная целевая программа Хабаровского края „Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в Хабаровском крае“ (с изменениями на 22 марта 2019 года): утв. постановлением Правительства Хабаровского края от 25 октября 2011 года N353-пр. URL: <http://docs.cntd.ru/document/995143633> (Дата обращения ноябрь 2021).

REGIONAL ENVIRONMENTAL POLICY: PROBLEMS OF EFFECTIVE IMPLEMENTATION

Mirzekhanova Z. G.

¹ Institute of Water and Environmental Problems

Some problems of formation and effective implementation of the tasks of regional environmental policy are considered. It is shown that a number of problems are laid down at the stage of creating environmental programs of the regions—documents designed to reflect the specifics of the territory in solving the most significant tasks in the field of environmental protection. They are connected, in particular, with the lack of coordination of environmental programs with strategic plans for the development of regions, the uniformity and selectivity of the indicators used, etc. Rosstat. During the study, comparative analysis, methods of quantitative and qualitative content analysis, methods of expert assessments, statistical and bibliometric analysis, generalization and systematization were used. An analysis was made of the environmental programs of the regions of the Far Eastern Federal District, adopted in 2019–2020 in the context of the main factors of inefficient solution of the tasks set in previous programs. Some problematic aspects of the formation of regional environmental programs are considered on the example of the Khabarovsk Territory.

Key words. Environmental policy, content analysis, environmental program, environmental protection, environmental safety, Russian Far East, environmental indicators

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Владимирски И.¹

¹Академический колледж
Ахва, Израиль

Кротова М. В.¹

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме освоения пространства Восточной Сибири в конце XIX—начале XX вв., когда остро встал вопрос о создании здесь транспортной инфраструктуры, проведении новых путей сообщения и усовершенствовании старых. В период реформ и модернизации российского общества, начиная с 1880-х гг., интерес к развитию Сибири способствовал интенсификации социальной активности региональных сообществ. Государство вынуждено было делегировать решение ряда региональных вопросов местным деятелям, которые впервые были привлечены к обсуждению транспортной проблемы и представили свои проекты по строительству новых и улучшению существующих путей сообщения. Статья сфокусирована на деятельности крупного сибирского золотопромышленника Якова Фризера, который поставил вопрос о необходимости учета интересов местной золотопромышленности при планировании и проведении транспортных путей в Восточной Сибири. Свой проект развития сибирских путей сообщения, основанный на личном практическом опыте, Фризер защищал на совещаниях в Иркутске и Санкт-Петербурге, а также в статьях в местной сибирской прессе. Однако проекты развития транспортной инфраструктуры Сибири так и не были реализованы, и уже в советский период при обсуждении вопроса о строительстве Байкало-Амурской магистрали в начале 1930-х гг. вновь обратились к доводам и расчетам Я. Фризера, основанных на необходимости комплексного подхода, учитывающего экономические потребности региона, хотя в итоге политические и стратегические интересы взяли верх. Статья основана на материалах работ Я. Д. Фризера и неопубликованных архивных источниках.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, пути сообщения, купечество, золотопромышленность, Я. Д. Фризер, Байкало-Амурская магистраль, региональный подход.

Введение. Для освоения сибирского пространства развитие транспортной инфраструктуры было одним из важнейших условий. Вопрос

о способах передвижения в Сибири был связан не только с экономическим развитием этого края, но и с вопросом сохранения территориального единства империи и военно-стратегическими целями. До начала эпохи железнодорожного строительства в конце XIX в. Сибирь представляла собой «великую пустыню бездорожья», движение осуществлялось по проложенным еще с XVII в. грунтовыми трактам, не требующим особых капиталовложений в условиях вечной мерзлоты. Однако эти пути не удовлетворяли ни местных жителей, ни государство, которое было озабочено оторванностью Сибири от центра и безопасностью своих восточных территорий. В период реформ и модернизации российского общества, начиная с 1880-х гг., интерес к Сибири и Дальнему Востоку вызвал определенные надежды и интенсификацию социальной активности региональных сообществ. Государство вынуждено было делегировать решение ряда вопросов местным деятелям, в числе которых был баргузинский купец 1 гильдии Яков Давидович Фризер (1869–1932)—сибирский золотопромышленник из семьи еврея ссыльнопоселенца, не получивший систематического образования, известный своими выступлениями и общественными инициативами не только в Восточной Сибири, но и в Санкт-Петербурге [1]. Фризер, как и многие другие региональные деятели, впитал дух пробуждения сибирского общества конца XIX века, видящего в этой далекой окраине составную часть России, заслуживающую не меньшего внимания, чем развитие центральных регионов европейской России. По размаху задуманных им преобразований транспортной инфраструктуры Восточной Сибири его сравнивали с такими железнодорожными магнатами как П. И. Губонин и С. С. Поляков [2]. Отличительной чертой предпринимателей такого рода был комплексный подход в планировании региональной транспортной инфраструктуры, где постройка железной дороги выполняла конкретные экономические функции развития региона. В особых условиях Восточной Сибири, где прокладка железнодорожного полотна требовала колоссальных материальных затрат и профессиональных навыков, Фризер считал целесообразным планировать комбинированное развитие водной и наземной транспортной сети с учетом периодов навигации и проходимости русла многочисленных рек Восточной Сибири.

Основная часть

Разнообразные проекты строительства железных дорог в Сибири возникали с середины XIX в., но только в июне 1887 г. особое правительственное совещание пришло к выводу о необходимости постройки Сибирской магистрали за государственный счет в связи с ее

стратегическим значением. Тогда же возникают проекты проведения железной дороги через Сибирь к Тихому океану, обходя Байкал с севера [3]. «Южное» направление Транссибирской магистрали показалось предпочтительным, но уже в процессе строительства Великого Сибирского пути местные общества, золотопромышленные компании начали предлагать различные варианты вспомогательных путей, примыкающих к Великому Сибирскому пути.

Яков Давидович Фризер, как владелец многочисленных золотых приисков в отдаленных местах Витимского горного округа, знакомый с детства с особенностями этого края, был крайне заинтересован в развитии дорог в Восточной Сибири для развития торговли, доставки людей, продовольствия и грузов. Еще в 1900 г. он в местной прессе поднял вопрос о путях сообщения в неосвоенной и непроходимой Баргузинской тайге [4]. Будучи владельцем богатейших в этом районе Королонских приисков, Фризер озаботился устройством к ним дорог, испробовав разные варианты доставки грузов, вплоть до использования верблюдов [5].

В декабре 1906 г. в Иркутске по предложению П. А. Столыпина было созвано представительное совещание о путях сообщения при Иркутском генерал-губернаторе А. Н. Селиванове, в котором приняло участие более 200 человек, в том числе чиновники из Санкт-Петербурга и местные деятели, «знающие край лица», — инженеры, военные, купцы, пароходовладельцы, золотопромышленники и др. Толчком к созыву совещания послужило поражение России в русско-японской войне 1904 г. и стратегическая и экономическая необходимость создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке транспортной инфраструктуры. На совещании обсуждались различные варианты улучшения существующих дорог, а также новых направлений, «отвечающих местным условиям» [6]. К совещанию было представлено около 20 разнообразных проектов, записок, докладов об устройстве трактов, водных путей, железных дорог в Сибири, в том числе и «Записка о путях сообщения в Сибири» Я. Д. Фризера, в которой он, опираясь на свой опыт золотопромышленника и знание местности, приводил аргументы за и против проектов железных и грунтовых дорог в Восточной Сибири, предлагал заняться улучшением водного сообщения по р. Алдану, использованием местных ископаемых — глауберовой соли, марганца, охры, а также устройстве на Алгинском озере курорта [7].

Надо заметить, что Фризер был единственным евреем среди приглашенных на совещание «компетентных лиц». Позже, уже в эмиграции в Харбине Фризер вспоминал, что помимо официальных заседа-

ний Селивановым проводились и конфиденциальные совещания, для избранного круга участников, состоявших из высших гражданских и военных чинов и нескольких частных лиц, представителей деловых кругов, которые были лично приглашены генерал-губернатором. Поначалу предложение о включении Фризера в круг избранных лиц было отклонено, но генерал-губернатору напомнили о представленной Фризером в 1905 г. секретной записке, где предлагались варианты по урегулированию передвижения войск во время мобилизации в Олекминском и Баргузинском округах. После этого он получил личное приглашение генерал-губернатора участвовать в конфиденциальных заседаниях, проводившихся по его личному указанию [8].

Вопрос устройства путей сообщения в Восточной Сибири и в дальнейшем оставался в поле внимания Фризера. 2 марта 1911 г. на заседании Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСО ИРГО) он сделал доклад о железнодорожных вариантах от Сибирской магистрали в Ленский бассейн, отстаивая вариант железной дороги Иркутск—Жигалово. В числе доводов Фризера в пользу этого варианта было то, что дорога будет проходить по густо заселенной местности, пригодной для развития сельского хозяйства и скотоводства, реализации государственной переселенческой политики, здесь уже существовали грунтовые дороги, и в дальнейшем этот путь можно было соединить с Амурской железной дорогой. Таким образом, участок Иркутск—Жигалово должен был стать головным и экономически наиболее выгодным участком дороги Лена—Амур. Она должна была идти от Жигалово до Усть-Кута, далее через долины рек Нижней Тунгуски и Вилюя по направлению к Якутску, затем по долинам рек Амга и Алдану, перейти Становой хребет в долину р. Зеи и примкнуть к Амурской железной дороге. Фризер считал, что эта дорога могла связать отдаленный, богатый природными ресурсами Ленский край с Россией, привлечь переселенцев, развить золотопромышленность по р. Алдану и побережью Охотского моря. Он подчеркивал, что этот путь потребовал бы строительства нескольких крупных мостов (за исключением моста через Лену), к тому же он имел важное стратегическое значение, как территориально отдаленный от китайской границы [9].

Для подтверждения своей позиции Фризером были представлены статистические выкладки объемов золотодобычи по годам, разбивкой количества добытого шлихового золота по приискам, количество работней, затраченных на добычу золота, стоимость провоза товаров на прииски и стоимость самих товаров. Он пришел к выводу, что предлагаемые им варианты приведут к удешевлению ввозимых на прииски

продуктов, ускорению оборота наличного капитала, притоку новых рабочих рук, а также разработке не только новых золотопромышленных районов, но и других полезных ископаемых, которыми так богата сибирская тайга — медная и железная руда, марганец, слюда, уголь, каменная соль. В приложении к записке им была представлена составленная им карта с указанием известных месторождений полезных ископаемых. Эта работа Фризера получила высокую оценку специалистов. В рецензии на книгу Фризера было сказано: «Неутомимый исследователь нашей золотопромышленности и ее экономических и культурных нужд Я. Д. Фризер ... смотрит значительно шире на проектируемую дорогу Иркутск—Жигалово: он видит в ней головной участок будущей великой дороги—Лена—Амурской. В таком общем направлении протяжение будущей дороги приблизительно таково: Иркутск—Жигалово—Усть-Кут—Вилюйск—Якутск—Зея... Дорога, о которой мечтает Фризер, должна иметь громадное экономическое значение» [10].

С созданием в Петербурге Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников Я. Д. Фризер неоднократно принимал участие в ее заседаниях, касавшихся вопросов развития местной золотопромышленности и необходимости строительства железных дорог в Забайкалье. На совещании, состоявшемся в Петербурге в феврале 1912 г. он представлял интересы так называемой «иркутской группы», отстаивавшей экономическую целесообразность прокладки железной дороги с учетом интересов иркутских предпринимателей. «Иркутской группе» противостоял экономический интерес акционерного общества «Лензото», возглавляемого бароном А. Г. Гинцбургом, склонявшимся к проекту железной дороги Тулунь—Усть Кут, выгодной товариществу [11]. Фризер, выступая в защиту Иркутского проекта, представил развернутые финансовые выкладки: «Я хотел бы сопоставить только два варианта: Тулунь-Усть Кут и Иркутск-Жигалово. Первый имеет все преимущества, но не имеет грузов. Иркутск-Жигалово имеет грузы и стоит будет дешевле. Проблему несудоходной части Лены можно было легко решить за счет углубления дна реки... Дорога нужна золотопромышленникам и ежегодно они будут иметь один миллион рублей. Чем дорога будет проведена скорее, тем станет легче во многих отношениях» [12].

Но и тогда какого-либо определенного решения принято не было. Уже после начала Первой мировой войны, в январе 1915 г. было решено созвать Особое Межведомственное совещание под председательством товарища министра путей сообщения И. Н. Борисова для обсуждения перспектив железнодорожного строительства. Иркутская городская дума постановила командировать в Петроград своих представителей во главе

с городским головой И. М. Бобровским, куда входил и Я. Д. Фризер. В результате совместных совещаний в январе 1916 г. представители «Лензото» и иркутяне договорились о защите железнодорожной линии Иркутск-Бодайбо. Речь Фризера о значении предлагаемого варианта дороги для Олекминско-Витимско-Баргузинской золотопромышленности и для Ленского пароходства была подкреплена речами городского головы об общем значении дороги и ее значении, в частности, для развития Иркутска, инженера В. П. Плотникова о горнопромышленном значении дороги и И. И. Серебренникова о колонизационном ее значении. Серебренников в своем дневнике заметил, что иркутские доводы были основаны на изучении «действительного и возможного ... состояния производительных сил в районе этой дороги, расчеты же департамента — умозрительно, кабинетным путем» [13]. На совещании было принято решение о необходимости постройки в первую очередь магистрали Тулун — Усть-Кут [14].

Уже после февральской революции 1917 г. Сибирским бюро, в состав которого входили член Государственной Думы С. В. Востротин, общественный деятель А. И. Макушин и председатель постоянной конторы платино- и золотопромышленников Л. Ф. Грауман, вновь был предложен перспективный десятилетний план по железнодорожному строительству в Сибири. Члены Сиббюро отмечали, что до настоящего времени железнодорожное строительство в Сибири велось как концессионное предприятие, руководствуясь интересами подрядчиков, стремившихся расширить интересы своих обществ (Троицкая, Кулундинская и Кузнецкая железные дороги). В качестве перспективного плана было намечено к построению в Сибири 9 133 верст железнодорожного пути, сооружаемых в три очереди: 64 % проектируемых дорог (5 868 верст) в 1917–1922 гг., 16 % (1 429 верст) в пятилетие 1923–1927 гг. и оставшиеся 20 % (1 845 верст) после 1927 г. [15]. В разделе «Ленские железные дороги» отмечался факт непростительно долгого обсуждения соединения рельсовым путем Приленского края, в частности, Олекминско-Витимского золотопромышленного района с Сибирской железной дорогой, впервые представленный еще в 1906 г на совещании в Иркутске. После повторных технических и экономических изысканий было принято решение о выполнении проекта Иркутск–Жигалово (Усть-Илга), изначально предложенного Я. Фризером, как наиболее полно отражающего местные нужды края. «Нужды золотопромышленности при сооружении этого варианта будут обслужены в достаточной мере, так как при небольших затратах со стороны казны на пристани Усть-Илга — Бодайбо можно установить непрерывное в течении всей навигации пароходное сообщение на судах, кроме того строительная стоимость предлагаемого проекта оказывается ниже, экономиче-

ское значение Иркутска также усиливается» [15]. Яков Фризер так и не увидел осуществления своего плана, который был реализован многие годы спустя при строительстве Байкало-Амурской магистрали. Когда в 1930-е гг. уже в СССР вновь возник вопрос о строительстве железной дороги через северную оконечность Байкала, то проекты сибиряков оказались востребованными. В «Краткой справке к вопросу о проекте соединения бассейна реки Лены с Сибирской магистралью» середины 1930-х гг. были приведены все те же варианты Ленской железной дороги, предложенные в 1905–1916 гг.: Тулун—Усть-Кут; Тыреть—Жигалово; Иркутск—Жигалово; Иркутск—Верхоленск через Качуг и др. В справке указывалось, что «прошло уже много лет», но они «не утратили своего значения», т.к. касаются района, «застывшего в своем развитии, и за неимением позднейших достоверных данных, касающихся упомянутых работ, могут вполне служить для ориентировки при рассмотрении вопроса об участии БАМа от Сибирской магистрали до Бодайбо» [16]. Наиболее предпочтительным в справке был назван вариант Иркутск—Жигалово с возможным продолжением железнодорожной линии на северо-восток до Бодайбо. Сравнивая этот вариант с остальными, автор обнаруживает знакомство с записками Фризера и приводит все его аргументы [16]. Однако, как известно, политические события скорректировали и направление, и сроки строительства Байкало-Амурской магистрали.

Заключение

Проблема строительства дорог в Восточной Сибири неоднократно поднималась российским правительством в конце XIX—начале XX вв. Во главу угла были поставлены государственные соображения, стратегическая и политическая составляющая российской политики того времени. Совпадение интересов центра и регионов дало возможность проявиться местным силам, породило множество проектов, специальных комиссий по развитию Сибири, в которых участвовали и региональные сообщества. Так как правительство рассматривало Сибирь, в первую очередь, как источник ресурсов и важный район с точки зрения национальной безопасности, то региональный взгляд на развитие инфраструктуры Сибири представляется очень важным. Иркутский золотопромышленник Яков Давидович Фризер был одним из первых сибирских купцов, кто поднял вопрос о необходимости учета интересов местной золотопромышленности и фактора общего экономического развития региона при планировании и проведении транспортных путей в Восточной Сибири. Фризер был, в первую очередь, практиком, знавшим географические, климатические и экономические особенности ре-

гиона, активно защищавшим местные интересы. Участвуя в многочисленных совещаниях по вопросам соединения реки Лены с Сибирской железной дорогой рельсовым путем, Фризер представил несколько проектов, в том числе, причем они были основаны на прекрасном знании этого района и нужд предпринимателей. И хотя идеи и проекты Фризера не были осуществлены, его комплексный подход к планированию, видение экономических перспектив и потенциала Сибири с региональной точки зрения актуальны и сегодня.

Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина»

Список источников и литературы

1. Владимирски И., Кротова М. В., Преобразующая роль частной инициативы на примере деятельности сибирского золотопромышленника Якова Фризера / *Historia provinciae*—журнал региональной истории, Россия. Т. 5, № 1, с. 64–105, 2021.
2. Личный архив Тамар Александер-Фризер и Дана Фризер (ЛА), Израиль.
3. Хобта А. В., Дорога длиною в век: альбом-путеводитель по Кругобайкальской железной дороге, Россия, с. 11, 2004.
4. Фризер Я. Д. О среднем Витиме / *Вестник золотопромышленности*, Россия, № 14, с. 267, 1900.
5. Фризер Я. Д. Статистико-экономический очерк Королонских приисков, Россия, 1906.
6. Труды совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири, Россия, Том 1, с. 3–8, 1907.
7. Фризер Я. Д. Записка о путях сообщения в Сибири по затронутому вопросу в циркулярном письме Его Высокопревосходительства г. Иркутского генерал-губернатора от 20 октября 1906 г., Россия, с. 1–9, 1906.
8. Фризер Я. Где и как искать и добывать золото, Китай, с. 23, 1932.
9. Фризер Я. Д. Железнодорожные варианты от сибирской магистрали в Ленский бассейн. Лено-Амурская железная дорога. Грунтовые дороги, Россия, с. 9–10, 1911.
10. Рецензия на книгу Я. Д. Фризера / *Золото и платина*, Россия, № 9, с. 221–222, 1911.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 49, оп. 1. д. 108, л. 18–48.
12. О нуждах золотопромышленности и строительстве железных дорог в Забайкалье/ *Золото и Платина*, Россия, № 2, с. 44–54, 1913.
13. Серебrenников И. И. Претерпев судьбы удары. Дневник 1914–1918 гг., Россия, с. 191, 2008.

14. Сводный журнал заседаний Особого Межведомственного Совещания по выработке плана железнодорожного строительства на предстоящее пятилетие 1917–1922 г., Россия, с. 36–40, 1916.
15. План железнодорожного строительства в Сибири на ближайшее десятилетие, Россия, с. 70, 1917.
16. РГИА, ф. 323, оп. 10, д. 881, л. 4–23.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE SPACE OF EASTERN SIBERIA: REGIONAL APPROACH

Vladimirsky I.¹

IAchva Academic College,
Israel

Krotova M. V.¹

¹ St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the problem of developing the space of Eastern Siberia in the late XIX—early XX centuries, when the question of creating a transport infrastructure here, carrying out new communication routes and improving the old ones became acute. During the period of reforms and modernization of Russian society, starting from the 1880s, interest in the development of Siberia contributed to the intensification of social activity of regional communities. The state was forced to delegate the solution of a number of regional issues to local figures, who for the first time were involved in the discussion of the transport problem and presented their projects for the construction of new and improvement of existing communication routes. The article focuses on the activities of a prominent Siberian gold miner Yakov Frizer, who raised the question of the need to take into account the interests of the local gold industry when planning and conducting transport routes in Eastern Siberia. Frizer defended his project for the development of Siberian railways, based on personal practical experience, at meetings in Irkutsk and St. Petersburg, as well as articles in the local Siberian press. However, the project of the development of the transport infrastructure of Siberia was never realized, and already in the Soviet period, when discussing the construction of the Baikal-Amur mainline in the early 1930s, they again turned to the arguments and calculations of Ya. Frizer, based on the need for an integrated approach that takes into account the economic needs of the region, although in the end political and strategic interests prevailed. The article is based on the materials of J. D. Frizer's works and unpublished archival sources.

Key words: Eastern Siberia, communication routes, merchants, gold industry, Ya. D. Frizer, Baikal-Amur mainline, regional approach.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА ТОВАРООБОРОТ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ РФ

Котов А. В.¹²

¹ Институт Европы РАН,
Москва, Российская Федерация

² РАНХиГС при Президенте РФ,
Москва, Российская Федерация

В настоящее время потенциал экономических взаимодействий между регионами России остаётся не полностью раскрытым. Эконометрическая оценка факторов межрегионального товарооборота (ввоза и вывоза) показала, что в современной модели межрегиональных взаимодействий ключевыми факторами является достигнутый размер крупнейшего города региона, доля первичных отраслей, размер внешней торговли. В объём грузоперевозок. Это подчеркивает экспортоориентированный характер межрегиональных взаимодействий и не способствует межрегиональной интеграции.

Ключевые слова: межрегиональные взаимодействия, рыночный потенциал, факторы регионального развития, пространственная интеграция, комплексные инвестиционные проекты, координация программ.

Введение

Межрегиональную интеграцию можно определить в широком смысле как растущую взаимозависимость регионов внутри страны, который выражается во взаимном нарастании потоков товаров, услуг и факторов производства. Этот процесс требует постепенного устранения неоднородности экономического пространства, ограничивающей торговлю между регионами, с тем чтобы обеспечение мобильности товаров, услуг и факторов не было затруднено. Неоднородность и дезинтеграция экономического пространства переформируют межрегиональные связи и создают условия для замещения их внешнеторговыми. Повышение значимости экспортного сектора для экономик в этих условиях не сопровождается усилением межрегиональных связей. Вследствие недоиспользования возможностей межрегиональной интеграции регионы могут сталкиваться с недополучением кратного мультипликативного эффекта. Помимо этого, значительные силы государства отвлекаются на поддержку слабых регионов. Таким образом, процесс «интеграции сни-

зу» необходимо усилить «интеграцией сверху», когда государственное регулирование направлено на определенные факторы интенсификации межрегиональных взаимодействий [1–2].

Теоретические основы и выбор факторов

Согласно стандартному неоклассическому анализу, снижение торговых барьеров ведет к повышению благосостояния за счет использования региональных сравнительных преимуществ и, как следствие, увеличению производительности. Без исторического анализа конкретной международной политико–экономической обстановки, обостряющейся конкуренции между странами и регионами, расширение торговли вследствие снижения различных барьеров, является одним из основных теоретических преимуществ межрегиональной интеграции.

Макроэкономические теории, связывающие выгоды от торговли с долгосрочным ростом, как правило, основаны на моделях эндогенных технологических изменений. Интенсификация взаимодействий между регионами может увеличить скорость технического прогресса и рост производительности путем расширения рынков продукции, что позволит отечественным производителям использовать эффект масштаба и снизить себестоимость продукции [3]. При этом не гарантировано, что все регионы смогут в равной степени будут получать выгоду от торговли, которая происходит между ними, в то время как некоторые регионы могут вообще её упустить [4–5].

Регионы в процессе интеграции не только используют объективные условия для сотрудничества, но и конкурируют друг с другом за долю регионального дохода. В этом смысле более высокая доля дохода, получаемого одним регионом, должна быть возмещена за счет других. В то же время межрегиональная конкуренция не должна пониматься буквально. Скорее она представляет результат поведения экономических агентов в регионе, которые проводят политику усиления собственного влияния и развития. В этом смысле центральным моментом в стратегии развития межрегиональной интеграции является сбалансированное взаимодействие экономических агентов как внутри региона, так и за его пределами.

С помощью метода «от противного» целесообразно отметить, что факторами «анти–взаимодействия» (увеличения замкнутости региональных рынков) являются:

- значительное снижение общеэкономической активности;
- сворачивание производств; разрушение кооперационных связей и уменьшение длины технологических цепочек;

- конструирование стимулов мер госполитики, ориентированных на отдельные регионы без взаимоувязки со смежными региональными проблемами.

Можно выделить несколько факторов интенсификации взаимодействий и развития межрегиональной интеграции. К ним относится совместное развитие инфраструктуры, связи, реализация межрегиональных инвестиционных проектов с целью объединения потенциалов для наращивания новых конкурентных преимуществ, преодоления конъюнктуры внешних рынков. Регионы при этом используют преимущества специализации, проявляющийся эффекта от масштаба.

Наиболее релевантные факторы интенсификации межрегиональных взаимодействий можно выделить в пять основных групп:

- общеэкономические факторы взаимодействий (размер ВРП, показатели основных фондов, запаса трудовых, инновационных ресурсов);
- факторы государственной политики (например, доля бюджетных инвестиций в ВРП или в общем объеме инвестиций в основной капитал; доля безвозмездных перечислений из бюджетов других уровней по отношению к региональному ВРП; мультипликатор внебюджетных инвестиций);
- структурные факторы (особенности экономики региона) (доля транспорта в отраслевой структуре добавленной стоимости; диверсификация отраслевой структуры экономики; доля первичных отраслей в ВРП, уровень внешнеторговой ориентации и т.д.);
- пространственные эффекты (степень пространственного неравенства; возможность пространственной автокорреляции; значимость рыночного потенциала);
- агломерационные эффекты (плотность населения; доля населения, проживающего в крупнейшем городе; доля городского населения в регионе).

Более быстрый рост межрегиональных взаимодействий по сравнению с ростом производства может являться фактором возобновления устойчивого экономического роста.

Результаты оценки

Для оценки межрегиональных экономических взаимодействий в части взаимозависимости межрегионального ввоза и вывоза и факторов интенсификации взаимодействий также использовались методы эконометрического моделирования.

Основу данных составили данные Росстата о межрегиональной торговле за 2016 г. по всем субъектам РФ. В ходе подбора эконометрической модели наиболее удачной была принята следующая спецификация:

Межрегиональный ввоз / вывоз = f (Мультипликатор инвестиций; Доля транспорта в ВПП; Доля экспорта в ВПП; Доля первичных отраслей в ВПП; Объем грузоперевозок; Доля крупнейшего города; Доля городского населения; Рыночный потенциал региона).

В спецификации регрессии переменные означают следующие показатели экономической деятельности:

- «Мультипликатор инвестиций (MULTINV)» — отношение региональных привлеченных инвестиций в основной капитал к бюджетным;
- «Доля транспорта в ВПП (SPECTRAN)» — отношение валовой добавленной стоимости, созданной по ВЭД «Транспорт и связь» к общему объему регионального ВПП;
- «Доля экспорта в ВПП (VNEWTORG)» — показатель отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) (тыс. руб.);
- «Доля первичных отраслей в ВПП (PERVOTR)» — отношение суммы валовой добавленной стоимости по ВЭД «Сельское хозяйство» и «Добыча полезных ископаемых» к общему объему регионального ВПП;
- «Объем грузоперевозок (PEREVOZ)» — объем грузоперевозок автомобильным транспортом в субъекте РФ;
- «Доля крупнейшего города (NASKRUPGOR)» — отношение численности крупнейшего города субъекта РФ ко всему населению субъекта РФ;
- «Доля городского населения (GORODNAS)» — отношение численности городского населения ко всему населению субъекта РФ. Среди отобранных нет сильно коррелированных между собой переменных.

Рыночный потенциал (MP – market potential) обозначает коэффициент, показывающий размер рынка, находящегося вонне региона. Рассчитывается как взвешенный ВПП соседних регионов на расстояние до них. Для данной регрессии учитываются рыночные потенциалы в радиусе 500 и 2000 км, чтобы отразить гипотезу о важности региональных или макрорегиональных рынков.

Из оценок построенной модели для межрегионального ввоза следует, наиболее значимыми оказались переменные, показывающие уровень

развития транспорта как отрасли в регионе, вклад в экономику региона первичных отраслей. (таблица 1).

Таблица 1

Результаты эконометрического оценивания
по зависимой переменной «межрегиональный ввоз»

	Коэффициент	Ст. ошибка	t–статистика	P–значение	
const	45700,6	90091,4	0,5073	0,6135	
MULTINV	-7211,97	4063,05	-1,775	0,0800	*
SRECTRAN	-7578,48	3474,36	-2,181	0,0323	**
VNEWTORG	140901	72709,4	1,938	0,0564	*
PEREVOZ	1998,96	661,619	3,021	0,0034	***
PERVOTR	-3148,40	1041,21	-3,024	0,0034	***
MP500	-6108,34	4529,95	-1,348	0,1816	
MP2000	-5056,62	4356,71	-1,161	0,2495	
NASKRUPGOR	140233	47009,5	2,983	0,0038	***
GORODNAS	181021	110962	1,631	0,1070	

Среднее зав. перемен	134167,5		Ст. откл. зав. перемен	179460,3
Сумма кв. остатков	1,32e+12		Ст. ошибка модели	132479,7
R–квадрат	0,513432		Испр. R–квадрат	0,455044
F (9, 75)	8,793427		P–значение (F)	6,67e-09
Лог. правдоподобие	-1117,796		Крит. Акаике	2255,592
Крит. Шварца	2280,019		Крит. Хеннана–Куинна	2265,417

Примечание—расчеты автора по данным Росстата

Агломерационные эффекты оказываются значимы с точки зрения тяготения межрегиональных взаимодействий к крупнейшим городам. При этом рыночный потенциал регионов–соседей оказался не значим, что подтверждает ориентацию региональных экономик прежде всего на внутренние рынки

Таким же образом было осуществлено эконометрическое моделирование для межрегионального вывоза (таблица 2).

Таблица 2

Результаты эконометрического оценивания по зависимой переменной
«межрегиональный вывоз»

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	-110760	215936	-0,5129	0,6095	
MULTINV	-12136,0	9738,53	-1,246	0,2166	
SRECTRAN	-7108,71	8327,54	-0,8536	0,3960	
VNEWTORG	351008	174274	2,014	0,0476	**
PEREVOZ	3977,51	1585,80	2,508	0,0143	**
PERVOTR	-4759,91	2495,63	-1,907	0,0603	*
MP500	-7563,16	10857,6	-0,6966	0,4882	
MP2000	2794,30	10442,4	0,2676	0,7897	
NASKRUPGOR	225988	112675	2,006	0,0485	**
GORODNAS	246590	265959	0,9272	0,3568	
Среднее зав. перемен	6 134167,5		Ст. откл. зав. перемен	363122,4	
Сумма кв. остатков	7,56e+12		Ст. ошибка модели	317534,3	
R-квадрат	0,317257		Испр. R-квадрат	0,235328	
F (9, 75)	3,872336		P-значение (F)	0,000456	
Лог. правдоподобие	-1192,099		Крит. Акаике	2404,199	
Крит. Шварца	2428,625		Крит. Хеннана-Куинна	2414,024	

Примечание — расчеты автора по данным Росстата

Для межрегионального вывоза также оказались значимы агломерационные эффекты (населения крупнейшего города), размер внешней торговли региона и объем грузоперевозок. В отличие от регрессии на межрегиональный ввоз в данном случае оказались не значимы переменные мультипликатора инвестиций и специализации региона на транспортной отрасли. Таким образом, результаты эконометрического моделирования показывают, что для нынешних межрегиональных взаимодействий ключевое значение имеют агломерационные эффекты и внешнеэкономическая активность.

Заключение

В настоящее время потенциал межрегиональных экономических взаимодействий между регионами остаётся не полностью раскрытым. Проведенный анализ позволил отнести к факторам интенсификации межрегионального экономического взаимодействия и развития межрегиональной интеграции общеэкономические, структурные, отраслевые, агломерационные факторы.

Эконометрическая оценка факторов межрегионального ввоза/вывоза привела к выводу, что в современной модели межрегиональных взаимодействий ключевыми факторами является достигнутый размер крупнейшего города региона, доля первичных отраслей и размер внешней торговли, объем грузоперевозок. Это подчеркивает внешне-обращенный характер межрегиональных взаимодействий, прежде всего ориентированный и зависимый от внешнеэкономической конъюнктуры.

В условиях санкционного давления задача управления факторами интенсификации межрегиональной кооперации превращается в проблему практической консолидации их усилий вокруг реализации стратегических приоритетов, задач, проектов цепочки регионов или макрорегиона. Поэтому принципиально важно сохранить разнообразие инструментов институтов развития наряду с разработкой макрорегиональных программ (по Югу России, Арктике, Дальнему Востоку). Инструменты экономического развития могут и должны работать вместе, а не противопоставляться одни другим.

Речь идёт не о защите неэффективных инструментов, а о том, что в разных экономических условиях совершенно различные экономические агенты разных регионов могли скоординироваться и иметь возможность выбирать разный режим, мобилизационная мощность которого будет для них оптимальна. Современное слабое развитие межрегиональных инициатив нужно воспринимать как слабость современной их формы функционирования и регулирования, но не как критику самого феномена, который имеет значительный потенциал для пространственного развития России и решающее значение в нынешней геоэкономической обстановке.

Благодарность. Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте РФ.

Список источников и литературы

1. Гранберг А. Г., Суслов В. И., Суспицын С. А. Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. // Новосибирск: Сибирское

- научное издательство, 2007.— 371 с.— С. 11.
2. Tinbergen J. *International Economic Integration*, Elsevier Publishing Company, Amsterdam, 1965—P. 142.
 3. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*.— 1988.—N22.—P. 3–42.
 4. Abramovitz M. Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind // *The Journal of Economic History*.— 1986.—Vol. 46, N. 2—P. 385–406.
 5. Howitt P. Endogenous growth and cross-country income differences // *American Economic Review*.— 2000.—Vol.90 N4.—P. 829–46.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF REGIONAL DEVELOPMENT FACTORS FOR COMMODITY FLOW BETWEEN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kotov A. V.¹²

Institute of Europe RAS, Moscow, Russia
²RANEPA, Moscow, Russia

The potential of economic interactions between the regions of Russia remains not fully disclosed. The paper demonstrates econometric assessment of the factors of regional development. It is determined that in the modern model of interregional interactions, the key factors are the achieved size of the largest city in the region, the share of primary industries and the size of foreign trade, the volume of freight traffic. This conclusion emphasizes the export-oriented nature of interregional interactions and does not contribute to interregional integration.

Keywords: interregional interactions, market potential, factors of regional development, spatial integration, complex investment projects, program coordination.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Елсуков М. Ю.¹

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена становлению системы стратегического планирования в России. Дано обоснование смены этапов этого процесса. Указываются взаимосвязь процессов развития стратегического планирования и государственного строительства. Представлен анализ ранее принятых нормативных правовых документов и действующего законодательства. Рассмотрены проблемы повышения эффективности и направления совершенствования системы стратегического планирования в России.

Ключевые слова: планирование, прогнозирование, стратегия, государственное регулирование, социально-экономическое развитие, программирование.

Введение

Условия реализации государственной политики социально-экономического развития России в течение последних лет существенно изменились. Это связано действиями со стороны «коллективного Запада» под руководством США. Антироссийские санкции были ими раскрыты в 2014 году и достигли беспрецедентных масштабов к 2022 году. Руководство России было вынуждено принять ответные меры, скорректировать направления и методы реализации государственной политики.

Ранее интеграция в систему международных экономических отношений рассматривалась как один из ключевых факторов развития экономики России. В настоящее время, при общем кризисе международных экономических отношений, рассчитывать на этот фактор в той мере как это рассматривалось ранее уже нельзя. На повестке дня вопросы импортозамещения, изыскания внутренних ресурсов роста. Повышение роли государства в обеспечении экономического роста заставляет посмотреть по-новому на вопросы стратегического планирования.

На заре рыночных преобразований продвигались идеи внедрения механизмов рыночного саморегулирования и отказа от наследия плановой экономики. С принятием в 1995 году Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» [2], а также постановления Правительства о порядке разработки и реализации федеральных целевых программ [10] разрушительные для планирования процессы были приостановлены.

Во второй половине 90-х годов идеи, заложенные в законе «О государственном прогнозировании и программах...», отошли на второй план. Сложность планирования тогда во многом определялась незавершенностью процессов государственного строительства. В Конституции 1993 года [1] были определены предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (Ст. 71–72). Статьей 73 Конституции установлено, что вне предметов ведения статей 71 и 72 субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти. Без должной детализации данной нормы ее понимание на региональном уровне приобретало разные интерпретации. Только в 1999 году Федеральным законом начали устанавливаться общие принципы организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [3].

Именно в этот период времени на смену долгосрочному планированию социально-экономического развития приходит стратегическое планирование. Ориентиры будущего состояния экономики рассматриваются в достижении качественных результатов и формировании рыночных институтов. Это уже не долгосрочный план советского периода, а работа по воплощению в реальность некоторого образа желаемого будущего.

Примером является Стратегический план Санкт-Петербурга (1997 г.) [18]. Он был задуман как документ общественного согласия бизнеса и власти, науки и общественных объединений. Он не имел ничего общего с требованиями закона 1995 года «О государственном прогнозировании и программах...» и важно упомянуть, что он был необязательным для исполнения и не был реализован.

На подготовку первых документов стратегического планирования в России сильное влияние оказал зарубежный опыт. Следует отметить, что главными объектами изучения за рубежом чаще всего выступали корпорации. Что наложило отпечаток на содержание научного дискурса.

Сегодня в мировой науке нет научных школ по стратегическому планированию государства и регионов, сопоставимых со школами стратегического планирования корпораций И. Ансоффа или М. Портера. Как показал опыт, простой перенос в Россию зарубежных наработок, без учета российской специфики управления чаще всего не эффективен, так как набор проблем социально-экономического развития и механизмов их разрешения в каждой стране свой [20; 21 и др.].

Положения Федерального закона 1995 года «О государственном прогнозировании и программах...» начинают полноценно реализовываться только после смены руководства страны в 2000-м году. Визитными карточками этой реализации стали Среднесрочная программа социально-экономического развития 2002–2004 гг. [11], Программа развития бюджетного федерализма до 2005 года [12] и др. Содержание проводимой работы создало существенный задел доверия общества к органам государственной власти.

Позитивной следует рассматривать работу, которая была нацелена на решение проблем, унаследованных после 90-х годов. С точки зрения планирования заслуживают внимания проблемы:

- 1) Повышения эффективности бюджетных расходов. Это важно с точки зрения ресурсного обеспечения стратегического планирования.
- 2) Несогласованность работы органов власти различного уровня управления. Что необходимо для обеспечения управляемости планирования.

Инструментом решения первой из названных проблем стало целевое программирование. В этот период были существенно пересмотрены положения Постановления Правительства «О порядке разработки и реализации федеральных целевых программ...». Расширился спектр их применения. Был создан задел, который актуален по сей день.

Решение второй группы проблем требовало институциональных изменений. На региональном и муниципальном уровнях органы власти по-своему реализовывали полномочия по обеспечению социально-экономического развития. При этом использовались самые разные теоретические обоснования и методики. Как результат — подготовленные документы были плохо взаимосвязаны друг с другом.

Начало устранению организационных сложностей было положено с принятием нового закона о местном самоуправлении в 2003 году [4]. Но радикальные преобразования произошли в конце 2004 года, после внесения изменений в Федеральный закон 1999 года о принципах организации региональных органов власти. Кандидатура руководителя региона в соответствие с новым порядком представлялась Президен-

том и избиралась депутатами законодательного собрания региона. Механизм отрешения от должности Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, позволил сформировать вертикаль управления в системе государственной власти [5].

В этот период возникло новое видение методологии управления по результатам. Начиная с 2006 года в России был задействован инструментарий проектного управления, а именно—Приоритетных Национальных проектов. Возможности их реализации были связаны увеличением доходов, вызванным ростом цен на углеводородное сырье. Сама идея проектов связывалась с необходимостью «инвестиций в человека» [19], а основные мероприятия связаны с устранением ранее накопившихся проблем и носили краткосрочный характер (закупка оборудования, технических средств, проведением переобучения, творческих олимпиад и пр.). Но фактически эта работа растянулась до 2018 года. И на определенном этапе проекты стали рассматриваться в конкуренции целевым программам.

За этот длительный, для новейшей истории России, этап становления системы стратегического планирования проблема управляемости приобрела новое содержание. Сосредоточение функций управления в 2004 году сыграло свою положительную роль. Но деятельность региональных властей стала в больше ориентироваться на инициативы федерального центра, чем на решение проблем регионов. Стало обычным делом строительство «потемкинских деревень» в честь приезда федеральных чиновников, замалчивание вопросов качества жизни населения.

Это потребовало утверждения нового порядка формирования региональных властей, который был предложен в 2012 году [6]. Он предполагал выдвижение кандидатур политическими партиями или, при исполнении определенных условий, в порядке самовыдвижения. А избрание на должность стало осуществляется на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

После долгой подготовительной работы в 2014 году был принят закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [7], что положило начало новому этапу становления. Положениями этого закона системно восстанавливаются механизмы планирования деятельности органов власти. Помимо упорядочения текущей работы органов власти формируются основы для реализации планов, ориентированных на стратегическую перспективу. Обеспечивается методологическая основа для системного рассмотрения документов стратегического планирова-

ния социально-экономического развития на всех уровнях государственной власти и местного самоуправления. На начальной стадии предполагается разработка документов целеполагания, в которых определяются ориентиры социально-экономического развития, ключевые показатели и желаемые результаты. На второй — формируются прогнозы, которые должны выполнять функции поиска наиболее приемлемых путей достижения целей. Завершает работу подготовка планов работы органов власти и программирование.

Запущенная в 2014 году система стратегического планирования пока не оправдала своих ожиданий. Документы приобрели только внешние черты упорядоченности. Содержание их все еще остается противоречивым. Во многом это было вызвано тем, что документы готовятся и несвоевременно и не в той последовательности, которая может обеспечить общую целостную логику стратегического планирования. Так, Стратегический прогноз [9], который должен содержать обоснование и перечень рисков реализации мероприятий был принят только в 2019 году, тогда как мероприятия планирования и программирования утверждаются ежегодно. В том же 2019 году была утверждена Стратегия пространственного развития [17], хотя в большей части регионов уже давно были разработаны Стратегии социально-экономического развития. Каждое направление государственной политики обзавелось собственной стратегией и общее их число подсчитать затруднительно. Одного статуса документы утверждаются в некоторых случаях Указами Президента, в других постановлениями Правительства, в-третьих — распоряжениями министерств. Подготовка документов была лишена общей организации и брошена на самотек. О низкой эффективности этой системы говорит то, что цели значительной части документов оказываются не достигнутыми [15; 16 и др.].

Решению названных проблем посвящен Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» от 08 ноября 2021 [8]. Предполагается создание уполномоченного органа в системе Администрации Президента России, который будет курировать вопросы организации работ. В новой редакции была определена иная последовательность подготовки документов. В рамках избирательного цикла (6 лет) осуществляются работы, которые разделены на этапы: 1) прогнозирование; 2) целеполагание; 3) планирование и программирование; 4) реализация и мониторинг. И в целом, этот порядок восстанавливает логику закона 1995 года «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации».

Заключение

В настоящее время идет работа по реализации положений Указа Президента от 08 ноября 2021 года. На что при этом требуется обратить внимание?

1) Следует продолжить работу по формированию дееспособной системы стратегического планирования.

В настоящее время аргументированно высказываются мнения об отсутствии необходимости стратегического планирования как такового. Слишком уж изменчивы условия реализации стратегий. Опыт такого подхода уже был в 90-е годы. Ни к чему хорошему он не привел. Воссоздание даже отдельных элементов организации планирования позволило российской экономике и органам власти разрешить многие системные противоречия. Основные ресурсы развития экономики России придется изыскивать не во внешней, а во внутренней среде. И устранение противоречий, которые существуют в действующей системе стратегического планирования, как раз и является тем ресурсом, который будет основным в ближайшем будущем.

2) Усиление роли научного обоснования при принятии управленческих решений.

Как можно рассчитывать на успех, когда документы целеполагания утверждаются перед документами прогнозирования? Эта несуразность была устранена Указом Президента от 08 ноября 2021. Но ведь эта же несуразность появилась. Вывод напрашивается сам собой. При принятии управленческих решений мнения научного сообщества не было услышано. Либо к обоснованиям привлекались «специалисты», которые наукообразно готовы объяснить все что угодно.

3) Создание централизованной структуры по управлению системой стратегического планирования.

Запуск в действие такой колоссальной системы, которая предусматривалась законом о стратегическом планировании без создания единого центра управления ею, является еще одной иллюстрацией отсутствия должного научного обоснования управленческих решений. Предполагалось, что в установленные сроки «на местах» соответствующие документы (стратегии, прогнозы, программы и пр.) возникнут и уж потом свяжутся в единую систему. Однако этого не произошло. Почему? Да потому что при подготовке этих документов исполнители просто не представляли к каким ориентирам их привязывать. До сих пор не утверждена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации—основной в данной конструкции документ. Прочие

документы федерального уровня если и утверждались, то не вовремя или в таком виде, что приходилось их переделывать. Навести порядок в процессах разработки документов, согласования отраженных в них мероприятий и целевых ориентиров, допустимость их корректировки возможно только при системном рассмотрении этих вопросов, располагая всей полнотой информации, т.е. из единого центра управления системой стратегического планирования.

4) Определить внешние границы и внутреннюю структуру системы стратегического планирования.

В настоящее время система стратегического планирования является всеобъемлющей, охватывает любые сферы, сегменты и отрасли экономики, распространяется на все уровни управления. Совершенно не очевидно, что программно-целевой подход является приемлемым для решения всех без исключения задач. В случае, когда речь идет о достижении конкретного фактического, физически измеряемого результата к определенному сроку, то пожалуй, что да. А если речь идет о сфере культуры или воспитания? Как измерить этот результат? Совершенно не очевидно, что проектный подход является достаточно эффективным для решения проблем трансформации общественных институтов. Где найти границы возможного применения инструментария, заложенного в Государственную программу «Развитие здравоохранения» и Национальный проект «Здравоохранение»? Ответов на эти вопросы пока нет. Но будем уверены, что они появятся.

Список источников и литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.).
2. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации. Федеральный закон от 20.07.1995 № 115-ФЗ (с изм. от 09.07.1999).
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021).
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Федеральный

- закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Федеральный закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ.
 7. О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020).
 8. Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633.
 9. Стратегический прогноз Российской Федерации на период до 2035 года, одобренный на оперативном совещании Совета Безопасности Российской Федерации 22 февраля 2019 г.
 10. О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» (вместе с «Порядком разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация», «Порядком закупки и поставки продукции для федеральных государственных нужд», «Порядком подготовки и заключения государственных контрактов на закупку и поставку продукции для федеральных государственных нужд»). Постановление Правительства РФ от 26.06.1995 № 594 (ред. от 11.02.2021, с изм. от 24.05.2021).
 11. О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы). Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-р (ред. от 06.06.2002).
 12. О Программе развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года. Постановление Правительства РФ от 15.08.2001 № 584 (ред. от 06.02.2004).
 13. О мерах по повышению результативности бюджетных расходов», в том числе: Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах, Положение о докладах о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 г. № 249 (ред. от 23.10.2004 г.).
 14. Об утверждении положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2005 г. № 239.
 15. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018).
 16. Об утверждении государственной программы Российской Федерации

- «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 12.11.2021).
17. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 16.12.2021).
 18. Стратегический план Санкт-Петербурга. Принят на Заседании Генерального Совета Стратегического плана 1 декабря 1997 года и подписан 143 членами Генерального Совета.
 19. Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета 5 сентября 2005 года. Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23157> (дата обращения 15.01.2022).
 20. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. — 436 с.
 21. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А. Г. Гранберга и др. — М.: Экономика, 2002. — 413 с.

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE SYSTEM OF STRATEGIC PLANNING OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

Elsukov M. Y.¹,

1 North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (SZIU RANEPА),
St. Petersburg, Russian Federation, elsukov-my@ranepa.ru

The article is devoted to the formation of the strategic planning system in Russia. The rationale for changing the stages of this process is given. The interrelation of the processes of development of strategic planning and state building is indicated. An analysis of previously adopted normative legal documents and current legislation is presented. The problems of increasing the efficiency and directions for improving the system of strategic planning in Russia are considered.

Key words: planning, forecasting, strategy, state regulation, social and economic development, programming.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

Адамайтис С. А.¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ),
Москва, Российская Федерация

Государственно-частное партнерство (ГЧП)— один из популярных сейчас механизмов развития инфраструктуры. На основе статистических данных платформы «Росинфра» рассмотрена география реализации проектов ГЧП в России, выявлены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по развитию инфраструктуры на принципах ГЧП. Выделены факторы, способствующие или препятствующие развитию ГЧП в регионах. Отмечается существенное региональное неравенство по распределению инвестиций в инфраструктурные проекты ГЧП.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, социально-экономическое развитие, региональное развитие, география инфраструктуры.

Введение. Неотъемлемым элементом любой хозяйственно освоенной территории является инфраструктура различных видов— транспортная, социальная, коммунально-энергетическая и т.д. Инфраструктура является залогом конкурентоспособности стран и регионов, и вопросы её создания и эксплуатации в условиях трендов, связанных с обеспечением устойчивого развития, с каждым годом приобретают всё большую актуальность. Для России решение данных вопросов обладает ещё большей значимостью, поскольку после распада СССР в рыночных условиях строительство инфраструктуры осуществляется фактически без учёта региональной специфики и сопровождается отсутствием долгосрочного планирования.

Развитие инфраструктуры традиционно является одной из ключевых тем в социально-экономической географии. Для развития инфраструктуры как в российской, так и в зарубежной практике применяется целый ряд инструментов, обеспечивающих бюджетное и внебюджетное финансирование проектов. Одним из важнейших способов финансирования инфраструктуры в последние десятилетия становится государственно-частное партнёрство (ГЧП). Роль проектов ГЧП в развитии различных видов инфраструктуры часто оценивается в экономических исследованиях, однако географические работы, рассматривающие по-

тенциал территорий для применения ГЧП при инфраструктурном обустройстве и само ГЧП как инструмент регионального развития, практически отсутствуют.

Обзор ранее выполненных исследований. Взаимодействие и сотрудничество между государством и частным сектором в том или ином виде существовало ещё с момента зарождения государства, причём вне зависимости от господствующего общественно-политического строя. Однако с конца 1980-х гг. в рамках распространения неолиберальных концепций в экономике партнёрство между публичным и частным секторами стало охватывать отрасли, развитие которых традиционно являлось прерогативой государства — в первую очередь, создание и реконструкцию инфраструктуры. Такие отношения государства и бизнеса принято называть государственно-частным партнёрством или ГЧП.

Основными формами ГЧП в большинстве стран мира являются концессия и частная финансовая инициатива. Исторически основной формой ГЧП являлась концессия — договор о создании или реконструкции за счёт инвестора публичной инфраструктуры, в рамках которого инвестор получает право взимать в свою пользу плату за пользование эксплуатируемым объектом. Роль государства здесь, как правило, заключается в формировании соответствующей институциональной среды. В отличие от концессий, где инвестор обеспечивает возврат вложенных средств посредством платы за пользование, частная финансовая инициатива обычно подразумевает компенсацию затрат инвестора за счёт бюджетных средств.

В России концессии широко применялись для реализации промышленных и инфраструктурных проектов. Так, к началу XX века в концессии находилось около 90 % всех железных дорог Российской империи. После Октябрьской революции в 1920 г. СНК РСФСР принял декрет «О концессиях», направленный на привлечение иностранного капитала для более быстрого восстановления экономики. Несмотря на строительство социалистического государства и ликвидацию частной собственности на средства производства, к 1929 году в СССР насчитывалось около 350 концессий, заключённых, прежде всего, с инвесторами из Германии, Великобритании и США. Однако к 1933 году большинство концессий было расторгнуто [1].

Новый этап развития ГЧП в России начался в 2000-х гг. В 2005 году был принят Федеральный закон «О концессионных соглашениях» [2]. В 2015 году был также принят Федеральный закон «О государственно-частном партнёрстве», который создал в России юридические осно-

вания для применения механизма частной финансовой инициативы [3].

Как правило, в мировой практике ГЧП применяется для развития транспортной, социальной и коммунально-энергетической инфраструктуры. При этом механизмы ГЧП активнее всего применяются в создании и реконструкции транспортной инфраструктуры (в частности, автодорожной и, в меньшей степени, железнодорожной и авиационной). В социальной инфраструктуре ГЧП обычно используются для создания и реконструкции объектов в сфере образования и здравоохранения, а в коммунальной — при реконструкции систем водоснабжения, канализации и теплоснабжения. Кроме того, в последние годы ГЧП активно применяется при развитии инфраструктуры для ИТ; заметно реже ГЧП используются в проектах сельскохозяйственной и промышленной инфраструктуры.

Как правило, основными мотивами применения механизмов ГЧП вообще для государства (публичной стороны) являются [4]:

- восполнение недостатка бюджетных средств для удовлетворения потребностей экономики и общества в инфраструктурных инвестициях;
- повышение качества используемой инфраструктуры за счёт привлечения компетенций частного сектора;
- разделение коммерческих рисков с частной стороной;
- возможность получения объекта «в рассрочку» без увеличения долговой нагрузки на бюджет (а зачастую и вовсе без использования бюджетных средств);
- повышение привлекательности объекта для его последующей передачи частному инвестору;
- направление в бюджет части сверхдоходов, получаемых частной стороной при эксплуатации инфраструктурного.

Хотя ГЧП используется для развития инфраструктуры в России уже более 15 лет, исследований в сфере географии российских проектов ГЧП пока достаточно мало. В статье [5] делается вывод, что институциональные параметры территории важнее с точки зрения потенциала развития ГЧП, чем уровень экономического развития и бюджетная обеспеченность. Кроме того, автор делает вывод, что в процессе инфраструктурного обустройства на принципах ГЧП местные инициативы по повышению качества жизни превалируют над общегосударственными экономическими потребностями. Отмечается и значительная дифференциация регионов по уровню развития ГЧП — так, в 2020 году на 15 регионов приходилось около 2/3 инвестиций; значительная их часть приходилась на регионы Азиатской части России.

Материалы и методика исследования. Для проведения исследования автор создал базу данных, содержащую информацию о реализуемых в России проектах ГЧП. Сведения о проектах собраны из различных источников — в первую очередь, открытые сведения платформы «Росинфра» [6], созданной Национальным центром ГЧП для мониторинга инфраструктурных проектов ГЧП. Кроме того, использовались данные региональных реестров проектов ГЧП, которые власти субъектов Российской Федерации обязаны вести в соответствии с законодательством, и иные открытые источники, в которых представлена информация о параметрах отдельных крупных проектов.

Необходимо дать существенные оговорки, ограничивающие предмет исследования. Во-первых, в рамках данной статьи рассматриваются только проекты, соответствующие моделям ГЧП в наиболее узком понимании — то есть реализуемые в соответствии с Федеральными законами «О концессионных соглашениях» и «О государственно-частном партнёрстве». Во-вторых, были исключены проекты, общий объем инвестиций в которые не превышает 1 млн. рублей. Наконец, не рассматривались федеральные проекты ГЧП, фактически реализуемые на территории всей России, а не конкретных регионов — в первую очередь, это проекты системы цифровой маркировки товаров «Честный знак» (220 млрд. руб.) и системы взимания платы с большегрузных автомобилей «Платон» (29 млрд. руб.).

По результатам сбора информации была сформирована выборка, состоящая из 2234 концессионных соглашений и проектов ГЧП, реализуемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в 82 субъектах Российской Федерации (за исключением Республики Калмыкия, Курганской области и Ненецкого автономного округа, где такие проекты отсутствуют). Для данной выборки сформирована база данных, в которой представлены основные параметры проектов — объем инвестиций, уровень реализации, сфера и отрасль инфраструктуры, срок реализации проекта.

Результаты исследования. Анализ проектов ГЧП, представленных в авторской базе данных, показывает, что больше всего средств вкладывается в проекты транспортной инфраструктуры. Эта сфера является наиболее капиталоемкой — несмотря на то, что в ней реализуется лишь 83 проекта (3,7 % от общего числа), на транспорт приходится 1,63 трлн. руб. общих инвестиций в проекты ГЧП (64,5 % от общей суммы в 2,52 трлн. руб.). На социальную инфраструктуру (в частности, проекты в сфере образования, здравоохранения, культуры, туризма и спорта) приходится 239 объектов (10,6 %), общая сумма инвестиций в которые

составляет 213,9 млрд. руб. (8,5 %). Больше всего реализуется проектов в коммунально-энергетической сфере — 1858 (83,1 %), однако на них совокупно приходится лишь 645 млрд. руб. инвестиций (25,6 %).

В региональном разрезе инвестиции в проекты ГЧП также распределены весьма неравномерно (табл. 1). Так, на первые десять регионов суммарно приходится более 73 % общих инвестиций в российские проекты ГЧП. Основные инвестиции приходятся на проекты наиболее капиталоемкой транспортной инфраструктуры. Свыше 29 % всех вложений приходится на Московскую область, где реализуется ряд крупных проектов в данной сфере — например, федеральные проекты строительства Центральной кольцевой автодороги (общая стоимость участков, создаваемых с применением концессионного соглашения, составляет 190 млрд. руб.) и реконструкции аэропорта Шереметьево (61 млрд. руб.), а также региональные проекты по созданию автодороги Видное — Лыткарино — Железнодорожный (103,2 млрд. руб.) и реконструкции трассы Москва — Егорьевск — Касимов (68,7 млрд. руб.). Это объясняется высоким платёжеспособным спросом на новую инфраструктуру в регионе и узловым положением Московской области в транспортной системе России. То же самое касается Москвы и Санкт-Петербурга, где на принципах ГЧП реализуются такие проекты, как северный дублер Кутузовского проспекта (68 млрд. руб.) и участок трассы М-11 «Нева» (76,8 млрд. руб.) соответственно.

Высокие позиции Красноярского края и Ямало-Ненецкого автономного округа также связаны, в первую очередь, с реализацией крупных федеральных проектов в сфере транспорта — железной дороги Курагино — Кызыл (192,4 млрд. руб.) и Северного широтного хода (134,4 млрд. руб.) соответственно. Развитие транспортной инфраструктуры, снимающей ограничения для регионального развития, выводит в лидеры Новосибирскую область и Республику Саха (Якутия), где реализуются проекты Центрального моста через Обь в Новосибирске (37,2 млрд. руб.) и моста через Лену (68,4 млрд. руб.). В Самарской области реализуется один из крупнейших проектов развития транзитной транспортной инфраструктуры — обход Тольятти на трассе М-5 с мостом через Волгу (120,8 млрд. руб.), который станет частью транспортного коридора «Европа — Западный Китай».

Волгоградская область отличается от остальных регионов-лидеров, поскольку в ней основные инвестиции приходятся на два крупных проекта коммунальной инфраструктуры — концессионное соглашение о реконструкции систем холодного водоснабжения и водоотведения (58 млрд. руб.) и теплоснабжения (29,6 млрд. руб.) в Волгограде.

Таблица 1

Распределение инвестиций в проекты ГЧП по субъектам РФ по состоянию на январь 2022 года

Регион	Объем общих инвестиций в проекты ГЧП, млрд. руб.	Доля от инвестиций в целом по России
Московская область	741,4	29,4 %
Красноярский край	195,1	7,7 %
Санкт-Петербург	190,3	7,5 %
Ямало-Ненецкий автономный округ	168,4	6,7 %
Самарская область	143,7	5,7 %
Москва	102,4	4,1 %
Волгоградская область	91,3	3,6 %
Республика Саха (Якутия)	88,1	3,5 %
Новосибирская область	72	2,9 %
Ханты-Мансийский автономный округ	60,7	2,4 %
Прочие	667,3	26,5 %
Всего	2520,8	100 %

Источник — составлено автором на основе данных Платформы «Росинфра» и иных открытых источников

Стоит отметить, что список регионов, лидирующих по количеству реализуемых проектов ГЧП, значительно отличается от списка регионов с наибольшими инвестициями (табл. 2) — в топ-10 по обоим параметрам входит только Красноярский край. Так, более 100 проектов реализуется в Амурской и Тамбовской областях, хотя общая сумма инвестиций в них составляет 24,5 млрд. руб. и 5,7 млрд. руб. соответственно. Аналогично, в Челябинской и Иркутской областях совокупные инвестиции в проекты ГЧП достигают лишь 10–15 млрд. руб. Как правило, большинство проектов в этих регионах реализуется в коммунально-энергетической сфере на муниципальном уровне (типичный пример — реконструкция и эксплуатация котельной), которые не отличаются высокой капиталоемкостью — средняя стоимость такого проекта чаще всего не превышает нескольких миллионов рублей. Целесообразность реализации таких проектов часто ставится под сомнение, поскольку качество конкурсной документации и самих работ в рамках концессионного соглашения оставляет желать лучшего; при этом про-

екты практически невозможно окупить за счет одних тарифов на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Таблица 2

Распределение реализуемых проектов ГЧП по субъектам РФ по состоянию на январь 2022 года

Регион	Число реализуемых проектов ГЧП	Доля от числа проектов в целом по России
Амурская область	220	10,2 %
Тамбовская область	118	5,5 %
Челябинская область	96	4,5 %
Красноярский край	95	4,4 %
Иркутская область	92	4,3 %
Пермский край	82	3,8 %
Белгородская область	68	3,2 %
Свердловская область	67	3,1 %
Кировская область	66	3,1 %
Республика Бурятия	66	3,1 %
Прочие	1187	55 %
Всего	2157	100 %

Источник — составлено автором на основе данных Платформы «Росинфра» и иных открытых источников

Среди регионов, лидирующих по объему инвестиций в проекты ГЧП на душу населения можно выделить две группы (рис. 1). К первой относятся ресурсодобывающие регионы Сибири, Дальнего Востока и Арктики, где масштабные инфраструктурные проекты обеспечивают природно-ресурсное освоение территории. Больше всего инвестиций в пересчете на одного человека вкладывается в проекты ГЧП, реализуемые в Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Камчатском крае, Ханты-Мансийском автономном округе и Сахалинской области. Абсолютным лидером является Ямало-Ненецкий округ, где на каждого жителя приходится более 300 тыс. руб. инвестиций в проекты ГЧП. Среди крупнейших проектов здесь можно выделить уже упомянутые Северный широтный ход, железную дорогу Курагино—Кызыл и мост через Лену, а также порт Поронайск в Сахалинской области (36 млрд. руб.) и реконструкцию аэропорта Елизово в Камчатском крае (9,4 млрд. руб.). Значительный объем инвестиций в ГЧП характерен также для отдельных регионов с высоким платежеспособным спросом на

платную инфраструктуру—например, для Московской, Самарской и Новосибирской областей, а также Санкт-Петербурга.

В аутсайдерах находятся регионы Северного Кавказа и ряд областей Центральной России, где друг на друга накладываются три фактора—низкие доходы населения, низкий уровень обеспеченности бюджетов собственными налоговыми и неналоговыми доходами, а также нехватка компетенций органов власти и частного сектора в сфере ГЧП. Стоит отметить, что объем удельных инвестиций в проекты ГЧП в регионах Сибири, Дальнего Востока и Европейского севера, как правило, выше, чем в регионах Центральной России, Поволжья и юга.

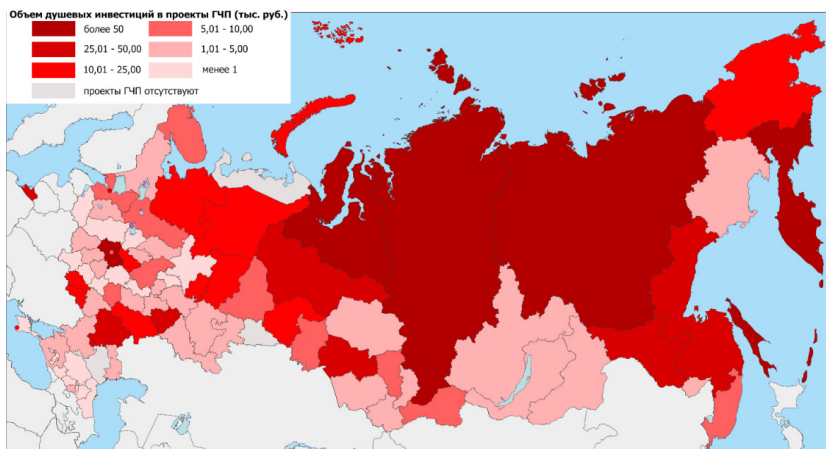

Рисунок 1. Объем совокупных инвестиций в проекты ГЧП на душу населения на начало 2022 года

Источник—составлено автором на основе данных платформы «Росинфра»

Заключение. По итогам рассмотрения географии проектов можно сделать вывод о следующих ключевых факторах, влияющих на инвестиционную привлекательность региона с точки зрения реализации в нем проектов ГЧП:

- развитые институты (как формальные, так и неформальные), способствующие привлечению частных инвестиций;
- существенный уровень компетенций в сфере реализации проектов ГЧП (которые сами по себе могут быть связаны, например, с качеством высшего образования в регионе), включая накопленный опыт реализации таких проектов;
- значительная бюджетная самостоятельность, выражающаяся

в высоком уровне собственных налоговых и неналоговых доходов бюджета;

- сравнительно платежеспособное население, обеспечивающее спрос на платную инфраструктуру;
- выгодное транспортно-географическое положение, позволяющее окупать инфраструктуру за счет транзитных потоков.

Список источников и литературы

1. Левин М. И., Шевелева И. В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: почему расстались? // Вопросы экономики.— 2016.— № 1.— С. 138–158.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Wang Y., Zhao Z.J. Motivations, obstacles, and resources: Determinants of public-private partnership in state toll road financing // Public Performance & Management Review.— 2014.— Т. 37.— № 4.— С. 679–704.
5. Тарасова О. В. Пространственная диалектика государственно-частного партнерства в России // Проблемы прогнозирования.— 2021.— № 2 (185).— С. 130–141.
6. Платформа «Росинфра» // [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfra.ru> (дата обращения: 02.04.2022).

MAIN FEATURES OF THE GEOGRAPHY OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS IN RUSSIA

Adamaitis St. Al.¹

¹ Lomonosov Moscow State University (MSU), Russia, Moscow)

Public-private partnership (PPP) is one of the most popular infrastructure development mechanisms today. Based on the statistical data of the Rosinfra platform, the geography of the implementation of PPP projects in Russia was considered, and the leading and outsider regions in terms of infrastructure development based on PPP principles were identified. The factors contributing to or hindering the development of PPP in the regions are identified. There is a significant regional inequality in the distribution of investments in PPP infrastructure projects.

Key words: public-private partnership, socio-economic development, regional development, geography of infrastructure.

ВЛИЯНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ НА ПОДДЕРЖКУ ПАРТИИ «ЗЕЛЁНЫХ»

Груздева Е. Е.¹

¹МГИМО МИД,
Москва, Российская Федерация

В данной работе рассматривается проблема влияния социально-политических и экономических факторов на публичную политику в Германии. Цель исследования — выявить взаимосвязи социально-политических и экономических показателей на процент голосования за партию «Зелёных» на земельных выборах.

Ключевые слова: Германия, публичная политика, партия «зеленых»

Экологическая повестка в Германии в последние несколько лет остается наиболее актуальной. Об этом свидетельствует ряд факторов: в политике — рост популярности партии «Зелёные», в экономической и хозяйственной деятельности — переход на низкоуглеродные источники энергии, в социальной сфере — распространение экологических движений и протестных акций. Переход к «зеленой экономике» подразумевает обеспечение роста экономики за счет инвестиций, ориентированных на снижение эмиссии CO₂, увеличение ресурсной и энергоэффективности и предотвращение дальнейшего снижения биоразнообразия и экосистемных услуг⁶. В связи с трансформациями экономической сферы, политика также претерпевает перемены. Это проявляется не только в политическом дискурсе, но и в электоральных предпочтениях, следовательно, к власти приходят политики, ориентированные на экологическую повестку.

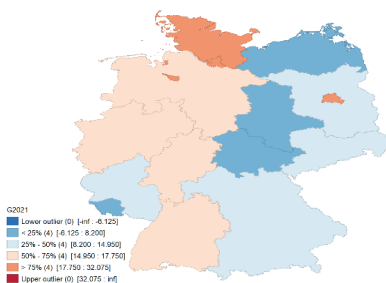

Рис. 1 Картограмма размаха распределения голосов за партию «Зеленые»

⁶ Бабенко М. В., Бик С. И., Постнова А. И. — Москва: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018. — 36 с

Для построения картограммы размаха и выделения земель с наименьшим и наибольшим показателем голосования за партию «Зелёных» использован пространственный метод. Для изучения зависимости переменных социально-политического и экономического развития и показателей поддержки партии «Зелёных» использован метод статистического анализа. На диаграмме параллельных координат по осям отложены следующие показатели: процент голосов за партию «Зелёных» (Zweitstimme) на выборах в Бундестаг в 2021 году, располагаемый доход на душу населения (2019 год), доля иностранцев среди населения федеральной земли (конец 2020 года), доля сотрудников, задействованных в сфере охраны окружающей среды, среди населения федеральной земли (2019 год), число объектов по удалению отходов (2019 год). Выбор данных показателей обусловлен программой партии «Зелёных» на выборах в 2021 году, в которой затрагивается широкий круг актуальных проблем, таких как загрязнение окружающей среды, экономический рост и стабильность, социальное обеспечение и другие. Далее в исследовании для интерпретации графиков использован сравнительный анализ показателей федеральных земель с наиболее низкими и наиболее высокими показателями голосов за «Зелёных».

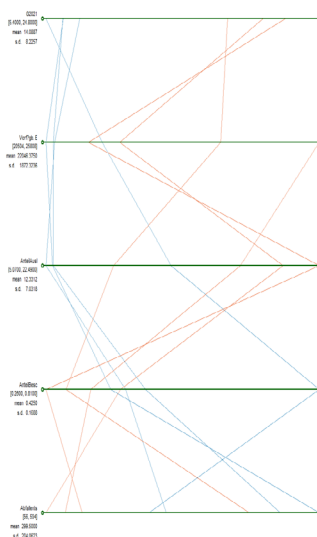

Рис. 2 Диаграмма параллельных координат минимальных и максимальных значений показателя голосов за партию «Зеленые»

Актуальность темы обусловлена ростом популярности «Зелёных» в Германии, несмотря на то что партия расширяет повестку и не концентрируется только на проблемах экологии, что обуславливает публичную политику в федеральных землях и на федеральном уровне.

Описание показателей

Германия — демократическое, социальное и федеративное государство, в состав которого входят 16 федеральных земель. 5 из них (Саксония, Саксония-Анхальт, Тюрингия и Мекленбург-Передняя Померания принадлежали ГДР до их объединения со «старыми» землями, которое произошло в 1990 году). Сейчас Германия — государство с ярко выраженным федерализмом, поэтому политика земель имеет значительное влияние на политические курсы и государственную политику в целом. Для анализа социально-политического и экономического профиля земель с высокими показателями голосования за партию «Зелёные» автор рассматривает ряд показателей, которые можно концептуализировать следующим образом.

Располагаемый доход домохозяйств состоит из заработной платы, прибыли и доходов от активов, а также ренты, пенсий, пособий и других выплат, за вычетом налогов и взносов. Показатель рассчитывается на душу населения. В исследовании рассматривается показатель за 2019 год. Показатель отражает уровень благосостояния населения и позволяет сделать выводы об экономическом развитии региона.

Следующий показатель — доля иностранцев к числу населения. Этот показатель позволяет судить, во-первых, о миграционной привлекательности региона для иностранцев, что может выражаться как в экономической составляющей, так и в миграционной политике местных властей. Во-вторых, показатель отражает возможное влияние мигрантов на избирателей и, следовательно, их настроения по отношению к миграционной политике. К мигрантам относятся все лица, не имеющие немецкого гражданства. К этой категории также относятся лица без гражданства и лица с неясным гражданством. При этом граждане Германии, которые также имеют иностранное гражданство, не включаются в состав иностранного населения. Рассматривается показатель за конец 2020 год.

Показатель доли сотрудников, задействованных в сфере охраны окружающей среды, среди населения федеральной земли относится к социальной и экологическим сферам. Автор выдвигает предположение, что сотрудники, работающие на таких предприятиях, выступают за расширение экологической повестки и увеличения бюджета на пред-

приятия экологической сферы. Соответственно, чем больше доля населения, задействованного на экологических предприятиях, тем выше ожидаемый уровень поддержки партии «Зелёных».

В данном показателе рассматриваются лица, работающие в учреждениях, которые производят товары или предоставляют строительные работы или услуги для охраны окружающей среды. Рассматриваются данные на 2019 год. Наконец, последний из рассматриваемых показателей—число объектов по удалению отходов. К ним относятся полигоны, установки для термической обработки отходов, установки для сжигания отходов с рекуперацией энергии из отходов, установки для механической (биологической) очистки отходов, установки для обработки почвы, установки для химико-физической очистки, установки для измельчения/ножницы для лома, сортировочные установки, заводы по демонтажу старого электрического и электронного оборудования, заводы по демонтажу автомобилей с истекшим сроком службы, заводы по переработке материалов отработанного масла, заводы по утилизации отходов горнодобывающей промышленности, подземные горнодобывающие площадки, наземные горнодобывающие площадки, метантенки осадка сточных вод с коферментацией и другие очистные сооружения. Этот показатель может отражать наличие промышленных предприятий на территории федеральной земли или крупных полигонов, в которых концентрируются отходы. Рассматриваются данные за 2019 год.

Анализ взаимосвязи переменных

На диаграмме параллельных координат можно проследить ряд трендов. На диаграмме параллельных координат, где указаны графики для земель с минимальными значениями показателя голосования за «Зелёных» (рису 3), наблюдается общее направление графиков для трёх земель: кроме низких показателей поддержки «Зелёных», низкий располагаемый доход на душу населения, низкая доля иностранцев, но при этом средние показатели доли работников, задействованных в сфере охраны окружающей среды, и высокие показатели числа объектов по удалению отходов. Один из графиков выпивается из общего тренда, это федеральная земля Саар.

На диаграмме параллельных координат, где указаны графики для земель с минимальными значениями показателя голосования за «Зелёных», наблюдается общее направление графиков для двух пар земель. Во-первых, пара с довольно низким располагаемым доходом на душу населения, высокой долей иностранцев, низкой долей работников, задействованных в сфере охраны окружающей среды, и низким показателем

телем числа объектов по удалению отходов. Во-вторых, пара графиков, идущих параллельно, но на значительном расстоянии друг от друга: высокие показатели располагаемого дохода, средние показатели доли иностранцев, низкая доля работников, задействованных в сфере охраны окружающей среды, и в одном случае — низкое число объектов по удалению отходов, в другом — высокое.

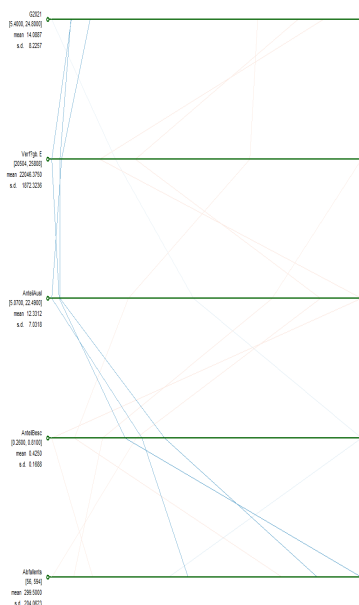

Рис. 3 Диаграмма параллельных координат Восточных земель

Далее, рассмотрим все наблюдаемые тренды, попытаемся выявить причины подобного распределения показателей и ответить на вопрос, как публичная политика на уровне земель влияет на поддержку партии «Зелёные». Из группы земель с низкими показателями голосования за партию «Зелёные» выделяются так называемые новые земли, или земли Восточной Германии (рис 4) (Тюрингия, Саксония-Анхальт и Мекленбург-Передняя Померания). Они обладают очень низким располагаемым доходом на душу населения. Это связано с отставанием Восточных земель в социально-экономической сфере: выше безработица, ниже производительность труда, меньше доля молодых людей. Проблема разрыва в социально-экономическом развитии «новых» и «старых» зе-

мель Германии остается на повестке дня, несмотря на то что каждый новый кабинет обещает ликвидировать эту разницу⁷. Стоит отметить, что в своей программе партия «Зелёные» не уделяет большого внимания разрыву в социально-экономическом развитии земель⁸, тем самым не жалуется восточногерманским избирателем. Кроме того, в восточногерманских землях, выделенных на картограмме, наблюдаются низкий показатель доли иностранцев. Это можно объяснить низкой привлекательностью этих земель для мигрантов в связи с более низким уровнем социально-экономического развития. Мигранты, которые представляют потенциал рабочей силы для Германии, предпочитают переезжать в крупные города, такие как Берлин или Гамбург, в следствие чего в Восточной Германии не происходит развитие мультикультурализма и всё также страдает экономика. Далее, показатель доли занятых в сфере охраны окружающей среды низкий у всех трех земель средний и чуть выше среднего. Это говорит о низкой заинтересованности населения в экологической повестке. Наконец, показатель объектов по удалению отходов сильно отличается. В Мекленбурге-Передней-Померании довольно редко встречаются объекты по удалению отходов, в то время как в Тюрингии и Саксонии-Анхальт этот показатель наиболее высокий из всех регионов, не поддерживающих партию «Зеленее» в целом.

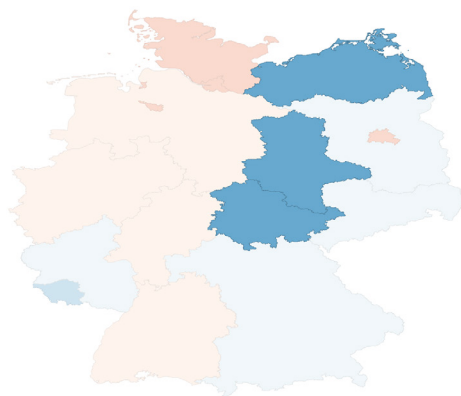

Рис. 4. Восточные земли на картограмме размаха

⁷ Белов В.Б. Десять дней нового коалиционного правительства Германии // Аналитические записки Института Европы РАН. № 37, 2021 (№ 267)

⁸ Программа партии «Зелёные» (на немецком языке) URL: <https://www.gruene.de/artikel/wahlprogramm-zur-bundestagswahl-2021> (режим доступа: 30.03.2022)

Из группы земель с высокими показателями голосования за партию «Зеленые» выделяются города Берлин и Бремен. Они обладают довольно низким располагаемым доходом на душу населения. Это связано с тем, что в городах концентрируются финансовые институты и компании. Кроме того, если говорить о Берлине, то это столичный город, который является экономическим центром с развитой высокотехнологичной индустрией. В этих двух городах наблюдаются очень высокие показатели процента иностранцев. Это можно объяснить тем, что иностранцы, в частности трудовые мигранты, видят больше возможностей в крупных городах, хотя из-за большой конкуренции и достаточно низкого дохода на душу населения, эти ожидания не оправдываются. Мигранты становятся маргинальной группой или присоединяются к диаспоре. Это препятствует их интеграции в немецкое общество и создает напряженность в социальной сфере. Показатель доли занятых в сфере охраны окружающей среды несколько различается. Если в Берлине он минимален, то в Бремене он несколько выше, но тоже находится на низком уровне. Несмотря на это, население Берлина и Бремена выражают сильную поддержку партии «Зелёные». Наконец, показатель объектов по удалению отходов низок у обоих городов, но у Берлина несколько выше, чем у Бремена. Поскольку это города, все очистные сооружения и полигоны, как правило находятся за их пределами.

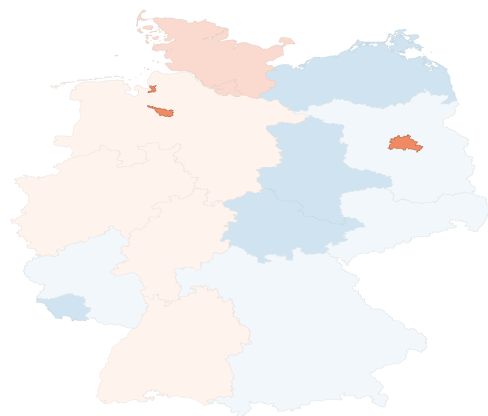

Рис. 5 Берлин и Бремен на картограмме размаха и диаграмма параллельных координат Берлина и Бремена

Из группы земель с высокими показателями голосования за партию «Зеленые» выделяются город Гамбург и федеральная земля Шлез-

виг-Гольштейн. Эти два субъекта граничат друг с другом и фактически составляют единый субъект. Показатели голосования за партию «Зелёных» заметно отличаются, но графики идут параллельно. Они обладают довольно высоким располагаемым доходом на душу населения, Гамбург имеет максимальное значение по этому показателю. Это связано со значением Гамбурга в экономике Германии как крупнейшего финансового центра. Исторически Гамбург был торговым и портовым городом, и сейчас продолжает выполнять эти функции. Шлезвиг-Гольштейн — не самая экономически привлекательная территория, но важная за счет геополитического положения. Наблюдаются довольно серьёзный интервал в показателях. У Шлезвиг-Гольштейна — низкие показатели процента иностранцев, а у Гамбурга — умеренно высокие. Это можно объяснить снова привлекательностью города для трудовых мигрантов. Показатель доли занятых в сфере охраны окружающей среды низкий у обоих субъектов, что совпадает у всех земель с высокой поддержкой «Зелёных». Наконец, показатель объектов по удалению отходов сильно отличается. В Гамбурге практически не встречаются объекты по удалению отходов, в то время как в Шлезвиг-Гольштейне этот показатель наиболее высокий из всех регионов, поддерживающих партию «Зелёные» в целом.

Вывод

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о влиянии социально-экономического развития земли на поддержку политики партии «Зелёные». В работе проанализированы показатели социально-экономического развития, миграции и вовлечения населения в работу на предприятиях экологической сферы. Наблюдаются определенные закономерности между низкой поддержкой партии «Зелёные» и низким социально-экономическим развитием, но при этом довольно масштабном вовлечении населения в работу предприятий экологической сферы. В то же время наблюдается связь между высоким уровнем поддержки партии «Зелёных» и высоким уровнем социально-экономического развития, хотя в таких землях доля вовлеченных в работу на предприятиях экологической сферы низка.

По результатам сравнительного анализа, можно сделать вывод о том, что население земель, где проводится политика повышения благосостояния граждан, а также где граждане не сталкиваются с работой на предприятиях в экологической сфере, более склонно поддерживать экологическую повестку. Население регионов с более высокой долей вовлечения в экологическую деятельность, наоборот, не склонно под-

держивать «Зелёных». Это может быть связано с расширением повестки партии «Зелёные» и отходом от экологической тематики.

Список литературы

1. Бабенко М. В., Бик С. И., Постнова А. И. — Москва: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018. — 36 с
2. Белов В. Б. Десять дней нового коалиционного правительства Германии // Аналитические записки Института Европы РАН. № 37, 2021 (№ 267)
3. Белов В. Б. Спустя 30 лет. Стали ли две Германии единой страной? // Интервью радио Sputnik. 03.10.2020 URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238422098> (режим доступа: 30.03.2022)
4. Сергеев В. М., Казанцев А. А. Сетевая динамика и типология глобальных ворот // Полис. Политические исследования. № 2, 2007, сс. 18–30
5. Программа партии «Зелёные» (на немецком языке) URL: <https://www.gruene.de/artikel/wahlprogramm-zur-bundestagswahl-2021> (режим доступа: 30.03.2022)
6. Statistisches Bundesamt [Агентство статистики Германии] URL: https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (режим доступа: 30.03.2022)

THE IMPACT OF GERMAN PUBLIC POLICY ON SUPPORT FOR THE GREEN PARTY

Gruzdeva E. E.¹

¹MGIMO University,
Moscow, Russian Federation

This paper examines the problem of the influence of socio-political and economic factors on public policy in Germany. The purpose of the study is to identify the relationship between socio-political and economic indicators for the percentage of voting for the Green Party in the land elections.

Key words: Germany, public policy, Green Party

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТРУМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО И ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2011–2018 ГГ.)

Аширова О. И.¹

Чайка Е. Е.¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

В статье проведен анализ эффективности ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации в 2011–2018 гг.». Регионы-участники программы на момент начала реализации программы значительно различались по уровню социально-экономического развития, в т.ч. по уровню развития туристической индустрии. По итогам проведенного анализа было выявлено, что программа в целом является удовлетворительной, о чем свидетельствует перевыполнение суммарного индекса эффективности. Однако процесс выполнения отдельных показателей обусловлен рядом неоднозначных факторов. Во-первых, на увеличение показателей внутреннего туризма повлияло закрытие авиасообщения с основными странами въездного туризма россиян (Турция, Египет), а также повышения уровня напряженности отношения со странами Запада. Во-вторых, на увеличение въездного туризма оказали влияние, проходившие международные спортивные мероприятия (Олимпийские игры в Сочи, Чемпионат мира по футболу в РФ). Свой вклад также внес кризис в 2014–2015 гг., отразившийся в снижении покупательной способности россиян. К тому же в процессе реализации программы была проведена смена методики расчета коллективных средств размещения Росстатом. Однако, несмотря на возникающие вопросы к целевым показателям и индикаторам эффективности программы, результатом её реализации стали рост налоговых поступлений от туристической индустрии и увеличение числа и доли занятых в туризме.

Ключевые слова: туризм, региональная политика, федеральная целевая программа, оценка эффективности государственных программ, программно-целевой метод

Введение

Индустрия туризма в настоящее время одна из самых динамично развивающихся отраслей мировой экономики. Данная отрасль создаёт рабочие места, способствует развитию и модернизации инфраструктуры, вно-

сит значительный вклад в ВВП, который в РФ составляет 4% [1].

Основной российский турпоток сосредоточен в двух федеральных центрах России Москвы и Санкт-Петербурга, в то время как значительная часть природных, климатических, рекреационных и культурно-исторических ресурсов рассредоточена по территории страны, зачастую не имеющий соответственной качественные туристической и обслуживающий инфраструктуры.

Все это обуславливает актуальность изучения как самой Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма», так и её итогов, поскольку программа направлена как на продвижение российского турпродукта на международный рынок, так и на развитие туристической инфраструктуры в стране.

Основная часть

ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы) была направлена на «повышение конкурентоспособности туристского рынка РФ» и «увеличение качества туристских услуг» для российских и иностранных туристов, включающих: строительство объектов туристской и обслуживающего инфраструктуры, повышение качества туристских услуг, продвижение туристского продукта и создание положительного имиджа РФ, как привлекательной туристической дестинации. [2]

Для оценки эффективности программы были использованы следующие 9 индикаторов: численность граждан РФ, размещенных в коллективных средствах размещения (КСР); численность иностранных граждан, размещенных в КСР; площадь номерного фонда КСР; инвестиции в основной капитал КСР (гостиницы, места для временного проживания); количество койко-мест в КСР; количество лиц, работающих в КСР; количество лиц, работающих в туристских фирмах; объем платных туристских услуг, оказанных населению; объем платных услуг КСР [2]

Общий объем финансирования программы за 8 лет её реализации составил 120,6 млрд. руб., из которых: 26,7 млрд. за счет Федерального бюджета, 8,3 млрд. за счет региональных бюджетов и 84,9 млрд. руб. внебюджетных инвестиций –2,81 рубль частных средств на каждый вложенный рубль государством.

Кроме выполнения целевых показателей, результатами программы должны были стать: создание в субъектах РФ туристических и автотуристических кластеров, укрепление межрегиональных связей, развития малого и среднего бизнеса, рост инвестиций в основной капитал средств и др.

Разработчики программы, при выборе инструментов её реализации, остановились на использовании программно-целевого метода и механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП).

Регионы-участники ФЦП (35 регионов) географически расположены на территории почти всей страны. Присутствуют сильно удаленные от Европейской части РФ регионы ДФО (Республика Саха, Хабаровский край, Амурская область, Республика Бурятия) и средне удаленный юг Сибири (Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Новосибирская область). Примерно одинаково удалены от Москвы Свердловская область, Северо-Кавказский регион, Калининградская область, Мурманская область, Республика Карелия. Остальные регионы находятся вблизи столицы РФ.

В 2010 г., в преддверии начала действия ФЦП (начала действовать в 2011 г.), регионы участники сильно различались по уровню социально-экономического развития.

Ранжировка регионов РФ по ВРП на душу населения показывает, что регионы-участники ФЦП преимущественно концентрируются в две большие группы: замыкающую ранжировку и находящуюся выше середины. Также отдельные единичные участники ФЦП расположены вне этих групп. В замыкающей группе преимущественно находятся регионы Юга России, в т.ч. все участники из Северо-Кавказского федерального округа. В другой группе большинство принадлежит регионам из Центрального федерального округа.

Среднее место регионов-участников ФЦП по ВРП на душу населения составляет 48, что говорит о том, что большая часть регионов находится на уровне немного ниже среднего для РФ.

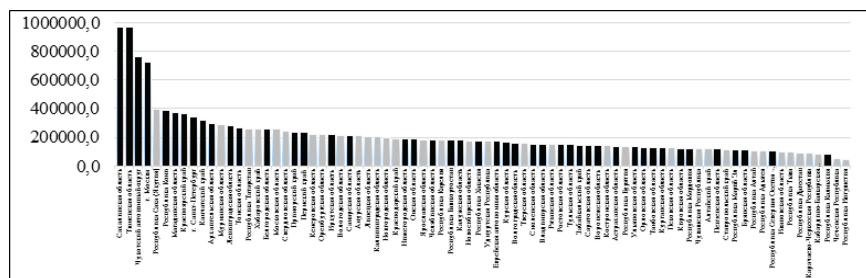

Рис. 1. ВРП на душу населения по регионам РФ (без ХМАО, ЯНАО и НАО) в 2010 г., руб.

Примечание: серым цветом отмечены участники ФЦП
 Источник: построено авторами по [1, 3, 4]

Формат реализации целевой программы предусматривал кластерный подход, в рамках которого на определённой территории размещаются несколько предприятий или организаций, занимающиеся как производством, так и продажами и продвижением туристского продукта, а также смежными видами деятельности.

В ходе реализации программы в регионах-участниках (35) были созданы 45 туристических кластера, в т.ч 38 туристско-рекреационных и 7 автотуристских [2]. Также в процессе осуществления мероприятий программы построено: 643 объекта туристской инфраструктуры: 283 КСР с 19085 койко-мест, объекты питания 6493 посадочных места, 46 лечебно-оздоровительных объектов и 254 объекта транспортной, торгово-выставочной, культурно-познавательной инфраструктуры. Кроме туристической, в рамках программы создано 213 объектов обеспечивающей инфраструктуры: построено или реконструировано 293,5 км автомобильных дорог, 702,8 км линий электропередач, сетей газоснабжения, водоснабжения, водоотведения иных инженерных сетей.

Согласно отчету о ФЦП в заключительном 2018 году её эффективность выполнения превысила запланированные значения суммарно по показателям более чем 20 %. (см. рис. 3). Оба целевых индикатора, численность размещенных граждан РФ и иностранных граждан, показали рост, который составил 174 % и 122 % соответственно. В 5 из 7 показателей также наблюдается превышение плановых показателей, при этом особенно эффективным выглядят инвестиции в основной капитал средств размещения (прирост 80 %). Однако 2 плановых показателя не были выполнены — это «объем платных туристских услуг, оказанных населению» (выполнен на 97 %) и «количество лиц, работающих в коллективных средствах размещения» (выполнен на 57 %).

Рис. 2. Эффективность программы в 2018 г. по отчету о ФЦП.

Источник: построено автором по [2]

Такие высокие (в среднем) показатели выполнения плановых показателей могли бы говорить о том, что программа в целом удалась и была успешна, однако можно выделить несколько интересных особенностей реализации.

Первый из них связан с использованием целевых индикаторов и показателей, а точнее с масштабом их охвата. Согласно ФЦП участие в программе приняли 35 из 83 субъектов РФ (не 85, т.к. программа начала действовать с 2011 г.), т.е. 42 % от общего их числа. И вполне обоснованным было бы использование агрегированных и/или частных показателей и индикаторов, характеризующих развитие туристической отрасли именно в данных субъектах РФ. Однако детальный анализ программы и фактически полученных значений приводит к тому, что в качестве показателей и индикаторов использованы агрегированные страновые данные, т.е. данные и участников ФЦП, так и не участвующих субъектов (среди которых Москва и Санкт-Петербург).

Из этой проблемы исходит вторая — большая часть использованных показателей не представлена в программе или отчете по отдельно взятым регионам, что затрудняет анализ конкретных частей программы.

Анализ численности размещения в КСР иностранцев и россиян по отдельным регионам показывает, что в отдельных регионах-участниках не просто не наблюдался рост числа туристов, но и наоборот — их снижение. Так, общее число размещенных лиц в КСР снизилось с 2011 г. по 2018 г. на 1,1 % к Кабардино-Балкарской Республике, на 14,7 % в Оренбургской области, на 15 % в Республике Тыва.

Не вызывающими вопросов кажутся три показателя: Объем платных туристских услуг, оказанных населению; объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения; количество лиц, работающих в коллективных средствах размещения (см. рис 6).

Рис. 3. Динамика эффективности выполнения плановых показателей по годам действия ФЦП (2011–2018 гг.), в %

Источник: построено авторами по [2]

Первые два были выполнены успешно и стабильно опережали годо-

вые плановые показатели, в то время как третий показатель стабильно недовыполнял плановые установки, вследствие чего и стал единственным показателем, который сильно «не дотянул» до плановой отметки.

Детальное рассмотрение индикаторов показывает, что эффективность индикатора размещения числа граждан РФ до 2014 г. включительно оставалось стабильным и в окрестности планового значения, но с 2015 г. и до конца действия ФЦП фиксируется значительное опережение плана.

И это может быть объяснено не только завершением 1-го этапа ФЦП и началом 2-го, а также и увеличившимся стрессом за неимением международных конкурентов, по отношению к внутреннему туристическому рынку.

Речь идет о начале кризисного периода в России в связи с геополитическими событиями — присоединением Крымского полуострова, последовавшими санкциями.

Данные события привели к падению реальных доходов граждан, которые не могли позволить себе отдых за границей, что спровоцировало рост интереса к внутренним дестинациям. Более того, данное явление подкреплялось ухудшением отношений РФ со многими странами мира, а также эскалацией обстановки в других странах — с Турцией и Египтом было остановлено авиасообщение из-за авиакатастроф (в первом случае был сбит самолет ВКС РФ, во втором — взорван лайнер «Когалымавиа»)

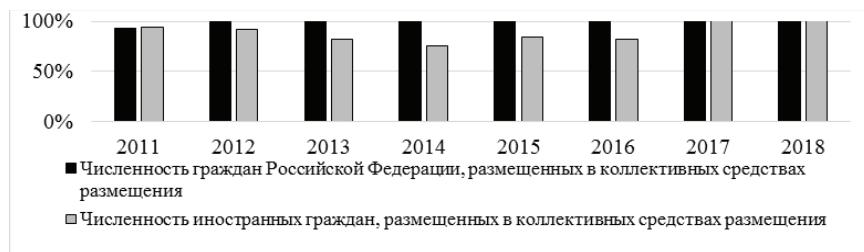

Рис. 4. Динамика эффективности выполнения целевых индикаторов по годам действия ФЦП (2011–2018 гг.), в %

Источник: построено автором по [2]

Другая часть графика, демонстрирующая динамику эффективности индикатора размещения иностранных граждан в КСР, иллюстрирует факт того, что до 2017 г. плановые значения не достигались. Однако в 2017 г. план был достигнут, а годом позже и вовсе на пятую часть пе-

ревыполнен. Во многом это может быть связано со спортивными событиями мирового уровня: Чемпионатом мира по футболу в 2018 г., Кубку Конфедераций — футбольному турниру, который проводится за год до Чемпионата мира в той же стране (он меньше по масштабу и охвату, но также является значимым событием в мире спорта).

Количество лиц, работающих в турфирмах, снизилось после начала кризисного периода и проблем с международными туристическими маршрутами, что привело к закрытию отдельных турфирм, однако к Чемпионату мира их число восстановилось.

Большой интерес вызывают показатели, характеризующие кол-во койко-мест в КСР и общую номерную площадь. Динамика эффективности первого показывает, что с 2016 г. начался рост с хорошими темпами. Аналогичное можно сказать и про второй показатель, однако его рост фиксируется с 2015 г. И по удивительному совпадению оказывается, что с 2015 г. Росстат изменил методику учета КСР, дополнив их микропредприятия (что, несомненно, увеличит все их показатели в абсолютном выражении) — это спровоцировало прирост числа гостиниц на 5 тыс. — а значит и прирост номерной площади, койко-мест и т.д.

Согласно данным о налоговых поступлениях от организаций, представляющих туристическую отрасль, то в подавляющем большинстве регионов РФ произошел рост налоговых поступлений, особенно выделились Чеченская Республика (в 10 раз), Тамбовская область (почти в 8 раз) и Республика Ингушетия (почти в 7 раз). Но такой взрывной рост может быть обусловлен эффектом низкой базы — ранее в регионах была очень плохо развития или разрушена туристическая индустрия.

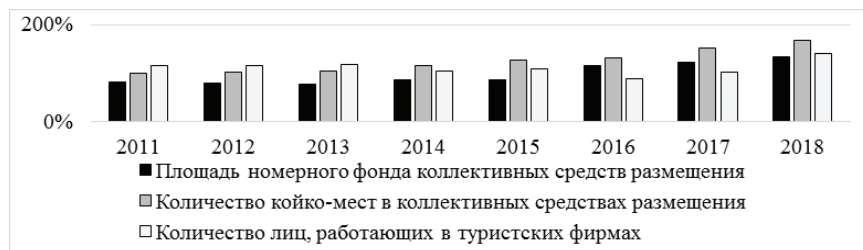

Рис. 5. Динамика эффективности выполнения плановых показателей по годам действия ФЦП (2011–2018 гг.), в %

Источник: построено автором по [2]

При этом среди всех регионов есть 4, в которых налоговые поступления от туризма снизились: Республика Мордовия (–5 %), Забайкаль-

ский край (–14%), Чукотский автономный округ (–17%) и Московская область (–21%). В целом по РФ прирост составил 100,64%.

Однако агрегированные по регионам участникам результаты не такие высокие—прирост всего 38%, что значительно ниже, чем в среднем по стране, ниже, чем у регионов неучастников (151% прироста). [2;3] На такой низкий прирост у регионов участников ФЦП влияние оказало не только снижение крупной Московской области, но и снижения многих других участников, доля которых в налоговых поступлениях мала и не превышала 1%, что было скомпенсировано другими регионами участниками.

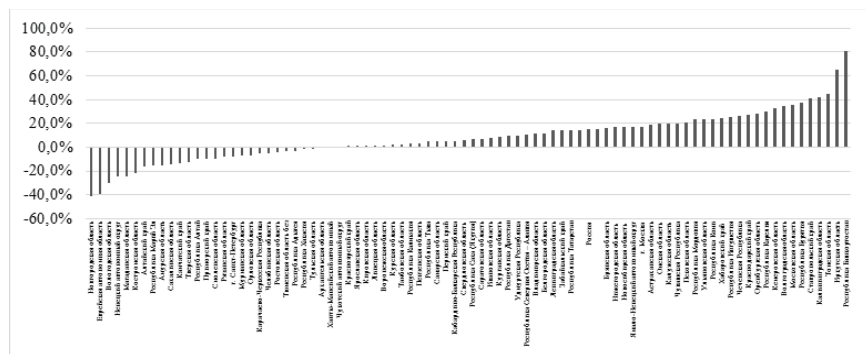

Рис. 6. Прирост числа занятых в гостиницах и предприятиях общественного питания по регионам РФ с 2011 по 2018 г., в %

Источник: построено автором по [2]

Более интересной выглядит ситуация с занятостью в туриндустрии (см. рис. 6). Тут уже есть группа регионов, в которых произошло увеличение числа занятых в туристической отрасли, и группа аутсайдеров, у которых произошло снижение. В среднем по РФ прирост составил 14,8%, в то время как среди не участвующих регионов 14,5%, а у регионов участников 15,1%. [2;3]

По данному статистическому показателю регионы-участники ФЦП развивались несколько быстрее чем все остальные, и быстрее чем в среднем РФ. Однако и среди них были регионы с сильным снижением числа занятых: Новгородская область (–41%), Вологодская область (–30%) и мн. др.

В целом можно сделать вывод, что с точки зрения социально-экономического развития региона ФЦП дала положительный эффект, однако стоит отметить, что основной положительный эффект пришелся на по-

вышение уровня занятости в туристической и смежной отраслях, в то время как налоговые поступления не повысились значительно.

Заключение

Согласно отчёту, общая эффективность программы составила 122 %, 7 из 9 целевых показателей были перевыполнены.

Однако, важно отметить, что в программе учитывались общероссийские показатели в качестве целевых в то время, как участвовали в основных мероприятиях программы только 35 регионов и определить вклад каждого из них становится проблематично; существовала «непрозрачность» критериев отбора регионов — участников программы, и не все объекты к концу программы введены в эксплуатацию (168 из 213). Проблемы с привлечением инвестиций возникли у республик Северного Кавказа (Дагестан, Чечня, Адыгея), Якутии, Бурятии, Карелии и др. Несмотря на особенности расчета целевых показателей, в ходе программы было создано множество объектов как туристической, так и обслуживающей инфраструктуры, которыми будут в дальнейшем пользоваться жители региона. В дополнение рост налоговых поступлений от программы за 8 лет составил 38 %.

Нельзя не отметить повышение уровня занятости в регионах участвующих в программе, так, в среднем по РФ прирост составил 14,8 %, в то время как среди не участвующих регионов 14,5 %, а у регионов участников 15,1 %.

Список источников и литературы

1. База данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 16.01.2022)
2. О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902295121>. — Дата доступа: 10.11.2021.
3. Налоговые доходы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics. — Дата доступа: 10.11.2021.
4. Розничная торговля, услуги населению, туризм [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23457>. (дата обращения: 06.11.2021).
5. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N132-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/. — Дата доступа: 10.11.2021.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL POLICY INSTRUMENTS IN THE FIELD OF TOURISM (ON THE EXAMPLE OF THE FEDERAL TARGET PROGRAM “DEVELOPMENT OF DOMESTIC AND INBOUND TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION IN 2011–2018”)

**Ashchirova O. I.¹
Chaika E. E.¹**

¹ Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow,, Russia

The article analyzes the effectiveness of the Federal Target Program “Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation in 2011–2018”. The regions participating in the program at the time of the beginning of the program’s implementation differed significantly in terms of the level of socio-economic development, including the level of development of the tourism industry. Based on the results of the analysis, it was revealed that the program as a whole is satisfactory, as evidenced by the over-fulfillment of the total efficiency index. However, the process of implementation of individual indicators is due to a number of ambiguous factors. First, the increase in domestic tourism indicators was influenced by the closure of air links with the main countries of outbound tourism of Russians (Turkey, Egypt), as well as an increase in the level of tension with Western countries. Secondly, the increase in inbound tourism was influenced by international sports events (the Olympic Games in Sochi, the World Cup in the Russian Federation). The crisis in 2014–2015 also contributed, which was reflected in the decline in the purchasing power of Russians. In addition, in the process of implementing the program, a change in the methodology for calculating collective accommodation facilities by Rosstat was carried out. However, despite the emerging questions to the targets and indicators of the effectiveness of the program, the result of its implementation was an increase in tax revenues from the tourism industry and an increase in the number and proportion of people employed in tourism.

Key words: tourism, regional policy, federal target program, evaluation of the effectiveness of state programs, program-target method

ТРАНСПОРТ РОССИИ. ТУРБУЛЕНТНЫЕ УСЛОВИЯ (САНКЦИИ, ПАНДЕМИЯ COVID-19), КАК ТРИГГЕР РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИИ.

Митрюкова К. А.¹

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья рассматривает влияние санкций на транспортную отрасль, с учетом периода пандемии COVID-19. Проанализировано влияние вводимых экономических санкций на развитие транспортного комплекса страны, затронута роль развития транспортного комплекса, как фактора и точки опоры в восстановлении и дальнейшего роста экономики России.

Ключевые слова: санкции, транспортная инфраструктура, экономика России, пандемия COVID-19.

Март 2014 г. ознаменовался постепенным вводом санкций со стороны стран Евросоюза, США, других стран мира, в том числе, с которыми у России есть общая сухопутная граница, не включая такие страны как Азербайджан, Белоруссия, КНР, Казахстан, Монголия, соседние прикаспийские страны- Иран и Туркмения) Санкции коснулись как физических, так и юридических лиц, которые каким-либо образом могли оказать влияние на дестабилизацию событий внутри Украины.

Санкции направлены на заморозку активов и введения ограничений на въезд граждан, находящихся в санкционном списке, сворачивание контрактов и сотрудничества с Россией и ее организаций в различных сферах экономики.

С середины 2014 г. были введены ограничения и запрет на инвестиции в инфраструктурные, транспортные, энергетические секторы, в том числе ограничения коснулись нефтедобывающего, энергетического и других секторов. В период с 2014 по начало 2022 г. под удар, также, попали крупнейшие Российские банки, ограничили возможности взаимодействия с европейским рынком.

Транспортная отрасль России напрямую и косвенно попала под гнет санкционных ограничений. Проводить оценку совокупного влияния санкций на транспортную отрасль рано, ввиду ежедневно вводимых двухсторонних ограничительных мер, как со стороны «недружествен-

ных стран», так и ответных со стороны Российской Федерации. Нельзя исключать и факт влияния пандемийного периода. Поэтому кратко рассмотрим состояние транспортного комплекса в последнее десятилетие и как уже введенные ограничения оказали влияние на трансформацию и развитие транспортно-логистической отрасли РФ и ее партнеров.

Нельзя не упомянуть тот факт, что последствием двухсторонних вводимых экономических санкций стало кардинальное изменение схем логистического взаимодействия России и Европы и проявление недостатка различных продуктов в определенных рыночных секторах.

Снижение объемов международных перевозок, сокращение импортных объемов перевозок, остановка работы многих логистических центров и прочие вытекающие последствия, включая сокращение персонала, является негативными моментами последствий санкций, которые коснулись не только Российской Федерации, но и стран-партнеров.

Изменения заметны при импорте товаров из Европейского союза и экспорте в эти страны из России. В 2014 г. заметно прослеживается резкое снижение автоперевозок между Евросоюзом и РФ, уменьшение оборота составило около 2,7 млн. тн (8%), падение усилилось и продолжилось и в 2015 г. Продуктовое эмбарго спровоцировало снижение перевозок продовольственных продуктов из таких стран как Литва, Эстония, Польша.

Среднее увеличение стоимости автомобильных, морских и железнодорожных перевозок составило от 2 до 7%, если не учитывать пандемийные ограничения и рост тарифов 2019–2021 г.

Наблюдается переориентация объемов отечественного экспорта в сторону азиатского рынка, а санкционная продукция частично заменяется на продукцию из «дружественных» стран. Востребованными направлениями грузовых перевозок наблюдается со странами-членами Таможенного союза- Беларусь, Китай. На основе данных Федеральной государственной статистики, можно наблюдать динамику работы транспорта.

Отметим, что изменения рынка транспортно-логистических услуг не наблюдается, наоборот, активный темп наращивания грузооборота за последние годы прослеживается очевидно. Произошло перераспределение игроков на рынке, более весомые позиции стали занимать российские операторы. Также, импортозамещение стало одной из приоритетных точек восстановления и роста экономики страны, в связи с уменьшением импорта. Преимуществом данного вектора заключается в поддержке российских производителей, обеспечения занятости населения, восстановление и развитие экономики, оснащение продовольственной безопасностью.

Рис. 1. Грузооборот в Российской Федерации 2011–2021 г., млрд. тнкм.

Несомненно, исключением становится период 2019–2020 год, резкий упадок связан с пандемией COVID-19. Рассмотрим грузооборот в разрезе видов транспорта.

Таблица 1

Грузооборот по видам транспорта, млрд. тнкм.

Вид транспорта	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Железнодорожный	2128	2222	2196	2301	2306	2344	2493	2598	2602	2545	2639
Автомобильный	223	249	250	247	247	248	255	259	275	272	285
Трубопроводный-всего	2422	2453	2513	2423	2444	2489	2615	2668	2686	2470	2653
Морской ¹	78	45	40	32	42	43	50	37	41	43	43
Внутренний водный ²	59	81	80	72	64	67	67	66	66	64	66
Воздушный ³	5,0	5,1	5,0	5,2	5,6	6,6	7,9	7,8	7,4	7,1	9,2

Таблица 2

Перевозки грузов транспортом

Вид транспорта	2021 г.	
	Млн тонн	В% к 2020 г.
Железнодорожный	1284,1	103,2
Автомобильный	5490,5	101,6
Трубопроводный-всего	1141,4	107,5
Морской ¹	23,5	95,2
Внутренний водный ²	103,69	95,0
Воздушный ³	1,5	125,7
Всего	8044,6	102,5

Доля распределения объемов по видам транспорта в целом не отличается в последние годы, на автомобильный транспорт приходится около 60 %, железнодорожный- 16 %, трубопроводный-14 %, внутренний водный 1,29 %, морской и воздушный — менее 1 %. На трубопроводный и железнодорожный транспорт (46 % каждый) приходится наибольшая доля работ по переброске грузов на большие расстояния. Несмотря на то, что доля такого транспорта как внутреннего водного, морского и воздушного мала, но стоит отметить, что она очень важна в отдельных сегментах. Например, внутреннему водному транспорту отводится высокая роль для Северного завоза. Воздушный транспорт транспортирует грузы, которые предназначены для срочной доставки. Роль Российских портов чрезвычайно важна. Согласно информации Министерства транспорта России, переориентирование объемов российских грузов с портов стран Балтии на порты России была запланирована к 2022–2023 г. за счет новых дополнительных мощностей. 2021 г. показал уменьшение переваленных объемов российских грузов через страны Балтии на 11,9 % (до 18,4 млн. тн).

По состоянию на апрель 2022 г. нельзя оценить снижение грузопотока по сравнению с аналогичным периодом прошлого года однозначно, но снижение объема перевозок морем вполне очевидно. В марте 2022 г. часть перевозчиков отказалось осуществлять заказы на доставку контейнеров в РФ. Основной удар вероятнее всего придется на балтийские порты, порты Азово-Черноморского бассейна, которые еще в самом начале года показывали хорошие показатели.

Данные Росморречфлота показывают, что за первые два месяца 2022 г. грузооборот морских портов увеличился на 6,8 %, к аналогичному периоду 2021 г. и составляет 136, 7 млн. тн. Говоря о портах Балтийского бассейна грузооборот вырос на 7,5 %, а Азово-Черноморского бассейна на 8,4 %, порты Дальнего Востока показали прирост грузооборота на 4,3 %. В условиях взаимных контрмер России и Запада экспортно-импортный поток грузов переориентируется на Дальний Восток.

Показатели работы железных дорог в экономике демонстрируют реальное состояние экономики страны, так как основные грузы, такие как сырье и конечные продукты (нефтепродукты, зерно, металл, удобрения). Грузооборот ежегодно возрастал, без учета пандемийного периода, увеличилось «плечо перевозок», что в принципе косвенно можно наблюдать по показателям грузооборота морских портов.

Говоря о восстановлении экономики нельзя не упомянуть тот факт, что развитие транспортной инфраструктуры является драйвером восстановления и дальнейшего роста экономики страны. Предшеству-

ющий опыт развитых стран (США, ФРГ) показывает поддержку на государственном уровне строительства инфраструктурных объектов в периоды кризисов. Подобные меры позволяют обеспечить заказами смежные отрасли, поддерживать занятость населения.

На данный момент, государством разработан общенациональный план по восстановлению экономики России. Проекты Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, который поспособствует выходу предприятий на новые рынки, доступности регионов, что, в свою очередь, приведет к сокращению транспортных издержек.

Так, трасса Москва—Казань, соединит около 20 региональных центров. В зоне ее тяготения окажется около 60 % населения России, значительная часть предприятий металлургической, машиностроительной и пищевой промышленности, сельского хозяйства. Благодаря проекту будет создано 40–50 тыс. рабочих мест. В результате модернизации БАМа и Транссиба увеличится экспорт угля и различных руд с Дальневосточных и Сибирских месторождений. В проекте будет задействовано 300–400 тыс. человек⁹. Строительство нового атомного ледокольного флота и объектов морской инфраструктуры позволит осваивать арктические территории РФ и реализовать масштабные проекты по добыче и переработке углеводородного сырья.

Отметим, что включение проекта в Национальный план не гарантирует его реализацию. Проблема недофинансирования обслуживания транспортной инфраструктуры в период пандемии и экономических санкций усугубилась. В ходе реализации транспортных проектов появились осложняющие факторы: увеличение стоимости работ, строительных материалов и техники.

Также, Государственной думой принят закон «О поддержке транспортной отрасли в условиях санкций». Поддержка оказана будет гражданской авиации, автомобильному транспорту, железнодорожному и морскому/внутреннему водному, что позволит обеспечить бесперебойную работу транспортной отрасли.

Подводя итоги, можно сказать, что влияние таких факторов как санкционные ограничения и пандемия COVID-19 заставила с максимальной скоростью изменить перманентные и привычные схемы работы транспортного сектора, обеспечивая, в меру наличия возможности, потребности экономики страны, учитывая потенциальные возможности железнодорожного, автомобильного и других видов транспорта. Санкционные ограничения не внесли серьезного урона для транспортной

⁹ По данным аналитического центра при Правительстве РФ

отрасли, но учитывая современную реальность и ежедневно вводимые ограничения возникает необходимость разработке и продвижению мер в дальнейшем нивелировании возникающих проблем. Без нарастающих темпов введения в эксплуатацию объектов транспортной инфраструктуры и их совершенствования Российская Федерация, в ближайшем будущем не сможет реализовать необходимые темпы развития экономики, транзитный потенциал и обеспечить транспортную мобильность населения. Развитие транспортной инфраструктуры может и должно стать одной из приоритетных государственных задач по выходу из экономического кризиса, спровоцированного COVID-19 и введенных санкционных ограничений.

Список источников и литературы

1. Росстат [Электронный ресурс]// Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2021.pdf> (дата обращения 10.04.2022)
2. Министерство транспорта Российской Федерации [Электронный ресурс]// Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/> (дата обращения 10.04.2022)
3. Аналитический центр при Правительстве РФ

TRANSPORT OF RUSSIA. TURBULENT CONDITIONS (SANCTIONS, COVID-19 PANDEMIC) AS A TRIGGER FOR THE GROWTH OF THE RUSSIAN ECONOMY

Mitryukova K. A.¹

¹St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, Russia

The article examines the impact of sanctions on the transportation industry, taking into account the period of the COVID-19 pandemic. The influence of the imposed economic sanctions on the development of the country's transport complex is analyzed, the role of the development of the transport complex as a factor and a fulcrum in the recovery and further growth of the Russian economy is touched upon.

Key words: sanctions, transport infrastructure, Russian economy, COVID-19 pandemic.

Секция 4.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 314.88:325.1

ОЦЕНКА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Манаков А. Г.¹ Теренина Н. К.¹

¹ Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия

Центральноазиатский регион, включающий пять государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), занимает важное место в проекте евразийской интеграции. Целью исследования является оценка этнодемографических последствий реализации различных геополитических сценариев развития данного региона постсоветского пространства на период до середины XXI в. Авторами разработана методика, позволяющая оценить ход этнодемографических процессов в ближайшие три десятилетия при условии реализации определенных геополитических сценариев в Центральной Азии. Всего рассмотрено четыре основных геополитических сценария развития региона. Методика позволяет оценить отклонения от основной линии трендов исходя из особенностей этнодемографической динамики в постсоветский период, связанных с политической обстановкой в странах региона. Глубина этнодемографической трансформации региона будет наибольшей в случае реализации самого негативно-го геополитического сценария («центральноазиатского взрыва»), характеризуемого ростом исламского экстремизма в сочетании с межклановыми конфликтами и пограничными спорами. Осуществление данного геополитического сценария приведет к неконтролируемому росту населения, сопровождаемому потоками беженцев внутри региона и за его пределы, выбытию из Центральной Азии подавляющей части русского населения. Активизация «Большой игры» с подключением новых участников (Китая и Турции) едва ли кардинально изменит наметившиеся в постсоветское время тенденции этнодемографического развития региона. Наименьшая глубина этнодемографической и языковой трансформации региона связывается с углублением евразийской интеграции. В случае, если интеграция даст существенный социально-экономический эффект, появляются шансы скорректировать господствующую в постсоветский период основную линию динамики этнодемографических и языковых процессов.

Ключевые слова: геополитика, этнодемография, титульные народы, русские, Центральная Азия.

Введение

Трудно переоценить роль Центральноазиатского региона в осуществлении масштабного проекта евразийской интеграции. К настоящему времени проведено много исследований, посвященных проблемам и перспективам развития евразийского интеграционного проекта (например, [1; 2]), однако не так много работ, где представлен анализ и прогноз развития отношений России с государствами Центральноазиатского региона (например, [3; 4]). Можно отметить исследования, где рассмотрены вопросы постепенной утраты Россией «мягкой силы» в странах Центральной Азии [5; 6] и активизации в данном регионе «Новой Большой игры» [7; 8]. В этом плане особо нужно отметить работу А. А. Казанцева [9], раскрывшего несколько сценариев геополитического развития Центральной Азии на среднюю и дальнюю перспективу.

При оценке перспектив евразийской интеграции редко в расчет берутся этнодемографические процессы, развернувшиеся в Центральной Азии в постсоветский период. Хотя такого рода исследования, освещающие миграционные, демографические и этнические процессы на постсоветском пространстве, в т.ч. в Центральной Азии, в настоящее время проводятся (например, [10; 11; 12; 13; 14], и др.), но их результаты в недостаточной степени вовлечены в сферу геополитики. При этом нужно отметить, что этнодемографический фактор становится все более значимым в современной геополитике.

Цель исследования — оценка этнодемографических последствий реализации различных геополитических сценариев развития Центральноазиатского региона на период до середины XXI в.

Регион исследования охватывает пять постсоветских государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), в советское время обычно обозначаемых как «Казахстан и Средняя Азия», ныне же чаще объединяемых под общим названием «Центральная Азия».

Материалы и методика исследования

Ранее нами были определены основные тренды демографической, этнической и языковой трансформации Центральноазиатского региона

в советский и постсоветский периоды [15; 16; 17]. Для этого была использована статистика по итогам переписей населения, размещенная на сайтах Демоскоп Weekly и Population statistics of Eastern Europe & former USSR, а также данные по использованию русского языка, представленные в работе А. Л. Арефьева [18] и в других источниках.

Также нами ранее был подготовлен демографический прогноз по странам Центральной Азии до конца XXI в. [19], опираясь на который были определены основные тренды этнодемографических процессов на дальнюю перспективу в случае сохранения современных геополитических тенденций развития региона. Наиболее трудно прогнозируемым элементом при осуществлении моделирования этнодемографических процессов являются миграции населения. Их направленность и интенсивность в значительной степени зависят от политической и социально-экономической ситуации, и потому их оценка требует учета геополитического сценария развития региона. Предложенная авторами методика позволяет оценить отклонения от основной линии трендов исходя из особенностей этнодемографической динамики в постсоветский период, связанных с политической обстановкой в странах Центральноазиатского региона.

Временной интервал этнодемографического моделирования охватывает 30 лет, и его можно рассматривать как находящийся на грани среднесрочного и долгосрочного прогнозирования. Поэтому в исследовании рассмотрены как среднесрочные, так и долгосрочные геополитические сценарии.

Результаты исследования

Исследование опирается на геополитические сценарии развития Центральной Азии, предложенные А. А. Казанцевым [9]. Всего им было рассмотрено четыре сценария на среднюю перспективу и пять долгосрочных геополитических сценариев. В нашем анализе упор сделан на среднесрочные сценарии, которые в своих основных чертах имеют продолжение и в дальней перспективе.

По мнению А. А. Казанцева, наиболее вероятным является сценарий «интенсификации новой Большой игры» (с активизацией новых участников — Китая и Турции). В несколько более отдаленной перспективе возможна реализация сценария «центральноазиатской интеграции» (в виде военного или экономического союза нескольких государств региона). Также не исключен крайне негативный сценарий развития региона, обозначенный как «центральноазиатский взрыв» (его продолжение в дальней перспективе возможно в виде сценариев «полного распада» или «халифата» [9]). Что же касается сценария «реинтеграции с Рос-

сией» (в ходе евразийской интеграции), то, как считает А. А. Казанцев, время работает против его реализации, и вероятность его осуществления все более снижается с каждым годом.

В представленной ниже таблице четыре основных геополитических сценария расположены в порядке нарастания негативных последствий как для России, так и зачастую для самих государств Центральной Азии. В этой же таблице дается наша оценка последствий этнодемографического и этнокультурного плана в случае реализации данных геополитических сценариев.

Таблица 1

Отклонения от основной линии трендов этнодемографической и языковой трансформации Центральноазиатского региона при реализации различных геополитических сценариев

Показатели, характеризующие тренды этнодемографической и языковой трансформации	Геополитические сценарии			
	Реинтеграция с Россией	Центральноазиатская интеграция	«Новая Большая игра»	«Центральноазиатский взрыв»
1. Темпы роста численности титульных народов	*	**	**	***
2. Темпы миграционного оттока русских	*	**	**	***
3. Темпы выезда на постоянное место жительства титульных народов	**	*	**	***
4. Темпы роста этнической однородности государств	*	**	**	*
5. Темпы роста концентрации титульных народов в своих государствах	*	**	**	*
6. Темпы уменьшения степени владения русским языком	*	**	**	***
Темпы этнокультурной трансформации в целом	*	**	**	***

Примечания: ***—ускорение процессов; **—минимальные отклонения от основной линии тренда; *—замедление процессов.

В постсоветское время происходил быстрый рост титульного населения стран Центральной Азии (рис. 1) и ускоренный миграционный отток русского населения [14; 20].

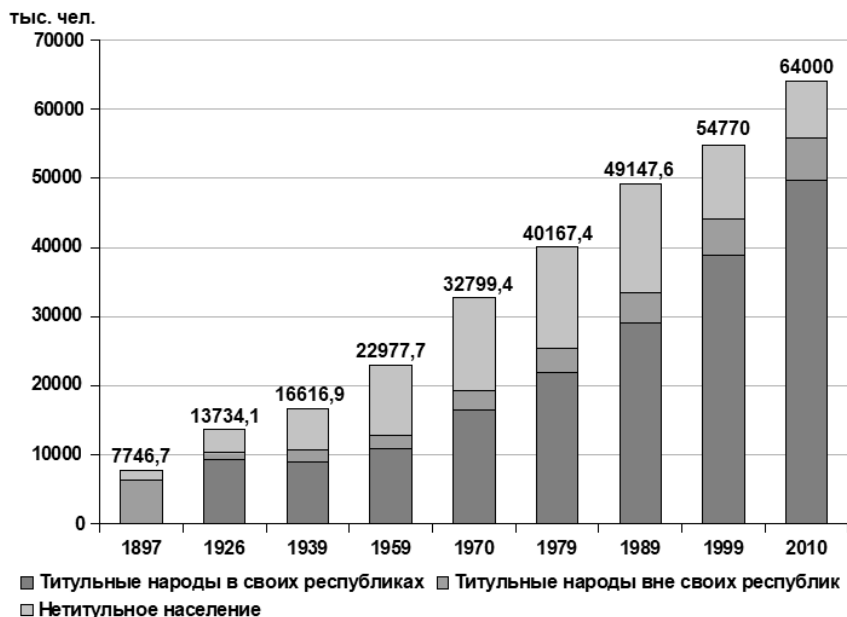

Рис. 1. Динамика численности населения Центральноазиатского региона с 1897 по 2010 гг. (источник: [17])

Среди государств региона эти процессы наиболее активно протекали в Таджикистане, в конце XX в. испытавшего гражданскую войну (1992–1997 гг.). В связи с этим следует ожидать, что реализация геополитического сценария «центральноазиатского взрыва» (сопровождаемого межклановыми конфликтами, ростом исламского экстремизма, пограничными спорами и социально-экономическим коллапсом) приведет к бесконтрольному росту численности титульных народов и ускорению миграционного оттока русских, вплоть до полного выезда последних из региона. Едва ли заметно изменятся существующие ныне тренды в случае продолжения «Большой игры». Замедление данных процессов может гарантировать только ускорение интеграции стран Центральной Азии с Российской Федерацией.

Значительный поток трудовых мигрантов из Центральной Азии в постсоветский период сопровождался перемещением многих представителей титульных народов центральноазиатских республик в Россию на постоянное место жительства [11; 21]. Данная тенденция сохранится и в случае более активной интеграции стран региона с Российской Федерацией и, возможно, при продолжении «Большой игры». Темпы выезда представителей титульных народов республик Центральной Азии из региона могут замедлиться в случае ускорения внутрирегиональной интеграции. Противоположные последствия характеризуют реализацию наиболее негативного геополитического сценария («центральноазиатского взрыва»), а именно, появление толп беженцев как внутри региона, так и за его пределы.

В ходе проведенных нами ранее исследований были выявлены два главных тренда в трансформации этнического пространства Центральной Азии в позднесоветское и постсоветское время [17]: повышение однородности национального состава республик Центральной Азии (в первую очередь, благодаря увеличению доли титульного населения) и рост концентрации титульных народов в своих республиках (рис. 2).

Рис. 2. Динамика индекса этнической концентрации титульных народов республик (в сумме) в пределах Центральноазиатского региона с 1926 по 2010 гг. (источник: [17])

Маловероятно, что до середины XXI в. произойдет новый перелом

в этих процессах, но некоторое замедление их темпов все же возможно. Это может произойти в результате достаточно интенсивного оттока титульного населения республик за пределы региона, что возможно как при осуществлении более глубокой интеграции с Россией, так и в случае массового бегства населения из региона в случае реализации сценария «центральноазиатского взрыва».

Также нами ранее была изучена ситуация, сложившаяся в центральноазиатских республиках после распада Советского Союза по степени владения русским языком [16]. Хотя русский язык сохраняет свою востребованность в большинстве государств Центральной Азии, но в целом обозначился тренд на уменьшение степени владения русским языком, в первую очередь, по причине значительного сокращения собственно русскоязычного населения в регионе [5; 22]. Ускорение интеграционных процессов с Россией может заметно замедлить отмеченные негативные тенденции. С другой стороны, реализация сценария «центральноазиатского взрыва» может привести к полному выезду русского населения из региона, что заметно ускорит «уход» русского языка из Центральной Азии.

Темпы этнокультурной трансформации в Центральноазиатском регионе в значительной степени зависят от миграционного оттока русского населения и скорости «ухода» русского языка из региона. Соответственно, минимальная этнокультурная трансформация в Центральной Азии будет происходить в случае сохранения республиками региона тесных социально-экономических и культурных контактов с Российской Федерацией. Наиболее радикальная этнокультурная трансформация произойдет при реализации регионом геополитического сценария, обозначенного как «центральноазиатский взрыв».

Заключение

В ходе исследования был оценен ход этнодемографических и языковых процессов в Центральноазиатском регионе до середины XXI в. в зависимости от реализации конкретного геополитического сценария развития региона. Осуществление наиболее негативного геополитического сценария, характеризующегося ростом исламского экстремизма в сочетании с межклановыми конфликтами и пограничными спорами, приведет к неконтролируемому росту населения, сопровождаемому потоками беженцев внутри региона и за его пределы, выбытию из Центральной Азии подавляющей части русского населения. Продолжение «Большой игры» с новыми участниками (Китаем и Турцией) едва ли изменит основную линию тренда этнодемографических процессов, за-

данную в первые три постсоветских десятилетия. В случае же достижения существенного социально-экономического эффекта благодаря углублению евразийской интеграции появятся шансы снизить влияние этнодемографических факторов, ныне работающих на политическое и культурное отдаление стран Центральной Азии от России.

Благодарности—Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–05–00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Список источников и литературы

1. Коровникова Н. А. ЕАЭС как интеграционный проект современного евразийства: принципы, особенности, сценарии, Русская политология, Россия, № 2 (11), с. 17–23, 2019.
2. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Возможные сценарии развития миграционных процессов в контексте евразийской интеграции, Международная аналитика, Россия, № 4 (30), с. 18–27, 2019.
3. Крылов А. Б., Малышева Д. Б. Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год, Россия и новые государства Евразии, Россия, № 1 (10), с. 44–58, 2011.
4. Султанов Ш. М. Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству, Управленческое консультирование, Россия, № 1, с. 20–26, 2020.
5. Шульга Е. П. Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии, Вопросы политологии, Россия, том 8, № 6 (34), с. 54–60, 2018.
6. Новоселов Д. А., Кротов А. В. Переход Казахстана на латиницу как опасность для «мягкой силы» России, Псковский регионологический журнал, Россия, № 1 (33), с. 3–9, 2018.
7. Михалев А. В. Новая Большая игра как неокOLONиальный дискурс, Научный журнал «Дискурс-Пи», Россия, № 3 (36), с. 10–25, 2019.
8. Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России, Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, Россия, том 21, № 1, с. 91–107, 2021.
9. Казанцев А. А. Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего, Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, № 3 (13), с. 34–56, 2015.
10. Дементьев В. С. Региональные различия в динамике населения постсо-

- ветского пространства в 1989–2018 гг., Псковский регионологический журнал, Россия, № 3 (43), с. 29–41, 2020.
11. Дружинин А. Г. «Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России, Псковский регионологический журнал, Россия, № 2 (42), с. 42–54, 2020.
 12. Лобарев Д. С., Калыкова Ч. И. Современные тенденции образовательной миграции в государствах Центральной Азии, Псковский регионологический журнал, Россия, том 17, № 3, с. 92–102, 2021.
 13. Перемышлин С. Н. Современные тенденции и направления развития миграции в евразийском пространстве: политологический анализ, Вестник Забайкальского государственного университета, Россия, том 26, № 6, с. 92–102, 2020.
 14. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода, Демографическое обозрение, Россия, том 7, № 2, с. 6–30, 2020.
 15. Манаков А. Г. Сдвиги в территориальной структуре этнокультурного пространства Казахстанско-Среднеазиатского региона в период с 1939 по 1959 гг., Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки, Россия, № 16, с. 55–71, 2020.
 16. Манаков А. Г., Хохрин А. Г. Владение русским языком в странах постсоветского пространства: динамика с 1989 по 2010 гг., Известия Русского географического общества, Россия, том 153, № 2, с. 3–17, 2021.
 17. Manakov A. G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017, Regional Research of Russia, Россия, vol. 10, no. 4, pp. 584–592, 2020.
 18. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, Россия, 2012. 482 с.
 19. Manakov A. G., Suvorov P. E. Population projections for Russia and countries of Central and Eastern Asia in 21st century, Geography and Natural Resources, Россия, vol. 39, no. 1, pp. 16–22, 2018.
 20. Суций С. Я. Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века, Социологические исследования, Россия, № 8 (412), с. 22–37, 2018.
 21. Манаков А. Г., Соснина К. В. Динамика численности в постсоветское время и география расселения в России титульных народов стран Центральной Азии, Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки, Россия, № 17, с. 35–49, 2021.
 22. Шагбанова Х. С., Бобкова Е. А. Русский язык как язык межнационального общения на пространстве СНГ: текущее состояние и перспективы развития, Образование и право, Россия, № 12, с. 278–285, 2018.

EVALUATION OF THE DEMOGRAPHIC FOLLOW-UP OF THE GEOPOLITICAL SCENE IN THE DEVELOPED CENTRAL ASIAN REGION

Manakov A. G.¹ Terenina N. K.¹

¹ Pskov State University,
Pskov, Russia

The Central Asian region, which includes five states (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan), occupies an important place in the Eurasian integration project. The purpose of the study is to assess the ethnodemographic consequences of the implementation of various geopolitical scenarios for the development of this region of the post-Soviet space for the period up to the middle of the XXI century. The authors have developed a methodology that allows to assess the course of ethnodemographic processes in the next three decades, subject to the implementation of certain geopolitical scenarios in Central Asia. In total, four main geopolitical scenarios for the development of the region were considered. The methodology allows us to assess deviations from the main trend line based on the features of ethnodemographic dynamics in the post-Soviet period related to the political situation in the countries of the region. The depth of the ethno-demographic transformation of the region will be greatest in the event of the implementation of the most negative geopolitical scenario (“Central Asian explosion”), characterized by the growth of Islamic extremism in combination with inter-clan conflicts and border disputes.

Key words: geopolitics, ethnodemography, titular peoples, Russians, Central Asia.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Кондратов Н. А.¹

¹ФГАОУ ВО САФУ имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

Глубокий интерес России к освоению Крайнего Севера и Арктики существовал на протяжении столетий. Меняя формы и приоритеты, он достиг уровня, когда развитие арктических территорий рассматривается как средство обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития государства. С географической точки зрения рассматриваются предпосылки и особенности устойчивого развития Арктической зоны РФ. Определены стратегические задачи, которые необходимо решить в целях устойчивого развития Российской Арктики.

Ключевые слова: Российская Арктика, устойчивое развитие

Введение. Несколько обстоятельств определяют специфику освоения природных ресурсов Арктической зоны РФ (далее—АЗРФ), замедленную интеграцию этого региона в хозяйственную и социально-культурную жизнь государства. Во-первых, необходимость адаптации экономики и местного населения к экстремально суровым природно-климатическим условиям, и на этом фоне подготовка и закрепление трудовых ресурсов для работы в условиях Крайнего Севера и Арктики. Во-вторых, потребность преодоления огромных расстояний, связывания пространства энергетической, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктурой (далее—инфраструктура). В-третьих, учет низкой устойчивости и уникальности местных экосистем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий.

Изучение направлений и проблем освоения природных ресурсов Крайнего Севера и Арктики демонстрирует большую роль географической науки в разработке и решении народнохозяйственных задач при обосновании направлений развития периферийных районов. Географический подход создает возможность обоснования стратегических выгод освоения Арктики и ее устойчивого развития для России как в рамках циркумполярной зоны, так и в глобальном экономическом пространстве.

Результаты и обсуждение. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию принята Концепция устойчивого развития человечества. Ее главный смысл — поддержание постоянного запаса природных ресурсов относительно численности населения и поиск заменителей исчерпаемых ресурсов. При разработке устойчивого развития исходят из необходимости поддержания высокого качества окружающей среды, безопасной и комфортной для проживания и хозяйственной деятельности населения.

Интегрированного понимания, что такое устойчивое развитие, каковы его индикаторы пока не сложилось. Зарубежом слагаемые природопользования и устойчивого развития рассматриваются как конкретные проблемы, которые надо решить, либо как направления деятельности, которые следует развивать [1]. Хотя встречаются и комплексные подходы к изучению устойчивого развития.

В 2015–2016 гг. ООН одобрила 17 взаимосвязанных целей Повестки дня устойчивого развития до 2030 года. Среди таких целей: «обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех», «обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех», «содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной производительной занятости и достойной работе для всех», «создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям», «обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства», «принятие срочных мер по борьбе с изменениями климата и его последствиями», «сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития», «защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, ..., прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия» [2].

Социально-экономическое, этно-культурное и природно-экологическое многообразие обуславливает региональную специфику устойчивого развития. «Устойчивое развитие в силу специфики геополитических и геоэкономических характеристик региона является основным приоритетным направлением государственной политики регионального развития» [3]. В 1994–1996 гг. Указами Президента России заложены основы стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, утверждена Концепция перехода России к устойчивому развитию.

В XXI в. зарубежные государства, их корпорации и объединения, расположенные как в арктической зоне (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Финляндия, Швеция, США), так и вне ее (Китай, Индия, Республика Корея, Япония, Германия, Великобритания) разработали стратегии и программы освоения Арктики. Позиционирование государств в районах к северу от Северного Полярного круга связано с естественными преимуществами арктических пространств, с необходимостью обеспечить их устойчивое развитие, поддержать рациональное природопользование. Возрастающая потребность в сырье и топливе, снижение добычи минеральных ресурсов в традиционных районах означают, что поиск и использование арктических природных ресурсов будут продолжаться, причем независимо от стоимости человеческого и природного факторов. Расширение хозяйственной деятельности в Арктике может привести к возрастанию экологических рисков и проблем в среде коренного населения, что негативно отразится на их природопользовании.

В России на государственном уровне признается стратегическая роль арктических территорий в социально-экономическом развитии страны [4]. Выявилась необходимость разработки научных основ и методологии устойчивого развития АЗРФ с учетом сложившейся структуры природопользования, системы расселения населения, в том числе коренных народов, поддержания качества окружающей среды.

При рассмотрении устойчивого развития АЗРФ необходимо исходить из двух принципов. Принцип глобальности означает, что происходящие в самом большом арктическом секторе природные, экономические и геополитические процессы оказывают влияние на все сферы мировой экономики в Арктике и соседних регионах. Одним из глобальных трендов является изменение климата, которое обуславливает сдвиги в территориальной и отраслевой структуре природопользования, оказывает влияние на все сферы экономической и общественной жизни. К другим вызовам следует отнести глобализацию, технологический прогресс, увеличение загрязнения окружающей среды. Необходимо преодолеть стереотип взаимоотношений «мир—Арктика» как «мир—периферия». Такой подход изжил себя. В арктическом регионе реализуются интересы транснациональных корпораций (которые представляют интересы государств, которым они принадлежат), большую роль играют сообщества коренных народов и организации международного сотрудничества. Принцип суверенности заключается в признании стратегической роли Арктики для эффективного и безопасного развития России. При этом необходимо учитывать дифференциацию природных

и социальных условий хозяйственной деятельности в субъектах АЗРФ. Россия обладает самым большим по площади арктическим сектором, второй после Канады протяженностью береговой линии в Северном Ледовитом океане.

В начале XXI в. в России был разработан проект Концепции устойчивого развития АЗРФ. Стратегической целью устойчивого развития является обеспечение сбалансированного решения задач социально-экономического развития и сохранения окружающей среды в интересах нынешних и будущих поколений на основе эффективного использования природных ресурсов, сохранения традиционного природопользования коренных малочисленных народов, повышения качества жизни и улучшения здоровья населения, восстановления нарушенных природных систем, укрепления национальной безопасности, развития международного сотрудничества.

В российской арктической стратегии (2013 г.) под «устойчивым развитием» понимаются «гармоничные позитивные изменения в важнейших сферах жизнедеятельности, обеспечивающие за счет системы целенаправленных и долгосрочных социально-экономических мер способность государства и общества противодействовать внутренним и внешним угрозам национальной безопасности».

Додин Д. А. рассматривает авторскую программу устойчивого развития «Арктика—XXI век» как «главный организационный культурно-этнический документ создания в рамках Северной Полярной области Земли устойчивого развития». В свою программу автор включает ресурсный, эколого-природоохранный, методико-технологический, технико-технологический, территориально-правовой, культурно-этнический, информационный, транспортный, научно-фундаментальный, социально-экономический блоки [5].

В развитие идей Додина Д. А., Красовской Т. М. и других авторов при определении задач устойчивого развития Российской Арктики, представляется целесообразным сосредоточить усилия на ключевых элементах, прогресс в которых обеспечит мультипликативный эффект при реализации приоритетов развития Арктики с учетом их иерархии и взаимосвязей.

Решение институциональной задачи занимает приоритетное место в комплексе мероприятий по устойчивому развитию Российской Арктики. Система государственного управления Арктической зоной России стала формироваться в начале XX в. и в современном состоянии способствовала превращению АЗРФ в самостоятельный объект государственного управления. Такую систему образуют:

- Основы государственной политики России в Арктике на период до 2035 года (утверждены Указом Президентом России 5 марта 2020 г. № 164);
- Стратегия развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645);
- Указы Президента РФ о составе сухопутных территорий АЗРФ от 02.05.2014 г. № 296, 27.06.2017 г. № 287, 13.05.2019 № 220, а также Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193 «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»;
- государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2025 года»;
- деятельность Государственной комиссии по вопросам развития Арктики (с 2015 г.);
- законодательная деятельность структур Федерального Собрания РФ: Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока, Экспертного Совета по Арктике и Антарктике и разработка законопроекта «О развитии Арктической зоны РФ»;
- деятельность Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики (с 2019 г.).

Арктика, как показано у Пилясова А. Н. [6,7], нуждается в разработке специальных арктикоориентированных моделей управления, что обусловлено ее размерами и значением. Одной из таких моделей могли бы стать арктические партнерства. В них формируется консенсус государства, региональной власти, органов местного управления, корпораций, предпринимателей, представителей общин коренных народов, образовательных, научно-исследовательских организаций, гражданского общества по разработке и реализации программ развития АЗРФ, обеспечивается доступ населения и коммерческих потребителей к информации о состоянии окружающей среды.

Указанные подходы сформировали государственно-ориентированный, с участием корпораций и частного (в том числе иностранного) бизнеса базис развития АЗРФ как целостного объекта экономической деятельности, имеющего границы (состав), стратегические приоритеты развития, способы их реализации, набор статистических показателей, позволяющих отслеживать динамику развития региона.

Решение социально-экономических задач при переходе к устойчивому развитию представляется возможным в рамках модернизации

национальной арктической экономики, обеспечивающей ее диверсификацию (при сохранении ведущей роли минерально-сырьевого комплекса), сохранение уникальных экологических систем, развитие коренных народов. В основе нового подхода лежит идеология комплексного промышленно-транспортного освоения территории, а не изолированных месторождений, с использованием программно-целевого метода, с опорой на инновации, международное сотрудничество, с учетом изменений климата. При реализации запланированных более 15 лет назад масштабных инвестиционных проектов по добыче полезных ископаемых и развитию инфраструктуры (мегапроектов) в АЗРФ будут создаваться территориально-производственные комплексы, а также объекты инфраструктуры, объединяемые в кластеры, ориентированные на коммерциализацию и внедрение НИОКР.

Ключевая проблема социально-экономического развития АЗРФ – развитие инфраструктуры. Транспорт в Арктике ориентирован на вывоз полезных ископаемых, доставку грузов и персонала на месторождения и в отдаленные поселения, снабжение тыловых баз энергообеспечения и ремонтного обслуживания, обеспечение международного транзита в акватории Северного Ледовитого океана. При этом Северный морской путь (далее—СМП) рассматривается как безальтернативное средство передвижения населения и доставки грузов в труднодоступные районы Российской Арктики. Вопросам государственного (с участием частного капитала) развития СМП уделяется приоритетное внимание как со стороны государства, так и бизнеса.

Научно-инновационная задача устойчивого развития заключается в организации и проведении фундаментальных и прикладных научных исследований по созданию современных (в т.ч. геоинформационных) основ управления арктическими территориями, а также надежного функционирования систем жизнеобеспечения населения в условиях Арктики, разработки новых материалов, технологий и техники для освоения месторождений полезных ископаемых и водных биологических ресурсов, в том числе в покрытых льдом районах. Актуальна задача накопления знаний об изменении климата и влияния этих процессов на хозяйственную деятельность человека, изучение способов адаптации населения и жизнеобеспечивающей инфраструктуры к повышению температуры. Внедрение передовых ресурсо- и энергосберегающих технологий в энергетику, жилищно-коммунальный сектор, вторичное использование твердых коммунальных отходов (далее—ТКО) позволит сократить расходы на доставку топлива, повысить качество жизни местного населения.

Социально-культурная задача предполагает разработку мер, направленных на решение демографических проблем в АЗРФ, решение проблем моногородов, развитие предпринимательства, создание высокотехнологичных рабочих мест, разработку целевых образовательных программ и подготовку кадров, обеспечение медицинского, бытового и культурного обслуживания населения. Решение этой задачи обязательно должно включать в себя усилия государства и бизнеса по развитию общин коренных народов и традиционного природопользования.

Решение геоэкологической задачи направлено на обеспечение баланса между потребностью использовать природные ресурсы и необходимостью сохранить окружающую природную среду Арктики в интересах нынешних и будущих поколений. Способами решения этой задачи являются использование предосторожного подхода, профилактика и решение экологических проблем, в том числе ликвидация накопленного экологического ущерба, рекультивация земель, развитие системы охраняемых природных территорий и туризма, внедрение раздельного сбора ТКО, совершенствование системы безопасности от угроз природного и техногенного характера.

Продолжительное время Арктика рассматривалась исключительно с военно-стратегических позиций. Решение геополитической задачи должно исходить из признания особого статуса арктических территорий. Арктическая зона имеет ключевое значение для поддержания обороноспособности нашего государства: здесь размещены силы и средства Северного флота, базируются предприятия оборонно-промышленного комплекса. Арктический театр военных действий специфичен, ледяная поверхность, припаянная к берегу, рассматривается как продолжение сухопутной территории государства. В интересах обеспечения национальной безопасности Россия взаимодействует с зарубежными государствами по совершенствованию действующих норм и инициативной разработке новых соглашений в рамках Арктического совета, Баренцева Евро-Арктического региона.

Дополнительно необходимо учитывать способы и культуру освоения природных ресурсов (эколого-технологический аспект). С учетом того, что природопользование в Арктике должно вестись с учетом интересов коренных народов проявляется культурно-этнический (культурологический) аспект.

Заключение

В основе перехода субъектов АЗРФ к устойчивому развитию лежат взаимосвязанные факторы, имеющие целью экономически эффектив-

ное и безопасное (понимаемое в широком смысле: от состояния окружающей среды до военной безопасности и развития социальной сферы) функционирование экономики. Освоение природных ресурсов должно строиться на принципах ресурсоэффективности и предосторожного подхода, опираться на компетенции трудовых ресурсов, адаптированные к работе в условиях Арктики, сопровождаться использованием технологических решений на основе НИОКР на всех этапах разведки, добычи и транспортировки сырья с подключением российских предприятий к обустройству месторождений, использованию российских транспортных средств для экспорта энергоносителей с параллельным обустройством российских портов и развитием транспортной сети.

Механизмы перехода к устойчивому развитию в субъектах АЗРФ известны, однако используются недостаточно эффективно. Деятельность арктических партнерств, региональные программы и планы действий должны координироваться с мероприятиями федеральных целевых программ, стратегиями развития ресурсных корпораций базовых отраслей арктической экономики, а также опираться на опыт хозяйственной деятельности, накопленный зарубежом, на Крайнем Севере Европы, США и Канады.

Список источников и литературы

1. Красовская Т. М. Природопользование Севера России. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.
3. Гутман С. С., Басова А. А. Индикаторы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации: проблемы выбора и измерения // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 32–48.
4. Российская Арктика: современная парадигма развития / Под ред. акад. А. И. Татаркина. СПб.: Нестор—История, 2014. 844 с.
5. Додин Д. А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005. 216 с.
6. Пилясов А. Н. Контуры Стратегии развития Арктической зоны России // Арктика: экология и экономика. 2011. № 1. С. 38–47.
7. Пилясов А. Н. Прогнозное развитие российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи, уроки зарубежных стратегий // Арктика: экология и экономика. 2011. № 2. С. 10–17.

STRATEGIC DIRECTIONS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

Kondratov N.A.¹

¹Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation

Russia's deep interest in the development of the Far North and the Arctic region has existed for centuries. Changing forms and priorities, it has reached a level where the development of the Arctic territories is considered as a means of ensuring national security and sustainable socio-economic development of the state. From a geographical point of view, the prerequisites and features of the sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation are considered. Strategic tasks that need to be solved for the sustainable development of the Russian Arctic are identified and justified.

Key words: Russian Arctic, sustainable development

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Махновский Д. Е.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Интенсивные трансформационные геополитические и геоэкономические процессы в восточнославянских странах — России, Украине и Белоруссии в постсоветский период существенно повлияли на изменение основных территориальных пропорций развития их экономики, расселения населения. Несмотря на различия в политическом, социально-экономическом, социально-культурном устройстве их объединяет соседское географическое положение, а значит, совместная вовлеченность в разрешение региональных проблем.

Ключевые слова: регион, население, ВВП, уровень развития, территориальная организация.

Компактный массив трёх крупнейших постсоветских восточно-европейских республик — Беларуси, России и Украины охватывает 17,9 млн. кв. км территории (13,9 % заселённого человеком мирового пространства). Численность проживающего здесь населения на 2020 г. составляла 198 млн. человек — свыше 2,5 % мировой (таблица 1). По средней плотности населения (18 человек на кв. км) регион более чем втрое уступал среднему мировому показателю. Основная часть населения — около 73 % проживала в европейской части региона. Однако и здесь средняя плотность населения была меньше мировой примерно в 1,7 раза.

За рассматриваемый период времени с 1995 по 2019 гг. на фоне абсолютной убыли количества жителей происходило заметное уменьшение доли трёх республик в численности населения мира. Удельный вес Беларуси снизился в 1,5 раза, Украины — в 1,6. В последней значительная составляющая убыли приходилась на чистый миграционный отток населения в 1995–2005 гг., составивший в целом 0,6 млн. человек. Несколько более благоприятно складывалась демографическая обстановка в России. За период 1995–2019 гг. её доля в мировом населении сократилась «только» в 1,4 раза, а высокая естественная убыль населения

в значительной степени (примерно на 80 %) компенсировалась чистым миграционным приростом.

Таблица 1

Численность населения, производство ВВП (ППС) Беларуси, России, Украины

Показатель	Численность населения, мир — 100 %		
	1995	2010	2019
Баларусь	0,18	0,14	0,12
Россия	2,60	2,06	1,91
Украина*	0,90	0,66	0,58
	Производство ВВП (ППС), мир — 100 %		
Баларусь	0,11	0,17	0,14
Россия	2,25	3,29	3,18
Украина*	0,51	0,40	0,46

*) здесь и далее в таблицах данные на 2019 г. приведены в границах 2016 г., включая ДНР и ЛНР

Рассчитано по: [1]

Позиции трёх, преимущественно восточнославянских по своему этническому составу, государств на пространстве бывшего СССР (без учёта стран Балтии)—или в пределах СНГ-12 хотя и ослабли, но оставались весьма прочными. В 1995 г. численность их населения достигала 74 % этой группировки, к 2019 г. сократилась до 68 %.

Экономический потенциал трёх соседних республик в совокупности представлял заметную величину в мировом и, особенно, европейском хозяйстве. Объёмы российской экономики многократно превышали масштабы экономик Украины и Беларуси. В мировом хозяйстве все страны относились к группе государств с переходной экономикой и с разной степенью успешности решали проблемы определения своего места в системе международного разделения труда. В целом для России достаточно чётко прослеживалась линия на закрепление промышленно-сырьевой специализации, Украины— аграрно-сырьевой и в большей степени ориентированной на продукцию перерабатывающей индустрии— для Беларуси.

Со времён существования единого народнохозяйственного комплекса СССР все страны в той или иной мере сохраняли между собой обширные и разносторонние экономические связи. К сожалению, за период 1996–2019 гг. доля взаимного товарооборота падала во всех трёх государствах. В Беларуси она сократилась в минимальной степени с 66,7

до 56,6 %, в России — примерно вдвое с 13,5 до 6,9 %, в Украине — радикально с 48,4 до 16,2 % [2]. При этом в отношениях России и Беларуси внешнеэкономические связи в целом сохранялись и развивались, а Украина оказалась (во многом по политическим причинам) во власти центробежных тенденций, последовательно сокращая масштабы и качество потенциально взаимовыгодных отношений, особенно с Россией.

Совокупный удельный вес экономической деятельности рассматриваемой группы государств, оцениваемый по паритетам покупательной способности валют, в мировом масштабе не превышал 4 % и был примерно на треть меньше, чем в конце 1980-х гг. По состоянию на 1995 г., в разгар кризиса, он опускался до уровня менее 2,9 %, но в дальнейшем по мере стабилизации обстановки и на фоне благоприятной конъюнктуры на экспортируемые товары заметно подрос, достигнув к 2019 г. 3,8 % (таблица 1). В сфере качественных оценок весьма информативны индикаторы, отражающие душевые уровни развития. Уровни и динамика производства душевого ВВП (ППС) показывали существенные различия между странами (таблица 2). Россия и Беларусь сумели преодолеть 100 % (средний мировой) уровень душевого производства и после 2007 г. довольно уверенно обосновались в группе высокодоходных государств. При этом Россия достигла «советского» уровня. В то же время Украина несмотря на активное привлечение иностранных инвестиций и относительный рост уровня душевого производства так и не смогла преодолеть среднемировой показатель (57 % в 1995 г. и 78 % в 2019 г.), оставаясь в ряду беднейших стран Европы.

Таблица 2

Уровни и динамика производства душевого ВВП (ППС) Беларуси, России, Украины

Показатель	Уровень душевого производства ВВП (ППС), Мир— 100 %		
	1995	2010	2019
Год	1995	2010	2019
Беларусь	61,3	123,7	114,0
Россия	86,6	159,4	166,4
Украина	56,9	59,6	77,5
	Уровень душевого производства ВВП (ППС), 1995 г.— 100 %		
Беларусь	100	201,6	185,8
Россия	100	184,1	192,1
Украина	100	104,7	136,1

Рассчитано по: [1]

Внутригосударственные межрегиональные различия в душевых уровнях производства ВВП (ППС)/ ВРП оставались очень значительными и в целом по трём государствам возросли к концу рассматриваемого периода. Для удобства сопоставлений этот индикатор даётся нами относительно среднего мирового показателя за соответствующий период времени (таблица 3). Видно, что по ходу развития нижние и верхние «планки» душевого регионального ВВП заметно сдвинулись вверх, но при этом увеличились и разрывы между ними. Некоторым исключением из общей для трёх стран в целом тенденции является Беларусь, где 2010-х годах руководством государства по факту проводилась политика выравнивания уровней экономического развития регионов, сдерживалось столь характерное для стран с переходной экономикой гипертрофированное развитие столицы. В результате если в 1990-х - начале 2000-х гг. наблюдалось ускоренное развитие г. Минска, то к концу периода на ведущие позиции несколько неожиданно выдвинулась Гродненская область, что в решающей степени связано со строительством здесь АЭС. Обращает внимание отсутствие в Беларуси откровенно отстающих регионов.

Таблица 3

Минимальные и максимальные значения уровней и динамики производства душевого ВВП (ППС) регионов Беларуси, России, Украины

Показатель	Уровень душевого производства ВВП (ППС) в области/ регионе, Мир— 100 %			
Год	1995		2019	
	минимальный	максимальный	минимальный	максимальный
Беларусь	Брестская-49,2	г.Минск-92,4	Гомельская-93,4	Гродненская-139,5
Россия	Чеченская Респ.—15,7	Тюменская-353,6	Респ. Бурятия-20,1	Сахалинская-692,6
Украина	Закарпатская-30,4	г.Киев-81,3	Черновицкая-35,2	г.Киев-248,7
Показатель	Уровень душевого производства ВВП (ППС), 2019 г./1995 г.,% (1995 г.— 100 %)			
	минимальный		максимальный	
Беларусь	г.Минск-132,3		Гродненская-256,2	
Россия	Респ.Бурятия-30,7		Сахалинская-664,6	
Украина	Ровенская-90,3		г.Киев-305,8	

Рассчитано по: [3, 4, 5]

Огромное разнообразие в обеспеченности ресурсами экономиче-

ского развития, человеческим потенциалом, исторических, этнических условий, особенности экономико- и транспортно-географического положения обусловили в России большие межрегиональные различия. Традиционно во главе списка по уровню душевого ВВП находились ресурсодобывающие регионы и столица. В 1995 г. на вершине «пирамиды» с внушительным четырёхкратным отрывом от среднего показателя по стране располагалась Тюменская область (включая автономии). В 2019 г. примерно с таким же превосходством список возглавлял новый крупный нефтегазодобывающий регион — Сахалинская область. Среди отстающих регионов — в основном субъекты федерации южной периферии страны. В 1995 г. в этом качестве пребывала Чеченская Республика, в 2019 г., с ещё большим отклонением от среднего по России уровня, заметно отставшая по темпам развития Республика Бурятия.

Украина в плане глубины межрегиональных различий рассматриваемой группы стран занимала «промежуточное» положение. С одной стороны здесь присутствовали отчётливые территориальные историко-культурные, ресурсные, экономические различия, с другой — компактность государственной территории, её длительное пребывание в пределах единого с Россией и Беларусью государства эти различия сглаживали. На протяжении всего рассматриваемого периода чётко прослеживалась лидирующая роль Киева. Со временем она в отличие от двух других стран заметно возросла. Если в 1995 г. превосходство столицы по уровню душевого ВВП над наименее развитой в тот период времени Закарпатской областью составляло 2,7 раза и соответственно в 1,4 раза превышало средний национальный уровень, то в 2019 г. разрыв с отстающей Черновицкой областью уже был более чем семикратным и трёхкратным по сравнению со среднеукраинским показателем.

Для общей оценки сбалансированности распределения основных политико-административных единиц по производству ВВП (ППС) использовались индикаторы среднего значения данного показателя по регионам страны и соответствующего коэффициента вариации (таблица 4). По результатам расчётов видно, что наиболее однородный характер имело распределение белорусских регионов. Общее количество регионов, управляемых из республиканского центра — 7 можно признать вполне рациональным. Средние размеры российских регионов для непосредственного управления из федерального центра носили излишне фрагментированный характер и предполагали введение промежуточного звена управления в виде крупных экономических районов и/или административных федеральных округов. В Украине наличие по состоянию на 2019 г. 25 субъектов управления высшего уровня в условиях

стабилизации политической обстановки могло бы рассматриваться приемлемым. Расчёт коэффициентов вариации свидетельствует об очень высокой и растущей степени неоднородности распределения регионов России и Украины по величине ВРП, что объективно затрудняло применение унифицированных методов управления этими территориальными объектами.

Таблица 4

Статистические индикаторы производства ВВП (ППС) регионов
Беларуси, России, Украины

Показатель	Характеристики производства ВВП (ППС)		
	1995	2010	2019
Год			
Беларусь			
Среднее значение ВВП (ППС) регионов от национального, %	14,3	14,3	14,3
Коэффициент вариации	31,2	53,7	29,4
Россия			
Среднее значение ВВП (ППС) регионов от национального, %	1,3	1,3	1,2
Коэффициент вариации	82,3	94,9	101,9
Украина			
Среднее значение ВВП (ППС) регионов от национального, %	3,7	3,7	4,0
Коэффициент вариации	71,2	105,3	113,5

Расчитано по: [3, 4, 5]

Проведённый по аналогичной схеме анализ распределения основных политико-административных единиц по численности населения с использованием коэффициента вариации приводит к сходным заключениям: значительный, но приемлемый уровень неоднородности распределения в Беларуси, очень высокий и растущий в России, высокий, но стабильный в Украине (таблица 5).

Для более точного учёта степени неравномерности размещения населения и экономической деятельности проведены расчёты коэффициентов географической концентрации в трёх сферах: размещении производства ВВП, расселении населения и распределении ВВП относительно населения (таблица 6). Результаты расчётов свидетельствуют об очень высокой и усиливавшейся территориальной концентрации производства ВВП и расселения населения в России (рост коэффици-

ентов в период 1995–2019 гг. с 54 до 60 и с 63 до 64 % соответственно). Наблюдался также значительный рост значения коэффициента концентрации производства ВВП относительно населения (с 18 до 26 %), что ещё более подчёркивало усиление неравномерности в размещении производительных сил. В Беларуси и Украине значения соответствующих коэффициентов можно было трактовать в диапазоне оценок от слабой до умеренной концентрации. При этом увеличением показателей производственной концентрации отличалась (за счёт, главным образом, усиления роли столицы) Украина (рост коэффициента концентрации ВВП в период 1995–2019 гг. с 23 до 32 и коэффициента концентрации ВВП относительно населения с 10 до 22 %).

Таблица 5

Статистические индикаторы численности населения регионов
Беларуси, России, Украины

Показатель	Численность населения		
	1995	2010	2019
Год			
Беларусь			
Среднее значение численности населения регионов от национального, %	14,3	14,3	14,3
Коэффициент вариации	11,2	17,8	23,9
Россия			
Среднее значение численности населения регионов от национального, %	1,3	1,3	1,2
Коэффициент вариации	82,3	94,9	101,9
Украина			
Среднее значение численности населения регионов от национального, %	3,7	3,7	4,0
Коэффициент вариации	52,6	50,9	49,2

Рассчитано по: [3, 4, 5]

В результате проведённого исследования была выявлена значительная степень пространственной неоднородности экономического развития и расселения населения трёх соседних восточноевропейских государств. Неоднородность прослеживалась как на уровне традиционных количественных оценок экономического потенциала и населения, так и расчётных душевых показателей, позволяющих оценить исследуемые процессы на качественном уровне, широко использовать при этом сравнительный метод. За рассматриваемый период 1995–2019 гг. особенно выделялась в плане роста пространственной неоднородности Россия.

Усиливалась концентрация населения и производственного потенциала в крупнейших городских агломерациях, нефтегазодобывающих регионах и на юге Европейской части страны. В Украине основным источником постепенно нарастающих диспропорций являлась столица страны. В наименьшей степени нарастание процессов территориальной концентрации была характерна для Беларуси. Анализ качественных душевых индикаторов развития также показал наибольшую степень пространственной неравномерности у России, наименьшую — у Беларуси. Были также выявлены признаки более устойчивого развития западных приграничных регионов Беларуси и Украины.

Таблица 6

Коэффициенты географической концентрации индикаторов социально-экономического развития регионов Беларуси, России, Украины

Показатель	Коэффициенты географической концентрации (КГК),%		
	1995	2010	2019
Год			
Беларусь			
ВВП (ППС)	24,4	31,6	24,1
Население	16,2	19,2	21,3
ВВП (ППС) относительно населения	8,3	14,7	6,3
Россия			
ВВП (ППС)	53,6	58,2	59,7
Население	62,7	63,8	64,2
ВВП (ППС) относительно населения	18,1	24,7	26,4
Украина			
ВВП (ППС)	22,9	32,6	31,6
Население	18,6	19,3	20,2
ВВП (ППС) относительно населения	9,6	19,0	21,8

Расчитано по: [3, 4, 5]

Вместе с тем, если ограничить исследовательское поле только европейской частью общего пространства трёх рассматриваемых государств оценки территориальной неравномерности развития России заметно уменьшатся. Следует отметить, что на протяжении всего постсоветского периода развития пространственная структура политико-административных единиц второго («областного») уровня управления всех стран изменилась незначительно и оставалась оптимизированной для

решения задач в границах единого государства. Однако постепенное «расхождение» экономических интересов самостоятельных государств подталкивало их к поиску собственных моделей территориального устройства. В частности, известны предложения по разукрупнению областного звена управления в Беларуси, а также укрупнению муниципальных образований (переход к двухуровневому административному управлению) [6]. Существуют разнообразные варианты изменения политико-административного устройства России. В Украине с 2015 г. проводились мероприятия по реформированию низовых уровней территориального управления (самоуправления). Были сформированы 1469 территориальных общин (громад), объединённых в 126 укрупнённых районов (без Крыма и Севастополя) [7]. В перспективе пространственная организация управления Беларуси и Украины будет в возрастающей степени зависеть от складывающегося соотношения «восточного» и «западного» векторов их политики.

Список источников и литературы

1. DataBank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения 14.01.2022 г.).
2. WTO. International trade and tariff data [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm (дата обращения 16.01.2022 г.).
3. OECD Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.oecd.org/> (дата обращения 28.01.2022 г.).
4. Державна служба статистики України [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ukrstat.gov.ua> (дата обращения 25.01.2022 г.).
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения 5.02.2022 г.).
6. Ивашкевич А. А. Административно-территориальное деление и проблемы его совершенствования в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bseu.by:8080/bitstream/edoc/70311/1/Ivashkevich_A.A._109_114.pdf (дата обращения 14.01.2022 г.).
7. Украину заново поделили на районы: как это будет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://klymenko-time.com/obshhestvo/v-ukraine-perekroili-oblasti-chno-za-plan-utverdilo-pravitelstvo/> (дата обращения 23.01.2022 г.).

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF RUSSIA, UKRAINE AND BELARUS IN THE POST- SOVIET PERIOD

Makhnovskiy E. G.

¹ St.Petersburg State University of Economics, Russian Federation, St.
Petersburg

Intensive transformational geopolitical and geo-economic processes in the East Slavic countries—Russia, Ukraine and Belarus in the post-Soviet period significantly influenced the change in the main territorial proportions of the development of their economy, the settlement of the population. Despite the differences in political, socio-economic, socio-cultural structure, they are united by their neighboring geographical location, which means joint involvement in solving regional problems.

Key words: region, population, GDP, level of development, territorial organization.

ОСОБЕННОСТИ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕПРИЗНАННЫХ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК ЗАКАВКАЗЬЯ

Дельва К. И.¹

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Работа посвящена вопросу геодемографических изменений за постсоветский период в непризнанных и частично признанных государствах Закавказья: Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. В силу своего горного рельефа, изолированного положения, единого советского административно-территориального происхождения и близости путей развития в постсоветский период эти страны имеют общую основу для сравнения демографических процессов за последние 30 лет с момента обретения ими фактической независимости. Основной вопрос работы заключается в определении как общих закономерностей демографических процессов рассматриваемых стран, так и обозначении особенностей протекания процессов в данных странах. Для достижения поставленной задачи было проведено сравнения доступных статических данных по различным демографическим параметрам. Работа фиксирует, что Абхазия и Южная Осетия перешли от расширенного режима воспроизводства населения к суженному. Отдельно в работе рассматривается вопрос о процессе урбанизации в рассматриваемых республиках; выявлены отличия урбанизации Южной Осетии от Абхазии и Нагорного Карабаха.

Ключевые слова: Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, непризнанные республики, демографическая ситуация.

Введение

В 1990-е гг. на территории бывших советских республик Закавказья сформировалось несколько непризнанных республик (чуть позже некоторые из них стали частично признанными республиками): Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах. Данные государственные образования на момент их образования в 1990-е гг. имели ряд схожих черт развития:

- Автономные образования в составе советских социалистических республик на 1989 год;

- концентрация населения в предгорьях, ущельях или на в низменностях у побережья (в случае Абхазии), что формирует похожие «линейные» оси расселения;
- Примерно одинаковые доли городского населения (47,1 % в Абхазии, 45,2 % в Южной Осетии и 51,8 % в Нагорном Карабахе) на 1989 год [1];

Ограниченное число внешних «выходов»; все рассматриваемые республики имеют связь либо с «ключевым партнером» (Россия, Армения), через которые сформированы основные долговременные миграционные коридоры страны, или с «коренными» странами (Грузия, Азербайджан), регулярные контакты с которыми оборваны, а миграции через границы соприкосновения происходят только во время острых фаз конфликтов.

Задачей нашего исследования является выявление общих закономерностей и особенностей геодемографической трансформации непризнанных и частично признанных государств Закавказья с 1989 года (год проведения всесоюзной переписи населения, который является «стартовой» точкой исследования) и до конца 2010-х гг. с попыткой дать объяснение тем или иным наблюдаемым процессам.

Основная часть

Изучение геодемографической трансформации предполагает исследование воспроизводства населения, сменяющих друг друга демографических ситуаций. В свою очередь изучение демографической ситуации распадается на ряд взаимосвязанных демографических процессов и тенденций, определяющих численность и структуру населения [2, с. 226]. Основными показателями демографической ситуации традиционно выступают рождаемость и смертность (разница которых образует естественное движение населения), миграционные показатели, половозрастная структура, а также такие показатели как брачность, продолжительность жизни, младенческая смертность и т.д. В контексте демографического перехода важно говорить и о протекании смены режима воспроизводства населения. Приставка «гео» отражает в нашей работе пространственные изменения исследуемого населения республик, прежде всего вопрос о соотношении городского и сельского населения и, следовательно, протекание урбанизационных процессов. Такое понимание отличает наше исследование от наиболее распространенного подхода к изучению геодемографической ситуации, которая рассматривает систему взаимосвязей демографических и иных социально-экономических показателей на определенной территории [3]. Важно также

дополнить, что урбанизация будет пониматься в работе в «упрощенном» значении как увеличение доли городского населения в республиках [2, с. 870].

Изучение демографической ситуации в республиках сталкивается с недостатком тех или иных статистических данных о демографической ситуации в республиках как по отдельным показателям, так и по временным отрезкам. Последним общесоюзным временным срезом для демографических сравнений является последняя всесоюзная перепись 1989 года. В 1990–2010-е гг. в республиках проводились как республиканские переписи населения (2003 и 2011 гг. в Абхазии, 2015 г. в Южной Осетии, 2005 и 2015 гг. в Нагорном Карабахе), так и отдельные регулярные и нерегулярные оценки численности населения, проводимые республиканскими статистическими органами службами статистики. Также республики отличаются друг от друга по «глубине» социально-демографических данных; так, Южная Осетия только с середины 2010-х гг. наладила общедоступный статистический учет населения по районному уровню, а абхазские данные за 2000–10-е гг. имеют слабый внутрирайонный охват. Наиболее полными и долговременными данными, по мнению автора, обладает Нагорно-Карабахская республика. В связи с этим для анализа были отобраны базовые показатели, по которым будет оцениваться геодемографическая ситуация: численность сельского и городского населения и возрастно-половая структура, которые в случае наличия данных дополнялись отдельными демографическими данными о естественном и миграционном движении населения. Тем не менее, даже имеющиеся данные могут помочь нам выделить как особенности геодемографической трансформации республик.

С 1989 года исследуемые республики испытывали снижение численности населения, прежде всего—по причине миграционного оттока населения; Депопуляция вследствие активных фаз вооруженных конфликтов привела к сокращению численности населения республик к середине 1990-х—началу 2000-х годов, после чего начался рост; в итоге, население Абхазии сократилось с 525 (1989 год) до 244 тыс. чел. (на 01.01.2021), Южной Осетии—с 99 (1989 г.) до 56,4 тыс.чел (на 31.12.2020), Нагорного Карабаха—с 189 (1989) до 148,8 тыс.чел (2019 г.).

Наблюдаемая динамика снижения численности в 1990–2000-е гг. во многом сопряжена с этническим составом республик накануне распада СССР; наибольший отток населения (как в абсолютных, так и в относительных значениях) испытала Абхазия, которая обладала наиболее полиэтничным составом населения: титульный этнос в 1989 году

составлял всего лишь 17,8 %, тогда как в Южной Осетии и НКР доля титульных этносов составляла 66,2 % и 77 % [1]. Представители нетитульных народов покидали республики в годы активных фазы конфликтов. Подъем численности населения по завершению активных фаз во многом объясняется незавершившимся демографическим переходом титульных народов и высокой долей сельского населения, что часто отражается в положительных значениях естественного прироста населения как в городской, так и в сельской местностях республик.

Таблица 1

Численность населения Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха по данным переписей и текущего учета населения.

Республика	Численность (ВПН, 1989), тыс. чел.	% от численности на 1989 г.	Численность (2000-е гг.), тыс. чел.	% от численности на 1989 г.	Численность (переписи 2010-х гг.), тыс.чел.	Численность (кон. 2010-е гг.), тыс. чел.	% от численности на 1989 г.
Абхазия	525	100 %	215,3 (2003 г.)	41 %	240,7 (2011 г.)	244,0 (01.01.2021)	46 %
Ю.Осетия	99	100 %	-	-	53,5 (2015 г.)	56,4 (31.12.2020)	57 %
Н.Карабах	189	100 %	137,7 (2005 г.)	72,8 %	145 (2015 г.)	148,8 (2019 г.)	78,7 %

Рассчитано на основании: [1, 4–10].

Однако между республиками наблюдается и ряд отличий:

В Абхазии доля городского населения за период в 1989–2003 гг. снизилась с 47,2 % до 44,9 %, а к 2020 году выросла до 50,3 %. Численность населения абхазских городов за период 1989–2003 гг. сократилась в диапазоне от 2 до 5 раз. Убыль городского и сельского населения районов Абхазии в большей объясняется этническими миграциями грузин, в меньшей степени — армян, русских и других нетитульных народов. Основной вклад в рост городского населения Абхазии в период с 2003 по 2020 гг. внес г. Сухум, население которого выросло с 43,7 до 65,5 тыс.чел. (почти в 1,5 раза) В остальных городах республики, которые одновременно являются районными центрами (за исключением г. Пицунды) численность населения с 2003 по 2020 гг. или стабилизировалась, или выросла не более чем на 14 %. Практически во всех районах республики наблюдается стабилизация численности сельского населения, однако доля сельского населения сократилась с 55,1 % до 49,7 %.

Данные возрастно-половых структур за 1989 и 2015 г. отражают переход от расширенному к суженному воспроизводству населения; за период с 1989 по 2011 г. доля лиц младше трудоспособного возраста сократилась с 24 до 17,3 %, а доля лиц старше трудоспособного возраста выросла с 17,3 до 23,5 % [1, 4, 8].

Данные по *Южной Осетии* не дают развернутой картины геодемографической трансформации за постсоветский период т.к. сопоставимые данные по сельскому и городскому населению есть только по переписям 1989 и 2015 гг.; в остальные периоды данные, как правило дают информацию лишь на районном уровне без возможности затронуть уровень районных населенных пунктов (за исключением городов Цхинвал и Квайса). За период с 1989–2021 гг. доля г. Цхинвала в населении республики выросла с 45 до 58 %, притом что численность города в период с 1989 по 2015 гг. снизилась с 42,9 до 30,4 тыс.чел., а в 2021 г. составила 32,9 тыс.чел.. Доля районных центров сокращалась пропорционально снижению численности населения районов за исключением пгт Дзау, который на фоне снижения численности населения района продемонстрировал рост населения. В целом доля районных центров (включая столицу) за межпереписной период выросла с 51 до 65 %, что говорит о более активной урбанизации населения Ю. Осетии по сравнению с Абхазией. Отчасти такие цифры объясняются меньшими размерами населения, в результате чего миграция одного человека может вносить более весомый вклад в итоговые балансы населения. Но если обратить внимание на возрастно-половые структуры населения республики в 1989 и 2015 гг., то здесь также виден смена режима воспроизводства населения: доля лиц младше трудоспособного возраста сократилась с 24,4 до 19,3 %, а доля лиц старше трудоспособного возраста выросла с 19,7 до 26,3 %. В сельской местности наблюдается еще более кардинальный спад: доля лиц младше трудоспособного возраста сократилась с 22,8 до 14,8 %, а доля лиц старше трудоспособного возраста выросла с 23,9 до 32,2 % [6, 9].

Нагорный Карабах представляет собой один из самых сложных объектов для изучения; территория Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) на момент всесоюзной переписи 1989 года не совпадала по площади территорией Наробно-Карабахской республики в 1990–2010-е гг. Территориальные изменения, произошедшие после эскалации карабахского конфликта 2020 года, в исследовании не учитывались; последняя статистическая информация по населению национальной статистической службы Арцаха датируется 2019 годом [10]. После падения численности населения с 189,1 (в границах НКАО) до 126,3 тыс.

чел (в границах НКР на 1995 год) происходит рост численности населения до 148,8 тыс.чел в 2019 году. Доля городского населения НКР в 2000–2010-е гг. растет медленно (с 50 до 53,5 % в межпереписной период) при этом республиканский центр г. Степанакерт демонстрировал довольно скромный на фоне других республиканских центров рост численности населения: с 50 до 58,3 тыс.чел за период с 1989 по 2019 гг. (на 16,6 %). В отличие от Абхазии и Южной Осетии, Нагорный Карабах демонстрирует сохранность расширенного режима воспроизводства: в период с 1989 по 2005 гг. доля лиц младше трудоспособного возраста сократилась с 29,6 % до 23,9 %, а доля лиц старше трудоспособного возраста выросла с 16,2 до 17,3 %, а в 2015 г. доля лиц младше трудоспособного возраста составила 25 % (старше трудоспособного возраста— 18,8 % населения [5, 7, 10].

Заключение

Помимо общих демографических тенденций развития республик таких как депопуляция в 1990-е гг. и последующее восстановление численности населения с 2000-х гг. республики имеют ряд сходств и различий своей геодемографической трансформации; Абхазия и Южная Осетия перешли к суженному режиму воспроизводству населения, тогда как Нагорный Карабах сохраняет расширенный режим. Доля городского населения Абхазии и Нагорного Карабаха испытывала небольшой прирост и к 2020 г. составляет чуть более 50 % и вместе со стагнацией численности районных центров сопровождается разными темпами роста республиканских центров. Южная Осетия демонстрирует рост доли г. Цхинвала в населении республики до 58 % при фактической стагнации населения города и депопуляции районных центров.

Список источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1989 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6> (дата обращения: 08.04.22).
2. Демографическая энциклопедия. / Редкол.: А. А. Ткаченко, Аношкин А. В., М. Б. Денисенко М. Б., В. В. Елизаров В. В., Н. Н. Шаповалова. —944 с.
3. Федоров Г. М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 7–28.
4. Абхазия в цифрах 2015: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум: ИП «Лагвилава А.», 2016. URL: <https://ugsra.org/abkhaziya-v-tsifrah/2015-god.php> (дата обращения: 08.04.22).
5. Результаты переписи Нагорно-Карабахской республики 2005 года. URL: <http://census.stat-nkr.am/> (дата обращения: 08.04.22).

6. Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия / Управление государственной статистики.—Цхинвал, 2016.— 452 с. URL: <https://ugostat.ru/wp-content/uploads/2017/06/Itogi-perepisi-RYUO.pdf> (дата обращения: 08.04.22).
7. Результаты переписи Нагорно-Карабахской республики 2015 года. URL: <http://stat-nkr.am/ru/-2015/-2015> (дата обращения: 08.04.22).
8. «Абхазский статистический ежегодник—2020»: Государственный Комитет Республики Абхазия по статистике. Сухум: ИП «Лагвилава А.», 2021. URL: <https://ugsra.org/abkhaziya-v-tsifrah/2020-god.php> (дата обращения: 08.04.22).
9. Статистический сборник Государственной службы статистики Республики Южная Осетия за январь-декабрь 2021 г. URL: <https://ugostat.ru/wp-content/uploads/2022/03/spravochnik-yanvar-dekabr-2021.pdf> (дата обращения: 08.04.22).
10. Статистический ежегодник Арцахской республики 2020 г. URL <http://stat-nkr.am/ru/component/content/article/1204-2020> (дата обращения: 08.04.22).

FEATURES OF GEODEMOGRAPHIC TRANSFORMATION OF UNRECOGNIZED AND PARTIALLY RECOGNIZED REPUBLICS OF TRANSCAUCASIA

Delva K. I.¹

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

The work is devoted to the issue of geodemographic changes for the post-Soviet period in the unrecognized and partially recognized states of Transcaucasia: Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh. Due to their mountainous terrain, isolated position, single Soviet administrative-territorial origin and the proximity of development paths in the post-Soviet period, these countries have a common basis for comparing demographic processes over the past 30 years since they gained de facto independence. The main issue of the work is to determine both the general patterns of demographic processes of the countries under consideration, and to identify the features of the processes in these countries. To achieve this goal, a comparison of available static data on various demographic parameters was carried out. The work fixes that Abkhazia and South Ossetia have moved from an expanded regime of population reproduction to a narrowed one. Separately, the paper deals with the issue of the process of urbanization in the republics under consideration; the differences between the urbanization of South Ossetia and Abkhazia and Nagorno-Karabakh are revealed.

Key words: Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh, unrecognized republics, demographic situation.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОГО ФАКТОРА НА ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОМИНИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Пенья Пегеро Франсиско Хосе¹

¹ Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Вследствие соседства с таким экономически неблагополучным государством, как Гаити, входящая миграция в Доминиканской Республике имеет определенную региональную специфику, влияющую на пространственное распределение бедности в стране. Проведенное исследование доказало, что подавляющее большинство иммигрантов-гаитянцев, проживающих в Доминиканской Республике, расселяются не в самых выгодных местах с точки зрения обеспечения качества жизни, поскольку их уровень доходов существенно уступает и коренному населению страны, и иммигрантам из других стран. Такая концентрация бедности в определенных регионах еще больше усиливает диспропорции в пространственном развитии страны, обусловленные физико-географическими факторами и исторически сложившейся системой расселения населения. Данный тренд в последние десятилетия становится настолько выраженным, что требуется принятие конкретных мер для корректировки сложившейся ситуации во избежание замедления социально-экономического развития страны в целом.

Ключевые слова: Доминиканская республика, Гаити, миграция, уровень бедности.

Введение

В Доминиканской Республике как развивающейся стране миграция имеет особый характер и отчасти обуславливает целый ряд проблем регионального развития на фоне соседства с таким бедным государством, как Гаити, чьи граждане играют основную роль в составе иностранного населения Доминиканской Республики.

Таким образом, гаитянская миграция в Доминиканскую Республику представляет оригинальный кейс для изучения проблемы бедности в развивающихся странах. Данная тема отражена в работах Куланж Мероне Ш. (Coulange Méroné S. [1]), Сили Р. (Silie R. [2]), Вудинг Б. (Wooding Bridget [3, 4]), дель Росарио П. .Х. (Pedro Juan del Rosario [6]), Денелен С. (Deneulin S. [7]) и др. Некоторые исследователи напрямую

загрывали в своих работах влияние миграции из Гаити на экономику Доминиканской Республики, в частности на рынок труда и на отрасли с заметным применением гаитянской рабочей силы (сельское хозяйство и строительство). Среди авторов данных работ — Аристи-Эскудер Х. (Jaime Aristy-Escuder [8]).

Однако вопрос пространственного распределения бедности в Доминиканской Республике и ее корреляция с расселением по территории страны мигрантов исследован, на наш взгляд, довольно слабо. Поэтому целью данной статьи является изучение связи между иммиграцией и уровнем бедности населения Доминиканской Республики как в пространственном, так и в динамическом аспектах.

Исследование основано преимущественно на данных национальных опросов об иммигрантах Доминиканской Республики 2012¹⁰ и 2017¹¹ гг., проведенных Бюро национальной статистики Доминиканской Республики. [9]

Экономико-географические факторы неравномерности пространственного развития Доминиканской Республики

Территориально-административное деление Доминиканской Республики довольно сложное и характеризуется высокой степенью фрагментации территории. По состоянию на 2021 г. страна делилась на следующие территориальные единицы: 3 макрорегиона (Северный, Юго-восточный и Юго-западный), 10 административных регионов, 31 провинция, 1 национальный округ, 157 муниципалитета и 235 муниципальных округов, 2914 квартала, 5733 суб-квартала, 1212 секции и 10056 общин¹².

Макрорегионы Доминиканской Республики отличаются природно-климатическими условиями, специализацией экономики и уровнем социально-экономического развития.

Северный и Юго-восточный макрорегионы более благоприятные для формирования системы расселения, урбанизации и хозяйственной деятельности. В Юго-западном макрорегионе проживает около 20 % населения страны в связи с более сухим климатом и высокими

¹⁰ Primera Encuesta Nacional de Inmigrantes en la República Dominicana ENI-2012, Informe General / Oficina Nacional de Estadística, 2013. [Электронный ресурс].—Режим доступа: [https:// inlnk.ru/EL66Yg](https://inlnk.ru/EL66Yg) (дата обращения: 03.06.2021)

¹¹ Segunda Encuesta Nacional de Inmigrantes en la República Dominicana ENI-2017, Versión Resumida del Informe General / Oficina Nacional de Estadística, 2018. [Электронный ресурс].—Режим доступа: <https://inlnk.ru/10XXjn> (дата обращения: 03.06.2021)

¹² División Territorial 2021 / Oficina Nacional de Estadística, 2021. [Электронный ресурс].—Режим доступа: <https://inlnk.ru/ND9912> (дата обращения: 05.01.2022)

температурами, тогда как восточные и северные территории характеризуются климатом с более высокой частотой осадков и низкими температурами.

Сельское хозяйство преимущественно развивается в Северном макрорегионе. В связи с конкурентоспособностью продукции отрасль ориентирована не только на национальный рынок, но и на международный. Кроме того, в макрорегионе развиваются туризм, строительство, производство в особых экономических зонах и горнодобывающая промышленность. [10]

В Юго-восточном макрорегионе преимущественно развиваются промышленность и сфера услуг. Этот макрорегион также лидирует по численности городского населения страны (56% согласно переписи населения 2010 г)¹³. Данная позиция во многом обусловлена тем, что здесь находится экономическая и политическая столица Доминиканской Республики — Санто-Доминго.

Юго-западный макрорегион отстает по основным социально-экономическим показателям и развитию отраслей экономики, несмотря на его туристический потенциал и месторождение драгоценного камня «ларимар».

Общие тенденции расселения иммигрантов по территории Доминиканской Республики

Программа развития ООН (ПРООН) измеряет индекс человеческого развития (ИЧР) на основе несколько социально-экономических показателей: детской смертности, уровня грамотности и среднедушевых доходов. По оценкам ПРООН, на 2016 г. в Юго-западном макрорегионе располагались 4 из 5 провинций с наиболее низким ИЧР. [11] При этом 3 из этих провинций имеют границы с Республикой Гаити, которую считают одной из самых бедных стран мира¹⁴. По данным опросов об иммигрантах 2012 и 2017 гг. 92% иммигрантов, которые проживают в Юго-западном макрорегионе, приехали из Гаити. Исходя из данных фактов можно предположить, что существует связь между социально-экономическим развитием регионов Доминиканской Республики и ее соседством с Республикой Гаити.

¹³ Volumen I, IX Censo Nacional de Población y Vivienda 2010, Informe General / Ministerio de Economía, Planificación y Desarrollo/Oficina Nacional de Estadística, 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.one.gov.do/Multimedia/Download?ObjId=2746> (дата обращения 23.12.2020)

¹⁴ Статья Всемирного банка — <https://www.bancomundial.org/es/results/2020/01/08/haiti-providing-opportunities-for-all-haitians> (дата обращения: 03.06.2021)

Гаитянцы составляют 87 % всех иммигрантов страны по данным опросов. Более того, во всех регионах численность иммигрантов из Гаити значительно выше численности иммигрантов из других стран. Например, в 2012 г. регионом с наименьшей долей иммигрантов из Гаити выступил Сibaо-Нордесте (70 %), тогда как регионом с наибольшей долей выступил Сibaо-Нороесте (98 %). В 2017 г. регионом с наименьшей долей иммигрантов из Гаити стал Эль-Йума (83 %), а регионом с наибольшей долей остался Сibaо-Нороесте (97 %). Следовательно, во входящей миграции в Доминиканскую Республику главную роль играют гаитянцы.

Согласно опросу 2012 г., по численности населения иммигрантов лидировали Осама и Сibaо-Норте, тогда как отставали Игуамо и Эль-Валье. По данным переписи населения 2010 г. первые 6 городов по численности населения расположены в этих регионах (5 из них расположены в Осаме).

Города больше всего привлекают иммигрантов. Около 70 % иммигрантов проживает в городской зоне. Среди факторов привлекательности городской зоны выделяются рабочие места (по количеству и диверсификации), более высокие доходы (прибыль, заработная плата и др.), спрос и предложение товаров и услуг.

По доле иммигрантов в 2012 г. лидировали Сibaо-Нороесте и Эль-Йума, тогда как аутсайдерами выступали Вальдесия, Сibaо-Нордесте и Игуамо (см. табл. 1).

За 5 лет увеличилась численность иммигрантов во всех регионах Доминиканской Республики, кроме Сibaо-Сур и Энрикильо. В регионе Эль-Валье численность иммигрантов осталась практически неизменной. Лидерами остались Осама и Сibaо-Норте, но аутсайдерами стали Эль-Валье и Сibaо-Сур.

По доле иммигрантов лидерами остались Сibaо-Нороесте и Эль-Йума. Аутсайдерами выступили Сibaо-Сур, Сibaо-Нордесте и Вальдесия.

Высокая доля иммигрантов в регионе Сibaо-Нороесте является косвенным последствием выбытия коренного населения в южные города. За 5 лет численность коренного населения Сibaо-Нороесте сократилась на 11,8 %. Это характерно для всего Северного макрорегиона. [12] По данным опросов, прирост общей численности населения в Северном макрорегионе за 5 лет составил -5,8 %, в Юго-восточном макрорегионе +10,4 % и в Юго-западном макрорегионе +13,1 %.

Таблица 1

Распределение иммигрантов по регионам Доминиканской Республики
в 2012 и 2017 гг.

Макрорегион	Регион	2012		2017	
		Количество иммигрантов	Доля иммигрантов, %	Количество иммигрантов	Доля иммигрантов, %
Северный	Сибо-Норте	92 635	5,8	94 540	5,9
	Сибо-Сур	30 877	4,0	21 985	3,0
	Сибо-Нордесте	21 472	2,9	22 762	3,6
	Сибо-Нороесте	56 631	12,6	60 181	14,9
Юго-западный	Вальдесия	20 730	2,3	40 144	3,8
	Энрикильо	26 334	7,6	25 479	6,2
	Эль-Валье	18 866	6,0	18 870	6,5
Юго-восточный	Эль-Йума	55 753	8,5	60 061	9,0
	Игуамо	16 353	3,2	23 289	3,9
	Осама	184 981	5,4	203 621	5,4

Составлено по данным [7]

Следует отметить, что Юго-восточный макрорегион привлекает не только иностранных мигрантов, но и внутренних. Кроме того, поскольку Северный макрорегион наиболее благоприятный для сельского хозяйства, то оно до сих играет пор важную роль в структуре экономики региона. Значительное количество рабочих мест в этой отрасли занимают именно иммигранты-гаитянцы, и даже отмечается, что одно из главных миграционных направлений из Гаити в Доминиканскую Республику — в Северный макрорегион. Сюда они активно мигрируют для работы на плантациях сахарного тростника и риса. [13] Что касается региона Эль-Йума, мощная туристическая деятельность сюда привлекает иммигрантов и из Гаити, и из других стран.

На уровне макрорегионов наибольший прирост численности иммигрантов наблюдается в Юго-западном (28,2 %) и Юго-восточном макрорегионах (11,62 %). Самое резкое увеличение численности зафиксировано в Вальдесии (93,7 %) и в Игуамо (42,4 %). В Сибо-Сур численность снизилась на 28,8 % и в Энрикильо — на 3,2 %) (см. рис. 2). Однако общая пропорциональность распределения иммигрантов по ад-

министративным регионам сохранилась.

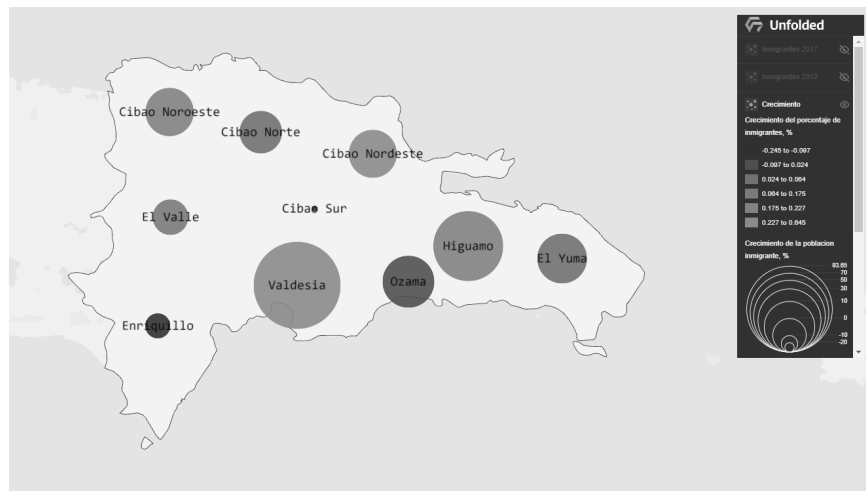

Рис. 2. Прирост численности иммигрантов (по размеру пунсонов) и доли иммигрантов (по цветовой градации пунсонов) по регионам Доминиканской Республики, 2012–2017 гг., %

Построено автором с помощью <https://studio.unfolded.ai/> по данным [7]

По приросту доли иммигрантов лидируют Вальдесия и Сибоа-Нордесте (0,65 % и 0,26 %). Аутсайдерами являются Сибоа-Сур, Энрикильо и Осама (–0,25 %, –0,19 % и –0,01 %).

Сравнение уровня доходов и отраслевых особенностей занятости иммигрантов из Гаити и иммигрантов из других стран

С развитием экономики общая численность населения Доминиканской Республики увеличивается в городах и сокращается в сельской местности. Однако при этом в селах увеличивается численность иммигрантов. В 2017 г. 172 тыс. иммигрантов проживали в селах. Из них 167 тыс. (97 %) приехали из Гаити. Очевидно, что в связи со слабым социально-экономическим развитием Гаити многие из выходцев-гаитянцев обладают недостаточным уровнем образования и квалификации и вынуждены расселяться в селах или брать работы, продукция которых имеет низкую добавленную стоимость. Однако ситуация с иммигрантами из других стран совершенно другая. Многие из них являются квалифицированными работниками, занимают административные позиции

и намного проще находят работу. Данная ситуация приводит к сегрегации такой значительной группы, как гаитянцы, что отрицательно влияет на социально-экономическое развитие страны и даже способствует возникновению межэтнических конфликтов.

По данным опроса 2017 г., основная доля доходов иммигрантов приходится на города Доминиканской Республики (66,9%). При этом в отличие от иммигрантов из других стран, доля доходов иммигрантов из Гаити, приходящаяся на сельские зоны, весьма значительна (35,5% против 4,1%).

Средние доходы иммигрантов из других стран значительно превышают средние доходы иммигрантов из Гаити почти по всем видам деятельности. Самая высокая дифференциация средних доходов иммигрантов (в пользу граждан из других стран) наблюдается в следующих сферах: сельском хозяйстве (10,4 раз), обрабатывающих производствах (6,5 раз), деятельности в области информации и связи (3,4 раз) и строительстве (3,2 раз). 36% доходов иммигрантов из Гаити относится к сельскому хозяйству. Следует отметить, что данная доля еще в течение прошлого века сокращалась, т.к. гаитянцы постепенно уходят в другие отрасли, особенно городские. Строительство (23%) и торговля (17%) тоже занимают значительные доли в структуре доходов гаитянцев. Деятельность гостиниц не является такой значительной здесь (5%), однако нужно отметить, что многие отрасли, особенно торговля и строительство, развиваются в большой степени под влиянием сферы туризма. В структуре доходов иммигрантов из других стран играют большую роль торговля (18%), туризм (16%) и обрабатывающие производства (8%). Более равномерное распределение доходов этих иммигрантов по отраслям экономики говорит о высокой степени социальной мобильности и охвата сфер, в сравнении с гаитянцами.

Корреляция степени бедности с этнической структурой населения регионов Доминиканской Республики

В Доминиканской Республике, как и в других странах, учитывают черты общей и крайней валютной бедности. Крайняя валютная черта бедности принимается как ежемесячная сумма дохода, необходимая домохозяйствам для покупки базовой продовольственной корзины, которая гарантирует ее членам потребление питательных веществ, необходимых для ведения здорового образа жизни, совместимого с состоянием хорошего физического и психического здоровья. В свою очередь, общая валютная черта бедности представляет собой ежемесячный объем ресурсов, который домохозяйство должно иметь, чтобы гаранти-

ровать своим членам доступ к корзине продуктов питания и непродовольственных товаров и услуг, которые считаются необходимыми для жизни: одежда, обувь, стоимость жилья, обслуживание дома, здоровье, образование, транспорт и т.п. [14]. Данные показатели учитываются на основе официальных опросов о трудовой силе.

По данным 2012 г., регионами с самым высоким индексом крайней бедности выступили приграничные — Энрикильо (20,6%), СибАО-Норте (18,1%) и Эль-Валье (17,0%). Регионами с самой низкой долей в свою очередь выступили регионы Осама (7,1%), СибАО-Норте (7,8%) и Эль-Йума (8,5%).

Для регионов, имеющих границы с Гаити, характерны удаленность от центра, слабая инфраструктура, слабая система расселения, отсутствие крупных городов, преобладание сельского образа жизни. В связи с этим данные регионы являются слаборазвитыми.

С другой стороны, для регионов с низкой долей населения в крайней бедности, а в частности Осама и СибАО-Норте, характерны использование туристического потенциала, более развитая система расселения с крупными городами, более диверсифицированная экономика со значительной ролью сферы услуг в экономике, и более развитая инфраструктура. Однако нужно отметить, что 7% населения такого большого по численности региона, как Осама, означает относительно большое количество бедных. Следовательно, в регионах Осама и СибАО-Норте проживало наибольшее количество людей в крайней бедности (343 и 126 тыс. человек соответственно). Для сравнения в регионе Эль-Валье проживало в крайней бедности 53 тыс. чел. (17% от всего населения региона).

По данным 2017 г., регионами с самой высокой долей населения в крайней бедности Доминиканской Республики выступили СибАО-Норте (9,1%) и Энрикильо (8,5%), а регионами с самой низкой долей выступили СибАО-Сур (1,6%), Эль-Йума (2,8%) и СибАО-Норте (3,1).

В период 2012–2017 гг. индекс крайней бедности по стране снизился на 6,1 процентный пункт. Это хороший показатель для страны, с учетом того, что с 2000 г. индекс достиг максимума 16,1% в 2005 г. вследствие национального финансового кризиса 2003–2004 гг. Последствия кризиса таковы, что только в 2014 г. стране удалось вернуться к уровню крайней бедности 2000 г. (7,7% и 7,9% соответственно).

В свою очередь индекс крайней бедности снизился во всех регионах. Регионы-лидеры по снижению индекса в период 2012–2017 г. в Доминиканской Республике — СибАО-Сур и СибАО-Нордесте (с приростом –0,84% и –0,80% соответственно). Регионы-аутсайдеры по сни-

жению индекса — Сибאו-Норесте, Игуамо и Осама (–0,50 %, –0,52 % и –0,53 % соответственно).

За исключением Эль-Валье, приграничные регионы демонстрируют медленное снижение индекса бедности. Самые развитые регионы (Осама и Сибאו-Норте) не демонстрируют быстрый прогресс, что может быть связано с процессами ложной урбанизации, характерными для развивающихся стран. Поэтому в указанных регионах проживает много бедных, несмотря на низкий индекс крайней бедности.

По данным 2012 г., корреляция индекса крайней бедности с долей коренного населения регионов равнялась –0,44. Коэффициент не указывает на большую взаимосвязь величин, но все-таки указывает на обратную корреляцию. Корреляция индекса крайней бедности с долей иммигрантов из других стран является средней (–0,58). Хотя иммигранты из Гаити размещаются по схожему принципу, их доля с индексом крайней бедности коррелируется напрямую, с коэффициентом +0,49. Корреляция данная слабая, потому нельзя утверждать, что чем больше доля иммигрантов из Гаити в регионе, тем выше процент населения в крайней бедности. Однако она указывает на существенное различие между иммигрантами из Гаити и остальными группами.

Обращает на себя внимание регион Сибאו-Норесте, где самая низкая доля коренного населения (87,35 %) и одна из самых низких долей иммигрантов из других стран (0,29 %) относительно остальных регионов, но самая высокая доля иммигрантов из Гаити (12,36 %). Это как раз был второй регион с самой высокой долей населения в крайней бедности.

Все-таки гаитянцы могут расселяться в тех местах, которые непридпочтительные для коренного населения и иммигрантов из других стран, а это обычно бедные регионы, удаленные и малонаселенные сельские территории. Поэтому преобладание иммигрантов из Гаити в большей степени связано с бедностью регионов, с некоторыми исключениями.

За 5 лет корреляция индекса крайней бедности с долей коренного населения регионов стала сильнее (–0,62). Корреляция для иммигрантов из других стран по таким же показателям стала слабее (–0,39). Это частично связано с изменением этнического состава региона Эль-Йума. По данным 2012 г. 7,6 % населения данного региона составляли иммигранты из Гаити, а 0,9 % — иммигранты из других стран. За 5 лет доля иммигрантов из Гаити осталась практически неизменной — 7,4 % тогда, когда доля иммигрантов из других стран стала 1,5 %. То есть, на 2017 г. это был регион с самой высокой долей иммигрантов из других стран. Как уже известно, здесь играла ключевую роль туристическая сфера.

Что касается иммигрантов из Гаити, корреляция с индексом крайней бедности за 5 лет стала сильнее (+0,67). Теперь можно говорить о взаимосвязи увеличения доли населения в крайней бедности с увеличением доли иммигрантов из Гаити в регионах, что отличается от тенденции других групп. Из этого следует, что на степень бедности регионов влияет население из Гаити.

Заключение

В связи с низким уровнем социально-экономического развития Гаити, многие из иммигрантов-гаитянцев, проживающих в Доминиканской Республике, относятся к беднейшим слоям населения, поэтому вынужденно расселяются не в самых выгодных местах проживания с точки зрения качества и доступа услуг.

Степень качества (достоверности) статистики и проблема учета нелегальных иммигрантов не позволяет получить более конкретную информацию о влиянии миграционного фактора на социально-экономическое развитие регионов Доминиканской Республики. Однако можно утверждать, что иммигранты из Гаити тем или иным образом содействуют сохранению бедности в стране, потому что, в отличие от иммигрантов из других стран, иммигранты из Гаити в среднем получают значительно более низкие доходы и работают в традиционных отраслях экономики с низкой добавленной стоимостью, среди которых выделяются сельское хозяйство, строительство и торговля.

Граничащие с Республикой Гаити регионы (Сибоа-Нороесте, Эль-Валье и Энрикильо) имеют высокую долю населения в крайней бедности. Удаленность от центра, невыгодные-природно-климатические условия и соседство с Гаити отрицательно влияют на развитие данных регионов. На этом фоне есть прямая средняя корреляция между долей иммигрантов из Гаити и индексом крайней бедности по регионам, что не наблюдается в случае коренного населения, а также иммигрантов из других стран. Более того, Сибоа-Нороесте, лидирующий по доле иммигрантов из Гаити, обогнал по показателям бедности традиционно отстающие регионы Юго-западного макрорегиона страны. Еще в 2012 г. он занимал в этом рейтинге вторую позицию, пропуская вперед Энрикильо.

Существует выраженная тенденция расселения гаитянцев в регионах слабого социально-экономического развития, что подтверждается значительной долей гаитянцев в сельских зонах Доминиканской Республики и значительной ролью сельского хозяйства в структуре их доходов.

Таким образом, ситуация неравенства отдельных групп населения

отрицательно влияет на социально-экономическое развитие страны и содействует появлению социальных конфликтов. В настоящее время существуют планы по пространственному развитию Доминиканской Республики вплоть до уровня провинций, которые Министерство экономики планирования и развития страны начало разрабатывать еще в 2014 г. Данные планы включают в себя контрольные социально-экономические характеристики провинций, основные проблемы, видение, цели и комплекс мер по их достижению. Кроме того, под управлением Министерства с 2018 г. работают департаменты по региональному планированию трех макрорегионов Доминиканской Республики, однако насколько данные меры окажутся эффективными, пока судить трудно.

Список литературы

1. Coulange Méroné, S. Elementos sociohistóricos para entender la migración haitiana a República Dominicana [Электронный ресурс] / S. Coulange Méroné // Papeles de población.— 2018.— Vol.24.— № 97.— P. 173–193.—Режим доступа: <https://doi.org/10.22185/24487147.2018.97.29> (дата обращения: 10.03.2022)
2. Silié, R. (2018). Aspectos Socio-Históricos sobre la inmigración Haitiana a República Dominicana [Электронный ресурс] / R. Silié // AULA Revista De Humanidades Y Ciencias Sociales.— 2018.— № 5–6.— P. 13–43.— Режим доступа: <https://doi.org/10.33413/aulahcs.1996.0i0.6> (дата обращения: 10.03.2022)
3. Wooding B. El impacto del terremoto en Haití sobre la inmigración haitiana en República Dominicana [Электронный ресурс] / B. Wooding // América Latina Hoy.— 2011.— Vol. 56.— P111–129.—Режим доступа: https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=30816743006_(дата обращения: 10.03.2022)
4. Wooding B., Moseley-Williams R. Needed But Unwanted: Haitian immigrants and their descendants in the Dominican Republic [Электронный ресурс].—London: CIIR, 2004.—Режим доступа: <https://inlnk.ru/xvng2> (дата обращения: 10.03.2022)
5. Dominican Republic Poverty Assessment: Achieving More Pro-Poor Growth. Report No. 32422-DO [Электронный ресурс]. World Bank, 2006.—Режим доступа: <https://inlnk.ru/DBkLxk> (дата обращения: 10.03.2022)
6. Del Rosario, P. J.; Morrobel, J. y Martínez, C. Crisis y pobreza rural en América Latina: el caso de República Dominicana. Documento de Trabajo N° 42. Programa Dinámicas Territoriales Rurales [Электронный ресурс].—Santiago de Chile: Rims, 2009.—Режим доступа: <https://inlnk.ru/meX8M3> (дата обращения: 10.03.2022)

7. Deneulin S., Mella S.J. P. La pobreza en la República Dominicana: En búsqueda de una nueva perspectiva de análisis para la práctica. *Revista Estudios Sociales* [Электронный ресурс].— 2021.— Vol.35.— № 128.— P. 81–105.— Режим доступа: <https://inlnk.ru/0Qn1O1> (дата обращения: 10.03.2022)
8. Aristy-Escuder J. Impacto de la inmigración haitiana sobre el mercado laboral y las finanzas públicas de la República Dominicana [Электронный ресурс] / J. Aristy-Escuder // IELAT, 2010.— № 11.— P. 1–44.— Режим доступа: <https://inlnk.ru/Pmw4xN> (дата обращения: 10.03.2022)
9. Официальный сайт Бюро национальной статистики Доминиканской Республики [Электронный ресурс].—Режим доступа: <https://www.one.gob.do/> (дата обращения: 10.03.2022)
10. Официальный сайт Центрального банка Доминиканской Республики [Электронный ресурс].—Режим доступа: <https://www.bancentral.gov.do/> (дата обращения 10.03.2022)
11. Сайт Программы развития ООН с картой провинциального ИЧР для Доминиканской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа— <https://mapa.pnud.org.do/map> (дата обращения: 15.12.2021)
12. Jiménez Zabala M. República Dominicana: Migraciones Internas [Электронный ресурс]. 1986–1991 [Электронный ресурс].—Santiago de Chile: CEPAL/CELADE, 1992.—Режим доступа: <https://inlnk.ru/EL6gYp> (дата обращения: 10.03.2022)
13. Migración y salud en zonas fronterizas: Haití y la República Dominicana [Электронный ресурс].— Santiago de Chile: Naciones Unidas, 2010.— Режим доступа: <https://inlnk.ru/Jj2pxe> (дата обращения: 10.03.2022)
14. Официальный сайт Министерства экономики, планирования и развития [Электронный ресурс].—Режим доступа: <https://mepyd.gob.do> (дата обращения: 10.03.2022)

THE INFLUENCE OF THE MIGRATION FACTOR ON THE SPATIAL DIFFERENTIATION OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE DOMINICAN REPUBLIC

Pena Peguero Francisco Jose

RUDN University, Moscow,
Russian Federation

Due to its proximity to such a poor country as Haiti, immigration in the Dominican Republic has a certain regional particularity that affects the spatial distribution of poverty in the country. The study has proven that most Haitian im-

migrants living in the Dominican Republic do not settle in the most favorable places in terms of quality of life, since their income level is significantly inferior to both the native population of the country and immigrants. Such concentration of poverty in certain regions further increases the disproportions in the spatial development of the country due to physical and geographical factors and the historically established system of population settlement. This trend has become so pronounced in recent decades that specific measures are required to rectify the current situation to avoid a slowdown in the socio-economic development of the country.

Key words: Dominican Republic, Haiti, migration, poverty rate

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДАХ–МЕТРОПОЛИЯХ: ГЕОПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Фокин И. А.¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В статье рассматривается три взаимосвязанных вопроса: понятие города-метрополии как социально-экономического, культурного пространства вокруг него, а также как коннектора с внешним (глобальным миром); позиции новой редакции Стратегии национальной безопасности России от 2 июля 2021 г. и её социальные аспекты; вопрос возвращения прямых выборов мэров городов как механизм преодоления отчуждения власть имущих от общества на местном уровне. Города-метрополии являются точками сборки национального пространства, кроме того, они являются и точками-коннекторами страны с внешним миром. Это предъявляет повышенные требования к проводимой на местном уровне социальной, хозяйственной политике. Недостатки такой политики могут вести к социальной аномии, отчуждению власти от общества, что согласно нового синтетического понимания национальной безопасности, может угрожать безопасности государства. Важными инструментами преодоления рисков является возвращение прямых выборов мэров городов (и не только в «метрополиях», а и повсеместно по стране) и активное вовлечение территориальных общин в дела хозяйственного, социального управления на местном уровне.

Ключевые слова: местное самоуправление, национальная безопасность, социальная политика, аттрактор, метрополия, геополитика, прекариат, мэр.

В начале 2000-х г. свет увидела работа мексиканского ученого Мануэля Де Ланда. «A thousand years of nonlinear history», в которой на примере последнего тысячелетия европейской истории он рассматривает существование двух типов городов — «столиц» и «метрополий». Города-метрополии — это расширившиеся в пространстве ворота средневекового города. Ворота города превратились в приморские города национального государства, а столица — тем объединяющим фактором, без которого и сама торговля была бы невозможна. По мнению Де Ланды: «метрополия» является своего рода «мембраной», обеспечивающей связь двумя или более средами. Метрополия — это «свернувшийся» в точку фронтир между несколькими средами. Но если фронтир явля-

ется точкой раздела двух сред, то в метрополии происходит встреча великого их множества. Через призму математической теории аттрактор можно охарактеризовать как компактное подмножество фазового пространства динамической системы, т. е. «аттрактором».

Города-аттракторы—это место встречи культурных, социальных, хозяйственных систем, практически со всего мира. Здесь соединяются людские, товарные, финансовые, фондовые и информационные потоки. И чем лучше транспортная связанность такого места с другими местами Земли, тем больше тут объем привлекаемых потоков. Естественным образом, в таких городах формируются и свои собственные культурные практики, появляется самобытность, отражающаяся и на особенностях политического процесса. Если говорить о постсоветском пространстве, то ярким примером такого города-метрополии, или же, в нашей терминологии, города-аттрактора, является Одесса, если же говорить о России, то это—Санкт-Петербург в Северо-Западном федеральном округе. Особенно сильно подобная самобытность культурная, хозяйственная проявляет себя в эпоху перемен.

При этом необходимо отметить, что по мере того, как развиваются транспортные технологии, технологии коммуникации между людьми, городами-аттракторами могут становиться не только те города, которые имеют выход на морские просторы, но даже те, что находятся внутри континентов, а с развитием технологий производства товаров и услуг, усиливаются процессы и урбанизации. При этом, лидирующими городами-аттракторами становятся те населенные пункты, которые могут контролировать сбор ресурсов с наибольшей территории, наиболее богатых территорий, наиболее индустриально, информационно и социально-развитых территорий. Значительную роль в этом играет расширение не столько власти реальной, сколько власти символической, то есть власти идей, того, что называется «мягкой силы».

Лидерами современного мира становятся те города-аттракторы, которые сумеют наибольшее количество людей и ресурсов «работать» на их благополучие. В первую очередь, такая власть осуществляется посредством навязывания идентичностей, способствующих формированию привлекательного образа таких городов-аттракторов и их конгломератов¹⁵. Идентичности формируются на основе принятия ценностей либо выживания, либо ценности самовыражения. По мере того, как гло-

¹⁵ Про труды британского антрополога Тим Ингольд: «Он замечает, что движение всех живых существ—людей, животных и растений—образует «плотную массу пересекающихся путей, напоминающих более всего ризому». Города в теории Ингольда—важнейшие места пересечения жизненных линий. Ключевая работа—«The Life of Lines» (2015). Текст книги: <https://clck.ru/SqDo3>.

бальный хозяйственный уклад все больше будет удовлетворять потребности физического выживания человека, тем больше будет возрастать в формировании идентичности роль ценностей самовыражения.

Это мы уже видим на примере богатых западных стран: США, Европы, или, того же самого Китая. Прежде всего, речь идет о приморских городах, которые выступают городами-аттракторами региональных и глобальных потоков информации, товаров, услуг, людей. Неминуемо, чем больше эти потоки, тем выше оказывается и средний уровень жизни в этих городах. Рост же уровня жизни, в соответствии с «пирамидой потребностей» Маслоу приводит к актуализации вопросов не столько физического выживания, сколько вопроса личного самовыражения, признания в обществе. Отсюда, возникают и огромные сообщества людей по всему миру, исповедующие общие ценности и на их основе приобретающие общие идентичности.

Распад социалистического лагеря дал высочайший стимул развитию глобального рынка и новой волне развития городов-аттракторов. В достаточно короткое время в мировой рынок вписалась и Россия, центрами которой стали Москва и Санкт-Петербург. Именно эти города в нашей стране стали городами-аттракторами, имеющие контроль за, пожалуй, наибольшей территорией в мире. Наибольшей, но далеко не самой развитой территорией. Не удивительно то, что мы, на сегодняшний день, имеем «две России»: «Россию пространства», где господствуют ценности выживания и «Россию метрополий» (Москва и Санкт-Петербург), где господствуют ценности самовыражения.

Эти «две России» очень сильно взаимосвязаны, активно взаимодействуют между собой и сплачиваются единым политическим режимом. Но в условиях нарастания противоречий внутри самого политического режима, будет создаваться опасность возникновения конфликта по двум основным линиям. Первая линия — это столкновение «России пространства» и «России метрополии». Любопытно, что наиболее чутко на это дихотомию реагируют люди культуры. Например, многие знают песню группы «Ленинград» «Москва, по ком звонят твои колокола». В ней весьма рельефно отражено экзистенциальное противопоставление «москвичей» и «россиян». Мы не будем приводить конкретный фрагмент песни, дабы не быть обвиненными в «разжигании вражды». Скажем одно: само появление этой песни весьма симптоматично и подтверждает нашу теорию.

Вторая линия — это столкновение российских городов-аттракторов в борьбе с зарубежными городами-аттракторами за контроль над территориями «России пространств». Тут существует высокий потенциал

центробежных тенденций. Большую роль в этом потенциальном противостоянии будет играть позиция политических и деловых элит российских региональных городов-аттракторов: Калининграда, Архангельска, Владивостока, Южно-Сахалинска, Ростова-на-Дону, Краснодар, Екатеринбург, Нижнего Новгорода, Казани, Перми, Тюмени, Новосибирска, Красноярска, Иркутска etc. В этом списке есть и приморские города-аттракторы, находящиеся на пересечении мировых морских путей, так и континентальные транспортные хабы, являющиеся не только центрами производства, а и распределения произведенных товаров по миру.

Важная роль в выборе политической ориентации российских городов-аттракторов будет принадлежать представителям «нового опасного класса» 21-го века — прекариата, которые вполне выберет вместо ценностей выживания и общероссийской национальной идентичности, ценности самовыражения. Инфраструктурные условия для этого уже созданы: в культурном пространстве России гегемонию сохраняют западная культура, ценности которой — это, прежде всего, ценности самовыражения. Площадки для информационной коммуникации остаются также, в большинстве своем, в руках зарубежных медиа-холдингов, компаний, а отечественный медиапродукт также транслирует ценности самовыражения. Такую ситуацию мы не можем охарактеризовать в черно-белых тонах. Это объективное проявление развития мирового хозяйственного уклада, который диктует свои законы в определении господствующих ценностей.

В свете выше сказанного приобретает особую важность новая редакция Стратегия национальной безопасности России, которая была подписана Президентом России 2 июля 2021 г. Примечательной особенностью этого документа является серьёзное расширение понимания важнейших факторов обеспечения национальной безопасности.

В ней видно чёткое стремление представить национальную безопасность как синтетическое явления, являющееся результатом благополучия практически во всех сферах общественной жизни. Благополучие человека провозглашается одним из двух важнейших факторов национальной безопасности. В пункте 1 «Общих положений» утверждается: «Только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветания России».

Именно в этом видится главное условие нейтрализации как внешних, так и внутренних угроз. Важным термином Стратегии является понятие «стратегического национального приоритета»: важнейшего направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого раз-

вития Российской Федерации».

Во второй части Стратегии «Россия в современном мире: тенденции и возможности» социальной тематики посвящены пункты 11 и 14. Важным фактором устойчивости российской государственности и благополучия общества указываются процессы: «сплочённость российского общества, укрепляется гражданское самосознание, растёт осознание необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, возрастает социальная активность граждан, их вовлечённость в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения».

В пункте 14 рассказывается о мерах, которые принимаются государством, чтобы обеспечить формирование благополучия граждан страны: «принимаются комплексные меры, направленные на преодоление негативных демографических тенденций и решение системных проблем в области здравоохранения на снижение уровня бедности и расслоения общества по уровню доходов, на улучшение состояния окружающей среды. Развитие научного потенциала, повышение качества и доступности образования ускорят структурную перестройку российской экономики».

1 июля 2020 г. прошло голосование по принятию поправок в Конституцию России. Согласно этим поправкам в зону ответственности органов местного самоуправления были переданы вопросы здравоохранения. Значительные полномочия у органов местного самоуправления имеются и в аспекте социальной защиты населения, особенно, тех его слоёв, которые в этом нуждаются особенно. Результативность деятельности органов местного самоуправления в этих сферах может рассматриваться и как фактор национальной безопасности. Есть риск, что органы МСУ могут пользоваться практикой сокрытия истинного хозяйственного и социокультурного положения городских и поселковых сообществ под видом сохранения гостайны.

В этом смысле интересен пункт 20 Второй части Стратегии: «Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения её внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Всё более активно применяются не прямые методы, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации».

На наш взгляд, данный пункт не написан для того, чтобы скрывать «неудобную» информацию от общества. Чтобы это понять, давайте оз-

накопимся с тезисами Третьей части Стратегии «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты».

Национальных интересов в Стратегии выделяется 8. В целом, все восемь интересов так или иначе достигаются, в том числе, средствами, осуществляемыми на местном уровне органами МСУ. Тем не менее, органам местного самоуправления особое внимание необходимо обратить на следующие национальные интересы: 1. сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; 3. поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции ..., защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; 6. Охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменению климата; 7. укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России.

В соответствии с этими интересами формулируются в Стратегии и соответствующие приоритеты. К осуществлению государственной политики на местном уровне в той или иной степени относятся все 9 национальных приоритета, но ключевыми являются 4 приоритета: 1. сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 3. государственная и общественная безопасность; 7. экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8. защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

В Четвёртой части Стратегии даётся общая характеристика содержания государственной политики по обеспечению национальной безопасности по каждому из стратегических приоритетов.

Первый параграф части — «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала».

Если следовать содержанию федерального законодательства о местном самоуправлении, то для местных властей критически важным является разносторонняя работа в сфере обеспечения достойной жизни, свободного развития человека, укрепления здоровья граждан, улучшение жилищных условий. Разумеется, все перечисленные здесь и далее направления работы должны реализовываться в тесной кооперации властей всех уровней. Т

В Стратегии указывается 17 основных задач по достижению целей государственной политики в сфере сбережения народа России и разви-

тия человеческого потенциала. Особую радость вызывает тот факт, что среди этих трёх задач провозглашаются три, которые имеют непосредственное отношение к законодательно закреплённому функционалу органов МСУ.

Это три последние по счёту задачи: 15) развитие сферы культуры, повышение доступности культурных благ для граждан; 16) Улучшение жилищных условий граждан, повышение доступности и качества жилья, развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры; 17) Создание комфортной среды для проживания во всех населённых пунктах, развитие их транспортной и энергетической инфраструктуры.

Законодательство России определяет, что основной задачей органов местного самоуправления на местах является управление муниципальной собственностью. А что есть такое собственность—это овеществленный труд. Само слово «собственность» происходит от слова «собности», т.е. владение вещью или чем-либо иным как личным достоянием. Муниципалитет, город, лишенный людей, становится останками древней Трои или же Пальмиры. Город—это люди, и то, что они создают. Все что, создается вокруг нас—создается в рамках конкретных человеческих сообществ, организованных по территориальному принципу.

Местное самоуправление—это о том, как управлять той собственностью, которая содействует развитию сообщества, в целом, и каждого его члена, в частности. В своё время, в далёком 2003 г. в одном из городов постсоветского пространства по распоряжению главы города проводилась молодёжная ролевая игра «МЭРиЯ», в которой довелось участвовать одному из авторов данной книги. Игра имела два этапа—районный и городской. Во время этой игры ее участники занимались вовсе не придумыванием постановлений городского совета и не предавались мечтам о высокой политике городского масштаба. Ребята решали задачи: как сформировать бюджет дома, чтобы хватило и на ремонт подъезда и на детскую площадку. Что самому лично можно сделать, чтобы в доме была починена крыша? Игра «МЭРиЯ» была о навыках ведения хозяйства в доме, придомовой территории, районном масштабе. Если обычно для человека его хозяйствование заканчивается за дверьми его квартиры, то эта игра заставляла думать несколько масштабнее: она вводила ребят, подрастающее поколение в проблематику, с которой каждый день имеет дело любой орган местного самоуправления вне зависимости от его географического расположения, государственной принадлежности, размера территории того или иного населенного пункта.

Любое хозяйствование—это распределение сил, ресурсов. Любое распределение требует права выбора. Человек не может хозяйствовать, если у него нет ресурсов, если у него нет сил, и нет права выбора. Человек не может обустроить свой дом, свой район, а уж, тем более, город, если он не будет вступать в сотрудничество с другими людьми. Данное сотрудничество необходимо для того, чтобы объединить ресурсы, найти новые их источники, объединить знания, навыки. В конце концов, кооперация людей нужна для того, чтобы согласовать план своих действий. Когда, один хочет одно, а второй—прямо противоположное и ни один из них не желает уступить хоть на йоту, чтобы, быть может, в ближайшем будущем им было обоим комфортно жить на их общей территории, начинается хаос.

На городском уровне символом и инструментом достижения единства местного сообщества должен являться избираемый на прямых всеобщих выборах мэр. Так или иначе, конечным, адресатом, перед которым будет ответственен человек, ставший мэром, будут жители города. Желает он того или не желает, но такой человек будет вынужден соотносить политику органов местного самоуправления с мнением и интересами территориального сообщества.

Список источников и литературы

1. Головнёв А. В. Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии // Уральский исторический вестник. 2018. № 3(60). С. 6–15. URL: <https://clck.ru/SqDVZ> (дата обращения: 03.04.2022.)
2. Колезев Д. «Не так важна личность главы города, как схема формирования власти» // It's my city. 2020.08.12. URL: <https://clck.ru/ShBjf> (дата обращения: 03.04.2022.)
3. Кузьмин В. По мнению граждан. Михаил Мишустин пообещал поддержку МСУ // Российская газета. 2020.09.23. URL: <https://clck.ru/QzrGR> (дата обращения: 03.04.2022.)
4. Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией / Под ред. А. Ю. Сунгурова; Евстифеев Р. В., Брянцев И. И., Козлова Н. Н., Сунгуров А. Ю. СПб.: Алетейя, 2020. 242 с.
5. О цифровизации местного самоуправления: Муниципалы перейдут на электронную регистрацию документов в Минюсте // Государственная Дума ФС РФ. 2020.11.18. URL: <https://clck.ru/SkNwD> (дата обращения: 03.04.2022.)
6. Сигунов Е. В., Фокин И. А. Нужны ли мэру выборы? Или как вернуть гражданам власть / Под ред. Сигунова Е. В. Владимир, 2021. 164 с. URL: <https://litmarket.ru/books/nuzhny-li-meru-vybory-ili-kak-vernut-grazhdanam-vlast> (дата обращения: 03.04.2022.)

7. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем пресс, 2014. 328 с.
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 2021. 2 апреля. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 03.04.2022.)
9. Урнов М. Ю. Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем достижительного поведения. Статья 1. // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 132–146.
10. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 2021. 30 декабря. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 03.04.2022.)
11. Фокин И. А. Трансформация и крах институтов местного самоуправления в городе-метрополии: опыт Одессы 1905–1920 гг. // Российский совет по международным делам. 2019.10.16. URL: <https://clck.ru/JoscY> (дата обращения: 03.04.2022.)
12. DeLanda M. A thousand years of nonlinear history. Out of print, 2000. 336 p.
13. Ingold T. The life of line. — Routledge, 2015. — 184 p.
14. Peters B. G., Pierre J., King D. S. The politics of path dependency: political conflict in historical institutionalism // The Journal of Politics. — 2005. — V.67, N.4. — С. 1275–1300.
15. Steinmo S. What is historical institutionalism? // Approaches in the social sciences / D. Della Porta, M. Keating. Cambridge, UK: Cambridge univ. press, 2008. — P. 150–178.
16. The world system. Five hundred years or five thousand? / Ed. By Andre G. Frank, Barry K. Gills. N.—Y. City: Routledge, 1996. — http://abuss.narod.ru/Biblio/WS/ws-5000_intro.htm

ESTRATEGIA DE SEGURIDAD NACIONAL DE RUSIA Y AUTOGOBIERNO LOCAL EN LAS CIUDADES METROPOLITANAS: GEOPOLÍTICA Y POLÍTICA SOCIAL

Fokin I.A.¹

¹ Southern Federal University, Russia,
Rostov-on-Don,

The article discusses three interrelated issues: the concept of the city-metropolis as a socio-economic, cultural space around it, as well as a connector with an external (global world); The positions of the new edition of the National Security Strategy of Russia dated July 2, 2021 and its social aspects; The question of the

return of direct elections of the mayors of cities as a mechanism to overcome the alienation of the power of people from society at the local level. Metropolis cities are points of assembling the national space, in addition, they are both the dots of the country's connectors with the outside world. This places increased demands on the local social, economic policy. Disadvantages of such policies can lead to social annomy, alienation of power from society, which, according to a new synthetic understanding of national security, may threaten the security of the state. Important tools to overcome risks are the return of direct elections of the mayors of cities (and not only in the Metropolis, A and everywhere in the country) and the active involvement of territorial communities in the business, social management at the local level.

Key words: Local self-government, national security, social policy, attractor, metropolis, geopolitics, mayor.

ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР В ОБРАЗОВАНИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СЕГРЕГАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Першуткина С. П.¹

¹ Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Языковой барьер является одной из ключевых преград в социокультурной адаптации мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Решением проблемы может стать частная инициатива в лице НКО, которые проводят бесплатные уроки по русскому языку, а также организуют неформальные мероприятия для детей мигрантов. Подростковая среда несёт специфический характер, поэтому корректная социокультурная адаптация требует квалифицированных специалистов во избежание социальной сегрегации детей, которые не говорят по-русски. В исследовании были использованы данные социологических исследований и статистические данные.

Ключевые слова: миграция, адаптация, русский язык, сегрегация.

Социальная сегрегация в России и мире может строиться на многих факторах, одним из которых является язык общения. Мигранты приезжают из стран ближнего и дальнего зарубежья, однако перед ними встаёт вопрос интеграции в русскоязычное общество. Если для жителей Беларуси и Украины языковой барьер не является ключевым, то для мигрантов из стран Азии это настоящая преграда. Эксперты и независимые исследования дают разные оценки во владении русским языком за пределами России. По данным последней всесоюзной переписи 1989 года 44 % нерусского населения СССР не владело вторым языком. Во времена СССР русский язык изучался во всех республиках, однако позднее начался процесс сжатия русскоязычной среды. Это повлекло за собой сокращение численности русскоязычного населения, а также снижение уровня владения языком. К настоящему моменту активное изучение русского языка происходит в целях миграции в Россию.

Рассмотрим детальнее миграционные потоки из стран ближнего зарубежья в Россию, и в частности, в Санкт-Петербург.

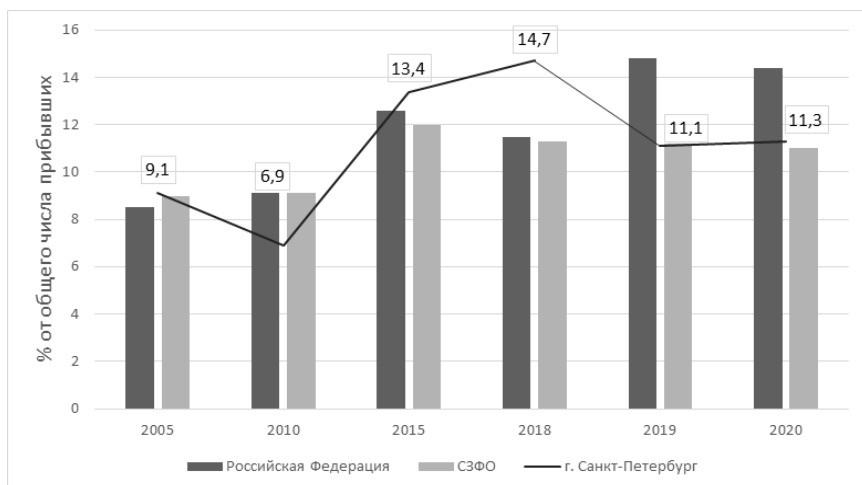

Рисунок 1. Распределение числа прибывших из-за пределов России по данным Росстата

Санкт-Петербургская агломерация наряду с Московской является центром притяжения для мигрантов в России. Численность прибывших в Санкт-Петербург из-за рубежа достигла своего пика в 2018 году, обогнав данный показатель по России и СЗФО. При этом в 2019 (доковидном) году среди международных мигрантов доля людей ниже трудоспособного возраста составляет 7,3 %, когда в общая миграция в Санкт-Петербург лиц ниже трудоспособного составляет 16,5 % от всех прибывших в город [1].

Дети переезжают с родителями, чья миграция обусловлена трудовым фактором. Рынок труда в России и в Санкт-Петербурге значительно шире, чем в национальных республиках Средней и Центральной Азии.

По данным исследования ВЦИОМ 2016 года более половины россиян ощущают присутствие мигрантов в их населённых пунктах [2]. Уже по данным исследования 2021 года 27 % респондентов считают, что отрицательных сторон трудовой миграции в Россию больше, чем положительных [3]. Масштабы трудовой миграции значительно сократились во время пандемии, часть мигрантов была вынуждена вернуться на родину. Однако, тренд на переезд в Россию, как в более экономически стабильную среду сохраняется.

В настоящий момент русский язык на постсоветском пространстве выступает в качестве «социального лифта», но добиться свободно-

го владения языком почти невозможно. Важно не только понимать, но и говорить на русском языке. Дети, выросшие за пределами русскоязычной среды испытывают сложности при обучении в российских школах, а затем и в вузах. Однако, и родная страна, и принимающая Россия стараются способствовать социальной адаптации мигрантов. В странах Средней Азии можно встретить русскоязычные школы и классы, в которых увеличено количество часов русского языка и литературы по сравнению с национальными школами и классами, но это не умаляет сложности, которые возникают, когда дети оказываются в совершенно новой для себя среде.

В России данный вопрос решается не только государственными, но и частными силами. НКО «Дети Петербурга» в 2022 году исполняется 10 лет, она является одним из примеров помощи детям мигрантов в освоении русского языка. Организация проводит бесплатные занятия по русскому языку, выпускает авторскую газету, а также занимается оказанием гуманитарной помощи мигрантам.

Социальная адаптация состоит из институционального и личностного уровня [4]. Деятельность НКО в первую очередь направлена на личностный уровень, в котором человек преодолевает себя и становится частью общества. В отчёте «Детей Петербурга» языковой барьер считается самым сложным и требующим множества усилий для социокультурной адаптации [5].

Территориальная доступность, низкий порог вхождения и широкая программа занятий— всё это становится отличительной чертой НКО. Организация также выпускает газету «Гул», которая по своей сути является информационным листком. В таких листках содержится информация, которая необходима мигрантам: как получить полис, как найти место в школе, что делать, если задержала полиция и прочее. Также в листках есть контакты других общественных организаций, в том числе Красного Креста и Кризисного центра для женщин. Один из проектов «Детей Петербурга»— это Молодёжный центр для подростков, в котором проводятся занятия по подготовке к ОГЭ и ЕГЭ. Сами учащиеся говорят, что это помогает им подтягивать свои знания и исправлять школьные оценки. В центре работают волонтеры, которые создают дружественную атмосферу для детей и подростков. Проект помогает детям не отставать от школьной программы, которая не подстроена под особенности мигрантов. Администрация государственных учебных заведений может лишь в частном порядке способствовать комфортному и качественному образованию детей мигрантов. Такая обстановка способствует наращиванию социальных связей, а также в некотором смысле

ле формирует новое общество, в котором нет предвзятости по этническому признаку. Объединяясь под одной крышей, изучая русский язык, дети становятся ближе, они вместе решают проблемы, вместе ставят цели и добиваются их. Воссоздать аналогичную обстановку в государственных учреждениях получается крайне редко. Как отмечают руководители НКО, то количество детей, которое они готовы принять, ничто по сравнению с общим числом детей мигрантов. Однако, такая организация имеет потенциал как к вертикальному, так и к горизонтальному расширению, ровно как благотворительная организация «Ночлежка» расширился за пределы Санкт-Петербурга и с 2020 года функционирует в Москве [8].

Без локальных инициатив есть вероятность отрешённости от сверстников, что может привести к психологическим травмам, а также повлечь за собой конфликты. Чем раньше ребёнок начнёт учить русский язык, тем меньше сложностей он испытает в дальнейшем в процессе социокультурной адаптации [6]. Язык — это средство интеграции в коллектив, но помимо него необходим комплексный подход, ведь ребёнок остаётся ребёнком, ему необходима вторичная социализация среди ровесников.

Подводя итог, деятельность общественных организаций, направленных на помощь мигрантам, играет огромную роль в адаптации как родителей, так и детей. Стоит отметить, что в странах Азии развит институт семьи, поэтому информация о языковых курсах, городских лагерях и прочих социально значимых проектах распространяется напрямую от человека к человеку, без помощи интернета [7]. В целях предотвращения конфликтов на языковой почве среди детей стоит проводить больше мероприятий по оказанию помощи в адаптации.

Список источников и литературы

1. ПЕТРОСТАТ. Численность и миграция населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2019 году. Статистический бюллетень. Санкт-Петербург, 2020. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/migranty-v-rossii-effekty-prisutstviya>
2. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie>
3. Соколов Е. В. Проблемы социальной адаптации мигрантов в русскоязычной среде. / Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции, Урал. гос. пед. ун-т, Екатеринбург, 2007, с. 87–88. <https://detipeterburga.ru/wp-content/uploads/2021/09/Брошюра-описание-опыта.pdf>

4. <http://spbredcross.org/images/2020/PDM.pdf>
5. Международная миграция в Санкт-Петербурге: миграционная политика и общественное мнение: коллективная монография / под. ред. О. И. Бородкиной, Н. В. Соколова, А. В. Тавровского. — СПб.: Скифия-принт, 2017, с. 104
6. <https://moscow.homeless.ru/history/>

LANGUAGE BARRIER IN EDUCATION AS A FACTOR OF SOCIAL SEGREGATION (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

Pershutkina S. P.¹

¹Lomonosov Moscow State University (MSU),
Moscow, Russia

The language barrier is one of the key obstacles in the socio-cultural adaptation of migrants from near and far abroad. The solution to the problem can be a private initiative represented by NGOs that conduct free lessons in the Russian language, as well as organize informal events for migrant children. The adolescent environment is specific, so correct socio-cultural adaptation requires qualified specialists to avoid social segregation of children who do not speak Russian. The study used sociological research and statistical data.

Key words: migration, adaptation, Russian language, segregation.

Секция 5

ГЕОУРБАНИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 911.375.6

ЦЕНТР И ВНЕШНЯЯ ЗОНА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ АТТРАКТИВНОСТИ

С. А. Меркушев ¹

¹ Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация

При оценке аттрактивности центральной части и внешней зоны городов-миллионеров необходимо применять разные подходы. Привлекательность центра 14 российских городов-миллионеров (без Москвы и Санкт-Петербурга) предлагается измерять с помощью показателей уровня развития и степени консолидации пешеходных пространств. Привлекательность внешних зон этих городов оценивается через обеспеченность общегородских аттракторов железнодорожным сообщением.

Ключевые слова: города-миллионеры России, городской центр, внешняя зона города, аттрактивность, пешеходные пространства, городская среда, железнодорожный транспорт

Введение

В последние годы общественно-географические подходы к изучению городов и городских агломераций обогащаются инструментарием, позволяющим выявлять, сравнивать и анализировать внутригородские различия в качестве среды и ее привлекательности. Об этом свидетельствуют исследования как комплексного, так и отраслевого характера, которые, однако, охватили главным образом столичные города [1, 2, 3]. Гораздо шире перечень городов, по которым осуществляется ежегодный мониторинг качества среды и отдельных ее составляющих различными ведомствами и компаниями. Например, Минстрой РФ рассчитывает индекс качества городской среды, ООО «А+С Транспроект» (SIMETRA) определяет рейтинг городов России по качеству общественного транспорта. В рамках таких исследований уделяется внимание особен-

ностям размещения и доступности тех или иных объектов социальной сферы, но в результате мы видим общегородские частные и интегральные показатели, а внутригородские различия в привлекательности среды совсем не выявляются или уходят на второй план. Хотя их изучение необходимо, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, аттрактивность центра и внешних зон городов-миллионеров надо оценивать по-разному в силу различий в функциональной структуре и размерах этих внутригородских зон. Во-вторых, при сопоставимых ресурсах, которые сегодня направляются на социально-экономическое и пространственное развитие городов-миллионеров, эффективность этого развития применительно к отдельным городским зонам очень сильно отличается от места к месту, что требует научного общественно-географического анализа и подготовки на его основе предложений по оптимизации управленческих решений.

При выделении внутригородских зон мы опираемся на подходы Е. Н. Перцика [4], выделяющего в городах историческое ядро, центральную зону (включающую и историческое ядро) и внешнюю зону.

Одним из ключевых параметров, характеризующих привлекательность центральных частей городов является уровень развития и степень непрерывности общественных пространств, получивших развития в их пределах. Опираясь на подходы А. Э. Гутнова [5], для оценки названного параметра мы предлагаем ввести понятие «пешеходно-променадный каркас большого центра» (ППКБЦ), трактуя его как часть общегородского каркаса — основополагающую, наиболее устойчивую совокупность линейных и площадных компонентов в пределах центральной части города, предназначенных для использования пешеходами и связанных в единую систему. Площадные компоненты или ядра представлены парками, скверами, садами, а также площадями (их частями), общедоступными курдонерами, в пределах которых полностью запрещено движение автомобильного транспорта. В качестве линейных компонентов (коридоров) учитывались набережные (в том числе и с проезжей частью, если она отделена от тротуара газоном), пешеходные улицы, мосты, тоннели. Более широк перечень бульваров, которые включались в ППКБЦ. Наряду с чисто пешеходными, в него вошли бульвары, расположенные на улицах с автомобильным движением, но только при выполнении двух условий: если они связаны с ядрами или иными линейными компонентами; если при высокой интенсивности трафика на улице, ширина бульвара превышает ширину проезжей части в три и более раза. Для выделения ППКБЦ также были заданы дополнительные критерии непрерывности, связанные с наличием пешеходных перехо-

дов и удобством их расположения с точки зрения направления основных потоков людей.

По состоянию на начало августа 2021 г. ни в одном из рассматриваемых 14 российских городов-миллионеров не сформировался единый ППКБЦ, количество его сегментов, в разной степени удаленных друг от друга, варьирует от двух до шести.

Для выявления различий городов-миллионеров по масштабам и особенностям развития ППКБЦ рассчитывалось два показателя, которые затем сопоставлялись. Первый свидетельствует об уровне (масштабе) развития пешеходно-променадного каркаса и является результатом суммы двух частных показателей: нормированной протяженности коридоров и нормированной суммарной площади ядер. Второй позволяет судить о степени консолидации ППКБЦ. Он рассчитывается как сумма нормированной средней протяженности коридоров и нормированной средней протяженности разрывов между ближайшими точками ближайших сегментов каркаса.

На данном этапе пока не учитывалась привлекательность отдельных компонентов ППКБЦ с точки зрения их насыщенности различными объектами и визуальных аспектов. Этому планируется посвятить отдельное исследование. Результаты полученных расчетов представлены на рис. 1.

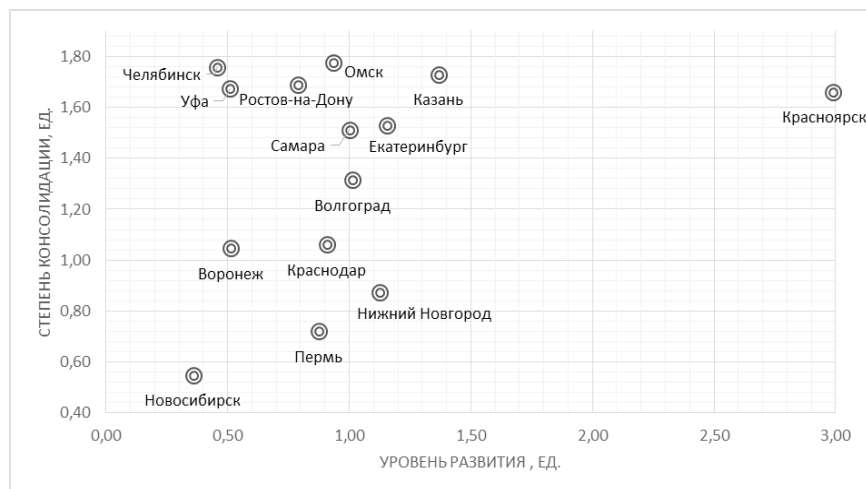

Рис. 1. Распределение городов-миллионеров России по уровню развития и степени консолидации ППКБЦ

Рассматриваемые города по уровню развития ППКБЦ разделены на четыре типа. На основе значений показателя степени консолидации ППКБЦ внутри типов выделено четыре подтипа.

Высокий уровень развития ППКБЦ характерен только для Красноярска (тип I). Это прежде всего обусловлено наличием масштабного ядра в его составе (обустроенная зеленая зона о. Татышев), которое сочетается со значительной протяженностью коридоров в пределах городского левобережья и недавно появившимся прибрежным коридором на правом берегу Енисея. Город вошел в число шести лидеров и по степени консолидации ППКБЦ (подтип 1 — относительно высокая): каркас разделен всего на два сегмента трудно преодолимым барьером для чисто пешеходных коридоров — рекой Енисей.

К типу II (повышенный уровень развития ППКБЦ) относятся Казань, Екатеринбург и Нижний Новгород. В столице Татарстана решающая роль в обеспечении названной позиции принадлежит коридорам, в Екатеринбурге и Нижнем Новгороде примерно одинаков вклад компонентов обеих групп. На уровне подтипов города различаются: для Казани и Екатеринбурга характерен повышенный уровень консолидации ППКБЦ (подтип I), у Нижнего Новгорода эта консолидация слабая. Роль двух составляющих в обеспечении повышенного уровня консолидации пешеходно-променадного каркаса у Казани и Екатеринбурга также различается. В Казани каркас менее сегментирован, но с наличием двух более протяженных разрывов. В Екатеринбурге при большей дробности ППКБЦ сформировались более короткие разрывы. Говоря о Нижнем Новгороде, следует отметить, что если такая причина, снижающая степень консолидации его ППКБЦ, как разделение большого центра на две части глубоко врезанной окской долиной, трудно устранима, то короткие разрывы как на правом, так и на левом берегу, являются проявлением недостаточной системности в обустройстве прибрежных и террасных пешеходных пространств.

Тип III объединил наибольшее количество городов (шесть). Средние значения показателя, характеризующего уровень развития ППКБЦ, формируются по-разному. У городов с наибольшим значением (в рамках типа) один из промежуточных показателей достигает высоких значений (у Омска это протяженность коридоров, у Самары — общая площадь ядер), другой находится на среднем уровне. У остальных городов либо значения двух промежуточных показателей сопоставимы и находятся на уровнях близких к среднему (Ростов-на-Дону, Волгоград, Пермь), либо один из показателей имеет низкое значение (скорректированная протяженность коридоров в Краснодаре).

Рассматриваемый подтип очень неоднороден с точки зрения консолидации пешеходно-променадного каркаса. Из шести городов три (Самара, Омск, Ростов-на-Дону) относятся к I подтипу с относительно высокой консолидацией ППКБЦ. Остальные распределены по разным подтипам: Волгоград — II (средняя консолидация), Краснодар — III (слабая консолидация), Пермь — IV (очень слабая консолидация).

Относительно высокая консолидация самарского, омского и ростовского пешеходно-променадных каркасов обеспечена тем, что значительных разрывов между их сегментами нет. В Волгограде разрывы также незначительны, но средняя скорректированная протяженность коридоров уже заметно ниже по сравнению с городами предыдущего подтипа. В Краснодаре уже более значителен разрыв между двумя сегментами каркаса, а скорректированная средняя протяженность коридоров имеет низкое значение. В Перми наряду с небольшими разрывами представлены весьма протяженные, что сочетается с низким значением средней скорректированной протяженности коридоров.

Низкий уровень развития ППКБЦ (тип IV) характерен для Челябинска, Уфы, Воронежа и Новосибирска. Среди всех сравниваемых эти города выделяются как слабым развитием коридоров, так и наименьшей площадью ядер. Однако в Челябинске и Уфе наблюдается относительно высокая консолидация их ППКБЦ (подтип I), так как они состоят только из двух сегментов между которыми небольшие разрывы. В Воронеже консолидация пешеходно-променадного каркаса слабая (III подтип, самая высокая дробность в сочетании с разрывами самой разной протяженности), а в Новосибирске — очень слабая (IV подтип, незначительная дробность при весьма протяженном единственном разрыве).

Преобразование внешних зон имеет свою специфику. С одной стороны, по сравнению с советским периодом, имеет место масштабная диверсификация их функциональной структуры, в основе которой ранее было четкое зонирование на промышленное производство и селитебную функцию «спальных районов» с незначительными по современным масштабам торговыми и другими сервисными объектами, как правило, формировавшими центр микрорайона. С другой, усиливаются процессы пространственной дифференциации рассматриваемых территорий по уровню социально-экономического развития, качеству среды, формируя перед управленческими структурами сложную проблему-вызов, успешное решение которой будет невозможно без системного подхода к развитию городского внеуличного транспорта, в том числе железнодорожного.

Трансформация и обогащение функциональной структуры внешних зон российских городов в немалой степени вызвана потребностью развития многих перспективных и профильных для городов-миллионеров функций, которые для большого центра таковыми являются уже далеко не всегда, так как ряд факторов ограничивает возможность их развития в этом месте. Крупным специализированным больничным комплексам, вузовским кампусам и научно-исследовательским организациям, масштабным спортивным сооружениям, торгово-развлекательным комплексам требуется более обширное пространство, в котором можно формировать собственную креативную и привлекательную среду, не сталкиваясь со всевозможными ограничениями градостроительного плана. Для внешней зоны, безусловно, профильными остаются и селитебная функция, и промышленное производство, требования к уровню автоматизации, роботизации, экологичности и гуманизации которого возрастают.

На наш взгляд, при оценке аттрактивности внешних зон городов необходимо сопоставлять наличие в них общегородских аттракторов с их обеспеченностью внеуличным транспортом. В качестве общегородских аттракторов нами учитывались: спортивные сооружения, объекты культуры, высшие учебные заведения, группы региональных медицинских учреждений и федеральные медицинские центры, крупные торгово-развлекательные комплексы. Оценка (с учетом всех рейсов городских и пригородных электропоездов, курсирующих в пределах городских округов), была проведена нами ранее по данным 2019 г. [6]. Ее результаты представлены в табл. 1. Подгруппы выделялись не только с учетом обеспеченности аттракторов железнодорожным транспортом, но и с точки зрения того, насколько равномерно эта обеспеченность распределяется по четырем секторам внешних зон.

Ситуация в городах сильно различается. Наиболее благоприятна она в Екатеринбурге: при высоком уровне железнодорожного сообщения наблюдается сравнительно высокая и относительно равномерная обеспеченность им аттракторов по всем секторам внешней зоны. Есть города, где повышенный уровень развития железнодорожного транспорта обеспечивает аналогичную обеспеченность данным видом сообщения аттракторов, но по секторам она распределена неравномерно (Казань, Волгоград). У ряда городов по разным причинам очень низкий и крайне низкий уровни развития железнодорожного сообщения определяют низкую, хотя и равномерно распределенную по секторам, обеспеченность им.

Таблица 1

Группировка городов-миллионеров России по уровню развития пассажирского железнодорожного сообщения и обеспеченности им общегородских аттракторов, расположенных во внешних зонах

Обеспеченность аттракторов (подгруппы)	Интегральный показатель уровня развития железнодорожного сообщения (группы)					
	Высокий	Повышенный	Средний	Низкий	Очень низкий	Крайне низкий
Сравнительно высокая, равномерная				Омск		
Сравнительно высокая и относит. равномерная	Екатеринбург					
Повышенная неравномерная	Казань, Волгоград					
Средняя крайне неравномерная		Нижний Новгород				
Средняя относительно равномерная		Новосибирск	Красноярск, Уфа	Самара		
Низкая относительно равномерная				Воронеж, Ростов-на-Дону	Пермь, Краснодар	Челябинск

Сопоставление оценок привлекательности городских центров и внешних зон позволяет сделать вывод об очень разнообразной ситуации в изучаемых городах. С позиции примененных показателей относительно привлекательный центр сочетается с привлекательными внешними зонами только в двух российских городах: Екатеринбурге и Казани. Средний уровень привлекательности и центра и внешней зоны характерен для Нижнего Новгорода. Самая неблагоприятная ситуация в Воронеже: здесь низкий уровень привлекательности характерен как для центра, так и для внешних зон.

У остальных городов привлекательность центра и внешних зон отличаются. Но у большинства из них они на низком и среднем уровне. Исключение составил Красноярск, где весьма привлекательный центр, а внешние зоны со средним уровнем привлекательности.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о существенных различиях в уровне привлекательности центров и внешних зон российских городов-миллионеров. Итоговый результат формируется из соотношения частных показателей, которые также очень сильно варьируют от города к городу. Это свидетельствует о том, что пока в российских городах недостаточно системно подходят к преобразованию городской среды в части формирования единой системы общественных пространств, развития привлекательных общегородских объектов во внешних зонах и обеспечения их общественным транспортом. Отнесение города к типу (подтипу) с низкими значениями показателей, по нашему мнению, также свидетельствует о наличии серьезных проблем в обеспечении прочного базиса преобразований городской среды, как в пределах большого центра, так и во внешней зоне.

Сопоставимость городов-миллионеров по многим другим параметрам позволяет использовать подобного рода исследования для выявления управленческих ошибок, подготовке рекомендаций по применению как позитивного, так и негативного опыта при корректировке управленческих решений.

Список источников и литературы

1. Аксенов К. Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук, Россия, 2011, 38 с.
2. Бабкин Р. А. Структурно-функциональное деление московского региона по данным сотовых операторов, Многообразие городских миров: история, теория, практика, Россия, 2021, с. 42–49.
3. Михайлов А. А. Пространственная организация сектора услуг в агломерациях Москвы, Парижа, Берлина и Лондона, Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования, Россия, 2021, с. 159–175.
4. Перцик Е. Н. География городов (геоурбанистика), Россия, 1991, 319 с.
5. Гутнов А. Э., Лежава И. Г. Будущее города. Творческая трибуна архитектора, Россия, 1977. 126 с.
6. Меркушев С. А. Пассажиры железнодородное сообщение и привлекательность внешних зон российских городов-миллионеров, Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о земле, Россия, Том 31, Вып. 1, С. 97–110, 2021.

THE CENTER AND OUTER ZONE OF RUSSIAN MILLIONAIRE CITIES: APPROACHES TO ASSESSING ATTRACTIVENESS

S.A. Merkushev ¹

¹ Perm State University, Perm, Russia

When assessing the attractiveness of the central part and the outer zone of the millionaire cities, it is necessary to apply different approaches. The author suggests measuring the attractiveness of the center of 14 Russian millionaire cities (without Moscow and St. Petersburg) using indicators of the level of development and the degree of consolidation of pedestrian spaces. He evaluates the attractiveness of the outer zones of these cities through the provision of citywide attractors with rail links.

Key words: millionaire cities of Russia, urban center, outer zone of the city, attractiveness, pedestrian spaces, urban environment, railway transport.

ГЕОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНУТРИГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОМСКА

Лазарева Ж. В.¹

¹Омский государственный педагогический университет,
Омск, Россия

Проанализированы процессы трансформации социально-пространственной структуры российского города в условиях перехода к рыночным отношениям. На примере города Омска рассмотрены тенденции *расслоения и иерархической организации различных слоев общества, а также отношения между ним* по доходам. Показаны тенденции формирования связи между стратификацией общества, где усиливаются социальные контрасты в системе расселения и морфологии города. Представлена доминирующая модель городской политики в отношении трансформации городской среды. Оценен вклад пространственной организации и последствия политики строительства жилья в росте социальных противоречий в городе.

Ключевые слова: социально-пространственное неравенство, сегрегация, город, джентрификация, городская политика, Омск.

Введение. Изучение факторов и закономерностей трансформации пространственной структуры постсоветского города представлена в работах исследователей-урбанистов, например, концепция общественного развития и эпистемологии А. Лефевра, Д. Харвея, М. Кастеллса, Э. Соджи и других авторов. Многие авторы указывают на то, что морфология, динамика и проблематика города одновременно отражают факторы господствующих общественных отношений, и как следствие социальных конфликтов [13, 15, 17, 20]. Действительно, с окончанием социалистического, планового этапа развития появились новые направления в развитии российского города. Одно из наиболее серьезных изменений касается социально-пространственной стратификации расселения внутри городской инфраструктуры, которая отражает расслоение общества по уровню доходов. В советский период особенностью пространственной структуры города было сглаживание внутригородских различий и стремление к социально однородному расселению. Современная трансформация внутригородской среды определяет поступательное увеличение роли доходов населения при выборе места проживания. Не сложно предположить, что в данной ситуации в развитии

городской среды при отсутствии сдерживающей политики будет наблюдаться усугубление социального напряжения.

Постановка проблемы. Проанализированы трансформация и социально-пространственная стратификация в городе Омске и их связь с практикой городской политики, а также с новыми общественными отношениями.

Материалы и методы. В статье обобщены результаты наиболее представительных работ, проводимых российскими учеными, а также социологическими исследованиями проводимых в Омском регионе с 2011–2017 гг. Методика этих исследований основана на использовании разнообразных качественных методов социально-географических исследований. К первичным источникам информации отнесены статистические данные и социологические опросы жителей города, субъективные ощущения, то, как понимают изменения разные социальные фракции¹⁶. К вторичным источникам информации относились статистические данные, материалы СМИ, нормативные, градостроительные и другие официальные документы разного уровня, а также материалы социологических и аналитических исследований, выполненных другими авторами.

Обсуждение результатов. Важным этапом в исследовании стало изучение географии социальных контрастов в расселении населения города миллионника—Омска (9 место в рейтинге городов миллионников). Посредством анализа предпочтений покупателей и ценовой политики на рынке недвижимости была составлена пространственная проекция, где четко показано увеличение дифференциации доходов населения при покупке недвижимости между различными округами города. Данное явление показало очевидный факт роста социальных контрастов в расселении, увеличение зависимости между уровнем благосостояния населения и престижностью района проживания.

Прежде чем анализировать социальные контрасты, необходимо представить географию и динамику расселения в административных

¹⁶ При написании статьи автор использовал результаты проведенных 10 глубинных интервью с экспертами аналитических центров, девелоперами, консультантами по недвижимости, представителями гражданского общества, а также 25 глубинных интервью с настоящими и бывшими жителями центра Омска. Кроме того, обобщены данные социологического опроса, в проведении которого принимал участие автор статьи в конце 2016—начале 2017 г. Объем выборки составил 275 человек, проживающих в разных административных округах города Омска. Анкета включала 2 части по 14 вопроса, всего 28, направленных на исследование ситуации на рынке недвижимости и отношению к уровню цен на жилье, предпочтений населения на рынке жилья, выявление престижности разных районов города, социальной мобильности различных групп населения, качество жизни в российских городах, а также доступности жилья в столице.

округах города Омска (рис. 1)

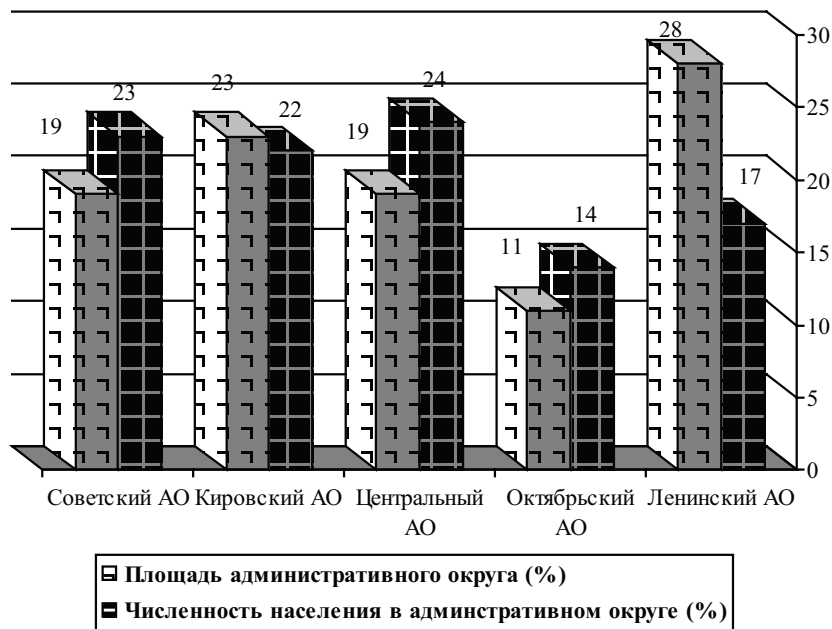

Рис. 1. География расселения населения по административным округам города Омска [5,8,11].

Понятие престижного района появилось в современной жизни сравнительно недавно. В начале XXI в., наиболее престижное и дорогое жилье сосредоточено в центре Омска:

1. Центральный район, левый берег р.Омь (Иртышская набережная, пр. К. Маркса)
2. Район Иртышской Набережной (ул. Циолковского, пр. К. Маркса, ул. Лобкова, ул. Труда)
3. Район ул. Масленникова (ул. Масленникова, ул. Маяковского, пр. К. Маркса)
4. Левый берег, район метрооста (ул. 70 лет Октября, ул. Конева, (б. Архитекторов)
5. Левый берег, район «Арены-Омск» (ул. Лукашевича, б. Архитекторов, ул. Волгоградская, ул. Ватутина)
6. Район от телецентра до метрооста (Красный путь)

А наиболее дешевое — на окраинах города, особенно на "пролетар-

ских”:

1. Старый Кировск, район аэропорта (ул. 12 Декабря, ул. Авиационная, ул. Суворова)
2. Поселок 1-го кирпичного завода (ул. Завертяева)
3. Старая Московка (ул. Молодогвардейская, ул. Станционная)
4. Старый Кировск (ул. Кошевого, ул. Мельничная, ул. Семиреченская)
5. Порт-Артур (ул. Воровского, ул. 1–22 Марьяновские)

Как показывает мониторинг различных макроэкономических показателей, спроса и цен на недвижимость во многом зависят от уровня жизни населения (таблица 1).

Таблица 1

Динамика уровня жизни и строительства на рынке жилья города Омска, в% к предыдущему году [5]

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021
Индекс потребительских цен	102	104,5	103,1	105,8	108,6
Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата работников организаций	103	107	103,7	103,9	100,5
Индекс объема работ, выполненных по виду деятельности «строительство» в%	92,7	118	115	101,8	95,7

А общие различия по данным таблицы 2,3 по административным округам города между центром и периферией, достаточно устойчивы (таблица 2,3).

Таблица 2

Динамика спроса на рынке жилья по административным округам Омска, в% [5,11]

Административные округа	Декабрь 2017 г.	Июнь 2018 г.	Июнь 2019 г.	Июнь 2020 г.
Центральный	22	23	26	25
Советский	25	26	24	26
Октябрьский	14	12	12	12
Ленинский	11	11	12	11
Кировский	28	28	26	26

Таблица 3

Средняя удельная цена квадратного метра на вторичном рынке жилья по административным округам Омска (руб./кв.м) 2021 год [5]

Административный округ	Центральный	Советский	Октябрьский	Ленинский	Кировский
Цена руб./кв. м	53000	43000	41000	42000	46000

С точки зрения экономико-географических факторов возникает дилемма. Если окраины можно расширять за счёт застройки новых пустующих территории, то центральные районы города можно лишь реконструировать, а это связано с серьёзными бюрократическими издержками и серьёзными капиталовложениями. Строительство нового жилья на окраинах связано с развитием и не менее капиталоемкими вложениями в строительство социальных учреждений и транспортной инфраструктурой.

По мере формирования современной географии престижности усиливается ценовой отрыв центра, что связано с так называемой джентрификацией. В Омске, как и в других современных городах, этот процесс проявляется уже не просто в тенденции на рынке жилья в виде реконструкции старого жилищного фонда под запросы более состоятельных людей, как это происходило раньше [5]. Сегодня джентрификация— это глобальная тенденция классовой переделки пространства, часть общей стратегии по привлечению в город капитала, включающей появление новых объектов и мест, ориентированных на более обеспеченные слои общества [12]. Данные процессы ведут к росту цен и выдавливанию людей со скромным достатком из ставших дорогими районов центра, а также к одновременному вытеснению доступных жилья и услуг [8, 12]. Анализ динамики движения населения внутригородской среды свидетельствует о существенном сокращении численности населения за последние 20 лет за счет оттока населения из Центрального АО на 15 % в новые микрорайоны, введенные в эксплуатацию в Октябрьском АО 5 %, в Ленинском АО 3 % и в Кировском АО 8 %.

Как показывают исследования, это приводит к тому, что в центральных районах Омска происходит меняется социальный состава проживающих за счет постепенного оттока представителей менее состоятельных слоев населения. Основной причиной поступательного оттока становится недоступность многих благ, которыми пользуются привилегированные слои (престижные жилище, школы, клубы, магазины и т.п.), данное население становятся “невидимыми” в этих кварталах, практически не влияя на динамику социальной жизни [5,8].

С точки зрения джентрификации в Омске многим риэлторы назы-

вают «золотой милей» — территории между улицей Красный путь — Кемеровская — Яковлева — Маршала Жукова — Иртышская набережная — Карла Маркса — Масленникова. Формирование имиджа данной территории, как самой элитной части города произошло не только из-за положения в центре, но во многом благодаря усилиям девелоперов, которые с начала 2010-х гг. начали агрессивную маркетинговую кампанию, и потворству им (если не целенаправленной политики) городских властей [12]. Как правило, ядрами таких районов являются старые престижные кварталы, территории обанкротившихся промышленных предприятий (например, ЖК «Изумрудный город», ЖК «Серебряный берег», ЖК «Старгород» и др.) или частный сектор (ул. Герцена, ул. Волховстроя и др.), вокруг которых возводится новое жилье с повышенными потребительскими характеристиками, офисно-деловые и торговые центры. Над усилением представлений об их привлекательности активно работают девелоперы.

Из-за дефицита земли в центре новая недвижимость элитного уровня появляется и в других районах, особенно в субцентральных (например, ул. Судоремонтная, ул. 2-я Кольцевая, ул. 2,6,7 Северная и др.), что приводит к расширению ментальных границ престижного центра [5]. Формирование новых элитных районов наблюдается и в более удаленных от центра частях города, прежде всего Левобережья (в районе Метромоста и Ледового дворца «Арена» и др.), которые становятся районами проживания среднего класса.

Главным сдерживающим фактором роста спроса на недвижимость в отдаленных районах города, является транспортная инфраструктура, которая активно поддерживается и развивается только в центральных районах города. Например, динамичная застройка на левом берегу Иртыша, развитие здесь социальной инфраструктуры сдерживается перегруженностью транспортной сети через реку Иртыш. А строительство и запуск нового моста в 2005 году не решил проблему пробок и перегруженности транспортной инфраструктуры новых микрорайонов Кировского округа. Сложная география производств и предприятий инфраструктуры города приводит к тому, что для многих жителей при выборе недвижимости приходится решать уравнение с учетом многих неизвестных, и часто перед омичами стоит дилемма — комфортная среда или цена?

Ленинский, Советский, Октябрьский округа города в последнее время все четче позиционируются как непрестижные окраины с маргинальным населением, причем привлекательность многих районов города Омска сильно снижается тем, что они становятся местом концен-

трации мигрантов, в том числе этнических, прежде всего из Средней Азии. К последним двум можно отнести напряженную экологическую обстановку, т.к. в данных районах расположены крупные промышленные предприятия.

Рост социальной стратификации можно оценить и через дифференциацию районов Омска по ценам на жилье: в течение 2015–2020 гг. разница в среднестатистической стоимости жилья между самым дорогим и самым дешевым районами достигла 10 раз. При детальном анализе наблюдается существенная дифференциация цен внутри одного округа. Например, в одном из престижных районов Центрального округа города стоимость новостроек на соседних улицах (Кемеровская и Яковлева) одного уровня комфортности и одинаковой площади может отличаться на 30–40 %. Как показал проведенный автором социологический опрос, 77 % опрошенных считают, что контрасты цен на недвижимость есть, причем 42 % уверены, что они очень заметны. Кроме того, 70 % респондентов предполагают, что контрасты в ценовой политике и расселении будут усиливаться.

На сегодняшний день население города в целом удовлетворено состоянием своего жилья — полностью или в основном довольны им 69 % участников исследования. Тем не менее, активность населения на рынке недвижимости динамичная: за последний год 8 % семей покупали новую квартиру и еще 1 % — новый дом. Сегодня потребительская активность населения на рынке недвижимости выше, чем до кризиса 2014–2015 гг. В большой степени динамике потребительской активности на рынке жилья способствует нестабильность цен на недвижимость. Сегодня цены на недвижимость в городе считают приемлемыми лишь 17 % жителей Омска. Все большее количество омских семей 36 % жителей города Омска рассчитывают улучшить свое жилье. По социально-демографическим группам улучшить жилье намерены омичи в возрасте от 18–30 лет — 32 %; 30–40–42 %; 40–50–24 %.

Средний планируемый бюджет на улучшение жилищных условий составляет 1,7 млн. рублей. Вопреки обывательскому мнению и агрессивной ипотечной политике омичи считают ипотеку дорогой и обременительной. Основными причинами отсутствия возможностей улучшить жилищные условия респонденты обозначили так: денег с трудом хватает на питание — 25 %; питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости — 29 %; можем купить крупную бытовую технику — 37 %; могу купить автомобиль, но не квартиру — 3 %; могу купить квартиру или новый дом — 2 %. Следовательно, высокие страховые риски ипотечного кредитования, нестабильность рынка труда, высокий

уровень безработицы, низкие реальным доходом населения становятся непреодолимым препятствием для развития социального благополучия населения города.

Обобщая результаты исследования качества жизни в городе Омске можно сделать следующие выводы. По состоянию на 2021 год 39 % жителей города Омска полностью или в основном довольны качеством городской среды — они считают свой город вполне удобным для жизни. В 2020 г. 49 % горожан были полностью или в основном довольны состоянием дома, в котором они проживают (внешний вид, коммуникации, состояние подъездов, лифтового хозяйства и т.п.). При этом только 26 % жителей города полностью и в основном довольны работой жилищно-коммунальных служб (сроками, качеством обслуживания жилья). С тем, что в нашем городе достаточно учреждений культуры (театры, кинотеатры, галереи, библиотеки), полностью или в основном согласны 66 % жителей города Омска. По состоянию на 2021 г. практически не изменилась доля тех, кто оценивает состояние автомобильных дорог (состояние дорожного полотна, разметку, размещение светофоров и знаков) как удовлетворительное 26 % против 84 % кто считает дороги неудовлетворительными или абсолютно неудовлетворительными. В 2021 году в ходе последнего исследования 32 % горожан ответили, что готовы переехать в другой город в поисках лучшей жизни в ближайшие год-два. В 2020 г. без малого 30 % жителей города были полностью или в основном согласны с тем, что местные власти много делают для благополучия жителей города. Только 17 % горожан полностью или в основном согласны с тем, что могут сильно влиять на городские власти.

Характеризуя процессы трансформации городского пространства города Омска отмечается социальная и пространственная поляризации во внутригородском расселении. В менее престижных городских районах наблюдается нарастающая деградация пространства в целом. Скудность бюджетов собственников жилья и отсутствие внешней финансовой поддержки региональной власти и инвестиций приводит к тому, что денег нет даже на поддержание сложившейся инфраструктуры и городской среды. Такие депрессивные районы, испытывая нарастающую депопуляцию, начинают “сжиматься”, истончая городское пространство.

В целом произошедшие изменения свидетельствуют о постепенном переходе от модели равномерного расселения населения к социальной пространственной стратификации. Однако, несмотря на активную динамику в этом направлении для Омска все еще характерны расплывчатые социальные границы внутри городского пространства [5]. Этому

способствует традиция проживания большинства населения страны в многоквартирных домах, которые пока более устойчивы к поляризации. Вместе с тем слабость института управления многоквартирным жильем и разрушение отлаженной советской системы ЖКХ и централизованного управления этим фондом жилья ведет к увеличению его аварийности, а в отдельных случаях и к “трущобизации”.

Заключение. Переход к рынку приводит к таким процессам как изменение схем расселения и усиление социальных контрастов. Данные тенденции проявляются на фоне стойкой модели однородного расселения, присущего постсоциалистическому городу, которая складывалась более 50 лет.

Большее беспокойство вызывает тот факт, что социальная сегрегация как сложное явление не вызывает интереса у региональной власти, а значит не является предметом политического обсуждения и направлением городской политики. Сложившаяся конфигурация отношений между властью, бизнесом и населением в перспективе будут усиливаться со всеми сомнительными социальными последствиями, а город Омск будет утрачивать свои социальные преимущества, унаследованные от предшествующего периода развития.

Список источников и литературы

1. Аксенов К. Э. Социальная сегрегация пространств личной деятельности в посттрансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) // Изв. РГО. 2018. Т. 141, вып. 1. С. 9–20.
2. Вендина О. И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 2. С. 28–38.
3. Зотова М. В. Столицы Урала: одна или три // Изв. РАН. Сер. геогр. 2007. № 4. С. 76–85.
4. Дружинин А. Г. Пространственное развитие города- миллионера: тенденции постсоветского периода. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
5. Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Омск) <http://www.pwc.ru> (дата обращения 05.02.2022)
6. Махрова А. Г., Ноздрин Н. Н. Дифференциация на рынке жилья в Москве как проявление социального расслоения населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2002. № 3. С. 44–50.
7. Махрова А. Г., Татаринцева А. А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // Региональные исследования. 2006. № 3 (9). С. 28–42.
8. Официальный портал Администрации города Омска. URL: <https://admomsk.ru> (дата обращения 02.02.2022)
9. Пресс-выпуски мониторинга общественного мнения Левада-центра.

- 2019–2021. URL: <http://www.levada.ru/press/2010021703.html> (дата обращения 17.01.2022).
10. Руссова О. Н., Смак Т. С., Тарасова И. А. Оценка комфортности городской среды как фактор социального самочувствия городских жителей Архангельской области // *Арктика и Север*. — 2020 — № 41. — С236–247
 11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по омской области. URL: <http://omsk.gks.ru> (дата обращения 05.02.2022)
 12. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.
 13. Трущенко О. Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация. — М.: Socio-Logos, 1995.
 14. Фаронова Ю. В. Городские макрорегионы Российской Федерации в экономической и урбанизационной географии страны // *Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований. Материалы международной научной конференции (Шестая Ежегодная научная Ассамблея АРГО)*. — Симферополь, 2015. — С. 468–474.
 15. Castells M. *The Rise of the network society*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996.
 16. Lees L., Slater T., Wyly E. *Gentrification*. L.: Routledge, 2007.
 17. Soja N. *Seeking spatial justice*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.

GEOGRAPHY OF SOCIAL TRANSFORMATION OF THE INTERCITY SPACE OF OMSK

Lazareva Zhanna V. ¹

¹State Pedagogical University,
Omsk, Russia

Transformation of social spatial structure of Russian towns under transition to capitalistic relationships is analyzed. The examples of Omsk and other towns illustrate the trends in formation of correlations between income stratification of the society and increasing social contrasts in the system of settling and urban morphology. Ethnic segregation and the role of predominant model of urban policy in transformation of the urban environment are also discussed. Contribution of the spatial component to the growth of social contradictions in Russian towns is estimated.

Key words: social spatial inequality, segregation, town, gentrification, urban policy, Omsk.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Хаботько Н. А.^{1,2}

¹преподаватель ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

²аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Россия

В публикации рассмотрено, как исторически сложилось первенство двух крупнейших городов современной России на разных этапах развития на основе изменений экономико-географического положения (ЭГП), численности населения и знаковых исторических событий. Уделено внимание изменениям в отношении процессов централизации на современном этапе. Рассмотрена реализация крупнейших проектов по развитию городов, их пространственной организации и сопоставление по данным категориям Москвы и Санкт-Петербурга. Дается краткий обзор трансформации планировочных структур городов.

Ключевые слова: глобальный город, городские проекты, агломерация, планировочная структура, централизация.

Города как центры различных сфер жизнедеятельности выполняют особую роль драйверов роста соответствующих территорий, в особенности, когда речь идет о населённых пунктах глобального ранга. В российском пространстве мы можем говорить о двух исторически сложившихся центрах общегосударственного значения — Москва и Санкт-Петербург, каждый из которых в разные временные периоды занимал лидирующие позиции.

В рамках работы посредством анализа крупных проектов, временных различий в реализации объектов одного вида и их пространственной ориентации, а также знаковых административных и экономических изменений дается оценка трансформации в отношении разрыва первенства между двумя столицами на современном этапе.

Говоря о современных исследованиях по схожей проблематике и территориальных полигонов в части Санкт-Петербурга, стоит отметить К. Э. Аксёнова — роль ритейла в трансформации городской среды, Д. В. Житина — пространственные аспекты социальной дифференциации. Среди исследователей Московского региона выделяются В. Л. Ба-

бурин — трансформация территориальной структуры; А. Г. Махрова — расселение, субурбанизация, поляризация пространства; Н. К. Куричев и Е. К. Куричева — пространственная структура жилищного строительства. Сравнительная характеристика экономической активности Москвы и Санкт-Петербурга представлена О. В. Кузнецовой.

Доминирующими факторами первенства в историческом разрезе выступали во взаимосвязи политический и географический. Причём второй фактор подобно первому подвержен изменениям. Несмотря на то, что экономико-географическое положение является исторически сложившейся совокупностью пространственных отношений, оно довольно изменчиво [1].

Возвышение Москвы как центра пришлось на XIV–XVI вв. Здесь сыграли роль как политика московских князей [2], так и положение в междуречье Оки и Волги, являясь частью Волжского речного бассейна. В конце XIII — начале XIV вв. наблюдается значительное усиление роли Каспийского моря в торговле [3]. Также в XIV в. положение Москвы становится более центральным в связи с вхождением ряда княжеств на западе в Великое княжество Литовское [4].

С начала XVIII века в связи с овладением выходом к Балтийскому морю, усилением контактности в европейском направлении, формируется новая столица — Санкт-Петербург. Пока в первой половине XVIII столетия Москва устойчиво теряла в численности населения, новый город на Неве стремительно разрастался. Во второй половине столетия росла численность населения обоих городов, и лидерство в самом начале XIX века в численном отношении перешло Москве. К концу первой четверти XIX века северная столица заняла устойчивые лидирующие позиции. Историческим потрясением, сдержавшим развитие Москвы, выступила Отечественная война 1812 года [5; 6].

Говоря о диффузии инноваций в пределах страны, стоит рассмотреть один из наиболее знаковых проектов XIX века, создание железной дороги. Первый участок в Российской империи соединил Санкт-Петербург с пригородом в 1837 году, при этом Москва обрела железную дорогу только в 1851 г. (спустя 14 лет), получив сообщение со столицей. Стоит отметить роль приграничного положения с экономически прогрессивными странами, так в Польше (тогда территория Российской империи) в 1840 году открылся железнодорожный участок Варшава — Скерневице, а в 1848 г. продлена до австрийского участка и стала Варшаво-Венской [7; 8].

В дальнейшем ситуация в корне изменилась в XX веке. Начиная с 1918 года Петроград теряет первенство, что связано с геополитиче-

скими потрясениями. Сначала Гражданская война, а затем, спустя два десятка лет, и блокада Ленинграда — два периода в истории города, когда Санкт-Петербург терял статус города-миллионера [9].

В рамках XX века предлагается рассмотреть среди знаковых проектов строительство метрополитена. На территории современной России первым стала Москва — 1935 год открытия, вторым — Санкт-Петербург — 1955 год (спустя 20 лет) [10]. До Великой Отечественной войны Ленинградский метрополитен планировалось открыть в 1942 году, тогда бы разница между открытиями двух метрополитенов составила 7 лет, а первые проекты метро в Санкт-Петербурге были ещё в Российской империи [11].

В постсоветский период на территории РФ наблюдается снижение централизации, при её сохранении в целом. В составе территории СССР были более полярные макрорегионы, которые и являлись одним из ведущих факторов централизации. Центр снимал противоречия и обеспечивал взаимодействие контрастных полюсов. Россия в этом плане меньше и однороднее. В геокультурном пространстве СССР скорее разнороден, а РФ — более однородна. В связи со становлением главным ресурсом — финансовых средств (центральный источник в стране которых на периферии), и большей открытости границ, можно говорить о своего рода инверсиях «центр-периферия» и «центр-граница» [12].

Становление рыночной экономики и включение постсоветской России в глобальный рынок стали драйвером развития глобальных городов на территории страны. Показательным в данном случае динамика в рейтинге бюро «Глобализация и мировые города (GaWC) под руководством Питера Тейлора. В 2000 и 2004 году: Москва — в группе Бета городов, Санкт-Петербург — в списке кандидатов (sufficiency). С 2008 года Москва постоянно находится в группе Альфа городов. Санкт-Петербург с 2008 по 2018 гг. в группе Гамма городов, а в рейтинге 2020 года — Бета. В 2018 и 2020 гг. в группе кандидатов (sufficiency) фигурируют Казань и Новосибирск [13].

О сокращении разрыва между двумя столицами можно судить и при сравнении ВРП двух городов. Если в 2005 году значение северной столицы по данному показателю составляло 16,11% от московского, то в 2019 г. — 26,05%. При рассмотрении основных показателей с Ленинградской и Московской областями соответственно, для учёта агломерационного эффекта, общая картина сохраняется. В показателе душевого ВРП разрыв на порядок меньше и также стремительно сокращается: 2005 г. — 37,12%; 2019 г. — 61,11%. Подобные тенденции замечены и в отношении доходов населения. Увеличение разрыва в численности

населения перестало наблюдаться во втором десятилетии XXI в., а рост инвестиций в Москве был на порядок выше в последнее десятилетие (Таблица 1).

Таблица 1

Отношения базовых показателей (составлено автором по: [14])

Год	Санкт-Петербурга к Москве				Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. к Москве и Московской обл.			
	2005	2010	2015	2019	2005	2010	2015	2019
Население (%)	43,14	42,45	42,38	42,58	36,13	35,49	35,65	35,71
ВРП (%)	16,12	20,29	25,05	26,05	18,00	21,45	25,37	25,60
Инвестиции в основной капитал (%)	34,40	54,80	31,32	22,76	37,61	60,37	32,73	26,72
Среднедушевые денежные доходы населения (%)	51,07	56,35	61,83	62,82	57,06	59,41	63,61	64,99

Частичное снижение централизации наблюдается как в экономическом, так и в административном аспектах. Во втором случае знаменательны переезд из Москвы в Санкт-Петербург Конституционного суда РФ в 2008 году и Главного штаба ВМФ в 2012 г. Также были сообщения о возможном переезде Верховного суда РФ [15]. В разрезе экономической составляющей знаковым моментом стала смена ПАО «Газпром», вторым налогоплательщиком страны, своей «прописки» из Москвы в Санкт-Петербург [16].

Говоря о знаковых проектах и датах их сдачи, в первую очередь стоит рассмотреть формирование высотных деловых районов как неотъемлемых составляющих глобальных центров. В мировой практике яркими примерами являются Дефанс (Париж), восточная часть Сити (Лондон), Финансовый округ Манхэттена (Нью-Йорк) и др.

В Москве таким районом является территория ММДЦ «Москва-Сити», строительство объектов которого началось в 1998 году. Первый высотный объект был сдан в 2001 году (Башня 2000), однако он ещё не формировал с учётом его характеристик крупного международного делового района. Следующие три высотных здания были сданы в 2007–2008 гг., а первое сверхвысокое здание — в 2011 году. В 2017 году сдаётся башня Федерация (374 м). Территория продолжает застраиваться с расчётом до 2024 года. ММДЦ «Москва-Сити» расположена на западе Центрального административного округа Москвы [17].

В Санкт-Петербурге таковым районом стал «Лахта центр». Строительство объекта началось в 2012 году, а разрешение на ввод в эксплуатацию объекта было получено в 2018 г. На данный момент архитектурная доминанта АО «МФК Лахта центр» — 462-метровый небоскрёб является самым высоким в Европе [18]. Объект расположен на северо-западе города, в его периферийной части, что во многом связано со статусом центра города как объекта культурного наследия ЮНЕСКО.

Другим важным направлением в рамках эволюции агломераций является создание и развитие транспортных систем «город-пригород». Показательными примерами подобной транспортной инфраструктуры в зарубежных центрах являются S-tog (Копенгаген), RER (Париж), S-Bahn (в городах Германии, Австрии и Швейцарии) и др.

Первая и единственная на данный момент транспортная система такого рода на территории России была запущена в Москве в 2019 году, первые две линии (северное, западное, северо-западное и южное направления) Московских центральных диаметров (МЦД), ещё три диаметра планируется запустить в период 2023–2025 гг [19]. На Петербургском международном экономическом форуме в 2021 году говорилось о проработке вопроса по возможному внедрению городских электричек ещё в восьми агломерациях, в том числе Санкт-Петербургской, с перспективным распространением ещё на 26 центров. В Санкт-Петербурге по информации из СМИ со ссылкой на комитет по транспорту Санкт-Петербурга планируется ввод двух диаметров до 2030 года: Ораниенбаум — Белоостров и Гатчина-Пассажи́рская-Варшавская — Токсово (северо-западное, северное и юго-западное, южное направления с прохождением непосредственно города в восточной части). Для сравнения, в Уфе планируется запуск одной линии до 2035 года [20].

Говоря о развитии дорожной сети, стоит сначала охарактеризовать планировочные структуры в обеих столицах. Историческое ядро Москвы — кремль, с последующим освоением основных колец в виде новых оборонительных сооружений, позднее становившихся транспортными кольцами. Радиусы — направления к крупным городам. В данном отношении радиально-кольцевая структура закладывалась начиная с раннего периода основания города. Единственным сдерживающим барьером в отношении первых трёх колец (до Белого города включительно), частично искажающим концентричность колец, выступала р. Москва [21]. В сравнении с Санкт-Петербургом, который имеет более значительные природные барьеры, Москва на порядок ближе в пространственном развитии к идеальной модели И. Г. Тюнена.

В Петербурге трансформация планировочной структуры происходила более коренным образом. Центр города в первые десятилетия после основания постоянно смещался. От Петропавловской крепости, через Васильевский остров (проект Леблона), к Зимнему дворцу. Следствием чего ядром города стало водное пространство на Неве, окружённое данными объектами. Сформировалась трёхчастная лучевая система, исходящая от Адмиралтейства, с последующим усложнением планировочной структуры города. К началу XXI века город подошёл с преимущественно радиально-полукольцевой сетью. Крупным барьером выступал Финский залив. Переход к радиально-кольцевой структуре произошёл в 10-х гг. XXI столетия, когда «замкнулся» КАД в 2011 году и был построен Западный скоростной диаметр (ЗСД) в 2016 году. При этом ЗСД как внутригородская скоростная магистраль — первый такого рода проект в России [22].

В Москве подобный объект, Московский скоростной диаметр, планируют сдать к 2023 году, таким образом ориентировочная разница в запусках составляет 7 лет. В данном случае первенство Санкт-Петербурга объясняется пространственной спецификой города, важностью преодоления крупного барьера в целях разрешения транспортного вопроса. Впервые данный диаметр появился в Генеральном плане Санкт-Петербурга в 1966 году. В обоих городах скоростной диаметр спроектирован в направлении север-юг и имеют выход к междугородной магистрали, выступающей транспортным коридором двух столиц. Московский скоростной диаметр в своей центральной части будет также иметь выход к строящейся трассе Москва — Казань, а ЗСД — в северной части переходит к трассе Санкт-Петербург — Хельсинки [23].

В ходе рассмотрения значимых проектов стоит также отметить появление крупных международных компаний на территории двух столиц, в особенности вызванным высокоплатёжным спросом, которые оказывают ощутимое влияние на инфраструктурный облик города и пригородной зоны, ориентированной на центр (Таблица 2).

Крупные временные различия в открытии между ЦУМ и ДЛТ объясняются в первую очередь длительной реконструкцией, в частности по воссозданию исторических интерьеров. В данном случае уместно нивелировать временные отличия датой приобретения объектов недвижимости. Более репрезентативен пример Outlet Village, которые открывались в ближнем пригороде, с полным возведением объектов.

Таблица 2

Данные об открытии некоторых объектов в Москве и Санкт-Петербурге
(составлено автором по разным источникам)

Компания / тип объекта	Москва	Санкт-Петербург
Объекты розничной торговли		
Mercury (объекты розничной торговли)	ЦУМ. Приобретено здание: 2002 г. Открытие: 2002 г., расширен в 2008 г.	ДЛТ. Приобретено здание: 2005 г. Открытие: 2012 г.
Outlet Village	Белая дача — август 2012 (юго-восток) Внуково — сентябрь 2013 (запад) Новая Рига — июнь 2020 (запад)	Пулково — октябрь 2015 (юг); вторая очередь — октябрь 2019
Fashion House outlet centre	Шереметьево — июнь 2013 (северо-запад)	Таллинское — ноябрь 2019 (юго-запад)
Коллективные средства размещения		
Four seasons	октябрь 2014 г. (центр)	ноябрь 2013 г. (центр)
Lotte	сентябрь 2010 г. (центр, западнее)	май 2017 г. (центр)
Спортивные объекты		
Стадионы	РЖД Арена (Локомотив): заложен — 2000 г.; открыт — 2002 г. (северо-восток) Открытие Банк Арена (Спартак): заложен — 2007 г.; открыт — 2014 г. (северо-запад) ВЭБ Арена (ЦСКА): заложен — 2007 г.; открыт — 2016 г. (северо-запад)	Газпром Арена (Зенит): заложен — 2007 г.; открыт — 2017 г. (северо-запад)

В случае с гостиничной индустрией стоит отметить, что в Санкт-Петербурге на порядок меньше объектов крупных сетей, в частности верхнего сегмента. Однако это в большей степени объясняется плотной застройкой в центральной части города и его охранным статусом. Крупные зарубежные сети строят, как правило, объекты с большим номерным фондом. При этом в отношении уровня развития гостиничной инфраструктуры стоит говорить о большой тройке (ок. 45 % предложений сетевых отелей по России), куда помимо Москвы и Санкт-Петербурга входит Сочи как центр значимой агломерации курортного типа. Так, если второе место по количеству гостиниц среди гостиничных сетей за Петербургом, то по номерному фонду — Сочи. [24].

В Санкт-Петербурге заметна роль Финляндии, что в известной степени объясняется приграничным положением. Яркий примером является финский холдинг S-group который имеет в управлении на территории города 3 отеля Sokos и 16 супермаркетов Prisma. Однако в начале

марта 2022 года компания объявила о приостановке операционной деятельности в России, что, как предполагается, связано со сложившейся геополитической ситуацией [25]. В зависимости от усиления барьерности или контактности западных границ, в первую очередь Финляндии и Эстонии, весьма ощутимо зависит экономико-географическое положение Санкт-Петербурга.

Основная часть крупных проектов в Санкт-Петербурге приходится, помимо центральной, на западную часть города. Здесь данная диспропорция прослеживается более отчётливо, чем в Москве, что объясняется приграничным положением и наличием функции крупного коридора в Северную и Западную Европу, а также самой по себе контактной зоны «суша-море». В то же время в Москве данные диспропорции прослеживаются в значительно меньшей степени, что объясняется большей гомогенностью пространства в целом. Однако наблюдается перевес реализации крупных проектов в сторону западной части столицы.

Отличия формирования пригородов объясняются временными периодами освоения территорий. Район Подмосковья — староосвоенный, где исторически сложилась относительно высокая плотность населения с развитой сетью поселений. Пригороды Санкт-Петербурга, на юге и юго-западе формировались почти вместе со своим центром [26]. В начале XX века с преимущественно дачными функциями слагался северо-западный пригород, ныне Курортный район Санкт-Петербурга.

В целом наблюдается тенденция к сокращению разрыва между двумя столицами, что характеризует снижение централизации в постсоветский период и усиление контактности западных границ. Стоит также отметить, что международный ЭГП выше у Санкт-Петербурга (однако максимальный прирост международного экономико-географического положения — в южных дальневосточных городах) [1]. Главным сдерживающим фактором в отношении роста северной столицы может выступить усиление барьерности западных границ. Снижение разрыва наблюдается как в административном значении, так и экономическом. На современном этапе при прочих равных обстоятельствах стоит говорить о сокращении разрыва в реализации крупных инфраструктурных объектов, а также наличия проектов, которые в силу своей большей востребованности вводились раньше в северной столице. Оценка различий в вводе объектов крупных зарубежных сетей затруднительна, так как велики факторы скорости развития компаний и скорее рационально выстраивать ряды соотношений временных интервалов между вводом первых объектов, рассматривая все города-миллионеры. При анализе географии подобных крупных сетей довольно часто Санкт-Петербург

является вторым городом, где реализуются объекты на территории России. Имеется ряд примеров, когда в иные города подобные сети не расширяются. Немаловажно и наличие исключительно в северной столице точек зарубежных сетей из приграничных государств. Время реализации объектов в Санкт-Петербурге порой заведомо больше в связи с климатическими, геологическими условиями, а также ряда ограничений в историческом центре. Скорее важно не количество, а сам факт создания объектов определённого типа в отношении статуса, что связано с разной численностью населения и различиями в расселении центральной части России и северо-запада. В целом внутри городов наблюдается преобладание реализации крупных объектов в центральной и западной частях города, причём в Санкт-Петербурге поляризация в пользу запада в данном аспекте существеннее.

Список источников и литературы

1. Бабурин В. Л., Земцов С. П., Кидяева В. М. Методика оценки потенциала экономико-географического положения городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 1. С. 39–45.
2. Великанова Ольга Александровна Возвышение политического центра в ходе объединительных процессов в России и Франции в XIV–XVI вв. В российской и французской историографии // Вестник ТГПУ. Томск: ТГПУ, 2015. № 2 (155). С. 92–97.
3. Дарабади П. Прикаспийский и Волжско-Каспийский водные пути в геостории эпохи Средневековья (V–XVII вв.) // Кавказ и глобализация. 2009. № 1. Лулеа: CA&C Press AB, 2009. С. 145–163.
4. Антонович В. Б. Монографии по истории западной и юго-западной России. Том 1. Киев: Типография Е. Я. Федорова, 1885. 351 с.
5. Санкт-Петербург. 1703–2003: Юбилейный статистический сборник. / Под ред. И. И. Елисеевой и Е. И. Грибовой. — Вып. 2. — СПб: Судостроение, 2003. 232 с.
6. Филиппов В. Как менялся этнический состав москвичей [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Дата публикации: ноябрь 2022. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit01.php> (дата обращения: 10.03.2022).
7. История железных дорог России по материалам Президентской библиотеки [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/news/1300846> (дата обращения: 11.03.2022).
8. История железных дорог России. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС: Новости в России и мире. URL: <https://tass.ru/info/4718956> (дата обращения: 11.03.2022).
9. Чистякова Н. Население северной столицы [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0163/tema01>.

- php (дата обращения: 11.03.2022).
10. Метрополитен в городах России. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20101115/295049742.html> (дата обращения: 12.03.2022).
 11. Метро в России: карта ожиданий и разочарований [Электронный ресурс] // Циан. URL: <https://www.cian.ru/stati-metro-v-rossii-karta-ozhidanij-i-gazocharovanij-320283> (дата обращения: 12.03.2022).
 12. Каганский В. Л. Россия—СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья 2. Различие // Обществ. науки и современность.— 2005.— №3.— С. 70—82.
 13. The World According to GaWC [Электронный ресурс] // Loughborough University. URL: <https://www.lboro.ac.uk/gawc/gawcworlds.html> (дата обращения: 13.03.2022).
 14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
 15. Андреевский флаг поднят на здании Адмиралтейства в Санкт-Петербурге в честь переезда Главного штаба ВМФ [Электронный ресурс] // ТАСС: Новости в России и мире. URL: <https://tass.ru/arhiv/644932> (дата обращения: 13.03.2022).
 16. «Газпром» официально сменил прописку на Петербург [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/04/08/2021/610a52839a7947be18e3668e?utm_source=amp_full-link (дата обращения: 13.03.2022).
 17. Объекты [Электронный ресурс] // Москва Сити—Официальный сайт. URL: <https://citymoscow.ru/about/towers> (дата обращения: 13.03.2022).
 18. «Лахта центр» разрешили ввести в эксплуатацию в Петербурге [Электронный ресурс] // Недвижимость РИА Новости. URL: <https://realty.ria.ru/20181017/1530825308.html> (дата обращения: 14.03.2022).
 19. Московские центральные диаметры [Электронный ресурс]. URL: <https://mcd.mosmetro.ru> (дата обращения: 15.03.2022).
 20. Власти избавят 8 регионов от пробок на дорогах [Электронный ресурс] // Новости РИА URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052538727> (дата обращения: 15.03.2022).
 21. Лобанов Е. М. и др. Развитие планировочной и функциональной структуры улично-дорожной сети в Москве / Е. М. Лобанов, И. А. Бахирев, Т. В. Сигаева, С. С. Кракович // Архитектура и строительство Москвы. 2008. Т. 540. № 5. С. 8—14.
 22. История реализации [Электронный ресурс] // Магистраль северной столицы—официальный сайт ЗСД. URL: <https://nch-spb.com/about/history> (дата обращения: 15.03.2022).
 23. Новая магистраль: где пройдет Московский скоростной диаметр [Электронный ресурс] // Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы. URL: <https://stroj.mos.ru/news/novaia-magistral-gddie-proidiet-moskovskii-skorostnoi-diametr?from=cl> (дата обращения:

- 16.03.2022).
24. Кто лидирует на рынке гостиничных операторов России? [Электронный ресурс] // РвС. URL: <https://www.pwc.ru/ru/materials/pwc-kto-lidiruyet-na-rynke-gostinichnykh-operatorov.pdf> (дата обращения: 16.03.2022).
 25. S-group закроем всю операционную деятельность в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Hotellit Suomessa ja Tallinnassa. URL: https://www.sokoshotels.fi/ru/novosti/novosti/s-group---/015886993_419607 (дата обращения: 16.03.2022).
 26. Лаппо Г. М. Эпоха городов-спутников // Города России. Взгляд географа / Лаппо Г. М. М.: Новый хронограф, 2012. С. 312–315.

SPATIAL DEVELOPMENT OF MOSCOW AND SAINT PETERSBURG AS GLOBAL CITIES

Khabotko N. A.¹

¹Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

The publication considers how historically the leadership of the two largest cities of modern Russia was formed at different stages of development based on changes in the economic and geographical position, population and significant historical events. Attention is paid to changes related to the centralization processes at the present stage. The implementation of the largest projects for the development of the cities, their spatial organization and comparison of Moscow and St. Petersburg according to these categories are considered. The author gives a brief overview of the transformation of the urban planning structures.

Key words: global city, urban projects, agglomeration, planning structure, centralization.

Секция 6

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН И РЕГИОНОВ

УДК 327.1(471.23); 911.3:32

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ

В. Г. Когут,

Секретариат Совета МПА СНГ,
Минск, Республика Беларусь

Г. Н. Нурышев,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В работе отмечается рост турбулентности геополитических процессов в постсоветском пространстве, требующий принятия первоочередных мер по решению актуальных вопросов внутренней геополитики. Подчеркивается, что в числе этих мер, обеспечивающих геополитическую субъектность и геоэкономическую самодостаточность страны, на первое место выходят проблемы укрепления экономического потенциала, стратегической связности российских регионов, их инфраструктурной насыщенности.

Ключевые слова: внутренняя геополитика, турбулентность, геоэкономическая самодостаточность, стратегическая связность, геополитическая субъектность, геополитическая идентификация.

В настоящее время резко усилилась турбулентность геополитических процессов на постсоветском пространстве. И прежде всего следует выделить происходящие события на Украине, где Россия осуществляет большой комплекс военных и иных мероприятий по ее денацификации и демилитаризации. Анализируя эти события, бывший помощник президента США по национальной безопасности Джон Болтон заключает: «Сейчас в Европе развернулась крупнейшая после 1945 года битва» [1].

Поэтому эти события, по нашему мнению, требуют, в первую очередь укрепления единства внутреннего геополитического пространства России. В связи с этим целенаправленная работа органов власти Центра и регионов РФ по решению актуальных вопросов внутренней геополитики выходят на передний план. Об этом свидетельствует и Указ Пре-

зидента России В. В. Путина, где предписывается необходимость «высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации с учетом географических особенностей соответствующих территорий принять исчерпывающие меры по обеспечению социально-экономической стабильности» [2].

Однако исполнительные органы власти Центра и регионов понимают такие меры только как задачи региональной социально-экономической политики, а не внутренней геополитики. Хотя их предметные поля пересекаются, но в целом их задачи не совпадают. Роль внутренней геополитики определяется для России рядом существенных геополитических факторов:

1. Стратификация на регионы в России имеет глубокие геоисторические корни из-за особенностей геополитической истории России и культурно-цивилизационного становления российского суперэтноса. Россия состоит из регионов, представляющих различные культурные, конфессиональные уклады жизни с уникальным генофондом. Субъекты Российской Федерации отличаются исключительно выраженным полиэтническим составом субэтносистем, относящихся к различным типам цивилизаций.

2. Геополитические потрясения конца XX и начала XXI веков в России коренным образом изменили геополитическую стратификацию и идентификацию регионов. Более половины субъектов Федерации, пять из шести крупных ее геоэкономических регионов стали пограничными. Так регионы получили новые геополитические функции, требовавшие геополитическую идентификацию регионов.

3. Политико-географические образы российских регионов соизмеримы геополитическими образами многих государств мира. Российское пространство воспринимается во многом как самостоятельный и весьма важный властный ресурс.

4. Произошла институализация трансграничного сотрудничества по всему периметру российских границ с широким развитием общественно-политических, торгово-экономических и культурных связей.

5. Широкое общение с сопредельными странами в приграничных регионах начало оказывать влияние на менталитет, уклад и традиции местных жителей. Начался процесс ассимиляции, усвоения иностранных норм и правил поведения. Появилась дальневосточная, западноевропейская, исламская идентификация части жителей приграничных регионов.

6. С развалом СССР по всему периметру государственной границы России сопредельные государства стали предъявлять территориальные

претензии к российским регионам, оказывающие влияние на геополитическую идентификацию субъектов Федерации.

7. Геополитические вызовы и угрозы извне сегодня локализуются не только в пограничных регионах, а распространяются на все субъекты Федерации, придавая им геополитические функции.

Все эти геополитические факторы не составляют объект региональной политики. Поэтому проблемы внутренней геополитики требуют отдельного внимания. Среди них, прежде всего, следует выделить проблему связности территорий регионов, которая выполняет функцию сохранения территориальной целостности государства [3, с. 83–86]. Связность территорий может быть политической, экономической, духовной. Но важнейшей является связность транспортная. Ее эксперты определяют «как взаимную транспортную доступность экономических центров, расположенных на данной территории» [4, с.160]. Геополитическая связность территории определяется ее инфраструктурной насыщенностью. В связи с этим, любое государство как геополитический субъект стремится к максимальной геополитической связности при минимальной открытости [5, с.53–56]. Отсюда С.Б. Переслегин делает вывод о том, что провинция может отпасть от государства, если управленческая, информационная, транспортная, инфраструктурная «связность между центром и провинцией станет существенно меньше, чем связность внутри провинции или между провинцией и зарубежным центром управления» [6].

При этом теория связности свидетельствует, что сецессия отдельной территории не способствует укреплению единства оставшейся части страны. Весьма вероятна цепная реакция прогрессирующего развала. С уходом одного региона падает объём коммуникаций, транспортировок в стране. Связность других регионов падает, так как по их территории обеспечивался ушедший регион. Поэтому инфраструктура пограничных территорий начинает сокращаться, вызывая цепную реакцию в иных сферах [7].

Таким образом связность территорий страны объективно имеет стратегический характер. Стратегическая связность территории, по мнению военного эксперта А. Владимирова, демонстрирует «способность Центра (государства) прямо, непосредственно (и исчерпывающе) влиять на положение дел в регионах и на территориях <...> физически дотянуться до любой точки национальных пространств и радикально, и реально повлиять на положение дел на местах» [8]. В связи с этим стратегическая связность региона является необходимым условием стратегической устойчивости и геополитической субъектности госу-

дарства, его суверенитета и территориальной целостности. Стратегическую связность территорий страны способен обеспечить только дееспособный и авторитетный Центр на основе единства транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры [9].

Поэтому развитие стратегической связности территории, ее инфраструктурной насыщенности—это вопрос внутренней геополитики для обеспечения геополитической субъектности и геоэкономической самодостаточности как регионов отдельности, так и страны в целом. [10].

Эти положения стратегической связности территории актуальны и для внутренней геополитики России. Структура внутреннего геополитического пространства России характеризуется заметным ослаблением социально-экономической связности ее регионов. Коррупция региональной и местной власти, «тихий саботаж» чиновников, беспредел местных авторитетов, недоступность многих точек в регионах из-за отсутствия сети малой авиации формируют «отрицательную связность» огромных и неосвоенных территорий, что порождает предпосылки для распада территориальной целостности государства [11].

Не случайно, в новейшей истории России геополитически значимые очаги социальной напряженности возникали на векторах связности России: Юге, Сибири, Дальнем Востоке. [12]. Поэтому А. Владимиров констатирует, что «сегодня, в относительно мирное время, стратегической связности территории России как единого государства практически не существует, и в военное время она будет неизбежно и радикально утрачена» [8].

Поэтому формирование стратегической связности регионов России на современном этапе является неотложной задачей внутренней геополитики государства.

Другой актуальной задачей внутренней геополитики сегодня становится геоэкономическая идентификация регионов. С точки зрения мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна Россия является «территориально обширной полупериферией с центральной геостратегической позицией» [13, с.13]. В связи с этим способ существования и развития российских регионов резко отличается от развития территорий стран в ядре или периферии миросистемы. Россия в полупериферии стоит перед выбором стратегии дальнейшего движения по пути или «встраивания», или «разрыва». При реализации стратегии «встраивания» Россия 90-е годы XX века была вынуждена устанавливать тесные связи со странами ядра миросистемы, чтобы найти свою нишу в мировом разделении труда. Такой сферой стала сырьевая отрасль российской экономики. При такой стратегии радикальный либерализм Центра

привел к мафиозной приватизации предприятий, возникновению олигархии и к глубокому кризису государственных финансов и самого государства. При этом большая часть производительных сил в регионах прекратила свое развитие. Российские регионы лишилась ключевых отраслей промышленности, определяющих ее реальный суверенитет, и стали объектом непрерывного ограбления со стороны транснациональных корпораций и банков. Монополизация и концентрация капитала в Центре привели к серьезному расслоению общества и сильной деградации периферии. В связи с этим в России появилась обширная внутренняя периферия с низким уровнем развития и неудовлетворительным уровнем жизни населения [13, с.14].

Только в настоящее время при переходе на стратегию «разрыва» основным средством становится борьба против эксплуатации России странами центра миросистемы и создание автономной российской системы экономики за счет форсированной реиндустриализации страны, активной модернизации сельскохозяйственного сектора, целенаправленного восстановления военно-промышленного комплекса. Реорганизация российской экономики должна идти со смещением акцентов с рыночного хаоса к государственному планированию и регулированию и сопровождаться мобилизационными мероприятиями, деолигархизацией экономики и девестернизацией в духовной сфере [14, с.118–119].

Такие экстраординарные меры по восстановлению экономического суверенитета России и экономической самодостаточности ее регионов необходимы из-за объявления Западом масштабной санкционной войны и нового «железного занавеса». В этих условиях первоочередными задачами в регионах РФ должны стать шаги по восстановлению в первую очередь станкостроения, микроэлектроники, гражданского авиастроения, производство современных материалов и т.д. Представители экспертного сообщества также считают необходимым для защиты экономики регионов от стихии мирового рынка и международного капитала восстановление государственной монополии в сфере внешней торговли и валютных операций [15].

Однако реализация этих задач за время, отведенной нынешней международной ситуацией в четыре-пять лет, возможно только при переходе к плановым методам хозяйствования и жестком управлении всеми этими процессами из единого общегосударственного центра при полном контроле над всеми стратегическими отраслями производства, находящимися в государственной собственности. Становится очевидным, что уже сейчас нужен четкий план именно реиндустриализации, предполагающая импортнезависимость и суверенную промышлен-

ность, а не узкую задачу «импортозамещения». Необходим конкретный перечень действий по направлениям — что и как, в каком регионе производить, какие полномасштабные производительные мощности развернуть. В противном случае мы не успеем в отпущенные историей сроки восстановить экономическую самодостаточность регионов, о чем свидетельствует опыт нашей страны накануне Великой Отечественной войны. Эксперты полагают, что в отличие от того времени сегодня «ресурсы, которые могли бы стать основой экономического рывка страны, конвертируются в сверхдоходы российских богачей, растрачивающиеся, судя по состоянию той же добывающей промышленности, весьма непроизводительно» [16].

Тем более, что большая часть стратегических ресурсов страны в настоящее время находится в частной собственности российского олигархата, главная цель которого — извлечение максимальной прибыли. Об этом показывает и опыт нынешней Украины, крупный олигархат которой сам способен взорвать ситуацию в стране. Отсюда ликвидация экономического могущества российского олигархата является составной частью борьбы с «пятой колонной» в стране [16].

Только в таком случае положительная трансформация российской экономики будет проникать вглубь и вширь общества, вызывая мощный социальный резонанс. В связи с этим народы как конкретные межэтнические сообщества на определенной территории через свою причастность с пространством реализуют на практике геополитические акты и становятся активными субъектами внутренней геополитики [17, с.109].

События на Украине свидетельствуют, каким трагическим последствиям приводит недостаточное внимание во внутренней геополитике к проявлениям в регионах национализма и русофобии. Сегодня в России идет активная борьба только с проявлениями радикального национализма. А системной борьбы с национализмом, особенно в целом ряде национальных республик, пока нет. Отсутствие контроля за местными властями привело к социально-экономической деградации, росту криминальных структур и массовой бедности. Поэтому национальные республики в настоящее время являются одними из бедных регионов страны, что способствует развитию в них национализма и русофобии. Так, Тыва представляет сегодня, по мнению обозревателей, государство внутри государства со своими этнокультурными порядками, полями марихуаны, высоким уровнем потребления алкоголя, безработицей более 20% (а по неофициальной статистике — до 60–70%), высокой криминогенной обстановкой. Не благополучно и в других республиках. В Калмыкии даже в самой столице Элисте нет доступа к чистой питьевой воде [18].

Такие примеры можно было бы продолжить. Испытание на прочность внутренняя геополитика России проходит в настоящее время и в Дагестане, где «процесс «национального возрождения» сопровождается реанимацией тухумных, джамаатских, фамильных связей, и в них ключевую роль играют представители определенных кланов, властных структур, контролирующие власть и ресурсы» [19, с.130]. Все большую роль в формировании социального самосознания и самоорганизации дагестанцев играет конфессиональный фактор. В республике идет полномасштабное возрождение и политизация ислама, сопровождаемые ростом влияния неоваххабизма. Эти деструктивные процессы представляет серьезную геополитическую угрозу на южном геополитическом векторе России. В регионах Северного Кавказа на фоне депрессивного характера экономики и внутригосударственной слабoreгулируемой миграции при деструктивной деятельности СМИ и отсутствии воспитательной работы среди молодежи постоянно усиливается влияние исламского радикализма, что порождает число этнополитических конфликтов [19, с.132–134].

При этом власти республик повязли в коррупционных и криминальных связях, а Центр практически бездействует. Крупные финансовые средства, выделяемые на республики, оседают где-то в карманах местных чиновников и не доходят до простых людей. Поэтому местные жители начинают обвинять всех, а Москву чаще всего. Отсюда недовольство на бытовом уровне переносится на свое русское население, которое, в связи с этим, вынуждено уезжать из республик. Такие энтропийные процессы должны стать предметом пристального внимания внутренней геополитики России. Эрозию внутреннего геополитического пространства страны можно остановить только в том случае, когда его периферия будет развиваться, когда местным жителям будет хватать легальных средств для нормальной жизнедеятельности. Тогда исчезнет широкая сеть криминальных структур и неприязнь к русским. Можно будет выстраивать равный диалог и жить без угрозы национализма и риска сецессии [18].

В заключение с точки зрения внутренней геополитики можно сделать главный вывод о том, что укрепление внутреннего единства России, стратегической связности ее регионов в современных условиях, связанных украинскими событиями, становится первоочередной стратегической задачей. Уже сегодня нужна четкая программа реиндустриализации в регионах, предполагающая создание импортнезависимости и суверенной промышленности, а не решение узкой задачи «импортозамещения».

Список источников и литературы

1. Экс-помощник президента США Болтон рассказал об ошибках Запада в ситуации с Украиной [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/978423-bolton-ssha-oshibka?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 19.03.2022).
2. «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 16 марта 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67994> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Нурышев Г. Н., Когут В. Г. Актуальные проблемы геополитики: уч. пособие — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. — 203 с.
4. Колесников Н. Г. Транспортная связность арктического и субарктического пространства Европейской части России // Наука и образование в Арктическом регионе: мат. междунар. науч. — практ. конф., Мурманск, 4–8 апреля 2016 г.: в 2 ч. Ч. 2 / Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Мурм. гос. техн. ун-т». — Мурманск: Изд-во МГТУ, 2016. — С. 158–163.
5. .Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске: законы геополитики: монография — М., СПб.: АСТ, 2005. — 619с.
6. Транспортная теорема и бюрократия [Электронный ресурс]. URL: <https://nkgb.livejournal.com/305689.html> (дата обращения: 08.03.2021).
7. .Может ли Россия распасться, как Советский Союз, и что в этом случае будет? — Часть 1 [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5df0b5a55ba2b500b1876116/mojet-li-rossiia-raspastsia-kak-sovetskii-soiuz-i-chto-v-etom-sluchae-budet-chast-1-60478fe5665e4413f32dca04?&utm_campaign=dbr (дата обращения: 11.03.2021).].
8. Владимиров А. Когда война на пороге. III [Электронный ресурс]. URL: <http://www.segodnia.ru/content/237920> (дата обращения: 27.03.2021).
9. Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Теория связности территорий в геополитике // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность: Материалы Междунар. науч. конф. (СПб., 8–9 апр. 2021) / Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина, К. Э. Аксенова. — СПб.: Изд-во ВВМ, 2021. С. 161–170.
10. Несмиян А. Е. Связность [Электронный ресурс]. URL: [https://rusrand.ru/actuals/svyaznost\(дата обращения: 08.03.2021\)](https://rusrand.ru/actuals/svyaznost(дата обращения: 08.03.2021)).
11. Владимиров А. Когда война на пороге. III [Электронный ресурс]. URL: <http://www.segodnia.ru/content/237920> (дата обращения: 27.03.2021).
12. Евстафьев Д. Связность территории — приоритет развития России [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/42696733/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.03.2021).
13. .Изгарская А. А. Внутренние и внешние конфликты России в свете гео-

- политической теории и миросистемного подхода // Наука и бизнес: пути развития. — 2013. — № 7(25). — С. 13.
14. Гишар Ж. П. Геополитические размышления о политике российского правительства // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 5. — С. 116–120.
 15. Катасонов В. Чтобы выстоять в санкционной войне, нужна государственная монополия внешней торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/03/18/chtoby-vystojat-v-sankcionnoj-vojne-nuzhna-gosudarstvennaja-monopolija-vneshnej-torgovli-55801.html> (дата обращения: 18.03.2022).
 16. Сивков К. Приоритеты возрождения. Без национализации стратегических ресурсов нашей стране не выжить [Электронный ресурс]. URL: <http://geopolitica.info/prioritety-vozhrozhdeniya-bez-natsionalizatsii-strategicheskikh-resursov-nashey-strane-ne-vyzhit> (дата обращения: 22 марта 2022).
 17. Ерохина Е. А. Межэтнические сообщества как субъекты внутренней геополитики России // Материалы междунар. науч.—практ. конф. «IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия» (Тыва, 20–23 сен. 2018). — Тыва: Изд-во ТГУ, 2018. — С. 108–112.
 18. Мильи К. «Русским здесь не рады». Как обстоят дела с национальной политикой в РФ? [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/simple_politics_and_history/russkim-zdes-ne-rady-kak-obstoiat-dela-s-nacionalnoi-politiko-v-rf-6040ee4f3e8e522ea5b838ab?utm_campaign=dbr&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 05.03.2022).
 19. Махулова З. А. Конфликтогенные факторы геополитического развития республики Дагестан // Вестник Дагестанского гуманитарного института. — 2021. — С. 127–134.

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN DOMESTIC GEOPOLITICS

Koguta Victor G.¹

¹Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the
Commonwealth of Independent States,
Minsk, Republic of Belarus

Nuryshchev Gennady N.²

²St. Petersburg, State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia

The paper notes the growth of turbulence of geopolitical processes in the

post-Soviet space, requiring the adoption of priority measures to address topical issues of internal geopolitics. It is emphasized that among these measures that ensure the geopolitical subjectivity and geo-economic self-sufficiency of the country, the problems of strengthening the economic potential, strategic connectivity of Russian regions, and their infrastructure saturation come to the fore.

Key words: domestic geopolitics, turbulence, geo-economic self-sufficiency, strategic connectivity, geopolitical subjectivity, geopolitical identification.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ПРОЕКЦИЯ НА ВНУТРЕНнюю ГЕОПОЛИТИКУ

В. А. Шупер,

Институт географии РАН,
Москва, Российская Федерация

Внутриполитические задачи, решаемые в ходе спецоперации на Украине, не менее важны, нежели внешнеполитические. Главная из них — национализация элит. Без её решения невозможен разворот на восток и на юг, форсированное развитие Азиатской России. Необходима глубочайшая ревизия всего идейного багажа, сформировавшегося в период после «конца истории». Только перестав быть рабами своего времени, мы сможем стать подлинными хозяевами своих пространств.

Ключевые слова: украинский кризис, национализация элит, освоение Сибири

Введение

Быстро стали трюизмом утверждения о том, что 24 февраля 2022 г. была перевернута страница истории. При этом даже экспертное сообщество международников, много лет убеждавшее нас в неизбежности глубочайших тектонических сдвигов, до такой степени оказалось застигнутым врасплох, что это выразилось в крайнем недостатке аналитики и комментариев, кои сейчас нужны, как никогда. «Парадокс в том, что все ждали текущих событий, но никто в них до конца не верил» — так охарактеризовал сложившуюся ситуацию Ф. А. Лукьянов [5].

Между тем именно Ф. А. Лукьянов и А. И. Миллер обнародовали в 2016 г. своего рода манифест, провозгласивший радикальную смену вектора развития страны в силу завершения трёхсотлетних попыток вписаться в Европу в том или ином качестве [7]. Шесть лет, прошедшие со времени публикации этого ревизионистского в идейном отношении, но весьма умеренного в политическом и стилистически очень сдержанного документа, — ничтожный по историческим меркам срок. Находясь «внутри» процессов, даже самые информированные и проницательные из нас не вполне представляли головокружительную скорость их течения. Подобно тому, как гляциологи и геоморфологи судят о мощности былых потоков по глубине выработанных ими долин, трагические события февраля-апреля 2022 г. стали тем крайне низким базисом эрозии,

к которому текли процессы последних пятнадцати лет, если принять за точку отсчёта Мюнхенскую речь В. В. Путина.

Необходимость врага

Общеизвестны геополитические и сугубо военные причины, побудившие политическое руководство принять крайне болезненное в человеческом плане и очень тяжёлое по экономическим и политическим последствиям решение о проведении спецоперации на Украине. Оно стало возможным и необходимым в условиях стремительных изменений: «Глобализация сменяется регионализацией, идёт раскол мира на противоборствующие военно-политические, финансово-экономические и технологические блоки. Политика доминирует над экономикой. Известная формула тридцатилетней давности выворачивается наизнанку: *It's geopolitics, stupid!* [курсив источника—В.Ш.]»— пишет Д. В. Тренин [12].

Однако не меньшее значение имеют и внутривосточные задачи, прежде всего—национализация элит. Провозглашённый десять лет назад поворот на Восток за первые два года просто не сдвинулся с мёртвой точки, после присоединения Крыма и постоянного ужесточения санкционного давления шестерёнки вроде бы завернулись, но импульс быстро угас. Предложения С. К. Шойгу относительно строительства новых крупных городов в Сибири в известном смысле можно рассматривать как жест отчаяния—объективно совершенно необходимый манёвр не то, что пробуксовывал, а просто не выполнялся. Теперь он стал безальтернативным.

Решение труднейшей задачи—национализации элит требует самых радикальных мер. Здесь сошлись крайне неблагоприятные факторы. С одной стороны, наиболее состоятельная часть общества, сформировавшаяся в период квазирыночного хозяйства, предпочитала держать деньги и прочие активы на Западе, полагая, что это много надёжней, нежели в своей стране. Там же по возможности старались и жить ввиду более высокого качества жизни, лечиться, учить детей и т. п. Это никак не способствовало развитию отечественного образования, здравоохранения и других важнейших сфер общественной жизни, включая и экономику. С другой стороны, в советские времена был широчайше распространён комплекс неполноценности перед Западом как обществом более свободным и более зажиточным. Этот комплекс значительно усилился в первые постсоветские годы, когда мы стали перестраивать нашу жизнь по западным лекалам, добровольно принимая роль младшего партнёра, который надеется со временем вырасти в мастера из

подмастерья (см. доклад А. И. Миллера и Ф. А. Лукьянова—[7]). Осознание принципиальной неосуществимости этого интеграционного проекта ввиду неготовности Запада к равноправным отношениям привело к смене векторов развития страны, но общественное сознание обнаруживает при этом очень большую инерционность.

«В Советском Союзе мы без врага существовать не могли, да и в России тоже не можем, потому что мы генетически страна, которая выросла на обороне—пишет С. А. Караганов.—Если мы вытаскиваем это, то у нас начинает всё сыпаться. Одна из причин, что мы посыпались в конце 80–90-х было то, что мы решили, что нам никто не угрожает. Поэтому нам, к сожалению, нужен определенный уровень внешней угрозы для самоорганизации общества. Считалось, что демократия не требует внешнего врага, но посмотрите, что творится. Искусственно и судорожно выдумывают себе врага! Вся эта история про «российское вмешательство»—для того, чтобы самоорганизоваться. В Америке придумали «российское вмешательство», чтобы объединиться против Трампа и для того, чтобы взять под контроль социальные сети, которые вышли из-под контроля политических элит» [2].

Это положение получило дальнейшее развитие в ходе разворачивающегося кризиса: «Американцы—пассионарный и воинственный народ... Потребность во враге для мотивации собственных действий никуда не делась, и после Милошевича и арабских террористов врагом были назначены белые цисгендерные мужчины, глобальное потепление и крупные корпорации. Американское общество начало разлагаться на глазах, пожирая само себя и подрывая свои деловые, буржуазно-демократические основы... В этом смысле нынешний кризис—подарок для традиционной Америки. Борьба теперь идёт не против абстрактных террористов, углекислого газа или карикатурного Кима-Rocketman'a. Нет, враг на этот раз серьёзный, по-настоящему бросающий вызов Америке—всё как в старые добрые времена. Поэтому надо сплотиться, надо быть готовыми терпеть лишения (небольшие), снова отстоять Нашу Свободу и Наш Образ Жизни. Мы обязательно победим, станем ещё сильнее и снова утвердим наши идеалы Демократии. Иронично, что эту достойную самых консервативных республиканцев речь произнёс лидер демократической, как бы левой, партии» [8].

Предпринимая попытку реконструировать размышления В. В. Путина, результатом которых стало решение о проведении спецоперации на Украине, В. Т. Третьяков указывает: «Я достаточно давно и хорошо знаю Путина и как человека, и как политика. Конечно, он прекрасно видел, что происходит на Украине, знал о двурушничестве тамошних

элит. Но у него своя тактика—он не столько действует сам, сколько выжидает, когда противник допустит ошибку, и тогда он этим воспользуется. Так было и в истории с Крымом, так случилось и в истории с Донбассом» [1]. Именно грубейшая ошибка Запада, ожидаемо запустившего маховик русофобии, под каток которой первыми попали те, кто относится к нему с наибольшей симпатией в силу духовных или материальных причин, вместо того, чтобы стремиться расколоть российское общество, (в советские времена «друзей нашей страны» всячески привечали), стала решающим фактором национализации элит. «Что ж, нет худа без добра. В конце концов, нам тоже нужна внешняя угроза, чтобы слезть с печи и заняться делом. Роль врага Америки в этом смысле подходит как нельзя лучше» [8]. Безусловно, переход на рубли в расчётах за газ (для начала) по своему всемирно-историческому значению намного превосходит саму спецоперацию на Украине со всеми её жертвами и разрушениями.

Овладение пространством и временем

Переход к подлинно суверенному целеполаганию потребует самой глубокой ревизии нашего идейного багажа, в огромной мере сформированного в период после «конца истории», ведь мы настолько привыкли следовать западной повестке дня, что даже перестали это осознавать. Как отметил Л. В. Шебаршин (1935–2012), крепко знавший своё дело, выяснилось, что «общечеловеческие ценности» полностью совпадают с национальными интересами США. Радикальные сдвиги в территориальной организации страны невозможны без столь же радикальных сдвигов в общественном сознании. Только перестав быть рабами своего времени, мы сможем стать подлинными хозяевами своих пространств.

Логично предположить, что именно учёные должны выступить вперёдсмотрящими, когда страна решительно меняет курс. Однако на протяжении последних десятилетий научное сообщество было полностью дезориентировано нелепыми библиометрическими критериями оценки результативности [14]. Эти критерии полностью извращают ценностную ориентацию учёных, уничтожают институт репутаций, засоряют научную периодику огромным количеством проходных статей, хотя любому учёному совершенно очевидно, что публиковать надо меньше, да лучше—чем больше статей, тем меньше их читают. В том жалком положении, до которого низведены учёные, у них вообще не осталось других занятий, кроме добывания грантов (и писания отчётов по ним) и публикации в рейтинговых журналах. До поисков ли им объективной истины и глубоких раздумий о судьбах страны?

Совершенно очевидно, что никаких оценок уровня фундаментальных исследований, кроме экспертных, в принципе быть не может (прикладные исследования можно оценивать по их экономическому эффекту, и то, вероятно, далеко не всегда). Весь вопрос в том, проводить ли эту оценку самим, либо отдавать на откуп геополитическим соперникам. К. А. Тимирязев (1843–1920) писал на заре XX в.: «Из всех мыслимых форм цензуры, конечно, самой худшей, самой ненавистой была бы цензура не произведения, а лица... Но именно эта худшая форма цензуры применяется к университетской преподавательской деятельности и притом не только в карательной, сравнительно [курсив источника—В.Ш.] менее вредной, но и в несравненно более вредной—предупредительной форме. Я говорю, что вторая несравненно вреднее, и действительно, что значит потеря нескольких талантливых преподавателей в сравнении с возможностью умственного и нравственного растления целых поколений учёных, стремящихся угадать, к каким выводам должна приходиться их свободная наука для того, чтобы оказаться в согласии с воззрениями её бюрократических оценщиков» [10, с. 18–19]. Весьма сходные явления наблюдаются в последние десятилетия и в области культуры [6].

Между тем научное сообщество крайне слабо протестовало против библиометрических извращений, а научный истеблишмент не только не был обрадован послаблениями последних дней, но пытался всячески их уменьшить, как неизбежное зло. Закономерно, что члены научного сообщества, решительно осуждающие спецоперацию на Украине, к библиометрии, как правило, относятся вполне терпимо. Глубокая трещина, разделяющая либеральный глобализм и консервативный патриотизм, проходит не только между странами, но также внутри самих этих стран. Нам внушают, что отказ от библиометрии, отдающей предпочтение зарубежным журналам, обрекает нас на провинциальность. Но ещё больший провинциализм—отдавать оценку квалификации отечественных научных кадров на откуп конкурентам, что автоматически карает любое отклонение от мейнстрима. Всё новое пробивается с трудом даже в своей стране, тем более в других странах, где условие публикации, особенно для зарубежных авторов,—следование интеллектуальной моде.

Между тем наука на Западе страдает всеми болезнями общества, в котором она существует, а потому отнюдь не отличается высочайшей эффективностью. Это стало вполне очевидно, когда наша отсталая страна первой разработала вакцину против COVID-19, но множество свидетельств тому было и раньше. В советские времена представители

общественных наук страшно завидовали естествоиспытателям ввиду их защищённости от идеологического давления в послесталинские времена. Сейчас на Западе вегетарианский сталинизм, и даже представители естественных наук несут полную ахинею в своих областях, чтобы не вылететь с работы [4]. Восхитительная готовность многих зарубежных коллег и целых институций, включая международные, без колебаний разменять идеалы науки на политическую конъюнктуру едва ли свидетельствует о её небывалом расцвете.

Можно считать сюрреализмом, если Президент РАН, сам недоужинный учёный, придя к Президенту РФ через месяц после начала спецоперации на Украине, предлагает употребить силы на выращивание моллюсков, дабы увеличить депонирование углерода: «И сейчас в некоторых странах мира начинается создание таких ферм, в которых выращиваются моллюски с большим объемом, с большой массой створок! — Александр Сергеев был без преувеличения воодушевлен. — И это есть как раз одно из предложений, каким образом входить в климатические проекты через море. Он забыл сказать (а может, не знал), что больше нет никаких климатических проектов. Или по крайней мере мы в них не участвуем» [3]. Хочется надеяться, что покинувший нас А. Б. Чубайс прихватил с собой и устойчивое развитие, каковое успел объявить религией XXI в. [13].

Столкновение между Западом и Россией — это столкновение между миром постмодерна, где *perception is reality*, и миром модерна, где всё весомо, грубо, зримо, по В. В. Маяковскому. Форсированное развитие Азиатской России требует решения множества сложнейших задач, в том числе комплексных. Это требует уравнивания аналитических подходов синтетическими, восстановление в правах критического духа науки, который всегда был ей присущ, но понёс огромные потери в последние десятилетия. Мы не найдём плодотворных путей развития Сибири, если не возродим институт конструктивных критических дискуссий в науке и в обществе.

Заключение

Ректор МГИМО А. В. Торкунов высказал недавно такую мысль: «Как мне представляется, сложно увидеть в универсальной структуре исследовательской статьи, которая должна состоять из разделов «введение», «методология», «результаты», «обсуждение» и «заключение», идеологическую диверсию против нашей страны» [11]. При всём уважении к почтенному ректору, мы не можем с ним согласиться. Любые стандарты служат интересам тех, кто их устанавливает. Уже одно толь-

ко требование обзора литературы превращает любую статью в квалификационную работу—её всегда можно отвергнуть за упущение тех или иных работ, что и случается совсем не редко. При этом знание отечественных работ не требуется не только на Западе, но уже и у нас в стране. Да и в целом, чем больше внимания к форме, тем меньше— к содержанию. Если статья—результат научного творчества, то никто не вправе учить зрелого учёного, каким её следует писать. Нам надо вернуться к старым, проверенным временем принципам—автор отвечает за достоверность излагаемых результатов и их научную новизну. Остальное—на его усмотрение.

Нам надо вернуться и ко многому другому, от чего мы неразумно отказались в суе непродуктивных реформ. Необходимо отказаться от Болонской системы, введённой ради экспорта образовательных услуг, и вернуться к традиционному «специалитету», по крайней мере, для ряда естественнонаучных и технических специальностей. Сейчас уже очевидно, что эта система способствует оттоку специалистов за рубеж в несравненно большей мере, нежели привлечению иностранных студентов. Следует ли России готовить на свои средства кадры для более богатых стран—вопрос риторический.

Столь же неразумным был и переход к одиннадцатилетнему среднему образованию. Понятно, что тех, кого ничему не научили за десять лет, не научат и за одиннадцать, но нельзя же учить меньше, чем на Западе! Между тем на Западе охотно учили бы и тринадцать лет, чтобы куда-то пристроить становящееся всё более избыточным население. У нас же противоположная проблема—дефицит трудовых ресурсов, нам надо учить не дольше, а лучше, используя сэкономленные при возвращении к десятилетке средства на уменьшение числа учеников в классах. Разумеется, потребуется серьёзно поднять ответственность и школьников, и их родителей за результаты учёбы, но только мобилизационная модель образования [15] соответствует тому положению, в котором надолго оказалась наша страна.

Наконец, надо решительно отказаться не только от квантитативного фетишизма, когда всё, что не имеет количественного выражения, либо не существует, либо несущественно, но и от фетишизации институтов. Великая либеральная идея о том, что главное—создать «правильные» институты, а дальше можно будет идти вперёд уже на автопилоте, оказалась ошибочной. Нисколько не преуменьшая роль институтов, надо подходить к ним, как к инструментам, эффективность которых определяют те, кто ими пользуется. Никакие институты в принципе не могут избавить от творческой, кропотливой и далеко не лишённой рисков ра-

боты по подбору и расстановке кадров. Война создаёт беспрецедентные социальные лифты, но лучшие погибают первыми. Реконструкция общества на мобилизационной основе, форсированное развитие Азиатской России должны создать такие лифты без трагических последствий военного времени. Сильно ударившись в индивидуализм, мы совершенно упустили, что масштабная личность может сформироваться только на большом и важном деле. Общества, в которых личные интересы реализуются в русле общественных, будь то авторитарный Китай или демократическая Индия, явно имеют лучшие перспективы, нежели индивидуалистический Запад. «В Китае, Индии, Японии и Корее доминирует социалистическая идеология — вернее, некая смесь социалистической идеологии, национальных интересов и рыночной конкуренции» [9].

Список источников и литературы

1. Виталий Третьяков: «Евромайданы превратили Украину в гуляй-поле». Незалежность это государство потеряло уже давно (интервью) // Литературная газета, № 10 (6824), 09–03–2022 URL: <https://lgz.ru/article/-10-6824-09-03-2022/vitaliy-tretyakov-evromaydany-prevratili-ukrainu-v-gulyay-pole/> — Дата обращения: 29.03.2022
2. Караганов С. Новой миссией России может стать защита всего мира / ВЗГЛЯД, 3 октября 2019. URL: <https://vz.ru/politics/2019/10/3/1001036.html> — Дата обращения: 29.03.2022
3. Колесников А. О, сколько нам открытий нудных!.. Владимир Путин увидел президента РАН с новой стороны // Коммерсантъ, 28.03.22. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5281655?from=main> — Дата обращения: 29.03.2022
4. Лукин А. Право на безумие // Россия в глобальной политике, 2021, № 5 сентябрь/октябрь. 01.09.2021 URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pravo-na-bezumie/> Дата обращения — 30.09.2021
5. Лукьянов Ф. «Это игра на выбывание». Интервью /сайт журнала «Россия в глобальной политике», 25.03.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/eto-igra-na-vybyvanie/> — Дата обращения: 29.03.2022
6. Мальцев И. Готова ли русская культура осмыслить, что происходит / ВЗГЛЯД, 28 марта 2022. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/3/28/1150577.html> — Дата обращения: 29.03.2022
7. Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. 2016 URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf Дата обращения — 30.10.2021
8. Полетаев С. О роли врага /сайт журнала «Россия в глобальной политике», 30.03.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-rol-i-vraga/> — Дата обращения: 30.03.2022

9. «Такие события, как сейчас, происходят раз в столетие»: Сергей Глазьев о сломе эпох и смене укладов (интервью) / БИЗНЕС Online, 27 марта [2022]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/544773> — Дата обращения: 31.03.2022
10. *Тимирязев К. А.* Академическая свобода (мысли вслух старого профессора) / Тимирязев К. А. Наука и демократия. Сб. статей 1904–1919 гг. М.: Изд-во соц.—экон. литературы, 1963. С. 17–27.
11. Торкунов А. Общественные науки в России: журналы и индексы / Российский совет по международным делам, 15 марта 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/obshchestvennye-nauki-v-rossii-zhurnaly-i-indeksy/> — Дата обращения: 30.03.2022
12. Тренин Д. «Переиздание» Российской Федерации. Контуры внешней политики России для периода гибридной войны /сайт журнала «Россия в глобальной политике», 21.03.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pereizdanie-rossijskoj-federaczii/> — Дата обращения: 29.03.2022
13. Чубайс назвал новую религию XXI века / РИА НОВОСТИ, 10.02.2021. URL: <https://ria.ru/20210210/chubays-1596877471.html> — Дата обращения: 07.03.2022
14. Шупер В. А. Севший голос науки. Взгляд из Отечества // Управление наукой: теория и практика. 2020. Том 2. № 1. С. 40–53. URL: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56> — Дата обращения: 30.03.2022
15. Шупер В. А. Национальная идея: взгляд географа // Вопросы философии, 2021, № 8. С. 5–14.

UKRAINIAN CRISIS: PROJECTION ON DOMESTIC GEOPOLITICS

V. A. Shuper¹,

¹ Institute of Geography, Russian Acad,
Moscow, Russia

Domestic political tasks solved during the special operation in Ukraine are no less important than international ones. Chief among them is the nationalization of the elites. The turn to the East and South, the accelerated development of Asian Russia is impossible without its solution. A profound revision of all the ideological baggage that has been formed in the period after the “end of history” is needed. Only by ceasing to be slaves of our time we can become true masters of our spaces.

Key words Ukrainian crisis, nationalization of elites, development of Siberia

ИНСТРУМЕНТЫ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И РОСТА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Бурла М. П.¹

¹Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Тирасполь, Приднестровье, Молдова

В статье рассматриваются разнообразные кризисы, характерные для самопровозглашенного региона—Приднестровья. Проведен анализ факторов, обусловивших возникновение кризисных ситуаций. Отражена динамика некоторых макроэкономических показателей региона. Основное внимание уделено анализу влияния геополитической ситуации и внешних рестрикций на возникновение кризисных ситуаций. Приведен перечень антикризисных инструментов, применяемых в Приднестровье. Отражена роль России в разрешении кризисных ситуаций в регионе. Предложены мероприятия, направленные на предотвращение кризисных ситуаций.

Ключевые слова: кризис, модель экономики, самопровозглашенный регион, структурная политика, устойчивое развитие.

К стратегическим целям развития Приднестровья можно отнести обеспечение политической стабильности и безопасности, устойчивый рост экономики и уровня жизни населения, эффективное природопользование и международное взаимодействие. Перспективное развитие должно обеспечивать максимальный иммунитет отдельных подсистем от воздействия дестабилизирующих факторов. Важнейшим инструментом достижения перечисленных целей является антикризисное управление. Для оценки этиологии, факторов и особенностей кризисов, характерных для Приднестровья, использованы следующие методы—ретроспективного анализа, оценочный, сравнительный, прогнозный.

Создание Приднестровья следует рассматривать как антикризисный проект, направленный на защиту населения региона в условиях политической нестабильности и кризисного состояния экономики СССР, усиления межэтнических и языковых конфликтов в ССР Молдова. Самопровозглашение республики—ответ на геополитические, геоэкономические и межэтнические события конца 80-х гг. XX в.

В рамках провозглашенной в СССР модели регионального хозрас-

чета, основанной на принципах самокупаемости, самофинансирования и самоуправления, на первом съезде депутатов всех уровней (июнь, 1990 г.) была создана «Приднестровская экономическая зона». С этого времени началось самоутверждение Приднестровья в качестве автономного территориально-хозяйственного образования [1].

В качестве самостоятельного политико-территориального образования республика была провозглашена 2 сентября 1990 г. на Втором чрезвычайном съезде депутатов Приднестровья всех уровней. Постановление съезда определило образование Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики в составе СССР [1].

В момент самопровозглашения республика не имела статуса автономии, что отличало ее от других самопровозглашенных республик на территории СССР— Абхазии, Нагорного Карабаха, Южной Осетии. За короткий исторический период «с нуля» в ПМР созданы все атрибуты, характерные для суверенного государства [1].

В отличие от некоторых самопровозглашенных регионов (Тайваня, Турецкой Республики Северного Кипра, Абхазии), Приднестровье не имеет выхода к морю. Это существенно усложняет его взаимодействие с внешним миром и обуславливает полную зависимость от внешней политики, пограничных и таможенных режимов Украины и Молдовы.

Современное развитие Приднестровья характеризуется наличием ряда значительных диспропорций и кризисных явлений, существенно угрожающих национальной безопасности. Среди них можно выделить демографический кризис, неустойчивую динамику макроэкономических показателей, сокращение абсолютной численности занятых, интенсивную эмиграцию трудовых ресурсов, рост демографической нагрузки на одного занятого, устойчивый дефицит бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов при высоком уровне социальных обязательств государства, отрицательное сальдо внешней торговли и рост внешнего долга, пространственную неравномерность экономического потенциала и наличие депрессивных поселений, усиление имущественной дифференциации населения и различий по уровню доходов.

Макроэкономические показатели Приднестровья в постсоветский период характеризовались нелинейной динамикой, о чем свидетельствует большой размах вариации ВВП— от 199,2 млн. долл. в 2000 г. до 1116,8 млн. долл. в 2014 г. или в 5,6 раз [2].

Следует отметить также, что динамика ВВП региона в долгосрочном периоде в значительной степени обусловлена особенностями механизма газоснабжения и дополнительными ресурсами, полученными по каналам внешних заимствований. ВВП включает ряд доходов, не

являющихся непосредственным результатом экономической деятельности в учетном году (например, доходы от приватизации, прирост заработной платы за счет гуманитарной помощи, привлечения кредитных и иных ресурсов). Это существенно искажает реальную макроэкономическую ситуацию.

О кризисном состоянии экономики свидетельствуют показатели консолидированного бюджета, который характеризуется устойчивым дефицитом. Отрицательное сальдо бюджета в 2009 г. превысило его доходную часть в 1,3 раза, а в 2019 г. составило 58,6 % от доходов [2]. Дефицит бюджета погашается за счет внешних заимствований, эмиссии, а также неналоговых источников (например, средств от приватизации).

В долгосрочном периоде наблюдается сокращение доли материального производства в структуре добавленной стоимости (с 63,5 % в 1996 г. до 39,8 % в 2019 г.) при сохранении низкой производительности труда в производственной сфере. С 1996 г. по 2019 г. доля промышленности в ВВП сократилась с 53,9 % до 30,2 % в 2019 г. Это является следствием деиндустриализации и кризисного состояния аграрного сектора. За 1990–2019 гг. количество лиц занятых в материальном производстве сократилось — с 169,1 до 38,8 тыс. человек, а их доля в общей численности занятых — с 61,4 % до 29,3 %. В 1990 г. в промышленности было занято 94,5 тыс. человек, в 1995 г. — 66,2 тыс. человек, в 2019 г. — менее 20 тыс. человек [2].

В структуре промышленности значительно снизилась доля машиностроения, пищевой и легкой, для развития которых регион обладает существенными конкурентными преимуществами, и возросла доля черной металлургии, тепловой электроэнергетики и тяжелого машиностроения, развитие которых находится в большой зависимости от внешних ресурсов и факторов.

Указанный тренд обусловлен не только процессами постиндустриализации, но и наличием явлений деиндустриализации, выражающейся в прекращении деятельности большого количества промышленных предприятий. Редукционизм сопровождался симплификацией и существенным сокращением степени диверсификации индустриального сектора.

Симплификация структуры хозяйства, гипертрофированная доля отдельных промышленных производств и ограниченный ассортимент промышленных товаров в экспорте обуславливает высокую уязвимость республики, увеличивает степень общеэкономических рисков, создает угрозу устойчивому развитию и чревато значительными отрицательными колебаниями всех экономических показателей в случае неблагоприят-

ятной конъюнктуры на рынках сбыта или форс-мажорных ситуаций, вызванными внешними рестрикциями и иными причинами.

Одной из отрицательных тенденций социально-экономического развития в долгосрочном периоде является существенное сокращение производства и экспорта продовольствия и сырья для его производства. Фактически произошло вытеснение приднестровских поставщиков продовольствия не только с рынков СНГ, но и с приднестровского рынка, в том числе и по традиционным товарным группам, являвшихся ранее предметом специализации республики. В долгосрочном периоде происходит также сокращение степени диверсификации экспорта агропромышленных продуктов. Республика сохраняет «статус» нетто-импортера продовольствия, что ставит под угрозу ее продовольственную безопасность.

Структура хозяйства в значительной степени предопределяет товарную структуру экспорта (специализацию) региона. В настоящее время поступления от экспорта зависят от ограниченной группы товаров — электроэнергии, проката черных металлов, швейных изделий, обуви, строительных материалов, алкогольных напитков. Доля стали и проката черных металлов в отдельные годы составляла около $\frac{2}{3}$ суммарного экспорта ПМР [2].

Внешнеэкономическая деятельность региона в значительной степени определяется геополитическими факторами и отсутствием у Приднестровья окончательного международного политико-правового статуса. Под влиянием политического фактора ограничивается использование приднестровской железной дороги для участия в международных грузовых и пассажирских перевозках. Например, количество международных железнодорожных пассажирских перевозок через станцию Тирасполь сокращено с 13 до 2-х. Во внешнеторговых перевозках запрещено использование грузовых автомобилей с приднестровскими номерами. Часто нарушается экономически обоснованная экспортная логистика перевозок по железной дороге. Хозяйствующие субъекты также не могут пользоваться правом перевозки груза с соблюдением процедуры МДП (TIR), установленной Таможенной конвенцией «О международной перевозке грузов с использованием книжки МДП». Зарубежные банки отказываются открывать корреспондентские счета для обслуживания приднестровских экономических агентов.

Наглядным примером возникновения кризисной ситуации под влиянием внешних ограничений является блокада Приднестровья 2006 г. В соответствии с молдавско-украинским межправительственным соглашением, с 3 марта 2006 г. были введены новые правила перемещения

грузов через молдавско-украинскую границу. Украинские таможенные посты, находящиеся на границе Украины и Приднестровья, согласно постановлению Кабинета Министров Украины № 112-Р, прекратили пропускать грузы, оформленные приднестровской таможней.

Введенные правила обусловили сокращение выпуска продукции, экспорта, отчислений во внебюджетные фонды, республиканский и местные бюджеты. Объем экспорта в 2006 г. составил 72,8 % от уровня 2005 г., а в первом полугодии, пока не была создана система регистрации приднестровских экономических агентов в Р. Молдова, лишь 51,0 %.

Важное место занимают кризисы, обусловленные геоэкономическими процессами. Так, в 2008 г. на мировых рынках произошло существенное падение цен на продукцию черной металлургии. Как следствие, значительно сократился экспорт — стального проката. Это привело к значительному сокращению валютных поступлений от экспорта.

В 2014 г. резко увеличились цены на хлопок-сырец, одного из главных импортных товаров Приднестровья, что приостановило работу главного потребителя этого товара — ЗАО «Тиротекс».

В особую группу следует выделить кризисные явления, обусловленные непризнанием документов, выдаваемых компетентными органами Приднестровья, в частности документов идентифицирующих (удостоверяющих) личность. Конституция ПМР предусматривает институт двойного гражданства. Благодаря системе бипатризма, граждане Приднестровья имеют возможность перемещаться между государствами, реализовывать электоральные и иные права, получать определенные социальные гарантии. Например, наличие гражданства России фактически интегрирует существенную часть населения ПМР в российское правовое, экономическое и социальное пространство. Граждане России, постоянно проживающие в Приднестровье, принимают прямое участие в выборах Президента и депутатов Государственной Думы Российской Федерации, участвуют в реализации ряда российских социальных программ.

В возникновении кризисов определенную роль играют природные факторы. В качестве примера можно привести кризисные ситуации в аграрном секторе, вызванные засухой 2006 г. и наводнением 2008 г.

В 2019–2021 гг. множество кризисных явлений в разных секторах экономики были обусловлены пандемией, вызванной COVID-19.

Кризисные явления в экономической и иных сферах в 2022 г. обусловлены военно-политическими событиями на Украине, которая в пре-

дыдущие годы являлась одним из основных внешнеторговых партнеров Приднестровья и через территорию которой осуществлялись значительные объемы экспортно-импортных операций.

Ряд кризисов вызван внутривнутриреспубликанскими управленческими решениями. Так, в 2005 г. было упразднено министерство сельского хозяйства Приднестровья. Это решение для региона с ярко выраженной агропромышленной специализацией оказало весьма негативное влияние на эффективность управления в аграрном секторе. В 2013 г. были повышены на 70 % тарифы на природный газ для хозяйствующих субъектов, что привело к приостановлению деятельности крупнейших энергоемких предприятий — Молдавской ГРЭС, Рыбницкого цементного комбината, Молдавского металлургического завода.

Для преодоления возникающих кризисных явлений и ситуаций в республике разработан широкий инструментарий антикризисных мер, направленных на поддержание предпринимательства и стимулирование экспорта, сохранение (рост) уровня доходов и занятости населения. Среди них можно выделить предоставление хозяйствующим субъектам льготных кредитов и особых преференций потенциальным инвесторам, снижение фискальной нагрузки, возмещение государством части ставки рефинансирования по кредитам, ограничение административного давления на бизнес, организацию общественных работ, снижение платы за патент, установление преференциальных таможенных режимов [3].

Приднестровью удалось минимизировать кризисные явления в процессе трансформации централизованной (директивной) модели хозяйства в смешанную экономическую модель. В республике был разработан и реализован особый механизм изменения отношений собственности, приватизации и создания новых организационно-правовых форм хозяйствования. В соответствии с ним предприятия реализовывались исключительно на возмездной и конкурсной основе, а новые собственники обременялись инвестиционными, социальными, финансовыми, экологическими и иными обязательствами. Также была создана система постприватизационного мониторинга, позволяющая отслеживать исполнение обязательств со стороны новых собственников.

Следует отметить высокую эффективность антикризисного управления в условиях пандемии, вызванной COVID-19 [4].

В Приднестровье, в противовес межэтническим конфликтам, получивших распространение во многих постсоветских регионах, происходила межэтническая консолидация, которая выразилась в отсутствии этнократического руководства и официального объявления «титულъ-

ных» этносов. В соответствии со статьей 12 Конституции ПМР статус официальных языков имеют молдавский, русский и украинский языки, что соответствует этническому составу населения республики. Максимально удовлетворяются потребности этносов в получении образовательных и культурных услуг на родном языке.

В республике отсутствовали также межконфессиональные конфликты, сохранялась межконфессиональная толерантность, поддерживались права конфессий, создавались и восстанавливались культовые учреждения.

Антикризисные инструменты (механизмы) предусмотрены в модели социально-экономической системы и стратегии развития Приднестровья. Они направлены на реализацию идей справедливости и равноправия, поиск компромиссных решений, предупреждение возможных кризисных явлений [5].

Наибольшую роль в преодолении кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности (политической, военной, экономической, социальной, правовой, институциональной) Приднестровья играет Российская Федерация. Россия является страной-гарантом на переговорах по политическому урегулированию приднестровского вопроса в формате «5+2». В 1992 г. Россия сыграла решающую роль в прекращении военной агрессии Республики Молдова. Российский контингент миротворческих сил с 1992 г. по настоящее время обеспечивает мирное сосуществование Приднестровья и Молдовы. Миротворческая операция на Днестре — одна из наиболее успешных миротворческих мероприятий в современном мире. Кроме того, на территории ПМР находятся Оперативная группа российских войск, осуществляющая охрану складов вооружений в с. Колбасна. России принадлежит ключевая роль в экономическом развитии республики. На долю России приходится более $\frac{1}{3}$ внешнеторгового оборота Приднестровья. Поставки российского природного газа обеспечивает энергетическую безопасность Приднестровья, определяют его международную инвестиционную позицию, себестоимость и ценовую конкурентоспособность приднестровских товаров, социальную стабильность и комфортность жизни населения. На российском рынке труда занято определенное количество трудовых ресурсов республики, что снижает напряженность на региональном рынке труда и обеспечивает рост реальных доходов жителей Приднестровья. Российская Федерация реализует на территории Приднестровья масштабные гуманитарные и социальные проекты. В частности, реализуется проект предоставления российской пенсии гражданам России, постоянно проживающим в Приднестровье и достигшим пенсионного возраста.

Выводы

Кризисы разной интенсивности и масштабов характерны для Приднестровья в течение всего постсоветского периода. Они вызваны преимущественно внешними факторами — рестрикциями международных организаций и стран-соседей первого порядка (Молдовы и Украины), кардинальным изменением геополитического, военно-политического и геоэкономического положения, включая изменение конъюнктуры рынков стран-контрагентов.

К факторам, обуславливающим кризисные явления, следует отнести природные явления, а также внутривнутриреспубликанские процессы, в частности деиндустриализацию, принятие ошибочных управленческих решений.

Постоянное возникновение очагов напряжения, вызванных кризисными явлениями, обусловили мобилизационную модель макроэкономического управления в Приднестровье.

Среди основных последствий внешнеэкономических рестрикций, можно выделить: сужение налогооблагаемой базы, уменьшение поступлений в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды, сокращение экспорта, валютных поступлений и валютных резервов, потерю рынков сбыта, сокращение объемов транспортной работы, потерю международного транзита грузов и пассажиров, ограничение возможностей выполнения социальных программ и снижение уровня жизни населения.

С целью роста устойчивости развития, защиты интересов на внешних рынках и минимизации кризисных явлений крупнейшие приднестровские предприятия вошли в состав крупнейших российских корпораций. Например, Молдавская ГРЭС входит в состав «ИнтерРАО ЕЭС», завод «Прибор» является филиалом российского ФГУП «Салют», ЗАО «Молдавкабель» входит в состав «Севкабель-Холдинг» (Россия).

Способствуют минимизации отрицательных последствий кризисов и стабилизации ситуации на валютном рынке переводы физических лиц из-за рубежа, размеры которых в отдельные годы сопоставимы с доходами республиканского бюджета.

Основную роль в преодолении кризисных явлений, поддержании макроэкономической и социальной стабильности играет разнообразная политическая, миротворческая, институциональная, правовая и экономическая помощь, оказываемая Российской Федерацией. Поставка природного газа на приемлемых условиях, отсутствие жестких требований по обслуживанию сложившегося долга перед РАО «Газпром», оказание помощи для поддержки основных параметров финансовой системы, ре-

ализация масштабных гуманитарных и социальных проектов являются важнейшим условием стабильного развития Приднестровья.

Минимизация кризисных явлений, устойчивое развитие и позитивные изменения, обеспечивающие в обозримой перспективе политическую стабильность, сбалансированное развитие экономической и социальной сфер, оптимальное природопользование и охрана окружающей среды возможны только при оптимизации макроэкономического управления и эффективном взаимодействии Приднестровья с Российской Федерацией и другими членами ЕАЭС.

Список источников и литературы

1. Государственность Приднестровья: История и современность / Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко, П. М. Шорников. — Тирасполь: Полиграфист, 2007. — 344 с.
2. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики (2001, 2005, 2010, 2015, 2018, 2019 гг.). — Тирасполь: ГСС ПМР, 2020. — 193 с.
3. О государственной поддержке инвестиционной деятельности. Закон ПМР от 18.04.2018 г. № 39–ЗИД–VI.
4. О государственной поддержке в период чрезвычайного положения 2020 г. Закон ПМР от 10.04.2020 г. № 61-3-VI.
5. Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики: 2019–2026 гг. — Бендеры: ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист», 2019. — 98 с.

ANTI-CRISIS MANAGEMENT TOOLS IN PRIDNESTROVIE IN THE CONTEXT OF A COMPLICATED GEOPOLITICAL SITUATION AND GROWING UNCERTAINTY OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT

Burla M. P.¹

¹Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko,
Tiraspol, Transnistria, Moldova

The article examines various crises characteristic of the self-proclaimed region—Transnistria. The analysis of the factors that caused the emergence of crisis situations is carried out. The dynamics of some macroeconomic indicators of the region is reflected. The main attention is paid to the analysis of the influence of the geopolitical situation and external restrictions on the occurrence of crisis situations. The list of anti-crisis tools used in Pridnestrovie is given. The role of Russia in resolving crisis situations in the region is reflected. Measures

aimed at preventing crisis situations are proposed.

Keywords: crisis, economic model, self-proclaimed region, structural policy, sustainable development.

МИРОВЫЕ И МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Дельва К. И.¹

¹Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС) Санкт-Петербург, Российская Федерация

В работе при помощи методов демографического анализа (поперечный анализ условных поколений) рассматривается изменение основных демографических характеристик (возраст, пол) страты руководителей государств мира в период с 1960 по 2020 гг. На макрорегиональном уровне основной тренд заключается в повышении среднего возраста руководителей государств развивающегося мира и «омоложении» руководителей развитых государств. Наблюдаемые изменения объясняются политическими тенденциями: в развивающихся странах большее число политических режимов, для которых характерно длительное пребывание главы государства у власти. В случае развитых стран «омоложение» руководителей государств за последние 5 лет сопряжены с политическими изменениями. Отдельное рассмотрение немногочисленной на фоне мужчин группы женщин — руководителей государств мира показало, что их появление на мировой политической арене не сводимо к уровню социально-экономического развития стран мира.

Ключевые слова: политические элиты, руководители государств, лидеры государств.

Введение

В период после Второй Мировой Войны и до настоящего времени происходит увеличение числа стран на политической карте мира, что обусловлено такими процессами как деколонизация, демократизация с расширением избирательных прав и др. Следовательно, с увеличением числа стран в мире растет число лидеров национальных государств, а их роль важных агентов мировой политики и экономики остается неизменной. Часто это вопрос связывается с влиянием представителей элит (руководителей государств в нашем случае) и их «человеческого капитала» на внешне- и внутри- политические решения. Как выразился

Э. А. Баталов «именно индивиды выступают в качестве непосредственных творцов международных отношений и мировой политики, творцов истории» [1, с. 141]. В рамках современных индивидуалистических подходов главы государств являются вершиной пирамиды в многоуровневой персонологической пирамиде влияния на современные международные отношения т.к. они являются «последним уровнем принятия решения» в области внешней и внутренней политики [1, с. 146–148].

Немалое число исследователей элит фокусируются на биографических особенностях национальных лидеров, рассматривая их в историко-культурном, институциональном или аксиологическом контексте трансформации властных групп, где преобладает качественный анализ; демографический аспект становится иногда лишь сопутствующим атрибутом, одной из социальных характеристик анализа элит; например, работа Б. Джонса и Б. Олкена, которые рассматривали вопрос о смертности национальных лидеров [2]. Такое положение дел видится некоторым упущением, ведь сравнительное исследование демографических и социальных характеристик лидеров государств, глав внешнеполитических ведомств и других органов власти, принимающих политические решения, полезны для анализа текущей политической ситуации и совершения политических прогнозов [1, с. 183–184].

Цель исследования — выявить особенности возрастано-половой трансформации руководителей государств мира как постоянно меняющейся демографической страты в период с 1960 по 2020 гг. на глобальном и макрорегиональном уровне. Для этого необходимо 1) выделить критерии отбора руководителей государств мира в страту; 2) проследить изменение среднего возраста страты лидеров на глобальном и макрорегиональном уровне и 3) интерпретировать наблюдаемую картину трансформаций.

Формирование страты руководителей государств мира основывается на том, что для каждого государства можно выделить одного, единственного руководителя государства. Основным критерий отбора — государственный строй, по которому в президентской республике главой государства отбирался президент, в парламентской — премьер-министр, в абсолютной монархии — монарх и т.д. В качестве базы для отбора руководителей использовались различные данные о государственном устройстве стран мира с учетом изменений их политической истории [3, 4]. Однако для ряда стран в разные исторические моменты или в настоящий момент такой подход не работает т.к. фактический лидер государства не встраивается в «традиционную» систему власти (смешанная форма правления и др.) или выделение единственного руководителя невозможно. В таких случаях отбор единственного руководителя произво-

дился на основании более детального изучения политической истории этих стран с привлечением оценок о национальном руководстве в этот период. При этом стоит учитывать, что в исследовании не рассматривались частично признанные государства (например, Тайвань).

В качестве основного метода исследования сформированной страты руководителей государств был использован демографический метод поперечного анализа условных поколений (т.е. совокупности лиц на исследуемый момент времени). В качестве временных срезов, по которым анализировался меняющаяся во времени страта, рассматривались 1 января годов, оканчивающихся на 5 и 0 (1960, 1965, ... 2020). Итого исследование затрагивает 13 временных срезов за период с 1960 по 2020 год. Расчет среднего возраста для макрорегиональной/глобальной совокупности национальных лидеров для года в каждый из год рассчитывался путем выделения средней арифметической. При этом стоит добавить, что средний возраст отражает движение совокупности мировых и региональных руководителей т.к. внутри каждой из групп наблюдается та или иная возрастная дифференциация. Макрорегиональное деление производилось на основании деления ООН [5].

Основная часть

Измерения показывают, что для исследуемого периода (1960–2020 гг.) характерно повышение среднего возраста лидеров в мире: с 56,9 лет в 1960 г. до 61,7 лет в 2020 г. (табл 1.). При этом для 1960-х гг. наблюдается небольшое снижение среднего возраста лидеров во всем мире, что во многом обуславливается постепенным увеличением числа новых развивающихся стран (преимущественно — африканских) на политической карте мира. В развивающихся странах к власти преимущественно приходили молодые руководители — лидеры национально-освободительного движения и военные. Однако с 1970-х гг. средний возраст мировых лидеров начинает испытывать поступательный рост и за 50 лет к 2020 г. возрастает почти на шесть лет. В развивающихся странах, представляющие наиболее многочисленную группу государств мира, прирост среднего возраста лидеров составил примерно 12 лет (с 53,2 лет в 1970 г. до 64,7 в 2020 г.). В небольшой отдельно рассматриваемой группе социалистических стран Восточной Европы до 1990-х годов наблюдались одни из самых высоких значений возраста руководителей. Иная тенденция наблюдается в развитых странах мира, где средний возраст лидеров снижался с 62,4 лет в 1960 г. до 54,2 лет в 2020 г. В период с 1990–95 гг. произошел важный переход: лидеры развивающихся стран стали старше молодеющих лидеров развитых стран.

Таблица 1

Средний возраст руководителей государств на мировом уровне (кол-во лет).

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Развитые страны	64,5	59,5	59,6	58,3	56,4	56,6	60,4	57,9	57,0	57,1	55,6	55,4	55,2
Восточноевропейские социалистические/ Переходные страны	56,6	60,1	61,9	65,9	70,9	69,9	55,1	53,1	35,6	53,5	54,3	57,2	56,1
Развивающиеся страны	53,2	53,3	52,9	53,4	54,7	56,6	57,2	58,4	58,6	60,1	60,9	63,9	64,7
Весь мир	56,9	55,3	54,9	55,2	55,9	57,3	57,6	57,6	57,6	58,7	59,2	61,3	61,7

Более сложной и многогранной трансформация представляется в макрорегиональном разрезе: если Европа, большинство стран которой входят в группу развитых стран, испытала практически аналогичное с группой развитых стран снижение среднего возраста на 8,4 лет, то динамика роста в других макрорегионах, большинство стран которых относятся к развивающемуся миру, имеет различия. Наиболее низкий прирост возраста руководителей на 6,4 года (с 54,1 до 60,5 лет за 60 лет) наблюдался в странах Латинской Америки (табл. 2), при этом прирост среднего возраста лидеров с 1990-х гг. фактически прекратился. Более высокие темпы роста наблюдаются в Океании (с 49 до 59,3 лет за период с 1980** по 2020 гг.). «Лидерами по старению» являются государства Африки и Азии, руководители которых в среднем по региону постарели на 11,8 и 11,6 лет соответственно (до 65,6 и 65,2 лет) (табл. 2.). При этом внутри всех макрорегионов кроме Америки распределение возрастов было неравномерным и в целом соответствовало среднему возрасту лидеров (табл. 3).

Таблица 2

Средний возраст руководителей государств на макрорегиональном уровне (кол-во лет).

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Америка	54,1	55,2	55,2	53,4	54,6	58,0	59,6	59,5	56,4	58,7	58,7	61,3	60,5
Африка	53,8	51,7	50,7	52,8	54,5	55,2	55,9	56,6	58,0	61,4	62,0	65,7	65,6
Азия	53,6	54,9	54,9	55,0	56,6	58,7	58,5	60,6	62,6	60,3	61,1	63,4	65,2
Океания*					49	51,5	51,7	55,6	56,6	56,2	57,9	61,2	59,3
Европа	64,1	60,1	59,6	58,3	56,4	56,6	60,4	57,9	57,0	57,1	55,6	55,4	55,2

* — расчеты по Океании производились только с 1980-х гг. т. к. до этого момента регион фактически не был затронут деколонизацией

Таблица 3

Число руководителей государств, относящихся к тому или иному возрасту по макрорегиональным группам (кол-во лет).

Америка				Африка			
<i>Возраст/год</i>	1960	1990	2020	<i>Возраст/год</i>	1960	1990	2020
старше 70 лет	2	5	9	старше 70 лет	1	5	17
От 60 до 70 лет	3	14	8	От 60 до 70 лет	3	12	20
От 50 до 60 лет	9	11	11	От 50 до 60 лет	3	21	15
меньше 50 лет	7	5	7	меньше 50 лет	3	13	2
Азия и Океания				Европа			
<i>Возраст/год</i>	1960	1990	2020	<i>Возраст/год</i>	1960	1990	2020
старше 70 лет	5	7	20	старше 70 лет	6	4	3
От 60 до 70 лет	6	14	20	От 60 до 70 лет	10	14	11
От 50 до 60 лет	7	17	13	От 50 до 60 лет	12	10	11
меньше 50 лет	13	14	6	меньше 50 лет	4	5	19

Наблюдаемые изменения, на наш взгляд, обусловлены политическими причинами и не сводимы к демографическим или экономическим причинам. Возраст руководителей — лишь индикатор политического режима, особенно в вопросе о возрастных руководителях; руководители таких стран чаще наблюдаются в развивающихся странах, где такие лидеры на протяжении десятков лет бессменно возглавляют государства. Наиболее возрастные руководители на 01.01.2020 правят в странах Центральной Африки и монархиях Ближнего Востока. Особенно интересным при этом выглядит противоположная ситуация в развитых странах мира с молодыми руководителями; так, на 01.01.2020 19 руководителей европейских государств из 44 (почти половина) имели возраст менее 50 лет. За пределами Европы похожая картина наблюдается в Канаде и Новой Зеландии. Рассмотрение политической биографии «молодых» европейских политиков, пришедших к власти за последние 5 лет показывает, что немалая часть из них (за исключением ряда стран Северной Европы) пришли к власти относительно недавно и являются представителями центристских или правых партий. Их появление связано с «правым поворотом», однако наметившееся задолго до этого этого тренд на омоложение руководителей государств Европы требует до-

полнительных объяснений (см. табл 1.).

В связи с наблюдаемыми возрастными трансформациями руководителей государств возникает вопрос о соотношении наблюдаемых траекторий в развитом и развивающемся мире. Возникает вопрос: если мы под развивающимися странами понимаем страны, которые в своем политическом развитии следуют за демократичными развитыми странами, то почему в этих странах мы наблюдаем отличный возрастной тренд? Является ли этот тренд для страты руководителей государств лишь временным явлением, за которым последует «омоложение» наподобие тренда развитых стран, или изменения в возрасте руководителей развивающихся стран расходятся с развитыми странами? Для проверки возникшего предположения нами было решено посмотреть возрастную трансформацию в 37 наиболее «свободных» государствах развивающегося мира согласно докладу Freedom in the World 2020 от организации Freedom House [6]. В политическом плане данная группа стран наиболее близка к развитым странам и состоит из развивающихся государств всех макрорегионов мира: Монголия, Индия, Восточный Тимор, ЮАР, Намибия, Ботсвана, Гана, Тунис, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, Маврикий, Бразилия, Перу, Гайана, Суринам, Чили, Аргентина, Уругвай, Коста-Рика, Панама, Белиз, а также большинство островных государств Карибского бассейна и Океании. Измерения среднего возраста данной группы государств показывает, что никакого сдвига в сторону молодых руководителей у этой группы не наблюдается; средний возраст лидеров возрастает (табл. 4.), а в самой группе довольно малое число молодых руководителей моложе 50 лет (табл. 5).

Таблица 4

Изменение среднего возраста в наиболее свободных государствах развивающегося мира (по версии Freedom House).

Год	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
страны	59,1	60,1	58,5	58,8	61,2	65,0	63,9

Таблица 5

Возрастная структура лидеров наиболее свободных стран развивающегося мира (по версии Freedom House).

<i>Возраст/год</i>	<i>1990</i>	<i>2005</i>	<i>2020</i>
старше 70	12	6	12
от 60 до 69 лет	9	11	9
от 50 до 59 лет	12	14	13
менее 50 лет	3	6	3
<i>Всего стран</i>	<i>36</i>	<i>37</i>	<i>37</i>

Ввиду своей малочисленности в исследуемой стране отдельному рассмотрению подлежала группа женщин—руководителей государств мира. По заданным параметрам руководства за исследуемый период в эту группу вошли 72 человека, которые 83 раза становились руководителями в 53 государствах мира. Самыми первыми в этой группе руководителями стали лидеры азиатских стран в 1960-е гг.: премьер-министры Сиримаво Бандаранаике (Шри-Ланка), Индира Ганди (Индия) и Года Меир (Израиль). Лишь с 1970-х гг. женщины становились руководителями государств в других регионах мира, и лишь с 1990-х гг. это явление получило довольно широкое распространение (в период с 1960 по 1990 гг. только 14 женщин 18 раз побывали руководителями 14 государств). Наиболее часто женщины приходили к руководству страны в таких разных по уровню развития странах как Швейцария (7 раз), Норвегия и Бангладеш (по 4 раза в каждой стране). География появления на политической карте мира женщин—руководителей государств явно показывает отсутствие связей с уровнем экономического развития. Особо частое представительство женщин в руководстве государствами Южной Азии, вероятно, можно связывать с политической историей региона; правлением в данных странах партий национальной и социалистической направленности, парламентской формой правления, унаследованной от британского владычества, и кланово-кастовой структурой элит региона.

Заключение

Основными выводами работы являются:

- Повышение среднего возраста руководителей государств на мировом уровне почти на 5 лет (с 57 до 62 лет).
- Повышение среднего возраста руководителей государств развивающегося мира (с 53 до 65 лет) и «омоложение» лидеров развитых государств (с 64 до 55 лет).
- Наиболее сильно «постарели» руководители африканского и азиатского региона (почти на 12 лет).
- Наблюдаемые изменения могут объясняться прежде всего типом политического режима («авторитарные режимы—старые руководители, демократические режимы—более молодые»), что особенно подтверждается для стран Африки и Ближнего Востока, но эту схему не стоит считать универсальной.
- В наиболее свободных странах развивающегося мира не наблюдается повторения тренда развитых стран на омоложение лидеров государств.
- Отдельное рассмотрение немногочисленной группы женщин—

лидеров государств мира показало, что их появление на мировой политической арене не сводимо к уровню социально-экономического развития стран мира.

Список источников и литературы

1. Баталов Э. Я. Антропология международных отношений / Э. Я. Баталов. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. — 352 с.
2. Jones, Benjamin F. and Olken, Benjamin A., Do Leaders Matter? National Leadership and Growth Since World War Ii (March 2004). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=524042> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.524042>
3. CIA The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> Дата обращения: 31.03.2021
4. География мира. Т. 1 Политическая география и геополитика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры, под ред. Н. В. Каледина, Н. М. Михеевой. — М.: Издательство Юрайт, 2019.
5. UN Statistics Division. Methodology. M49 Standart. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> Дата обращения: 31.03.2021
6. Freedom in the World 2020. A Leaderless Struggle for Democracy. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy> Дата обращения: 31.03.2021

GLOBAL AND MACRO-REGIONAL FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE LEADERS OF MODERN STATES

Delva K. I.¹

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

In the work, with the help of methods of demographic analysis (cross-sectional analysis of conditional generations), the change in the main demographic characteristics (age, sex) of the stratum of world leaders in the period from 1960 to 2020 is considered. At the macro-regional level, the main trend is to increase the average age of the leaders of the developing world and “rejuvenate” the leaders of developed countries. The observed changes are explained by political trends: in developing countries there are a greater number of political regimes, which are characterized by a long stay of the head of state in power. A separate consideration of a small group of women against the background of men—heads of state of the world showed that their appearance on the world political arena is not reducible to the level of socio-economic development of the countries of the world.

Keywords: political elites, heads of state, leaders of states.

ИЗРАИЛЬСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Савичева Е. М.¹

¹Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается политика Израиля в отношении Азербайджана в период с 1992 по 2021 год. Автор акцентирует внимание на интересах Израиля на Южном Кавказе, а также факторах, определяющих израильско-азербайджанские отношения. Двусторонний диалог анализируется в контексте геополитической ситуации в регионе. Автор делает вывод, что заинтересованность Израиля в активизации южно-кавказского направления внешней политики детерминирована геополитическими факторами и прагматизмом. Оцениваются перспективы израильско-азербайджанского сотрудничества. Автор придерживается парадигмы неореализма, в частности теории баланса сил и региональных комплексов безопасности, принципа, согласно которому внешняя политика государства диктуется логикой международной системы и распределения силы среди государств. В основе исследования лежат такие методы исторической науки, как проблемно-хронологический, историко-генетический, сравнительно-сопоставительный. Методологическую основу составили принципы историзма, объективности, достоверности, что позволило провести исследование с учетом объективных закономерностей, с опорой на подтвержденные документальными источниками факты.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Израиль, Азербайджан, отношения, сотрудничество, геополитика

Введение

Израиль приступил к выстраиванию отношений с вновь образованными государствами Южного Кавказа в начале 1990-х гг., установив в 1992 г. дипломатические отношения—в апреле с Арменией [1] и Азербайджаном [2], а в июне с Грузией [3]. Активизации южно-кавказского вектора израильской внешней политики, во многом, способствовали следующие обстоятельства. За более, чем 7 десятилетий своего существования Государство Израиль так и не смогло в полной мере (хотя в настоящее время этот процесс актуализировался в связи с подписанием так называемых «соглашений Авраама» с рядом арабских стран Персидского залива [4]) интегрироваться в Ближневосточный ре-

гион, что обусловило его стремление искать союзников в других регионах, в том числе — среди неарабских исламских стран. В начале 1990-х гг. появилась реальная возможность развивать сотрудничество со странами постсоветского пространства, включая государства Южного Кавказа, которые, к тому же не имели предвзятого отношения к еврейскому государству и стремились найти экономически сильного партнера для взаимовыгодного сотрудничества.

Значимость региона нашла отражение в структуре МИД Израиля. В 2008 г. там были созданы профильные подразделения, которые отвечают за южно-кавказский вектор [5]. Взаимодействие Израиля со странами Южного Кавказа выстраивались, естественно, с учетом сложившейся новой геополитической ситуации, в рамках разработанной еще в середине 50-х годов прошлого века «теории периферий», которая ставила целью «разорвать» пояс окружающих Израиль враждебных арабских государств и выстраивать отношения со странами за пределами Ближнего Востока [6]. Изначально реализовывать данную внешнеполитическую стратегию предполагалось на трех направлениях — иранском, африканском и турецком, однако вскоре стала очевидной ее несостоятельность на указанных направлениях. Немалую роль в развитии контактов со странами региона сыграл фактор заинтересованности Израиля в поддержании связей с еврейскими общинами, проживающими на территории бывших советских республик, а также в привлечении евреев из стран Южного Кавказа на историческую родину. После распада СССР произошел резкий отток еврейского населения из региона в связи с политической нестабильностью, экономическими трудностями и конфликтами.

В Грузии, Армении и Азербайджане действуют культурные центры «Сохнут» [7], истоки которых обнаруживаются в Палестине в начале прошлого века; там они были созданы на основе Еврейского агентства. Сейчас центры работают с представителями еврейских общин, в том числе по подготовке их к переезду в Израиль, что свидетельствует о нацеленности такой политики «мягкой силы» на привлечение как можно большего количества иммигрантов — стратегического ресурса страны, поскольку темпы утечки мозгов за рубеж из Израиля достаточно высокие. Заинтересованность Израиля в укреплении своих позиций на Южном Кавказе подпитывается ограниченностью собственных энергетических ресурсов, отсутствием тяжелого машиностроения (производство грузовых автомобилей, станков, строительных механизмов), преобладанием импорта товаров массового потребления. Израиль рассматривает каспийскую нефть, идущую через нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан

как альтернативный арабской нефти источник энергоресурсов. В июле 2006 г. этот трубопровод был запущен, и потребление Израилем нефти значительно увеличилось [8]. На Азербайджан в среднем приходилось около 20 % нефти, импортируемой Израилем.

Потеплению отношений с Израилем способствовали и внешнеполитический курс южно-кавказских республик в решении ряда актуальных ближневосточных проблем, в частности, их поддержка антииракских санкций (1990–2003 гг.), изменение позиции по палестино-израильскому конфликту. Так, со стороны Грузии, Армении и Азербайджана больше не поступало официальных заявлений о необходимости создания независимого палестинского государства, а Израиль перестал ассоциироваться с «оккупантом» и «агрессором».

Вместе с тем, экономическое сотрудничество между Израилем и странами Южного Кавказа развивается не достаточно интенсивно, что связано, прежде всего, с экономической и политической нестабильностью в регионе, наличием конфликтов и территориальных споров, а также отсутствием гарантий для иностранных инвесторов на законодательном уровне. Отметим, что Израилю приходится проводить весьма гибкую политику в отношениях со странами региона, учитывать расстановку сил на Южном Кавказе, влияние внешних факторов, а также серьезные противоречия между южно-кавказскими столицами.

Взаимовыгодное двустороннее сотрудничество

Израильско-азербайджанские отношения следует рассматривать в широком контексте политики Израиля на Южном Кавказе. При этом Израиль выстраивает связи со странами региона, преследуя в отношениях с каждой из них различные цели и применяя разные механизмы [9]. В отношениях с Азербайджаном просматривается ряд нюансов, которые требуют от Израиля политической гибкости. Азербайджан является мусульманской страной с преимущественно шиитским населением. Он соседствует с Ираном и имеет культурные и иные связи с другими влиятельными странами исламского мира, в том числе с Турцией. Посольство Азербайджана в Израиле до сих пор не открыто, несмотря на ряд заявлений Баку о намерении это сделать, хотя посольство Израиля в Баку функционирует с 1993 г.

Наличие у Азербайджана таких крупных и влиятельных соседей, как Россия и Иран, а также поражение Баку в войне с Арменией за контроль над Нагорным Карабахом в 1990 г. и стремление отыграть ее итоги подтолкнули азербайджанскую сторону к расширению диалога с Израилем. Весомым оказался и тот фактор, что Израиль является

одним из важнейших импортеров нефти из Азербайджана, поэтому он активно поддерживает различные энергетические проекты, в том числе прокладку трубопроводов для транспортировки энергоносителей из Азербайджана. Обратим внимание на проект строительства нового многофункционального трубопровода протяженностью 400 км по дну Средиземного моря (Medstream — Mediterranean Pipeline Project) из Турции в Израиль, по которому планируется прокачивать нефть, газ и воду. Трубопровод соединит Джейхан с израильским портовым городом Ашкелон.

В израильско-азербайджанских отношениях заработала дипломатия на высшем и высоком уровнях. Первая встреча на высшем уровне прошла в 1997 г., когда премьер-министр Израиля Б. Натаньяху нанес официальный визит в столицу Азербайджана. В июне 2009 г. в Баку состоялся бизнес-форум, в работе которого приняли участие президент Азербайджана Ильхам Алиев и президент Израиля Шимон Перес. В 2009 и 2013 гг. состоялись визиты министров иностранных дел Израиля и Азербайджана в Баку и Тель-Авив [10]. Израиль стал третьим в мире по объемам импортером азербайджанской нефти, страны стали плотно сотрудничать в военной и технологической сферах. Баку занял первое место среди мусульманских стран по товарообороту с Израилем.

В декабре 2016 г. состоялся второй визит Б. Нетаньяху в Азербайджане, тем самым был продемонстрирован курс на дальнейшее сближение двух стран. Премьер-министр Израиля и президент Азербайджана Ильхам Алиев провели переговоры, касающиеся развития двусторонних отношений в различных сферах [11]. По итогам визита эксперты отметили «предельно диверсифицированные связи между двумя странами» [12].

Постоянно растут израильские инвестиции в азербайджанскую экономику. Достаточно перспективно двустороннее взаимодействие по таким вопросам, как телекоммуникации, опреснение воды, мелиорация, альтернативные источники энергии. Израиль готов предоставить свои технологические разработки в этих сферах. Выгодными для Азербайджана представляются и инвестиционные проекты Израиля, связанные со строительством фабрик и заводов, которые обеспечат рабочими местами более трети населения страны. В 2007 г. между правительствами Израиля и Азербайджана было заключено соглашение о взаимной защите инвестиций [13].

В апреле 2017 г. между двумя странами была утверждена отмена двойного налогообложения [14]. По состоянию на 2019 г. товарооборот между двумя странами достиг \$4 млрд. в год [15], однако сократился

в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса. В 2021 г. азербайджанские власти заявили об открытии в Израиле торгового представительства с дипломатическим статусом и официального представительства по развитию туризма [16].

Развитие экономического сотрудничества признается странами взаимовыгодным, так как израильская сторона может помочь Азербайджану диверсифицировать экономику и сделать ее менее зависимой от энергетического сектора за счет взаимодействия в сфере высоких технологий, легкой промышленности и сельского хозяйства. В июле 2019 г. оба государства подписали меморандум о сотрудничестве, согласно которому Израиль будет выступать в качестве консультанта в проекте по созданию национальной информационной системы Азербайджана с привлечением современных технологий [17].

Традиционно Израиль продвигает сотрудничество в военно-технической сфере. В 2004 г. между Израилем и Азербайджаном подписан контракт на поставку израильского вооружения турецкой сборки [18]. В 2008 г. стороны подписали соглашение, по которому в Азербайджан поставлялись минометы и другое вооружение от израильской компании Soltam, средства коммуникации от Tadiran Communications, а также ракеты системы наведения от Israel Military Industries. В 2009 г. израильская оборонная компания Elbit Systems открыла представительство в Азербайджане [19]. В том же году была достигнута договоренность о создании на территории Азербайджана электронной сети разведки, направленной на сбор информации об иранской ядерной программе [20].

Во время визита премьера Нетаньяху в 2016 г. в Баку стороны заключили договор о сотрудничестве в области обороны и безопасности. Было согласовано пребывание в Азербайджане израильских военных специалистов и сотрудников МОССАД (израильская политическая разведка) на постоянной основе [21]. В 2018 г. были достигнуты договоренности о продлении соглашения по совместному конструированию беспилотных летательных аппаратов. В рамках проекта создаются новые виды беспилотников [22]. В 2019 г. Израиль и Азербайджан подписали соглашение о поставке тактических новейших вооружений — дронов «Sky Striker» [23].

Военное сотрудничество является крайне выгодным как для Израиля, так и для Азербайджана. Последний нуждается в высококачественном вооружении и подготовке военных кадров иностранными специалистами. Результаты такого сотрудничества стали очевидными в войне в Нагорном Карабахе 2020 г. Именно из Израиля и Турции Азербайджан

жан получал передовое вооружение [24]. Тель-Авив реализует израильско-американские интересы в данном регионе, объективно ослабляя позиции России, что выгодно также и США.

Развиваются двусторонние контакты и в культурно-гуманитарной сфере. Так, в апреле 2003 г. в рамках программы «Машав» [25] в Баку прошла двухнедельная израильская благотворительная программа оказания офтальмологической помощи малоимущим гражданам Азербайджана, более трех десятков азербайджанцев уехали на образовательные курсы в сфере медицины в Израиль. В офтальмологическую клинику Caspian Compassion Project израильские врачи передали медицинское оборудование и лекарственные средства на сумму 10 тыс. долларов.

Для Баку интерес представляет и то что Израиль может стать своеобразным мостом по выстраиванию сотрудничества с западными государствами [26].

Заключение

Заинтересованность Израиля в активизации южно-кавказского направления внешней политики детерминирована геополитическими факторами и прагматизмом. С Азербайджаном у Израиля сложились особенно тесные отношения. Одна из ключевых целей израильской внешнеполитической стратегии—обеспечение своей безопасности, в том числе, за счет создания «стратегического окружения», т.е. расширения международных связей с государствами за рамками Ближневосточного региона. Эти страны составляют так называемый «дальний круг» безопасности для Израиля.

Он балансирует между региональными тяжеловесами—Россией и Турцией, при этом стремится предотвратить расширение влияния Ирана в данном регионе. В частности, Израиль выступил против вовлечения Тегерана в проекты по добыче и транспортировке углеводородов на внешние рынки. Израиль достаточно активно продвигает сотрудничество в военно-технической сфере, поскольку Азербайджан нуждается в высококачественном вооружении и подготовке военных кадров. Результаты такого сотрудничества стали очевидны во время 2-й карабахской войны осенью 2020 г.

Израиль и Азербайджан видят взаимную заинтересованность во взаимодействии в сфере высоких технологий, инвестиций, легкой промышленности и сельского хозяйства. Однако существуют факторы, затрудняющие двустороннее израильско-азербайджанское сотрудничество, и это: политическая и экономическая нестабильность на Южном Кавказе, наличие здесь конфликтных узлов, необходимость учитывать

геополитические интересы других международных акторов.

В целом же отмечается тенденция к расширению присутствия Израиля на Южном Кавказе, в том числе, используются и инструменты «мягкой силы» в отношении Азербайджана.

Благодарности: «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–51–00001»;

Список источников и литературы

1. Израиль и Армения-общие сведения // Сайт МИД Израиля. URL: https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Armenia/Pages/Israel_Armenia_Intro.aspx
2. Израиль и Азербайджан // Сайт МИД Израиля. URL: [сведенияhttps://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel_Azerbaijan_Intro.aspx](https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel_Azerbaijan_Intro.aspx)
3. Израиль и Грузия // Сайт МИД Израиля. URL: https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Georgia/Pages/Israel-Georgia_Intro.aspx
4. Гофман Артем. Мир Ближнему Востоку: изменят ли «Соглашения Авраама» историю // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/mir-blizhnemu-vostoku-izmenyat-li-soglasheniya-avraama-istoriyu/>
5. Маркедонов С. Кавказские приоритеты Израиля // Ноев ковчег. 2011. № 9 (168) Май (1–15). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2011-09/2547.html>
6. Levkowitz A. Israel's Asia Strategy: Expanding Economic Engagement. // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/israels-asia-strategy-expanding-economic-engagement>
7. Израильский центр «Сохнут». URL: https://archive.jewishagency.org/ru/about_us
8. Марджанян А. Нефтяная отрасль Израиля // Фонд «Нораванк». 05.11.2018. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=17789
9. Жильцов С., Зонн И., Орловский Н. Политика Израиля на Южном Кавказе: особенности реализации // Центральная Азия и Кавказ. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2020/journal_rus/cac-02/04.shtml
10. Мамедъяров в Израиле // Вестник Кавказа. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Mamedyarov-v-Izraile.html>
11. Нетаньяху и Алиев обсудили в Баку планы сотрудничества // BBC News. 13.12.2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38307517>
12. Месамед В. И. К итогам визита премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в Азербайджанскую республику 15 декабря, 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=31349>
13. Израиль-Азербайджан: сотрудничество ради развития // Официальный сайт МИД Израиля. URL: <https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/>

Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel-Azerbaijan-Development-Dialogue.aspx

14. Израиль-Азербайджан: сотрудничество ради развития // Официальный сайт МИД Израиля. URL: <https://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/EuroAsia/Azerbaijan/Pages/Israel-Azerbaijan-Development-Dialogue.aspx>
15. Вестник Кавказа. URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/Zeev-Elkin-Tovarooborot-Izrailiya-s-Azerbaydzhanom-bolshe-chem-torgovlya-s-Rossiey.html>
16. Азербайджан откроет в Израиле торгпредство с дипломатическим статусом// ТАСС. URL: 28.04.2021. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11269021>
17. Израиль поможет Азербайджану построить национальную информационную систему // News.Ru. URL: <https://www.newsru.co.il/finance/25jul2019/azer311.html>
18. Новиков И. А. Отношения Израиля со странами бывшего СССР // Институт Ближнего Востока. 25. 01. 2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3450>
19. Азербайджано-израильское военно-техническое сотрудничество развивается быстрыми темпами // Inews. URL: <https://1news.az/politics/20091009065443314.html>
20. Станислав Тарасов. Удастся ли Баку расколоть союз армянских и еврейских лоббистов? // Regnum. 9.02.2010. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1251577.html>
21. Станислав Иванов. Израиль разыгрывает карабахскую карту в своих интересах. Сайт Riataza. 19.11.2020. URL: <https://riataza.com/2020/11/19/израиль-разыгрывает-карабахскую-карту/#comments>
22. Азербайджан и Израиль договорились совместно создавать новые типы БПЛА // News.Ru. URL: https://www.newsru.co.il/finance/11jul2018/az_il_120.html
23. Ahronhem. A. Israel's Elbit Systems sells Azerbaijan SkyStriker suicide drone // The Jerusalem Post. 11.01.2019. URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Israels-Elbit-Systems-sells-Azerbaijan-SkyStriker-suicide-drone-577053>
24. Секретные подробности поставок оружия из Израиля в Азербайджан — в документах финансовой разведки США // Важные истории. URL: <https://importantstories.media/investigations/2020/10/05/sekretnie-podrobnosti-postavok-oruzhiya-iz-izrailiya-v-azerbaidzhan-v-dokumentakh-finansovoi-razvedki-ssha/>
25. Программа «Машав» // Сайт МИД Израиля. URL: <https://embassies.gov.il/astana/Departments/mashav/Pages/AboutMASHAV.aspx>
26. Сагановский Е. Я. Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и партнеры. М., 2001

ISRAELI-AZERBAIJANI RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE SOUTH CAUCASUS

Savicheva E. M. ¹

¹Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

The article examines Israel's policy towards Azerbaijan from 1992 to 2021. The author focuses on the interests of Israel in the South Caucasus, as well as the factors determining Israeli-Azerbaijani relations. The bilateral dialogue is analyzed in the context of the geopolitical situation in the region. The author concludes that Israel's intensifying of the South Caucasus direction of foreign policy is determined by geopolitical factors and pragmatism. Prospects for Israeli-Azerbaijani cooperation are being assessed. The author adheres to the paradigm of neorealism, in particular the theory of the balance of power and regional security complexes, the principle that foreign policy is dictated by the logic of the international system and the distribution of power among states. The research is based on such methods of historical science as problem-chronological, historical-genetic and comparative-comparative. The methodological basis was the principles of historicism, objectivity, reliability, which made it possible to conduct a study taking into account objective patterns, based on facts confirmed by documentary sources.

Key words: South Caucasus, Israel, Azerbaijan, relations, cooperation, geopolitics

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

¹ Зверев Ю. М.

¹ Институт геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта,
Калининград, Российская Федерация

Выделены и охарактеризованы три главных сдвига в геополитическом положении эксклавной Калининградской области Российской Федерации: 1) вызванный распадом СССР в 1991 г.; 2) вызванный расширением Европейского союза (ЕС) и НАТО в 2004 г.; 3) связанный с резким ухудшением отношений России с коллективным Западом с 2014 г. Сделан вывод, что с 24 февраля 2014 г. (начало российской специальной военной операции на Украине) стартовал новый этап геополитического развития эксклавного региона России, связанный с битвой за новый миропорядок, и прогнозируются его возможные особенности и последствия. Этот этап, как представляется, будет характеризоваться повышенным вниманием к безопасности Калининградской области (военной, экономической, продовольственной, энергетической и т. д.), усилением в разумных пределах экономической самодостаточности эксклавного региона при одновременном укреплении его связей с другими российскими регионами (прежде всего, Санкт-Петербургом и Ленинградской областью), развитием импортозамещения и переориентацией внешних связей на дружественные государства ЕАСЭС, Азии, Африки и Латинской Америки.

Ключевые слова: Калининградская область, ЕС, НАТО, Россия, Балтийский регион, геополитическое положение, эволюция

Введение

С начала 1990-х по февраль 2022 г. Калининградская область РФ пережила три масштабных сдвига в своем геополитическом положении. Первый из них был связан с распадом СССР в 1991 г., второй — с расширением Европейского союза и НАТО в 2004 г, третий — с обострением отношений между Россией и коллективным Западом в период с 2014 г. Начало российской специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. можно рассматривать как начало нового этапа, хотя причины кроются не в Украине, которая в этой ситуации выступает лишь как орудие Запада, а в борьбе за то как будет выглядеть новый миропорядок.

В данной работе рассматриваются главные факторы, определяющие особенности каждого этапа геополитического развития Калининград-

ской области с советского периода до февраля 2022 г. и характеризуются ключевые особенности каждого из этих периодов. Сделана попытка обозначить конуры нового этапа, начавшегося 24 февраля 2022 г.

1. Геополитическое положение Калининградской области в советский период¹⁷

С момента своего образования 7 апреля 1946 г. как Кёнигсбергской области¹⁸ нынешняя Калининградская область являлась эксклавом РСФСР. Однако в условиях федеративного союзного государства каким был СССР практического значения это обстоятельство не имело. На развитии и жизни региона оно никак не сказывалось, хотя область входила тогда в состав Прибалтийского экономического района (вместе с Литовской, Латвийской и Эстонской ССР), а не экономических районов, состоящих из других регионов РСФСР.

К характерным особенностям Калининградской области, помимо эксклавности, в тот период можно было также отнести:

1. Историческое прошлое области (треть бывшей немецкой Восточной Пруссии, переданная СССР на основании решений Потсдамской конференции СССР, США и Великобритании (17 июля—2 августа 1945 г.)) [1, с. 457];
2. Закрытость региона для иностранцев (прежде всего как раз в силу исторического прошлого);
3. Переселенческий характер населения (автор данной статьи как-то предложил назвать её «регионом переселенческого социализма» по аналогии со «странами переселенческого капитализма»¹⁹) [2, с. 87];
4. Военно-стратегическое значение области как места базирования Балтийского флота ВМФ СССР и сухопутных и воздушных сил, относившихся к так называемому «второму эшелону» («гарнизонный характер» региона) [2, с. 88–90];
5. Доминирование в экономике рыбопромышленного комплекса, который в те годы являлся третьим по величине в СССР (после Владивостока и Мурманска) [2, с. 89];

2. Геополитическое развитие Калининградской области с сентября 1991 по май 2004 гг.²⁰

¹⁷ До 6 сентября 1991 г., когда СССР признал независимость республик Прибалтики.

¹⁸ Переименована в Калининградскую область 4 июля 1946 г.

¹⁹ Впрочем к началу 1990-х гг. почти две трети жителей области уже составляли ее уроженцы [1, с. 88].

²⁰ Точные хронологические рамки этого периода—с 6 сентября 1991 г. (признание Госсоветом СССР независимости Литвы, Латвии и Эстонии) по 1 мая 2004 г. (дата вступления в Европейский союз (ЕС) окружающих Калининградскую область зарубежных стран (Польшы и Литвы))Щ.

Главный фактор изменения геополитического положения Калининградской области в этот период — распад СССР.

Главные характерные особенности этого периода:

Превращение Калининградской области из формального в фактический эксклав — сначала РСФСР²¹, а потом и суверенной Российской Федерации, отделенный от основной части России уже не союзными республиками, а иностранными государствами²²;

Окончательное открытие Калининградской области внешнему миру²³ — безвизовый режим поездок в Польшу²⁴ и Литву²⁵, развитие международной торговли (включая приграничную «челночную»), учреждение в Калининграде консульств иностранных государств, создание совместных предприятий с участием иностранного капитала (прежде всего из Польши и Литвы) и т. д. [4, с. 233, 235, 246];

Утверждение в качестве основного механизма регионального развития в условиях эксклавноности и компенсации ее издержек сначала Свободной, потом Особой экономической зоны (СЭЗ/ОЭЗ²⁶);

Развитие приграничного сотрудничества с регионами соседних государств²⁷, вхождение области или ее административных образований в 1998–2003 гг. в состав четырех еврорегионов «Балтика», «Сауле», «Неман» и «Лына-Лава») [4, с. 234];

Реализация в Калининградской области многочисленных международных проектов, прежде всего в рамках программы TACIS

²¹ С 6 сентября 1991 г. после признания Госсоветом СССР независимости Литвы, Латвии и Эстонии.

²² После распада СССР 26 декабря 1991 г.

²³ Которое началось еще в конце советского периода — Калининградский порт был открыт для захода иностранных судов в мае 1991 г. [3].

²⁴ До 1 октября 2003 г.

²⁵ До 12 июля 2003 г., причем даже не по загранпаспортам, а по российским паспортам с пропиской в Калининградской области.

²⁶ Начало этому было положено еще в советский период. Калининградская область была объявлена СЭЗ 3 июня 1991 г., а 25 сентября 1991 г. хозяйственно-правовой статус СЭЗ был закреплен « Положением о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь»», утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР № 497. Затем после подписания 22 января 1996 г. Федерального закона № 13-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области» СЭЗ «Янтарь» превратилась в ОЭЗ [5, с. 219, 223].

²⁷ РФ заключила межправительственные соглашения о сотрудничестве Калининградской области с регионами Польши (1992 г.), Республики Беларусь и Литовской Республики (1999 г.). Были созданы три Совета по сотрудничеству Калининградской области с регионами этих стран. Сама область в 1991–2004 гг. заключила соглашения о сотрудничестве с отдельными регионами Польши, Германии, Литвы, Белоруссии, Швеции и Нидерландов [4, с. 233–234].

(в 1991–2002 (по состоянию на сентябрь этого года) общий объем помощи по программе EACIS составил 40 млн. евро)) [4, с. 235–236];

Существенное сокращение российских вооруженных сил в Калининградской области по сравнению с началом 1990-х гг., несмотря на начавшееся изменение военно-политической обстановки в Балтийском регионе²⁸ [4, с. 248–250].

3. Геополитическое развитие Калининградской области с мая 2004 по март 2014 гг.²⁹.

Главный фактор изменения геополитического положения Калининградской области в этот период — расширение ЕС (вступление в него Польши и Литвы).

Главные характерные особенности этого периода:

1. Превращение Калининградской области в своего рода «российский остров» внутри расширившегося ЕС, отношения России с которым стало смещаться от «холодного мира» (прагматического партнерства) к конфронтации [4, с. 250]. Это усилило степень эксклавноности региона, усложнило транзит между ним и основной частью России³⁰ и поставило ряд аспектов регионального развития в зависимость от норм и правил, принимаемых в Брюсселе, а не в Москве
2. Принятие 10 января 2006 г. нового Федерального закона № 16-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», вступившего в силу 1 апреля того же года [5, с. 224–225]³¹;

²⁸ Вступление в НАТО Польши (12 марта 1999 г.) и стран Прибалтики (29 марта 2004 г.);

²⁹ Этот период начинается вступлением в ЕС 1 мая 2004 г. Польши и Литвы и завершается государственным переворотом на Украине в феврале 2014 г.

³⁰ Как уже упоминалось, с середины 2003 г. поездки калининградцев в Литву, а потом и в Польшу стали осуществляться по визам (которые сначала выдавались бесплатно и по приглашениям). С 1 июня 2007 г. бесплатные визы стали платными. В какой-то степени поездки в Польшу упростил введенный 27 июля 2012 г. режим местного приграничного передвижения (МПП) по специальным разрешениям, но он распространялся не на всю страну, а только на части Варминьско-Мазурского и Поморского воеводств. Для транзита между Калининградской областью по железным и автомобильным дорогам с 1 июля 2003 г. стали использоваться упрощенные транзитные документы (УПД-ЖД и УТД соответственно), которые с 1 января 2005 г. стали выдаваться только по загранпаспортам. То есть с этого времени Калининградская область стала для остальных россиян де-факто «заграничной территорией», проехать в которую по суше без загранпаспорта невозможно. После вступления Польши и Литвы в ЕС усложнился и грузовой транзит между областью и основной частью России [4, с. 246–247, 252–254].

³¹ В отличие от закона 1996 г. главным механизмом нового закона стали налоговые

3. Продолжение приграничного сотрудничества в рамках прежних соглашений России с Польшей, Литвой и Белоруссией и Калининградской области с регионами соседних государств³²;
4. Переход от проектов программы TACIS к проектам Программы соседства «Литва, Польша и Калининградская область»³³;
5. Начало в условиях расширения НАТО [6] и ухудшения отношений с Североатлантическим альянсом модернизации в конце периода модернизации российской военной группировки в Калининградской области (прежде всего, сил Балтийского флота и противовоздушной обороны (ПВО) [4, с. 257–258].
4. Геополитическое развитие Калининградской области с марта 2014 по февраль 2022 гг.³⁴.

Главный фактор изменения геополитического положения Калининградской области в этот период — обострение отношений между Россией и геополитическим Западом³⁵.

Главные характерные особенности этого периода:

1. Дальнейшее повышение степени эксклавности Калининградской области³⁶, увеличение изоляции региона от своего геополитического окружения, осложнение сохраняющихся контактов с ним из-за взаимного недоверия, проблемы для реализации в Калининградской области проектов с участием иностранных партнеров и инвесторов, существенное сокращение из-за западных санкций и ответных экономических мер России торговли со странами ЕС, включая соседние Польшу и Литву³⁷;

льготы. Таможенные льготы, которые предусматривались предыдущим законом об ОЭЗ, сохранялись для пользующихся ими на момент принятия закона 2006 г. резидентов ОЭЗ на 10-летний переходный период (до 1 апреля 2016 г.) [5, с. 225].

³² Кроме того, в этот период был заключен ряд новых соглашений о сотрудничестве области с регионами Польши, Дании и Белоруссии. В апреле 2006 г. был создан пятый и последний еврорегион с участием муниципальных образований Калининградской область («Шешупе») [4, с. 252–253].

³³ Первая такая программа на 2004–2006 гг. была по факту реализована в 2006–2009 гг., вторая на 2007–2013 гг. — в 2012–2015 гг. В отличие от программы TACIS, которая финансировалась только ЕС, Программа соседства софинансировалась как ЕС, так и РФ [4, с. 256–257].

³⁴ Этот этап завершается с началом российской специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г.

³⁵ Поводом, но не причиной для которого стал политический кризис на Украине, завершившийся поддержанным коллективным Западом госпереворотом а феврале 2014 г.

³⁶ Так, с 4 июля 2016 г. по инициативе Польши было приостановлено (по факту прекращено) в связи, как утверждала польская сторона, с «растущей милитаризацией» Калининградской области действие Соглашения о местном приграничном передвижении [4, с. 261–262].

³⁷ За 2013–2020 гг. товарооборот с Польшей уменьшился в три раза, с Литвой — бо-

2. Пандемия коронавируса COVID-19, начавшаяся в 2020 г., которая стала дополнительным фактором повышения степени эксклаивности Калининградской области и усиления ее изоляции от соседних стран Балтийского региона;
3. Резкое увеличение военной активности стран НАТО вокруг области, вынудившее Россию принять ответные меры по восстановлению и дальнейшей модернизации российской военной группировки в регионе и возвращать области роль российского военного форпоста на Западе [4, с. 262–273; 6; 9];
4. Уменьшение как по объемам, так и по масштабам приграничного сотрудничества со сдвигом его в сторону небольших локальных проектов. Реализация масштабных проектов вроде превращения области в «пилотный регион сотрудничества России и ЕС» или создания трансграничной триполярной системы Трехградье (Польша) — Калининград — Клайпеда (Литва), которые и раньше не имели больших шансов на успех, в новой обстановке стала вообще исключена;
5. Прекращение действия с 1 апреля 2016 г. таможенных льгот, установленных законом об ОЭЗ 1996 г.³⁸ и окончательный переход к налоговым льготам как к основному механизму льготирования в рамках ОЭЗ³⁹. При этом срок действия режима ОЭЗ в 2017 г. был продлен на 14 лет (с 31 декабря 2031 на 31 декабря 2045 г.).
6. Появление новых механизмов регионального развития, таких как Специальный административный район (САР)⁴⁰ на острове Октябрьский в Калининграде, индустриальные парки, инновационный научно-технологический центр (ИНТЦ) «Балтийская долина — Хьюмантек» и др.

Заключение

В день начала российской специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. начался новый период в геополитическом развитии как всей страны, так и Калининградской области РФ. Но, как это было и с предыдущим периодом, Украина здесь является только повелее чем в 1,7 раза [7, 8].

³⁸ Тем самым перестал работать механизм импортозамещения, который был основой деятельности ОЭЗ в 1996–2016 гг. — производство продукции с использованием льготно ввезенных из-за рубежа сырья и полуфабрикатов с последующими поставками готовых изделий в другие регионы России.

³⁹ В 2006–2016 гг. существовал «гибридный» переходный режим — действовали как как таможенные льготы по Закону об ОЭЗ 1996 г., так и налоговые льготы по Закону об ОЭЗ 2006 г.

⁴⁰ Офшорная зона.

дом, но не причиной. На самом деле, как справедливо сказал министр иностранных дел России С. В. Лавров, «это совсем не про Украину. Далеко не только и не столько про Украину, сколько про миропорядок». По его мнению, «это судьбоносный, эпохальный момент современной истории, потому что он отражает «битву» в самом широком смысле этого слова за то, как будет выглядеть миропорядок». И «Украина играла только роль инструмента для того, чтобы не дать России отстоять свои законные, равные права на мировой арене» [10].

О том, как будет складываться геополитическое развитие Калининградской области на данном этапе говорить пока рано. Но можно предположить, что будет уделяться повышенное внимание безопасности эксклавного региона (как военной, так и экономической) и обеспечению устойчивости его связей с основной частью России, будет повышаться уровень самодостаточности (прежде всего, продовольственной) региональной экономики, получат развитие импортозамещающие производства, будет укрепляться кооперация с другими российскими регионами (прежде всего, Санкт-Петербургом и Ленинградской областью), а внешнеэкономические связи с недружественных стран Европы и Северной Америки будут переориентироваться на не присоединившиеся к антироссийским санкциям государства ЕАЭС, Азии, Африки и Латинской Америки.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ № 22–27–00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».

Список источников и литературы

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. — 511 с.
2. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Калининградские альтернативы. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых геополитических условиях: Монография / Калинингр. ун-т. — Калининград, 1995. — 158 с.
3. Калининградский морской торговый порт. История. URL: <https://www.kseport.ru/index.php/ru/about-us/istoriya> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя: монография. — Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. — 315 с.

5. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Эффекты функционирования особой экономической зоны в Калининградской области // Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт. Книга 2: монография для магистрантов, обучающихся по программам направлений «Экономика», «Государственный аудит» и «Финансы и кредит»/ Под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 219–228.
6. Зверев Ю. «Вернуться на рубежи 1997 года»: ключевые этапы наращивания сил и средств НАТО в Польше и Прибалтике // Евразия. Эксперт. 14 января 2022 г. URL: <https://eurasia.expert/klyucheveye-etapy-narashchivaniya-sil-i-sredstv-nato-v-polshe-i-pribal/> (дата обращения: 01.04.2022).
7. Внешнеэкономическая деятельность предприятий Калининградской области в 2013 году. Аналитическая справка. — Калининград: Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Калининградской области, 2014.
8. Таможенная статистика внешней торговли. Бюллетень. Январь-декабрь 2020 года. Калининград, 2021 // Калининградская областная таможня. https://kobl.t.customs.gov.ru/storage/document/document_file/2021-02/24/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%9E%D0%B1%D0%BB_4%D0%BA%D0%B22020.docx (дата обращения: 01.04.2020).
9. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Минимальный ответ на возрастающие угрозы: почему проведены учения «Запад-2021»? : экспертный доклад. — СПб: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. — 40 с.
10. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова телеканалу РБК, Москва, 16 марта 2022 года // Мин истерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804655/ (дата обращения: 01.04.2020).

EVOLUTION GEOPOLITICAL SITUATIONS KALININGRADSKOY DISTRICTS¹ Zverev Yu. M.

¹ Institute of Geopolitical and Regional Studies of IKBFU, Kaliningrad, Russia

Three main shifts in the geopolitical position of the exclave Kaliningrad region of the Russian Federation are singled out and characterized: 1) caused by the collapse of the USSR in 1991; 2) caused by the enlargement of the European Union (EU) and NATO in 2004; 3) related to the sharp deterioration of Russia's relations with the collective West since 2014. It is concluded that on February 24, 2014 (the beginning of the Russian special military operation in Ukraine), a new stage in the geopolitical development of the exclave region of Russia started, related to the battle for a new world order, and its possible features and consequences are predicted. This stage seems to be characterized by increased attention to the security of the Kaliningrad region (military, economic, food,

energy, etc.), strengthening the economic self-sufficiency of the exclave region within reasonable limits, while strengthening its ties with other Russian regions (primarily St. Petersburg and the Leningrad Region), development of import substitution and reorientation of foreign relations to the friendly states of the EASEC, Asia, Africa and Latin America.

Key words: Kaliningrad region, EU, NATO, Russia, Baltic region, geopolitical position, evolution

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КОНВЕНЦИИ МОНТРЁ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Урпер М¹.

¹Санкт-Петербургский Государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Тематика проливов занимает важное и центральное место в контексте ближневосточного региона, а также в условиях каких-либо военно-политических событий в черноморском регионе на протяжении длительного периода, с XIX века до наших дней.

Ключевые слова: Конвенция Монтрё, внешняя политика Турции, черноморский регион

В качестве актуальности и необходимости обсуждения этой важной темы, следует отметить, что данный вопрос касается новых действий по пересмотру условий Конвенции Монтрё, условий свободного передвижения судов разных стран в Черноморском регионе, а именно напрямую связанных с проведением военной спецоперации Российской Федерации в Украине в целях поддержки мирного населения ЛНР и ДНР, в том числе и защиты государственных границ, и интересов Российской Федерации. Конвенция Монтрё, вступившая в силу в 1936 году в регионе Черного и Эгейского морей и регулирующая процесс международных морских проходов между Черным и Эгейским морями через проливы Босфор и Дарданеллы, расположенные на территории Турции, является международным соглашением между странами-участницами. Согласно этому соглашению, можно утверждать, что основным принципом данного соглашения, подписанного накануне Великой Отечественной войны, является то, что акватории Черноморского и Эгейского морей представляют собой открытое пространство для морских проходов⁴¹.

Соответственно, с точки зрения обеспечения условий для свободной экономической и морской деятельности, участниками данной Конвенции в Черном море являются Великобритания, Россия, Турция, Болгария, Франция, Греция, Япония, Румыния, Советская Россия и Югославия и др., которые одновременно учли не только интересы стран Черноморского бассейна, но также интересы государств, не имеющих границ с акваторией этого бассейна в пределах Черного моря.

⁴¹ «Конвенция о режиме проливов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247>

В основе этого соглашения, подписанного накануне Великой Отечественной войны, был главный постулат — о принадлежности Черного и Эгейского морей к открытым морям. Следовательно, участники Конвенции — Турция, Великобритания, Болгария, Франция, Греция, Япония, Румыния, Советская Россия и Югославия — учитывали интересы не только черноморских стран, но и других государств, не имеющих границ с Черным морем, в плане свободы экономической и морской деятельности.

Однако, в XX веке данная Конвенция могла восстановить суверенную позицию Республики Турции над проливами региона Черного моря. Помимо этого, особые права государств черноморского региона были гарантированы этим соглашением по использованию данных проливов.

Положения, которые являются ключевыми согласно позиции Турции, это права государства Турции по закрытию в военный период проливов черноморского региона. Согласно статьям 20–21, если Турция оказывается участником какой-либо войны или считает, что может находиться под какой-то конкретной угрозой военного характера, то она вправе дать разрешение на закрытие, либо открытие прохода военных судов любого государства по данным проливам черноморского региона. Кроме того, согласно статье 19, в период военного конфликта, в котором турецкая страна не принимает участие, Турция имеет права не давать разрешение на проход военных кораблей какого-либо государства-участника по проливам черноморского пространства.

Соответственно, следует отметить, что последние события свидетельствуют о существенном изменении условий геополитического характера в регионе Черного моря. В целом, события в Черноморском регионе на протяжении длительного периода времени начиная, с этапа экспансии Евросоюза, также вхождения в состав Североатлантического Альянса государств Болгарии и Румынии, вооруженного столкновения между Грузией и Осетией 8 августа 2008 года, в ходе которого России пришлось провести военную операцию по защите российских граждан и обеспечению мирного урегулирования, а затем, происходящие в настоящее время военно-политические события, связанные с проведением специальной военной операции России по защите мирного народа ЛНР и ДНР на территории Украины, эти все обстоятельства в совокупности являются подтверждением более широких геополитических изменений.

Однако, несмотря на все эти обстоятельства, следует отметить, что данные факторы не должны оставлять без особого освещения более

глубокие процессы трансформации в геополитической обстановке современного мира в целом, которые продемонстрированы на фоне реализации проекта открытия Стамбульского канала, созданного Турцией совместно с Саудовской Аравией, и в связи с которым правительство Турции недавно предлагало пересмотреть Конвенцию Монтрё о турецких проливах. Это приводит к дискуссии о новых геополитических последствиях расширения ЕС, в том числе НАТО на восток, растущая роль России в Восточном Средиземноморье и Черноморском регионе в качестве защиты своих границ и национальных интересов, а также необходимости нового политического выбора в отношении геополитических изменений на Ближнем Востоке вплоть до Brexit.

Однако, при этом остается открытым вопрос о взаимоотношениях между Турцией и Россией, а также между Турцией и Украиной.

THE GEOPOLITICAL SIGNIFICANCE OF THE MONTREUX CONVENTION IN THE BLACK SEA REGION: THE SETTLEMENT OF MILITARY- POLITICAL EVENTS IN TURKEY'S FOREIGN POLICY

Urper M.¹

¹St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The theme of the straits occupies an important and central place in the context of the Middle East region, as well as in the context of any military-political events in the Black Sea region for a long period, from the XIX century to the present day..

Keywords: Montreux Convention, foreign policy of Turkey, Black Sea region

БРИТАНСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В СФЕРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА: ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Лопатина В.¹

¹ Центр пространственного анализа международных отношений
МГИМО (У) МИД России

В статье рассматривается подход Великобритании к взаимодействию по вопросам безопасности и обороны в Европе в условиях состоявшегося выхода страны из Европейского союза. Раскрывается история британского подхода к развитию европейской интеграции в этой сфере, анализируются предложения страны на переговорах по соглашению о выходе и закреплённые в итоговом документе положения, а также предпринимается попытка определить приоритетные для Британии векторы сотрудничества. С точки зрения автора, наиболее вероятным видится, что страна будет продвигать «гибкое» сотрудничество в сфере обороны с отдельными странами Европы, а также избирательно участвовать в коммунитарных проектах при сохранении конструирующей роли НАТО и ведущем участии США.

Ключевые слова: Великобритания, Брекзит, оборона, безопасность, Европейский союз

Введение

Великобритания является одним из значимых игроков на международной арене. Несмотря на относительно небольшой размер территории, страна обладает рядом признаков великодержавности. Особенности её географического положения — непринадлежность к европейскому континенту, но принадлежность к европейской цивилизации — наложили отпечаток на восприятие Британией безопасности и связанное с этим стратегическое мышление. Вынужденная после окончания Второй мировой войны постоянно балансировать между различными центрами силы и зонами своего влияния, страна находится в перманентном поиске наиболее выгодного для неё стратегического равновесия. Брекзит обострил многие внешне- и внутривнутриполитические вопросы, главный из которых — какое место в международной системе отводит себе страна и на каких направлениях она должна прилагать наибольшие усилия.

Между суверенитетом и объединённой Европой

В послевоенный период экономической и политической гегемонии США Великобритания стремилась оставаться в меру независимой

при безусловной опоре на сохранившиеся после войны «особые отношения» с Соединёнными Штатами. На протяжении последних семи десятилетий в британском политическом дискурсе вновь и вновь упоминается идея Черчилля, высказанная им на партийной конференции консерваторов осенью 1948 года, где он предлагал рассматривать Британию как узел между тремя сферами («великими кругами») — Британской империей и Содружеством, англоговорящими странами и объединённой Европой (куда сама страна не должна была входить).[1]

Что касается интеграционных процессов в континентальной Европе, то Британия с самого начала выступала против создания наднациональных органов и на этом основании отказалась вступить в Европейское объединение угля и стали (хоть и подписала с ним в 1954 г. Договор об ассоциации)[2, стр.43]. Тогда же страна выступила против участия в Европейском оборонительном сообществе (ЕОС), аргументируя это тем, что членство в НАТО полностью удовлетворяет потребность Британии в безопасности.

После провала попытки создания ЕОС (договор о создании не был ратифицирован Национальным собранием Франции) европейская интеграция стала развиваться по экономическому треку. Даже в Едином европейском акте, принятом на заседании Евросвета уже в середине 1980-х гг. предусматривалось сотрудничество по политическим и экономическим аспектам безопасности, сфера же обороны должна была оставаться в компетенции НАТО и Западноевропейского союза, который позволял странам-членам иметь доступ к своей инфраструктуре для решения тактических задач [2, стр.143]. Это отвечало британским интересам.

Во время нового витка в развитии европейской интеграции в 1990-х гг. и её углублении (в том числе в сфере безопасности) британская сторона стремилась добиться для себя специальных условий. Так, при подписании Маастрихтского договора Великобритания, где в то время премьер-министром был Джон Мейджор, смогла обеспечить себе особый статус по вопросам внутренних дел и юстиции. В конце 1990-х территория Соединённого Королевства осталась вне Шенгенского пространства, имея право на гибкое участие в сотрудничестве правоохранительных органов (согласно Амстердамскому договору).

Интересно, что даже в тех случаях, когда страна изначально не планировала участвовать в каких-либо механизмах сотрудничества, она, тем не менее, принимала участие в переговорах и старалась повлиять на их исход, в том числе по вопросам обороны и безопасности. [2, стр.295].

Несколько изменилась британская стратегия по вопросам европейского строительства с приходом к власти Тони Блэра, который считается одним из наиболее проевропейских премьер-министров. Так, отправной точкой развития общей политики безопасности и обороны считается принятая в 1998 году в Сен-Мало британо-французская декларация о «европейской оборонной идентичности». При этом британская сторона всячески противодействовала тому, чтобы создаваемые европейские силы быстрого реагирования были способны заменить НАТО.[1, стр.703]

Согласно Лиссабонскому договору, сфера внутренних дел и правосудия была полностью коммунитаризована, но до 2014 года действовал переходный период, в течение которого государства могли ограничить юрисдикцию Суда ЕС в вопросах безопасности и правосудия. Великобритания сохранила контроль над исполнением 85 из 120 законов по вопросам безопасности.[3]

Характерно одно из высказываний Мейджора: «Быть в сердце Европе, чтобы защищать интересы Великобритании».[4, стр. 176] Оно напоминает по духу слова Черчилля: «Мы с Европой, но не часть Европы».[5] Здесь присутствует явная связь и с принципом, активно постулирующимся сегодня в стратегических документах «Глобальной Британии» — «Великобритания выходит из ЕС, но не из Европы».[6, стр.51] Таким образом, страна в течение нескольких десятилетий стремится балансировать между своими исключительно близкими отношениями с США, необходимостью участия в континентальной политике и островным мышлением, предполагающим концентрацию на внутреннем развитии и самостоятельности.

Британо-европейские договорённости в сфере безопасности

После состоявшегося выхода Великобритании из Европейского союза образовалась лакуна в сфере сотрудничества по вопросам безопасности. Ещё на стадии переговоров о разводе страна рассматривала безопасность как один из трёх столпов её будущего взаимодействия с ЕС.[6]

На момент выхода из ЕС Великобритания принимала участие во всех 13 текущих приоритетных проектах Европола, была одним из основных бенефициаров действовавшего с 2004 года Европейского ордера на арест. Именно по британской инициативе в ЕС была введена система Записи имён пассажиров⁴². Помимо этого, Великобритания была участником Шенгенской информационной системы⁴³, в рамках которой по-

⁴² Passanger Name Record

⁴³ Schengen Information System-II

лиция и пограничные службы получают уведомления о разыскиваемых или пропавших без вести лицах. Великобритания была одним из инициаторов разработки подхода ЕС к проблеме кибербезопасности, а также механизма обмена информацией и совместных ответов на кибератаки.

Ещё одним значимым направлением сотрудничества являлось взаимодействие в Европейском космическом агентстве, в которое Великобритания вносила крупнейший вклад.

В ходе переговоров британская сторона предлагала заключить соглашения, которые чётко определяли бы сферы и уровень сотрудничества и позволяли бы интенсифицировать диалог в случае кризиса или чрезвычайной ситуации и сворачивать его при незаинтересованности сторон.[6] В опубликованных документах британское правительство многократно подчёркивало необходимость сохранить имеющиеся общие структуры по обеспечению правопорядка и осуществлению правосудия, включая возможность быстрого обмена информацией, сотрудничество в расследовании тяжких уголовных преступлений и террористической деятельности, взаимодействие по линии Европола и Евроюста.

Британская позиция сводилась к тому, что страна является одним из наиболее важных и заинтересованных участников сотрудничества в сфере безопасности. Ввиду этого, эффективность механизмов и агентств Европейского союза серьёзно пострадают, если статус в них Великобритании сведётся к имеющимся вариантам сотрудничества с третьими странами. Поэтому страна предлагала установить «особое партнёрство».

Третья часть **«Соглашения о торговле и партнёрстве»** [7], подписанного в декабре 2020 года, посвящена сотрудничеству правоохранительных органов и судов сторон, т.е. сотрудничеству в сфере безопасности. Глава занимает менее десятой части объёма документа, насчитывающего почти полторы тысячи страниц.

Если характеризовать условия, которые были установлены соглашением, то можно сказать, что ожидания Великобритании не оправдались, и она получила значительно меньший доступ к интересующим её механизмам. Наибольшие потери она понесла в сфере обмена информацией, не говоря об исключении из европейской космической программы.[4] В предусмотренных форматах сотрудничества ведущая роль принадлежит ЕС, который может контролировать степень участия Великобритании, например, в работе Европола и Евроюста.

Большие сомнения вызывает возможность создания такого «особенного» партнёрства, которого желала британская сторона. В этом, среди

прочего, ей могут помешать её тесные связи по военным и разведывательным каналам с США, поскольку ряд стран, в особенности Франция, могут снова заговорить о Великобритании как о «троянском коне» её заокеанского союзника и скептически отнестись к интенсификации обмена данными. И всё же британский научный потенциал, уже налаженные связи между службами и агентствами, а также главная задача сотрудничества по безопасности — защита граждан, вынудят ЕС развивать механизмы взаимодействия со своим «неудобным партнёром».

«Глобальная Британия» и оборонное сотрудничество в Европе

Говоря о будущем сотрудничества в сфере обороны, можно разделить британские интересы на несколько основных групп — укрепление роли НАТО, подключение к инициативам на уровне ЕС и развитие двусторонних отношений.

Стоит упомянуть, что Британия была одним из наиболее военно-технически оснащённых государств ЕС. Так, она была одной из немногих стран, чьи оборонные расходы превышали 2 % ВВП [10], они составляли четверть всех оборонных расходов остальных стран-членов. Кроме того, британские инвестиции покрывали треть коммунитарных инвестиций в оборонные НИОКР.[8]

Приоритетной задачей для сегодняшней Британии является недопущение создания франко-германской оси в Европе. Тревожными сигналами стали такие инициативы этих двух стран, как решение о совместном производстве истребителя (без участия Британии) и других видов военной техники, более тесное сотрудничество по обмену технологиями и информацией.[11] Не случайно в стратегическом документе «Глобальная Британия в век конкуренции» ключевыми партнёрами в Европе названы именно Франция и Германия, наряду с Ирландией.[12, p.61] Ещё с 2003 года действует не институционализированный переговорный формат по вопросам безопасности между Великобританией, Францией и Германией (Е 3). Высказывается мнение, что он мог бы стать временной площадкой для обсуждения, при этом по конкретным проблемам к нему могли бы подключаться и третьи стороны (Е 3+).[13]

Интересно, что в сотрудничестве с двумя странами заметны различные акценты. Так, Франция предпочитает развивать сотрудничество в сфере обороны и безопасности через создание новых и усложнение уже имеющихся механизмов. С 2010 г. существуют Совместные британо-французские экспедиционные силы, также до 2060 г. действует Ланкастерское соглашение о военно-политическом сотрудничестве. По частоте упоминания среди западных союзников в стратегических

документах Франция уступает лишь США и значительно обходит Германию. В отношениях с последней упор сделан на военно-техническое сотрудничество. К примеру, в 2019 г. контрольный пакет акций одной из крупнейших в мире компаний по производству вооружений «BAE Systems» был выкуплен немецкой «Rheinmetall».[14, стр.103]

Помимо вышеупомянутых стран, развивается сотрудничество с Нидерландами и Польшей (с ними подписаны объёмные соглашения по вопросам безопасности).[15,16] Были выпущены совместные декларации о партнёрстве с Латвией, Данией, Бельгией, Грецией. При этом документы не являются однотипными. С каждой страной планируется сотрудничать по конкретным проблемам, представляющим общий интерес для обеих сторон (для Дании это защита балтийского региона, для Греции — Средиземноморья и т.п.). Общим для них является неизменное заверение в ключевой роли НАТО.[13]

Таким образом, в двусторонних отношениях Британия стремится установить стратегический диалог на уровне министров и глав государств (такие форматы существуют с Бельгией, Польшей, Францией. Планируется начало такого диалога с Германией). В условиях общей международной неопределённости это позволяет наиболее гибко решать интересующие её проблемы.

При этом НАТО остаётся ключевым элементом британской безопасности [17, р.33], которая рассматривается преимущественно с позиции евроатлантизма.[12, р.72;18, р.27] Одним из рычагов на данном направлении является «российская угроза». В докладе «Глобальная Британия в век конкуренции» отмечается, что страна выступает за совместную реакцию Запада (на агрессивное поведение России — авт.) посредством НАТО.[12, р.61] Под этим же предлогом Британия наращивает своё присутствие в Восточной Европе и Прибалтике.[19,20] В разделе, затрагивающем вопросы коллективной безопасности, говорится, что для сдерживания России Великобритания намерена использовать сотрудничество между НАТО и ЕС. В этом можно проследить политический расчёт: утратившая вследствие Брексита роль «моста» между НАТО и ЕС, Британия всеми силами пытается вернуть себе такой статус, представляя Россию крайне опасным игроком.

На данный момент не существует никаких правовых рамок или стратегических документов, которые определяли бы оборонное и военно-техническое сотрудничество Британии и ЕС. Пока что первая находится приблизительно в положении Норвегии — она может участвовать в отдельных проектах Европейского оборонного агентства, но не имеет голоса при принятии решений. Сегодня Великобритания прояв-

ляет заметный интерес к европейским инициативам—Европейскому оборонному фонду, Постоянному структурированному сотрудничеству, Европейской интервенционной инициативе (по инициативе Франции Британия была включена в последнюю).[21] Все они были запущены в 2016–17 гг. в русле курса ЕС на «стратегическую автономию». Так, ещё в ходе переговоров о будущих отношениях британская сторона предлагала разработать механизм участия страны в операциях ЕС, согласования санкционных режимов и выработки общей позиции в качестве составной части «глубокого партнёрства по безопасности».[22] Таким образом, Британия вынуждена из противника большинства коммунитарных инициатив в сфере обороны стать их участником на правах третьей стороны, с тем чтобы окончательно не потерять своё влияние на эти процессы.

Заключение

Сегодня Британия находится в состоянии поиска стратегического баланса. Для реализации концепции «Глобальная Британия» ей необходимо стремиться к равноудалённости от различных центров силы при активном вовлечении в сотрудничество с ними (возможно ли это?). В Европе международное сотрудничество страны по обороне и безопасности будет, вероятно, строиться вокруг каркаса, НАТО, с подключением к отдельным общеевропейским инициативам и развитием гибких двусторонних форматов. Сначала взаимодействие с ЕС будет основываться на неформальных обсуждениях, участии *ad hoc* и военно-техническом сотрудничестве. Однако обеим сторонам выгодно и необходимо формально закрепить рамки сотрудничества по безопасности, по этому вопросу у британской стороны имеется чёткая позиция. Сложнее сказать, насколько далеко страны ЕС смогут зайти в развитии оборонной идентичности и как будет развиваться позиция США по этому вопросу. Эти факторы и определяют интересы Великобритании, которая, ввиду общей неопределённости и отсутствия чёткого понимания, что же такое «Глобальная Британия», будет адаптироваться к международной среде.

Список источников и литературы

1. Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — 840 с.
2. Кавешников Н. Ю., Матвеевский Ю. А. Европейский союз: история, институты, политика: Учебник для вузов. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. — 320 с.
3. Бабынина, Деевропеизация.

4. Капитонова Н. К. Британские премьер-министры. Политические портреты. — М.: Международные отношения, 2017. — 448 с.
5. Roberts A. With Europe, but not of it // The Spectator. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/with-europe-but-not-of-it>
6. The Future Relationship Between The United Kingdom and The European Union // HM Government. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/786626/The_Future_Relationship_between_the_United_Kingdom_and_the_European_Union_120319.pdf
7. Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020A1231\(01\)&from=EN8](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020A1231(01)&from=EN8).
UK Might Have to Build a New Satellite System After Brexit, Government Says // Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/brexit-galileo-uk-government-europe-eu-gps-satellite-navigation-a8322026.html>
9. Андреева Т. Н. Военно-техническое сотрудничество Великобритания-ЕС // Свободная мысль. — 2018. — № 5(1671). — с. 87–100 // URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2018/SM_05-2018_Andreeva.pdf
10. Military expenditure (% of GDP) // World Bank Open Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?end=2020&most_recent_value_desc=true&start=2004
11. Merkel, Macron put defence at heart of blooming ties // The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/world/europe/france-and-germany-to-develop-new-joint-fighter-jet>
12. Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // HM Government. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf
13. Major C., von Ondarza N.. UK-EU Cooperation in foreign and security policy: how to be friends again! // UK in a Changing Europe. URL: <https://ukandeu.ac.uk/policy-cooperation/>
14. Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией / ИМЭМО
15. РАН / Под ред. Н. К. Арбаговой, А. М. Кокеева. — Москва: Издательство «Весь Мир»,
16. 2020. — 368 с.
17. UK/Poland: Treaty on Defence and Security Cooperation // HM Government. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ts-no32018-ukpoland-treaty-on-defence-and-security-cooperation>

18. UK/Netherlands: Agreement concerning Border Controls on Rail Traffic between the Netherlands and the United Kingdom using the Channel Fixed Link // HM Government. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-netherlands-agreement-concerning-border-controls-on-rail-traffic-between-the-netherlands-and-the-united-kingdom-using-the-channel-fixed-link-cs-n>
19. National Security Capability Review // HM Government. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/705347/6.4391_CO_National-Security-Review_web.pdf
20. Defence in a competitive age // HM Government. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/974661/CP411_-_Defence_Command_Plan.pdf
21. UK forces arrive to reinforce NATO's eastern flank // HM Government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-forces-arrive-to-reinforce-natos-eastern-flank>
22. Defence Secretary discusses shared security response in face of Russian invasion of Ukraine // HM Government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-discusses-shared-security-response-in-face-of-russian-invasion-of-ukraine>
23. European Defense Agency. Official web-site. URL: <https://eda.europa.eu/what-we-do>
24. UK offers deep security partnership with EU post-Brexit in the face of growing global threats // HM Government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-offers-deep-security-partnership-with-eu-post-brexit-in-the-face-of-growing-global-threats>

BRITISH PRIORITIES IN THE FIELD OF DEFENSE AND SECURITY IN EUROPE AFTER BREXIT

Lopatina V.¹

¹MGIMO University,
Moscow, Russian Federation

The article examines the UK's approach to cooperation on security and defense issues in Europe in the context of the country's withdrawal from the European Union. The history of the British approach to the development of European integration in this area is revealed, the country's proposals for negotiations on the withdrawal agreement and the provisions enshrined in the final document are analyzed, and an attempt is made to identify priority vectors of cooperation for Britain.. From the author's point of view, it seems most likely that the country will promote "flexible" cooperation in the field of defense with individual Eu-

ropean countries, as well as selectively participate in communitarian projects, while maintaining the constructive role of NATO and the leading participation of the United States..

Key words: Great Britain, Brexit, defense, security, European

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ ПОРТОВ ФИНСКОГО ЗАЛИВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ» И САНКЦИЙ

Андреев А. А.¹

Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В докладе рассматриваются новые потенциальные функции российского портового комплекса Финского залива — портов Санкт-Петербурга, Выборга, Высоцка, Приморска и Усть-Луги — при реализации проектов «Один Пояс — Один Путь», с учётом действующих и новых санкций.

Ключевые слова: порты, Финский залив, Большая Евразия, Один Пояс — Один Путь, развитие, санкции

Европейский вектор внешней торговли был важнейшим для России за последние 300 лет. Но за последнее десятилетие произошли существенные геополитические изменения, влекущие за собой изменения товаропотоков. Отрицательным фактором, ведущим к сокращению торговли со странами ЕС, стали антироссийские санкции и контрсанкции с российской стороны, а положительным фактором стало углубление евразийской интеграции РФ, создание ЕАЭС и инициированный КНР проект «Один Пояс — Один Путь» (далее — ОПОП). Эти изменения проявились и в деятельности российских портов Финского залива.

Так, до 2014 года основными торговыми партнёрами Ленобласти были страны ЕС, в первую очередь Нидерланды, но уже с 2016 года Китай стал основным торговым партнёром Ленинградской области [1, с. 85–86] и вторым (после Нидерландов) для Санкт-Петербурга [2]. По итогам 2020 года Китай стал основным партнёром и для Санкт-Петербурга [3]. При этом, хотя Китай и стал крупнейшим из партнёров, объём торговли со странами ЕС, вместе взятыми, превосходит объём торговли с КНР.

Проект ОПОП является крупнейшей инфраструктурной инициативой современности. Ввиду своего экономико-географического положения Российская Федерация является важным звеном, через который проходят ряд транспортных коридоров, соединяющих Китай с Европой, но значение отдельных регионов России неравнозначно.

По состоянию на начало 2022 года никаких официально заявленных планов о расширении сотрудничества с китайской стороной для развития

портов Финского залива нет. Это обусловлено рядом причин: китайскую сторону в большей степени интересуют сухопутные, в первую очередь железнодорожные, транспортные коридоры [4] и Северный Морской путь. Порты Высоцка и Приморска ориентированы на экспорт сырья из России, а доступ иностранных граждан в порт Усть-Луга ограничен.

В рамках интеграционного проекта «Большой Евразии» исследователи выделяют ряд перспективных транспортных коридоров, большинство которых проходят в направлении восток-запад и заметно южнее северо-запада РФ. Санкт-Петербург и его окрестности при этом являются северной конечной точкой транспортного коридора (маршрута) «Север-Юг», проходящего через Москву, Поволжье, Каспийское море и Иран до Бендер-Аббаса на юге [см. 5, с. 233].

В декабре 2019 года Азиатский банк инфраструктурных инвестиций выделил 500 000 000 долларов на модернизацию дорог в России, причём первая часть пойдёт на модернизацию федеральной автотрассы «Кола» [6]. Это первый проект, в котором Санкт-Петербург и Ленинградская область выступают не в роли конечных пунктов маршрута, а как транзитный, перевалочный регион.

Возможные проекты могут быть реализованы в рамках проектов, инициированных регионами и муниципальными образованиями, в которых эти порты расположены совместно с партнёрами регионального или муниципального уровня в Китае.

Ленинградская область реализует соглашения о сотрудничестве с провинцией Хэбэй. Выборгский район сотрудничает с Сюйчжоу в провинции Цзянсу. При этом у МО «Город Выборг», Высоцкого и Приморского городских поселений, партнёрств с китайскими городами нет. Партнёрами Кингисеппского района, в состав которого входит посёлок Усть-Луга, являются город Жэньхуай провинции Гуйчжоу и городской округ Аньцин провинции Аньхой.

У Санкт-Петербурга наиболее развитые отношения с китайскими партнёрами: ими являются города Шанхай, Пекин, Циндао и Сиань, а также провинции Гуандун и Сычуань. В Пекине действует информационный деловой центр Санкт-Петербурга в Китайской Народной Республике, один из четырёх таких зарубежных центров Санкт-Петербурга (см. [7]).

Перспективы в контексте ОПОП

1. Развитие судоходства на Волге и Волго-Балтийского водного пути как воднотранспортного коридора, соединяющего Азово-Черноморский и Каспийский регионы с Балтийским, соответствуя вышеупомянутому

плану транспортного коридора «Север-Юг».

В этом варианте порты Финского залива, прежде всего Санкт-Петербургский, могут развиваться как перевалочные между морским и внутренним водным транспортом.

Однако препятствием для этого является то, что транспортные коридоры для проекта ОПОП китайской стороной видятся как преимущественно железнодорожные, что связано с тем, что Китай собирается использовать строительство новых железнодорожных путей как программу содействия китайской строительной отрасли [4].

В результате развитие внутреннего водного пути в рамках ОПОП представляется маловероятным. В случае же развития внутреннего водного пути, крупные (водоизмещением до 5000 т.) суда класса «река-море», не будут нуждаться в Санкт-Петербурге как перегрузочном порте.

2. Новые возможности для развития круизного туризма.

Концепция ОПОП подразумевает также развитие культурных связей и туризма. Санкт-Петербург уже сейчас является самым популярным городом для посещающих Россию туристов из КНР. Однако это создаёт ряд проблем, поскольку китайский туризм представляет собой «полностью замкнутый бизнес «только для своих»» и почти не приносит дохода российской стороне [см. 8]. В целях диверсификации желательное привлечение туристов и из других стран, таких как Индия и государства юго-восточной Азии.

Представляется потенциально возможным использовать каботажные туристические суда — плавучие отели, на маршруте Санкт-Петербург — Выборг — Кронштадт — Ломоносов. при заходе в пассажирский порт Санкт-Петербурга, туристы смогут посещать достопримечательности в центре города. При заходе в Выборг туристы смогут посетить местные достопримечательности. По пути в Выборг или обратно возможен заход в Кронштадт. Конечной точкой круиза может быть терминал в Ломоносове, откуда туристы смогут посетить дворцово-парковые ансамбли южных пригородов Санкт-Петербурга.

В случае реализации этой идеи приток туристов поспособствует инициированному недавно проекту развитию порта Выборга как пассажирского [9].

Также возможно использовать популярность Санкт-Петербурга как дестинации у китайских туристов и организовать международные круизы по Балтийскому морю из пассажирского порта Санкт-Петербурга.

Популяризации города-порта как исходной точки балтийских круизов поможет и то, что он расположен восточнее всех других портовых

городов и соответственно время полёта до аэропорта Пулково из Китая и других стран Азии несколько короче, чем до других, нероссийских, портовых городов на Балтике.

Однако наиболее прибыльный для российской стороны вариант требует заметных стартовых инвестиций—приобретение (строительство) круизных судов, наём квалифицированных экипажей, разработка экскурсий по европейским портовым городам для преимущественно азиатских групп туристов, с учётом всех соответствующих культурных особенностей. Для того чтобы быть уверенными в целесообразности таких инвестиций нужны гарантии стабильности туристического потока. В случае же привлечения зарубежных туристических компаний прибыль от круизов будет доставаться в основном им.

Также нужно отметить что эта идея практически не касается развития Высоцка, Приморска и Усть-Луги поскольку эти порты грузовые а портовые города почти не имеют туристического потенциала.

В целом для того чтобы потенциал портов финского залива приносил выгоду российской стороне нужно в первую очередь пересмотреть текущую практику взаимоотношения с китайским туристическим бизнесом (см. [8]).

3. Создание в Санкт-Петербурге и Ленинградской области территории опережающего развития—свободного порта, подобного ТОР «Свободный порт Владивосток». В случае его создания можно привлечь китайские инвестиции для строительства новых терминалов в портах, построить новые заводы по сборке готовых изделий из российских и привозимых из Китая комплектующих, и использовать возможности их быстрого реэкспорта по морю в страны Европы.

Однако Ленобласть и тем более Санкт-Петербург не являются типичными регионами для создания ТОР, которые предполагаются как средство развития депрессивных регионов. Ввиду этого, вероятность создания свободного порта и производственного кластера при нём на данный момент невелика и возможна лишь в случае появления интереса с китайской стороны.

Перспективы в условиях санкций

Санкции, введённые в 2014 году против России после воссоединения Крыма и российские контрсанкции в 2014–16 годах сперва привели к некоторому сокращению объёма торговли с ЕС, который достиг минимума в 2016 году, но после этого снова стал расти. В результате, к 2018 году «стоимость экспорта по всем группам товаров, за исклю-

чением минеральных продуктов, превысила параметры 2014 года» [1, с. 89]. В тоже время доля импорта из КНР и, в меньшей степени экспорта туда же, увеличилась.

Здесь нужно отметить что проекты ОПОП разрабатывались, учитывая условия после введённых в 2014 году санкций. Из регионов России, санкции наиболее заметное повлияли на порты Крыма и города Севастополь, в то время как в других субъектах федерации, включая релевантные для данной статьи СПб и Ленобласть влияние было менее значительным. Как следует из данных о грузооборотах портов Финского залива (доступны на <https://www.pasp.ru/arhiv>) объём грузооборота портов Усть-Луга и Приморск в целом вырос, несмотря на просадки объёма в некоторые годы, а грузооборот большого порта СПб практически восстановился после сокращения объёмов в 2014–16 годах. В этих трёх портах строились новые портовые сооружения.

Ситуация резко изменилась после начала специальной военной операции России в Украине 24 февраля 2022 года и последовавшего введения новых санкций против России со стороны США, ЕС, Японии и других стран Европы и Азии, а также контрсанкций с российской стороны. К важнейшим для темы данной работы событиям нужно отнести следующие:

- Азиатский банк инфраструктурных инвестиций 3 марта 2022 приостановил весь новый бизнес, связанный с Россией и Белоруссией [10].
- В число компаний, прекративших деятельность в России, входят крупные судоходные компании Maersk и MSC [11]. Отсутствия у России собственных судоходных мощностей на Балтийском море не позволяет заменить их в короткие сроки.
- Введены и расширены списки товаров, запрещённых к импорту из России либо к экспорту с российской стороны.

Таким образом, сокращение и разрыв торговых связей между РФ и ЕС снижает значение России в целом и её портов на Балтике, в частности, как транзитного коридора для перевозки китайских товаров в Европу. В этом контексте решение АБИИ о прекращении финансирования проектов в РФ можно рассматривать не как недружественный для России акт, а как прагматичный для азиатских инвесторов ход с целью избежание финансовых убытков.

Заключение

Средне- и долгосрочные перспективы зависят от развития военной обстановки, глобальных и региональных геополитических факторов. Можно выделить два основных варианта развития ситуации:

- 1) вариант скорого прекращения спецоперации в Украине либо в результате заключения какого-ли бы российско-украинского договора, либо «заморозки» конфликта с переходом его в малоинтенсивную фазу.
- 2) вариант затяжного конфликта, с долговременным сокращением или прекращением экономических связей между РФ и США, ЕС и других стран, вплоть до полной переориентации РФ на связи с неевропейскими партнёрами, что маргинализирует значение портов Балтийского региона для внешней торговли РФ.

В обоих вариантах есть возможности для привлечения в российские порты финского залива инвестиций из Китая, стран ЕАЭС, ШОС и др.

В случае прекращения либо «замораживания» конфликта можно ожидать постепенного отката санкций и восстановления торговых связей. При этом, Российская сторона должна быть заинтересованной в минимизации зависимости от стран, оцененных как «недружественные», в частности строя собственный транспорт, в том числе морской, возможно за счёт финансирования в рамках ОПОП.

В случае затягивания конфликта можно ожидать сокращение объёмов грузооборота и, в следствии этого, простоя портовых мощностей. Уже неоднократно предлагалось закрыть нынешний большой порт СПб, переведа грузооборот в Усть-Лугу и застроить освободившуюся территорию жилыми и деловыми кварталами и торгово-развлекательными центрами. В этом случае желательно было бы привлечь инвесторов, с учётом как положительного, так и неудачного опыта полученного в рамках партнёрства с китайской стороной при реализации микрорайона «Балтийская жемчужина» в СПб [см.12].

В любом из этих вариантов желательно будет способствовать росту значимости для портов морского круизного туризма из Китая, стран ЕАЭС и ШОС с целью расширения диверсификации стран происхождения туристов.

Список источников и литературы

1. Васильева Ю. В. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5–1. С. 83–91.
2. Комитет по информатизации и связи; Санкт-Петербургский информационно аналитический центр: Внешнеэкономическая деятельность Санкт-Петербурга в январе-сентябре 2019 года. 2020. Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2020/02/18%82_2019.pdf
3. Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга: Краткие итоги внешней торговли Санкт-Петербурга за январь — декабрь 2020 года <https://www.>

- gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/statistic/
4. Луконин С. А. Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России. *Международная торговля и торговая политика. // Международная торговля и торговая политика.* No 4, 2015 (4). С. 18–29.
 5. Безруков Л. А. Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности // *Вопросы географии.* Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / отв. ред. В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2019. С. 228–262.
 6. ТАСС. АБИИ одобрил кредит для России в размере \$500 млн. на развитие транспортной инфраструктуры. 2019. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7330333>
 7. Подшувейт О. В. Внешнеэкономический потенциал региона как фактор конкурентного развития территории. Автореферат на соискание учёной степени кандидата географических наук. 25.00.24 СПб, 2017. 22с.
 8. Сальникова, О.; Рысакова П. Недорогие туристы. Выгодны ли Петербургу гости из Китая? *Еженедельник «Аргументы и Факты» № 1–2. Аргументы и факты*—Петербург 06/01/2020 Режим доступа: https://spb.aif.ru/society/nedorogie_turisty_vygodny_li_peterburgu_gosti_iz_kitaya
 9. ТАСС. Порт Выборга будет развивать пассажирское направление. 2019. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6209730>
 10. Агентство Интерфакс: АБИИ приостанавливает выдачу кредитов России и Белоруссии. 2022. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/826135>
 11. Финверсия, 2022: Всё большее число западных компаний присоединяется к экономической блокаде России. Режим доступа: <https://www.finversia.ru/publication/vse-bolshee-chislo-zapadnykh-kompanii-prisoedinyaetsya-k-ekonomicheskoi-blokade-rossii-109653>
 12. Никифоров, П. 2021 Великий путь: удастся ли китайским инвесторам достроить «Балтийскую жемчужину». газета Деловой Петербург от 29 марта 2021.

PROSPECTS FOR RUSSIAN PORTS OF THE GULF OF FINLAND IN THE CONTEXT OF THE “ONE BELT— ONE ROAD” PROJECT AND SANCTIONS

Andreev A. A.¹

¹St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, Russia

This article examines new potential roles the Russian harbour complex on the Gulf of Finland—the ports of St. Petersburg, Vyborg, Vysotsk, Primorsk and Ust-Luga—may play in the implementation of the Belt and Road initiative, considering the existing and new sanctions.

Key words: ports, Gulf of Finland, Greater Eurasia, Belt and Road initiative, development, sanctions

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА КИПРЕ В КОНТЕКСТЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛЕННОГО ОСТРОВА

Фотопулу Антониа ¹

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию демографических изменений, которые произошли на Кипре, начиная с эскалации Кипрского конфликта до сегодняшнего дня. Актуальность темы обусловлена тем, что самые стремительные демографические изменения были вызваны именно Кипрским конфликтом. Население Кипра на протяжении нескольких столетий состояло из двух этнических групп: греков и турок и располагалось на всей территории острова. После разделения острова подавляющее большинство греков-киприотов живут на юге, а турки на севере. Турецкое вторжение 1974 года стало самым трагическим событием в современной истории Кипра, оказавшим разрушительное воздействие на его демографическую ситуацию. Тысячи греков-киприотов с оккупированных территорий были вынуждены покинуть свои дома. Параллельно с этим турки-киприоты, разбросанные по всему острову, были переселены на оккупированную территорию на севере в рамках проводимой Анкарой политики полной сегрегации двух общин, что привело к резким изменениям демографического характера и в северной части острова. Автором также рассматривается демографические изменения, которые повлияли и продолжают влиять на потенциальное разрешение конфликта внутри страны.

Ключевые слова: Республика Кипр, Турецкая Республика, Греческая Республика, Кипрская проблема, оккупация, иммиграция, демография

Many nations ruled Cyprus over the centuries, but the so called “Cyprus problem” started during the English colonisation of the island in 1955 when a Greek Cypriot organization called EOKA (National Organisation of Cypriot Fighters) began the road to independence. In 1958 a Turkish organization called TMT (Turkish Resistance Organisation) was formed and inter-communal fighting began. Finally, in 1960, Cyprus was granted independence. Archbishop Makarios was elected president.[1]

The Treaty of Guarantee between the United Kingdom, Greece, Turkey,

and Cyprus, which was signed and entered into force in Nicosia on 16 August 1960, concerned the establishment of the Republic of Cyprus and included the arrangements relating to the nationality of persons affected by this establishment, as well as the agreement on the territorial definition of this Republic. It also gave details on the geographical delimitation of the sovereign area belonging to the new Republic, and, by extension, the areas remaining under the sovereignty of the United Kingdom⁴⁴.

The people of the newly established Republic of Cyprus were not able to enjoy the fruits of their struggles and sacrifices for long. Certain provisions of the Zurich-London Agreements and the Constitution were soon to prove conducive to constitutional deadlock, domestic conflict, and foreign interference, rather than peace, harmony, and respect for the sovereignty of Cyprus. Efforts to amend the Constitution were rejected by the Turkish side, with the Turkish Cypriot leadership falling in line with Turkey's long-term policy of segregation and partition. The coup on 15 July 1974, perpetrated against the legal government of the Republic of Cyprus by the military junta ruling Greece at the time, gave Turkey a long-awaited pretext to invade the island on 20 July 1974 in violation of the UN Charter, international law and the principles governing the conduct among nations. As a result, about 36,2% of the island was occupied and remains under Turkey's military control. About a third of the population of the Greek Cypriots were displaced, becoming refugees in their own country, while the Turkish Cypriots were compelled to move to the occupied part of the island in compliance with Turkey's policy of ethnic segregation. Many people have been missing because of the invasion. Over the years thousands of colonists from Turkey were brought to Cyprus and settled in the occupied area, in violation of international law, with the aim of changing the demography of the island. In view of the mass emigration of Turkish Cypriots from the occupied area the total number of Turkey's troops and settlers is now much greater than that of the remaining Turkish Cypriots. To consolidate the de facto situation of division, the Turkish Cypriot leadership unilaterally declared the occupied area an "independent state" in 1983. No country in the world but Turkey recognizes that illegal regime. The illegal regime and Turkey have also followed a policy of "Turkification" in the occupied areas while at the same time destroying much of the island's eleven-thousand-year-old cultural heritage: Greek place names have been replaced by Turkish ones; monuments, cemeteries, places of worship and archaeological sites were destroyed, desecrated, or vandalized, etc. Despite constant protests by the Cyprus government the illegal ex-

⁴⁴ Treaty of Guarantee, Nicosia 1960 [Electronic source]. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY%20GR%20TR_600816_Treaty%20of%20Guarantee.pdf (accessed 05.03.2022)

cavations and looting of antiquities continue to this day⁴⁵.

The demographic changes in the northern part of Cyprus can be divided to 3 waves. First wave of facilitated migration primarily brought agricultural labour to the island. Immigration after this period occurred in two further waves. The second wave, beginning in the 1980s, was comprised of professionals, as well as skilled and semi-skilled workers, who arrived of their own initiative in the island to work in the north's growing textile industries and in trade. The third wave, beginning in the mid-1990's and accelerating in the 2000's, consisted mainly of labour migrants brought to work in industry and construction, often coming from areas of Turkey that were hard hit by conflict or neoliberal restructuring [3].

On May 1st, 2004, the Republic of Cyprus became a full member of the EU. This membership was a natural choice for Cyprus, dictated by its culture, history, European worldview, commitment to the ideals of democracy, freedom, and justice. EU membership has ushered in a new era of challenges, opportunities, and responsibilities for Cyprus. On January 1st, 2008, the Republic of Cyprus joined the euro system and thus introduced the euro as its official currency, replacing the Cypriot pound as the unit of account. Cyprus is also a member of the United Nations and its specialized agencies, the Council of Europe, the Commonwealth, the Organization for Security and Cooperation in Europe and many other international organizations [4].

Today the island remains divided despite the many attempts to find a solution to this conflict. According to statistics of 2020 the populations of Cyprus reached 1 207 361 citizens from which there also Turkish-Cypriots and foreign residents. Negotiations for the settlement of the Cyprus problem have been conducted since 1975 under the auspices of the UN, based on the relevant Security Council resolutions as well as two High-Level Agreements. The demographic character has been changing dramatically for the past decade as well. The northern part of the island continues to be illegally occupied by the 43,000-strong Turkish army, equipped with the most modern weapons. In addition, over the past years, in violation of international law, about 160 thousand colonists from Turkey were transported to Cyprus and settled in the occupied lands to change its demographic situation [5]

In 2014 President of the Republic of Cyprus, Nikos Anastasiadis mentioned that in the Turkish-occupied northern part of Cyprus, a process of demographic change is underway, which may soon become irreversible. For

⁴⁵ Republic of Cyprus from 1960 To the Present Day, Press and Information Office, Republic of Cyprus, 2012, p. 3–4. [Electronic source]. URL: [http://www.mfa.gov.cy/mfa/highcom/highcom_pretoria.nsf/all/3AF861EE6C2042E0C2257A4D0037CD2B/\\$file/Republic%20of%20Cyprus%20From%201960%20To%20The%20Present%20Day.pdf?openelement](http://www.mfa.gov.cy/mfa/highcom/highcom_pretoria.nsf/all/3AF861EE6C2042E0C2257A4D0037CD2B/$file/Republic%20of%20Cyprus%20From%201960%20To%20The%20Present%20Day.pdf?openelement) (accessed 05.03.2022)

the first time in Cyprus, the demographic structure is changing at such a rapid rate, and the possibility of its restoration is gradually disappearing, the President said. This could lead to a nightmare scenario in which the occupied territory of Northern Cyprus will turn completely Turkish. He also acknowledged that the generation of Cypriots who lived in the north of the island until 1974, when Turkey made an armed invasion and occupied about 40% of the country's territory, expelled more than 200 thousand Greek Cypriots from there, is gradually leaving [6].

In the Turkish-occupied areas of Cyprus, the Turkish Government has been implementing a policy of systematic settlement since 1974, to change the demographic character of the island to justify the demands of the Turkish side regarding the territorial and constitutional aspect of the Cyprus problem. The national cleansing of the occupied area and the mass transfer of Turks from Turkey, in combination with the expulsion of the Greek Cypriot inhabitants of the region, the destruction of the cultural heritage and the illegal change of the geographical names in the occupied part of Cyprus, aim at the elimination of everything Greek and Christian that existed for centuries and the "Turkification" may lead to a total Turkish territory [7].

The question of a united country and the settlement of the conflict remains the same. The Cypriot government's efforts to prevent or reduce involvement with the Turkish Cypriots have given birth to resentment. The Turkish Cypriots themselves consider that policies are not intended to try to deter the community from gaining international recognition. On the contrary, the measures taken can be considered as intimidating and punitive. From the point of view of many Turkish Cypriots, the fact that the Greek Cypriots act in this way is proof that they are not willing to consider them future partners in a reunited Cyprus. The Greek Cypriots, of course, see things very differently as any efforts of the Turkish Cypriots to engage with the international community, and therefore end their isolation, are considered as means of strengthening their position and turning the solution into something less necessary or desirable. Therefore, we must recognize that both perspectives are reasonable, but also partly wrong. The question for Cyprus now is how to meet the three main challenges for reunification—the growing distance between the two communities, the declining Turkish Cypriot community, and the growing Turkish influence in the north—and to do so in a way that recognizes the broader concerns regarding unilateral secession and recognition and avoid giving the impression that the act of secession is gradually being accepted by the Cypriot government [8].

Summarizing the above the main rapid demographic changes took place in the 70s while the island was getting divided and the population of the two

ethnic groups was moving from one side to another. It is important to mention that a lot of people were obliged to leave their properties which added changes in demography. No matter the attempts to solve the problem, it remains unresolved. The modern demographic character shows the challenges that the two communities go through as the population increases differently which brings new questions about the fate of the unresolved problem. Also, the risks of two different sides, a completely Turkish side and the Cypriot side that includes other foreign residents encourages the worries of the complete assessment of the northern part of Cyprus to Turkey. It is still unclear how the demography will be changing as the rapid migration waves to both sides from people of third world countries question the fate of both sides. Despite the challenges it is important for both sides to return to the negotiations table and continue the talks about a solution

REFERENCES

1. Tim Lambert, A Brief History of Cyprus, 2020 [Electronic source]. URL: <https://localhistories.org/a-brief-history-of-cyprus/> (accessed 20.02.2022)
2. Treaty of Guarantee, Nicosia 1960 [Electronic source]. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY%20GR%20TR_600816_Treaty%20of%20Guarantee.pdf (accessed 05.03.2022)
3. Republic of Cyprus from 1960 To the Present Day, Press and Information Office, Republic of Cyprus, 2012, p. 3–4. [Electronic source]. URL: [http://www.mfa.gov.cy/mfa/highcom/highcom_pretoria.nsf/all/3AF861EE6C2042E0C-2257A4D0037CD2B/\\$file/Republic%20of%20Cyprus%20From%201960%20To%20The%20Present%20Day.pdf?openelement](http://www.mfa.gov.cy/mfa/highcom/highcom_pretoria.nsf/all/3AF861EE6C2042E0C-2257A4D0037CD2B/$file/Republic%20of%20Cyprus%20From%201960%20To%20The%20Present%20Day.pdf?openelement) (accessed 05.03.2022)
4. Mete Hatay, Population and Politics in north Cyprus, An overview of the ethno-demography of north Cyprus in the light of the 2011 census, Norway, 2017, p. 15–23 [Electronic source]. URL: <https://cyprus.prio.org> (accessed 05.03.2022)
5. The official Portal of Cyprus Tourism. [Electronic source] URL: [<https://www.visitcyprus.com/index.php/en/practical-info/about-cyprus>] (accessed 10.03.2022)
6. Consulate General of the Republic of Cyprus in St. Petersburg [Electronic source]. URL: http://www.mfa.gov.cy/mfa/consulate/consulate_spb.nsf/cgsp21_ru/cgsp21_ru?OpenDocument] (accessed 12.03.2022)
7. TASS, news agency, Cypriot president: demographic changes could make Northern Cyprus fully Turkish, 2014 [Electronic source]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnayanapanorama/1099565?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com] (accessed 12.03.2022)
8. Embassy of the Republic of Cyprus in Bucharest [Electronic source]. URL:

[http://www.mfa.gov.cy/mfa/Embassies/embassy_bucharest.nsf/ecsw17_gr/ecsw17_gr?OpenDocument] (accessed 15.03.2022)

9. James Ker-Lindsay, *The Cyprus issue Problem at a time uncertainty: Creating Culture of Engagement*, Norway, 2019, p. 31–36 [Electronic source]. URL: <https://cyprus.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=11&type=publicationfile> (accessed 20.03.2022)

THE DEMOGRAPHIC SITUATION OF CYPRUS IN THE CONTEXT OF THE UNRESOLVED PROBLEM OF THE DIVIDED ISLAND

Fotopoulou A.¹

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the study of the demographic changes that have occurred in Cyprus, starting from the escalation of the Cyprus conflict till present day. The relevance of the topic is connected to the fact that the most rapid demographic changes were caused by the Cyprus conflict. The population of Cyprus for several centuries consisted of two ethnic groups: Greeks and Turks and was located throughout the island. The Turkish invasion of 1974 was the most tragic event in the modern history of Cyprus, having a devastating effect on its demographic situation. Thousands of Greek Cypriots from the occupied territories were forced to leave their homes. In parallel, the Turkish Cypriots scattered throughout the island were resettled in the occupied territory in the north as part of Ankara's policy of complete segregation of the two communities, which led to dramatic demographic changes in the northern part of the island. The author also considers the demographic changes a one of the reasons that affected and keep affecting the fate of the potential resolution of the conflict within the country.

Key words: Cyprus, Turkey, Greece, Cyprus problem, occupation, immigration, demography

СТРАТЕГИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ КАК ОСНОВНОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ

Нерсесян Н. С.¹

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

В условиях постбиполярного мира одной из стран, обеспечивающих свои внешнеполитические интересы на основе осуществления экспансионистских геополитических проектов, является Турецкая Республика. В докладе анализируются структурные составляющие государственно-геополитического курса Турции, указываются факторы, которыми обусловлен выбор в пользу именно такой внешнеполитической ориентации. Сквозь призму основных геополитических моделей проводятся случаи применения Турцией разновидностей компонентов проектных программ стратегического значения. Определяются основные страны, оказывающие активное сопротивление турецкой экспансии и выступающие её геополитическими соперниками. Сделан вывод о том, что эффективность применения экспансионистской стратегии даёт Анкаре право и впредь не отходить от тактик наступательного характера, доказавших свою жизнеспособность через показатели повышения решающей роли Турции в регионе.

Ключевые слова: Турция, геополитическая экспансия, постсоветское пространство, Сирия, Ливия, Восточное Средиземноморье

Политическая самостоятельность опирается на самостоятельность географическую — таков первый закон геополитики. Фридрих Ратцель был убеждён в том, что «...как живой организм, государство никогда не может быть совершенно привязано к мертвым границам раз и навсегда определившегося участка, а отсюда жизненными свойствами государства являются передвижения вперед или назад этих границ, несовпадение таможенных границ с политическими...»⁴⁶. Прошло ровно 125 лет с написания отцом-основателем политической географии этих слов, однако, как убедительно свидетельствует история международных отношений, такое убеждение до сих пор имеет место быть. К сегодняшнему дню многие страны, к числу которых принадлежит также Турецкая Республика, продолжают трактовать концепцию жизненного пространства как главное условие выживания и обеспечения процессов собственного устойчивого развития.

⁴⁶ Ратцель Ф. Политическая география / Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. — СПб.: Питер, 2007. — С. 24

Для Турции, как и других стран, позиционирующих себя в роли региональных держав, особым значением обладают комплексы концептуальных моделей, представляющие собой конкурентные стратегические внешнеполитические программы. Соответственная активность на международной арене ведётся в рамках трёх основных видов геополитических проектов. Первый из них, названный экспансионистским, имеет своей целью захват географических районов, представляющих собой интерес для государства не столько через военное присутствие, сколько посредством применения механизмов «мягкой силы». Более смелые шаги с целью завоевания территорий осуществляются через второй вид — военно-политические проекты. Если государство в его рамках стремится создать неподвижную геополитическую оборону интересующих ему районов, можно говорить о стационарной модели. Что касается ударно-атакующей модели, через неё страны, стремящиеся к повышению своей роли в регионе, осуществляют военно-политическую нейтрализацию или гарантированное военное уничтожение своих реальных или потенциальных геополитических противников. За освоение же этих пространств отвечает третий — *эксплуатационный вид проектов*, применяя тактики которого, государства-экспансионисты поддерживают геополитический и геоэкономический контроль над нужными территориями.

Разумеется, внешняя политика, будучи основным курсом государства в международных делах, не может ограничиваться одним лишь концептом. Наоборот, внешнеполитический курс любой страны, стремящейся к региональному лидерству, должен охватить в себе воплощение в жизнь всех трёх разновидностей геополитических проектов одновременно. Именно таким образом действует властная элита Турецкой республики при принятии важных решений касательно ключевых аспектов внешней политики. В зависимости от текущей ситуации, разработчики и исполнители внешнеполитического курса сами решают, как им быть: обеспечить проецирование всех трёх типов геополитических проектов с «одинаковой энергией», мобилизовать все ресурсы для воплощения в жизнь двух из указанных вариантов своих проектно-геополитических планов, или же концентрироваться на практическом осуществлении одной крайне важной разновидности проектных программ стратегического значения.

Каким бы ни был результат такого выбора, турецкое государство стремится позиционировать себя в качестве державы, обладающей превосходящей силой по отношению к своим геополитическим конкурентам. А в чём суть силы? Сила — это, в первую очередь, энергия,

воплощённая в действии. В контексте геополитических учений под энергией можно понимать **ценностную базу государства**, ту совокупность принципов и «законов», которой подчиняются государственные деятели, принимая то или иное решение. Такой базой для Турции выступает синтез парадигм *неопантюркизма* и *неоосманизма*, доктринальных элементов *Голубой Родины (Mavi Vatan)* и идеологии центра притяжения (*хаба*)⁴⁷. Примечательно, что внешняя политика ТР почти никогда не носила реактивный характер, наоборот, она всегда велась только по направлению чётко указанных доктринальных целей, с которыми были согласованы все шаги высшего руководства страны. А поскольку важнейшая из этих целей предполагает превращение Турции в «надрегиональную державу», военно-политическая элита страны не упускает возможность проецировать силу и потенциал влияния, что ведёт к присутствию турецкого фактора почти во всех конфликтных и кризисных зонах даже там, где ТР не принимает активное участие.

В этом ключе следует вспомнить наличие турецких военных баз в шести странах трёх континентов: в Сомали, Ливии, Турецкой Республике Кипр, Катаре, Сирии и Азербайджане. Этот факт, разумеется, имеет много противоречий с предложенной архитектором турецкой внешней политики 21-го века А. Давутоглу концепцией «Ноль проблем с соседями». Однако полное отхождение от столь миролюбивой стратегии произошел ещё в начале 2010-х гг., с началом участия Турции в **сирийском кризисе**. Экспансионистские амбиции в этом случае проявляются в стремлении Турции установить своего условного «протектората» на севере Сирии, что ей почти полностью удалось. В случае сирийского конфликта примечательно то, что Турция взяла на себя контроль как военного, так и политического измерения сирийской оппозиции, и всё это через консолидацию менее радикальных группировок и концентрацию их на территории т.н. Большого Идлиба, в чём Анкара опиралась на наличие туркоманов и на оппозиционные настроения у большого количества мусульман-суннитов.

Другим театром военно-политического присутствия Турции стала **Ливия**, где под турецким контролем находятся такие ключевые авиабазы, как «Аль-Ватия» и «Митига», что, с наличием военной инфраструктуры в Мисрате, позволяет ТР свободно оказать поддержку радикальным формированиям, проецируя свою силу. Отметим, однако, что в Ливии больше экономических выгод для Турции привлекательны геостратегические возможности. Хотя проникновение в Африку началось

⁴⁷ Аватков В. А. Неоосманизм: Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. № 3, С. 71–78

с создания военной базы в Сомали, Ливия, будучи «воротами в континент», позволяет ТР не просто укреплять там свои позиции, но и не даёт стать т.н. «аутсайдером» в Средиземноморском регионе, где Анкаре со всей откровенностью не рады Греция, Кипр, Египет и Франция. Доктринальной основой этого направления внешней политики выступает концепция «Голубой родины» (Mavi Vatan) адмирала Д. Гюрдениза, предполагающая установление турецкого доминирования в Средиземном, Эгейском и Черном морях. Последним выражением следования принципам этой доктрины является контракт между правительствами ТР и Ливии, заключенный 28 ноября 2019 г., согласно которому страны объявляются морскими соседями, что предполагает проведение морских границ Турции без учёта правовых претензий Греции⁴⁸.

Турецко-греческий конфликт, однако, не ограничивается противостоянием на морском пространстве. Нерешённость кипрского вопроса и спор вокруг Эгейских островов остаются препятствием на пути обеспечения безопасности «турецкого жизненного пространства». В виду отсутствия международно-правовых основ своих чаяний, турецким руководством применяются привычные методы агрессивного характера, не направленные на диалог и взаимопонимание, и полные традиционными для внешней политики Эрдогана историческими пассажами. На сегодняшний день ТР не только позиционирует себя в качестве защитника интересов Северного Кипра, имея там самую большую их своих военных баз (32 000 чел.), но и пытается блокировать доступ Греции к восточно-средиземным ресурсам, осуществляя односторонние работы на спорных участках⁴⁹.

Ещё одним мнимым протекторатом в внешнеполитических кругах ТР считаются **страны постсоветского пространства**, где ещё со времён идейно-политического вакуума 90-х годов прошлого столетия планомерно чередуются различные инструменты влияния мягкой силы, что, однако, отнюдь не исключает откровенно наступательные военно-политические методы установления контроля над куском «жизненно важной» территории для Турции. Хотя экспансионистские амбиции по отношению к региону никогда не утихали, новый размах они получили

⁴⁸ Асальюглу А. Меморандум о сотрудничестве Турции с Ливией и накал страстей в Восточном Средиземноморье / РСМД. 2020. 09.01 . [электронный ресурс] // Режим доступа:

<https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/memorandum-o-sotrudnichestve-turtsii-s-liviey-i-nakal-strastey-v-vostochnom-sredizemnomore/> (Дата обращения: 24.03.2022)

⁴⁹ ERDOĞAN A. The Legal and Political Dimensions of the Eastern Mediterranean Crisis: What Is at Stake? / Insight Turkey, Vol. 23, No. 1 (WINTER2021), pp. 77–98

осенью 2020 г. в связи с актуализацией Нагорно-карабахского конфликта, результатом чего стало создание совместного российско-турецкого мониторингового центра в Агдамском районе и временное оттеснение минской группы ОБСЕ⁵⁰. Деятельность центра позволит Анкаре нарастить свое военное присутствие на Южном Кавказе, что фактически означает начало нового этапа геополитического проникновения Турции в регион.

Нельзя не отметить такое важное составляющее применения на практике принципов военно-политических проектов, каковым является **углубление сугубо военного сотрудничества** с теми странами, которые: а) представляют непосредственный интерес для государства-экспансиониста, и б) могут стать потенциальными союзниками во время более решительных действий и операций. Двусторонние контакты со странами региона в последние годы вышли на новый уровень и превратились в попытки создания общетюркского военного альянса, располагающегося единой армией вооружённых сил стран-участник союза. Прототипом такого рода альянса можно считать «Организацию евразийских военных правоохранительных органов» (ТАКМ), состоящую из представителей Турции, Азербайджана, Киргизии и Монголии⁵¹. Имея своей целью укрепление союзнических связей военных органов стран-участников, организация отнюдь не скрывает стремление превращения в платформу для обмена опытом между силовыми структурами, согласования принимаемых решений по ключевым вопросам, а также для коммуникации между главными оборонными ведомствами.

Проводя вышеизложенное через призму разнообразия геополитических концептов, можно сделать вывод о том, что **военно-политический вид проектов** не просто присутствует в арсенале программ внешне-политической стратегии Турции, но и направлен на решение наиболее важных задач в этой арене. К тому же, если ситуацию в Греции, где поддержание неподвижной геополитической обороны имеет наивысшее значение, можно объяснять применением *стационарной модели*, то вовлеченность вооружённых сил ТР в процесс решения конфликтов в Сирии, Ираке, Ливии и Южном Кавказе имеет явные черты *ударно-атакующей модели* военно-политических проектов.

⁵⁰ Алиев сообщил о создании центра мониторинга России и Турции в Агдаме // РБК. 2020. 12.12. [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fd525d09a79471f77ab4ea6> (Дата обращения: 22.03.2022)

⁵¹ “Türk dünyasından ortak askeri birlik” / Anadolu Agency. 2013–01–28. [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turk-dunyasindan-ortak-askeri-birik/280544> (Дата обращения: 26.03.2022)

Если в вопросе Сирии и Ирака некое государство-экспансионист в какой-то мере может себе позволить применить военно-политические методы достижения целей, в случае взаимоотношений с такими странами, как Россия, Китай, тюркские государства постсоветского пространства, такое поведение может обернуться бедами. От этого, однако, энергия и сила, воплощённые в ценностно-идейной базе фактически господствующих в турецкой внешнеполитической арене доктрин, никуда не денутся. Они есть, и ждут своего часа выйти на свет с соответствующими актами. А пока в отношении этих стран временно применяется **второй вид геополитических проектов-экспансионистский.**

В современных реалиях «завоевание» различных пространственно-географических районов осуществляется в большей степени путём применения одного из мощнейших и действенных форм установления политической власти— тактики публичной дипломатии. Первым инструментом новой политики «мягкой силы» была выбрана культурно-образовательная активность, которая регулируется прямо из Анкары через три ключевые государственные учреждения: Агентство тюркского сотрудничества и развития (Türkiye İşbirliği ve Kalkınma İdaresi—ТІКА), «Культурные центры Юнус Эмре» и Управление по делам религии⁵². Разного рода культурные, религиозные, образовательные и языковые центры, созданные ими в странах тюркского мира, субъектах РФ с тюркоговорящим населением и в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая, ориентированы на представление Турции в образе «колыбели цивилизаций», способствуя при этом продвижению идей неопантюризма посредством распространения турецкого языка и культуры. Стратегической же целью такого рода цивилизационной политики на различных уровнях выступает усиление в правящих кругах этих стран протурецкого лобби, обеспечивающего реализацию диктованных из Анкары конкретных шагов.

Что касается **третьего-эксплуатационного вида геополитических проектов**, он играет свою весомую роль, в первую очередь, в деле укрепления захваченных зон влияния. В рамках этого проекта Турция «жонглирует» имеющимися в ее распоряжении ресурсами, с экономической точки зрения осваивая те пространственно-географические районы мира, где удалось благодаря военно-политическим и экспансионистским стратегиям обеспечить своё присутствие. Поддержанию геоэкономического контроля направлены крупные инвестиции Турции в страны-участницы Тюркского совета, сотрудничество в Ливии с Пра-

⁵² Саримсоков З. Тюркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. № 7. С. 613.

вительством национального согласия (ПНС), требование передачи в их руки города Сирт и крупнейших нефтяных месторождений страны, обеспечение поставки энергоносителей из стран Центральной Азии на европейский рынок через своеобразный транспортный коридор и многое другое⁵³. Именно геоэкономическая эксплуатация зон влияния, в отличие от военной и культурно-образовательной экспансии, поистине выполняет функцию создания дополнительного жизненного пространства для ТР, что связано с финансово-валютными и экономическими проблемами внутри страны.

* * *

Анализ основных трендов позиционирования Турецкой Республики на мировой арене приводит к тому выводу, что на сегодняшний день основным внешнеполитическим ориентиром для страны выступает не один отдельный проект, а сбалансированная модель разных геополитических стратегий. В её рамках планомерно чередуются использование откровенно наступательных военно-политических методов, дифференцированных гуманитарных инструментов влияния «мягкой силы» и экономического освоения представляющих интерес регионов.

В выбранном внешнеполитическом курсе Турции больше всего наблюдаются следы неоосманской и неопантюркистской доктрин, однако это отнюдь не означает, что политика страны направлена на восстановление Османской империи или создание тюркского государства Туран. В ТР отчётливо понимают невозможность исполнения таких масштабных целей. Поэтому, идеологически оставаясь верной вышеупомянутым доктринам, внешнеполитическая верхушка страны направляет свои усилия на расширение зоны влияния Турции в регионе и создание туркоцентричной подсистемы международных отношений, в первую очередь для удовлетворения собственных имперских амбиций. Что не учитывает руководство страны, так это то, что потенциальных врагов в пространствах, признанных им «жизненно важными», больше, чем союзников. Закономерным последствием такой наступательной линии внешней политики становится постепенное складывание своего рода антитурецкого блока, состоящего из таких стран, как Египет, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Армения, Греция, Франция, Израиль и Индия. Некоторые из них рассматриваются Турцией объектами для своей дальнейшей экспансии, другие же выступают конкурентами в гоночном заезде, названном геополитикой.

⁵³ Игнатова В. С. Турция как геополитический фактор в регионе центральной Азии и Южного Кавказа / Научно-практические исследования. — № 2. — 2020. — С. 37–40

Чем закончится попытка Эрдогана превратить Турцию в наиболее влиятельного игрока на шахматной доске мировой политики, станет ясно в ближайшие годы. Однако, несмотря на то, что первые камни основания возможного антитурецкого альянса уже наложены, сценарий объединения стран с настолько разными интересами против ТР кажется маловероятным. Многочисленные экономические узлы, связывающие их с Турцией, завязят руки властям ОАЭ, Франции, Израиля и Индии. Однако в случае Греции, Армении, России, Египта и Саудовской Аравии острота геополитических вопросов превышает любые экономические интересы в виду того, что они аналогичным образом нуждаются в буферных зонах для поддержания стабильности в собственных пространствах «жизненной важности». Но и это не остановит преемнику былой империи. Учитывая соответствие результатов применения наступательных тактик целям превращения страны в «надрегиональную державу», у Анкары нет веских причин отказаться от исследуемых моделей геополитических стратегий, неоднократно доказавших свою жизнеспособность. Как гласит турецкая пословица, «один ест, другой смотрит — оттого и драка», а Турецкой Республике, сколько бы она не скрывалась под миролюбивыми лозунгами, не хочется выступать в роли того, кто лишь «смотрит».

Список источников и литературы

1. Ратцель Ф. Политическая география / Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. — СПб.: Питер, 2007. — С. 24
2. Аватков В. А. Неоосманизм: Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. № 3, С. 71–78
3. Асалыоглу А. Меморандум о сотрудничестве Турции с Ливией и накал страстей в Восточном Средиземноморье / РСМД. 2020. 09.01. [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/memorandum-o-sotrudnichestve-turtsii-s-liviey-i-nakal-strastey-v-vostochnom-sredizemnomore/> (Дата обращения: 24.03.2022)
4. ERDOĞANA. The Legal and Political Dimensions of the Eastern Mediterranean Crisis: What Is at Stake? / Insight Turkey, Vol. 23, No. 1 (WINTER2021), pp. 77–98
5. Алиев сообщил о создании центра мониторинга России и Турции в Агдаме // РБК. 2020. 12.12. [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fd525d09a79471f77ab4ea6> (Дата обращения: 22.03.2022)
6. “Türk dünyasından ortak askeri birlik” / Anadolu Agency. 2013–01–28. [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turk-dunyasindan-ortak-askeri-birlik/280544> (Дата обращения: 26.03.2022)

7. Саримсоков З. Тюркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. № 7. С. 613.
8. Игнатова В.С. Турция как геополитический фактор в регионе центральной Азии и Южного Кавказа / Научно-практические исследования. — № 2. — 2020. — С. 37–40

STRATEGY OF GEOPOLITICAL EXPANSION AS THE MAIN FOREIGN POLICY BENCHMARK OF TURKEY IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

Nersesyan N. S. ¹

¹Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russian Federation

In the post-bipolar world, the Republic of Turkey is one of the countries that ensure their foreign policy interests through the implementation of expansionist geopolitical projects. The article analyzes the structural components of the state-geopolitical course of Turkey indicating the factors that determine the choice in favor of such a foreign policy orientation. Typical cases of Turkey's foreign policy acts among three continents are conducted through the prism of the main types of geopolitical models. The main countries that actively resist Turkish expansion and act as geopolitical rivals of the state are identified. It is concluded that the effectiveness of the expansionist strategy gives Ankara the right to continue not to deviate from attacking tactics that have proven their viability through indicators of increasing Turkey's decisive role in the region.

Key words: Turkey, geopolitical expansion, post-Soviet space, Syria, Libya, Eastern Mediterranean

Историческая память как основа региональной идентичности: места памяти Вышеградской четвёрки

Попов Д. И.¹

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Настоящее исследование посвящено рассмотрению мест памяти, общих для нескольких государств, подкрепляющих их сотрудничество и интеграцию, формирующих регион как единое геополитическое пространство. Целью данного исследования является определение мест памяти, общих для Вышеградской четвёрки, которые могли бы подкрепить их общерегиональную идентичность для построения более тесного формата сотрудничества. В качестве методов исследования в данной работе используются идеи П. Нора о связи между коллективной памятью и национальным самосознанием, т. е. развитие мысли М. Хальбвакса о коллективной памяти как феномене, относящемся к конкретной группе и характеризующем данную группу как единое целое. В нашем случае группой выступает регион — Вышеградская четвёрка. В результате исследования было выявлено, что существует достаточно большое число образов, от христианизации до общей истории XX века, которые могли бы использоваться для конструирования Вышеградской идентичности, но эти кажущиеся бесспорно общими места памяти всё-таки включают определённые исключения для каждой из стран.

Ключевые слова: Вышеградская четвёрка, Историческая память, Места памяти, Пьер Нора, региональная идентичность, Центрально-Восточная Европа

Введение

Идеи французского исследователя Пьера Нора, использованные им в проекте о местах памяти во Франции [1], к настоящему моменту стали основой для многих других исследований, связанных с проблемами исторической памяти. Можно вспомнить проект о российских местах памяти, также осуществлённый французскими учёными [2], или работу их немецких коллег о местах памяти немецкой демократии [3], а также конкретное рассмотрение образа Александра Невского как места памяти для русского народа [4].

Вместе с тем, на наш взгляд, особый интерес может представлять не только интерпретация идеи П. Нора на примере различных национальных государств, но и их переложение на другие уровни. С одной

стороны, на местном уровне можно аналогично проследить значение подобных образов для отдельно взятой провинции, города или даже небольшой деревни, что во многом повторяет задачу П. Нора, хотя здесь может возникнуть трудность разграничения мест памяти, исключительных для данной области или населённого пункта, от общенациональных образов. С другой стороны, несколько более сложным, но вместе с тем более интересным представляется проект о местах памяти, общих для нескольких государств. В данном случае места памяти становятся основой уже не национальной или местной, а региональной идентичности, подкрепляют их сотрудничество и интеграцию, формирующую регион как единое геополитическое пространство. Безусловно, удачным примером последнего могут служить наиболее успешные интеграционные группировки, такие как Северная Европа, Европейский Союз или даже Европа в целом, попытки рассмотрения чего уже предпринимались [5].

В нашем исследовании мы попробуем рассмотреть места памяти относительно новой и ещё слабо оформленной в институциональном смысле Вышеградской группы. Это объединение Польши, Чехии, Словакии и Венгрии берёт своё начало со времён политической трансформации конца 1980-х — начала 1990-х гг. и к настоящему моменту стало важной частью не только региональных, но и общеевропейских процессов, поскольку объединённый голос Вышеградской четвёрки слышится всё более часто по многим вопросам.

Итак, целью настоящего исследования является определение мест памяти, общих для стран Вышеградской четвёрки, которые могли бы подкрепить их общерегиональную идентичность для построения более тесного формата сотрудничества. Для её достижения мы рассмотрим, какие образы и символы прошлых эпох оказываются не только общими для всех четырёх стран, но и одинаково значимыми для них, способствуют их оформлению в единое целое, а не напоминают о прошлых раздорах.

В качестве методов исследования в данной работе используются идеи П. Нора о связи между коллективной памятью и национальным самосознанием [1], т.е. развитие мысли М. Хальбвакса о коллективной памяти как феномене, относящемся к конкретной группе и характеризующем данную группу как единое целое [6]. В нашем случае группой выступает не нация, а регион — Вышеградская четвёрка. Определённую методологическую трудность создаёт изначальное отсутствие у П. Нора чёткого определения «места памяти», однако, во-первых, в работе существует их метафоричное сравнение с «остатками» [1, с. 26], т.е. тем, что осталось от коллективной памяти некогда существовавшей группы, но

в то же время сохраняет большую значимость для современного национального или в нашем случае регионального строительства. Во-вторых, местом памяти сам П. Нора уже в конце своего исследования назвал «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности» [1, с. 79]. Местом памяти, таким образом, может стать и географический объект, и нематериальные образы, значимая точка, узел истории, определяющие групповое единство, но не раскалывающие общество события, такие как гражданские войны или религиозные конфликты. Так, для нас будет важным выявить определённые исторические события и связанные с ними объекты, образы которых могли бы использоваться или уже используются для формирования «вышеградской» идентичности.

Вышеградская декларация и Вышеград как основные образы региональной идентичности

Прежде всего, наиболее реальным и активнее всего используемым образом прошлого, который можно считать основополагающим для Вышеградской четвёрки, является сама Вышеградская декларация и её подписание 15 февраля 1991 года [7]. Именно её тридцатилетие в 2021 году стало значимым мероприятием, направленным на сплочение четырёх стран, подчёркивание их единства и особенного положения в Европе. На наш взгляд, именно подписание декларации становится основой не только прощания с коммунистическим прошлым, олицетворения политической и экономической трансформации, распада социалистического блока, а точкой отсчёта нового этапа в развитии всех Вышеградских стран, которые, таким образом, чётко показали свою принадлежность к западному миру, решимость вступить в европейские сообщества.

С другой стороны, трудность этого места памяти заключается в том, что он был подписан лишь тремя государствами — Польшей, Венгрией и ещё единой Чехословакией, т.е. формально Словакия связана с этим событием опосредованно. Вместе с тем распад Чехословакии произошёл без конфликтов, и для Словакии, остающейся важнейшим участником формата сотрудничества, может быть вполне достаточно того, что её представляли федеральные власти уже демократической и построенной на равных принципах Чехословакии (тогда она называлась «Чешская и Словацкая Федеративная Республика» [8, с. 332]). Однако отметим, что во время празднования 30-летия Вышеградской декларации именно словацкий премьер-министр Игорь Матович наиболее активно

на своих страницах в социальных сетях публиковал поздравления [9], что может говорить о важности закрепления за Словакией этого места памяти, которое для остальных трёх стран более очевидно.

Конечно, сам венгерский город Вышеград как место памяти сочетает в себе память не только о событиях 1991 года, но и о средневековой истории. Именно в этом городе в XIV в. проходили встречи монархов центральноевропейских королевств—Чехии, Польши и Венгрии [10], современных участников четвёрки. На встречах короли совместно обсуждали важные региональные события и продумывали возможность единого отношения к ним, что можно считать неким прообразом нынешних платформ кооперации. Именно данная история и вдохновила подписание декларации 1991 года в этом городе, ставшем, таким образом, двойным местом памяти.

Вместе с тем здесь опять же мы явно видим общую идентичность лишь трёх стран без Словакии, окончательно ставшей независимым государством лишь в конце XX века. Кроме того, в отличие от декларации 1991 года, когда словаки были представлены руководством Чешской и Словацкой Республики, в Позднее средневековье словацкий народ был полностью подчинён Венгрии [11, с. 196], поэтому обращение к событиям тех лет может служить напоминанием о венгерском притеснении словаков и последующих конфликтах, что, как мы понимаем, не служит формированию единой идентичности. Кроме того, нельзя считать XIV век временем наиболее тёплых отношений между странами: в начале столетия чешские короли претендовали на польский и венгерский престол, а в 1370–1382 гг. Польша и Венгрия оказались под властью венгерского короля Людовика Великого, что также может рождать определённые споры. Вместе с тем, именно встречи в Вышеграде 1330-х гг. олицетворяют для каждого из государств времена их определённого расцвета, правления выдающихся деятелей—Яна I Чешского, Карла Роберта Венгерского и Казимира III Польского—которые и решали появившиеся проблемы мирным путём, что стало основой для процветания стран в середине столетия [11, с. 132].

В целом во время празднования 30-летия Вышеградского сотрудничества символами каждой из стран стали средневековые крепости, «грады»—в Праге, Братиславе, Кракове и уже упомянутом Вышеграде [12], и именно Краковский Вавель стал местом юбилейной встречи премьер-министров [12]. Наличие подобных сооружений, объектов культурного наследия также может роднить страны, причём само название Вышеград относится и к району Праги, что тоже подчёркивает транснациональный характер этого символа.

Христианские образы как места памяти Вышеградской четвёрки

Если говорить о других средневековых образах, то все Вышеградские государства являются христианскими и прежде всего католическими странами, так что обращение к теме их христианизации, Крещения, и в целом религиозным праздникам может служить основой для формирования идентичности. Так, в каждой из стран выходными считаются дни, связанные с Праздником Пасхи, Рождеством, Днём Всех Святых (за исключением Чехии), отмечается культ не только основателей, но и крестителей (Кирилл и Мефодий для чехов и словаков, Иштван Великий для венгров). К ним же обращались в официальных заявлениях о Вышеградской четвёрке [13]. Также можно найти примеры католических святых, одинаково почитаемых во всех Вышеградских стран, одним из которых является Ян Непомуцкий [14].

Таким образом, Христианство и Крещение народов как место памяти использовать можно, однако у каждого из народов приобщение к христианству шло по-разному [11, с. 45]. Затем сейчас религиозность населения четырёх стран также различна: например, поляки сохраняют католические традиции поляков, а чехи равнодушны к вопросам религии. Кроме того, нельзя говорить о том, что все Вышеградские республики остаются полностью католическими: если так можно характеризовать Польшу, то в Венгрии сохраняются значительные протестантские общины, а в Чехии и Словакии можно найти достаточное число приверженцев Православной веры. С другой стороны, каждую из стран в большей или меньшей степени затронула Реформация, поэтому опыт сосуществования католической и протестантских церквей можно считать относительно общим для Вышеградских народов, хотя опять же в каждой из стран существовали свои тенденции [15].

Образы держав Ягеллонов и Габсбургов в региональной идентичности Вышеграда

Если мы будем говорить о временах действительной политической общности нынешних Вышеградских стран, то впервые они были объединены династией Ягеллонов, представители которой на рубеже XV–XVI вв., правили всеми этими землями: когда Владислав II Ягеллон правил Чехией и Венгрией, Польшей правил сначала один его брат Ян Ольбрахт, а затем другой — Сигизмунд. Хотя единого государства и даже общей польско-чешско-венгерской унии тогда не сложилось, тем не менее принято говорить о «державе Ягеллонов» как о едином поли-

тическом пространстве в противовес нарождавшейся империи Габсбургов [11, с. 142], причём построенном на равной основе, что особенно важно для современной идентичности Вышеградской четвёрки.

Однако в то же время Держава Ягеллонов была гораздо более обширная, нежели современная Вышеградская четвёрка — ещё один брат Владислава II, Ян Ольбрахта и Сигизмунда — Александр — правил в Великом Княжестве Литовском. Также, несмотря на действительно имевшееся согласие между представителями династии по ряду вопросов, между братьями постоянно случались ссоры, при появлении угроз ни один из них не помогал другому. Так, Александр в Литве самостоятельно боролся с Московией, Ян Ольбрахт один организовывал поход в Молдавию, а когда сын Владислава — Людовик II — был вынужден сражаться с турками, он также остался один и трагически погиб в битве при Мохаче в 1526 г. [11, с. 147] Таким образом, на наш взгляд, подчёркивать единство вышеградских народов обращение к династии Ягеллонов вряд ли можно, тем более что она имеет большую значимость для совместной польско-литовской идентичности, коммемораций о создании Речи Посполитой, где вклад Ягеллонов будет неоспорим.

Похожее противоречие мы найдём при обращении к истории Империи Габсбургов как общему месту памяти для вышеградцев. Действительно, к началу XIX в. и венгерский, и чешский, и словацкий, и частично польский народы оказались в составе Австрийской империи. И изначально их положение действительно можно считать одинаково подчинённым немцам, но с достаточной долей автономии, хотя опять же степень самостоятельности и конфликтности с центральными властями была разной [11, с. 450]. Она ещё больше усугубилась с 1867 г., после провозглашения дуалистической Австро-Венгрии, когда венгры получают особое положение, а остальные вышеградские народы остаются с тем же статусом. Однако и положение других народов нельзя считать равным: во-первых, поляки и чехи оказываются на австрийской части империи, тогда как словаки — на венгерской, причём последним не только не предоставляется какая-либо автономия, но и отдельным народом в составе империи они не считаются, оставаясь под угрозой мадьяризации. Разная судьба и у чехов с поляками: если отношения поляков с Веной строилось на конструктивном диалоге, именно в Австро-Венгрии поляки жили на заметно более самостоятельных условиях, нежели в России или Германии, а именно к концу XIX в. чехи начинают требовать о расширении своих прав и их конфликт с немцами по языковому вопросу достигает кульминации. Тем не менее, во многих странах бывшей Австро-Венгрии можно заметить ностальгию по

имперским временам как эпохе проживания в едином государстве, без взаимных конфликтов и к тому же периоду становления национального самосознания [16, с. 13], хотя если для чехов или венгров он более характерен, то для поляков это не столь заметная часть их истории.

Места памяти Вышеграда XX столетия

Безусловно, особую роль для всех народов Вышеграда сыграла Первая Мировая война, по итогам которой Польша, Венгрия и Чехословакия как государство чехов и словаков окончательно приобрели независимость, т.е. Восточная Европа сформировалась как обособленный политический регион, так что Парижская конференция, Версаль, Версальский, Сен-Жерменский и Трианонские договоры, заложившие основы Версальско-Вашингтонской системы, оказываются одинаково значимой для каждой из Вышеградских стран [17]. Однако не стоит забывать, что для венгров эти события стали трагедией, именно на Межвоенный период приходится время конфликтов между странами [18], кульминацией которого стало участие Венгрии и Польше в Мюнхенском сговоре и разделе Чехословакии. С другой стороны, несмотря на этот опыт и различное политическое развитие всех стран, всё-таки существовали идеи единства всех восточноевропейских народов, наиболее известной из которых стал проект Юзефа Пилсудского «Междуморье» (хотя он, в первую очередь, был направлен на особое место в нём Польши и включение в эту конфедерацию народов бывшей Российской империи), так что эти образы можно также трактовать как общие места памяти. С другой стороны, для Венгрии и Чехословакии в тот период более важными могут быть фигуры Миклоша Хорти и Томаша Гаррига Масарика как отцов наций.

Вторая Мировая война, безусловно, затронуло все Вышеградские страны, но их роль в этом конфликте была разной: чехи и поляки могут справедливо считаться одними из первых жертв нацизма, хотя трагизм положения и сопротивление последних был гораздо более глубокий; словаки, наоборот, формально впервые получили независимость, но стали полностью подчинены Германии, хотя в коллаборационистскому режиму Й. Тисо активно сопротивлялись; венгры же были самостоятельным союзником Гитлера, хотя в конце концов также были оккупированы. Зато после окончания войны каждая из стран вошла в социалистический лагерь, так что в 1945–1989 гг. все Вышеградские страны действительно оказались в одном идеологическом пространстве и в одинаковом подчинённом положении [19, с. 86].

Конечно, образ СЭВ и ОВД как общего места памяти было бы удоб-

нее всего использовать, однако нынешние государства выстраивают свою идентичность на противопоставлении себя своему же коммунистическому прошлому. В таком случае, более удачным видится обращение к истории этого времени как общей трагедии народов Вышеграда, каждый из которых определённо пострадал от коммунистических репрессий, организовывал сопротивления, что находило отражение, например, в эссе М. Кундеры «Трагедия Центральной Европы» [20]. Сам термин «Центральная Европа» тогда активно стал использоваться как в Польше, так и в Чехословакии и Венгрии, чтобы подчеркнуть свою культурную связь с Западом, а не Россией. Впоследствии место памяти «Центральная Европа» стало дополняться идеей «Центрально-Восточной Европы» (часть Западного мира, но обособленная как от России, так и от Германии) и институционально оформляться — при Люблинском университете создаётся Институт Центрально-Восточной Европы [21, с. 158], занимающийся в том числе выпуском научных трудов по её проблемам, главным из которых стала «История Центрально-Восточной Европы», которая сама по себе может стать местом памяти Вышеградских стран, поскольку именно их истории и посвящена книга [11]. Наконец, сходный путь «бархатной революции», без серьёзных потрясений прошла каждая из Вышеградских республик, что качественно отличает её как от постсоветского пространства, где определённые кровавые конфликты до сих пор сохраняются, так и от Румынии и особенно Югославии.

Действительно, к теме общего трагического прошлого, страданий от коммунистического режима и борьбы с ним, обращались при праздновании 30-летия. С другой стороны, говорить о совершенно едином положении каждой из стран в соцлагере всё-таки не совсем справедливо (в разной степени их режимы были свободными и национально ориентированными, поэтому разное отношение до сих пор наблюдается к его деятелям), а их борьба с коммунизмом не была совместна, как и происходящая трансформация конца 1980-х гг. Именно встреча в Вышеграде 1991 г. точно показала настрой их политических элит идти общим путём.

Наконец, важнейшей частью региональной идентичности стала, конечно, реализация планов Вышеградских стран войти в западные интеграционные структуры. Все они стали членами ЕС и НАТО, однако если в ЕС действительно все страны вошли одновременно, поэтому день 1 мая 2004 года, Афинский договор о присоединении 2003 года одинаково для них важен, то путь в НАТО у них был разный: Польша, Чехия и Венгрия вошли в альянс в 1999 году, а Словакия — в 2004 году

[22], и у этой страны до сих пор сохраняется достаточно противоречивое основание к членству в этой организации.

Заключение

Итак, в результате нашего исследования было выявлено, что существует достаточно большое число образов, которые могли бы использоваться для конструирования Вышеградской идентичности. Эти образы можно найти в разных исторических периодах, начиная от христианизации всех четырёх стран и заканчивая трагической истории XX века, образ которой, как мы считаем, и может стать основой для Вышеградской общности.

Вместе с тем даже кажущиеся бесспорно общими места памяти всё-таки включают определённые исключения для каждой из Вышеградских стран, история которых шла своим особым путём, что особенно характерно для молодой Словацкой Республики [18]. Кроме того, помимо отмеченных нами событий, говорящих о единстве народов, существует множество примеров конфликтов между ними. В то же время это наличие разнообразных исключений и конфликтов между странами в прошлые эпохи всё-таки может служить формированию современной идентичности для противопоставления периодов вражды современному периоду дружбы и сотрудничества. Собственное прошлое Вышеградской четвёрки может стать для неё неким Другим, как для ЕС таким Другим стала история довоенной Европы.

Конечно, оказывается трудно подойти к местам памяти Вышеградской группы так широко, как это делал П. Нора. Действительно, каких-то личностей, городов, институций, общих для всех четырёх стран, найти не просто, а исторические события и связанные с ними географические места и персоналии также оказываются противоречивыми. Символика Вышеградской четвёрки ещё лишь разрабатывается, а создаваемые эмблемы носят временный характер, который зависит от времени председательства каждой из стран в группе, да и мало ассоциируются с форматом сотрудничества среди его граждан. Единственное, можно говорить о некоей важности сходных цветов на флагах государств — всего на флагах 4 стран присутствуют только 4 цвета — белый, красный, синий и зелёный, хотя их структура на флагах различна, и все эти цвета не используются в официальной вышеградской эмблеме [12].

Другой проблемой может считаться то, что отмеченные нами места памяти часто относятся не только к Вышеградской четвёрки, могут стать основой более широкой региональной идентичности Центрально-Восточной Европы, пространства между Балтийским, Адриатиче-

ским и Чёрным морем, что и в смысле современной кооперации является одной из альтернатив Вышеградскому формату. В итоге получается, что на практике использование мест памяти для подкрепления исключительно Вышеградского сотрудничества остаётся очень ограниченным. В социальных сетях и сайтах, посвящённых Вышеградской четвёрке, происходит обращение лишь к событию 15 февраля 1991 года, которое остаётся единственным активно используемым образом прошлого [12], действительно «останком» от времени правления национал-демократических лидеров—Л. Валенсы, В. Гавела и Й. Анталла. С другой стороны, Вышеград как место памяти включает и образ встреч XIV века, и некое обобщение богатой истории каждой из стран, но и в данном случае государства выступают скорее самостоятельными участниками сотрудничества, без построения единого вышеградского пространства. И действительно, на данный момент это и соответствует образу Вышеградской четвёрки как объединению независимых государств, сотрудничающих исходя из своих национальных интересов. Так, чаще обращается внимание на схожесть взглядов по современной повестке, взаимную выгоду от сотрудничества, а какие-то исторические и культурные основы для региональной идентичности ещё не продумываются. Однако, на наш взгляд, и этот задуманный формат предполагает создание определённых образов, мест памяти, которые бы отличие Вышеградскую четвёрку от других европейских стран и окончательно подчеркнули их общую позицию в Европейском Союзе.

Список источников и литературы

1. Франция—память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
2. «Урочище Русской Памяти». Профессор Жорж Нива о своём новом культурологическом проекте // Град Петров. URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/urochishhe-russkoj-pamyati/> (дата обращения: 3.12.2021)
3. Orte der Demokratieggeschichte. URL: <https://www.demokratie-geschichte.de/> (дата обращения: 3.12.2021)
4. Шенк Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
5. Boer P. den. Loci memoriae—Lieux de memoire // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 19–25.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
7. Visegrad Declaration 1991 // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.>

- eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412 (дата обращения: 3.12.2021)
8. Марьина В. В. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 2. М.: Наука, 2005. 558 с.
 9. Igor Matovic // Twitter. URL: https://twitter.com/i_matovic (дата обращения: 3.12.2021)
 10. Rácz G. The Congress of Visegrád // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/congress-of-visegrad/gyorgy-racz-the-congress> (дата обращения: 3.05.2021)
 11. История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. 1120 с.
 12. V4 PRESIDENCY // Twitter. URL: https://twitter.com/V4_PRES (дата обращения: 3.12.2021)
 13. President Andrzej Duda's address at the plenary session // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2021/30th-anniversary-of-the> (дата обращения: 3.12.2021)
 14. Dostatni T. St. John of Nepomuk, the Icon of Central and Eastern Europe // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/the-visegrad-book/dostatni-tomasz-st-john> (дата обращения: 3.05.2021)
 15. Попов Д. И. Инициатива «Триморье»: культурно-цивилизационный аспект // Межкультурный диалог в современном мире: материалы VIII конференции с международным участием. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 125–129.
 16. Шарый А., Шимов Я. Австро-Венгрия: судьба империи М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. 448 с.
 17. Межевич Н. М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. № 1. С. 26–47.
 18. Terenzani M. A common but contentious history // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/other-articles/common-but-contentious> (дата обращения: 3.05.2021)
 19. Шимов Я. В. Междуморье: пространство судьбы // Историческая экспертиза. 2019. № 3. С. 79–98.
 20. Кундера М. Трагедия Центральной Европы // The National Security Archive. URL: [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20\(170-191\).pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20(170-191).pdf) (дата обращения: 3.05.2021)
 21. Михайленко В. И., Довжик Н. Р. Восточное партнёрство и польские концепции реформирования Центрально-Восточной Европы // Известия Уральского Федерального Университета. Общественные науки. 2017. № 3. С. 153–164.
 22. Kwaśniewski A. A History of Common Success // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/the-visegrad-book/kwasniewski-aleksander> (дата обращения: 3.05.2021)

HISTORICAL MEMORY AS THE BASIS OF REGIONAL IDENTITY: LIEUX DE MÉMOIRE OF THE VISEGRÁD FOUR

Popov D.I.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

This study deals with the consideration of Lieux de Mémoire which are common to several states, becoming the basis of regional identity, forming the region as a single geopolitical space. The purpose of this study is to identify Lieux de Mémoire of the whole Visegrád Four, which could reinforce their region-wide identity in order to build a closer format of cooperation. The research methods used in this work are P. Nora's ideas about the relationship between collective memory and national identity, i. e. the development of M. Halbwachs' thought about collective memory as a phenomenon related to a specific group and characterizing this group as a whole. In our case, the group is a region—the Visegrád Four. As a result of our research, it was revealed that there are quite a large number of images from the Christianization to XX century history that could be used to construct the Visegrád identity but these common Lieux de Mémoire include certain exceptions for each of the countries.

Key words: Visegrád Four, Historical Memory, Lieux de Mémoire, Pierre Nora, Regional Identity, East Central Europe

Секция 7
ГЕОУРБАНИСТИКА:
СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-
ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 330.341; 314; 332.1; 912.4

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ВЫЗОВЫ УРБАНИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ**

Альжанова Ф.Г.¹, Сатыбалдин А.А.¹, Алибекова Г.Ж.¹

¹Институт экономики КН МОН РК,
Алматы, Казахстан

В статье рассматриваются основные тенденции и социально-экономические проблемы урбанизации в Казахстане, проблемы демографического развития городов, особенности миграции и естественного роста населения городов Казахстана. Отмечается неравномерный характер урбанизации, быстрый рост крупнейших городов наряду со снижением экономического и социального потенциала средних, малых городах, обострение социальной напряженности в крупных городах.

Статья подготовлена в рамках программы BR10965247 «Исследование факторов, особенностей и динамики демографических процессов, миграции, урбанизации в Казахстане, разработка цифровых карт и прогнозов». Источник финансирования — Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Ключевые слова: урбанизация, город, демография города, социальное развитие, социальная устойчивость.

Введение

Развитие процессов урбанизации в мире называют важнейшим современным демографическим трендом. Как известно урбанизация представляет собой процесс увеличения доли городского населения, повышения политической и экономической роли городов. Этот процесс складывается в результате действия трех факторов: естественного прироста населения на городских территориях; миграционного прироста населения, как правило происходящего за счет миграции из сельских территорий в город и международной миграции; прироста населения за счет административно-территориальных преобразований, связанных с расширением городских территорий в результате или преобразования сельских поселений

в городские поселения [1]. В большинстве стран мира существует устойчивая тенденция к урбанизации в результате индустриализации и постиндустриализации. Процессы урбанизации в Казахстане набирают темпы, при этом происходят неравномерно, формируя сложную картину социально-экономических и демографических проблем.

Основная часть

Динамика урбанизации в мире проявляется в следующих основных тенденциях развития городских систем: развитии процессов урбанизации населения во всех странах; различии в уровне урбанизации между странами и регионами мира; росте населения и числа крупных (крупнейших) городов и городских агломераций; усилении концентрации населения в крупнейших городах и агломерациях; развитии процессов субурбанизации или развития пригородных зон крупных городов и миграции населения в пригородную зону вследствие чрезмерной концентрации населения и всех видов деятельности, приводящих к ухудшению условий проживания, в том числе экологической обстановки; джентрификации, то есть процессе возрождения центральных частей городов, реконструкция отдельных кварталов городов.

Городская система Казахстана включает 5 уровней городов. Из 88 городов, 3 города-мегаполиса республиканского значения (37,6% городского населения), 1 город (г. Байконур) с особым статусом (39,1 тыс. чел.); 14 областных центров с населением от 145,0 до 500,0 тыс. чел. (36,8% городского населения); 23 города областного подчинения с населением от 6,7 до 323,1 тыс.чел. (14% городского населения); 43 районных центра с населением от 3,5 до 68,9 тыс. чел. (11,1% городского населения), 4 города районного подчинения.

В целом можно отметить рост интенсивности урбанизации в Казахстане, однако в региональном разрезе этот процесс протекает неравномерно. В стране в целом и отдельных регионах периоды высокой интенсивности урбанизации сменяли периоды, когда эти показатели имели отрицательное значение. Но в целом тренды урбанизации остаются устойчивыми в Казахстане.

В последние годы происходит быстрый рост крупнейших городов наряду со снижением экономической активности в средних, малых городах. В Посланиях Главы государства обращалось внимание на проблемы в области урбанизации в Казахстане, в том числе необходимость придания «второго дыхания» моногородам (30% городов), которые обеспечивают 40% промышленного производства страны, решение проблем перенаселенности и социальной напряженности в крупных городах [2,3].

Население крупнейших городов значительно выросло, тогда как многие средние и малые города потеряли значительную часть населения в результате миграции и снижения естественного прироста. В ряде случаев это стало результатом изменения административного статуса городов. Так, с 1999 года по 2019 год население сократилось в 32 городах Казахстана, в том числе в 21 городе население сократилось от 10 % до 39 %. Это говорит о серьезных недостатках в городской политике, планировании городов, стагнации экономической активности, упадке социальной инфраструктуры городов.

Демография городов. Общепринято мнение, что рождаемость в городах ниже, чем в сельской местности. Однако в Казахстане коэффициенты рождаемости в городской местности превышали показатели сельских районов в период 2005–2008 гг., а также с 2015 г. по настоящее время [4 В абсолютных значениях рождаемость в городах Казахстана выглядит более устойчивой, чем в селах. Темп роста численности городских новорожденных составил 2,18, что на 52 пункта выше уровня сельского показателя. Хотя нельзя не отметить, что в ряде городов Казахстана в последние годы складывается отрицательный естественный прирост населения, что свидетельствует о возможном старении населения городов, снижении качества системы здравоохранения и уровня жизни, свидетельствует о серьезных проблемах в области демографической устойчивости в отдельных городах.

Последствием особенностей урбанизации в Казахстане является перенаселенность крупнейших городов, развитие инфраструктуры которых отстает от возрастающих потребностей города.

Согласно World Urbanization Prospects более 40 % городского населения проживает в мегаполисах с населением свыше 1 млн. человек, в том числе 22 % городского населения проживает в городах с численностью от 1–5 млн. человек, 41 % в городах с численностью менее 300 тыс. человек. В Казахстане в трех мегаполисах Алматы, Нур-Султане, Шымкенте проживает 38 % городского населения.

Городская система Казахстана проходила разные этапы развития. До 1970 года 30 % городского населения проживало в промышленных регионах Казахстана — Карагандинской (19 %) и Восточно-Казахстанской (12 %) областях. Эти области являлись самыми урбанизированными регионам, здесь сформировалась развитая система промышленных городов, обеспечивающая высокий агломерационный потенциал этих территорий. Динамика городской системы была обусловлена индустриализацией. К настоящему времени доля городского населения этих регионов снизилась вдвое. Этому способствовало несколько основных факторов:

изменение промышленной структуры регионов в 1990-е годы, миграция и снижение естественного прироста населения (таблица 1). Карагандинская и Восточно-Казахстанская области имеют отрицательное сальдо общей миграции и одни из самых низких показателей естественного прироста населения. Эти регионы по-прежнему остаются важными промышленными центрами, а тренды постиндустриализма и новые тенденции в развитии городов пока мало влияют на их развитие.

Таблица 1

Региональная структура городского населения Казахстана

Регион	Доля городского населения			Удельный вес регионов в ВВП, %	Удельный вес регионов в промышленном производстве, %	Сальдо общей миграции городского населения, человек	Общий коэффициент естественного прироста городского населения
	1959 г.	1999 г.	2020 г.	2020 г.	2020 г.	2020 г.	2020 г.
Республика Казахстан	100,0	100,0	100,0	100,0	100,00	63 592	13,50
Акмолинская	6,6	4,50	3,2	3,2	3,85	-753	5,61
Актюбинская	4,1	4,47	5,7	4,2	5,90	2064	17,15
Алматинская	4,8	5,50	4,1	5,3	4,61	-4612	17,97
Атырауская	3,3	2,87	3,2	11,0	19,15	-1 552	19,99
Западно-Казахстанская	2,7	2,98	3,1	3,9	6,74	-121	11,55
Жамбылская	4,8	5,35	4,1	2,7	1,92	-2465	18,59
Карагандинская	19,3	13,70	10,0	8,6	10,97	-4211	5,31
Костанайская	4,5	6,55	4,6	4,1	5,70	833	1,24
Кызылординская	3,7	4,61	3,3	2,3	2,42	-809	21,12
Мангистауская	0,4	2,92	2,5	4,3	7,98	4306	23,95
Павлодарская	3,2	6,05	4,9	4,4	7,83	-2311	3,34
Северо-Казахстанская	4,0	3,25	2,3	2,2	1,17	664	-1,13
Туркестанская	5,1	4,23	3,7	3,4	2,01	-537	30,77
Восточно-Казахстанская	15	10,63	7,8	6,5	8,88	-2462	4,94
г. Нур-Султан	2,5	3,88	10,4	11,3	4,38	24865	20,16
г. Алматы	12,3	13,37	17,5	19,1	4,00	39350	10,83
г. Шымкент	3,69	5,15	9,49	3,5	2,48	11343	23,64

Примечание — Составлено по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

До 1997 года в г. Алматы оставался столицей Казахстана, выполняющая функции политического, экономического, научно-образовательного и культурного центра. К концу 1990-х здесь проживало 13 % городского населения, а город был единственным мегаполисом. К этому периоду в Казахстане сформировалась приматная городская система. После 1997 года в связи с переносом столицы в г. Астану (ныне Нур-Султан) происходит отход от приматной модели. 2019 году к числу мегаполисов добавился г. Шымкент.

В городской системе Казахстана происходит смена лидеров и зон влияния крупных городов. К этому времени численность населения г. Нур-Султана составляла немногим более 300 тыс. человек, а к 2016 году численность населения г. Нур-Султан превысила 1 млн. человек. г. Алматы, утратив роль центра политических инициатив, оставался экономическим лидером, крупнейшим донором республиканского бюджета, обеспечивая рост новой столицы. В новой столице тем временем идет развитие научных, образовательных, культурных ресурсов, формируется международный финансовый центр. С развитием международных контактов в крупнейших городах, формированием международных финансовых центров, размещением филиалов транснациональных компаний происходит процесс транснационализации городов.

Эти три города имеют ряд отличий в области демографического развития. Город Алматы остается наиболее привлекательным с точки зрения миграции. Здесь сохраняется самое высокое миграционное сальдо. Здесь достаточно высоки показатели естественного прироста населения, хотя они ниже среднереспубликанского уровня. Города Нур-Султан и Шымкент демонстрируют высокие уровни естественного прироста населения. Положительное сальдо миграции здесь также достаточно высоко. Однако с точки зрения вклада в ВВП имеются большие различия. Город Шымкент существенно уступает не только г. Алматы и г. Нур-Султану, но другим менее урбанизированным регионам по вкладу в ВВП. Это свидетельствует о достаточно серьезных социально-экономических проблемах в его развитии, качестве урбанизации, слабой связи роста города с ростом его экономического потенциала. Достаточно сказать, что доля самозанятых в г. Шымкент критически высока и составляет 30 %. Такой уровень характерен в Казахстане в основном в характерен для сельской местности. Учитывая вклад города в экономическое развитие, можно сделать вывод, что высокий уровень самозанятости скрывает долгосрочную безработицу, связан в основном с неформальной или непродуктивной занятостью. Сохранение таких тенденций грозит серьезными социальными проблемами и рисками для города и страны.

Переход от приматной системы и появление двух мегаполисов не привело к формированию сбалансированной городской системы. Если в 1999 г. численность 64 города соответствовала или незначительно превышала идеальное распределение, то в 2019 году только 22 города вошли в этот перечень. Это означает, что в городской системе главную роль играют мегаполисы, крупные областные центры, областные города с численностью более 90 тыс. чел.

Таким образом, можно ожидать, что продолжится тенденция сокращения людности средних и малых городов и концентрация населения в крупнейших городах. Учитывая, что в их числе большинство моногородов, обеспечивающих до 40 % промышленного производства, такая тенденция будет иметь последствия для индустриального роста и для миграции населения.

Как известно, города рассматриваются как драйверы снижения бедности и глобального экономического роста. Объективно в городах создаются условия для роста производительности, благодаря разделению труда, специализации, росту эффективности за счет экономии масштаба, быстрому распространению знаний, что способствует росту ВВП. Однако рост урбанизации не обеспечивает автоматически экономический рост. Если в странах Азии рост урбанизации привел к росту ВВП, то в странах Африки и Латинской Америки такого роста не было. Более того процесс урбанизации продолжался здесь и при отрицательном росте ВВП.

Следует отметить, что в целом социально-экономическое развитие городов Казахстана характеризуется положительными тенденциями. В период 2000–2020 гг. уровень бедности в городах сократился с 30 % в 2000 году до 3,7 % в 2020 году, доля населения, имеющего доходы ниже стоимости продовольственной корзины, — с 10,7 % до 0,1 % соответственно. Доходы домашних хозяйств выросли в 9,96 раз. За последнее десятилетие объем промышленной продукции в городской местности вырос с 4 130 019 млн. тенге до 12 692 683 млн. тенге, при этом на три мегаполиса приходится одна пятая (21,66 %) промышленного выпуска городов. Однако все более нарастают тенденции поляризации и неравенства между городом и селом, а также внутри крупнейших городов.

Заключение

Таким образом можно выделить следующие особенности, тенденции и вызовы урбанизации в Казахстане: устойчивый тренд урбанизации и рост интенсивности урбанизации в Казахстане; неравномерный характер процессов урбанизации в Казахстане; рост численности насе-

ления крупнейших городов и рост рисков демографической устойчивости средних и малых городов; нарастание вызовов, обусловленных перенаселением крупнейших городов и высокой нагрузкой на городскую инфраструктуру; усиливаются тенденции поляризации и неравенства между городом и селом, а также внутри крупнейших городов, что усиливает риски социальной нестабильности и социальных взрывов.

Список источников и литературы

1. World Urbanization Prospects. The 2018 Revision // United Nations Population Division. /URL: <https://population.un.org/wup>. (дата обращения 31.08.2021).
2. Казахстан в новой реальности: время действий. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2020 г.// www.akorda.kz
3. Единство народа и системные реформы—прочная основа процветания страны. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2021 г.//www.akorda.kz
4. Рождаемость / Динамические таблицы / Демографическая статистика.— URL: <http://www.stat.gov.kz> (дата обращения 10.08.2021).

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS AND CHALLENGES OF URBANIZATION IN THE KAZAKHSTAN

Alzhanova F. G. ¹, Satybaldin A. A. ¹, Alibekova G. Zh. ¹

¹ Institute of Economics of the KN MES RK,
Almaty, Kazakhstan

The article discusses the main trends and socio-economic problems of urbanization in Kazakhstan, the problems of demographic development of cities, the features of migration and natural population growth in cities of Kazakhstan. The uneven nature of urbanization, the rapid growth of the largest cities, along with a decrease in the economic and social potential of medium-sized and small cities, increased of social contrasts in large cities are noted.

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR10965247 “Study of factors, features and dynamics of demographic processes, migration, urbanization in Kazakhstan, development of digital maps and forecasts”).

Key words: urbanization, city, demography of the city, social development, social sustainability

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕТИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Дебелая И. Д.¹

¹Институт водных и экологических проблем ДВО РАН
Хабаровск, Российская Федерация

Внимание общества, органов государственной власти всех уровней, сотрудников научных и производственных организаций направлено на решение проблем сохранения и формирования в городах сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Городские ООПТ в Российской Федерации — это объекты государственной или муниципальной собственности, которые являются общенациональным достоянием и служат противовесом агрессивной урбанизированной среде. Показатель «доля ООПТ в общей площади города» широко используется при сравнительном анализе экологически-ориентированного устойчивого развития современных городов. Информационной базой исследования послужили нормативно-правовые акты, данные государственной статистики, кадастровые сведения, тематические карты различного масштабного ряда, материалы государственных докладов о состоянии окружающей среды и долгосрочные программы, направленные на улучшение экологического состояния городских округов, научные публикации и интернет-ресурсы. Выделены особенности организации сети ООПТ, которые рассмотрены на примере административных центров регионов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Практическое использование результатов: региональная и муниципальная экологическая политика, эколого-ориентированное устойчивое развитие городов.

Ключевые слова: устойчивое развитие городов, экологические показатели, особо охраняемые природные территории, организация сети ООПТ в городах

Введение

Одним из мировых направлений развития современных городов стало территориальное планирование, ориентированное на устойчивое развитие, основанное на сбалансированном подходе к экономическому росту и социальному прогрессу при сохранении качества окружающей среды. Экологической доктриной Российской Федерации особо охраняемые природные территории (ООПТ) рассматриваются как ключевые элементы реализации региональной и муниципальной

экологической политики, направленной на улучшение экологической обстановки в городах и формирование комфортной городской среды. За последние 30–40 лет практически во всех странах, «... которые могут себе позволить «роскошь» заботы о состоянии окружающей среды, сформированы устойчивые системы сетей особо охраняемых природных территорий городов...» [1, с. 282]. Пристальное внимание общества, органов государственной власти всех уровней, представителей научных и производственных организаций уделяется проблемам сохранения, формирования и развития городской сети ООПТ. Охраняемые природные объекты привлекают внимание биологов, экологов, географов, экономистов, архитекторов, правоведов, политологов. Как следствие, требуется интеграция подходов и взглядов специалистов различных наук, позволяющая в рамках «урбанизации — феномена современного мира» рассматривать ООПТ как объект комплексного исследования.

По показателям значимости для сохранения регионального, национального, глобального ландшафтного и биологического разнообразия городские ООПТ не претендуют на главные места, однако, уже никем не оспаривается их высокая значимость для здоровья населения, устойчивого развития городов и формирования комфортной городской среды. Экологический портрет города служит зеркалом, в котором отражаются проблемы общегосударственного и регионального значения.

Городские ООПТ в РФ — объекты государственной или муниципальной собственности, которые являются общенациональным достоянием и служат противовесом агрессивной урбанизированной среде. Абсолютные показатели площади и числа ООПТ не корректно использовать для оценки устойчивого развития городов. Более информативен показатель «доля ООПТ от общей площади города» [1, 2, 3, 4], который широко используется при сравнительном анализе развития сети городских ООПТ в России и за рубежом [5, 6]. Согласно научным оценкам, чтобы выполнять свои природоохранные функции ООПТ должны занимать от 20 до 40 % от общей площади города [7]. Информационная база исследования: нормативно-правовые акты, материалы государственной статистики, кадастровые сведения, тематические карты различного масштабного ряда, материалы государственных докладов о состоянии окружающей среды и долгосрочные программы, направленные на улучшение экологического состояния городских округов, научные публикации и интернет-ресурсы.

Обсуждение результатов

Экологически сбалансированное развитие городов имеет свою специфику в отдельных странах и регионах, которая зависит от географического положения, природных и социально-экономических условий, а также культурно-исторических традиций. В начале XXI в. выделяется основная направленность развития урбанизированных территорий — максимально возможное сохранение незастроенных и «незапечатанных» городских пространств, препятствующих превращению застроенных ареалов в сплошной конгломерат зданий и инфраструктурных объектов, что позитивно отражается на условиях жизни и деятельности населения. Городские ООПТ — сохранившиеся «островки природы», находятся в поле зрения российских [2, 3, 6, 8, 9] и зарубежных исследователей [10, 11].

Современные подходы к организации городских ООПТ предусматривают сохранение «природных эталонов» с регламентированным доступом на территорию, а также «экологическую реставрацию» техногенных ландшафтов. Парадокс состоит в том, что создавать ООПТ во многих городах начали тогда, когда вследствие интенсивного хозяйственного освоения городской территории, сами природные ландшафты были практически уничтожены. В таких условиях юридический статус ООПТ получили городские парки культуры и отдыха, аллеи и даже отдельные ботанические объекты, в том числе искусственного происхождения [1].

Принятие федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» (1995) активизировало нормативно-правовую деятельность органов государственного управления в субъектах РФ по организации в городах ООПТ федерального и регионального значения. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003) расширил круг полномочий органов муниципального самоуправления, создал предпосылки для организации ООПТ на земельных участках, находящихся в собственности муниципальных образований. Отсутствие чёткости в определении категорий ООПТ, а также предоставленная регионам свобода выбора привели к созданию множества категорий охраняемых природных объектов.

Современная нормативно-правовая база РФ в области организации и функционирования городских ООПТ четко подчеркивает их главную функцию — средозащитную, и в этом их принципиальное отличие от остальных природных территорий, расположенных в пределах городской черты [1]. ООПТ выступают ключевыми элементами зелёной

инфраструктуры и экологического каркаса в городах, их главные черты — мультифункциональность, связность и иерархичность [12]. В качестве экологических коридоров, связывающих охраняемые природные объекты в единую сеть, рассматриваются водотоки, долины малых рек, участки побережий крупных водных объектов, линейные элементы городского озеленения и др. Важнейшим условием эффективного функционирования сети ООПТ в крупных поселениях является сохранение их связи с природными ландшафтами пригородной зоны.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) характеризуется высокой степенью урбанизации: доля городского населения составляет 75,6 %, что превышает средний показатель по РФ (74,1 %). Анализ развития городов ДФО позволил выделить группы факторов, определяющие условия организации и функционирования сети ООПТ.

Социально-экономические факторы: высокая стоимость и лимит земель в пределах городской черты; многообразие форм антропогенной деятельности; несогласованность действий всех сторон, заинтересованных в эффективном использовании муниципальных земель; дефицит квалифицированных кадров и городского бюджета не позволяет обеспечить в полном объёме содержание, реконструкцию и экологическую реставрацию отдельных охраняемых объектов; краткосрочные горизонты городского планирования.

Экологические факторы: неблагоприятный общегородской экологический фон; незначительная площадь сохранившихся ненарушенных природных ландшафтов; высокая степень и интенсивность техногенной нагрузки; рост требований населения к экологической безопасности и комфортности городской среды.

Организационно-административные факторы: отсутствие единого органа управления; многофункциональное использование территории; отсутствие опыта вовлечения населения в организацию ООПТ местного значения; незначительное развитие корпоративного волонтерства.

В ДФО городские ООПТ организованы в основном в городах, которые являются административными центрами регионов (табл. 1).

В ДФО для увеличения площади муниципального образования за счет присоединения прилегающих поселений и земель, были образованы городские округа неравнозначные по общей площади. По общей площади ООПТ лидирующие позиции заняли городской округ «Город Якутск» (92 565,40 га), городской округ «Город Магадан» (6 782,49 га), городской округ «Город Южно-Сахалинск» (2 054,90 га). Городской округ «Город Хабаровск» весьма незначительный по площади, как следствие, общая площадь ООПТ небольшая (583,74 га) (табл. 1).

Таблица 1

Особо охраняемые природные территории, организованные в городских округах Дальневосточного федерального округа

Городской округ / Общая площадь, га	Общая площадь ООПТ, га / доля ООПТ от общей площади города, %	Количество ООПТ, объекты				ВСЕГО ООПТ, объекты
		федерального значения: категории ООПТ, объ- екты	регионального значения: категории ООПТ, объекты	местного значения: категории ООПТ, объекты		
Биробиджан / 16938,0	19,07 / 0,10	–	1 объект: Дендрологи-че- ский парк	–		1
Хабаровск / 38873,5 В состав ГО входит только г. Хабаровск	583,74 / 1,51 (без аква- тории р. Амур — 2,57 %)	–	5 объектов: Памятники природы — 4; Природный парк — 1	24 объекта: Парковые зоны — 14; Питомник — 1; Сквер — 7; Природный рекреационный комплекс — 2		29
Владивосток / 56154,0 В состав ГО входит г. Владивосток, село Береговое, поселки Попова, Рейнеке, Тру- довое, Русский	не определена /не опреде- лена	3 объекта: Ботанич. сад; Национальный парк; Госу- дарств. природный заповедник	12 объектов: Памятники природы	–		15
Якутск/ 360000,0 В состав ГО входит г. Якутск и 10 поселений	92565,40 / 25,71	1 объект: Ботанический сад	1 объект: Ресурсный резерват	2 объекта: Зона покоя– 1; Памятник природы — 1		4
Магадан / 121582,0 В состав ГО вхо- дит г. Магадан и 4 посел- ка, а также территории традиционного пользования и рекреацион- ные земли	6782,49 / 5,58	–	–	13 объектов: Охраняемая береговая линия — 7; Охраняемый природный ландшафт — 5; Объект садо- во-паркового искусства — 1		13

Южно-Сахалинск / 90502,0 В состав ГО входит г. Южно-Сахалинск, 10 сел и жилой квартал «Весточка»	2054,90 / 2,27	–	6 объектов: Памятники природы	–	6
---	----------------	---	-------------------------------	---	---

Такой показатель как доля ООПТ от общей площади городского округа распределяется следующим образом:

- 1) городской округ «Город Якутск»—25,71 % за счет включения в сеть ООПТ больших по площади охраняемых природных объектов федерального значения—Ботанический сад Института биологических проблем криолитозоны СО РАН (540 га); ООПТ регионального значения—Ресурсный резерват «Кэнкэмэ» (78 883 га); ООПТ местного значения—зона покоя «Солосчу» (13 085,4 га) и памятник природы «Усун Кюель» (57 га);
- 2) городской округ «Город Магадан»—5,58 % за счет включения в сеть ООПТ больших по площади охраняемых природных объектов местного значения—7 охраняемых береговых линий, 5 охраняемых природных ландшафтов, 1 объект садово-паркового искусства;
- 3) городской округ «Город Южно-Сахалинск»—2,27 % за счет включения в сеть ООПТ охраняемых природных объектов регионального значения—6 памятников природы;
- 4) городской округ «Город Хабаровск»—1,51 % (без акватории р. Амур—2,57 %). Обращает на себя внимание незначительная общая площадь ООПТ, но при этом сформировался широкий спектр категорий местного значения (парковая зона, питомник, природный рекреационный комплекс, сквер), что свидетельствует о систематической и целенаправленной работе Администрации этого муниципального образования по организации сети ООПТ;
- 5) муниципальное образование «Город Биробиджан»—0,10 % (только 1 охраняемый природный объект регионального значения «Дендрологический парк» площадью 19,07 га);
- 6) не определена площадь ООПТ в пределах городского округа «Город Владивосток». Географическое положение этого крупного города обусловило организацию уникальных ООПТ федерального значения, которые фрагментарно вошли в пределы городской черты—Дальневосточный морской биосферный заповедник, Национальный парк «Земля леопарда», Ботанический сад-ин-

ститут ДВО РАН (169,70 га), а также 12 памятников природы регионального значения. ООПТ местного значения не организованы.

Заключение

Особо охраняемые природные территории представляют собой стратегический ресурс для обеспечения устойчивого эколого-ориентированного развития городов.

Процесс организации ООПТ и формирования сети ООПТ в городах Дальневосточного федерального округа находится в активной стадии, что соответствует современным тенденциям территориального планирования с учетом долгосрочных перспектив в Российской Федерации и за рубежом.

Список источников и литературы

1. Климанова О. А., Колбовский Е. Ю., Илларионова О. А. Зелёная инфраструктура города: оценка состояния и проектирование развития. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 324 с.
2. Бузмаков С. А., Санников П. Ю. Перспективы создания сети особо охраняемых природных территорий г. Перми // Вестник Удмуртского ун-та, сер. Биология. Науки о Земле, вып. 3, с. 14–22, 2012.
3. Бобылёв С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В. Индикаторы устойчивого развития для городов // Экономика региона, № 3, с. 101–110, 2014.
4. Морозова Г. Ю., Дебелая И. Д. Тематическая структура базы ГИС «Особо охраняемые природные территории города Хабаровска» // Геодезия и картография, том 81, № 7, с. 56–64, 2020. DOI: 10.22389/0016–7126–2020–961–7–00–00.
5. Вахрушева К. Городские ООПТ в мире: где, как и зачем // Экология и право, № 75, с. 18–24, 2019.
6. Шатрова А. И. Особо охраняемые природные территории в крупнейших городах РФ // Антропогенная трансформация природной среды, № 4, с. 113–117, 2018.
7. Парамонова Н. Природа в городе // Экология и право, № 75, с. 7–11, 2019.
8. Дёжкин В. В., Горелов Б. Охраняемые природные территории в городах России // Информ.—аналит. бюлл. «Использование и охрана природных ресурсов России», № 3(93), с. 49–53, 2007.
9. Ивашкина И. В., Кочуров Б. И. Зарубежный опыт территориального планирования и экологически устойчивого развития городов // Урбоэкодиагностика и сбалансированное развитие Москвы. М.: ИНФРА-М, 2018, с. 131–140.
10. Beresford M., Phillips A. Protected landscapes—a conservation model for

- the 21st century // The George Wright Forum, 2000. No 17 (1). Pp. 15–26.
11. Trzyna T. Urban Protected Areas: Profiles and best practice guidelines. Best Practice Protected Area Guidelines Series. No 22. Gland, Switzerland: IUCN, 2014. 110 p.
 12. Green infrastructure. An integrated approach to land use. Position Statement. Landscape Institute, 2013. <http://www.landscapeinstitute.org/GreenInfrastructure.php>. (дата обращения: 12.04.2015).

ORGANIZATION OF PROTECTED AREAS NETWORK IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT CITIES

Debelaya I. D.¹

¹Institute of Water and Environmental Problems FEB RAS, Khabarovsk,
Russia

The attention of society, public authorities at all levels, employees of scientific and industrial organizations is focused on solving the problems of preserving and forming a network of protected areas (PA) in cities. In Russian Federation urban protected areas are the objects of state or municipal property that form a national asset and serve as a counterbalance to an aggressive urban environment. The indicator which is called the «share of protected areas in the total area of the city» is widely used in a comparative analysis of the environmentally-oriented sustainable development of modern cities. The research is based on legal acts, materials of the state statistics service, cadastral information, thematic maps of various scales, materials of state reports on the state of the environment and long-term programs aimed at improving the ecological condition of urban districts, scientific publications and the Internet-resources. The features of the organization of protected areas network are figured out on the example of the administrative centers of the regions that form the Far Eastern Federal District. Practical use of the results: regional and municipal environmental policy, environmentally-oriented sustainable development of cities.

Key words: sustainable urban development, environmental indicators, protected areas, network of protected areas in cities

ЗЕЛЕНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА — ПРИОРИТЕТНЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Морозова Г. Ю.¹

¹Институт водных и экологических проблем,
Хабаровск, Российская Федерация

Зеленая инфраструктура рассматривается как фактор обеспечения устойчивого развития города. Основой зеленой инфраструктуры в городах, наряду с управлением отходами, повышения энергоэффективности и экологичности транспорта, очисткой сточных вод, является городское озеленение, формирующее экологически безопасную, эстетически привлекательную и комфортную городскую среду. Среди показателей зеленой инфраструктуры в дальневосточных городах приоритетное развитие имеет городское озеленение. Фактор озеленения входит в группу индикаторов устойчивого развития городов.

Ключевые слова: зеленая инфраструктура, урбанизация, озеленение, устойчивое развитие

Зеленая инфраструктура представляет собой инструмент обеспечения устойчивого городского развития. Понятие зеленая инфраструктура (ЗИ) включает сохранившиеся природные растительные сообщества в городе и искусственные зеленые насаждения. Кроме того, сюда относят технические конструкции — очистные сооружения, фильтры, электромагнитные экраны, дымопоглотители, виброоснования, глушители шума, использование шумопоглощающей облицовки, устройство водопроницаемых тротуаров, ливневую канализацию, строительство дождевых садов и др. [1]. В зарубежной практике городского планирования в категорию «зеленая инфраструктура» включают защищенные области (участки в составе 2000 Natura) [2], естественные и фрагментированные экосистемы с высоким уровнем биоразнообразия; живые изгороди, действующие как экологические коридоры; рекультивированные участки; эко-мосты и эко-виадуки; многофункциональные зоны на границе города; парки и скверы; зеленые стены и крыши; экотонные участки на границе между урбанизированными и субурбанизированными территориями [3]. Развитие ЗИ направлено на регулирование климата и водного режима территории; сохранение и восстановление природных ландшафтов; сохранение биоразнообразия; создание условий

для отдыха в шаговой доступности; сокращение площади запечатанных почв; экологическое воспитание и образование населения. Инвестиции в природный капитал и экосистемные подходы, например, сохранение и развитие зеленой инфраструктуры городов, в перспективе окажутся экономически более эффективными по сравнению с искусственными техническими решениями.

Основой зеленой инфраструктуры в городах, наряду с управлением отходами, повышения энергоэффективности и экологичности транспорта, очисткой сточных вод, является городское озеленение, формирующее экологически безопасную, эстетически привлекательную и комфортную городскую среду. Фактор озеленения входит в группу индикаторов устойчивого развития городов [4] и показателей высокого уровня жизни населения [5]. Улучшение экологической ситуации в городах связано с совершенствованием системы озеленения, под которой понимается научно обоснованное пространственное размещение всех компонентов озеленения в соответствии с градостроительными зонами, почвенными, климатическими и другими факторами с целью достижения оптимального экологического, санитарно-гигиенического и эстетического эффектов [6].

Среди показателей зеленой инфраструктуры в дальневосточных городах приоритетное развитие имеет городское озеленение. Охрана и воспроизводство городских насаждений при отсутствии единого органа управления, недостаточном финансировании и нерациональном территориальном планировании приводят к проблемам в развитии системы озеленения, что наглядно проявляется в городах дальневосточного региона, например, в г. Хабаровске.

Целью исследования является анализ роли зеленой инфраструктуры в устойчивом городском развитии.

Методы изучения включали картографические и дендрологические исследования общественных озелененных пространств г. Хабаровска, анализ нормативно-правовых документов по проблемам городского озеленения. Для анализа состояния зеленых насаждений использованы лесотаксационный, популяционный и статистический методы исследования.

Результаты и их обсуждение

Хабаровск — динамично развивающийся город. Зеленый фонд города — сложная система, которая представлена озеленением общего пользования (общественные озелененные пространства: парки, скверы, сады, рощи, бульвары, уличные посадки) общей площадью

1419,3 га; озеленением специального назначения (городские питомники и леса, озеленение предприятий и организаций, дендрарий, внутриквартальное озеленение) общей площадью 5530,4 га; озеленением ограниченного пользования (санитарно-защитные зоны, приусадебные и дачные участки) общей площадью 10178.2 га. В настоящее время в сумме общая площадь городских озелененных территорий составляет 17127.9 га. В плане городского стратегического развития до 2025 г. площадь зеленых насаждений увеличится до 18530.5 га [7]. Важное природоохранное, социальное и экономическое значение имеет озеленение общего пользования, площадь которого возрастет к 2030 г. на 1435,9 га (табл. 1).

Таблица 1.

Классификация зеленых насаждений общего пользования городского округа «Город Хабаровск» [8]

Наименование	Существующие насаждения, га	Проектируемые до 2030 г., га	Суммарный показатель, га
Парки общегородские	207,5	565,5	773
Парки районные	–	164,1	164,1
Скверы	76,8	150,9	227,7
Бульвары	60,8	113,7	174,5
Набережные	12	69,1	81,1
Детские парки	1,8	15,8	17,6
Лесопарки	–	232,6	232,6
Площади и памятники	39,4	1,9	41,3
Лугопарки	–	57,6	57,6
Гидропарки	–	64,7	64,7
Итого зеленых насаждений общего пользования	398,3	1435,9	1834,2

В 2018 г. в пригородной зоне г. Хабаровска сформирован крупный лесопарковый пояс площадью 2937,92 га как природный барьер для защиты от неблагоприятных природных и антропогенных факторов. В зеленом поясе установлен ограниченный режим природопользования и иной хозяйственной деятельности, а также были определены координаты его границ [9]. Приоритетными направлениями деятельности в лесопарковом зелёном поясе являются охрана окружающей среды, проведение научных исследований, эколого-про-

светительской работы и развитие туризма. Главная функция естественных экосистем и городского озеленения — природоохранная (фитомелиорация). Необходимо сохранять естественные растительные сообщества, избегая превращения их в «озелененные пространства» [10].

В г. Хабаровске запланировано строительство объектов, которые недостаточно представлены в городской инфраструктуре: общегородские, районные парки (детские, спортивные, парки экстремальных видов зимнего спорта), гидропарки, лугопарки, лесопарки. Отмечается недостаток специализированных парков с предоставлением разного типов услуг, которые бы удовлетворяли потребности активных групп населения и не исключали из финансового оборота наиболее платежеспособных горожан и туристов. Исключение составляют парки «Динамо», им. Н. Н. Муравьева-Амурского, им. Ю. А. Гагарина, где предоставляют услуги для разных категорий горожан. Отсутствуют всесезонные парки, которые востребованы в зимних условиях. Важность определения целевой аудитории и приоритетных видов оказываемых услуг городскими парками определяет их позиционирование в общественном сознании как значимой составляющей качества жизни, экономики и имиджа города [10].

Улучшение экологической ситуации в городах и создание комфортной городской среды напрямую связаны с совершенствованием системы озеленения. Активизация хозяйственного освоения привела к ухудшению экологического состояния городской территории. Часто возникает конфликт между коммерциализацией работы парков и сохранностью зелёных насаждений. Приоритетность экономического развития над обеспечением экологической безопасности, как правило, приводит к неблагоприятным экологическим последствиям для окружающей среды и, следовательно, для населения. Происходит как прямое изъятие земель, так и деградация зелёных массивов, неподготовленных для массового посещения горожан. В итоге ухудшается их санитарное состояние, эстетическая привлекательность, снижается экологическая ценность ландшафтов. Например, по данным инвентаризации 2006 г. озелененная часть парка «Динамо» составляла 78 % от общей площади, по материалам инвентаризации 2016 г. — она снизилась до 63 %.

Исторически сложившимся озелененным общественным пространствам Хабаровска присвоен статус особо охраняемых природных территорий города (ООПТ) (табл. 2), которые играют важную роль в устойчивом развитии города.

Особо охраняемые природные территории г. Хабаровска [4]

№ п/п	Категории ООПТ города	Общая площадь, га /% от общей площади ООПТ
1	ООПТ краевого значения	212,43 / 36,28
1	Памятник природы (4 объекта)	48,49 / 8,28
2	Природный парк (1 объект)	163,94 / 28,00
II	ООПТ местного значения	373,02/ 63,72
1	Парковая зона (14 объектов)	178,27 / 30,45
2	Питомник (1 объект)	117,15/ 20,01
3	Сквер (7 объектов)	11,99 / 2,05
4	Природный рекреационный комплекс (2 объекта)	65,61/ 11,21

При участии общественных озелененных пространств формируется объемно-пространственная структура города, которая снижает антропогенное воздействие и усиливает природный потенциал территории, повышает ландшафтное разнообразие, что в целом положительно сказывается на его комфортности и направлено на сохранение здоровья населения. Выполнение природоохранной и санитарно-гигиенической функций остаются приоритетными для озелененных территорий, несмотря на их многофункциональное использование. Это одно из условий создания безопасной и комфортной городской среды: сохранение биоразнообразия; регулирование микро- и мезоклимата; очищение атмосферного воздуха и производство кислорода; снижение шумового и светового загрязнения, охрана почвенного покрова, создание привлекательной визуальной среды и др. Растительность является социально-стабилизирующим фактором, что проявляется в обеспечении жителей в доступном отдыхе, снижении конфликтности и напряженности среды, улучшении визуальных свойств урболовандшафтов, формировании имиджа города за счет создания эстетичного пейзажа. Озеленение подчеркивает историческую планировку города и усиливает ландшафтные доминанты.

В экономической сфере общественные озелененные пространства интегрированы в жизнь города посредством многофункционального использования их земель. Они повышают инвестиционную привлекательность городских кварталов, способствуют увеличению числа рабочих мест в непромышленном секторе экономики. Наличие парков, скверов и др. объектов озеленения в транспортной и шаговой доступности позволяет близкое общения с природой, занятия спортом и туризмом,

что существенно повышает качество жизни. Природный потенциал общественных озелененных пространств города служит основой для повышения экологической культуры населения.

Общественные озелененные пространства и ООПТ в том числе, кроме социально-экономических, предоставляют важнейшие экосистемные услуги, методики оценки которых только начинают апробироваться в нашей стране [11]. Отдых в парках—высоко оцениваемая экосистемная услуга зелёной инфраструктуры города. Учет некоторых экосистемных услуг ООПТ «Природный рекреационный комплекс в границах земельного участка с кадастровым номером 27:23:0000000:27808» («Ореховая сопка») показал, что денежная оценка только водоохранной функции лесопокрытой площади при среднегодовом количестве осадков 673 мм, на озеленённой площади 141500 м², с учетом лесистости водосборной площади в 30 % и стоимости 1 м³ воды, входящей в состав бассейна р. Амур—0,26 руб. [12] составила 49808,0 руб. [4]. Восстановление дубняков из дуба монгольского на ООПТ приведёт не только к повышению ценности прямого использования земель (рекреация, оздоровление населения, туризм, эстетическая и научно-образовательная ценность), но и к росту стоимости экосистемных услуг (регулирование газового состава воздуха, микроклимата, стока воды, защита от эрозии и др.). Увеличение процента лесистости посредством экологической реставрации ландшафтов до 60–65 % повысит экономическую ценность ООПТ и стоимость водоохранной функции насаждений в 2–2,2 раза [4].

Общественные озелененные пространства Хабаровска являются привлекательными с точки зрения туризма, в частности экотуризма. Развитие городского туризма играет важную роль в имиджевой составляющей, особенно при выборе постоянного места жительства, что опосредованно влияет на демографическую ситуацию. Растительный покров—неотъемлемый компонент всех урбанизированных территорий, несмотря на высокий ресурсный потенциал, его не в полной мере применяют в туристическом продукте городов [13]. Современный кризис туристической отрасли продемонстрировал, что города могут быстро адаптироваться к складывающимся условиям и имеют все основания лучше подготовиться к будущему за счет расширения потенциала реализуемого продукта. Одной из таких возможностей является использование в нем ботанических туристических ресурсов, присутствующих в пределах каждой городской территории. Например, из 31 обследованного объекта с высоким потенциалом ботанических ресурсов для развития туризма в г. Хабаровске, к используемым в настоя-

шее время отнесено 19 объектов, 12 объектов — к перспективным [13]. К туристическому продукту в городе на озелененных объектах отнесено 17 видов (водноспортивный и круизный, гастрономический, дачного отдыха, историко-архитектурный, краеведческий (этнографический), научно-образовательный, оздоровительно-спортивный, пляжно-акваториальный, религиозный, событийный, «тихая охота» и спортивная рыбалка, экскурсии и развлечения). Интерес для туристов представляют эндемичные, реликтовые, красивоцветущие, а также аборигенные виды растений и их ландшафтные композиции.

Заключение

Среди показателей зеленой инфраструктуры в дальневосточных городах приоритетное развитие имеет городское озеленение. Зеленая инфраструктура, и озеленение как основной ее элемент, способствуют формированию градостроительной структуры города, оптимизирует экологическую обстановку, объединяет социальную и экономическую сферы жизни города и тем самым повышает социальную привлекательность, культурный и инвестиционный имидж города. Фактор озеленения входит в группу индикаторов устойчивого развития городов.

Список источников и литературы

1. Green Infrastructure. EPA. http://water.epa.gov/infrastructure/greeninfrastructure/gi_what.cfm (дата обращения 12.04.2021).
2. Green infrastructure Nature 2010 [Electronic resource]. URL: <http://ec.europa.eu/environment/nature/info/pubs/docs/greeninfrastructure.pdf> (дата обращения 12.04.2021).
3. Морозова Г. Ю., Дебеляя И. Д. Зелёная инфраструктура как фактор обеспечения устойчивого развития Хабаровска // Экономика региона, 2018. Т. 14(2), с. 562–574. doi: 10.17059/2018–2–18.
4. Морозова Г. Ю., Дебеляя И. Д., Дубянская И. Г. Особо охраняемые природные территории города Хабаровска. Хабаровск: МАУ «Хабаровские вести», 2021. 166 с.
5. Кравчук С. А. Хабаровск: солнечный город нескучных людей // Вестник МАГ, 2021. № 1 (68), с. 74–79.
6. Морозова Г. Ю., Бабурин А. А. Проблемы и перспективы зеленого строительства для устойчивого развития города Хабаровска // Проблемы озеленения населенных пунктов: материалы городской науч.—практич. конф. (1 декабря 2011 г.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011, с. 168–176.
7. Действующий генеральный план города Хабаровска до 2030 г. с дополнениями. <https://khv27.ru/about/plan/> (дата обращения 12.02.2022).

8. Изменения в генеральный план городского округа «Город Хабаровск» Приложение к решению Хабаровской городской Думы от 21.04.2015 N97.
9. Об установлении границ лесопаркового зелёного пояса города Хабаровска: Постановление правительства Хабаровского края от 29 декабря 2018 г. N513-пр.
10. Архипова А., Гижицкая С., Голодяев К., Дубынин А., Карпов А., Лебедев Д., Ложкин А., Разживина Д., Скурихина Т., Смирнова М., Юрченко Л. Зеленый Новосибирск. Концепция развития озелененных общественных пространств общегородского значения. Новосибирск: ООО «Издательский Дом» Вояж». 2017. 130 с.
11. Бобылёв С.Н., Порфирьев Б.Н. Устойчивое развитие крупнейших городов и мегаполисов: фактор экосистемных услуг // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика, 2016. № 6, с. 3–21.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2 от 05.08.2000 N117-ФЗ (ред. от 01.05.2019). Ст. 333.12. Налоговые ставки.
13. Мирзеханова З.Г., Дебеляя И.Д., Морозова Г.Ю. Использование ботанических ресурсов в туристическом продукте города: картографическая интерпретация // Геодезия и картография. 2021. № 11, с. 16–26. DOI: 10.22389/0016-7126-2021-977-11-00-00.

GREEN INFRASTRUCTURE IS A PRIORITY FACTOR OF SUSTAINABLE URBAN DEVELOPMENT

Morozova G. Yu.¹

¹ Institute of Water and Ecological Problems, Khabarovsk, Russia,

Green infrastructure is considered as a factor in ensuring the sustainable development of the city. The basis of green infrastructure in cities, along with waste management, improving energy efficiency and environmental friendliness of transport, wastewater treatment, is urban landscaping, which forms an environmentally safe, aesthetically attractive and comfortable urban environment. Among the indicators of green infrastructure in the Far Eastern cities, urban landscaping has a priority development. The greening factor is included in the group of indicators of sustainable urban development.

Key words: green infrastructure, urbanization, landscaping, sustainable development

ДЕМОГРАФО-РАССЕЛЕНЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И БУДУЩЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ. БЕЛГОРОДСКАЯ, ВОРОНЕЖСКАЯ, КУРСКАЯ ОБЛАСТИ

Чугунова Н. В.¹, Полякова Т. А.¹, Морковская Д. Н.¹

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Белгород, Российская Федерация

Концентрация демографического, социально-экономического, политического, финансового потенциалов в крупном городе превращает его в главный город—метрополис (метрополию) конкретной территории— в Белгородской области—Белгородский и Старооскольский, Воронежской—Воронежский, Курской—Курский. В работе проведены расчёты и анализ ряда демографических и экистических показателей в региональных системах расселения: выявлены существенные изменения их структуры—увеличение концентрации в региональных метрополисах; падение численности и доли населения неметрополитенских и пограничных территорий. Среднесрочный демографический прогноз установил пространственные изменения структуры расселения: значительную депопуляцию, сокращение числа жителей всех составляющих расселение, включая метрополисы. Прогноз структуры региональных систем расселения на 2034 г. показал, что рост численности населения сместится в пригороды, в 91 % муниципальных образований существенно сократится численность населения, вырастут неустойчивость сети населенных пунктов, поляризация расселения. В малых городах и периферийной сельской местности возможен высокий дефицит трудовых ресурсов, для преодоления которого институтам власти необходимо предпринимать меры стимулирования бизнеса по механизации и автоматизации производства.

Ключевые слова: население, расселение, метрополисы, пространство, Белгородская, Воронежская, Курская области.

Введение

Концентрация населения в больших городах на относительно небольшой территории постоянно возрастает, вызывая проблемы пространственного развития территорий и непреходящий интерес к процессам урбанизации специалистов разных научных направлений. Архитекторы, экономисты, социологи, демографы проявляют повышенное внимание к исследованию проблем городов, урбанизации. Города, городские агло-

мерации, урбанизированные территории — поле взаимодействия процессов и проблем, изучаемых всеми отраслями географии [1]. Регулировать рост агломераций можно лишь на основе закономерностей развития.

В процессах урбанизации ключевое место занимают региональные центры — метрополисы (метрополии), трансформирующие системы расселения, доминирующие над периферией. Географической основой образования и воспроизводства метрополий выступают узловые районы — ареалы с центром, ядром, возникающие в результате разделения пространства между производственными, социальными, культурными предприятиями и учреждениями [2], формирующиеся в современных социально-экономических и экзистенциальных изменениях России суженного «коридора возможностей», сложной демографической, нестабильной геоэкономической ситуаций.

Ретроспективный анализ изменений численности городского и сельского населения страны показал, что уже в 80-х гг. XX столетия во многих регионах темпы роста населения были недостаточными для развития и сохранения существующей сети расселения. Поток мигрантов из села истощился, усилилось направление малый город — большой город. В начале 90-х гг. XX в. Россия пережила «сельский ренессанс» [3] — выросшую миграцию «город — село», вызванную не демографическими причинами, а социально-экономическими, политическими. Замедление темпов роста численности населения предопределило неравномерность расселения по огромной, разветвленной сети населенных мест страны. «Замедление темпов роста населения ... способствует поляризации расселения, его концентрации благодаря перераспределению в районах и центрах, обладающих определенными выгодами развития; усилению контрастности сети городских поселений из-за увеличения разрыва в темпах роста больших и малых городов, концентрации сельского расселения и усиления стягивания в крупнейшие города и их пригородные зоны (агломерации)» [4. С. 25], сделали теоретически выводы авторы работы еще в середине 80-х годов XX в.

Тенденция к концентрации населения (и бизнеса) вытекает не только вследствие демографических процессов, но и преимуществ «агломерационного эффекта». Является ли поляризация расселения беспредельной, или на каком-то этапе развития сдерживается рядом факторов? Продолжится ли поступательный рост крупных городов, столиц субъектов России или демографические ресурсы исчерпаны? Может ли демографическая структура региональных систем расселения достичь устойчивого динамического равновесия? И какой она может быть уже в среднесрочной перспективе? Необходимость прогнозирования в со-

временных условиях усиливается неоднозначностью демографических трендов последних лет, волатильность показателей механического движения населения по регионам России высока, а естественного в большинстве субъектов отрицательна.

В работе мы попытались ответить на поставленные вопросы и взглянуть в ближайшее будущее.

Объектом исследования данной работы служат граничащие с Украинской областью Центрально-Черноземного района — Белгородская, Воронежская, Курская.

Основными задачами исследования являлся анализ демографо-расселенческой ретроспективы региональных систем расселения 2010–2020 гг., демографический прогноз динамики численности населения основных форм расселения Белгородской, Воронежской, Курской областей, определение демографической структуры расселения исследуемых областей на среднесрочную перспективу (2034 г.).

Терминология. Система расселения — территориально-целостная и функционально взаимосвязанная совокупность поселений; региональная система расселения — система высокого иерархического уровня, формируется в масштабе областей, республик и экономических районов в составе федерации; локальная система расселения — городская агломерация [5, с. 445].

Под региональной метрополией области (метрополисом) понимается главный город, центр политической, экономической жизни с повышенной концентрацией городского населения. Метрополизация — процесс развития метрополии в результате развития урбанизации, доминирования столичного центра в социально-экономическом, политическом и пространственном аспектах (метрополисные ареалы — агломерации, подробнее см. [6]).

Под собственно пограничными территориями понимаются муниципальные образования, непосредственно граничащие с Украиной (девять в Белгородской, два — Воронежской, шесть — Курской областях).

Материалы, методы. В работе использован системный подход, методы регионально-сетевого анализа, статистические, ГИС-технологий, официальные статистические данные Росстата.

Основные результаты исследования

Демографо-расселенческая ретроспектива региональных систем расселения 2010–2020 гг.

На изучаемой территории региональные системы расселения включают четыре локальные системы расселения — агломерации (Белгород-

ская, Старооскольско-Губкинская, Воронежская, Курская), 89 городских поселений, 6046 сельских населенных пунктов, собственно пограничные районы (и городские округа) с Украиной численностью 662 тыс. человек; метрополисные ареалы охватывают площадь 44919 кв. км численностью населения в 3,6 млн. чел., экзометрополии — центр-периферийные системы пространственной организации власти и экономики областей (Валуйки, Алексеевка в Белгородской; Борисоглебск, Калач, Россошь — Воронежской; Железнодорожск, Рыльск — Курской) (о внутренней структуре агломераций и городского пространства Центрально-Черноземного района см.: [7]). Абсолютное большинство городов представлено малыми по людности. Расчёты показали, что процессы метрополизации достигли значительных масштабов — в четырех метрополисах по итогам 2021 г. проживали 43 % населения областей и растет дифференциация структур внутрирегионального расселения, неукоснительно сокращается численность населения неметрополитенских и пограничных территорий (табл. 1).

Таблица 1

Демографические изменения в региональных системах расселения Белгородской, Воронежской, Курской областей. Тыс. чел. 2010–2020 гг.

Области	Численность населения областей		Численность населения региональных метрополисов		Численность населения неметрополитенских территорий		Численность населения пограничных территорий в составе неметрополитенских	
	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Белгородская*	1530,1	1541,3	584,4	615,4	945,7	925,9	416,5	421,5
Воронежская**	2334,9	2324,2	970,4	1058,3	1364,5	1265,9	133,3	124,8
Курская	1127,1	1096,5	415,2	451,0	711,9	645,5	130,4	112,9

*В Белгородской области два метрополиса: Белгородский и Старооскольский.

** На 2020 г.

Составлено и рассчитано по [8, 9, 10].

Максимального значения доля метрополисов в составе всего населения достигла в Воронежской области — 45,5 %, минимальной — Белгородской (на два метрополиса) — 39,9 %, в Курской — 41,3 %.

При стойкой тенденции сокращения общей численности населения областей (в Белгородской области численность населения росла по 2017 г. поэтому убыли пока не наблюдается), динамика роста абсолют-

ной и относительной численности населения региональных метрополисов оставалась положительной (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент прироста/убыли численности населения в региональных системах расселения Белгородской, Воронежской, Курской областей, % 2010–2020 гг.

Области	Коэффициент прироста/убыли численности населения областей, 2010–2021 гг.	Доля региональных метрополисов в численности населения		Коэффициент прироста численности населения региональных метрополисов, 2010–2021 гг.	Коэффициент прироста/убыли численности населения неметрополитенских территорий, 2010–2021 гг.	Коэффициент прироста/убыли численности населения приграничных территорий, 2010–2021 гг., %
		2010 г.	2021 г.			
Белгородская	0,7	38,2	39,9	5,3	-2,1	1,2
Воронежская	-0,5	41,6	45,5	9,1	-7,2	-6,4
Курская	-2,7	36,8	41,3	8,6	-9,3	-13,4

Составлено и рассчитано по [8, 9, 10].

Повышение численности и доли населения метрополисов сопровождалось поляризацией внутрирегиональных коэффициентов прироста/убыли между столицами, неметрополитенскими и приграничными территориями, т.е. расселение становится все более диалектически неравномерным. Следует отметить, что в Белгородской области прирост населения приграничных районов и городских округов носит обманчивый характер: достигнутый рост обеспечен значительным увеличением центростремительных потоков населения в пригородно-порубежный Белгородский район и процессами классической субурбанизации — интенсивным переселением жителей города в коттеджные поселки [11], обеспечиваемой проводимой политикой развития индивидуального жи-

лищного строительства [12].

Наиболее ощутимые изменения структуры расселения характерны для Курской области: убыль населения неметрополитенских территорий составила минус 9,3 %, собственно приграничных территорий — минус 13,4 %.

Трансформация расселения и его дифференциация свидетельствует о сосредоточении населения и производства в благоприятных для социально-экономического развития ядрах в условиях суженного «коридора возможностей» (см выше), продолжения периферизации разной интенсивности (не только в исследуемых областях).

Демографический прогноз динамики численности населения: основных форм расселения Белгородской, Воронежской, Курской областей

Естественная убыль населения, сокращение внешней миграции, исчерпание человеческих ресурсов сельской местности [13] и малых городских поселений приведет в перспективе к существенной депопуляции староосвоенных территорий Европейской части страны — Белгородской, Воронежской, Курской областей.

Использование метода прогнозирования численности населения позволили рассчитать среднесрочный прогноз на 2034 г. на основе показателей естественного и механического движений населения (по [14]) по основным компонентам региональных систем расселения. Прогноз динамики численности населения показал закономерное сокращение числа жителей (за малым исключением) во всех структурах, включая метрополисы. Лишь три города — Валуйки (Белгородская область), Нововоронеж (Воронежская область), Железногорск (Курская область) в 2034 г. позиционируются демографически устойчивыми (табл. 3).

Убыль населения — результат длительных причинно-следственных цепочек: «волн» отечественной войны, демографической ямы 1990-х гг., неготовности россиян к многодетности, второго демографического перехода.

Расчеты свидетельствуют о возможных потерях 8,9 % численности населения: Белгородской 6,6 %, Воронежской 10,5 %; Курской 9,0 %, пограничными территориями областей — около шести процентов — относительно немного за счет пригородного Белгородского района. Самая сложная ситуация сложится в сельской местности Курской области — она не досчитает 14,1 % населения. Степень демографической устойчивости областных экзометрополий предполагается очень разной: от 5,2 % прироста в Валуйках до 17,8 % убыли Льгове. И даже города-столицы, метрополисы ожидает падение численности населения.

Таблица 3

Прогноз численности населения Белгородской, Воронежской, Курской областей

Показатели	Численность населения		Коэффициент прироста/убыли численности населения, %
	2020 г.	2034 г.	
Численность населения областей, тыс. чел.	4969,8	4525,7	-8,9
В т. ч., тыс. чел.			
Белгородская	1549,2	1447,2	-6,6
в т. ч. сельское	503,6	449,5	-10,8
Воронежская	2324,2	2080,6	-10,5
в т. ч. сельское	744,8	653,5	-12,3
Курская	1096,5	997,9	-9,0
в т. ч. сельское	347,5	298,5	-14,1
Численность населения пограничных территорий областей	660554	622147	-5,8
Города-столицы			
Белгород	394,1	362,7	-8,0
Воронеж	1058,3	958,0	-9,5
Курск	453,0	427,0	-5,7
Большие			
Старый Оскол	223,9	221,0	-1,3
Железногорск	100,4	102,1	1,6
Средние			
Губкин	86,2	84,1	-2,5
Малые (выборочно)			
Шебекино	40,9	34,2	-16,4
Алексеевка	37,8	34,7	-8,1
Валуйки	34,2	35,9	5,2
Курчатов	38,1	35,6	-6,6
Льгов	18,1	14,9	-17,8
Нововоронеж	31,5	31,8	0,8

Составлено и рассчитано по [8, 9, 10].

Эта перспектива не станет уникальной особенностью исследуемых областей, а закономерным результатом развития демографической ситу-

ации и расселения России. По данным авторитетного издания Демоскоп Weekly, это не неожиданность, а следствия возрастной структуры населения России с неизбежной его естественной убылью в 2020–2045 гг. и близкой к нулевому уровню в 2045–2070 гг. [15].

При этом, влияние пандемии на сокращение численности населения будет ограниченным, намного сильнее скажется неблагоприятное экономическое положение многих семей, бедность и тренд на снижение рождаемости [16].

Прогноз, анализ структуры региональных систем расселения на 2034 г. показал, что из 101 муниципального образования рост численности населения предполагается лишь в девяти: пригородных районах областных столиц (%)—Белгородском (17,3), Рамонском (32,0) и Семилукском (3,7), Хохольском (0,3) (Воронежская область), Курском (12,1); трех городах (см. выше) и Грайворонском (пограничном—4,0) (Белгородская область). Таким образом, высокой устойчивостью будут обладать лишь пригородные районы первых зон областных метрополисов, что свидетельствует о продолжении процессов субурбанизации и сокращения долей ядер метрополисных ареалов (рис).

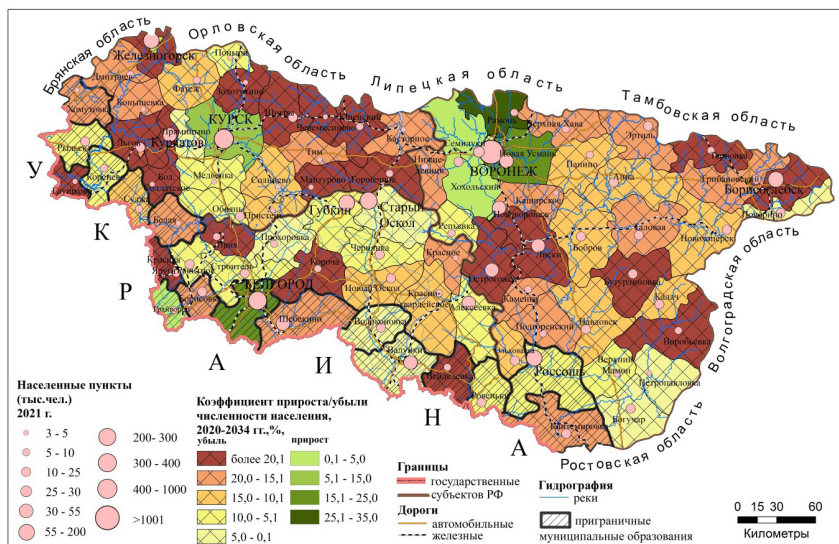

Рис. Прогноз динамики численности населения региональных систем расселения Белгородской, Воронежской, Курской областей, 2020–2034 гг., %

Убыль населения предполагается в остальных 92 муниципальных образованиях: в Белгородской и Воронежской областях по четыре района потеряют до одной четверти населения, в Курской в 11 районах от 20 до 27 % населения.

Краткие выводы

Анализ демографо-расселенческой ретроспективы региональных систем расселения с 2010 по 2021 гг. выявил существенные изменения их структуры: усиление концентрации населения в региональных метрополисах; падение численности и доли в общем населении неметрополитенских и пограничных территорий; значительный рост поляризации и периферизации расселения разной интенсивности.

Демографический прогноз основных форм расселения Белгородской, Воронежской, Курской областей на 2034 г. предполагает их существенную депопуляцию, сокращение числа жителей во всех структурах, включая большие города и метрополисы — демографический потенциал исчерпан.

Анализ прогноза внутренних структур региональных систем расселения показал, что центр роста сместится в пригородные районы; в 91 % муниципальных образований существенно сократится численность населения и, как следствие, вырастет неустойчивость сети населенных пунктов, стратификация и поляризация расселения. На смену системной безработице в малых городах и периферийной сельской местности может прийти высокий рост дефицита трудовых ресурсов. Институтам власти необходимо предвидеть развитие демографической ситуации и предпринять меры стимулирования бизнеса по механизации и автоматизации производства.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20–05–00074.

Список источников и литературы

1. Перцик Е. Н. Геоурбанистика. Издательство «Юрайт». 2018. 481 с.
2. Родоман Б. Б. Районирование как обладание пространством. Электронный ресурс URL: <https://proza.ru/2017/11/27/2118>.
3. Гужин Г. С., Е. В. Слепцова. География населения с основами социальной экологии. Краснодар. 1993. 168 с.
4. Вишневецкий А. Г., Ж. А. Зайончковская, Ю. Л. Пивоваров. Влияние демографической ситуации на региональные особенности расселения / Региональное расселение в СССР // Сб. научных докладов совещания «Методология и методика исследования проблем регионального расселения. М: ИГ АН СССР»,

- 1984, с. 15–28.
5. Народнонаселение. Энциклопедический словарь. М. БРЭ. 1994, 640 с.
 6. Чугунова Н.В., А.Г. Нарожняя, Т.А. Полякова, Н.С. Кухарук, Д.Н. Морковская. Поляризация пространства Белгородской, Воронежской, Курской областей: роль региональных столиц / Известия Русского географического общества, 2021, Т. 153, № 2, с. 18–29.
 7. Чугунова Н.В., А.Г. Нарожняя. Внутренняя структура агломераций и городского пространства Центрально-Черноземного района средствами ГИС / Управление городом. Теория и практика. № 3 (37). 2020, с. 56–62.
 8. Статистический ежегодник Курской области. 2021: Стат. сб. С25. Курск: Курскстат. 2021, 424 с.
 9. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2016–2020 гг.). Стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2021, 288 с.
 10. Показатели экономического и социального развития городских округов и муниципальных районов Воронежской области. Стат. сб. Воронеж. 2020 г. 168 с.
 11. Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Морковская Д.Н. Метрополизация «региональных столиц» Центрально-Черноземного района в трансформации размещения населения / Вестник Воронежского государственного университета. Серия География. Геоэкология, 2020, N4, с. 3–13.
 12. Кухарук Н.С., Полякова Т.А., Нарожняя А.Г. Ретроспективная оценка использования земель территорий метрополисных ареалов Белгородской, Воронежской и Курской областей / Региональные геосистемы. 2021. Том 45, № 3. с. 366–382.
 13. Морковская Д.Н. Территориальная подвижность населения как фактор будущей модели системы сельского расселения Центрально-Черноземного района / Территориальная организация общества. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021, с. 51–54.
 14. Шубат О.М., О.И. Киселева. Методы прогнозирования численности населения: опыт критического анализа / Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 7–8 декабря 2016 г., Владивосток: Дальн. федерал. ун-т, 2016, с. 328–331.
 15. Прогнозы численности населения России. Электронный ресурс URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/tema05.php>.
 16. Демограф: до 2030 года население России будет снижаться—по двум вариантам прогноза Росстата. Электронный ресурс: URL: <https://www.kp.ru/daily/27052/4118299>.

DEMOGRAPHIC AND SETTLEMENT RETROSPECTIVE AND THE FUTURE OF REGIONAL SETTLEMENT SYSTEMS. BELGOROD, VORONEZH, KURSK REGIONS

Chugunova N.V.¹, Polyakova T.A.¹, Morkovskaya D.N.¹

¹, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

The concentration of demographic, socio-economic, political, financial potentials in a large city turns it into the main city—the metropolis of a particular territory—in the Belgorod region—Belgorodskiy and Starooskolskiy, Voronezh—Voronezhskiy, Kursk—Kurskiy. In the work, calculations and analysis of a number of demographic and ecological indicators in regional settlement systems were carried out: significant changes in their structure were revealed—an increase in concentration in regional metropolises; decline in the number and share of the population of non-metropolitan and border areas. The medium-term demographic forecast has established spatial changes in the settlement structure: a significant depopulation, a reduction in the number of inhabitants of all constituents of the settlement, including metropolises. The forecast of the structure of regional settlement systems for 2034 showed that population growth will shift to the suburbs, the population will significantly decrease in 91 % of municipalities, the instability of the network of settlements will increase, and the polarization of settlement will increase. In small towns and peripheral rural areas, a high shortage of labor resources is possible, to overcome which government institutions need to take measures to stimulate business in the mechanization and automation of production.

Key words: population, settlement, metropolises, space, Belgorod, Voronezh, Kursk regions.

ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ПО ОСОБЕННОСТЯМ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Смирнов И. П.¹

¹ Тверской государственный университет,
Тверь, Российская Федерация

Исследование посвящено анализу пространственной структуры малых городов Центральной России. Вопросы пространственного развития малых городов были весьма актуальны в период бурного градообразования в советское время, но на современном этапе развития перестали попадать в фокус городских исследований. В данной работе предпринята попытка провести типологию 190 малых городов Центральной России по особенностям пространственной структуры. Ключевыми источниками информации стали картографические онлайн сервисы — Google Maps, Яндекс. Карты, Open street maps и Wikimapia. В ряде случаев использовались основные чертежи генеральных планов городов. На первом этапе работы для выявления особенностей морфологии городов были использованы традиционные представления о типах планировочной структуры, определены города с компактной, рассеченной и рассредоточенной структурой. На втором этапе была разработана авторская методика оценки сложности городского пространства. Методика построена на оценке влияния различных факторов (природных и антропогенных) на городское пространство. В результате анализа каждый город получил свой числовой индекс сложности в зависимости от степени влияния на его пространство рек, железных дорог, объектов культурного и природного наследия, крупных промышленных предприятий. На финальном этапе было проведено сопоставление морфологической структуры с оценкой сложности городского пространства, в результате чего были выделены четыре типа пространственной структуры малого города Центральной России: компактные города, рассеченные города с пространством средней сложности, рассеченные и рассредоточенные города со сложным пространством, рассредоточенные города с очень сложным пространством.

Ключевые слова: морфология города, пространственная структура города, малые города, Центральная Россия.

Введение

Несмотря на свои небольшие размеры, пространство малых городов неоднородно. Отечественные исследователи чаще всего пренебрегают рассмотрением пространственных особенностей малых городов,

а типы пространственных структур преимущественно выделяются на примере больших городов. В классической работе «География городов» Г. М. Лаппо писал: «Малый город обычно обладал компактной структурой ...» [1]. В советское время были изданы специальные работы, посвященные особенностям устройства малых и рекомендациям по их пространственному развитию [2, 3]. В современной отечественной литературе работ по систематизации информации о пространственных особенностях малых городов найти не удалось, чаще встречаются работы посвященные роли малых городов в системах расселения и перспективам развития [4, 5, 6], отдельным компонентам городской среды [7, 8] и архитектурному облику [9].

Малые города имеют свои особенности устройства пространства, которые влияют на повседневные практики их жителей. Зачастую сложность пространства и отсутствие альтернативных способов ее преодоления ведет серьезным проблемам внутригородского функционирования. В результате природных катаклизмов или антропогенных факторов связность отдельных элементов городской пространства резко сокращается, что лишает малые города одной из важнейших особенностей — проницаемости и соразмерности пространства.

Анализ пространственной структуры малых городов проводился в три этапа. На первом этапе было использовано классическое представление о типах морфологической структуры города, на втором — по авторской методике был рассчитан индекс сложности городского пространства. На финальном этапе были сопоставлены результаты анализа морфологической структуры и индекса сложности пространства.

Все малые города были разделены на три группы по характеру их морфологической структуры. Компактные — при котором все функциональные зоны города расположены в едином периметре. Рассеченные — когда городское пространство пересекают реки, овраги или железные дороги. Рассредоточенные — когда в городском пространстве выделяются несколько планировочных районов, связанных между собой транспортными путями.

Всего было рассмотрено 190 малых городов (по людности в 2020 г.) Центрального федерального округа, без учета городов Московского региона. Анализ проводился с помощью открытых данных сервисов Google Maps, Яндекс. Карты, Open street maps и Wikimapia. В некоторых случаях для уточнения границ города использовались документы территориального планирования — основные чертежи генеральных планов и правила землепользования и застройки.

В ходе работы одной из самых сложных задач стала идентификация

границ города. Вопрос состоял в том, что именно считать городом — компактную городскую застройку или территории, официально включенные в состав городских поселений и городских округов? В России уже на протяжении десятилетий идут муниципальные преобразования, в результате которых к городским территориям присоединяются большие незастроенные окружающие пространства — поля, леса, болота, а также другие населенные пункты — деревни, дачные кооперативы. Реформа довольно серьезно искажает привычные представления о городе, особенно это касается малых городов, которые в силу своей экономической и политической зависимости стоят в авангарде этих изменений. Поэтому в ходе работ было принято решение проводить анализ пространственной структуры города, основываясь на площади компактной застройки и не рассматривать удаленные от города участки, включенные официально в городскую черту.

Большинство городов имеют на своей территории различные естественные и искусственные барьеры и обладают рассеченным типом морфологической структуры. Остальные типы представлены практически равным количеством городов, 33 населенных пункта отнесены к городам с компактной структурой, 34 — с рассредоточенной структурой. Большое влияние на морфологическую структуру оказывает размер города, городов с рассредоточенной структурой значительно больше среди субсредних, чем среди городов до 10 тыс. чел. Несмотря на общую тенденцию усложнения морфологической структуры с увеличением численности населения встречаются и исключения. Например, пять субсредних городов — Десногорск и Курчатов (города энергетиков), Строитель (пригород Белгорода), Павловск и Родники — имеют компактную морфологическую структуру.

На втором этапе был рассчитан индекс сложности городского пространства. Для этого была создана база данных с ключевыми параметрами среды, влияющими на пространственное развитие городов. К ним отнесены гидрографическая сеть, сеть железных дорог, элементы рельефа, размещение промышленных предприятий, территории с особым режимом использования (ООПТ и памятники археологии). С помощью дистанционных методов для каждого города была проведена оценка влияния этих параметров на пространство. Каждому параметру в зависимости от степени влияния были присвоены балльные значения.

Полученные по каждому параметру баллы суммировались в общий индекс сложности городского пространства. В итоге пространство каждого города получило количественное измерение сложности. Показатели индекса варьируются от 0 до 3,8 (Льгов). На следующем шаге города

были сгруппированы в зависимости от полученных баллов по индексу сложности, каждой группе присвоена качественная характеристика сложности городского пространства.

Рассчитанный индекс сложности городского пространства подтверждает тезис о неоднородности пространства малых городов. Несмотря на свои небольшие размеры довольно часто в малых городах встречаются барьеры (естественные, искусственные). Из 190 городов 80 имеют пространство средней сложности. Простое пространство, в котором барьеры незначительны, характерно примерно для четверти городов. «Безбарьерной» городской средой отличаются 24 города (12,7%). Городов со сложным и очень сложным пространством не так много, всего 30 и 6 соответственно, а в сумме города этих типов составляют 20% совокупности. Наличие различных барьеров влияет на территориальную организацию города, чем сложнее пространство, тем сложнее им управлять.

Очевидно, что сложность пространства увеличивается с ростом людности городов. Доля малых городов (до 20 тыс.чел.) с очень простым и простым пространством выше, чем субсредних. Среди малых городов до 10 тыс.чел. почти для половины характерно очень простое и простое пространство. Единственный город этой группы людности, который отличается очень сложным пространством,—Кувшиново. Этот небольшой город в начале XX в. появился путем слияния трех населенных пунктов—села, рабочего поселка при фабрике, поселка при железнодорожной станции, а в конце века в его состав были включены соседние деревни. Самое сложное пространство имеют два крупных железнодорожных узла—Льгов и Бологое, причем железнодорожный фактор не единственный, который усложняет пространство. Для первого города существенную роль играют реки и ООПТ, а для второго—озеро и река. Сложным городским пространством обладают города, которые появились в результате срастания поселков при различных предприятиях—Киржач, Людиново (ОЭЗ), Рудня и др., а также города, которые испытывают сильное влияние крупных агломераций, например, Балабаново. Сложное пространство традиционно формируется в ресурсных городах в Центральной России, это города, развитие которых было связано с разработкой месторождений Московского бурого угольного бассейна—Сафоново, Нелидово, Богородицк и др., а также с месторождениями различного строительного сырья, например, г. Фокино с карьерами мергеля.

Сопоставление городов разных типов морфологической структуры и сложностью городского пространства позволило выделить типы

пространственной структуры города. Всего было выделено 4 типа: простые — компактные города, рассеченные города с пространством средней сложности, рассеченные и рассредоточенные города со сложным пространством, рассредоточенные города с очень сложным пространством. Самым многочисленным типом стал второй, к нему отнесены 108 городов. Стоит выделить два города с рассредоточенной морфологической структурой, которые были отнесены ко 2 типу — это Севск и Кремёнки. Их эксклавы и протуберанцы носят только селитебную функцию и представлены индивидуальными домами. Отметим, что протуберанцы Кремёнков находятся на довольно близком расстоянии от города. Влияние других факторов на пространство невелико, поэтому эти два города отнесены к данному типу. На втором месте по количеству городов находится 3 тип — 44 города. Простым компактным пространством обладают 33 города, очень сложным рассредоточенным только 5 (Льгов, Кувшиново, Бологое, Сафоново и Людиново).

Заключение

Поэтапный анализ на основе данных открытых космических снимков позволил провести группировку малых городов в зависимости от особенностей их современной пространственной структуры. Несмотря на свои небольшие размеры и кажущуюся компактность многие малые города имеют довольно сложное пространство. Всего выделено четыре типа пространственной структуры городов. Сложность пространства, как правило, увеличивается с размером города и во многом зависит от его генезиса. Наиболее сложным пространством обладают города — транспортные узлы, города с шахтерским прошлым и города, образовавшиеся при слиянии промышленных и железнодорожных поселков. Представление о пространственной структуре дает возможность в будущем более детально проанализировать социально-географическое пространство и оценить влияние этих структурных особенностей на жизнь в городе.

Благодарности — исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых кандидатов наук № МК-5512.2021.1.5

Список источников и литературы

1. Лаппо Г. М. География городов. Учебное пособие, Россия, с. 480, 1997.
2. Планировка и застройка малых городов (пособие по проектированию)/ Под общ. ред. Е. М. Маркова и В. С. Рязанова, СССР, с. 200, 1975.
3. Руководство по проектированию малых городов в системах расселения /

- ЦНИИП градостроительства, СССР, с. 129, 1979.
4. Ускова Т. В., Секушина И. А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов/Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, Россия, Т. 14, № 1, с. 56–70, 2021.
 5. Гунько М. С., Пивовар Г. А., Аверкиева К. В. Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова)/Изв. РАН. Сер. Географическая, Россия, № 5, с. 18–31, 2019.
 6. Машковский В. В. Фрагментация малого города как барьер для ревитализационной деятельности/Инновации и инвестиции, Россия, № 2, с. 156–158, 2021.
 7. Гельфонд А. Л., Лисицына А. В. Торговая улица малого города как общественное пространство (на примере Нижегородской области)/Academia. Архитектура и строительство, Россия, № 1. с. 17–27. 2018.
 8. Кривова Д. А. Значение социальной инфраструктуры для социально-экономического развития малых городов/Социум и власть, Россия, № 2, с. 26–32, 2013.
 9. Кубецкая Л. И., Кудрявцева Н. О. Торопец: градостроительная структура как летопись, запечатленная в генетических частях/Academia. Архитектура и строительство, Россия, № 1, с. 74–84, 2021.

APPROACHES TO THE TYPOLOGY OF SMALL CITIES IN CENTRAL RUSSIA ON THE FEATURES OF IT'S SPATIAL STRUCTURE

Smirnov I. P.¹

¹Tver State University,
Tver, Russia

The study is devoted to the analysis of the spatial structure of small cities in Central Russia. The issues of spatial development of small cities were very relevant during the period of rapid urban development in the Soviet era, but at the present stage of development they have ceased to fall into the focus of urban research. In this paper, an attempt is made to carry out a typology of 190 small cities in Central Russia according to the features of the spatial structure. Online mapping services such as Google Maps, Yandex. Maps, Open street maps and Wikimapia were used. In some cases, the main drawings of master plans of cities were used. At the first stage of the article, to identify the features of the morphology of cities, traditional ideas about the types of planning structure were used, cities with a compact, dissected and dispersed structure were identified. At the second stage, an author's methodology for assessing the complexity of urban space was developed. The methodology is based on assessing the impact of various factors (natural and anthropogenic) on the urban space. As a result of the analysis, each city received its own numerical complexity index, depending on the degree of influence of rivers, railways, cultural and natural heritage sites,

and large industrial enterprises on its space. At the final stage, a comparison of the morphological structure with an assessment of the complexity of urban space was carried out, as a result of which four types of spatial structure of a small city in Central Russia were identified: compact cities, dissected cities with a space of medium complexity, dissected and dispersed cities with a complex space, dispersed cities with very complex space.

Keywords: city morphology, spatial structure of the city, small towns, Central Russia.

ИНСТРУМЕНТЫ РЕШЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: МАСТЕР-ПЛАНЫ ИЛИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Прибышин Т. К.¹

¹Научный сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский центр», Санкт-Петербург, Россия

В дополнение к стратегиям социально-экономического развития и генеральным планам в России растёт интерес к ещё одному типу документов долгосрочного планирования городского развития — мастер-планам. Наибольшее внимание фокусируется на него в связи с тем, что в 2018 и 2021 гг. Президентом РФ В. В. Путиным были сделаны важные заявления, запустившие разработку мастер-планов сразу для более чем 20 городов Дальневосточного федерального округа. При этом такой документ, как мастер-план, по-прежнему лишен однозначного юридического статуса, в результате чего существует двойственность восприятия инструмента, а также возникают различные аналоги: градостроительные стратегии, концепции пространственного развития и др. В работе сделан вывод о том, что сопоставлению инструментов мастер-плана и генерального плана в материалах СМИ и научной литературе в России в период 2010–2022 годов уделяется значительно больше внимания, чем сопоставлению мастер-плана и стратегии социально-экономического развития, хотя мастер-план понимается, в значительной степени, как стратегический документ, определяющий приоритеты и направления развития, имеющий отражение на территориях.

Ключевые слова: город, мастер-план, стратегия социально-экономического развития, генеральный план, стратегия пространственного развития.

Введение

Пространственное планирование на уровне городов должно быть важным аспектом стратегического планирования и способом его реализации, но недостаточно сбалансированное функционирование разных уровней управления в Российской Федерации и несовершенство нормативно-правовой базы на региональном и местном уровнях периодически создаёт препятствия для согласованной реализации документов социально-экономического и пространственного планирования. Несмотря на это, различные стратегические документы продолжают разрабатываться.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 отложила начало нового этапа актуализации стратегий социально-экономического

развития, который должен был начаться в связи с утверждением Стратегии пространственного развития Российской Федерации. На этом этапе предполагалось повышение степени учёта пространственных параметров в стратегиях городов, но постепенная нормализация ситуации привела скорее к расхождению векторов: с одной стороны, к концу 2021 года к процессу стратегирования в прежнем ключе начали возвращаться регионы и муниципалитеты [1], с другой стороны, все большее внимание стало уделяться другому инструменту планирования — мастер-планам.

Оновная часть

В международной практике понятие «мастер-план» употребляется в разных смыслах, однако в Россию и в отечественную практику «мастер-план» был введён голландским урбанистом Кейсом Кристиансом, компания которого KСАР Architects & Planners в 2010 году разработала стратегию пространственного развития Перми. Кристиансе назвал документ «стратегическим мастер-планом», что делает его первым документом городского управления такого рода [2].

В России сегодня существует множество понятий-аналогов «мастер-плану», среди них: стратегия пространственного развития (Екатеринбург), градостроительная концепция развития (Кировск), градостроительная стратегия (Ачинск) и т. д. Часто одно подменяется другим и в связи с этим нет определенности, что же такое мастер-план и какие его характерные черты.

Принято считать, что мастер-план является некой конкурирующей формой генерального плана, но ряд ведущих экспертов считают, что мастер-план должен как раз приводить к общему знаменателю стратегию социально-экономического развития и генеральный план. В целях анализа существующей повестки в тематике генеральный план — мастер-план — стратегия социально-экономического развития было проведено данное исследование. В поиске и анализе данных принимали участие студенты НИУ «ВШЭ» О. Р. Бадамшина и А. О. Кецбая, проходившие практику в МЦСЭИ «Леонтьевский центр» в 2022 году.

С 2010 года практика мастер-планирования начала распространяться на другие российские города, и одновременно с этим все большее внимание мастер-планам стали уделять СМИ. В результате анализа публикаций в СМИ, проведенного на основе данных, собранных по поисковым системам в сети Интернет⁵⁴, было выявлено, что внимание к теме мастер-планирования, начиная с 2010 года постепенно, но плано-

⁵⁴ Из выборки были исключены повторяющиеся публикации — репринты.

мерно нарастало (с провалом в интересе в 2016 году), хотя до 2019 года данное понятие обсуждалось крайне ситуативно.

Важной датой стал 2018 год, когда было объявлено о поручении Президента РФ В.В. Путина по итогам расширенного заседания президиума Госсовета 23 ноября 2018 года: «представить предложения, предусматривающие переход в крупных городах от генерального плана к документу, определяющему стратегические направления градостроительного развития города», что было интерпретировано СМИ как переход от генпланов к мастер-планам [3].

В СМИ с 2015 по 2022 годы происходят постепенные изменения интерпретации понятия «мастер-плана». Из абстрактного поля обсуждения переводятся в более практическое русло. Мастер-план противопоставляется генплану и представляется как его улучшенная, более современная, демократичная и дополненная версия [4]. В публикациях отмечаются формулировки, такие как: «мастер-план—это договор между горожанами и властью» [5]. Однако в публикациях СМИ мастер-план не противоречит и почти никогда не противопоставляется стратегиям социально-экономического развития, представляясь скорее не заменой, а дополнением к ним. Вообще, какие-либо сопоставления мастер-плана со стратегиями социально-экономического развития являются единичными случаями.

Несколько отличаются от результатов по анализу материалов СМИ результаты по анализу научных публикаций. В зарубежной практике особый интерес к этой тематике проявляют ученые из США, Европы, Китая и Индии. При анализе отечественных научных статей, посвященных мастер-плану того или иного российского города, было выявлено, что количество научных работ по тематике мастер-планирования в России с каждым годом увеличивалось последние десять лет, за исключением 2017 года.

Научных работ, посвященных конкретному мастер-плану того или иного города не так много: Москва, Пермь, Усолье, Феодосия, Челябинск, Сольцы, Краснообск, Белгород, Екатеринбург, Владивосток. В других случаях работы посвящены мастер-планам внутригородских территорий Казани, Нальчика, Краснообска, Белгорода, Таганрога и других городов. Стоит отметить отдельную категорию статей, в которых говорится о непринятых мастер-планах городов или в которых авторы рассуждают о такой перспективе, как например, о необходимости разработки мастер-плана Москвы. Внимание авторов статей обращено на следующие проблемы:

- 1) Неопределенность понятия «мастер-плана» и отсутствие четкого юридического статуса;

- 2) Недостаточный уровень вовлеченности населения в разработку;
- 3) Расхождения с различными нормативными документами [6].

При этом, в рамках первой проблематики неопределенности понятия «мастер-плана» некоторые авторы пытаются определить положение мастер-плана в действующей системе документов стратегического планирования. Но так или иначе, развитие вопроса о сопоставлении мастер-плана и стратегии социально-экономического развития вновь оказывается неполным.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что происходит значительный рост внимания к тематике мастер-планирования городов как со стороны СМИ, так и со стороны научного сообщества.

Выделяется три вида позиционирования данных документов: мастер-план, как замена генерального плана; мастер-план как дополнение к генплану; и мастер-план как объединение генплана и стратегии социально-экономического развития. Таким образом, нужно отметить, что существует «конкуренция инструментов» и, хотя происходит разработка большого количества документов под общим названием «мастер-план», зафиксировано, что понятие активно используется СМИ, даже если сам итоговый документ формально имеет другое наименование.

Дальнейшая перспектива мастер-планирования определяется «заказом сверху». В ходе Восточного экономического форума 2021 было объявлено о начале разработки мастер-планов развития 22 городов ДФО, что сопоставимо с общим количеством мастер-планов, принятых за 12 лет с внедрения данного названия в отечественную практику. Результаты разработки мастер-планов дальневосточных городов продемонстрируют возможности тиражирования практики мастер-планирования на все города России и должны позволить понять, в каком виде документ с данным названием войдет в широкую практику городского управления.

Список источников и литературы

1. Прибышин Т.К. Стратегирование социально-экономического развития российских городов после пандемии / В сборнике: Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность. материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург, 2021. С. 388–398.
2. Мастерское планирование / Бюллетень городов России № 7, 2017. КБ

- Стрелка. [Электронный ресурс]. URL: <https://media.strelka-kb.com/bulletin7-masterplan> (Дата обращения: 16.04.2022).
3. Путин поручил в крупных городах заменить генпланы документами стратегического развития // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/5931991?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (Дата обращения: 15.04.2022).
 4. Зачем городам мастер-планы // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.interfax.ru/ru/projects/infrastructure/120701/> (Дата обращения: 15.04.2022).
 5. Алексей Муратов: мастер-план — это договор между горожанами и властью // Архсовет Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://archsovet.msk.ru/article/ot-pervogo-lica/Alexei-muratov-master-plan-eto-poloticheskii-dogovor-megdu-goroganami-i-vlastiu> (Дата обращения 14.04.2022).
 6. Тузовский В. С. Становление понятия «мастер-план» в отечественной градостроительной теории и практике // Ноэма (Архитектура. Урбанистика. Искусство), 2019. № 1. С. 29–43.

TOOLS FOR SOLVING STRATEGIC PROBLEMS OF RUSSIAN CITIES: MASTER PLANS OR STRATEGIES FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Pribyshin T. K. ¹

¹Researcher, International Centre for Social and Economic Research
“Leontief Centre”, Saint Petersburg, Russia

In addition to socio-economic development strategies and general layouts, in Russia there is a growing interest for another type of long-term urban development planning documents—master plans. The most attention is focused on master plans due to the fact that in 2018 and 2021, President of the Russian Federation Vladimir Putin made important statements that launched the development of master plans for more than 20 Far Eastern Federal District cities at once. At the same time, such a document as a master plan is still deprived of an unambiguous legal status, resulting in duality of perception of the instrument, as well as various analogues: urban planning strategies, spatial development concepts, etc. The paper concludes that the comparison of the tools of the master plan and the general layout is given much more attention than the comparison of the master plan and the strategy of socio-economic development in the media and scientific literature in Russia during the period 2010–2022, although the master plan is understood, to a large extent, as a strategic document defining priorities and directions of development, which is reflected in the territory.

Key words: city, master plan, socio-economic development strategy, master plan, spatial development strategy.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ В МАЛОМ ГОРОДЕ

Лебедев П. С.

Тверской государственный университет,
Тверь, Российская Федерация

В статье приводятся результаты исследования пространственного устройства города Бежецка. В особенности уделяется внимание распределению объектов сферы обслуживания и изменениям в рисунке их размещения за последние 30 лет. Материалами послужили данные из открытых веб-картографических источников, телефонные справочники, полевые наблюдения. Полученные сведения были картографированы и проанализированы с помощью инструментов пространственного анализа в геоинформационных программах ESRI ArcGis и QGis. Выявлена постепенная кластеризация объектов обслуживающей сферы в ограниченном количестве точек — в самых населенных или проходимых местах. Кластеризация приводит к поляризации, выражающейся в параллельном процессе исхода обслуживающей сферы с городских окраин и одновременном росте ограниченного числа центров. Особенно сильно за рассматриваемый период выросла роль исторического центра в обслуживании населения за счет значительного роста числа обслуживающих объектов.

Ключевые слова: малые города, сфера обслуживания, социально-географическое пространство, городское пространство, Бежецк

Введение

В России порядка 1100 городов, из которых более 750 относятся к категории малых поселений. Небольшие размеры и зачастую узкоспециализированная экономическая база оказались уязвимы к макроэкономическим изменениям периода постсоветской экономической трансформации. В дальнейшем это привело к экономическому сжатию, падению уровня жизни, усилению оттока населения и повышению смертности. Все это накладывает свой отпечаток на городское пространство. Описанные проблемы в целом находят отражение в отечественной научной литературе, то их пространственный аспект остается почти не освещенным.

О трансформации сферы обслуживания, в том числе и о пространственном аспекте этого процесса, написаны работы, во многом посвященные крупным городам. Стоит отметить труды К. Э. Аксенова и коллег, освещающие изменения в сфере обслуживания Санкт-Петербурга [1]. В нашей же работе представлены результаты исследования, проведенного в малом городе Бежецке. Теоретической основой работы является концепция социально-географического пространства, систематизирующая обширную и разнородную информацию о городе [3].

Материалами исследования послужили данные о местоположении и типе объектов обслуживания на несколько дат—1990, 2005 и 2020 г. Актуальная информация собрана из открытых веб-картографических источников и уточнена на местности. Ретроспективная—из телефонных справочников городских организаций. Основные методы связаны с анализом данных в геоинформационных программах ESRI ArcGis и QGis.

Прежде чем рассмотреть пространственные изменения в обслуживании, нужно сказать несколько слов об устройстве самого города. Согласно археологическим раскопкам, поселение возникло на холме в месте впадения небольшой реки Похвалы (старое название Вздун) в р. Мологу. Дальнейший рост городов шел вдоль реки на север, запад и юг (Рис. 1.а). Начиная с XX в. территориальный рост изменил свое направление—осваивались земли с восточной стороны, активно застраивалось пространство на севере за рекой Остречиной. В этот период площадь города увеличилась более чем в 2 раза. В процессе развития отдельные части поселения получили свои неофициальные народные названия по главным улицам (Кашинский, Краснослободской), топонимам помещённых деревень (Ивановское, Орлиха), советским проектам строительства жилья и заводов (Сельмаш, Микрорайон и тд.), уникальным объектам (Штаб, Березовая роща), а также известным и сокрытым тайной историей—Ботаника и Тёщин посёлок (Рис. 1.б).

Население концентрируется в районах многоэтажной советской застройки: Микрорайон, Сельмаш, Сельхозтехника (далее СХТ) и северная часть района Ботаника (Рис. 8). Районы с преимущественно частной застройкой закономерно отличаются слабой концентрацией населения: Штаб, Березовая роща, Ивановское, Кашинская, Микрорайон Восток. Исключением является центр города, малая населенность которого объясняется практически полным отсутствием жилой застройки. Большая часть промышленных объектов города сосредоточена в его северной части, рядом с железной дорогой. Размещение объектов обслуживания неоднородно. Наибольшая их концентрация и разнообразие наблюдается в районах плотного проживания населения, вдоль главной городской

улицы — ул. Большой, а также на пересечениях важных автомагистралей и в центре.

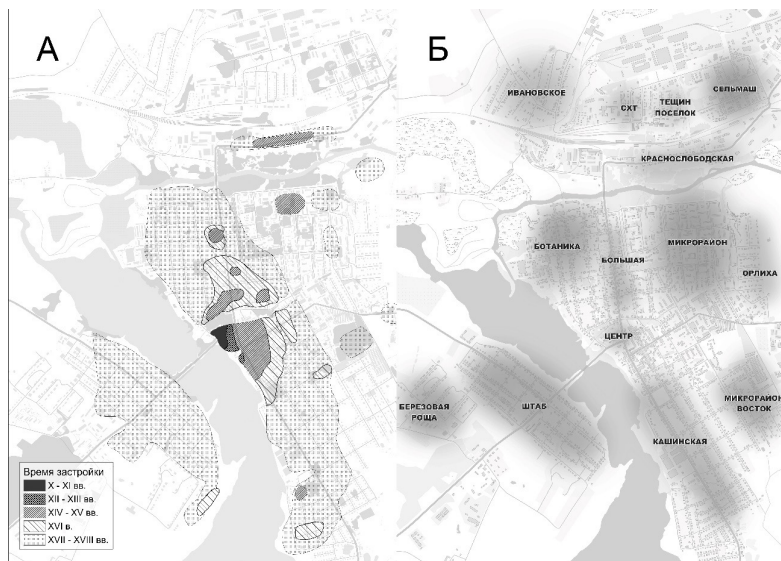

Рис. 1. Время застройки (А) составлено по данным изучения культурного слоя археологами и вернакулярные районы (Б)

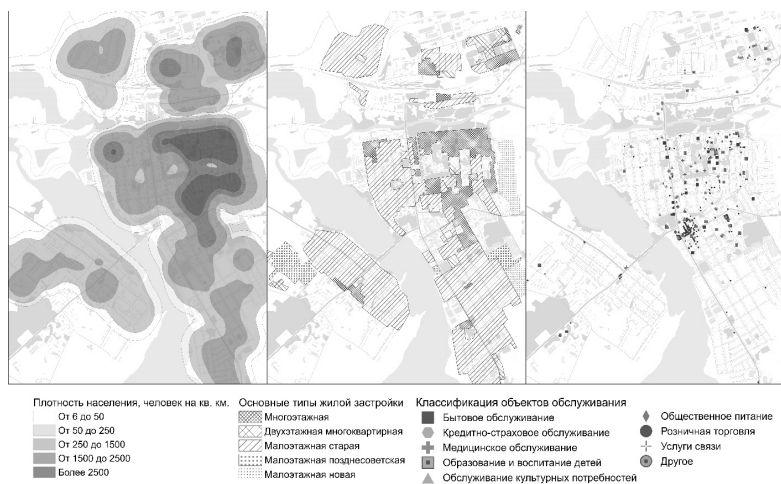

Рис. 2. Плотность населения, основные типы жилой застройки, классификация объектов обслуживания

Отметим, что объекты обслуживания были сгруппированы, основываясь на классификации функционала, предложенной Алексеевым, Ковалевым и Ткаченко [2] (Рис. 2). Центральная часть характеризуется скоплением максимального числа рыночных объектов. В районах советской застройки Микрорайон, Сельмаш и Старт сосредоточены практически все категорий объектов, но отличительной особенностью является преобладание объектов бытового обслуживания. Высокая густота объектов в центре объясняется исторической преемственностью места и особенностями планировочного устройства города. Центральная часть является важным местом в городе. Отсюда расходятся дороги на Тверь, Кашин, через Весьегонск в Вологодскую область, а также через Сонково на Рыбинск. Отсутствие объездных путей вокруг города увеличивает трафик в центре.

За прошедшие 30 лет в структуре и рисунке распределения объектов обслуживания заметны значительные изменения. Общее число объектов с 1990 года по 2020 увеличилось в 2,5 раза. Значительную долю стали составлять объекты розничной торговли. В 90-е году на них приходилось более 1/3 от всех объектов, а в 2020 году практически 2/3 (Таблица 1). По большинству категорий отмечается рост числа объектов. Исключением является сокращение в сфере образования и воспитания. Также снизилось число объектов связи.

Таблица 1.

Объекты обслуживания на 1990, 2005, 2020 гг.

N	Название группы	Единицы			Проценты		
		1990	2005	2020	1990	2005	2020
1	Бытовое обслуживание	26	18	41	14	9,3	8,5
2	Кредитно-страховое обслуживание	3	6	22	1,6	3,1	4,6
3	Медицинское обслуживание	9	13	18	4,8	6,7	3,7
4	Образование и воспитание детей	37	27	24	19,4	13,9	5
5	Обслуживание культурных потребностей	12	11	15	6,5	5,7	3,1
6	Общественное питание	17	13	43	9,1	6,7	8,9
7	Розничная торговля	66	85	298	35,5	43,8	62
8	Услуги связи	13	11	8	7	5,7	1,7
9	Другое	4	10	12	2,2	5,2	2,5
Всего		186	194	481	100	100	100

Для отображения распределения объекты были картографированы (Рис. 9). Расчет густоты объектов обслуживания позволил проследить концентрацию. Так, в 1990 году распределение объектов обслуживания характеризовалось наличием нескольких отдельных центров: в историческом центре города, в местах компактного проживания населения, а также на пересечениях главных улиц. В 2005 году общая картина в целом осталась такой же. Однако заметно уменьшение числа объектов обслуживания на периферии: вдоль Кашинской и Краснослободской улиц, а также в вернакулярных районах при производствах: Сельмаш, СХТ, Ботаника. Ситуация 2020 году отличается повышенной концентрацией объектов в историческом центре города, восточнее центра — вокруг ТЦ, а также в Микрорайоне и Сельмаше. Увеличилось количество объектов на перекрестках главных дорог. Заметно «срастание» исторической (торговой) части города с Микрорайоном, через сближение ареалов повышенной густоты.

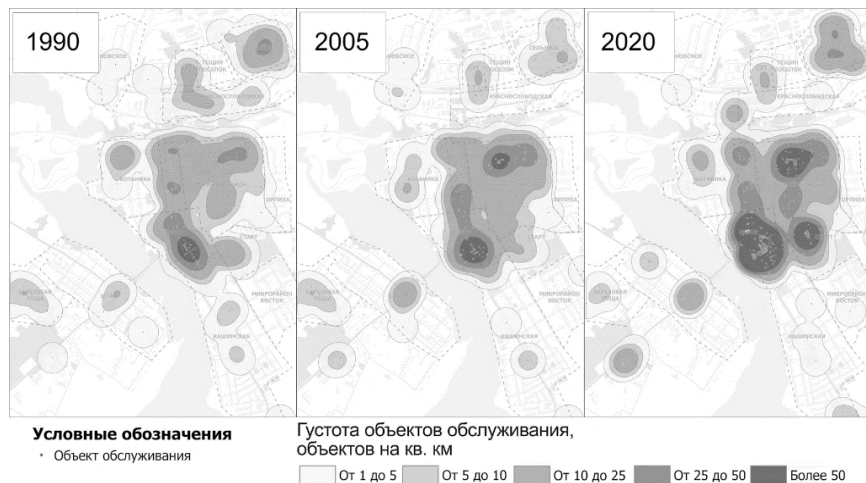

Рис. 3. Изменение густоты объектов обслуживания в 1990, 2005, 2020 гг.

Охарактеризовать прошедший процесс можно понятием «кластеризация» — образованием скоплений объектов обслуживания в нескольких точках города. Кластеризация приводит к поляризации — разрастанию отдельных центров и «опустыниванию» городской периферии.

В связи с распределением населения и типом застройки, виден исход объектов обслуживания из районов с преимущественно частной застройкой и низкой плотностью населения. Исключение — отдаленные

районы при производствах. Снижение численности населения и стремление к экономии привело к закрытию ряда нерыночных объектов — детских садов, одной школы, филиалов ССУЗов и некоторых других. За рассматриваемый период на размещение объектов обслуживания оказал влияние переход к рыночной экономике. Организации стремятся концентрироваться в наиболее «бойких» точках городского пространства, занять плотно населенные или оживленные места.

Наглядно результаты процесса развития сферы услуг показаны на следующей карте (Рис. 5). По стандартным ячейкам рассчитана динамика изменения абсолютного числа объектов обслуживания с 1990 по 2020 гг. Увеличение их числа просматривается наиболее четко в историческом центре, Микрорайоне и Сельмаше. При этом на периферии объекты исчезают либо остаются в том же количестве, что и в 1990 г.

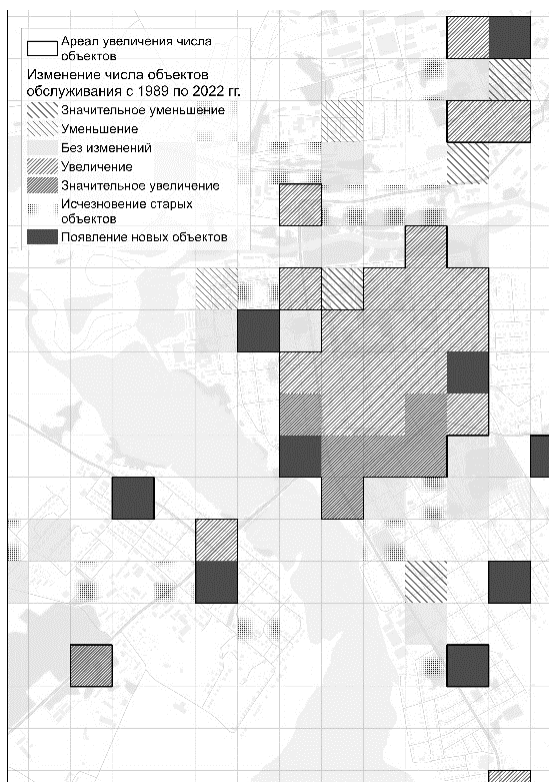

Рис. 5. Изменение числа объектов обслуживания в территориальных ячейках с 1990 по 2020 гг.

Заключение

Таким образом, для Бежецка характерно сохранение функционального использования исторической части города как основного торгового места. Большая часть объектов рыночного обслуживания сконцентрирована именно там. Также достаточно большое число объектов сосредоточено в районах советской застройки, что в полной мере удовлетворяет повседневные потребности местных жителей. За прошедшие 30 лет роль исторического центра в обслуживании населения только увеличилась за счет появления нового бизнеса, а также ввиду пространственного сжатия сети обслуживания на периферии. Происходит постепенная «кластеризация» обслуживающей сферы в наиболее «бойких» точках городского пространства и на территории плотного проживания населения. На фоне неравномерно роста частного бизнеса наблюдалось сокращение числа объектов бытового обслуживания — школ, детских садов.

Благодарности — Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых кандидатов наук № МК-5512.2021.1.5.

Список источников и литературы

1. Аксенов К. Э., Зиновьев А. С., Морачевская К. А. Роль ритейла в трансформации микрорайонного принципа организации городской среды // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 3 (2019). С. 13–27.
2. Алексеев А. И., Ковалев С. А., Ткаченко А. А. География сферы обслуживания основные понятия и методы учебное пособие / А. И. Алексеев, С. А. Ковалев, А. А. Ткаченко, Тверь, 1991. 117 с.
2. Ткаченко А. А. Социально-географическое пространство крупного города: Концептуальные основы исследования // Городское пространство: социально-географические подходы. Сборник научных трудов. Сер. «География и региональное развитие». 2002. (2). С. 3–16.

RESULTS OF THE POST-SOVIET TRANSFORMATION OF THE PLACEMENT OF SERVICE FACILITIES IN A SMALL TOWN

Lebedev P. S.¹

¹Tver State University,
Tver, Russia

The article presents the results of a study of the spatial structure of the city of Bezhetsk. In particular, attention is paid to the distribution of service facilities

and changes in the pattern of their location over the past 30 years. A gradual clustering of objects of the service sphere in a limited number of points—in the most populated or passable places—is revealed. Clustering leads to polarization, expressed in the parallel process of the exodus of the service sector from the urban outskirts and the simultaneous growth of a limited number of centers. During the period under review, the role of the historical center in serving the population increased especially strongly due to a significant increase in the number of service facilities..

Key words: small towns, service sector, socio-geographical space, urban space, Bezhetsk

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАЗВИТИЕ УМНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ЕС В 2010–2030 ГГ.: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Тисленко М. И.¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Статья посвящена обзору мер наднациональной и национальной политики стран ЕС в области развития умных городов в Европе. Автор рассматривает два этапа. Первый этап — 2010–2020 годы: в рамках этого периода Евросоюз признал важность создания “умных городов”, создал общие условия для их развития. Согласно полученным выводам, основными финансовыми механизмами поддержки умной городской среды стали программы грантов и государственных закупок по таким направлениям, как энергоэффективность, мобильность и транспорт, а также зеленые технологии. Это способствовало как развитию новых проектов в городах, где ранее такой практики не существовало, так и укреплению лидерства передовых городов ЕС.

Второй этап — 2020–2030 годы: в рамках этого периода в ЕС смещается фокус с географического аспекта (города как точки внедрения высоких технологий) в сторону всеобъемлющей цифровой трансформации. В связи с запуском программы «Следующее поколение ЕС», направленной на восстановление экономики Евросоюза, каждое государство-член ЕС в 2021–2022 гг. готовит план по восстановлению и устойчивости, где предусмотрены меры по цифровизации. Автор проанализировал такие планы и действующие стратегии цифровой трансформации на предмет географического/городского компонентов, а также программы поддержки проектов умных городов на национальном/муниципальном уровнях. Основной вывод — умная городская среда продолжает развиваться во всех странах ЕС, несмотря на то, что в актуальных стратегических документах меньшее внимание уделяется именно городскому аспекту.

Ключевые слова: цифровая трансформация экономики, цифровизация городской среды, цифровая трансформация в ЕС, умные города.

Введение

Урбанизация и цифровизация — два важных тренда XXI века. В настоящее время 56 % населения мира проживают в городской среде; также в городах производится более 80 % экономических благ [11]. Тем не менее, вызовы, стоящие перед городами, в части эффективно-

го менеджмента ресурсов, снижения антропогенного воздействия на окружающую среду и комфортной жизни горожан, заставляют экспертов и управленцев искать решения текущих и будущих проблем. Одним из таких решений стала концепция «умного города»: «умной» городскую среду делает использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в таких областях, как управление, экономика, транспорт, энергоснабжение, и даже здравоохранение и досуг. Проекты умных городов реализуются как отдельными агломерациями (Москва, Казань, Копенгаген, Дублин, Шанхай), так и целыми государствами, отличающимися по уровню социально-экономического развития и институциональной среде—Индия [7], Китай [13], Саудовская Аравия [2] и Южная Корея [12]. Внедрение ИКТ и иных высоких технологий в городах невозможно без комплексной политики цифровой трансформации, поэтому даже если на национальном уровне не декларируются умные города как приоритеты, отдельные государственные меры в области цифровизации экономики способствуют продвижению умной городской среды.

В центре внимания данной работы находится наднациональная политика ЕС в области развития умных городов. Цель статьи—проанализировать меры поддержки умной городской среды в ЕС в 2010–2020-х гг. и на основании этого анализа определить проблемы и перспективы данной области в Европе. Ключевой исследовательский вопрос статьи звучит следующим образом: каким Европейский союз как наднациональное объединение поддерживает умные города?

Основные методы, используемый в данной работе,—сравнительный анализ мер публичной политики ЕС и государств, входящих в его состав, а также дескриптивный статистический анализ в части финансирования.

Ретроспективный анализ мер поддержки проектов по развитию умной городской среды в Евросоюзе в 2010–2020 гг.

За последние 10 лет ЕС создал общие условия развития умных городов, к которой прибегают подавляющее большинство экономик Европы, таких как Германия, Испания и Австрия. ЕС признает важность развития европейских городов в сторону «smart city», и отмечено в стратегических документах—Стратегии ЕС [3] и Городской повестке ЕС [10]. Следует отметить, что в силу сильных традиций федерализма, субсидиарности и децентрализации, в ЕС нет верховного органа или программы, который бы консолидировал все проекты по смартизации

европейских городов, однако приняты разнообразные инициативы по отдельным направлениям — транспорт, энергетика и т. д.

Началом для развития умной городской среды стала программа «Европа-2020», запущенная в 2010 году сроком на 10 лет. В ее рамках были провозглашены семь инициатив и три приоритета: умный (эффективные инвестиции в образование и НИОКР), устойчивый (снижение выбросов CO₂ и ориентация на энергоэффективность) и инклюзивный (создание рабочих мест и снижение бедности) рост [4]. Все приоритеты так или иначе перекликаются с проблематикой умных городов, однако главные меры заложены в инициативе «Innovation Union flagship initiative» (далее: инициатива «Союз инноваций»).

В контексте данной работы интерес представляет партнерство «Умные города и сообщества» (EIP-SCC). Оно призвано активизировать взаимодействие городов, промышленности и жителей в нескольких областях: производстве и потреблении энергии, городском транспорте и мобильности, а также в городских ИКТ. EIP-SCC функционирует как информационная платформа [5], на которой публикуются нормативные акты, новости о грядущих событиях (конференциях, мастер-классах и воркшопах) и грантах.

Финансирование проектов в области «умных городов» в ЕС осуществляется в рамках существующих фондов союза — Фонда сплочения (финансирует также проекты программы «Городская повестка») и Фонда конкурентоспособности и инноваций. Следует отдельно упомянуть о проектах, финансируемых по линии стратегии «Горизонт 2020», в рамках которой ЕС развивает НИОКР: это те инициативы, которые подпадают под категорию «Маяк», то есть связаны с повышением энергоэффективности и внедрением умных счетчиков и датчиков [9]. Таким образом, в ЕС есть три главных источника финансирования развития умных городов, в зависимости от их тематики.

В целом можно охарактеризовать стратегию ЕС периода 2010–2020 гг. в части продвижения умных городов как рамочную со свободными и рыхлыми границами, которая предоставляла возможности, информационную и институциональную инфраструктуру для продвижения умных технологий в городах. Перечисленные меры стимулировали активность в отдельных странах, таких как Испания, Нидерланды, Германия и Австрия, где они накладывались на национальные программы, которые также носят мягкий стимулирующий характер в формате создания благоприятной для развития среды и реализации политики в области грантов и госзакупок.

Это способствовало как развитию новых проектов в городах, где

ранее такой практики не существовало, так и укреплению лидерства передовых городов ЕС, что подтверждается присутствием 4 европейских столиц в рейтинге умных городов IESE2020 года в топ-10 списка (Париж, Копенгаген, Берлин и Амстердам). На первом месте рейтинга находится Лондон, который располагается в Великобритании, уже бывшем члене ЕС.

Современная политика ЕС в области цифровой трансформации и развития умной городской среды

На следующем этапе планирования в ЕС продвижение умной городской среды осталось в повестке стратегических документов интеграционного объединения фактически в прежнем виде: развитие умных территорий рассматривается как инструмент территориального развития и реализации ключевых приоритетов программ ЕС.

В 2021 году Европарламент принял программу по восстановлению экономики после пандемии COVID-19, которая получила название «Следующее поколение ЕС» (NextGenerationEU) [8] до 2027 года. Кроме того, были приняты 6 приоритетов на 2019–2024 годы, в том числе «Европа, приспособленная к цифровой эпохе». Именно в его рамках провозглашается дальнейшее развитие «умных технологий, основанных на данных» для сообществ. Еврокомиссия отмечает в своем обращении: «Сегодня большинство цифровых услуг, предлагаемых этими платформами [умных данных], ограничиваются базовыми сервисами, такими как «умная парковка», «умное освещение» или телематика общественного транспорта. Цифровизация также играет ключевую роль в развитии «умных деревень», то есть сообществ в сельской местности, которые используют инновационные решения для повышения своей устойчивости, опираясь на местные сильные стороны и возможности» [1]. Следовательно, пространственный фокус цифровой трансформации смещается с городских объектов в том числе на сельские территории. Таким образом, корректнее будет говорить о приоритете цифровизации территориальных экономических субъектов, а не только городских хозяйств.

Говоря о финансировании плана «Следующее поколение ЕС» и обозначенных приоритетов, следует отметить, что Еврокомиссией был предложен беспрецедентный по масштабу инструмент экономического стимулирования — Фонд восстановления и устойчивости экономики (Recovery and Resilience Facility), общей суммой на 723,8 млрд. евро [8]. Эти средства состоят из грантов (338,0 млрд. евро) и займов в виде еврооблигаций (385,6 млрд. евро) и могут быть выделены каждой

экономике страны-члена ЕС, подготовившей и защитившей подготовить национальный план восстановления. Такой план восстановления и устойчивости должен предусматривать бюджет, в средства выделяются на переход к «зеленой» экономике, цифровую трансформацию и социальной/территориальной сплоченности. На диаграмме 1 показан размер выделенных странами средств (в абсолютных и относительных значениях) на цифровую трансформацию в рамках защищенных национальных планов восстановления.

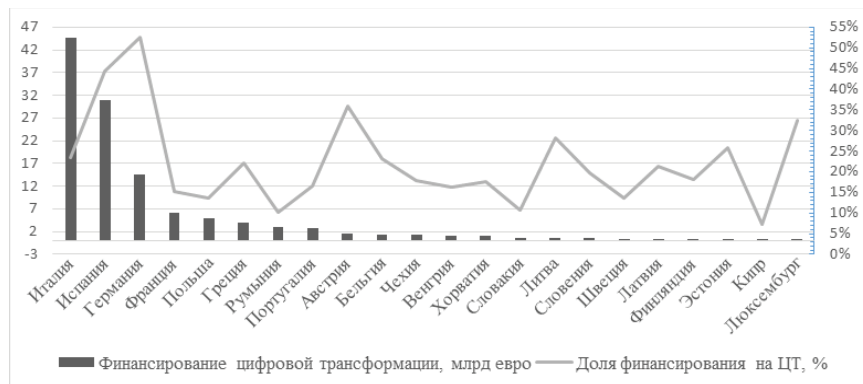

Диаграмма 1. Распределение по странам одобренных средств Фонда восстановления и устойчивости в абсолютном (млрд. евро) и относительном (%) значениях

Источник: составлено автором по материалам базы данных аналитического агентства «Брейгель» [6]

Лидером по абсолютному финансированию является Италия с 44 млрд. евро, из которых только на цифровизацию (как «чистую» категорию) пойдет 33 млрд. евро. Далее идет Испания—30,9 млрд. евро, и замыкает тройку лидеров Германия с 14,6 млрд. евро. В долевых пропорциях картина несколько отличается: Германия из всех средств грантового и долгового финансирования в рамках своего плана восстановления и устойчивости экономики на цифровую трансформацию выделяет 52,5 %, Испания—44,4 %; следом идет Австрия—35,8 %. Примечателен случай Люксембурга: всего ему выделили в рамках Фонда 93,4 млн. евро, из которых на цифровизацию уйдет 30 млн. или 32,6 %.

Территориальное развитие—один из аспектов применения цифровых технологий; следовательно, для оценки использования членами ЕС потенциала цифровизации городской экономики можно обратиться, во-первых, к их стратегиям цифровой трансформации, включая изло-

женным в утвержденных планах по восстановлению и устойчивости, а также к выделенному ЕС финансированию в рамках плана «Следующее поколение ЕС».

На следующем этапе исследования автор проанализировал стратегии цифровой трансформации каждой из 27 экономик, входящих в состав Европейского союза. В каждом стратегическом документе был проведен семантический поиск тематик, связанных со смартизацией, через контент-анализ текста. Далее происходила верификация курса смартизации в каждом государстве через публичные источники информации: осуществлялся поиск либо отдельных национальных/региональных/городских стратегических документов (план по развитию, дорожная карта, рамочная стратегия, пр.), посвященного продвижению умных технологий в городах, либо реализуемых проектов по развитию «умного города». Следующим шагом было произведено ранжирование на основании присвоенных баллов согласно критериям, представленным в таблице 1.

Таблица 1

Критерии ранжирования стратегий цифровизации государств-членов ЕС

Наименование критерия	Возможные значения	Присваиваемый балл
Наличие актуальной стратегии цифровой трансформации (сокр. наличие актуальной стратегии)	Отсутствует	0
	Принята до 2020 г. и действует по настоящее время	0,5
	Принята в 2020 г. и позднее, действует по настоящее время	1,0
Упоминание мер по цифровой трансформации именно городских экономик/ развитию умных городов/ территорий (сокр. упоминание цифровизации городов)	Не упоминаются	0
	Упоминаются кратко	0,5
	Упоминаются в качестве важного инструмента/ обособленного направления деятельности	1,0
Наличие у национального правительства/ самих городов обособленных планов развития умных городов (сокр. стратегирование смартизации)	Отсутствует/ не были найдены в публичном доступе	0
	Найдены не менее чем у 1 города	0,5
	Есть функционирующая программа поддержки	1,0

Источник: составлено автором на основании собственных изысканий.

В результате проведенных операций была получена следующая статистическая картина, представленная на диаграмме 2.

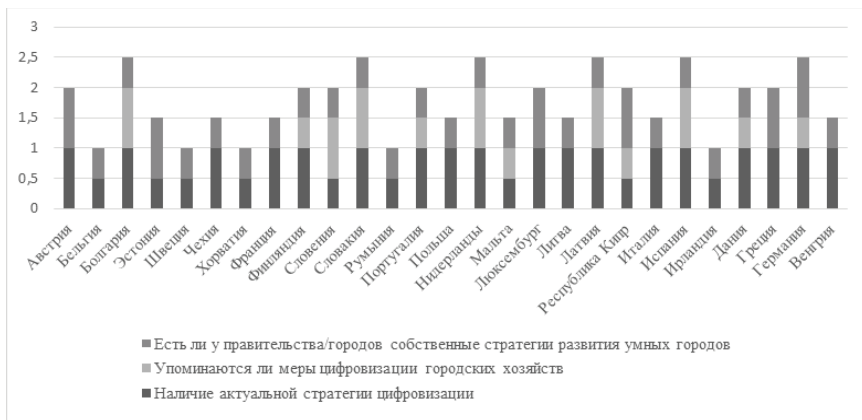

Диаграмма 2. Результаты ранжирования стратегий членов ЕС по стратегированию цифровой трансформации городских экономик, балл

Источник: составлено автором на основании собственных изысканий.

У 19 членов ЕС из 27 есть актуализированная после 2020 года стратегия цифровой трансформации, причем у Португалии и Италии— это как раз стратегии по восстановлению и устойчивости экономики. Более половины государств не упоминают развитие «умного» потенциала своих городских или иных территорий в качестве инструмента или направления цифровой трансформации, но все же 44 % уделяют этому аспекту внимание в документах стратегического планирования. Если переходить от стратегирования к имплементации, то следует отметить, что цифровизация городских хозяйств отдана, преимущественно, на откуп самим городам, то есть по крайней мере в одном городе был зафиксирован факт имплементации умных городских проектов. Тем не менее, 6 членов ЕС реализуют отдельные программы господдержки умной городской среды: Австрия, Германия, Греция, Кипр и Люксембург.

В итоге, просуммировав баллы по трем критериям, следует констатировать, что образовалась когорта из 6 лидеров с 2,5 баллами: Болгария, Германия, Испания, Латвия, Нидерланды и Словакия. Можно заметить, что из государств, реализующих национальные стратегии поддержки умных городов, только Германия попала в список лидеров. Самую низкую оценку (1 балл) получили Бельгия, Ирландия, Румыния, Хорватия и Швеция. Примечательно, что распределение стран по лидерам и аутсайдерам никак не коррелирует со степенью экономического развития, выраженного в подушевом ВВП на ППС, если сравнить, например, Болгарию и Бельгию, или Латвию и Швецию. Проведенный

анализ говорит нам о декларируемых приоритетах в документах и реализуемых программах по смартизации.

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать следующий вывод: для распространения технологий умных городов в странах-членах Европейский союз как наднациональное объединение создал в 2010-е гг. общие условия в виде программ грантов и государственных закупок, а также информационной платформой с банком данных реализуемых проектов. На предыдущем этапе в фокусе стратегии ЕС находились проекты по смартизации, связанные с мобильностью, энергоэффективностью и ресурсосбережением.

С 2020 года умная городская повестка уходит на второй план в стратегических документах, а в приоритете оказались вопросы всеобъемлющей цифровой трансформации и охраны окружающей среды. При этом в ЕС разработан внедряется флагманский стратегический план «Следующее поколение ЕС», который, вместе с приоритетами, отмечает важность территориального развития, в том числе сельских территорий, и экономико-географической связанности посредством цифровых и умных технологий. Анализ финансирования по линии Фонда восстановления и устойчивости экономик показал, что в среднем по утвержденным планам государства ЕС потратят 25 % на цифровую трансформацию экономик и сопряженных областей деятельности. Лидерами по выделяемым средствам являются Италия, Испания и Германия, большего всего в относительном выражении выделяют на цифровизацию Германия, Испания и Австрия.

В рамках анализа места смартизации городов в стратегировании государствами-членами ЕС были рассмотрены их стратегии цифровой трансформации. Больше всего уделили в своих документах развитию умной городской среды такие государства, как Болгария, Германия, Испания, Латвия, Нидерланды и Словакия.

Если говорить о перспективах и проблемах продвижение умной городской среды в ЕС, то полученные выводы позволяют рассчитывать на развитие умных городов в ЕС за счет поддержки цифровой трансформации и «зеленой» повестки. При этом фокус пространственного развития будет охватывать не только урбанизированные, но и сельские территории. Потенциальной проблемой может стать сохраняющаяся пространственная дифференциация между членами ЕС: умные города—это всегда дорогостоящий проекты, и их реализация в более экономически преуспевающих государствах будет вести к дальнейшему усугублению пространственных различий в Европейском союзе.

Список источников и литературы

1. 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade // Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Document 52021DC0118, Brussels, 09.03.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX-%3A52021DC0118> (дата обращения: 01.03.2022)
2. Alam T. et al. Big Data for Smart Cities: A Case Study of NEOM City, Saudi Arabia // Smart Cities: A Data Analytics Perspective. — Springer, Cham, 2021. — С. 215–230.
3. Europe 2020—A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth // European Commission 2010. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COM-PLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 01.03.2022)
4. European Commission. Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth // European Commission, Communication from the Commission, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COM-PLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 01.03.2022)
5. European Innovation Partnerships—Smart Cities and Communities (EIP-SCC) // Official website. [Электронный ресурс] URL: <https://eu-smartcities.eu> (дата обращения: 01.03.2022)
6. European Union countries' recovery and resilience plans // Bruegel think tank, official website. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bruegel.org/publications/datasets/european-union-countries-recovery-and-resilience-plans/> (дата обращения: 01.02.2022)
7. Kumar N. M., Goel S., Mallick P. K. Smart cities in India: Features, policies, current status, and challenges // 2018 Technologies for Smart-City Energy Security and Power (ICSESP). — IEEE, 2018. — С. 1–4.
8. Recovery Plan for Europe // European Commission, official website. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (дата обращения: 01.03.2022)
9. Russo F., Rindone C., Panuccio P. The process of smart city definition at an EU level // WIT Transactions on Ecology and the Environment. — 2014. — Т. 191. — С. 979–989.
10. What is the Urban Agenda for the EU? // European Commission official webpage. URL: <https://ec.europa.eu/futurium/en/urban-agenda-eu/what-urban-agenda-eu> (дата обращения: 01.03.2022)
11. Urban world: Mapping the economic power of cities // McKinsey Global Institute Report. URL: https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/urbanization/urban%20world/mgi_urban_world_mapping_economic_power_of_cities_full_report.ashx (дата обращения: 01.03.2022)
12. Yoo Y., Kim K., Han J. Comparison analysis of smart city projects-Implications

- for U-City //Bus. Econ. Soc. Sci. Humanities (BESSH).— 2016.— T. 76.— № . I. 3.— C. 41–50.
13. Yu W., Xu C. Developing Smart Cities in China: An Empirical Analysis //International Journal of Public Administration in the Digital Age (IJPADA).— 2018.— T. 5.— № . 3.— C. 76–91.

DIGITAL TRANSFORMATION AND SMART CITY DEVELOPMENT IN THE EU IN 2010–2030: PROSPECTS AND CHALLENGES

Tislenko M. I.¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia

This article reviews supranational and national policies of EU countries for the development of smart cities in Europe. The author studies two stages. The first stage—2010–2020: in this period, the EU recognized the importance of creating “smart cities” and created the general conditions for their development. According to the findings, grant programmes and public procurement in such areas as energy efficiency, mobility and transport, as well as green technologies, became the main financial mechanisms to support smart cities. This contributed both to fostering new projects in cities where such practices did not previously exist and to strengthening the leadership of advanced EU cities.

The second phase took place in 2020–2030: Within this period, the EU is shifting its focus from the geographical dimension (cities as high-tech deployment points) to a comprehensive digital transformation. With the launch of the “EU Next Generation” Programme, which aims to give impetus to the EU economy, each EU member state prepares a recovery and sustainability plan in 2021–2022, which includes digitalisation measures. The author has analysed such plans and current digital transformation strategies for geographical/urban components as well as programmes to support smart city projects at national/municipal level. The main conclusion is that the smart city environment continues to develop in all EU countries, despite the fact that current policy documents pay less attention to the urban aspect.

Keywords: economy digitalisation, urban digital transformation, digital transformation in the EU, smart cities.

МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Туркин В. А.¹

Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В данной статье рассматривается вопрос пространственного развития городов во время проведения международных спортивных соревнований, в качестве которых рассматриваются Олимпийские игры и Чемпионат мира по футболу ФИФА. Рассматриваются основные подходы к изучению влияния спортивных мероприятий на развитие городского пространства. На основании мирового опыта проведения международных спортивных мероприятий выделяются стандартные модели пространственного развития городов с описанием их особенностей.

Ключевые слова: пространственное развитие, международные спортивные мероприятия, спортивные мега-события, Олимпиада, Чемпионат мира по футболу, модели пространственного развития городов

Крупнейшие международные спортивные мероприятия открывают перед городами достаточно много возможностей, но, вместе с тем, и создают новые вызовы для их развития. Во многом они связаны со спецификой города, принимающего соревнования, и страны-хозяйки в целом. Для того, чтобы максимизировать положительный эффект от проведения спортивных мега-событий и минимизировать негативное воздействие, города разрабатывают отдельные стратегии развития в этот период. Конечно, большое внимание в них уделяется пространственному развитию городов, и, в зависимости от приоритетных целей от проведения мероприятия, можно выделить несколько стандартных моделей пространственного развития, характерные для каждой из стратегий.

К крупнейшим международным спортивным мероприятиям будет целесообразно отнести Олимпийские игры и Чемпионаты мира по футболу ФИФА. Эти соревнования являются наиболее значимыми в спортивном мире, именно они привлекают внимание миллионов болельщиков, зрителей и экспертов со всего мира. И, что важно, именно они связаны с наибольшими финансовыми затратами и инфраструктурными

проектами. Соответственно, и для развития городского пространства они также являются наиболее значимыми.

В этой связи, достаточно большое количество исследований в спортивной географии посвящено именно тематике проведения спортивных мега-событий и интеграции создаваемой инфраструктуры в городское пространство. В 1996 году Х. Уилсон в своей статье ввела понятие Олимпийский город. Для такого города она указывала на необходимость наличия спортивной инфраструктуры, технических возможностей для достижения высоких спортивных результатов и аудитории для создания позитивной телевизионной картинки. Олимпийским городам необходимы современные стадионы, базы для подготовки, жилье для размещения спортсменов и работников, туристическая инфраструктура и технические возможности для коммуникации с остальным миром через телетрансляции. Таким образом, Олимпийский город должен быть привлекательным не только для инвесторов, но и для атлетов и зрителей [1]. Получается, что Х. Уилсон рассматривает все городское пространство целиком, а не только спортивные кластеры как фактор успеха города как хозяина Олимпиады. В 2002 году Н. Шовал охватил все прошедшие Олимпийские игры, выделив четыре исторических периода. Он пришел к выводу, что города стали использовать Игры для того, чтобы стать туристическими и культурными центрами мирового уровня, а их районы борются за перераспределяемые ресурсы, туристический потенциал и инвестиционную привлекательность [2]. То есть, он отметил важность проведения Игр для конкретных районов города, которые могут получить конкурентные преимущества за счет этого. С. Эссекс и Б. Чакли отмечали, что для современных городов спортивные мега-события—это возможность в ускоренном темпе осваивать градостроительные программы и региональные инициативы. Они концентрировали внимание на развитии транспортной инфраструктуры городов, отмечая развитие общественного транспорта, обновление аэропортов и автомобильных дорог [3].

При всем многообразии исследований влияния международных спортивных мероприятий на пространственное развитие городов, попыток выделить стандартные модели в этом процессе не было. Между тем, международный опыт показывает, что типичные стратегии проведения мероприятий предполагают схожие подходы к развитию городского пространства.

Первую из них можно условно назвать «пропагандистской» по основной стратегической цели проведения спортивных мега событий. Яркими примерами ее применения можно считать Олимпиады 1936

и 1980 годов, а также Чемпионат мира по футболу в ЮАР-2010.

Олимпийские игры в Берлине вообще являются первым примером международных соревнований, при проведении которых особое значение имела обстановка вокруг спортивных арен и во всем городе. Также она является ярчайшим примером переплетения спорта и политики. Важнейшей задачей для Третьего Рейха было показать «человеческую» сторону режима, и огромную роль для этой иллюзии должен был сыграть сам Берлин [4]. Для этого была произведена кратковременная «либерализация» городской жизни, отмена сегрегации и множества запретов. Все было нацелено на создание благоприятной картины для приезжих зрителей, спортсменов и дипломатов—создание своеобразной «витрины» государства.

В плане подготовки к Олимпиаде-1980 в Москве можно выделить схожие черты с берлинским примером. Например, в 1936 году еврейское население было временно вывезено за город, чтобы не было заметно их бедственное положение, а в 1980 за пределы Москвы таким же образом вывозились маргиналы и криминальные элементы [5]. Огромные усилия были вложены в создание «витрины» благополучия и счастья—можно вспомнить заполнение полок магазинов дефицитными товарами.

В обоих случаях, когда Олимпийские игры проходили в недемократических государствах с огромной ролью государственной идеологии, их главной целью было доказать, что существующий в них политический режим является наилучшим и самым справедливым. В пространственном развитии это проявлялось, в частности, в повышении роли городского центра и особом внимании к главным улицам—очевидно максимальное стремление стянуть внимание к наиболее благополучным районам города и не допускать зрителей и спортсменов на окраины. Так как огромная роль отдавалась визуальной части, в том числе и для телевизионной аудитории, съемки городов также могли проводиться только с согласия местных правоохранительных органов и только с наиболее выигрышных ракурсов. И в плане пропагандистского визуального эффекта обе эти Олимпиады свои цели выполнили. Однако, как показала практика, это крайне слабая модель в долгосрочной перспективе, так как создание «витринного» эффекта не влекло за собой глобальных изменений в городской жизни.

Организаторам Чемпионата мира в ЮАР также было важно создать хорошее впечатление о своей стране, куда спортсмены и зрители изначально ехали с предубеждениями [6]. В мире сложилось негативное представление о стране на тот момент—как об апартеиде с зашкаливаю-

шим уровнем расизма и нетерпимости. С помощью вовлечения беднейших районов городов через организацию там локальных мероприятий, а также реализацию программ ФИФА по противодействию расизму, стране отчасти удалось улучшить свою репутацию, однако, как уже говорилось, к реальным экономическим дивидендам для страны это так и не привело. Во многом и из-за неоправданно высоких затрат на проведение турнира, которые не были компенсированы доходами от туризма и телевизионных трансляций. Опять же, в долгосрочной перспективе они себя не оправдали.

Вторым примером стратегии пространственного развития городов можно назвать экологичную модель. Экологическая повестка является одной из ключевых для всех современных международных спортивных мероприятий, но конечно здесь особенно выделяется пример Лиллехаммера [7]. «Бело-зеленые» Игры показали мировому сообществу, что можно проводить такие соревнования не только с минимальным вредом для городской экологии, но и извлекать из них пользу. В норвежском примере наибольшую важность имел кропотливый выбор расположения спортивных объектов, позволивший с максимальной бережностью отнестись к природе вокруг города. Спортивные объекты были вынесены в достаточно отдаленные районы, где их негативное влияние на экологию было минимально. Само городское пространство претерпело минимально возможные изменения. В будущем вопрос взаимоотношений спортивных кластеров и местных экосистем станет ключевым для всех международных соревнований — можно вспомнить тесное взаимодействие ЮНЕСКО с оргкомитетом Олимпиады в Сочи при создании кластера в Нижнеимертинской бухте. Еще одним важным моментом стало использование экологичных материалов при строительстве объектов. Это стало стандартом для всех будущих соревнований. В целом, экологичная модель остается наиболее деликатной к городскому пространству, минимально затрагивая его и экосистему ближайших пригородов.

Достаточно актуальной в наши дни является модель, которую можно назвать «антикризисной». В условиях ограниченности ресурсов подготовка к проведению международных спортивных мероприятий проходит в условиях небольших бюджетов и инвестиций. В этих ситуациях МОК и ФИФА выбирают те города и, где уже существует инфраструктура для проведения соревнований. В случаях Лос-Анджелеса, Пекина и Токио, у этих городов имелось большое количество спортивных объектов, готовых к проведению Олимпийских игр. Это позволило не вносить существенных изменений в городское пространство, сконцентрироваться на социально значимых инициативах в отдельных районах

городов. Эта модель была актуальна весь период пандемии коронавируса и, скорее всего, в ближайшие годы сохранит свою актуальность при проведении большинства крупнейших международных мероприятий.

Одна из наиболее эффективных моделей направлена на редевелопмент депрессивных и старопромышленных районов города. При этом они получают связь с соседними частями города и центром — открываются новые ветки и станции метрополитена, развивается сеть наземного общественного транспорта. Обслуживающие сооружения после окончания соревнований перепрофилируются и начинают играть актуальную для данного района роль — олимпийские деревни преобразуются в жилые дома и социальные квартиры, медиацентры превращаются в музеи и социальные учреждения. Из наиболее известных примеров можно отметить Стратфорд в Лондоне, Хоумбуш-Бэй в Сиднее, Джамсил в Сеуле, портовые районы Токио и Барселоны.

Часто объектом редевелопмента становятся портовые и прибрежные районы, хотя соревнований на открытой воде на Олимпиадах очень немного. Такие примеры можно увидеть в Барселоне, Сиднее и Сочи. Модернизируются порты, благоустраивается прибрежная зона, перестраиваются неиспользуемые доки и промышленные сооружения. Очень важно, что существует возможность благоустройства земель с сильно загрязненными почвами и вовлечения их в городскую жизнь, как это произошло в Сиднее.

Модель редевелопмента старопромышленных и депрессивных районов города доказала свою эффективность в самых разных городах, ее можно считать одной из наиболее успешных. Она позволяет городам формировать новые ядра развития, причем их функционал после окончания мероприятия может не ограничиваться спортивной функцией.

Были в истории и случаи полного преображения городов за счет проведения международных спортивных соревнований. Известнейшим из них является Скво-Вэлли — небольшой горнолыжный курорт, который был полностью перестроен для проведения Олимпийских игр. При реализации такой модели городское пространство полностью преобразуется, создаются новые объекты ключевой инфраструктуры, модернизируется дорожная сеть и гостиничный сектор, появляются не только спортивные кластеры, но и целые новые районы города. Такая модель более характерна для Чемпионатов мира по футболу, так как они проводятся в нескольких городах страны, не каждый из которых является крупнейшим или столичным. Олимпийские игры все же обычно проводятся именно в крупных городах, а Скво-Вэлли является скорее исключением из этого правила. Конечно, кроме возможностей, это таит и по-

тенциальные проблемы для небольших городов — в частности, большие долги после окончания мероприятий и необходимость содержать на балансе крупные стадионы, которые затруднительно сделать прибыльными для города.

Таким образом, можно выделить несколько моделей пространственного развития городов при проведении крупнейших спортивных мероприятий. Каждая из них имеет специфические преимущества и особенности влияния на городское пространство. Степень их применимости в каждом конкретном случае должна определяться оргкомитетом спортивного мега-события и местными властями. Грамотный выбор стратегической модели поможет получить максимальный положительный эффект от проведения международного спортивного мероприятия и достичь целей, которые организаторы ставят при подготовке к ним.

Список источников и литературы:

1. Wilson, H. What is an Olympic city? Visions of Sydney 2000. // Media, Culture and Society, Vol. 18. 1996. pp. 603–618
2. Shoval, N. The new phase in competition for Olympic gold: The London and New York bids for the 2012 Games. // Journal of Urban Affairs, Vol. 24. 2002. pp. 583–599
3. Essex, S. and Chackley, B. Olympic games: Catalyst of urban change. // Leisure Studies, Vol. 17. 1998. pp. 187–206
4. Олимпиада-1936: самые спорные Игры в истории [Электронный ресурс] — DW — URL: <https://www.dw.com/ru/олимпиада-1936-самые-спорные-игры-в-истории/a-3494253>
5. Гостевая карта: как Москва принимала Олимпиаду-80 [Электронный ресурс] — Известия — URL: <https://iz.ru/1032618/arsenii-zamostianov/gostevaia-karta-kak-moskva-prinimala-olimpiadu-80>
6. ЮАР: от ксенофобии и расизма до успешного Чемпионата мира [Электронный ресурс] — BBC — URL: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2012/06/120602_ru_s_south_africa_football
7. Lillehammer 1994 Legacy — IOC — URL: <https://olympics.com/ioc/legacy/lillehammer-1994-legacies-all>
8. Los Angeles 1984 Legacy — IOC — URL: <https://olympics.com/ioc/legacy/los-angeles-1984-legacy>
9. Seoul 1988 Legacy — IOC — URL: <https://olympics.com/ioc/legacy/seoul-1988-legacies-all>
10. Barcelona 1992 Legacy — IOC — URL: <https://olympics.com/ioc/legacy/barcelona-1992-legacy>
11. Sydney 2000 Legacy — IOC — URL: <https://olympics.com/ioc/legacy/sydney-2000-legacies-all>

12. Sochi 2014 Legacy—IOC—URL: <https://olympics.com/ioc/legacy/sochi-2014-legacies-all>
13. Скво-Вэлли-1960—История Олимпийских игр—URL: <http://olimp-history.ru/node/367>

MODELS OF URBAN SPATIAL DEVELOPMENT DURING INTERNATIONAL SPORT EVENTS

Turkin V. A. ¹

¹St. Petersburg State University (SPbU),
St. Petersburg, Russia

This article examines the issue of spatial development of cities during international sporting events, which include the Olympic Games and the FIFA World Cup. The main approaches to the study of the impact of sporting events on the development of urban space are considered. Based on the global experience of international sporting events, standard models of urban spatial development are highlighted and their features are described.

Keywords: spatial development, international sports events, sports mega-events, Olympics, FIFA World Cup, urban spatial development models

ПРИЧИНЫ ЗАКРЫТИЯ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В ГОРОДАХ РОССИИ

Усс В. В.

¹Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Россия

Городской общественный транспорт в России был сформирован в логике планово-директивной экономики. Это привело к проблемам в управлении транспортным хозяйством в процессе формирования рыночной экономики. Ряд разнообразных причин привели к волне закрытия систем электротранспорта в последние десятилетия. Задача этой работы проследить динамику закрытий и понять, что являлось наиболее распространённой причиной этого при помощи анализа официальной статистики и публикаций СМИ.

Ключевые слова: трамвайно-троллейбусное управление, маршрутная сеть, пассажиропоток, износ сети, подвижной состав, банкротство предприятия, политическое решение.

Введение

В истории общественного транспорта России можно выделить периоды. Применительно к трамваям это будут периоды становления, пика, демонтажа и новой волны развития. Основная мысль данной работы базируется на том, что, похоже, развитие городского электротранспорта степенно входит в новый период, который часто называют трамвайным Ренессансом. Об этом можно судить по тому, что решений, направленных на развитие систем, а не на их ликвидацию, становится больше в отечественной практике городского управления.

В переходной период важно обобщить всю информацию о предыдущих закрытиях систем электротранспорта, чтобы выявить основные ошибки в системе принятия решений местными властями. Очень часто городские руководители исходят из представлений, которые не имеют общего с качественным развитием городского транспорта. Знание таких слабых мест может помочь в формировании программ обучения для нового поколения городских управленцев, а также провести итоговую черту под длительным периодом деградации городского электротранспорта в России.

Анализ исследуемого периода

В первую очередь необходимо составить общую картину о процессах в отрасли в последнее время. Для этого были использованы статистические сборники “Транспорт в России 2020” [1] и “Транспорт в России 2009” [2]. Использование двух сборников позволило получить представления об изменении показателей в период с 1995 г. по 2018 г. Недостатком такого подхода является то, что не все показатели отражены в двух сборниках.

На первой паре графиков (Рис.1,2) мы видим, что суммарная длина троллейбусных линий росла, что расходится с картиной ожиданий. Объяснить это можно тем, что в некоторых городах как Видное, Подольск троллейбусное движение было открыто уже в постсоветский период. Размеры этих сетей небольшие, но вполне достаточные, чтобы перекрыть отрицательные значения. Сокращение длины трамвайных путей сообщеня стабильное, без резких скачков. На этом фоне более радикально выглядит график сокращения численности подвижного состава (Рис.2). При анализе публикаций иногда можно найти свидетельства того, что в ряде городов в середине 90-х годов происходило пополнение парков. Как посредством выполнения ранее заключённых контрактов с отечественными производителями, так и через покупку машин бывших в эксплуатации в странах Европы (особенно это характерно для городов с нетипичной для России шириной колеи трамвая в 1000мм). Далее мы видим спад, который объясняется старением, последующим списанием техники и невозможностью приобрести новый подвижной состав. На графиках ниже мы сможем найти подтверждение этим словам.

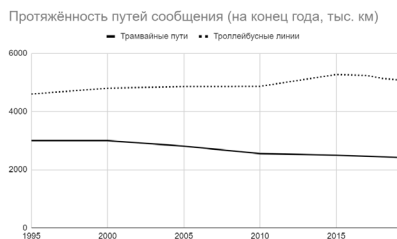

Рис. 1

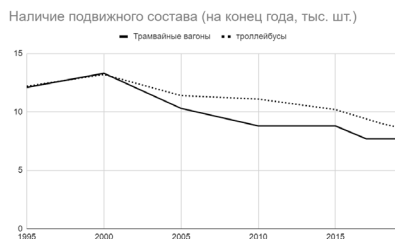

Рис. 2

Далее представлены графики, которые отражают снижение количества перевезённых пассажиров обоими видами транспорта в абсолютном (Рис.3) и относительном (Рис.4) выражении. Динамики графиков совпадают, а темпы сокращения числа пассажиров очевидно превыша-

ют и сокращения длины сети и подвижного состава. Это может привести к мысли, что причины падения пассажиропотока заключены в другом. Частично ответ на эту мысль можно найти в аналитике публикаций. Забегая вперёд отметим, что для некоторых администраций сокращение числа пассажиров уже было поводом достаточным для закрытия сети.

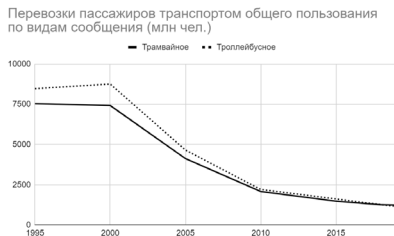

Рис. 3

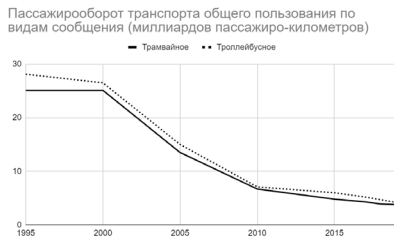

Рис. 4

Группа последних графиков (Рис.5–7) раскрывает содержание вопроса об обновлении подвижного состава. На графике производства новых транспортных средств (Рис.7) видно, что падение объёмов производства продолжалось вплоть до 2015 года. Причём в случае с троллейбусам, падение было особенно ощутимым и подтверждение этому можно найти на в графике на рис. 5. На нём видно, что уже с 2005 года начались попытки обновления подвижного состава. Далее доля новых машин держится на уровне 25–40%, при этом происходит закономерное старение техники, приобретённой ранее. Более тяжело выглядит график с возрастом трамваев.

Рис. 5. Возрастная структура парка троллейбусов (на конец года в процентах к итогу)

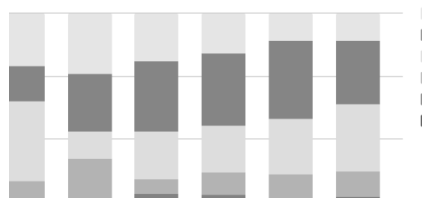

Рис. 5

Рис. 6. Возрастная структура парка трамвайных вагонов (на конец года в процентах к итогу)

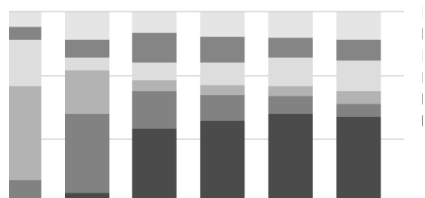

Рис. 6

С 2005 года происходит стремительный рост среднего возраста вагонов, который замедлился только к 2019 году. К этому времени в России налажено производство трамваев “Витязь-М”, которые в больших количествах закупает Москва, новые заказы.получает Усть-Катавский вагоностро-

ительный завод.

Эти тенденции подтверждаются на графике 7

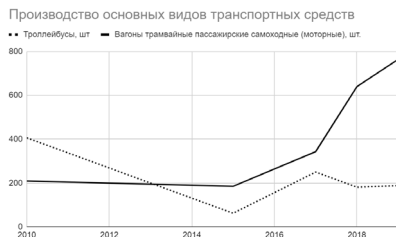

Рис. 7

Таким образом, мы видим, что на протяжении 15 лет в России происходило сокращение и старение систем электротранспорта. На содержание хозяйства, обновление подвижного состава и зарплаты сотрудникам необходимы деньги, а число пассажиров стремительно сокращается. Для многих городов электротранспорт на балансе становится неподъемной ношей, с которой нужно что-то делать.

Принятые решения

На этом этапе была проанализирована информация том как изменилась протяжённость трамвайных путей и в каких городах закрылось троллейбусное движение. Нужно сказать, что Росстат вёл подробную статистику по длине сетей только в период с 1995 по 2008 год. Найти качественную информацию по длине эксплуатируемых линий удалось только для трамваев[3]. Это объясняет разность в подробности материала и оставляет задел для более глубокой проработки вопроса в дальнейшем.

Данные представлены в виде карт. Также разработаны карты отдельно закрытых трамвайных систем и более подробные версии на европейскую часть страны в формате ГИС-проекта.

Из 69 трамвайных и 97 троллейбусных систем были закрыты 11(16 %) и 13 (13,4 %) соответственно. Числа могут показаться незначительными. Но более подробный анализ (Рис.9) показывает, что большая часть из оставшихся трамвайных систем деградирует, часть из них на грани закрытия. Лишь только в двух городах за рассматриваемый период длина путей увеличилась (Набережные Челны, Магнитогорск). Нужно предполагать, что результаты подробного анализа троллейбусных систем окажутся похожими.

Троллейбусные системы в РФ

В период с 1995 по 2021 год по данным Росстата и прочих специализированным источникам в РФ закрылось 13 троллейбусных систем. Значительная часть действующих систем не развивается, либо же деградирует.

Условные обозначения

Населённые пункты
с троллейбусной сетью

- Закрытой
- Действующей

□ Границы регионов субъектов РФ

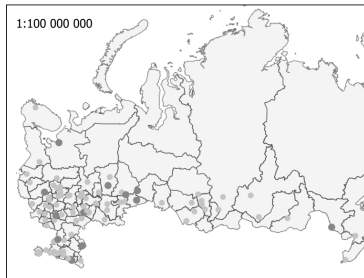

Рис. 8

Подробный анализ состояния трамвайных систем в РФ

1:50 000 000

Условные обозначения

Изменения в длине сетей
с 1995 по 2019 гг

- Без изменений
- Увеличилась
- ◇ Сократилась менее чем на 50%
- ◆ Сократилась более чем на 50%
- ◆ Сеть закрыта

□ Границы субъектов РФ

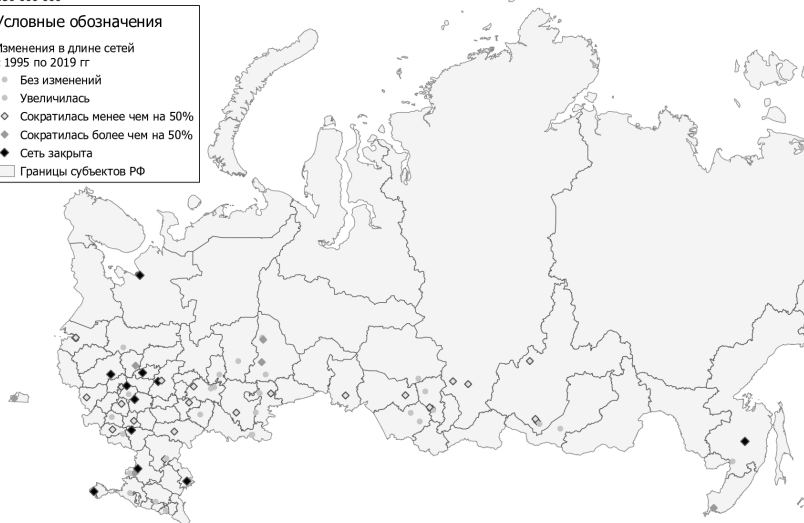

Рис. 9

Причины закрытия

Третья часть работы заключалась в составлении базы публикаций СМИ и прочих источников с информацией о причинах закрытия транспортных систем. Как правило, СМИ ссылаются на официальные объяснения представителей администраций городов или на документы ими публикуемые.

Было обработано 60 и 81 публикаций, содержащие информацию о трамвайных и троллейбусных системах соответственно. Из каждого материала были выделены причины закрытия, некоторые из них были объединены в категории (например, снижение доходов и нерентабельность). Далее было подсчитано количество упоминаний каждой из причин для каждой закрытой системы городе. В целях создания более уравновешенной картины каждому из вариантов начислялись баллы от 1 до 3, где 3 — для наиболее частотного показателя, 2 — для показателей, частота которых не менее 50% от частоты первого, 1 для прочих выявленных.

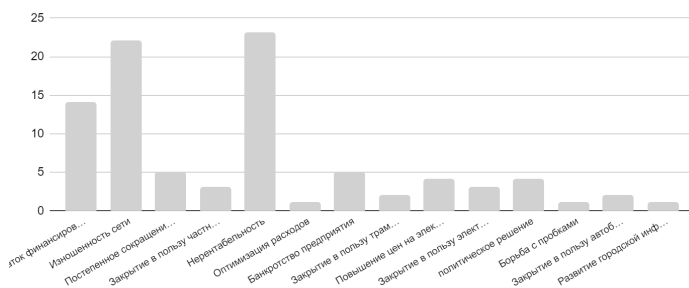

Рис. 10

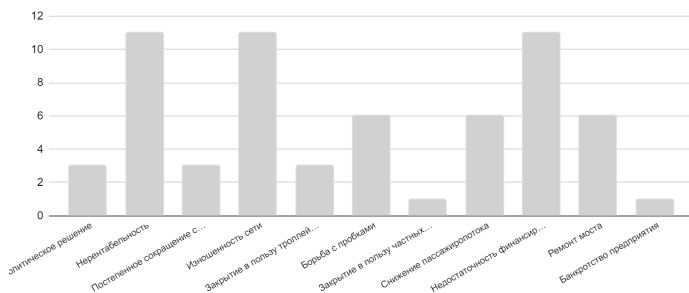

Рис. 11

Итоговая разбалловка выявленных причин закрытия систем
электротранспорта

Трамваи		Троллейбусы	
Недостаточность финансирования	11	Нерентабельность	23
Нерентабельность	11	Изношенность сети	22
Изношенность сети	11	Недостаток финансирования	14
Борьба с пробками	6	Постепенное сокращение сети	5
Снижение пассажиропотока	6	Банкротство предприятия	5
Ремонт моста	6	Повышение цен на электроэнергию	4
Постепенное сокращение сети	3	политическое решение	4
Закрытие в пользу троллейбуса	3	Закрытие в пользу электробуса	3
Политическое решение	3	Закрытие в пользу частных перевозчиков	3
Банкротство предприятия	1	Закрытие в пользу автобусов	2
Закрытие в пользу частных перевозчиков	1	Закрытие в пользу трамвая	2
		Борьба с пробками	1
		Оптимизация расходов	1
		Развитие городской инфраструктуры	1

Не смотря на разное содержание позиций в лидеры рейтинга по двум видам транспорта вышли одни и те же причины (Табл. 1): нерентабельность, изношенность сети и недостаток финансирования (со стороны города).

На двух графиках мы можем разбить причины на три категории по частоте встречаемости (Рис. 10,11).

- Изношенность сети понимается в широком смысле: единиц техники, контактной сети, ремонтной базы и т.д.
- Особое внимание в трамвайном рейтинге привлекает пункт “ремонт моста”. Его можно трактовать шире, это тот случай, когда часть или вся сеть закрывается из-за ремонта дорожного полотна, но к прежнему режиму работы не возвращается.
- Во всех городах, в которых трамвайное движение закрывалось в пользу троллейбусного, последнее также было ликвидировано.
- Часто отсутствие финансов приводит к изношенности сети в целом, из-за этого уменьшается объём выпуска машин на линии, отсюда падение пассажиропотока и снижение объёма доходов как итог.
- Закрытие троллейбусной сети в пользу электробусов — исключительное свойство Москвы.

- За “политическим решением” часто стоят суждения (без подтверждения) о сговоре власти с частными перевозчиками или банальной не любви главы города к определённом виду транспорта.

Заключение

Главный вывод можно свести в вопрос к обобщённому аппарату чиновников: почему муниципальный транспорт должен быть доходным? Множество публикаций, исследований институтов и мировой опыт говорят, что общественный транспорт—это не источник доходов в казну, это социальный инструмент. Общественный транспорт должен быть предсказуемым, понятным, удобным. Только при гуманистическом подходе к развитию электротранспорта можно добиться развития объектов коммерции, строительства жилья, культурной жизни вокруг новых и существующих линий, они уже в свою очередь будут приносить новый доход в городскую казну[4].

Нежелание решать проблемы сложными способами, которые дают результат спустя длительное время, искажённое представление о назначении транспорта, сухой бюрократический подход—это всё приводит к тому, что города остаются без транспорта. Выходом из этого могут стать реформы в системе обучения кадров для управления городами.

Сегодня в России намечается поворот в сторону осознания важности качественного городского транспорта, в том числе и электрического. Остаётся надеяться, что приведённые выше показатели будут обобщать конец периода деградации электротранспорта в городах России, а качественное управление доберётся и до сравнительно небольших населённых пунктов.

Список источников и литературы

1. Транспорт в России. 2020: Стат.сб./Росстат.—Т 65 М., 2020.— 108 с.
2. Транспорт в России—2009 г. [Электронный ресурс].—Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b09_55/Main.htm.—Дата доступа: 02.04.2022.
3. Трамвайные системы России. Рейтинг по обособлению путей [Электронный ресурс].—Режим доступа: <https://tramlanes.ru/>.—Дата доступа: 02.04.2022.
4. Развитие общественного транспорта в городах России. Отраслевой обзор: ВЭБ РФ, 2021.— 13 с.

REASONS FOR CLOSURE OF ELECTRIC TRANSPORT SYSTEMS IN RUSSIAN CITIES

Uss V. V.

¹St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, Russia

Urban public transport in Russia was formed in the logic of a planned-directive economy. This led to problems in the management of the transport sector in the process of forming a market economy. A number of diverse reasons have led to a wave of closures of electric transport systems in recent decades. The purpose of this work is to trace the dynamics of closures and understand what was the most common reason for this through the analysis of official statistics and media publications.

Key words: Tram and trolleybus management, route network, passenger traffic, network deterioration, rolling stock, enterprise bankruptcy, political decision.

ТИПОЛОГИЯ КРУПНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ ПО МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЗА 2014–2019 ГГ.

Логвинов И. А.¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Россия

Была произведена типология агломераций из стратегии пространственно-го развития России до 2025 года (38, без Москвы и Санкт-Петербурга) по уровню социально-экономического развития на основе такого индикатора как коэффициент миграционного прироста при помощи кластерного анализа. Обоснование необходимости типологии стал факт неоднородности агломераций, доказанный через коэффициент вариации. По итогу было выделено 5 кластеров. Наилучшим уровнем социально-экономического развития отличаются агломерации 3 кластеров или 13 агломераций.

Ключевые слова: городские агломерации, миграции, типология, стратегия пространственного развития, кластерный анализ, типология

Введение

Динамичные и успешные городские агломерации являются полифункциональными центрами с диверсифицированной структурой экономики [1, 89–113 стр.], разнообразием видов деятельности и профессий, в которых концентрируется экономическая масса (произведённый валовый городской продукт), современные высокотехнологичные сервисы (включая — финансовые и высокотехнологичные услуги), наиболее высокотехнологичные отрасли промышленности, креативный класс (включая — ИТ-специалистов и программистов; специалистов «креативной экономики»; ученых, студентов и исследователей; управленцев) [2, 320–322 стр.], формируется большая часть добавленной стоимости (особенно в условиях перехода к постиндустриальной и постфордской экономике [3, стр. 12–16]).

Эти свойства и особенности городских агломераций Российские власти в последние десятилетия стараются использовать для экономического роста страны [4], [5]. Вершиной данных намерений можно считать стратегию пространственного развития до 2025 года [6]. Увеличение их количества и максимальное рассредоточение по территории Российской Федерации является приоритетом пространственного раз-

вития. Для осуществления данной цели готовится к осуществлению ряд государственных мер, в том числе развитие постиндустриальной экономики в данных агломерациях, как самых больших по численности населения населённых пунктах.

Однако у этих намерений власти есть как минимум два существенных недостатка: директивные намерения властей по развитию этих агломераций и отсутствие какой-либо типологии данных агломераций [4], [5], [7] (только разделение на наиболее перспективные агломерации и остальные (по 20) [6]).

Цель исследования

Создание типологии крупных региональных городских агломераций, которая будет характеризовать уровень социально-экономического развития и обладает рядом преимуществ в сравнении с другими вариантами типологии.

Методология и данные

Типология городских агломераций осуществлена на основе такого индикатора социально-экономического развития, как коэффициент миграционного прироста (КМП) на десять тысяч человек. Логика индикатора такова: люди стремятся за высокими реальными доходами, которые можно найти в наиболее социально-экономически развитых городских агломерациях. Показателей и индикаторов социально-экономического развития огромное количество, но экономическими географами доказан ряд преимуществ миграционного прироста как индикатора [8], [9]. Во-первых, данные по миграционному приросту на уровне муниципальных образований доступнее, чем показатели из системы национальных счетов (ВВП, ВНД и т.п.), так как для муниципалитетов они государственной статистической службой не рассчитываются [10]. Во-вторых, расчёт коэффициента миграционного прироста проще, чем сложные составные индикаторы и не зависит от экспертных оценок важности тех или иных показателей.

Типология была проведена при помощи кластерного анализа методом дендритов с использованием таких показателей как коэффициент миграционного прироста по внутрирегиональному и внешнему для региона (межрегиональное и международное направление) направлениям. Показатели внутрирегионального направления рассматриваются совместно с концентрацией населения региона в агломерации, т.к. не агломерационное население является одним из важнейших ресурсов для роста числен-

ности агломерации [7]. Для уменьшения влияния выбросов данных были взяты осреднённые КМП за период 2014–2019 годов. Данные показатели были ортонормированы по процедуре минимакс в соответствии с методологическими требованиями кластерного анализа. Также для обоснования неоднородности агломераций была использована такая характеристика распределения как коэффициент вариации, который позволяет сравнивать выборки на предмет неоднородности друг с другом [11, стр. 57].

Данные по миграционному приросту были взяты из базы данных показателей муниципальных образований [12]. Данные по выручкам компаний были взяты из базы данных СПАРК-Интерфакс [13].

Результаты

Выделенные в рамках стратегии агломерации неоднородны по абсолютным и душевым (по большинству) показателям социально-экономического развития, если судить по коэффициенту вариации (таблица 1). Также можно сразу выделять Москву и Санкт-Петербург в отдельный тип из-за институционального фактора: это совокупность субъектов федерации, а не муниципалитетов, поэтому ресурсы и возможности этих агломераций существенно отличаются от остальных [4], [5].

Таблица 1

Коэффициент вариации показателей и индикаторов социально-экономического развития совокупностей городских агломераций, за 2019 г, составлено автором по [12], [13]

Показатель / совокупности агломераций	Все		Наиболее перспективные		Остальные	
	Абсолютные значения	На душу населения	Абсолютные значения	На душу населения	Абсолютные значения	На душу населения
Численность населения	45,57	–	34,14		36,55	
Инвестиции в основной капитал	57,36	36,97	27,93	21,87	69,35	46,14
Фонд заработной платы	65,01	19,03	55,23	18,99	66,27	18,80
Прибывшие	42,49	31,48	30,56	24,71	43,81	34,79
Выручка компаний	74,94	43,19	42,91	27,82	38,48	40,78
Выручка компаний в бизнес, финансовых и IT услугах	89,45	59,98	56,43	47,19	44,08	50,36
Индекс агломеративности	48,81	–	46,17	–	52,16	–

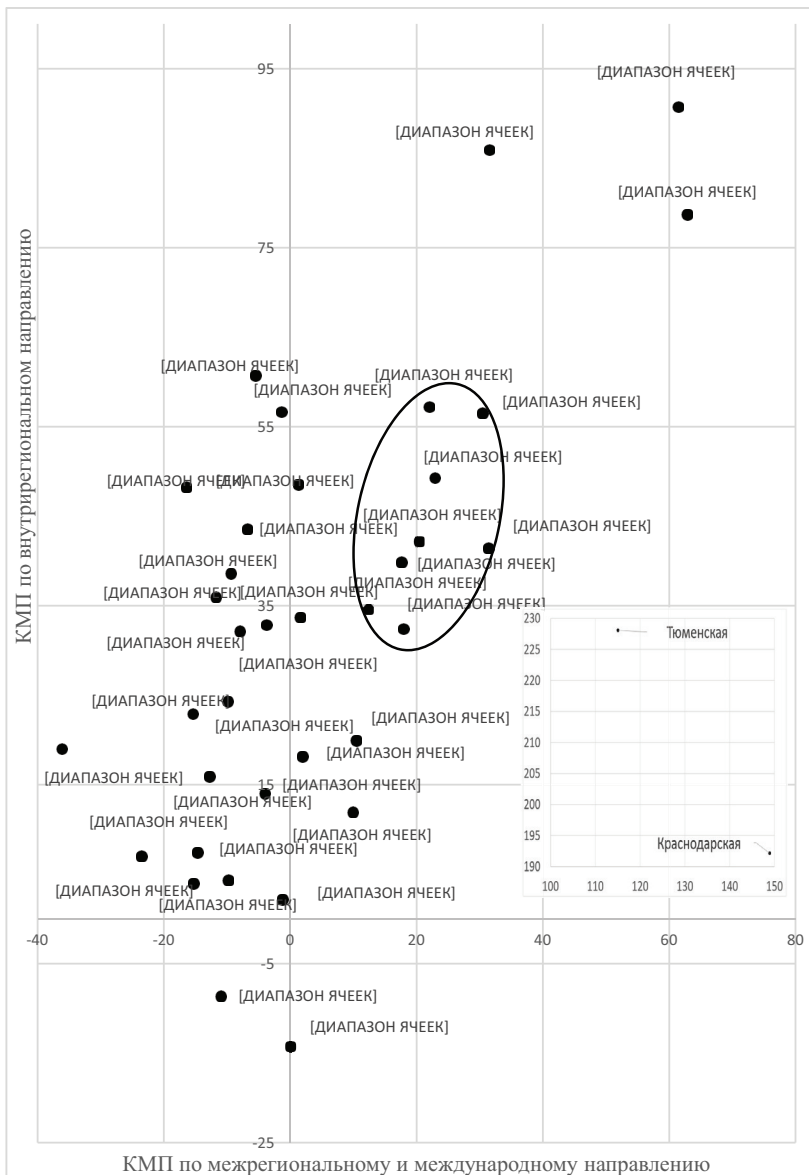

Рис.1. Результаты кластерного анализа региональных городских агломераций по показателям коэффициента миграционного прироста, осреднённые данные за 2014–19 годы, составлено автором по [12]

По результатам кластерного анализа было выделено 5 кластеров агломераций—А, В, С, D и E. Алфавитный порядок соответствует среднему архимедову расстоянию между единицами кластера, то есть близости показателей. Самый многочисленный кластер—В (13 агломераций), а кластеры D и E, приуроченные к максимальным значениям КМП и содержат только по 2 агломерации.

Агломерации из кластера А образуют тип «Межрегиональных агломераций с умеренным межрегиональным миграционным приростом». Из агломераций данного кластера в целом можно дополнительно выделить (по причине их масштаба) региональные—Рязанская, Липецкая, Ярославская и Томская агломерации. Они меньше по населению, нежели остальные агломерации из данного кластера, ядрами которых являются города миллионники. Екатеринбургская, Казанская и Ростовские агломерации являются своего рода важными межрегиональными центрами (хоть и Казань не является центром федерального округа, но имеет федеральный университет и 2 других университета из списка RAEX-100 [14]). Выражается это в положительном КМП по межрегиональному направлению. Попадание Челябинской агломерации в данный список в целом обусловлено большими значениями КМП по международному направлению (КМП = 20). Для агломерации из данного кластера характерна средняя концентрация населения регионов (56%), но региональные (Рязанская, Липецкая, Ярославская и Томская) концентрируют больше населения (60%).

Агломерации из кластера В образуют тип «Региональных агломераций с отрицательным внешерегиональным приростом». Для агломераций из данного кластера характерны относительно низкие значения КМП по региональному (в сравнении со схожими агломерациями из кластера С) и внешерегиональному (в малыми агломерациями из кластера А) направлениям. Связано это с повышенной конкуренцией со стороны других центров регионов (агломерации из данного кластера входят в бицентричные и полицентричные в городском плане регионы [15]). Также в агломерациях из данного списка высока концентрация населения регионов, что отражается в низких показателях КМП по региональному направлению. Дополнительно можно отметить 4 агломерации на границах данного кластера. Во-первых, Нижегородская и Самарская, являющиеся просто слабыми по миграционной привлекательности на межрегиональном направлении и концентрирующие большую долю населения региона (около 70%) из наиболее перспективных агломераций (причём и по абсолютным значениям они попали в слабый по миграционной привлекательности кластер С). Во-вторых, Камская, КМВ и Но-

вокузнецкая агломерации, которые являются агломерациями внутрирегионального значения (из-за отсутствия статуса регионального центра являются вторыми столицами регионов) и соответственно не имеют дополнительных ресурсов, в виде регионального университета и органов региональной власти [15]).

Агломерации из кластера С образуют тип «Региональных агломераций с наличием региональных ресурсов». В данных агломерациях основной рост населения приходится на региональный миграционный прирост. Региональные ресурсы для развития данных агломераций высоки, так как концентрация населения регионов в них составляет в среднем 43 % (особенно выделяется Кировская (59%) и Пензенская (47%), которые дополнительно располагаются в бицентричных регионах в плане городов и имеют функции региональных центров (в противовес некоторым из кластера В) [15]). В целом данные агломерации, как и в кластере А имеют приток людских ресурсов для развития. Однако в данный класс попало несколько агломераций из перечня наиболее перспективных (Пермская, Уфимская и Иркутская), что в целом обусловлено слабостью университетских центров и структурой экономики [3, стр. 60–99] из-за чего они мало привлекательны для внешерегиональных мигрантов.

Агломерации из кластера D образуют класс «Наиболее перспективные агломерации с высочайшей внешерегиональной привлекательностью». Агломерации из данного класса выделяются высочайшими показателями миграционного прироста, но на уровень межрегиональных центров в максимальном масштабе (федеральный округ) не выходят — нет полномочий федеральных округов. В целом это основные точки роста страны в последние десятилетия что связано с развитием нефтегазовой отрасли и реализацией национальных проектов [7]. Что касается регионального прироста, то агломерации из этого кластера выделяются низкой концентрацией в них жителей региона. Агломерации из этого кластера, судя по демографическим характеристикам, являются одними из наилучших в плане притока людских ресурсов для развития и при этом по абсолютным значениям они также превосходят все агломерации.

Агломерации из кластера Е образуют класс «Наиболее перспективные агломерации с внешерегиональной миграционной привлекательностью». Агломерации из данного кластера ещё более привлекательные для мигрантов, чем представители кластера А. В межрегиональном плане данные агломерации выделяются наличием крупных университетских центров, а также высоким среднемесячными заработными

платами. Что касается высокого регионального прироста населения, то данные агломерации среди наиболее перспективных одни из немногих, которые располагаются в бицентричными или почти моноцентричных (Новосибирская агломерация) регионах [15]. Данные агломерации обладают притоком людских ресурсов для развития и могут ещё сильнее укрепить свои позиции, в случае институционализации (столицы Центрально-Черноземного и Ангаро-Енисейского макрорегионов в лице Воронежа и Красноярска соответственно) макрорегионов из стратегии пространственного развития [6].

Заключение

Учитывая неоднородность городских агломераций из стратегии пространственного развития, доказанную за счёт коэффициента вариации, была проведена типология (без Москвы и Санкт-Петербурга, которые сразу можно выделять в отдельный тип) по уровню социально-экономического развития на основе индикатора в виде коэффициента миграционного прироста. Типология была сделана при помощи кластерного анализа.

Было выделено 6 типов, из которых стоит отметить типы А, С, D и Е. Они в той или иной степени привлекательны для мигрантов и соответственно являются экономически развитыми территориями. Но кластер С в данном аспекте слабее остальных, так как основой роста является внутрирегиональный ресурс населения. Также судя по кластерам можно опять убедиться, что эффект масштаба слабо проявляется в российских агломерациях и большую роль играют институциональные факторы [4], [5] Вдобавок Ростовская, Самарская, Екатеринбургская и Нижегородская агломерации (самые крупные по численности населения) не являются рекордсменами по миграционному приросту. С другой стороны, некоторые проявления эффекта масштаба в миграционной привлекательности агломераций проявляются. Во-первых, чем меньше размер агломераций, тем больше число выбывших из них на 10 тыс. ч., о чём свидетельствует почти функциональное значение коэффициента корреляции Пирсона— $-0,91$. Во-вторых, 16 из 22 агломераций с населением менее миллиона разместились в II, III и IV четвертях координатной плоскости на рисунке 1.

На основе типологии можно считать, что одними из наилучших уровней социально-экономического развития среди агломераций из стратегии имеют Тюменская и Краснодарская агломерации из кластера D. От них несколько отстают агломерации из кластера Е. С большой долей натяжки можно считать, что агломерации из кластера А имеют

высокий уровень социально-экономического развития. Следует считать логичным упор на развитии именно этих 13 агломераций в рамках региональной политики, нацеленной на экономический рост.

Благодарности — научный руководитель, к. г. н., доцент кафедры экономической и социальной географии СПбГУ, и. о. заведующего кафедрой региональной политики и политической географии СПбГУ Лачинский Станислав Сергеевич.

Список источников и литературы

1. Лаппо Г. М. География городов: учеб. пособие для географических факультетов вузов // Москва: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. — 479 с.
2. Florida R. The rise of the creative class, revisited // GEN, New York: Basic Books. — 2012. — 513 p.
3. Косарева Н. Б., Полиди Т. Д., Пузанов А. С. Экономическая урбанизация — Москва: Фонд «Институт экономики города, 2018. — 418 с.
4. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. — 2019. — № 1. — С. 135–145.
5. Кузнецова О. В. Городские агломерации и СПР // Регионалистика. — 2020. — Т. 7. — № 3. — С. 67–70.
6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.
7. Назначенные агломерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/07/714602-naznachennie-aglomeratsii>, (дата обращения 14.02.2022)
8. Житин Д. В. Пространственно-временная трансформация миграционных связей регионов России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. — 2016. — № 5. — С. 175–189.
9. Анохин А. А., Житин Д. В. География населения с основами демографии: учебник для академического бакалавриата. — М.: Изд-во «Юрайт» 2020. — 280 с.
10. Пузанов А. С., Попов Р. А. Подходы к оценке развитости городских агломераций. — Москва: Фонд «Институт экономики города», 2017. — 32 с.
11. Филандышева Л. Б., Сапьян Е. С. Статистические методы в географии: учебно-методическое пособие / отв. ред. А. В. Пучкин. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. — 164 с.
12. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: www.gks.ru (дата обращения 14.02.2022)
13. База данных СПАРК-Интерфакс [Электронный ресурс]. — URL: <https://spark-interfax.ru/>, (дата обращения 14.02.2022)
14. Топ-100 вузов России [Электронный ресурс]. — URL: gaex-a.ru/

rankings/#r_11550, (дата обращения 14.02.2022)

15. Лаппо Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России //Известия Российской академии наук. Серия географическая.— 2019.— № . 4.—С. 3–23.

DYNAMICS OF MIGRATION PROCESSES IN LARGE REGIONAL RUSSIAN METROPOLITAN AREAS DURING 2012–2019

Logvinov I. Al.¹

¹ St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, Russia

A typology of agglomerations was produced from the strategy of spatial development of Russia until 2025 (without Moscow and St. Petersburg) by the level of socio-economic development on the basis of such an indicator as the migration growth rate using cluster analysis. The justification for the need for typology was the fact of the heterogeneity of agglomerations, proved through the coefficient of variation. As a result, 5 clusters were allocated. The best level of socio-economic development is distinguished by agglomerations of 3 clusters or 13 agglomerations.

Keywords: urban agglomerations, migrations, typology, spatial development strategy, cluster analysis, typology

Круглый стол
**«ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ:
ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ» К 110-ЛЕТИЮ
Л. Н. ГУМИЛЁВА**

УДК 930.85

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МОДЕЛЕЙ
ДВУХПОРОГОВЫХ БЛУЖДАНИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА
ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОСОВ**

**Добровольский С. Г.¹
Саркисян С. Г.¹**

¹ Институт водных проблем Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

Наиболее общие закономерности эволюции этносов исследуются при помощи простой математической модели двухпороговых случайных блужданий. Показано, что модель воспроизводит основные черты динамики этносов (суперэтносов, субэтносов): первоначальный прогресс, достижение максимума развития, деградацию. Модель применена для воспроизведения осредненной динамики 40 суперэтносов по Л. Н. Гумилеву, а также для описания эволюции хазарского этноса в условиях катастрофических изменений уровня Каспия и площади Прикаспийской низменности.

Ключевые слова: этнос, двухпороговое блуждание, Хазария, Каспий

Введение

Одной из заслуг замечательного отечественного ученого — историка и географа — Льва Николаевича Гумилева является утверждение и подтверждение им на новом эмпирическом материале и на теоретическом уровне факта отсутствия «непреодолимой стены» между естественными (география, биология, как мы сейчас сказали бы — экология) и общественными (история, этнология) науками. Концепция Л. Н. Гумилева открывает, в том числе, возможности для поиска некоторых общих структур (в математических терминах — моделей) для описания и анализа основных особенностей эволюции как этносов, так и других общностей биологических организмов — сообществ, биоценозов, видов, подвидов, популяций. Более того: если рассматривать индивидуальные организмы как совокупность большого числа их подсистем, то модели рассматриваемого класса (двухпороговые блуждания, ДБ) могут объ-

яснить ряд закономерностей развития и в этом случае. Примечательно также, что в ряде важных случаев модели ДБ удовлетворительно описывают и динамику неживых систем — например, процессы глобально-го оледенения.

Описание модели

Любая «живая» система — будь то обладающая индивидуальностью такая общность людей, как этнос, суперэтнос, субэтнос и др. — или общность биологических организмов (сообщество, биоценоз, вид, подвид, популяция и т.п.) — в процессе эволюции неизбежно проходит следующие стадии: зарождение, первоначальное развитие, достижение максимума развития, последующая деградация. Причем, зачастую стадия деградации длится дольше, чем стадия первоначального развития. Для объяснения перечисленных выше основных этапов эволюции «живых» систем часто использовали математические модели — при этом особенно популярны так называемые «логистические уравнения» — детерминистические уравнения, содержащие сравнительно большое число параметров, оцениваемых, как правило, умозрительными способами.

В то же время, возникает впечатление, что в основе общих для эволюции всех перечисленных и многих других общностей живых организмов может лежать некий более фундаментальный и, следовательно, более простой, универсальный механизм. В качестве «кандидата» на такой механизм рассмотрим следующую модель.

При ее построении, прежде всего, выделяется ведущий или основной/ключевой параметр системы (например, этноса) X . Это может быть, в зависимости от подхода и решаемой задачи, некая величина, суммирующая общий потенциал этноса и названная Гумилевым «пассионарностью», его численность, площадь занимаемой этносом территории и т.п.

Далее предполагается, что изменения во времени t параметра X описывается случайным процессом $X(t)$ (если время дискретное, например, годы, то случайной последовательностью). Предполагается также, что процесс $X(t)$ в теории состоит из бесконечного (на практике большого) числа так называемых «реализаций» $x(t)$. Под реализацией в данном случае целесообразно подразумевать один из многих гипотетических вариантов эволюции системы. Ниже, на примере анализа Л. Н. Гумилевым большого количества суперэтносов под реализациями $x(t)$ мы будем понимать изменения потенциала индивидуальных суперэтносов, а под процессом $X(t)$ — поведение некоего осредненного суперэтноса.

Соотношения «процесс-реализация» в биологии и экологии, кроме пар «реальное изменение системы—гипотетические изменения системы, могут быть, по аналогии с суперэтносоми, следующие пары: сообщество или биоценоз—отдельные виды, вид—подвиды, подвид—популяция, популяция—индивидуальные организмы (или другие комбинации этих сочетаний). Более подробно использованные математические детали методов теории случайных процессов в биологии приведены в [1].

У этнических образований неизбежно существует нижний порог x_{MIN} эволюции величин X и x , часто он равен нулю. Действительно, если численность, «пассионарность» или площадь расселения равны нулю, то этническое сообщество исчезает (здесь мы для упрощения пренебрегаем процессами миграций, ассимиляции и рядом других более специфических факторов). Нижний порог, таким образом, является аналогом «смерти»—в переносном смысле для этнического образования или в прямом смысле для совокупности биологических организмов.

Так же неизбежно для эволюции параметра X и x существует верхний порог x_{MAX} —так как ни одна общность людей или биологических организмов (как и каждый индивидуальный организм) не может увеличиваться в своих размерах безгранично. Природа верхнего порога может быть различной и быть связана с ограничениями размеров «вмещающего ландшафта», непреодолимыми барьерами со стороны конкурирующих этнических образований, климатическими, геоморфологическими ограничениями и т.д. Заметим, что верхний порог принципиально отличается от нижнего: если достигая последнего этническая общность (биологическое образование) исчезает, до достигая верхнего порога она сохраняется, однако X и x не могут расти выше x_{MAX} .

Очевидно, что на эволюцию этнических структур влияет громадное число факторов—как «положительных» (для благополучия этноса), так и «отрицательных», причем очень значительная их часть носит в той или иной степени случайный характер. Очевидно также, что на трансформацию этносов влияют и более детерминированные факторы. Однако—так как в данном случае мы пытаемся выявить самые общие закономерности эволюции этносов, а набор и характер детерминированных факторов их развития в каждом случае разный—в первом приближении ограничимся лишь описанием того универсального механизма, который наверняка присутствует в трансформации всех этносов—а именно, механизма случайностей этих трансформаций. Экспериментируя лишь в рамках этого допущения, посмотрим, способна ли описать соответствующая простейшая модель основные фазы эволюции этноса.

А именно, опишем поведение ключевых параметров X и x в интервале между порогами x_{MIN} и x_{MAX} при помощи простейшей, из всех мыслимых, модели случайных воздействий — случайного блуждания (грубо говоря, броуновского движения — или в дискретном случае дискретного винеровского процесса): $X(t) = X(t-1) + a(t)$, где t — дискретное время, $a(t)$ — так называемый «белый шум» — последовательность независимых, одинаково и симметрично распределенных случайных величин с нулевым средним. Иными словами, предположим, что ключевой параметр этнического образования (например, уровень пассионарности по Л. Н. Гумилеву) в определенный момент времени равен уровню пассионарности в предыдущий из рассматриваемых моментов времени плюс случайное, равновероятное в положительную и отрицательную сторону, приращение.

Проведем численный эксперимент с такого рода моделью, учитывая наличие верхнего и нижнего порогов развития этнического образования, свойства которых рассмотрены выше. В качестве типа распределения случайного приращения $a(t)$ примем равномерное/прямоугольное распределение. Кроме того, примем диапазон указанного распределения равным верхнему порогу x_{MAX} . Таким образом, модель окажется реализованной в ее «идеальном» и безразмерном виде — фактически, без единого параметра, который было бы необходимо задавать $\text{arg}(\text{oi})$. Выясним, воспроизводят ли эксперименты с указанной моделью основные черты эволюции этнических образований (см. рисунок 1): (1) первоначальный рост, (2) достижение максимума, (3) последующую деградацию ((4) более длительную, чем фаза первоначального роста), зачастую — (5) отсутствие абсолютного исчезновения этнического образования (то есть, сохранение его в эндемичном виде или будучи вкрапленным в другие образования).

Результаты моделирования динамики суперэтносов

На рисунке 1а показана осредненная динамика 40 суперэтносов по Л. Н. Гумилеву [1]. Для сопоставления на рисунке 1б показаны результаты экспериментов с описанной выше моделью: 1 — динамика «модельной» совокупности, осредненной по 40 (как у Л. Н. Гумилева) реализациям, 2 — динамика, осредненная по очень большому, равному 100000, числу реализаций.

Графики показывают, что модель воспроизводит все 5 основных свойств «осредненного» этноса Гумилева. Отличие графиков на рисунках б1 и б2 заключается лишь в наличии на рисунке б1 кратковремен-

ных, в масштабе существования суперэтноса, повышений и понижений его «успешности» — качественно аналогичных «зубцам» на рисунке 1а.

На первый взгляд многие результаты моделирования кажутся парадоксальными. Действительно: по существу, первоначальный рост среднего значения процесса происходит без какой-либо внешней или внутренней детерминированной причины этого роста. В свою очередь, уменьшение среднего значения процесса имеет место без какой-либо детерминированной причины этого уменьшения. Неожиданно также то, например, что после безразмерного модельного момента времени $t=1$, аналогичного моменту времени 100 лет на графике Гумилева, происходит детерминированный рост системы, в то время как после момента времени порядка около $t=15$ (порядка 1000–1200 реальных лет) происходит столь же детерминированная деградация системы. Заметим, что в эти два момента времени, кажется, все условия развития системы одинаковы: модель одна и та же, ее параметры одинаковы, условия на верхнем и нижнем порогах также одинаковы.

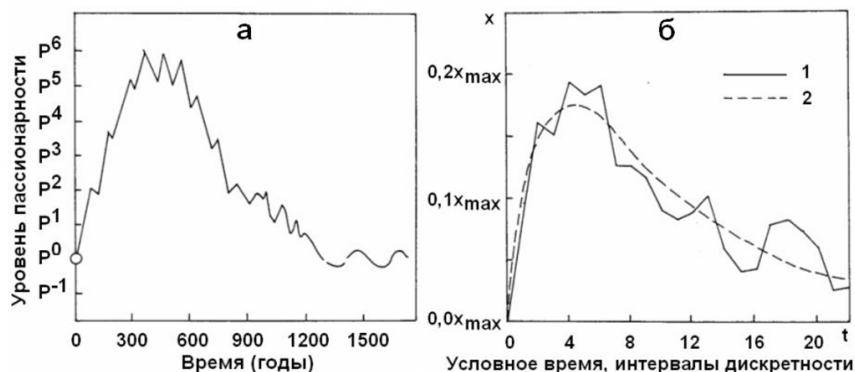

Рис. 1. а: осредненный график уровня пассионарности 40 суперэтносов по Л. Н. Гумилеву [1]. б: среднее по 40 реализациям модели двухпорогового блуждания (1), среднее по 100000 реализациям модели (2)

Причина столь разного поведения модельной «живой» системы на разных этапах ее развития в следующем. В первый момент времени многие «удачливые» реализации процесса (подсистемы) еще не достигли верхнего порога своего развития, и за счет их роста среднее состояние системы прогрессирует. При этом «неудачливые» реализации (подсистемы), которые слились с нулевой или критически низкой отметкой — то есть, «умерли» — еще не столь многочисленны. Во второй же момент времени значительное число удачливых подсистем уже

достигло своего максимума и не могут вносить вклад в рост системы, а число «умерших» подсистем уже велико.

Иными словами, на первоначальном этапе для большинства «положительных» случайных импульсов, которым подвержена система, есть возможность реализоваться («есть к чему стремиться»). Однако, на второй фазе развития, большинство положительных импульсов уже не может преодолеть верхнего порога развития, в то время как отрицательные импульсы могут реализовываться («есть, что терять»).

Аналоги этих процессов на примере суперэтнотосов Гумилева могут видаться следующим образом. На этапе «молодых» суперэтнотосов многие из них еще не «уперлись» в непреодолимые, вследствие различных ограничений, границы своего развития, и в среднем кривая Гумилева растет. Однако, после достижения максимума, когда многие суперэтнотосы из 40 уже достигли максимальных пределов могущества, численности и площади, положительные случайные импульсы их развития уже не могут реализовываться, а отрицательные все чаще способствуют исчезновению отдельных суперэтнических образований, и «средний» суперэтнотос деградирует.

Авторами также были проделаны эксперименты с описанной выше моделью с измененными верхним порогом развития и средней абсолютной величиной (среднеквадратичным значением или дисперсией) случайных импульсов $a(t)$. Эти эксперименты, как представляется, иллюстрируют и объясняют особенности эволюции ряда реальных этносов/суперэтнотосов. Так, многократно увеличенная интенсивность случайных импульсов развития суперэтнотосов (аналог «сверхвозбужденного» суперэтнотоса) приводит к поведению, характерному для чрезвычайно быстро растущих, но столь же быстро исчезавших империй — Александра Македонского, Наполеона или нацистской Германии. Напротив, империи со сравнительно небольшой, по отношению к потенциально возможным пространственным пределам их развития, интенсивностью внутренних возбуждений (аналог «срединно-евразийских» империй типа китайских, монгольских или российской) существовали или существуют во много раз дольше. Наконец, при чрезвычайно малом внутреннем возбуждении относительно потенциальных пределов развития (аналог эндемичных этносов типа аланов-осетин или современных монголов) их существование может быть чрезвычайно долгим.

Заметим также, что модели рассмотренного типа успешно применены авторами для воспроизведения и анализа динамики различных биологических и экологических систем — от популяций инфузорий в классических экспериментах Гаузе [2] до популяций мышей-по-

левок на вырубках, рыб-сеголеток в Белом море, системы электрических сигналов мозга человека и т.д. [3]. Ряд процессов в неживой природе также успешно моделируются при помощи концепции двухпороговых случайных блужданий— например, процессы глобального оледенения [4].

Моделирование экологической катастрофы хазарии

При помощи рассмотренного класса случайных процессов авторами была также предпринята попытка моделирования более детального поведения этноса— не примере излюбленного объекта изучения Л. Н. Гумилева, хазарского этноса (каганата). Л. Н. Гумилев связывал историю хазар с изменениями уровня Каспийского моря, которое то освобождало от воды Прикаспийскую низменность (основную «житницу» хазар), то затопляло ее. На рисунке 2А показана кривая изменений уровня Каспия по Гумилеву [5], в верхней части рисунка 2Б приведены основные фазы развития этноса из этой же работы. В нижней части рисунка 2Б сплошной линией показана динамика этноса, смоделированная при помощи модели двухпорогового блуждания. При этом в качестве (переменного) верхнего порога принималась площадь незатопленной части Прикаспийской низменности, соответствующая изменениям уровня на рис. 2А. В качестве максимального диапазона равномерно распределенных случайных приращений $a(t)$ бралась вся площадь прикаспийской низменности до 800 г. н. э. В свою очередь, пунктирной линией показаны результаты эксперимента в предположении о неизменности уровня моря, равного -34 м (то есть, уровня до 800 г.).

Очевидно, что модель удачно воспроизводит основные фазы развития этноса. Интересно и характерно, что упадок этноса возник бы и без изменений уровня моря, однако стремительный рост уровня в XIII–XIV веках повлек за собой катастрофические для каганата последствия. Примечательно также, что восстановление уровня моря к концу XV века не привело к восстановлению каганата.

Заметим, что проведенные нами и описанные в этом и предыдущем разделе эксперименты могут указывать и на то, какова должна быть оптимальная стратегия предотвращения катастроф (быстрой деградации) рассматриваемых систем. Эта стратегия различна в зависимости от того, вызвана ли деградация постоянным или временным понижением верхнего порога, x_{MAX} . В первом случае необходимо уменьшение случайного возбуждения системы уже в начальный период ее развития; во втором случае необходимо увеличение возбуждения системы после восстановления верхнего порога.

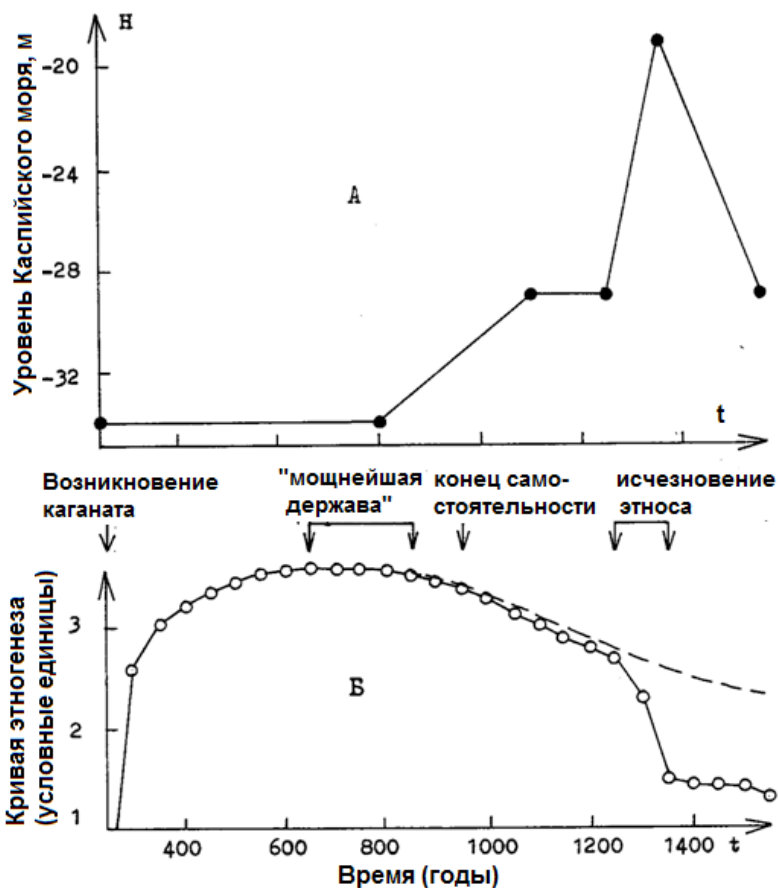

Рис. 2. Изменения уровня Каспия и кривая этногенеза хазарского каганата (см. пояснения в тексте)

Кстати сказать, второй тип стратегии может увенчаться успехом и в тех случаях, когда верхний порог постоянен, но система вступила в стадию деградации. Избежать деградации в такой ситуации можно путём поднятия верхнего порога (в случае этноса это — «бесприигрышные» мероприятия вроде повышения уровня продукции путем наращивания эффективности производств, развитие технологий и наук совершенствование образования и т.п.), сопровождаемого увеличением возбуждения системы, но можно и путем только повышения возбуждения, хотя этот путь и чрезвычайно рискован.

Заключение

В работе показано, что многие важнейшие свойства эволюции этнических образований (как и свойства других «живых систем») удовлетворительно описываются при помощи простейшей вероятностной модели — двухпорогового случайного блуждания. Результаты моделирования сопоставлены с реконструкциями этических систем Л. Н. Гумилевым и подтверждают ряд его гипотез в отношении природы этногенеза.

Работа выполнена в рамках Государственного задания ИВП РАН (тема FMWZ-2022–0001).

Список литературы

1. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: Прогресс-Пангея, Экспрос, 1992, 336 с.
2. Gause G. F. The struggle for existence. Williams and Wilkins, Baltimore, 1934 (reprinted by Haffner, N.Y., 1964. 235 p.).
3. Добровольский С. Г. Жизнь как пороговое блуждание // Terra Humana, 2012. № 3, с. 41–47.
4. Dobrovolski S. G. Stochastic climate theory. Berlin, Heidelberg: Springer, 2000. 282 p.
5. Гумилев Л. Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука, 1980, с. 32–47.

ON USING A TWO-THRESHOLD RANDOM WALK MODELS FOR THE ANALYSIS OF THE ETHNIES' EVOLUTION

Dobrovolski Serguei Gavrilovitch¹
Sarkisyan Susanna Gaikovna¹

¹Water problems institute of the Russian Academy of Sciences,
Москва, Российская Федерация

Main peculiarities of the ethnies' evolution are analyzed using a simple mathematical model: two-threshold random walk. It is shown that the model reproduces main threats of the dynamics of ethnies (superethnies, subethnies): the initial growth, reaching its maximum, subsequent degradation. The model is used to reproduce an averaged dynamics of 40 superethnies (following L. N. Gumilev) as well as the evolution of the Khazar empire upon catastrophic changes in the Caspian sea level and the area of the near-Caspian plain.

Key words: ethnies, two-threshold random walks, Khazars, Caspian sea

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ПОСЕЛЕНИЙ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ ТАЁЖНОЙ СИБИРИ К ИЗМЕНЕНИЯМ КЛИМАТА (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ СУЛОМАЙСКИХ КЕТОВ)

Медведков А. А. ¹

¹ Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова (МГУ),
Москва, Российская Федерация

Анализируются факторы жизнестойкости, раскрывающей потенциал внутрисистемных связей между важнейшими подсистемами (природно-экологической и социокультурной) для адаптации к шокowym воздействиям в форме разного рода эколого-географических рисков в условиях бореальной криолитозоны (лесные пожары, подпрудные наводнения, обмеление малых рек и др.). Указанные процессы интенсифицируются в связи с наблюдаемым в Северной Евразии потеплением климата и ростом его нестабильности. Факторы жизнестойкости рассмотрены на примере одного из таёжных поселений на территории Эвенкии с высокой долей коренного населения, основная часть которого занимается традиционным хозяйством. Анализ факторов жизнестойкости позволил выявить не только уязвимые звенья во внутрисистемных связях транспортно-удалённого таёжного поселения, но и разработать содержательную основу для выработки комплекса мероприятий по адаптации к изменениям климата.

Ключевые слова: сибирская тайга, системы жизнеобеспечения, традиционное хозяйство изменение климата, кетский этнос.

Введение

Жизнестойкость как концепция ориентирована прежде всего на выявление потенциала сопротивления шокowym воздействиям (Замятина и др., 2020). В сибирской тайге расселение характеризуется дисперсностью, поэтому наиболее ощутимые шокowe воздействия в основном представлены неблагоприятными природными явлениями, которые интенсифицируются в условиях потепления климата и роста его нестабильности.

Показательно, что истоки концепции жизнестойкости базируются на арктическом материале, где на примере небольших поселений исследователями анализировался адаптационный и трансформационный

потенциал местных сообществ (Arctic Council, 2016; Berman et al., 2017).

В вводной части также важно оговорить функциональное значение двух близких по содержанию понятий — устойчивого развития и жизнестойкости. Отметим, что концепция устойчивого развития и парадигма жизнестойкости рассматриваются нами как две взаимодополняющие системы взглядов (Замятина и др., 2020). Так, при анализе устойчивого развития социоприродных систем основное внимание акцентируется на стабильном функционировании и продлении их работы на максимально возможный промежуток времени. Тогда как жизнестойкость системы предполагает её способность противостояния внешним угрозам. Следует заметить, что на наш взгляд, применительно к сложным арктическим, субарктическим и бореальным условиям криолитозоны, концепция жизнестойкости оказывается предпочтительной для исследовательского анализа разного типа объектов.

Объект исследования и методы его изучения

В качестве непосредственного объекта исследования (ключевого примера) выступает посёлок Суломай в Приенисейской Сибири, в котором проживает около 200 чел. (2022 г.). Численность населения других таёжных поселков Приенисейской Сибири, преимущественно с коренным населением, сопоставима.

Суломай располагается на юго-западе Эвенкийского муниципального района Красноярского края. Его население состоит в основном из представителей малочисленного кетского этноса (около 80%), посёлок является центром этно-хозяйственного ареала кетов, локализованного в нижней части бассейна р. Подкаменная Тунгуска. В природно-ландшафтном отношении — это низкогорные территории с преимущественно кедрово-еловой тайгой, обеспеченной охотничье-промысловыми ресурсами. В зонально-географическом отношении — это область средней тайги и южной криолитозоны. Современная система традиционного природопользования подкаменнотунгуских кетов состоит из охотничьего промысла, рыболовства и собирательства.

В методическом плане необходимая для анализа информация получена в ходе проведённых глубинных интервью и отдельных опросов с представителями местного сообщества (Medvedkov, 2013; Медведков, 2016), а также накопленных личных впечатлений автора, неоднократно останавливающегося в посёлке.

Анализ факторов жизнестойкости

Представляется, что при анализе факторов жизнестойкости, их следует разделить на две основные группы: а) определяющие адаптационные возможности этно-хозяйственной группы подкаменно-тунгусских кетов; б) усиливающие трансформационные тенденции в традиционной культуре и хозяйстве местного сообщества. В каждом случае, в зависимости от генезиса факторов, эти две группы логично разделить на две подгруппы: эколого-географические (связанные с окружающей средой) и социокультурные (обусловленные спецификой местного сообщества).

К числу эколого-географических факторов, которые определяют адаптационный потенциал, следует отнести: природно-рекреационные ресурсы (живописные скальные выходы, расположенные недалеко от посёлка, палеонтологические находки и живописные ландшафты на территории расположенного выше по течению р. Подкаменная Тунгуска Центрально-Сибирского биосферного заповедника, ресурсы лекарственных растений на территориях традиционного природопользования, наличие вблизи посёлка запасов минерального сырья для создания небольшого кирпичного завода и др.). Социокультурные факторы, формирующие адаптационные возможности посёлка на данный момент ограничены, при этом стоит отметить появление хозяйственного костяка из числа принявших евангелистскую веру (в данном контексте это положительный фактор, снижающий распространение негативных социальных явлений в посёлке, но в других аспектах — источник трансформации традиционного мировоззрения и культурной дифференциации местного сообщества). Определенные туристско-рекреационные перспективы имеются в случае формирования информационного образа кетов, но в настоящее время их культурная самопрезентация недостаточна выражена в сравнении с другими коренными народами Севера Сибири (Дегтяренко, 2020).

Эколого-географические факторы, определяющие трансформационный потенциал местного сообщества: фиксируемые изменения продовольственно-ресурсной (Medvedkov, 2013; Медведков, 2015) и противопожарной функций ландшафта (Медведков, 2016), влияющие на эффективность традиционного природопользования. К числу социокультурных факторов, имеющих трансформационное значение, отнесены: негативные социальные явления, существующие проблемы вовлечения местного сообщества в процесс принятия решений ввиду его культурной дифференциации, потеря элементов традиционной культуры, появление новых культурных установок, и частичная трансформация экофильного мировоззрения, что ведёт к нарушению связи между

этносом и «кормящим ландшафтом».

Представляется, что сущность жизнестойкости оценивается гибкостью внутрисистемных связей между её важнейшими подсистемами, а обозначенные в статье факторы как усиливают, так и ослабляют адаптационный потенциал. Это объясняется взаимодействием указанных обстоятельств. Жизнестойкость в конечном итоге ориентирована не только на раскрытие потенциала сопротивления кризисным явлениям (возможности сохранения основных хозяйственно-промысловых показателей), но и на оценку восстановительной способности системы в целом. Так, применительно к небольшим таёжным поселениям, их жизнестойкость всецело зависит от состояния природно-экологической (источник обеспечивающих экологических услуг) и социально-культурной подсистем (взаимоотношения в местном социуме / психологический климат и социальные установки). Очевидно, что указанные подсистемы в значительной степени определяют способность эффективно реагировать на вызовы и принимать наиболее правильные административно-управленческие решения на поселковом уровне.

Заключение

Таким образом, таёжные поселения представляют собой (по Перроу; Perrow, 1999) относительно простую систему с гибкими связями (гибкость поселения обеспечивается за счёт значительной площади родовых угодий и относительного разнообразия биоресурсной составляющей экосистемных услуг). Особенности реакции поселений на меняющиеся условия внешней среды определяются ресурсными возможностями «кормящего ландшафта» и социокультурной спецификой коренного населения.

В условиях потепления климата и роста его нестабильности степень гибкости таких поселений проходит проверку на прочность (в данных условиях особую роль приобретает степень связности с территориями, имеющими охотничье-промысловое значение и характер изменения их экологического потенциала). Представляется, что имеющийся потенциал по увеличению жизнестойкости поселений в значительной степени обусловлен ресурсными возможностями местных ландшафтов и культурной самопрезентацией / самоидентификацией местных сообществ.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 21-77-00048, <https://rscf.ru/project/21-77-00048/>.

Список литературы

1. Замятина Н. Ю., Медведков А. А., Поляченко А. Е., Шамало И. А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов / Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле, 2020, Т. 65, № 3, С. 481–505.
2. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнической идентичности коренных малочисленных народов Арктической зоны РФ (на материале анализа кетов) в конце XX-начале XXI вв. Диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / СФУ, Красноярск, 2020, 212 с.
3. Медведков А. А. Мерзлотные ландшафты — источники повышенной пожароопасности сибирской тайги в условиях потепления климата / Анализ, прогноз и управление природными рисками в современном мире (ГЕОРИСК-2015). Материалы 9-й Международной научно-практической конференции, 2015, С. 483–486.
4. Медведков А. А. Трансформация «кормящих ландшафтов» и традиционной культуры аборигенных народов Сибири в условиях изменения климата / ИнтерКарто. ИнтерГИС, 2016, Т. 22, № 1, С. 69–70.
5. Arctic Council. 20th Anniversary Declaration, 2016. The Arctic Council: A Forum for Peace and Cooperation. [online] Available at: <http://hdl.handle.net/11374/1784> [Accessed 12.03. 2022].
6. Berman, M., Kofinas, G., Burnsilver, S. Measuring community adaptive and transformative capacity in the Arctic context / Northern Sustainability: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World. Springer, Cham, 2017, pp. 59–75.
7. Medvedkov A.A. The Kets ethnos and its “feeding landscape”: ecological-geographical and socio-ecological problems under globalization and changing climate / Geography, Environment, Sustainability, 2013, V. 6, № 3, P. 108–118.
8. Perrow Ch. (Ed.). Normal accidents. Living with High-Risk Technologies. Princeton University Press, 1999, 464 p.

FACTORES, DETERMINANDO LOS ASENTAMIENTOS POTENCIALMENTE MORTALES DE LOS INDÍGENAS ЭТНОСОВ ТАНОЗННОУ СИБЕРИЯ К CAMBIO CLIMÁTICO (POR EJEMPLO, EL ASENTAMIENTO SULOMAICH KETOV)

Medvedkov A.A.¹

¹ Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia

The factors of vitality, which reveals the potential of intra-system connections between the most important subsystems (natural-ecological and socio-cultural) for adaptation to shock effects in the form of various kinds of ecological and geographical risks in the conditions of boreal cryolithozone (forest fires,

sub-pond floods, shallowing of small rivers, etc.) are analyzed. Указанные процессы интенсифицируются в связи с наблюдаемым в Северной Евразии потеплением климата и ростом его нестабильности. Factors of resilience are considered on the example of one of the taiga settlements on the territory of Evenkia with a high proportion of the indigenous population, the main part of which is engaged in traditional farming. The analysis of resilience factors made it possible to identify not only vulnerable links in the intra-system connections of the transport-remote taiga settlement, but also to develop a meaningful basis for the development of a set of measures to adapt to climate change..

Key words: Siberian taiga, life support systems, traditional economy climate change, Ket ethnic group

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ НАРОДОВ ТАЙМЫРА⁵⁵

Боброва В. В.¹

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В эпоху глобализации и активного промышленного освоения Крайнего Севера вопрос юридической защищенности оленеводства — одного из основных видов традиционного природопользования как никогда острый. На Таймыре сформировались несколько этнокультурных ландшафтов разных оленеводческих народов. В этом докладе мы рассматриваем их в политическом аспекте, что позволяет нам говорить также и о политическом ландшафте. Процесс разложения и снижения уровня развития оленеводческих хозяйств берет свои корни в политической доктрине начала прошлого века. Политика перевода на оседлость, проводившаяся в советское время, крайне негативно отразилась на оленеводстве коренных жителей Арктической зоны, так как молодое поколение стало постепенно терять связь с традиционным образом жизни. В настоящее время на оленеводство и промыслы местного населения кроме социально-экономического и экологического факторов, влияет также политический. Большой интерес представляют попытки возродить нганасанское оленеводство, которые рассмотрены нами как в ретроспективе, так и в контексте современного политического ландшафта Таймыра. Эволюцию этого ландшафта напрямую зависят от синтеза обычного права оленеводческих народов и юридической базы регионального законодательства, подкрепленного федеральными нормативно-правовыми актами.

Ключевые слова: Арктика, Таймыр, этнокультурные ландшафты, коренные народы, оленеводство, традиционное природопользование.

Этнополитические процессы на полуострове Таймыр всегда были остры. Особенно для коренных малочисленных народов региона. Долганы, нганасаны, ненцы, эвенки и энцы в настоящее время занимают одно из центральных мест в судьбе полуострова: начиная от административного разделения и до серьезных корректировок в промышленной деятельности крупных игроков, таких как «Норникель». Политический ландшафт Таймыра являющийся синтезом политики и географии, очень ярок в современной новостной и политической повестке относительно Арктического региона Российской Федерации. Пространственное измерение, в котором проходят политические процессы, формиру-

⁵⁵ Выполнено в рамках гранта РНФ № 22–28–00665.

ют «пространственные политические системы разных уровней». Как определяет Р.Ф. Туровский: «Политический ландшафт представляет собой пространственно организованную систему, включающую в себя феномены политической жизни и природные условия и обладающую территориальностью» [1]. Огромная территория, сочетающая в своих границах важнейший промышленный кластер, крупнейший в Евразии Большой Арктический заповедник, традиции коренных малочисленных народов, интересы бизнеса, местных жителей, вахтовиков—из всего этого и складывается политический ландшафт современного полуострова Таймыр. В ходе наблюдений за регионом была отмечена его фрагментированность, которая с каждым годом все сильнее разделяет различных национальных представителей, местные власти и промышленников [2]. Для представителей четырех этнокультурных ландшафтов Таймыра все политические и законодательные изменения в регионе имеют серьезное влияние. В частности, исчезновение домашнего оленеводства у нганасан и попытки его восстановления.

История формирования современного политического ландшафта Таймыра берет свое начало в XIX веке. На рубеже с XX полуостров входил в состав Енисейской губернии, включенной в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства до разделения на Иркутское и Приамурское в 1884 г. В 1920-е гг. с приходом Советской власти начинаются работы по районированию региона. В Сибири начинается административное переустройство, которое привело к упразднению губерний, областей и волостей и созданию от 25 мая 1925 г. Сибирского края [3]. 10 декабря 1930 г. постановлением ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» в составе Восточно-Сибирского края РСФСР был создан Таймырский национальный (Долгано-Ненецкий) округ с окружным центром в г. Дудинка и районами: Авамский (центр Волосянка, современное: Волочанка), Дудинский (центр Дудинка), Хатангский (центр Хатанга) и Усть-Енисейский (центр Носок) [4]. В таком административно-территориальном статусе Таймыр пробыл недолго. Постановлением ВЦИК от 7 декабря 1934 г. «О разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и образовании новых областей в Сибири» из бывших районов и округов был образован Красноярский край с центром в г. Красноярск [5].

Все эти пертурбации наносили урон коренным малочисленным народам региона. Политическая обстановка 1920–1930-х годов была глуха к потребностям не только оленеводов, но и всех, кто жил посредством ведения традиционного природопользования. Как отмечают исследователи,

это было вызвано растущим голодом в отношении природных ресурсов, который постоянно усиливался и, в итоге, это привело к тому, что модель коллективизации, применяемую в европейской части России, стали использовать в отношении коренных народов [6]. В 2007 году комитетом по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации РФ были опубликованы данные Федерального агентства кадастра объектов недвижимости: «Сложившаяся с начала 30-х гг. структура природопользования и концепция освоения Севера отдавали приоритет развитию промышленности в ущерб традиционным отраслям хозяйства. ... В первую очередь нанесен значительный ущерб оленьим пастбищам... Фактором в значительной мере дестабилизирующим экологическую обстановку на территориях традиционного природопользования является стрессовое воздействие промышленных объектов на оленьи пастбища и охотничьи угодья, охватывающее до 40% площади традиционного природопользования» [7]. Политика коллективизации, которая проводилась среди местного населения, была проведена с ошибками: вместо поступательного принятия действий были своеобразные «скачки» сразу к смешанным артелям с нарушением принципа добровольности.

Бедственное положение послужило толчком для восстания на Центральном Таймыре. В 1932 году долганы и нганасаны Авамской тундры восстали против коллективизации под руководством Романа Бархатова [8]. Это было крупнейшим противоправительственным актом на территории полуострова. Советское правительство называло это «кулацким восстанием». Закончилось дело тем, что в 1938 году участников событий репрессировали, а их стада включили в колхозы региона. «Исходя из того, что восставших поддержало большинство коренных жителей в Авамской и Хатангской тундре, это было не кулацкое выступление, как его квалифицировали официальные власти, а массовое движение, в котором принимали участие все сословия населения тундры. В списке активных участников и пособников повстанцев числится 67 человек. Из них 25 батраков и бедняков, 17 середняков, 10 кулаков, остальные не отнесены к определенной группе» [9]. Несмотря на то, что активные очаги противодействия советской власти вспыхивали на Таймыре, к 1940-му году коллективизация была завершена на 98%.

Активное промышленное освоение требовало новых земель, нового сознания и нового законодательства, определяющего судьбу полуострова и, соответственно, его жителей. Однако после событий 1991 года законодательный кризис стал ощущаться в регионе еще острее. На протяжении 58 лет Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ, переименованный в 1977 году в Таймырский (Долгано-Ненецкий) авто-

номный округ, оставался в составе Красноярского края. После развала Советского Союза Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ получил статус самостоятельного субъекта РФ.

25 марта 1998 года Думой Таймырского автономного округа был принят «Устав (основной закон) Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа» [10]. В статье 26 «Гарантии прав коренных малочисленных народов» оговариваются важнейшие для промысловиков и оленеводов пункты. В контексте промышленного освоения и работы промышленных гигантов, данная статья регулировала политику руководства округа в рамках защиты и сохранения традиционного образа жизни, среды обитания, природопользования, хозяйствования и промыслов КМН, являясь, в определенном смысле, сдерживающим фактором в расширении производств на исконные земли народов.

Вначале 2000-х гг. Красноярский край был одним из немногих в стране не получающим дотации. В то же время трудности связанные с формированием бюджета региона были существенны. В частности, это было связано с противоречиями, возникшими у избранного губернатором в 1998 г. А.И. Лебеда с руководством компании «Норильский никель». Обе стороны не могли сойтись во мнении о прибыли компании и ожидаемых поступлений в бюджет. Данный конфликт послужил одним из триггеров объединения края и автономных округов (имеется в виду Таймырский автономный округ и Эвенкийский автономный округ). Эти события негативно сказались, в том, числе на поддержке оленеводческого хозяйства.

После выборов 2002 года новым губернатором был избран бывший руководитель Таймырского автономного округа А.Г. Хлопонин. Новый глава региона, поначалу не поддерживающий объединение, со временем стал активно продвигать эту идею. Уже в 2004 году руководство трех субъектов выдвинули инициативу о проведении референдума по объединению регионов и созданию нового субъекта с сохранением названия Красноярский край.

17 апреля 2005 года был проведен референдум по вопросу: «Согласны ли Вы, чтобы Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа объединились в новый субъект Российской Федерации — Красноярский край?». По официальным данным, «за» проголосовали 92,44 %. [11].

В соответствии с волеизъявлением жителей региона 14 октября 2005 года был принят новый федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Тай-

мырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» [12]. Таким образом, 1 января 2007 года на карте России появился новый субъект Российской Федерации со старым названием — Красноярский край. Автономные округа были упразднены, их названия подлежали исключению из статьи 65 Конституции Российской Федерации. В пределах их границ были образованы две административно-территориальные единицы с особым статусом: Таймырский Долгано-Ненецкий район и Эвенкийский район [13].

Несмотря на все гарантии, на Центральном Таймыре остается проблема возрождения домашнего оленеводства. Население этого ландшафта состоит из нганасанов и долган, примерно в равной пропорции. Система природопользования нганасанов несколько раз радикально менялась. До второй половины XIX в. они занимались в основном охотой на дикого северного оленя, уделяя мало внимания оленеводству. Развитие оленеводства началось у них поздно, однако ко времени проведения Приполярной переписи 1926/27 гг. они уже стали богатыми оленеводами и значительно превосходили в этом отношении своих ближайших соседей — долган [8]. После коллективизации роль домашнего оленеводства у них продолжала расти, а значение промысла диких оленей уменьшалось. В начале 1960-х гг. в хозяйствах нганасан насчитывалось до 20 тыс. домашних оленей. Однако, в 1970-е гг. социально-экологическая система этого ландшафта пережила некогерентную фазу, вызванную увеличением численности таймырской популяции дикого северного оленя, которая с 252 тыс. голов в 1966 г. выросла до 449 тыс. гол. в 1975 г. [3, 4]. Конфликт между диким и домашним оленем привел к стремительному краху нганасанского оленеводства. В 1988 году жители поселка Усть-Авама забили последних 15 оленей, а в 1989 г. прекратилось оленеводство в совхозе «Волочанский».

Как показали результаты полевых исследований 2021 г. намерение возродить домашнее оленеводство уже существуют: глава общины «Хаски-Тыал» в Волочанке, Денис Николаевич Теребихин, в 10 км от поселка основал стойбище «Такер», где содержатся овцебыки, привезенные с Ямала в ноябре 2020 года, а 7 апреля 2021 г. на вертолете были доставлены 10 оленей в рамках программы по возрождению домашнего оленеводства на обозначенной территории. Насколько успешна будет эта и подобные попытки покажет время. Среди жителей существуют разные точки зрения на ситуацию. Старожилы, занимавшиеся домашним оленеводством в советское время, в основном, настроены пессимистично. Их главный аргумент звучит просто: «оленей съедят» [8].

Таким образом, социально-экономические трансформации, произо-

шедшие на полуострове в XX веке стали определяющими в нынешней судьбе региона. Процессы коллективизации, промышленное освоение, индустриализация и процессы глобализации всегда были в резком противоречии с традиционным образом жизни коренных народов Таймыра. В XXI веке, процессы, запущенные в советский период, приобрели новые, этнополитические формы. Исторические пласты политических изменений постоянно перекраивали ландшафт под себя, и довольно часто, это негативно сказывалось на местном населении и его занятиях, в том числе, уничтожая основополагающие из них. Политический ландшафт отражен в традиционном, культурном и социальном смысле в рамках границ Таймырского района. Влияние федеральной (центральной) и региональной власти накладывает свой отпечаток на развитие региона в том числе, в исторической перспективе. Политические изменения, которые происходили на протяжении нескольких столетий на территории Таймыра, оказали огромное влияние на нынешнюю ситуацию в регионе. Местные жители, находясь постоянно в тяжелых условиях Крайнего Севера и в контексте изменяющегося политического ландшафта проявляют активную гражданскую позицию. К примеру, это выражено в появлении двух Ассоциаций КМНС или в активистском движении, добивающемся возвращения статуса автономности региону. После результата референдума, реорганизации автономного округа и последовавших за этим нововведений, Таймыр потерял законодательную, финансовую, организационную и управленческую независимости. После окончания кампании по объединению субъектов и их укрупнению многие вопросы остались не решенными. Население разрозненно из-за неравномерности финансовых потоков, несоответствия обеспечения социальной, продовольственной, технической, инфраструктурной безопасности. Законодательные инициативы часто не соответствуют ситуации на местах, не учитывают традиционный образ жизни, занятие промыслами. Это, в первую очередь, влияет на жизнь коренных сообществ, их традиционный образ жизни, оленеводство и промыслы. Современный политический ландшафт в значительной степени определяет возможности возрождения традиционного оленеводства. Однако в данном направлении необходимо работать. Важнейшим является принцип открытости, чтобы каждая из заинтересованных сторон слышала друг друга. В таком случае, инициативы по восстановлению домашнего оленеводства на Таймыре, которые в последнее время звучат все чаще, в том числе в Правительстве Красноярского края, будут более успешными и быстроразвивающимися.

Список источников и литературы

1. Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник МГУ. 1995. № 3. С. 33–44.
2. Перевалова Е. В., Киссер Т. С. «Таймыр: этнопроекты и лидеры // Этнография. 2021. № 2 (12). С. 166–193.
3. Постановление ВЦИК от 1925 «Об образовании Сибирского края» и «О введении в действие Положения о Сибирском крае» // По документам научно-справочной библиотеки Государственного архива Новосибирской области. URL: <http://archive.nso.ru/page/176>
4. Постановление от 10 декабря 1930 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15681#04520409712780942>
5. Постановление от 7 декабря 1934 года «О разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и образовании новых областей в Сибири». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6837#09297159948324838>
6. Vitebsky P., Alekseyev A. Siberia. Annual Review of Anthropology, 2015, v. 44, pp. 439–455.
7. Материалы к Парламентским слушаниям в Совете Федерации по вопросу «Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательное условие при освоении северных территорий» / М. 2007. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.
8. ПМА — Полевые материалы автора, собранные в рамках гранта Российского научного фонда. Экспедиция в Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, март-апрель 2021 год.
9. Хакимулина О. Н. История и культура коренных народов Таймыра. СПб.: Просвещение. 2021.
10. «Устав (основной закон) Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа» от 25 марта 1998 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432848400>
11. Референдум Красноярского края по вопросу: «Согласны ли Вы, чтобы Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа объединились в новый субъект Российской Федерации — Красноярский край?» // Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.krasnoyarsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/krasnoyarsk?action=show&root=1&tvd=224200087164&vrn=224200087163®ion=24&global=null&sub_region=24&prver=0&vivid=224200087164&type=232
12. Федеральный конституционный закон от 14. 10. 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56027/
13. Закон от 24 декабря 2015 г. № 9–4110 «Об административно-территориальных единицах с особым статусом» (с изменениями на 5 декабря 2019 года) //

POLITICAL LANDSCAPE OF THE REINDEER HERDING PEOPLES OF TAIMYR

Bobrova V. V. ¹

¹ St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, Russia

In the era of globalization and active industrial development of the Far North, the issue of legal protection of reindeer husbandry—one of the main types of traditional nature management is more acute than ever. Several ethno-cultural landscapes of different reindeer-herding peoples were formed in Taimyr. In this report, we look at them from a political perspective, which allows us to talk about the political landscape as well. The process of decomposition and decline in the level of development of reindeer herding farms takes its roots in the political doctrine of the beginning of the last century. The policy of sedentarization, carried out in the Soviet era, had an extremely negative impact on the reindeer husbandry of the indigenous inhabitants of the Arctic zone, as the younger generation began to gradually lose touch with the traditional way of life. Эволюцию этого ландшафта напрямую зависят от синтеза обычного права оленеводческих народов и юридической базы регионального законодательства, подкрепленного федеральными нормативно-правовыми актами.

Key words: Arctic, Taimyr, ethno-cultural landscapes, indigenous peoples, reindeer husbandry, traditional nature management.

Круглый стол
**«ПРОСТАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОЦЕНКАХ
ПОЛИТ-ГЕОГРАФОВ И МЕЖДУНАРОДНИКОВ»**
совместно с кафедрой международных отношений
**ФМОПИ Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС)**

УДК 910.3

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ ЭСТОНИИ
К РОССИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПУТИ ИХ
СНЯТИЯ**

Хрущев С. А.¹

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

В работе представлен критический анализ исторических, геополитических и этнополитических обоснований со стороны Эстонии территориальных претензий к России. Длительней уже более четверти века процесс согласования границ между Россией и Эстонией показывает, что в современных геополитических условиях необходимо в реальной политике России поставить вопрос о возвращении части территории бывшего Псковского уезда, оставленной в составе ЭССР в 1944 году на основании предоставления с эстонской стороны недостоверных сведений по этническому составу Печорского района.

Ключевые слова: Россия, Эстония, территориальные претензии, государственная граница, Юрьевский договор, сету

9 мая 2019 г. глава Консервативной народной партии Эстонии (ЕКРЕ) и тогдашний министр МВД Эстонии М. Хельме впервые озвучил размер территориальных претензий к России: «... До сих пор в руках России находится и 5,2% территории Эстонии. Россия не хочет нам ни возвращать эту территорию, ни давать за нее компенсацию, ни во-

обще обсуждать этот вопрос» [1]. После того как относительные размеры территориальных претензий, так и их наглядный аналог в абсолютном исчислении — примерная площадь острова Сааремаа⁵⁶ — стали каноническим не только в политической риторике правых партий, но и в обыденном сознании. 23 февраля 2022 года ЕКРЕ предприняла попытку (пока неудачную) через решение Рийгикогу официально отозвать подпись Эстонии под пограничным договором с Россией от 18 февраля 2014 года⁵⁷, указав в пояснительной записке к своему парламентскому запросу, что Россия «незаконно удерживает примерно 5,2 % территории Эстонской Республики» [2].

Так как объектом территориальных претензий являются существенные части Кингисеппского и Сланцевского районов Ленинградской области и почти весь Печорский район Псковской области, а также отсутствие юридически закреплённого статуса границы между Россией и Эстонией, всё это делает необходимым проанализировать генезис, масштабы и возможные пути актуального решения этой проблемы.

1. Чему равны 5,2 % или размеры территориальных претензий Эстонии к России. Анализ сообщений и комментариев, посвящённых размерам территориальных претензий к России от ЕКРЕ, показал, что в них не представлены ни величина «оккупированных» Россией территорий Эстонии в абсолютном исчислении, ни каким образом она была получена. Так как уточнённая в 2015 году площадь Эстонии составляет 45339 км² [3, р. 33], то 5,2 % конвертируется в абсолютном исчислении приблизительно в 2350 км². Это цифра примерно соответствует оценке, приводимой в электронном сетевом ресурсе *Estonica*⁵⁸, в размере 2330 км² [4]. В статье профессора СПбГУ Н. М. Межевича, правда без ссылки на источник, приводится цифра 2334 км² [5, с. 142].

Итак, по мнению ЕКРЕ и всего эстонского консервативно-националистического истеблишмента Россия «должна» вернуть Эстонии примерно 2330 км², либо их финансово компенсировать.

2. Какие правовые основания выдвигает Эстония, чтобы считать части территории Российской Федерации как свои территории, оккупированные и аннексированные СССР. 12 сентября 1991 года постановлением Президиума Верховного Совета Эстонии были признаны недействительными четыре указа Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, касающихся вопросов о границе [6, с. 885]. Первые три

⁵⁶ 2673 км², — прим. автора

⁵⁷ Договор о границе между Эстонией и Россией от 18.02.2022 г. пока не ратифицирован ни одной из сторон, — прим. автора.

⁵⁸ Издаётся Эстонским институтом (*Eesti Instituut*) — специализированным учреждением по распространению информации об Эстонии, — прим. автора.

из них⁵⁹ были приняты во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 года «Об образовании Псковской области в составе РСФСР», Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 ноября 1944 года «О включении в состав Ленинградской области населенных пунктов, расположенных на восточном берегу реки Нарва» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1946 года «Об установлении границы между РСФСР и Эстонской ССР». Целью этих Указов было возвращение исконных русских этнических территорий и российских пространств в состав РСФСР, которые были утрачены Россией в результате Юрьевского договора от 2 февраля 1920 года [7].

3 июля 1992 в Эстонии вступила в силу конституция, где в статье 122 указано, что «Сухопутная граница Эстонии установлена Юрьевским (в тексте—Тартуским, прим. автора) мирным договором от 2 февраля 1920 года и другими межгосударственными договорами о границах» [8].

3. Что отдала Россия Эстонии в 1920 году и что вернула / не вернула в 1944 году. По Юрьевскому договору Россия уступила Эстонии большую часть акватории Псковского озера и два сухопутных массива:

- в Понаровье в пределах Ямбургского уезда (части Наровской и Горской волостей) и Гдовского уезда (вся Верхне-Наровская волость и отдельные поселения Кольцовской и Вяжищенской волостей) Петроградской губернии РСФСР общей площадью 727 км².
- в Псковском уезде (Изборская, Паниковская, Печорская и Слободская волости) Псковской губернии РСФСР общей площадью (включая акваторию Псковского озера) 1880 км².

Всего по Юрьевскому договору РСФСР уступила Эстонии 2607 км²⁶⁰.

Эстонскими властями территория Понаровья в составе уезда Виру была разделена на 3 волости: Наровскую, Козельскую и Скарятинскую. В 1938 году на волне всеобщей эстонизации, две последние обрели названия соответственно Riigi и Raja.

По переписи 1922 года в Понаровье доля русских составляла 68,7 %, а эстонцев—26,4 %. При этом 77 % эстонского населения было локализовано в Ивангороде (тогда он административно был частью Нарвы). Поэтому в 3-х волостях доля русского населения была 83,4 %, а эстон-

⁵⁹ Четвёртый Указ ВС ЭСССР 1957 года касался незначительных территориальных сецессий между Печорским районом Псковской области РСФСР и Пылваским районом ЭССР,—прим. автора.

⁶⁰ Все размеры территориальных уступок России Эстонии по Юрьевскому договору вычислены автором по данным источника [9, с. 3–4].

ского— всего 7,6%⁶¹. Нахождение Понаровья в Эстонии хоть и увеличило долю титульного этноса, но очень незначительно— по данным переписи 1934 года в 3-х волостях доля русских была 76,8%, а эстонцев— 11,8% [11, с. 76].

Соответственно, при передаче этих исконно русских земель в 1944 году в состав РСФСР у эстонской стороны каких-либо оговорок не было. Наровская волость и Ивангород вошли в состав Кингисеппского района, а Козельская и Скарятинская— Сланцевского района Ленинградской области.

Таким образом, все 727 км² территории русского Понаровья в 1944 году были возвращены в состав РСФСР.

Передача в РСФСР территории бывшего Псковского уезда Псковской губернии, оказавшейся в составе Эстонии по Юрьевскому договору, была неполной в результате введения в заблуждение руководства СССР со стороны Эстонской ССР, которые заявили, что северо-западная и западная часть Печорского уезда является этнической территорией эстонцев. То есть этнический ареал сето, которые эстонцами не являются, был представлен ими как эстонский (об этом подробнее будет сказано ниже).

В результате в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 года «Об образовании Псковской области в составе РСФСР» появилась расплывчатая формулировка: «включить в состав Псковской области Печорскую, Слободскую, Паниковскую волости и часть Изборской волости, выделив их из состава Эстонской ССР, за исключением части населенных пунктов этих волостей с преобладающим эстонским населением и составляющих ныне волости Мяэ и Мяремяэ Эстонской ССР» [12, с. 46]. Как видно, в Указе оперируют как волостным делением бывшего Псковского уезда, так и административными единицами Печорского уезда Эстонии, названия которых, в отличие от Понаровья, были переименованы на эстонский лад ещё в начале 1920-х гг.

В результате деятельности Согласительной комиссии по изменению границ между РСФСР и Эстонской ССР в пределах Эстонии осталась не только вся волость Мяэ (исконно русское название— Никитина Гора), но и значительные части волостей Мяремяэ (Мерина Гора), Ярвесуу (Верхоустье), Саатсе (Зачеренье) и части волости Петсери (Печоры). Таким образом, в пределах Эстонии осталась существенно бóльшая территория, чем предусматривалось Указом от 23 августа 1944 года (рис. 1).

⁶¹ Рассчитано автором по: [10, р. 12–13].

Рисунок 1. Динамика границ Печорского края в XX веке⁶²

Примечания: 1) цифрой 1 обозначена часть Паниковской волости Псковского уезда, не вошедшая в Печорский уезд Эстонии, и, соответственно, не рассматривавшаяся в 1944 году как объект для возврата в РСФСР; 2) цифрой 2 обозначена часть Паниковской волости Псковского уезда, переданная в 1923 году из Эстонии в Латвию в результате многосторонних сецессий (Педедзенская волость Алуксненского края Латвии).

⁶² Составлено автором на основании карт Генерального штаба Российской Империи в масштабе 1:126000 (ряд 6 лист 6 «г. Псковской и Петроградской»; ряд 7 лист 6 «г. Лифляндской, Псковской и Витебской»; ряд 7 лист 7 «г. Псковской»; топографических карт в масштабе 1:100000 (листы О-35-XXII «Печоры» и О-35-XXII «Псков»); топографической карты Главного штаба РККА 1941 года в масштабе 1:500000 (лист О-35-Г «Псков»); топографической карты Латвии в масштабе 1:100000 1929 года (лист 90-«Veclaicene»).

4. Насколько соответствует действительности величина территориальных претензий Эстонии к России. На момент добровольного вхождения 6 августа 1940 г. Эстонии в состав СССР площадь её территории была равна 47549 км² [13, р. 120]. До 2015 года площадь страны оценивалась в 45227 км² [14, р. 7], а их разница даёт 2322 км² или 4,9 % от площади 1940 года, но ни как не 5,2 %.

Сделанный выше обзор коллизий возврата российских территорий показывает, что фактически в 1944 году в состав РСФСР было передано менее 2100 км² из 2607 км². Отметим, что последняя цифра — общая площадь переданных Эстонии земель из РСФСР, — вообще не встречается в эстонских источниках.

5. Позиция России. 15 мая 2019 года Директор Департамента информации и печати МИД России М. В. Захарова на вопрос СМИ относительно заявлений в Эстонии о «территориальных претензиях» к России официально заявила: «Позиция России хорошо известна: Тартуский (Юрьевский, прим. автора) договор давно принадлежит истории. Его действие, как и других международных соглашений, имевшихся у Эстонии, в том числе с Советской Россией в период 1920–1940 гг., прекратилось 6 августа 1940 г. с вхождением Эстонии в состав СССР. Для нас эта тема навсегда закрыта» [15], т.е. геополитическая, историческая и юридическая позиции России здесь определены максимально чётко.

В результате краткого анализа проблем делимитации границ между Россией и Эстонии можно сформулировать следующие замечания, выводы и предложения.

1. Вновь и вновь приходится настаивать на формулировке «Юрьевский договор» для обязательного использования российскими официальными лицами, так как в самом договоре в статье 20 записано: «Подлинный в двух экземплярах, составлен и подписан в гор. Юрьеве, февраля 2-го дня 1920 года» [7, с. 51]. Называть его «Тартуским» — это всё равно, что Тильзитский мир называть «Советским», а Ништадтский мир «Усуикаупункским». Историческая правда состоит в том, что до Юрьевского договора деяния самостоятельных эстонских властей, в том числе и переименование в 1919 году Юрьева в Тарту, не имели никакого международного признания.

2. Юрьевский договор уже почти 82 года имеет мемориально-историческое значение, в котором главный политический итог заключается в том, что именно Россия сделала Эстонию субъектом международного права.

3. Россия официально является «правопреемником и правопродолжателем Российского государства, Российской республики, Российской

Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР)» [16]. В этом смысле принцип континуитета российской государственности существенно отличается от весьма сомнительной версии «перфорированной» доктрины международно-правовой непрерывности Эстонии, позволяющей делать любые купюры в истории своей государственности, которые не соответствуют её современным установкам, например, считать нелегитимными Указы Верховного Совета СССР о российско-эстонской границе и т.д.⁶³. Настало время и России силами Правового департамента МИД РФ творчески применить наработки эстонской версии «перфорированной» доктрины международно-правовой непрерывности и, например, дать оценку легитимности постановлению Госсовета СССР от 6 сентября 1991 года о признании независимости Эстонской Республики.

4. Эпопея с парафированием и ратификацией договора о границе между Россией и Эстонией, которая началась ещё в ноябре 1996 года, демонстрирует полную политическую «патовость» данного документа для двух государств, одно из которых имеет незыблемую статью 122 конституции (Эстония), а другое (Россия) совершенно справедливо, в рамках международного права, считает основания Юрьевского договора для проведения сейчас государственных границ юридически ничтожными (подробнее см. [18]).

5. В связи с этим выходом из сложившейся ситуации с учётом исторической незавершённости возврата исконных российских земель видится в коренном переформатировании договора о границе с Эстонии путём имплементации требования со стороны России возврата территории Псковского уезда, оставшихся в составе Эстонии. Основанием такого требования может стать статья 49 «Обман» Венской конвенции «О праве международных договоров 23 мая 1969 года»⁶⁴.

Здесь обманом руководства СССР было утверждение властей ЭССР о включении малочисленного этноса сето⁶⁵ в состав эстонцев, что не соответствует их самоидентификации как самостоятельного этноса⁶⁶, а также расширение за счёт ареала сето этнической территории эстонцев в пределы территории бывшего Псковского уезда. Так в письме

⁶³ Подробнее об этой доктрине в эстонском применении см. [17].

⁶⁴ «Если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе ссылаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора» [19].

⁶⁵ С 2010 года этнос сето/сету официально входит в список коренных малочисленных народов России, — прим. автора.

⁶⁶ Почему сето не эстонцы подробнее см. в [20].

И. В. Сталину 19 октября 1944 года руководством ЭССР утверждалось следующее: «Население волостей Мязэ, Меримязэ, Ярвесу, Саатсе и Вило является в основном эстонским...» [11, с. 156]. Далее приводится таблица их этнического состава по переписи 1934 года, которую автор дополнил реальными данными о распределении эстонского и сетуского населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав населения 5 волостей Печорского уезда по переписи 1934 года по версии руководства ЭССР в письме И. В. Сталину от 19.10.1944 г. и фактическая ситуация (выделено шрифтом)⁶⁷.

Волости / историческое русское название	эстонцы	сету	русские	% эстонцев
Мязэ / Горская (Никитина Гора)	2733 / 464	0 / 2269	369 / 369	88,0 / 14,9
Меремязэ / Мериногорская	4683 / 1877	0 / 2806	719 / 719	85,9 / 34,4
Ярвесуу / Верхоустьенская	2711 / 553	0 / 2158	862 / 862	75,8 / 15,5
Саатсе / Зачеренская	2178 / 187	0 / 1991	1253 / 1253	63,2 / 5,4
Вило / Паниковская	4205 / 1555	0 / 2650	2630 / 2630	61,2 / 22,6

Из таблицы наглядно видно, что ни в одной из перечисленных волостей наличное эстонское население не составляла большинства, в трёх из пяти волостей численность русских превышала численность эстонцев.

6. Этногенез сето, история их формирования и расселения в русской ойкумене, а также насильственная эстонизация требуют специального сообщения. Здесь же отметим, что необходимо изменить их этноним «эстонцы-сету» на «сету / сето» в списке этнонимов при кодировке Всероссийской переписи населения. Это будет соответствовать их реальному автоэтнониму, закреплённому не только в их этническом самосознании, но и в официальном перечне коренных малочисленных народов РФ [22]. Это предложение может быть реализовано в рамках компетенций Федерального агентства по делам национальностей.

7. Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестру) в рамках его компетенций по топографо-геодезического обеспечения делимитации, демаркации и проверки государственной границы России предложить провести проверку соответствия границы волости Сетумаа с волостями Ряпина (Räpina) Пылваского уезда, Выру (Võru) и Рьуге (Rõuge) Вырусского уезда Эстонии с исторической границей Псковского уезда Псковской губернии с Лифляндской губернией Российской Империи. Также Росреестру необходимо определить точные контуры и площадь части Псковского уез-

⁶⁷ Составлено автором по [11, с. 153; 21, р. 36–46].

да, переданного Эстонией в Латвию 1.11.1923 года и находящегося сейчас в составе Педедзенской волости Алуксненского края Латвии.

Список источников и литературы

1. Хельме призвал не забывать, что Россия до сих пор не вернула Эстонии часть территории // Eesti Rahvusringhääling / ERR) [Электронный ресурс]—Режим доступа: <https://rus.err.ee/937697/helme-prizval-ne-zabyvat-hto-rossija-do-sih-por-ne-vernula-jestonii-chast-territorii> (дата обращения 15.04.2022).
2. Отозвать подпись под пограничным договором между Эстонией и Россией. Партия Отечество поддерживает, другие—против // Delfi [Электронный ресурс]—Режим доступа: <https://www.delfi.ee/artikkel/120003765/ekre-tegi-ettepaneku-votta-eesti-vene-piirilepingu-allkiri-tagasi-isamaa-toetab-teised-on-vastu> (дата обращения 15.04.2022).
3. Eesti Vabariik 100. Statistiline album.—Tallinn: Kirjastanud Statistikaamet, 2018.— 189 p.
4. Территория и административное деление ЭССР // Estonica [Электронный ресурс]—Режим доступа: <http://www.estonica.org> (дата обращения 15.04.2022).
5. Межевич, Н. М. Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России / Н. М. Межевич // Псковский регионологический журнал.— 2007.— № 4.— С. 134–145.
6. Ведомости Эстонской Республики. 1991. № 32. Ст. 389.
7. Мирный договор между Россией и Эстонией // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г.—Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1943.—С. 41–52.
8. Конституция Эстонии, принятая на референдуме 28 июня 1992 г. [Электронный ресурс]—Режим доступа: <https://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения 15.04.2022).
9. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 г. и 1 июля 1926 г. в сопоставлении с довоенным делением России: Опыт установления связи между административно-территориальным составом довоенной России и современным составом СССР.—Москва: тип. М.К.Х. им. Ф.Я. Лаврова, 1926.—XXXII, 231 с.
10. Üldrahvalugemise Andamed. Vink IV. Viru Maakond.—Tallinn: Riigi Statistika Keskbüroo, 1924.— 39 p.
11. Маттисен, Э. Эстония—Россия: история границы и ее проблемы / Эдгар Маттисен.—Таллин: Издательство «Ило», 1995.— 209 с.
12. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г.—июль 1956 г.—Москва: Госюриздат, 1956.— 500 с.
13. Estonian Economic Year-Book 1934.—Tallinn: Eesti Pank, 1935.— 120 p.

14. Eesti statistika aastaraamat 2013.—Tallinn: Kirjastanud Statistikaamet, 2013.— 437 p.
15. Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос СМИ относительно заявлений в Эстонии о «территориальных претензиях» к России [Электронный ресурс]—Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ee/1460947/> (дата обращения 15.04.2022).
16. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом // ФЗ от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ [Электронный ресурс]—Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875/page/1> (дата обращения 15.04.2022).
17. Никифоров, И. В. Принцип «континуитета» как основа современной политики исторической памяти в Эстонии / И. В. Никифоров // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.— 2015.— № 1 (6).— С. 155–159.
18. Мельтюхов, М. И. Изменение западных границ Советского Союза во время Второй мировой войны / М. И. Мельтюхов // Журнал российских и восточно-европейских исследований.— 2018.— № 4 (15).— С. 85–107.
19. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 г.) / ООН / Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]—Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 15.04.2022).
20. Засецкая, М. Л. Сету. История, культура, современные этнические процессы / М. Л. Засецкая, А. Г. Новожилов, С. А. Хрущев // Историко-этнографические очерки Псковского края.—Псков: ПОИПКРО, Исторический факультет СПбГУ, 1999.— С. 269–302.
21. Valdade Rahvastik. 1. III 1934. Rahvaloenduse Andmed. Vink I.—Tallinn: Riigi Statistika Keskbüroo, 1934.— 57 p.
22. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации (с изменениями на 25 августа 2015 года) [Электронный ресурс]—Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901757631> (дата обращения 15.04.2022).

Estonia's Territorial Claims to Russia: Critical Analysis and Ways for Its Elimination

Khrushchev S. A.¹

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

The paper presents a critical analysis of the historical, geopolitical and ethno-political justifications of Estonia's territorial claims to Russia. The process of border coordination between Russia and Estonia, which has been going on for

more than a quarter of a century, shows that in modern geopolitical conditions, it is necessary in Russia's real policy to raise the question to return the part of the territory of the former Pskov county, left as part of the Estonian SSR in 1944 on the basis of misleading information about the ethnic composition of the Pechora district from the Estonian side.

Key words: Russia, Estonia, territorial claims, state border, Yuriev Treaty, setu

АКТИВИЗАЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ

Шумилов М. М.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС
Санкт-Петербург, Российская Федерация,

Активность Великобритании на Южном Кавказе заметно возросла в условиях Второй карабахской войны между Азербайджаном и Турцией, с одной стороны, и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой и Арменией, с другой. В ходе вооруженного противостояния осенью 2020 г. Лондон фактически проявил себя союзником Баку и Анкары. При этом он не афишировал свою причастность к этим событиям. Данное обстоятельство в числе многих других способствовало военному поражению Армении и повлияло на ее переговорную позицию в процессе политического урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, Бритиш Петролеум (BP), нефтепровод, газопровод, МИ-6, Минская группа ОБСЕ, Европейский Союз (ЕС)

На протяжении последних веков Великобритания заинтересованно участвует в событиях на Южном Кавказе. После распада СССР ее активность в региональной политике заметно возросла. Прежде всего, это проявилось в стремлении британцев получить доступ к углеводородам региона. В этой связи в сентябре 1992 г. по приглашению президента Азербайджанской Республики (АР) Абульфаза Эльчибея Баку посетила премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, а спустя два года был подписан «Контракт века» на разработку крупного морского месторождения Азери—Чираг—Гюнешли (АЧГ). В 1996 г. был подписан контракт на разработку шельфового газоконденсатного месторождения «Шах Дениз».

Поскольку Азербайджан не имел собственных финансовых ресурсов для развития нефтегазовой отрасли, он вынужден был для разработки своих месторождений привлекать иностранный капитал. При этом наибольшую долю в азербайджанских проектах сумела закрепить за собой британская компания British Petroleum (BP): в АЧГ—35,8%, а в «Шах-Дениз»—25,5%. Сегодня она активно участвует в разведке и разработке перспективных газовых месторождений «Шафаг» и «Асиман» в азербайджанском секторе Каспийского моря.

В феврале 2015 г. АР была включена в программу UKTI «High Value Opportunity», содействующую британским компаниям в заключении контрактов и реализации масштабных проектов в нефтегазовой сфере. В конце 2017 г. в АР действовало уже свыше 500 британских компаний. Одновременно Великобритания утвердилась в роли лидера по инвестициям в экономику республики. Особо успешно идут дела у корпорации BP, которая участвует в семи нефтегазовых проектах в Азербайджане, в числе которых заметную роль играют нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД), в активах которого ее доля составляет 30,1 %, а также Трансадриатический (20 %) и Трансанатолийский (12 %) газопроводы, являющиеся ключевыми составляющими «Южного газового коридора», по которому азербайджанский газ поступает в Европу в обход РФ.

В общей сложности со стороны британских компаний в азербайджанскую экономику вложено 27 млрд. долл. В конце сентября 2020 г. посол Великобритании в Азербайджане Джеймс Шарп, являющийся одновременно офицером британской разведки МИ-6, опубликовал в местной прессе статью, в которой высоко оценил продолжительное стратегическое партнерство двух стран в развитии энергетического сектора АР и высказал пожелание продолжить сложившиеся отношения в течение следующих 30 лет [1; 2].

Одновременно Великобритания проявляет заинтересованность в укреплении отношений с Турецкой Республикой (ТР). В октябре 2007 г. премьер-министры Великобритании и ТР — Гордон Браун и Реджеп Тайип Эрдоган — подписали в Лондоне соглашение о стратегическом партнерстве. Предусматривалось открытие британского университета в Турции, развитие торгового сотрудничества, взаимодействие в энергетической сфере и создание регионального энергетического центра, а также совместное сооружение индустриальной зоны в иракской Басре.

Стремясь к расширению валютной зоны фунта стерлингов, Великобритания сделала ставку на Brexit и раскол Европейского Союза (ЕС). Отчаянно нуждалась в альтернативных торговых соглашениях за пределами ЕС, она пошла на сближение с ТР, которая из числа ближневосточных стран проявила наибольшую заинтересованность в заключении с ней соглашения о свободной торговле. В 2017 г. Великобритания стала вторым по значению экспортным рынком Турции (10,5 млрд. долл.) и 12-м крупнейшим поставщиком (5,5 млрд. долл.). Она заняла третье место по величине инвестиций в ТР в объеме 10,2 млрд. долл. и являлась девятым наиболее привлекательным направлением инвестиций для ТР с совокупным объемом в 821 млн. долл. [3].

В конце 2020 г. Великобритания заключила с ТР соглашение о беспощинной торговле, направленное на обеспечение товарооборота между странами на уровне не менее 18 млрд. фунтов стерлингов в год. Сделка предусматривает преференциальные тарифы для 7600 британских предприятий, прежде всего, обеспечивающих экспорт в Турцию машиностроительной продукции, автомобильных запчастей, железа и стали. Ее бенефициарами также станут британские импортеры текстиля, стиральных машин и телевизоров [4].

Являясь одной из немногих стран НАТО, развивающих с ТР военное сотрудничество, Великобритания становится для Анкары гарантом поставок вооружений «при любой погоде». В частности, журналист Александр Аничкин отмечает в числе совместных турецко-британских проектов 100-миллионную сделку, одобренную бывшим премьер-министром Терезой Мэй, «в поддержку разработки собственного турецкого истребителя TF-X с участием крупнейшей британской военно-технической корпорации BAE Systems». Трудно переоценить роль британской фирмы EDO MBM в освоении Турцией производства военных дронов: технология Hornet позволила турецким БПЛА Bayraktar TB2 наносить ракетные удары по армянским боевым порядкам в ходе войны в Арцахе (армянское название Нагорного Карабаха) [5]. В этой связи следует признать обоснованным вывод редакции деловой газеты «Взгляд» о том, что в возобновившейся «Большой игре» Великобритания стремится одержать не только геополитическую, но и технологическую победу над Россией: она «не только политически “подталкивает в спину” наших потенциальных соперников, провоцируя их на авантюристическую политику, но и делает то же самое с помощью технологий» [6].

Об особом характере британско-турецких отношений свидетельствует факт назначения в летом 2020 г. главой британской внешней разведки МИ-6 бывшего посла в ТР (2014–2017), а затем политического директора МИД Великобритании Ричарда Мура, которому удалось установить тесные связи с руководством республики. В этой связи следует обратить внимание на точность прогноза редактора раздела «Общество» интернет-портала АиФ.ru Андрея Сидорчика о том, что с приходом Р. Мура на должность нового главы МИ-6 «обстановка в этом регионе претерпит неблагоприятные для России изменения» [7]. 30 сентября, на лондонском форуме, организованном Центром за британско-турецкое взаимопонимание (Centre for British-Turkish Understanding), министр обороны ТР Хулуси Акар, рассуждая об «особых отношениях» и «глубоких исторических связях» между Турцией и Великобританией, о ситуации в Восточном Средиземноморье и Нагорном Карабахе, отме-

тил схожую роль двух стран в мировой политике после Brexit: оставаясь союзниками по НАТО, они находились вне ЕС [5].

По словам Руслана Темирбулатова из EurAsia Daily, «посол Мур никогда не скрывал, что видит огромный потенциал ТР и тюркского мира как регионального оператора. В том числе для вытеснения России, Германии и Китая из региона. Неоднократно он бывал в Баку, знаком с азербайджанской элитой». По его словам, именно Лондон стоял за всеми турецкими проектами, а Р. Эрдоган всего лишь являлся разменной фигурой в чужой «Большой игре» [8]. Старший научный сотрудник Академии военных наук Владимир Прохвятилов также видел в нынешнем главе британской разведки MI-6, являющемся одной из ключевых фигур группы влияния британского премьера Бориса Джонсона, сторонника идеи Великого Турана как проекта по сдерживанию России и Китая. По его словам, Р. Эрдоган при содействии Р. Мура установил прочные и доверительные контакты с Б. Джонсоном и получил от него мандат на перехват контроля над стратегическими азербайджанскими трубопроводами для гарантированного обеспечения их безопасности [1]. Аналогичное мнение высказывал директор Института ЕАЭС В. А. Лепехин. Он приписал ТР и британским спецслужбам роль основных инициаторов военного конфликта в Нагорном Карабахе (2020). Армения и Азербайджан в его глазах, хотя и являлись субъектами конфликта, направленного против России и, частично, Ирана, на деле выступали инструментами и жертвами «большой региональной игры с участием Турции и Великобритании» [9].

Очевидно, что новая война за Нагорный Карабах осенью 2020 г. не стала для Лондона неожиданностью. Буквально сразу после начала боевых действий, 28 сентября, премьер-министр Великобритании Б. Джонсон провел переговоры с президентом Р. Эрдоганом по телефону. Примечательно, что этот разговор состоялся до публичных деклараций турецкого руководства о всесторонней и безграничной поддержке в конфликте Азербайджана. Это косвенным образом подтверждает обоснованность предположения о предоставлении Азербайджану накануне войны гарантии поддержки как со стороны Турции, так и Великобритании. Вместе с тем выводы В. Прохвятилова о том, что Азербайджан расплатился за услугу отказом от суверенитета, а «Великобритания установила полный контроль над Азербайджаном, отдав туркам операционное управление региональными делами», представляются преувеличенным [1].

Незадолго до начала военных событий, 10 марта 2020 г., в рамках встречи Дж. Шарпа с главой общественной организации «Азербайджан

жанская община Нагорного Карабаха» Туралом Гянджалиевым обсуждались «пути мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта и вклад, который община может внести в это дело». В этой связи армянский политтехнолог Виген Акоюн в интервью Sputnik Армения допускал участие в конфликте руководства Великобритании «через призму ВР» [10].

Действительно, уже в первые дни войны ВР выразила поддержку правительству АР, а компания Anglo Asian Mining PLC заявила, что «находится на связи с властями Азербайджана по вопросам, связанным с эксплуатацией золотоносных месторождений в Зангеланском районе». Поэтому Севак Даниелян из ИА Zham рассмотрел в событиях Второй карабахской войны очередное проявление перманентной британской «политики сдерживания» России и войны против нее «турецким мясом» [11]. Аналогичным образом, эксперт информационного агентства «Аврора» А. В. Рубаев их первопричиной и доминантой назвал борьбу англичан «за свою зону влияния в Закавказье», их попытку посредством действий через АР закрепиться в регионе [12]. При этом, отмечал А. Аничкин, официальный Лондон демонстрировал показательную сдержанность и отстраненность в оценках резкого обострения армяно-азербайджанского конфликта вокруг Карабаха при очевидной вовлеченности в процесс ТР [5].

Эксперты Международного института новейших государств (МИНГ) — неправительственной международной организации, учрежденной в июне 2008 г. в Москве группой ученых, политологов и международных экспертов в области конфликтологии и международного права обратили внимание на то, что нападение Азербайджана на Нагорный Карабах совпало с завершением строительства Трансадриатического газопровода. Отмечая совпадение в этом конфликте, как и в нефтяном бизнесе, интересов Анкары и Лондона, авторы прогнозировали их дальнейшее продвижение «при поддержке МИ-6... в традиционный для английских спецопераций полигон — среднеазиатский регион» [13]. В этом с ними соглашался В. Прохватилов, отмечавший очевидность «связки интересов ВР и конфликта вокруг Карабаха... Поддержка Лондоном военного решения карабахского конфликта рассчитана на то, чтобы устранить Россию из числа действующих в этом регионе сил и увековечить британский контроль над энергетическими ресурсами и стратегическими трубопроводами Кавказа» [2].

Имея на своей стороне поддержку Турции, Великобритании и Израиля, опираясь на турецкие военные инновации, наёмников, террористов и частные военные кампании, Азербайджан сумел нанести Армии обо-

роны Нагорно-Карабахской Республики ряд чувствительных поражений. При этом трудно согласиться с выводом А. В. Рубаева, что главной причиной поражения Армении явилась якобы предательская политика действующего с 2018 г. премьер-министра Никола Пашиняна [14]. Мало что объясняет и аргументация российского политолога С. Е. Кургиняна, обвинившего Н. Пашиняна в сдаче Карабаха: «Это агент, выполнявший определенную задачу. Он сумел выполнить ее хорошо. Там и Америка, и Сорос, и Британия хорошо работали. Надо отдать должное главе британской разведки МИ-6 Ричарду Муру и другим — они свою задачу выполнили» [15].

Отдельные комментаторы идут еще дальше в тенденциозной интерпретации современных армяно-британских отношений и текущей ситуации в Армении. Так, оппозиционный телеграм-канал ArmVoice бездоказательно утверждает, что «Никол Пашинян был завербован сотрудником британской разведки МИ-6 в 2004 г. в Грузии, г. Батуми. После получил псевдоним “Редактор” ... По поручению и при содействии МИ-6 организовал массовые беспорядки в Ереване 1 марта 2008 г. ... Начиная с мая 2015 г. по поручению МИ-6 “Редактор” собирал команду для проведения революции. В команду были внедрены как агенты МИ-6, так и агенты турецкого “МИТ”. В 2018 г. при помощи МИ-6 и МИТ и с негласного согласия премьера РА, “Редактор” и команда совершили революцию. Для обеспечения дальнейших мероприятий и безопасности заранее на пост президента был назначен Армен Саргсян, который тесно сотрудничает с МИ-6... “Редактор” должен был осуществлять выгодную для Великобритании политику в регионе, отстраняясь от РФ и Ирана, по существу сближаясь с Турцией» [16].

Как бы то ни было, Анкара и Лондон не были в полной мере удовлетворены итогами войны, поскольку в зону конфликта наряду с российской армией не вошла турецкая. Неслучайно 11 ноября пресс-секретарь президента ТР Ибрагим Калын провел встречу с Ричардом Муром в Анкаре, в ходе которой подробно обсуждалась тема Нагорного Карабаха [17]. Ранее, в начале ноября, в ходе закрытого обсуждения в Совбезе ООН, Лондон сорвал принятие единого заявления по урегулированию вооруженного конфликта в Карабахе [18]. Именно он заблокировал принятие резолюции Совбеза ООН по Карабаху, согласованную сопредседателями Минской группы (МГ) ОБСЕ [19].

Поведение Великобритании во многом объяснялось ее обострившимися противоречиями с ведущими странами ЕС, изнурительными переговорами с Брюсселем по условиям Брексита, заинтересованностью в ослаблении ведущих континентальных конкурентов. В этой связи

Лондон воодушевляли многочисленные происки Анкары на европейском направлении, которые объективно вели к ослаблению «акторности» ЕС в региональной и мировой политике. Исходя из этого обозреватель EurAsia Daily Петр Македонцев прогнозировал, что «после победы в Карабахе Турция при негласной поддержке Великобритании постарается решить Кипрский конфликт в свою пользу, что окончательно докажет несовместимость евроинтеграции Анкары и пантюркизма» [20].

В дальнейшем Великобритания прекратила саботировать работу сопредседателей МГ ОБСЕ по прочному всеобъемлющему мирному урегулированию. Британский посол в Армении Джон Галагер заверял армянских партнеров: «Мы полностью поддерживаем усилия американского, французского и русского сопредседателей и призываем стороны к конструктивному участию в переговорном процессе». Вместе с тем, высказываясь в поддержку позитивных шагов, ведущих к нормализации армяно-турецких отношений, он отказывался признать нагорно-карабахский конфликт разрешенным [21].

Подытоживая изложенный материал, следует признать факт вовлеченности Великобритании в события Второй карабахской войны. Объективная сторона ее заинтересованности представляется очевидной, тем более что она неоднократно артикулировалась, как официальным Лондоном, так и представителями британского бизнеса. Не вызывает сомнений тесное партнерство Лондона с Анкарой и Баку, их солидарность в достижении заранее согласованных целей. Вместе с тем, в иерархии и субординации этих отношений остается много неясного. В любом случае, уничижительные оценки и оскорбительные эпитеты в адрес Баку и Анкары не делают чести их авторам. Широко распространенный в СМИ тезис о подчинении армянской политики британским интересам лишь отчасти подтверждается эмпирическим материалом. Несмотря на прозападный настрой правительства Н. Пашиняна, оно вынуждено маневрировать, считаясь с обстоятельствами внешней и внутренней реальности. Несмотря на желание идти по пути расширения отношений с ЕС, США и Великобританией, ему приходится учитывать, что Россия остается главным спонсором и экономическим партнером Армении, а также сохраняет за собой главенство в вопросах дипломатической инициативы и фактического посредничества в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта.

Список источников и литературы

1. Прохвятилов В. Зачем Британия возвратилась на Южный Кавказ? // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». 2020. 13 октября

- [Электронный ресурс]. URL: <https://vpoanalytics.com/2020/10/13/zachem-britaniya-vozvratilas-na-yuzhnyj-kavkaz/>
2. Прохвятилов В. Нужен ли Большой Туран Азербайджану? // Фонд стратегической культуры. 2020. 17 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/10/17/nuzhen-li-bolshoj-turan-azerbajdzhanu-52069.html>
 3. Трехит: что означает Brexit для Турции? // Вестник Кавказа. 2017. 8 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/Trexit-chto-oznachaet-Brexit-dlya-Turtsii.html>
 4. Брексит всемогущий: Британия и Турция заключили крупную торговую сделку // EurAsia Daily. 2020. 29 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/12/29/breksit-vsemogushchiy-britaniya-i-turciya-zaklyuchili-krupnyu-torgovuyu-sdelku>
 5. Аничкин А. Что делает «англичанка»? // Огонёк. 2020. № 40. 12 октября. С. 20 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519783#id1962785>
 6. Британия нацеливает на врагов турецкие истребители будущего // Взгляд. 2020. 25 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru.turbopages.org/vz.ru/s/world/2020/11/25/1072300.html>
 7. Сидорчик А. Новая «Большая игра». Разведку Британии возглавил личный друг Эрдогана // АиФ. 2020. 31 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/politics/world/novaya_bolshaya_igra_razvedku_britanii_vozglavil_lichnyy_drug_erdogana
 8. Темирбулатов Р. «Армия Турана» — только ширма для большой игры в Закавказье — мнение // EurAsia Daily. 2020. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/11/armiya-turana-tolkoshirma-dlya-bolshoy-igry-v-zakavkaze-mnenie>
 9. Инициаторы войны в Карабахе — Турция и британские спецслужбы: интервью // EurAsia Daily. 2020. 26 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/26/initiatory-voyny-v-karabahe-turciya-i-britanskie-specsluzhby-intervyu>
 10. Переговоры по Карабаху: на что может надеяться «азербайджанская община» // Sputnik Армения. 2020. 14 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/karabah/20200314/22390160/Peregovory-po-Karabakhu-na-chto-mozhet-nadeyatsya-azerbaydzhanskaya-obschina.html>
 11. Даниелян С. «Британский след» в Карабахской войне: когда СНБ будет изучать «британские активы» в армянских НПО? // Zham, Армения. 2020. 7 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://zham.am/?p=82952&l=ru>
 12. Политолог: Запад пытается отвлечь Закавказьем внимание России от Украины // ИА REGNUM. 2022. 19 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3538519.html>
 13. Эксперт: Политика Пашиняна — абсолютное предательство // ИА REGNUM. 2022. 19 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/>

news/3538440.html

14. Уши Великобритании за «турецким Махди»: кто спровоцировал Алиева на войну? // EurAsia Daily. 2020. 26 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/26/ushi-velikobritanii-za-tureckim-mahdi-kto-sprovociroval-alieva-na-voynu>
15. Кургинян: Пашинян — агент, которого поставили только с одной целью // ИА Красная Весна. 2020. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/c444ee53>; Выступление С. Е. Кургиняна на передаче «Вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1» 10 ноября 2020 г. // Газета «Суть времени». 2020. 14 ноября. № 403 [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/6daf0257>
16. Асриян А. Государством — союзником России управляет разоблаченный английский шпион // Царьград. 2021. 25 января [Электронный ресурс]. URL: https://spb.tsargrad.tv/articles/gosudarstvom-sojuznikom-rossii-upravljaet-razoblachjonnyj-anglijskij-shpion_317092
17. Каплан Э., Юсупов А. Анкара и Лондон обсудили Карабах // ИА «Anadolu». 2020. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/анкара-и-лондон-обсудили-карабах/2040731>
18. Великобритания помешала Совбезу ООН согласовать единую позицию по Карабахскому урегулированию // Zham, Армения. 2020. 5 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://zham.am/?p=82785&l=ru>; Даниелян С. «Британский след» в Карабахской войне.
19. Именно Лондон заблокировал резолюцию СБ ООН по Карабаху, или Кому служит Мур // Sputnik Армения. 2020. 7 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20201107/Imenno-London-zablokiroval-rezolyutsiyu-SB-OON-po-Karabakhu-ili-Komu-sluzhit-Mur-25211798.html>
20. Македонцев П. М. А Британия ни при чем: как пантюркизм шагает по Европе // EurAsia Daily. 2020. 11 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/12/11/a-britaniya-ni-pri-chem-kak-pantjurkizm-shagaet-po-evrope>
21. Великобритания не считает нагорно-карабахский конфликт разрешенным: интервью «Арменпресс» с послом Джоном Галагером // Арменпресс. 2022. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://armenpress.am/ru/news/1074861.html>

INCREASING THE ROLE OF GREAT BRITAIN IN THE SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE SECOND KARABAKH WAR

Shumilov M. M.¹,

¹The North-West Institute of Management, Branch of RANEP
St. Petersburg, Russian Federation

The activity of Great Britain in the South Caucasus has significantly increased in the conditions of the Second Karabakh War between Azerbaijan and Turkey, on the one hand, and the unrecognized Nagorno-Karabakh Republic and Armenia, on the other. During the armed confrontation in the fall of 2020, London proved to be an ally of Baku and Ankara. At the same time, he did not advertise his involvement in these events. This circumstance, among many others, contributed to Armenia's military defeat and influenced its negotiating position in the process of political settlement of the conflict.

Keywords: Nagorny Karabakh, British Petroleum (BP), oil pipeline, gas pipeline, MI6, The OSCE Minsk Group, European Union (EU)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОДХОДЫ МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Торопыгин А. В.¹

¹Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье делается акцент на то, что китайско-российские отношения удобно рассматривать сквозь призму интеграционных процессов. Это возможно при использовании современных взглядов на теорию евразийской интеграции, в частности понятия «прагматического евразийства». Создание в Центральной Азии формата «5+1» по реализации интеграционных проектов ЕАЭС и ОПОП может создать конкуренцию Российской Федерации в этом субрегионе.

Ключевые слова: Интеграция, евразийская интеграция, «прагматическое евразийство», китайско-российские отношения.

Исследования интеграционных региональных процессов по—прежнему вызывает интерес в среде «международников». Это, на наш взгляд, связано с несколькими позициями. Во-первых, решением практической задачи, — сопряжением интеграционного объединения ЕАЭС с проектом «Один пояс, один путь» и, во-вторых, с некоторыми «новыми» теоретическими воззрениями на процесс евразийской интеграции. Вторая позиция, в целом, в большей степени связана с уменьшением нормативности и как результат расширения рамок самого понятия «интеграция» [2].

Включение в интеграционную тематику таких концептов как «прагматическое евразийство», «скрепляющая интеграция», «географические полюса недоступности», «транспортный союз» позволили более активно привлекать наработки интеграционных теорий в исследование евразийской интеграции. Важным шагом стало понимание евразийской интеграции как «прагматического евразийства», как механизма достижения целей, в первую очередь, экономических, свободных от идеологического содержания. Более точное отношение к понятию субсидиарности, способствовало разработке механизмов взаимодействия интеграционных проектов, основанных на принципе наднационально-

сти и межгосударственного сотрудничества. Это хорошо просматривается при разработке и заключении международных договоров, когда используется вариант ведения переговоров Евразийской экономической комиссии от имени ЕАЭС и государств-членов.

ЕАЭС интеграционная структура, в основе которой лежит таможенный союз, т.е защита преференций (общей таможенной территории) общего рынка от третьих стран и бестарифной зоны для государств-участников. Одна из целей ОПОП, насколько можно судить сегодня, создание обширных зон свободной торговли. Гармонизировать эти направления, сложно, но возможно, создав соответствующую нормативно-правовую базу взаимодействия, учитывающую запросы разных стран. Гарантией создания именно такой нормативно-правовой базы межгосударственного взаимодействия служит «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» от 2001 года. Как известно этот Договор не направлен против третьих стран и является залогом партнерских отношений между двумя государствами.

Создаваемая, а можно сказать, что уже созданная сеть таких двусторонних и многосторонних отношений и составит основу гармоничного сотрудничества и базу равноправной кооперации [3].

«...Считаем, что интеграционная сеть, система многосторонних и двусторонних соглашений, в том числе о зонах свободной торговли, может стать основой для формирования большого евразийского партнерства...», — говорил президент России В.В. Путин на Пленарном заседании Восточного экономического форума во Владивостоке в 2016 году.

Что же входит или может войти в эту интеграционную сеть, кроме ЕАЭС в регионе Центральной Азии. Это важный вопрос потому, что объективно существует конкуренция между Китаем и Россией в этом субрегионе.

С начала 90-х годов прошлого века на смену названия Средняя Азия и Казахстан, пришло определение, включившее все новые независимые государства, образовавшиеся после распада СССР. Иногда сюда включали и Афганистан с Монголией. Несмотря на то, что существование такого региона под сомнение не ставилось, ООН даже попыталась учредить Экономическую комиссию ООН для этого региона (Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА)), собственную региональную концепцию развития страны только начали разрабатывать.

Еще до официального распада Союза ССР, в августе 1991 г. было подписано Соглашение об организации Консультативного совета респу-

блик Средней Азии и Казахстана (САиК). Все страны были согласны с Беловежскими соглашениями и подписали Алма-Атинский протокол, став членами СНГ.

Но некоторые попытки проведения самостоятельной региональной политики были; страны подписали Протокол совещания глав правительств САиК о структурной перестройке региона в 1992 г., Алма-Атинское межправительственное соглашение о мерах по углублению экономической интеграции в 1993 г. В дальнейшем, несмотря на казалось бы правильное направления в развитии интеграции (формировано Единое экономическое пространство (ЕЭП) Казахстана и Узбекистана, Центральноазиатского экономического сообщества (ЦАЭС). В 2001 г. было принято решение о создании на базе ЦАЭС новой структуры Организации Центрально-азиатского Союза (ОЦАС); что и было реализовано в том же году. Потом было принято решение интегрировать ОЦАС в ЕврАзЭС в 2005 г. А через некоторое время, в 2008 г. Узбекистан вышел из ЕврАзЭС.

Самостоятельной интеграции не получилось. Необходимо было сосредоточиться на национальном строительстве, а региональное строительство всегда требует определенного ограничения государственного суверенитета. И все-таки для многих это стало неожиданностью. В этой связи можно согласиться с мнением узбекского исследователя Ф. Толипова, который писал что «не было серьезных индикаторов, которые бы свидетельствовали о скором ухудшении региональных отношений в целом... Хотя сама ОЦАС не являлась структурой для эффективного решения всех региональных проблем, она оставалась весьма актуальной» [4].

Разные страны ЦА участвовали/неучаствовали (в разной степени) в международных организациях и экономической интеграции: СНГ, ШОС, ОДКБ.

Интересно, что за исключением СНГ Китай активно использовал эти организации в первую очередь для решения различных вопросов безопасности. Так, ШОС способствовала военному присутствию Китая в регионе; ШОС была инструментом, который позволил Китаю урегулировать свои территориальные вопросы с Россией и странами региона; она обеспечила хорошую основу для повышения оперативной совместимости и координации с российскими военными; ШОС была первой и основной многосторонней структурой, используемой Народно-освободительной армии Китая (НОАК) для внешней военной подготовки [5].

Действительно, в период с 2002 по 2016 год почти 40 совместных учений в регионе [5]. Безусловно это способствовало Китаю, например,

оказывать помощь в целях поддержки операций по поддержанию мира в Африке. «Школой» для НОАК стало и участие китайских войск в миротворческих миссиях в рамках ООН в Демократической Республике Конго, Дарфуре, Судане, Южном Судане, Либерии и Мали. Очевидно, что это подготовка и для ОДКБ.

Вообще, желание подготовить, как свои собственные контингенты, так и контингент ОДКБ для участия в миссиях ООН является своеобразным трендом сегодняшнего дня. С точки зрения усложнения обстановки в регионе ЦА, такое желание стран легко понять.

Очевидно, что со временем взгляд на те или иные вещи становится другим. То, что казалось не очень важным, становится чуть ли судьбоносным. С развитием «Один пояс — один путь» для КНР ШОС потенциально может стать основным инструментом обеспечения безопасности проекта в Центральной Азии. Предпосылками к этому имеются: НОАК тренируется на полигонах стран ЦА и Монголии; в Китае учатся офицеры стран ЦА; есть совместное патрулирование границ с Афганистаном [6].

Перенос (2004 г.) Регионального антитеррористического центра из Бишкека в Ташкент усилило участие Узбекистана и способствовало закрытию важного направления террористической угрозы из Афганистана.

Первые учения Китая с российскими коллегами прошли еще в 2005 году. Это были первые учения Миротворческой миссии. Проводятся, также, учения «Мирная миссия ШОС»; «которые ШОС проводит на полурегулярной основе» [6]

С Таджикистаном были проведены крупные учения в 2016 году с участием десяти тысяч военнослужащих у границ с Афганистаном [7].

Долгое время страны предпринимали сравнительно неудачные попытки создания собственных концепций институционализации региона Центральная Азия. Начиная с 2011 года ЦА из глубокой мировой периферии превратилась в важный для мирового сообщества регион.

В основном, внешние факторы заставили пойти на более близкое взаимодействия страны ЦА. Очередная встреча руководителей пяти стран окончательно подтвердила, что такой формат состоялся. В основе его, с одной стороны исторически сложившиеся дружественные добрососедские отношения, с другой, — приверженность принципам ООН и уважение международного права. Что означает широкое взаимодействие в интересах обеспечения мира, стабильности и безопасности в регионе. Этому способствуют регулярные Консультативные встречи Глав государств Центральной Азии. На которых определены конкрет-

ные направления сотрудничества в увеличении торговли через создание региональных цепочек добавленной стоимости, совместных промышленных кластеров, повышения сотрудничества в продвижении цифровой экономики, реализации инновационных программ и проектов в области науки, технологий.

Стороны согласились в необходимости сотрудничества в создании Регионального центра развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности, под эгидой Организации Объединённых Наций и других инициатив этой организации. Таких как, разработка Стратегии ООН, нацеленной на осуществление мер по развитию низкоуглеродной энергетики. Решения проблем вокруг Аральского моря, создания под эгидой ООН Сети региональных центров по контролю за заболеваниями и биобезопасностью, а также учреждению специального многостороннего органа под эгидой ООН—Международного агентства по биологической безопасности, подотчетного Совету Безопасности ООН.

Не были забыты и «внутренние» приоритеты развития региона,— развитие межкультурного диалога в интересах народов, живущих в Центральной Азии, изучение и охрана материального и нематериального культурного и природного наследия региона, совершенствовать литературных связей, проведение международных фестивалей в области музыкального, театрального, изобразительного и ремесленного искусства, кинематографии, телерадиовещания, архивного, музейного и библиотечного дела, а также развивать прямые связи между гражданами, прежде всего молодежью, и туристические обмены.

Большое внимание уделяется развитию транспортных связей, обеспечивающих эффективное использование транзитного потенциала региона, усилиям по совместному развитию международных коридоров «Север-Юг» и «Восток-Запад».

Если исходить из поставленных целей и регулярности встреч, можно говорить, на наш взгляд, о новой модели интеграции на постсоветском пространстве,— создании интеграционного формата,— стран Центральной Азии.

В мае 2021 г. в Сиане (Китай) состоялась встреча министров иностранных дел центральноазиатских стран и КНР. Результатом встречи явилось учреждение формата,— «5+1», страны Центральной Азии— Китай. Это стало результатом взаимодействия между собой руководителей МИДов шести стран. Встречи руководителей внешнеполитических ведомств, позволили согласовать общую цель— продвижение взаимовыгодного сотрудничества в современных условиях. Согласованный формат позволил перейти к формированию механизмов, которыми стали:

- на уровне заместителей министров иностранных дел создан орган, призванный координировать работу по подготовке встреч и контролю за реализацией их итогов;
- в каждом внешнеполитическом ведомстве будет действовать контактный механизм, своеобразный штаб.
- создание механизма, который будет способствовать поддержанию регулярного диалога на академическом и экспертном уровнях;
- большое внимание будет уделяться укреплению сотрудничества по линии СМИ;
- определены приоритетные направления сотрудничества. На данном этапе их 12, однако их число может обновляться по мере развития ситуации.
- о разработке и принятии комплексного Плана совместных действий, ориентированного на достижение практических результатов [7].

Практически был создан формат ЦА—Китай; формат «5+1». Здесь необходимо отметить, что КНР в рамках реализации ОПОП во всем мире действует одинаковым образом. Если в регионе есть международная организация КНР реформатирует ее повестку дня под себя. Если организации нет,—ее создают. Далее создается формат взаимодействия. Так были созданы форматы С Европой, «16/17 + 1», с Северным Советом,— «5+1». Иногда это не получается. В 2016 году во время визита Си Цзиньпина в Польшу и Чехию, а также на других официальных мероприятиях высокого уровня, Китай предлагал создать формат со странами Вышеградской четверки (V4) [8]. Это выглядит совершенно логично, если вспомнить, что именно с этими странами у Китая наибольший объем торговли. Были и попытки создания формата «6+1»,— с шестью странами южной Европы,— Греция, Италия, Португалия, Кипр, Испания, Мальта [8].

В заключении хочется сказать следующее. Периодичность встреч руководителей ЦА, перечень решаемых вопросов, дает возможность говорить о формате «5+1» как о форме региональной интеграции. Таким образом, в понятных рамках интеграционных процессов возможно развитие взаимодействия различных интеграционных структур. В частности, логика интеграции (концепт переливов) подсказывает, что следующим этапом интеграции должен быть «транспортный союз», а не «таможенный».

Чем быстрее будет развиваться проект ОПОП в ЦА, тем больше силовые структуры КНР будут конкурировать с Россией в предоставлении услуг безопасности.

Список источников и литературы

1. Региональное торговое соглашение о Зоне свободной торговли рассматривается как интеграция. Building Trade Partnerships in Eastern Europe, the Caucasus, and Central Asia. UNITED NATIONS New York and Geneva 2006.
2. Как интеграцию рассматривает это и ВТО: таможенный союз и зона свободной торговли регулируется статьей XXIV ГАТТ 1994 <https://wto.ru/our-blog/v-tamozhennykh-soyuzakh-torgovye-ogranicheniya-dolzhen-byt-ustraneny-v-otnoshenii-prakticheski-vsey-/>
3. СОГЛАШЕНИЕ О ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ЕВРАЗИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ И ЕГО ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sog1_torg/Documents/20final.pdf; ТОРГОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА 2001–2005 ГОДЫ (Пекин, 2000) http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/2011121215208_548092.htmj
4. Tolipov F. (2019) Asia: Delayed Consultations, Suspended Integration Retrieved from
5. <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13578-central-asia-delayed-consultations-suspended-integration.html>
6. Securing the belt and road: initiative China’s Evolving Military Engagement Along the Silk Roads https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr80_securing_the_belt_and_road_sep2019.pdf.
7. Портал Туркмения <https://turkmenportal.com/blog/38734/sovместnoe-zayavlenie-po-itogam-konsultativnoi-vstrechi-glav-gosudarstv-centralnoi-azii>
8. Parepa L-A. The Belt and Road Initiative as continuity in Chinese foreign policy/ <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/24761028.2020.1848370>

EURASIAN INTEGRATION THROUGH THE PRISM OF SINO-RUSSIAN RELATIONS: INTERNATIONAL RELATIONS APPROACHES

Toropygin A. V.¹

¹The North-West Institute of Management, Branch of RANEPА
(St. Petersburg, Russian Federation)

The article focuses on the fact that Sino-Russian relations are conveniently viewed through the prism of integration processes. This is possible with the use of modern views on the theory of Eurasian integration, in particular the concept of “pragmatic Eurasianism”. The creation of the “5 + 1” format in Central Asia

for the implementation of integration projects of the EAEU and the BRI can create competition for the Russian Federation in this subregion.

Keywords: Integration, Eurasian integration, “pragmatic Eurasianism”, Sino-Russian relations.

РОССИЙСКО-МАКЕДОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН

Смирнов П. А.¹

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

В докладе исследуется динамика двусторонних отношений между Российской Федерацией и Республикой Северная Македония в условиях характерного для региона Западных Балкан движения в сторону интеграции в ЕС. Особое внимание уделено позиции РФ по вопросу интеграции РСМ в евроатлантические структуры. Также анализу подвергается позиция Европейского Союза и НАТО относительно внутривосточной ситуации в македонской республике и вопросов региональной безопасности. Задача — оценка динамики двусторонних отношений на фоне изменяющейся геополитической обстановки в регионе, а также выявление различных тенденций в российско-македонских отношениях. Делается вывод о сохраняющейся значимости российско-македонских отношений для обеих государств как в вопросах безопасности, так и в торгово-энергетической сфере, а «македонское» направление внешней политики РФ содержит традиционные для российской стороны ориентиры и приоритеты балканской политики.

Ключевые слова: Западные Балканы, Российская Федерация, Республика Северная Македония, Европейский Союз.

Введение

Целью внешней политики македонской республики в первые месяцы самостоятельного существования было установление контактов с ведущими акторами международных отношений, к которым относились как европейские организации, так и Российская Федерация. При этом заданный македонским руководством еще в Декларации независимости [1] «евроатлантический» вектор внешней политики не препятствовал поиску «точек соприкосновения» с РФ. Прагматичный внешнеполитический курс македонской республики долгое время не являлся препятствием для развития партнерских отношений Москвы и Скопье.

Первое десятилетие российско-македонских отношений

В августе 1992 г. во время визита в Болгарию Б. Н. Ельцин объявил о признании Республики Македонии (далее — РМ) под ее конституционным названием. Однако дальнейшие действия состоялись позднее: в апреле 1994 г. в Москве открылось посольство македонской республики, спустя полгода — посольство РФ в Скопье. После установления официальных дипломатических отношений планировалось совместное решение следующих вопросов: поставки топлива, экономическая помощь, признание Республики Македонии мировым сообществом под конституционным названием и др. Примечательно, что в разрешении данных проблем Скопье рассчитывало не на европейские организации, а на Москву. Однако отсутствие разумной инициативы со стороны правительства Б. Н. Ельцина перевело российско-македонские отношения в состояние «консервации», что совпало с подписанием Временного соглашения с Грецией по вопросу именованя Республики Македонии. После этого ориентация Скопье на ЕС и НАТО стала более ощутимой, и необходимость опоры на РФ временно отпала.

Оживление российской политики на Балканах в конце 1990-х гг. было связано с операцией НАТО против Союзной Республики Югославии (далее — СРЮ) и с выработкой российским МИД твердой позиции несогласия с политикой Североатлантического альянса в регионе. В период этого оживления, в 1998 г., состоялся визит президента Республики Македонии К. Глигорова в Москву, после чего российско-македонские отношения несколько активизировались: была подписана Декларация о дружественных отношениях, ряд соглашений в культурной, образовательной сфере, стартовали совместные строительные проекты, российский капитал инвестировался в македонскую экономику. Однако пребывание миротворческих сил НАТО на территории Республики Македонии в ходе конфликта в Косово несколько замедлило развитие отношений Республики Македонии и Российской Федерации до 2001 г. При этом надо отметить, что в ходе того же конфликта македонская сторона обеспечила пребывание и транзит через свою территорию и подразделений ВДВ РФ для участия в миротворческой операции [2].

Начало XXI века в балканском регионе было отмечено арестом С. Милошевича и его выдачей весной 2001 г. Международному трибуналу в Гааге. Для РМ это давало надежду на стабилизацию в регионе и снятие с повестки дня албанского вопроса. Российское правительство было вынуждено, в свою очередь, искать дополнительные точки опоры на Балканах. Случившийся летом того же года вооруженный конфликт

между албанским сепаратистами и македонским правительством стал импульсом для активизации российско-македонских отношений и дал возможность РФ проводить более активную политику в Балканском регионе.

В первую очередь, во время конфликта 2001 г. Российская Федерация выразила однозначную поддержку президенту Республики Македонии Б. Трайковскому и оказала военную помощь македонским вооруженным силам [3, с. 170]. Но заключенные 13 августа 2001 г. Охридские (Рамочные) соглашения между правительством республики и лидерами албанских партий хоть и прекратили вооруженный конфликт, вызвали в Москве резкую реакцию, позднее сформулированную российским внешнеполитическим ведомством: «полный отказ от порочной практики внешнего управления, упор на реальную демократию, переход на решение внутренних проблем самими балканскими государствами являются основой укрепления доверия между проживающими здесь народами» [4]. Таким образом, открыто признавая опасность укрепления позиций НАТО в балканском регионе, и в частности, в Республике Македонии, российское правительство декларировало принцип нерушимости границ и поддержки легитимной власти [5, с. 328].

В свою очередь, позиция ЕС и НАТО относительно ситуации в РМ (и в регионе в целом) была схожей — стабилизация обстановки, поддержание безопасности каждого государства и соблюдение прав этнических меньшинств. Но стабилизация обстановки в регионе виделась евроатлантическим структурам возможной лишь в случае своего прямого участия в региональных процессах (при необходимости) или при эффективном функционировании региональных организаций, сформированных при участии ЕС. Логично предположить, что подобная позиция воспринималась российской стороной как нарушение геополитического порядка в регионе.

Пост-Охридский период российско-македонских отношений

В период 2001–2003 гг. между Москвой и Скопье наблюдалось оживление контактов, выразившееся в заключении несколько двусторонних договоров, касающихся сотрудничества в области туризма, воздушного сообщения, ветеринарии, санитарии, культуры, которые были призваны укрепить сотрудничество двух государств в гуманитарной сфере. Наиболее важными в данный период стали соглашение о военно-техническом сотрудничестве [6], заключенное 16 октября 2003 г., и Консульская конвенция от 14 января 2003 г. [7]. Заключение догово-

ра о военно-техническом сотрудничестве планировалось еще в период президентства К. Глигорова и Б. Н. Ельцина в 1994–1996 гг., однако не состоялось в силу экономической нестабильности в обоих государствах. В 2003 г. же условия располагали к заключению подобного договора и демонстрировали стремление Российской Федерации закрепить на Балканах, на что было нацелено в том числе и заключение Консульской конвенции.

Двусторонние отношения РМ и РФ не претерпели изменений в период президентства Б. Црвенковского (2004–2009 гг.) и Г. Иванова (2009–2019 гг.). В 2008–2016 гг. был заключен ряд договоров: об условиях взаимных поездок граждан двух государств (что стало основой для введения безвизового режима посещения Республики Македонии российскими гражданами); о сотрудничестве в культурной сфере; в области железнодорожного транспорта; о взаимном признании ученых степеней. Планомерное укрепление партнерских отношений сопровождалось в 2015–2016 гг. встречами и консультациями вплоть до уровня министров иностранных дел, в ходе которых было подчеркнуто неприятие дестабилизирующих внутреннюю обстановку событий и указано на необходимость отражения террористических и экстремистских угроз [8], исходящих из Косово. Выражая поддержку законной власти, российская сторона традиционно указывала и на влияние извне на оппозиционные силы в балканской республике в 2016–2017 гг. [9]. Иными словами, Москва однозначно трактовала оппозиционные выступления в РМ в соответствии с контекстом ухудшения собственных отношений с Западом.

В свою очередь, РМ долгое время не присоединялась к экономическим санкциям против РФ, связанным с вхождением Крыма в состав Российской Федерации. Первые годы взаимодействия Скопье и Москвы после объявления санкций против РФ отмечены стремительным увеличением объема российских инвестиций в экономику македонской республики, что является весьма показательным обстоятельством [10]. Лишь в 2021 г., в контексте сближения с ЕС, Республика Северная Македония (так страна стала называться после референдума 2019 г.) (далее — РСМ) присоединилась к санкциям, наложенным на РФ в связи с делом А. Навального [11]. Несмотря на более тесные контакты Скопье с НАТО и ЕС в пост-охридский период, в самой РСМ сохранялось недовольство проводимым курсом, что обусловило появление пророссийских лозунгов и симпатий (главным образом, в консервативных кругах).

Помимо дипломатического сотрудничества, особое место в отношениях Скопье и Москвы занимает экономическое взаимодействие.

Важно отметить заключение в 2010 г. Соглашения об урегулировании обязательств бывшего СССР по расчетам, связанным с товарооборотом между бывшим СССР и бывшей СФРЮ. Данное соглашение так же, как и Соглашение о военно-техническом сотрудничестве 2003 г., повторяет проекты экономической помощи македонскому государству с российской стороны, которые были не реализованы в 1990-е гг. В топливно-энергетической сфере в 2005 г. был заключен меморандум между Правительством Республики Македонии и российской компанией «ЛУКОЙЛ», предусматривающий поставки топлива в македонское государство и строительство автозаправочных станций «ЛУКОЙЛ». В связи с этим особую важность представляет и вовлечение Республики Македонии в энергетические проекты Российской Федерации, связанные с поставками газа в Европу. Речь идет о строительстве газопроводов «Южный поток» и «Турецкий поток». Первый проект, «Южный поток», был запущен в 2012 г., и в 2013 г. было заключено соглашение о строительстве газопровода-отвода в Республику Македонию [12] (не вступило в силу), что позволило бы македонской стороне получать топливо напрямую. Однако позиция ЕС и его членов относительно вхождения Крыма в состав РФ в 2014 г. привела к приостановке проекта. Тем не менее, когда в начале 2015 г. российская и турецкая стороны согласовали новый проект газопровода — «Турецкий поток», заинтересованность в нем в апреле того же года проявили Венгрия, Греция, Сербия и Республика Македония [13]. Устойчивый интерес к энергетическим проектам со стороны македонского государства позволяет говорить о перспективах российского экономического влияния в регионе, тем более, что в рамках Соглашения об урегулировании обязательств бывшего СССР уже в 2016 г. российской стороной был возведен 61-километровый газопровод по северо-восточной части македонской республики от г. Ключовце до г. Штип [14]. Показателем прочности энергетических позиций РФ в РСМ может послужить статистика, приведенная в сообщении Европейского агентства по сотрудничеству в области энергетического регулирования (ACER): по состоянию на начало 2022 г. македонская республика полностью зависела от импорта газа из РФ [15].

Однако перспективы экономического взаимодействия РФ и РСМ могут быть скорректированы по мере продвижения македонского государства в направлении членства в ЕС; к примеру, после 2016 г. наблюдается ежегодное снижение объемов товарооборота между Москвой и Скопье [16] с однократным возрастанием в 2020 г. [17]. Политико-дипломатические контакты РФ и РСМ все сильнее испытывают на себе влияние евроатлантического фактора внешней политики македонского

государства, что не позволяет сделать однозначный прогноз относительно будущего российско-македонских отношений. Иллюстрацией некоего охлаждения является взаимная высылка дипломатов в 2021 г., а также имеющиеся в македонской прессе предположения (со ссылкой на данные македонской контрразведки) о вербовочной деятельности российских дипломатических служб на территории РМ в 2008–2017 гг. [18]. В данный момент возможное вступление РСМ в ЕС и существующая напряженность в отношениях между РФ и Европейским Союзом с НАТО делают перспективы российско-македонских контактов весьма неоднозначными. Македонское руководство в нынешних условиях нацелено на взаимодействие с теми акторами, кто может (как минимум на словах) предоставить гарантии безопасности, и ЕС и НАТО являются ими в большей степени, чем РФ. Тем не менее, в македонской научной среде сохраняется мнение о том, «евразийский поворот» во внешней политике РСМ (и иных государств региона) еще вполне возможен [19].

Заключение

Можно сделать вывод о существующей значимости российско-македонских отношений для обоих государств и о непредсказуемости их дальнейшего развития. Для Скопье сотрудничество с РФ имеет значение в русле внешнеполитической линии, которая подразумевает развитие всех контактов с сохранением приоритета, которым является евроатлантическая интеграция. Однако сохранение данного приоритета в текущих условиях может исключить возможность конструктивного диалога с РФ. Для российской стороны, в свою очередь, балканский регион (и РСМ как его часть) по-прежнему сохраняет важность как потребитель и транзитер российского газа. Энергетическое присутствие в Западных Балканах является залогом участия РФ в политических процессах в регионе.

Список источников и литературы

1. Декларация от 17 сентября 1991 г. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 109–110.
2. Воздушный десант отправится в Косово морем. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/221251>. (дата обращения: 08.04.2022).
3. Колосков Е. А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 276 с.
4. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в свя-

- зи с ситуацией в Республике Македонии от 02.02.2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2621894. (дата обращения: 08.04.2022).
5. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. / Под ред. А. А. Язьковой. М.: Весь мир, 2007. 352 с.
 6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Македонии о военно-техническом сотрудничестве от 16.10.2003. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-2/46177?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1. (дата обращения: 08.04.2022).
 7. Консульская Конвенция между Российской Федерацией и Республикой Македонией от 14.01.2003. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-2/46299?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1. (дата обращения: 08.04.2022).
 8. О консультациях заместителя Министра иностранных дел России А. Ю. Мешкова с заместителем Министра иностранных дел Македонии Д. Киприяновской, 08.06.2015. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1404017. (дата обращения: 08.04.2022).
 9. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией в Республике Македонии от 14.04.2016. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2233994. (дата обращения: 08.04.2022).
 10. Народна банка на Република Северна Македонија. [Электронный ресурс]. URL: https://nbstat.nbrm.mk/pxweb/en/Eksterni%20statistiki/Eksterni%20statistiki__Direktni%20investicii__Direktni%20investicii%20-%20Sostojbi/8_SostojbaDIVoRMPoZemjiSporedVrednostUcestvoEN.px/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 08.04.2022).
 11. МИД прокомментировал присоединение ряда стран к санкциям ЕС против России. 01.04.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210401/sanktsii-1603837937.html>. (дата обращения: 08.04.2022).
 12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Македонии о сотрудничестве при создании газопровода-отвода для поставок газа в Республику Македонию от

- 23.07.2013. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/44359?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1. (дата обращения: 08.04.2022).
13. Попоски на министерски состанок посветен на прашања за енергетска стабилност во Будимпешта. [Электронный ресурс] URL: <https://vlada.mk/node/10419>. (дата обращения: 08.04.2022).
 14. АО «Стройтрансгаз» завершило строительство газопровода в Македони. [Электронный ресурс] URL: http://www.stroytransgaz.ru/pressroom/news/2016/08/6650/?sphrase_id=83569. (дата обращения: 08.04.2022).
 15. Maqedonia është e varur 100 përqind nga gazi rus. [Электронный ресурс] URL: <https://telegrafi.com/maqedonia-eshte-e-varur-100-perqind-nga-gazirus/>. (дата обращения: 08.04.2022).
 16. Внешняя торговля России. Динамика торговли России с Македони-ей в 2010–2017 годах. [Электронный ресурс] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-makedoniev-v-2010-2017-godah>. (дата обращения: 08.04.2022).
 17. Внешняя торговля России. Торговля между Россией и Македонией в 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-makedoniev-v-2020-g>. (дата обращения: 08.04.2022).
 18. Belford A., Cvetkovska S., Sekulovska B., Dojcinovic S. Leaked Documents Show Russian, Serbian Attempts to Meddle in Macedonia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.occrp.org/en/spooksandspin/leaked-documents-show-russian-serbian-attempts-to-meddle-in-macedonia>. (дата обращения: 08.04.2022).
 19. Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021–18.01.2022. // из личного архива автора.

P RUSSIAN-MACEDONIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF EURO-ATLANTIC INTEGRATION OF THE WESTERN BALKANS

Smirnov P.A.¹

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SZIU RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation

The report examines the dynamics of bilateral relations between the Russian Federation and the Republic of North Macedonia in the context of the movement towards EU integration characteristic of the Western Balkans region. Particular attention is paid to the position of the Russian Federation on the integration of the RSM into Euro-Atlantic structures. The position of the European Union and NATO on the internal political situation in the Macedonian republic and regional security issues is also analyzed. The task is to assess the dynamics of bilateral relations against the background of the changing geopolitical situation in the region, as well as to identify various trends in Russian-Macedonian relations. The conclusion is made about the continuing importance of Russian-Macedonian relations for both states both in security issues and in the trade and energy sphere, and the “Macedonian” direction of Russia’s foreign policy contains the traditional guidelines and priorities of the Balkan policy for the Russian side..

Keywords: Western Balkans, Russian Federation, Republic of North Macedonia, European Union.

Круглый стол
«МЕДИАГЕОГРАФИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ
МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ»
совместно с факультетом журналистики Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова

УДК 070.431.2

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ
СЛУЖБЫ КАК ВАЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ГЕОПОЛИТИКИ

Силантьев К. В.¹

¹Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена информационным службам, которые начали учреждаться в России в XIX веке и способствовали интеграции страны в мировое информационное пространство. Появление первых из них (телеграфных агентств) способствовало медиаразвитию территорий страны и налаживанию коммуникации как внутри государства, так и за его пределами. Появление в России собственных информационных служб было очень важным и нужным шагом к обретению информационной независимости и возможности самостоятельно формировать и транслировать новостную повестку дня. Это обретение собственной информационной идентичности сопровождалось сопротивлением со стороны мировых и региональных иностранных новостных монополистов, стремившихся занять на российском рынке лидирующие позиции. Несмотря на заинтересованность и постоянные ходатайства об учреждении отделений иностранных информационных служб, правительство сделало выбор в пользу отечественных инициаторов-коммерсантов и положило начало целому ряду подобных предприятий, услугами которых пользовалась не только отечественная пресса, но и заграничные издания. В работе исследуются архивные документы, материалы отечественной и иностранной прессы, приводятся сведения из научной литературы и воспоминаний современников.

Ключевые слова: информационные службы, история журналистики, Русское телеграфное агентство, Международное телеграфное агентство, Северное телеграфное агентство, Российское телеграфное агентство, телеграфные агентства.

Введение

Учреждение первых российских частных телеграфных агентств и их функционирование — значительный этап в развитии информационных технологий страны и важный поворот в геополитическом становлении государства. Службы новостей прошлого пытались утвердиться на информационном поле, расширить свое влияние и, при возможности, получить национальный статус (а значит — государственную поддержку), становились первыми агентами медиаглобализации. «Именно информагентства стали первыми инструментами глобализации, позволившими сократить влияние таких факторов, как время и расстояние, на развитие общественно-политических и экономических процессов в современном мире... Именно информационным агентствам принадлежит честь преобразования информации из социокультурного феномена в рыночный товар, обладающий вполне определенным и устоявшимся набором потребительских свойств, за счет разработки и внедрения технологии ее производства «конвейерным» способом, формирования отраслевых стандартов» [1].

Существование телеграфных агентств объясняется потребностью органов печати и заинтересованных торговлю лиц получать по подписке телеграммы политического, финансового и торгового содержания». Агентства эти, доставляя собираемые ими по телеграфу известия периодическим изданиям и отдельным лицам, освобождают их от расходов на непосредственное получение телеграмм [2].

Первым информационным агентством в стране стало Русское телеграфное агентство (учреждено в 1866 г.), запущенное на базе бюро К. В. Трубникова при газете «Биржевые ведомости». Агентство создавалось «для собирания и сообщения частным лицам, по подписке, телеграфических депеш политического, финансового и торгового содержания» [3].

Перед получением разрешения главный инициатор предприятия К. В. Трубников так объяснял необходимость создания телеграфной организации на отечественной почве и задачи, которые ставились перед ней: «При настоящем развитии общественных потребностей, одною из главных необходимостей оказывается скорая передача телеграфических депеш, относящихся к политическим, торговым и финансовым делам. Некоторые государства западной Европы давно удовлетворяют этой потребности основанием национальных телеграфических агентств, служащих посредниками для передачи подобного рода депеш. Но в ряду таких агентств не встречается еще русского агентства. Между тем существование такого учреждения необходимо, как по топографическому

положению России, находящейся в стороне от центральных местностей Европы, так и по исключительности многих интересов, важных преимущественно для России. Открытие телеграфической линии в Азии, а также между Россией и Америкой, должно будет придать в этом отношении особенную важность нашему отечеству, которое будет также посредником при передаче телеграфических известий из этой отдаленной части света в целую Европу и обратно» [4].

Министр почт и телеграфов И. М. Толстой поддержал мысль о создании в России частной телеграфной конторы, ведь «быстрое распространение ею телеграфных известий было бы, без сомнения, весьма полезно для нашей торговли и промышленности [5].

Известный деятель информационных служб П. С. Усов вспоминал о начале деятельности агентства: «"Русское Телеграфное Агентство" стало получать свои телеграммы от Рейтера, от агентства Дамнеса (Гаваса тоже) в Париже, от телеграфного бюро Леопольда Поппе (в Гамбурге и Берлине), от венского телеграфного агентства и от телеграфного агентства Стефании (тогда находившегося во Флоренции, а затем перебравшегося в Рим, по занятии его итальянцами). Цена бюллетеням агентства была назначена 100 руб. в год для абонента» [6].

Судя по архивным документам — министры положительно оценивали изначальный выбор в пользу отечественной службы в такой стратегически важной информационной сфере. Министры не находили «причин быть недовольным агентством Трубникова», а потому не считали «нужным допустить в настоящее время конкуренции иностранного агентства». Так, министр почт и телеграфов А. Е. Тимашев летом 1868 г. замечал: «Учрежденное засим в Санкт-Петербурге Русское телеграфное агентство, вошедшее в сношение со всеми существующими агентствами для взаимного обмена политических депеш, в том числе и с агентством Гаваса в Париже устроило заграничную коммерческую корреспонденцию в самых обширных размерах и кроме того учредило специальные агентуры в Китае, Японии, Средней Азии, Персии и Константинополе. Депеши его ныне печатаются в газетах всех государств Европейского континента, Англии и Америки» [7]

И эффект от ставки на отечественную новостную службу не заставил себя ждать. 21 июля 1868 г. было доложено Его Величеству (Царское село): «С основанием ж РТА в Европейской печати перестали появляться телеграммы с польской границы, тенденциозного и враждебного России содержания, распространением которых по Европе почти исключительно занимались агентства Вольфа в Берлине и Гаваса в Париже... Такой результат основания в Санкт-Петербурге Русского

телеграфного агентства, уже в первые 2 года его существования, оправдал предположения правительства, отдавшего в этом деле преимущество Русскому учреждению перед иностранным» [7].

Показательно, что телеграммы по подписке получали представители царской семьи, а также «вся Россия»: «генерал-губернаторы, губернаторы, все лучшие провинциальные газеты, провинциальные биржи, банки, клубы и даже многие частные лица складчиною получают путем телеграфа депеши, в Петербурге—некоторые высшие чины государственного Управления, члены дипломатического корпуса, все здешние банки, все главные банкирские конторы» [8].

Появление первого подобного информационного учреждения было важно для внутреннего рынка. Агентство развивало свою деятельность, «снабжая в настоящее время телеграммами все столичные газеты, Кавказ, Сибирь, Финляндию, Царство Польское и образовав около сорока пунктов в центральной России, где получают его телеграммы политического и коммерческого содержания» [7].

И, конечно, очень важно для внешней арены. Из докладной записки министру внутренних дел в июле 1866 г.: «В короткое время Русское Телеграфное Агентство вошло в сношение со всеми телеграфными агентствами в главных государствах Европы и пользуется уже таким доверием, что политические депеши, посылаемые Русским Агентством за границу, печатаются во всех газетах Англии, Франции, Пруссии, Австрии, Италии, Дании и Бельгии; с другой стороны здешние газеты также приняли депеши Агентства для своих изданий. Кроме того Агентство посылает для газет и частных лиц телеграммы в Варшаву, Гельсингфорс, Тифлис, Киев и получило заказы из Москвы, Вильно, Ковно, Харькова, Риги, Дерпта и Екатеринбурга» [9].

По словам руководства Агентства, большая часть государств в Европе и Америке ввели у себя телеграфные агентства «как самый живой и необходимый элемент в движениях политики и торговли», то в таком обширном государстве, как Россия, эта необходимость говорит сама за себя.

В объявлении об издании «Телеграфных бюллетеней» РТА в 1877 г. Трубников рассуждал: «Телеграммы имеют интерес минуты, особенно для мира политического и коммерческого, для которого своевременное получение депеш является насущной потребностью. Недостатки существующего у нас способа сообщения публике телеграфических известий общепризнанны. Нужна быстрота, беспристрастие, а главное—дешевизна. Многочисленные корреспонденты, которых «Русское телеграфное агентство» приобрело во всех важных центрах Европы, Азии и Америки, имеют возможность получать верные и быстрые

сведения из всех местностей, соединенных телеграфными линиями. Доставляемые ими сведения будут печататься в особых бюллетенях и выходить ежедневно в час пополудни, не исключая и праздников /.../ Подписчики получают известия, по крайней мере, днем раньше, чем могут найти их в утренних газетах» [10].

Международное телеграфное агентство известного издателя периодической печати А. А. Краевского стало действовать в 1872 году. Новая информационная организация опиралась на опыт предшественника, имела отделения во многих городах России, издания пользовались его услугами. МТА «учреждалось для собирания и сообщения путем телеграфа частным лицам по подписке в России и за границей политических, финансовых, торговых и других, имеющих общественный интерес, сведений» [7].

П. С. Усов вспоминал: «В октябре 1871 года, я лично подаю управлению тогда министерством внутренних дел (за отсутствием генерал-адъютанта Тимашева), статс-секретарю князю Лобанову-Ростовскому (ныне послу в Лондоне), прошение о дозволении учредить в Петербурге “Международное Телеграфное Агентство”. Название было предложено мной. Прошение было подписано двумя учредителями, коммерции советником Фейгиным и мануфактур-советником Сазиковым... Высочайшее учреждение “Международного Телеграфного Агентства” состоялось 5-го ноября 1871 года. Я был назначен его управляющим и ответственным редактором его телеграмм» [6].

Международное агентство прекратило свою деятельность в 1882 году ввиду новых условий, регулирующих работу телеграфных агентств в России. «Если раньше деятельность агентств регламентировалась соглашением с департаментом телеграфов без ограничения во времени и без выплаты правительству каких-либо сумм, то с развитием информационных организаций правительство установило арендную плату за право деятельности агентства и ограничивало сроки действия аренды 12 годами» [11].

В 1882 г. было создано Северное телеграфное агентство. Учредителями нового агентства стали люди, принадлежавшие преимущественно к купеческому сословию, с капиталом в 400.000 рублей,—известный финансовый деятель В. Кокорев, А. Прозоров, директором-распорядителем стал П. Сальмонович [11].

Исследователи отмечают, что организация передачи коммерческих телеграмм стоила больших средств и была не под силу отдельным предпринимателям, поэтому требовалась объединение [12].

Как и предшественники, СТА имело агентов и отделения на местах, выпускало бюллетени, собирало и распространяло информацию.

Один из архивных документов проливает свет на суть работы Северного телеграфного агентства: «Известно, что деятельность телеграфных агентств возникла вследствие потребности Правительства, торговли, печати и читающей публики в быстром получении сведений разнообразного интереса. Телеграфные агентства, доставляя собираемые ими по телеграфу известия периодическим изданиям и отдельным подписчикам, освобождают их от необходимости искать собственных корреспондентов и от значительных расходов на непосредственное получение телеграмм»... Оно собирает чрез своих агентов во всех местах Империи и за границей сведения политического, финансового, экономического и торгового содержания, а также новости общественной жизни, и полученные известия без предварительной цензуры сообщает внутри Империи редакциям газет и отдельным подписчикам» [13].

«Действия Северного агентства, в течение 11-ти лет, прошедших со времени его открытия, не вызывали со стороны Правительства замечаний, что в основание своей деятельности Агентство полагало полное беспристрастие и принимало все меры к сообщению известий правдивых и точных, что несмотря на неизбежную в подобном деле торопливость, Агентство не делало никаких имеющих существенную важность упущений, и что оно не останавливалось перед значительными затратами, необходимыми для проверки чрез своих специальных корреспондентов известий, получаемых от заграничных телеграфных агентств. Северное агентство на основании специального контракта с бывшим телеграфным Департаментом, обязано собирать и распространять внутри Империи и за границу достоверные известия о политике, финансах и торговле, равно — новости общественной жизни, а также опровергать ошибочные и заведомо ложные сведения, относящиеся до государственной деятельности» [2].

В 1894 году в связи с окончанием срока деятельности СТА (контракт на 12 лет аренды) издателями крупных петербургских газет «Новое время», «Новости», «Свет» (А. С. Суворин, О. К. Нотович, В. В. Комаров) с позволения правительства было учреждено Российское телеграфное агентство, «по справедливости считающееся одним из прямых предшественников ТАСС» [14], первое большое частное информационное агентство.

Созданию РосТА предшествовало цензурное дело 1889–1890 гг., которое проясняет причины и предпосылки его организации: «Об образовании в России самостоятельного телеграфного агентства, в связи с тем, что в случае войны обнаружатся недоразумения и неудобства, вытекающие из необеспеченности получения из-за границы, без уменьшенного искажения, политической телеграфной корреспонденции» [15].

Российское—последнее агентство XIX века—будучи частным, возглавлялось директором-распорядителем, назначенным министром внутренних дел, фактически «приняло полуофициальный характер» [11]. Обязательным условием деятельности агентства было сообщение информации за границу, то есть взаимодействие с европейскими «партнерами» и наличие за рубежом своих агентов. РТА действовало до 1907 г., когда кончился срок аренды.

Агентству предписывалось для получения известий из-за границы и отправки новостей из России за рубеж «войти в непосредственные сношения» с иностранными агентствами—Вольф-бюро, Рейтер, Гавас и Корреспонденц-бюро [16].

Н. В. Сяляхова замечает, что «особенностью деятельности информационных агентств в конце XIX века явилось то, что в данный период формируется их унифицированный стиль работы, взаимоотношения с клиентами, оформляются масштабы деятельности на рынке мировой информации» [17].

РосТА было подчинено агентству Вольфа—через него передавались все новости из России и в Россию, за услуги передачи Вольф получал от РосТА 45000 марок в год [18]. Но информационная зависимость от германского агентства Вольфа («телеграфный обмен России с заграницей происходит под контролем и цензурой Вольфа и с точки зрения германских интересов») не могла удовлетворить правительственный аппарат Российской империи; поэтому в 1902 году министр финансов С. Ю. Витте поставил вопрос о создании государственного агентства, и с 1903 г. начало действовать Торгово-телеграфное агентство «для удовлетворения потребностей торговли, промышленности, кредита и сельского хозяйства» [19]. Одним из учредителей нового агентства (директором) стал редактор «Вестника финансов» М. М. Федоров, который еще в 1894 г. претендовал на открытие нового агентства [11]. ТТА было подчинено министерству финансов, но не являлось официальным органом российского правительства, «основной его компетенцией были вопросы экономического характера», при этом оно действовало и в контакте с Министерством иностранных дел [20].

Задача—передача коммерческой и финансовой информации из России за рубеж с целью улучшения инвестиционной привлекательности российских рынков [12].

Базой для открытия агентства выбрали телеграфный отдел Министерства финансов и выпускаемую при нем «Торгово-промышленную газету» («обладает обширной сетью коммерческих корреспондентов, вполне подготовленных к несению телеграфной службы, а также име-

ет опыт в организации торгово-телеграфной осведомленности, так как в составе редакции уже действует необходимый для нужд газеты телеграфный отдел» [19]).

Министерство подчеркивало, что агентство нужно для оперативной передачи различной биржевой информации по собственным, независимым каналам. А именно — котировок на акции на финансовых биржах, и цен на товары — на сырьевых [19].

Но от опоры на экономическую и финансовую информацию пришлось отказаться, так как подписчики пожелали получать и политические новости (срочно), «чтобы наши деловые сферы одновременно с заграничными подписчиками могли быть осведомлены обо всех политических событиях, отражающихся на ходе коммерческих дел» [16].

В сентябре 1904 года Торгово-телеграфное агентство было преобразовано в Санкт-Петербургское телеграфное агентство [21] и раздвинуло рамки своей деятельности за пределы интересов Министерства финансов [20], был «придан характер официального агентства и притом единственного официального», т. е. получено «звание русского Рейтера, Вольфа или Гаваса».

31 декабря 1909 года Санкт-Петербургское телеграфное агентство стало правительственным.

Е. Г. Кострикова отмечает, что «история создания и деятельности этого учреждения, тесно связанного с Министерством иностранных дел, может многое прояснить в исследовании взаимоотношений русской прессы и дипломатического ведомства» [20].

Материалы архивного фонда СПА свидетельствуют, что агентство имело разветвленную сеть собственных корреспондентов и стремилось оградить себя от влияния Вольфа, хотя, конечно, будучи молодым предприятием, СПА во многих отношениях уступало более опытным европейским агентствам.

В 1914 году Санкт-Петербургское телеграфное агентство вполне объяснимо было переименовано в Петроградское.

С 10 июля 1925 года начало свою историю Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС)—первое национальное информационное агентство [22].

Заключение

Факт создания первого телеграфного агентства в России в XIX веке весьма примечателен и свидетельствует о новом этапе в развитии русской прессы. Первые органы газетно-журнальной информации в России

сыграли значительную роль в становлении издательского дела, обеспечивая прессе достаточно быструю передачу сведений. При этом первые агентства новостей в России являлись частными предприятиями, появление которых было связано с зарождавшимся информационным рынком. Телеграфные агентства опирались на опыт друг друга и давали мощный импульс развитию газетно-журнальной сферы в России. Это было важно для информационной самостоятельности и состоятельности государства в целом.

Список источников и литературы

1. Войцехович К. А. Информационное агентство Ассошиэйтед Пресс в условиях современного информационного рынка: Автореф. канд. дисс. М., 2005.
2. РГИА. Ф. 1289. Оп. 13. Ед. хр. 47. Об учреждении нового Российского телеграфного агентства. 1894 г.
3. Биржевые ведомости. 1866. 12 мая. № 109. С. 1.
4. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 2385. Лл. 12–14. Дело об учреждении в Петербурге Телеграфного агентства Трубникова и о разрешении передачи депеш политического содержания.
5. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 497. Лл. 11–14. Дело об издании в Петербурге бюллетеней «Телеграммы РТА».
6. Усов П. С. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1882. Т. VII. № 3. С. 645–651.
7. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 2807. 1868. Об открытии в России контор телеграфных Агентств.
8. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 4323. О Русском телеграфном агентстве. 1876–1883.
9. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 2385. Лл. 70–72. Дело об учреждении в Петербурге Телеграфного агентства Трубникова и о разрешении передачи депеш политического содержания.
10. Новое время. 1877. № 404. С. 1
11. Есин Б. И. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). М., 1983.
12. Набережнов Г. А. Торгово-телеграфное агентство в 1902–1904 гг.: первый опыт работы российской власти на мировом информационном рынке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 9–14.
13. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 135. Дело об издании Северным телеграфным агентством Телеграфных бюллетеней. 1882 г.
14. Пальгунов Н. Г. Заметки об информации. М., 1967.
15. РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Ед. хр. 533. 17 л. Дело об учреждении Российского Телеграфного Агентства. 1889–1890.
16. РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 2. Л. 238. С.-Петербургское телеграфное агентство.

17. Сяляхова Н. В. Роль и место агентства «Франс-Пресс» в мировых информационных процессах: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005.
18. РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 99. Л. 68. С.-Петербургское телеграфное агентство.
19. РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1. Л. 9. С.-Петербургское телеграфное агентство.
20. Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны, 1907–1914. М., 1997.
21. Набережнов Г. А. Санкт-Петербургское телеграфное агентство и консорциум мировых телеграфных агентств осенью 1904 г.: взаимоотношения и формирование независимости российской информационной службы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 159. С. 32–38; Кострикова Е. Г. С.-Петербургское телеграфное агентство и первая русская революция // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Выпуск 16. С. 145–152.
22. Пальгунов Н. Г. Основы информации в газете. ТАСС и его роль. М., 1955.

THE FIRST RUSSIAN INFORMATION SERVICES AS AN IMPORTANT TOOL OF GEOPOLITICS

Silantyev K. V.¹

.¹St. Petersburg State University (SPbU),
St. Petersburg, Russia

The article is devoted to information services that began to be established in Russia in the XIX century and contributed to the integration of the country into the world information space. The appearance of the first of them (telegraph agencies) contributed to the media development of the country's territories and the establishment of communication both within the state and abroad.. The emergence of its own information services in Russia was a very important and necessary step towards gaining information independence and the ability to independently form and broadcast the news agenda.. This acquisition of its own information identity was accompanied by resistance from world and regional foreign news monopolists, who sought to take a leading position in the Russian market. Despite the interest and constant petitions for the establishment of branches of foreign information services, the government made a choice in favor of domestic initiators-merchants and laid the foundation for a number of such enterprises, the services of which were used not only by the domestic press, but also by foreign publications. The work examines archival documents, materials of the domestic and foreign press, provides information from scientific literature and memoirs of contemporaries.

Key words: information services, history of journalism, Russian Telegraph Agency, International Telegraph Agency, Northern Telegraph Agency, Russian Telegraph Agency, telegraph agencies.

ОБРАЗ РОССИИ В СМИ И В СОЗНАНИИ ГРАЖДАН СТРАН ЕАЭС

Савельева М. А.¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(МГУ),
Москва, Российская Федерация

Автором был проведен политико-психологический и медиаметрический анализ образа России в странах Евразийского экономического союза (в Армении, Республике Беларусь, Казахстане и Киргизии). Основная цель: выявить и соотнести медиа-образ нашей страны с ее образом в сознании рядовых граждан. Для этого необходимо решить следующие исследовательские задачи: определить содержательные и символические особенности образа России на рациональном и бессознательном уровне восприятия народов ЕАЭС; определить активность и тональность информационных ресурсов в Армении, Республике Беларусь, Казахстане и Кыргызстане, индекс их «агрессивности» по отношению к России. В результате исследования был изучен характер позиционирования России в материалах СМИ каждой из стран, а также проанализированы политико-психологические особенности образа нашей страны в сознании евразийских граждан. Результаты исследования позволяют сформировать проблемное поле восприятия России в странах ЕАЭС, а также описать факторы, которые влияют на ее образ.

Ключевые слова: Россия, страны ЕАЭС, образ страны, медиаметрический анализ, политико-психологический анализ, восприятие, СМИ.

Введение

Страны, входящие в Евразийский экономический союз, для России являются ключевыми партнерами и союзниками на постсоветском пространстве. Россию с Арменией, Республикой Беларусь, Казахстаном и Киргизией объединяет не только общая история, общие победы и потрясения, родственные связи между народами, но и глобальные вызовы и проблемы, которые стоят сегодня перед мировым сообществом. Поэтому их объединение в рамках ЕАЭС имеет не только экономическое, но стратегическое значение.

Однако существует ряд проблем во взаимоотношениях России и стран ЕАЭС, которые обуславливают актуальность данной темы. В первую очередь после 2014 года изменился интеграционный контекст,

который в настоящее время формируется под воздействием конфликта между Россией и Западом, который проявляется в первую очередь в информационной среде, что влияет на восприятие нашей страны. Поэтому от Армении, Республики Беларусь, Казахстана и Киргизии совмещение геополитического, цивилизационного и интеграционного выбора в новых условиях требует взвешенного внешнеполитического позиционирования, связанного с процессами укрепления и прагматизации отношений с основными партнерами в регионе⁶⁸.

Среди проблем восприятия России в исследуемых странах можно выделить: антироссийские стереотипы, рост национального самосознания, который проявляется во внешнеполитических решениях элит стран ЕАЭС, антироссийская повестка национальных СМИ.

Основная цель исследования: выявить и соотнести медиа-образ нашей страны с ее образом в сознании рядовых граждан. Для этого необходимо решить две основные исследовательские задачи: определить содержательные и символические особенности образа России на рациональном и бессознательном уровне восприятия народов ЕАЭС; определить активность и тональность информационных ресурсов в Армении, Республике Беларусь, Казахстане и Кыргызстане, индекс их «агрессивности» по отношению к России.

Основная часть

Характеристика исследования:

Теоретическая и методологическая основа нашего исследования будет базироваться на положениях и выводах ведущих российских и зарубежных ученых, выраженных в концепциях: теории политического восприятия (Р. Джервис, Е. Шестопап и др.)⁶⁹; теории международных отношений (М. Каплан, Х. Булл, П. Цыганов и др.)⁷⁰; теории идентичности (Л. Дробижевой, Т. Евгеньевой, И. Семененко)⁷¹; работах полити-

⁶⁸ Громыко А. А. Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы / Под ред. А. А. Громыко, Е. В. Ананьевой — М.: Издательство «Весь Мир», 2013. — 230 с.

⁶⁹ Jervis R., Perception and Misperception in International Politics (Princeton, 1976); Шестопап Е. Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами // Общество. Коммуникация. Образование. том 11. — 2020. № 4. — С. 16–28.; Шестопап Е. Б. Проблема восприятия стран ближнего зарубежья в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. № 4. — С. 93–98.

⁷⁰ Kaplan M. A. System and Process in International Politics. N.Y.: Wiley, 1957; Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977; Цыганков П. А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — № 5. — 2013. — с. 3–14.

⁷¹ Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального

ческих географов (Г. Трубриджа, Д. и Ю. Замятины)⁷² и медиагеографов (И. Николайчук, М. Янглева, Т. Якова)⁷³.

Для исследования восприятия России в странах ЕАЭС в качестве основных подходов мы выбрали методику политико-психологического анализа, разработанную школой политической психологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова⁷⁴. Среди ее преимуществ следует назвать возможность исследовать политическое восприятие как на уровне отдельной личности, так и на уровне государства, включая неосознаваемые пласты политических образов и факторы, влияющие на процесс взаимного восприятия.

Вторым методом работы стала политическая медиаметрия, авторами которой являются российские эксперты Центра специальных медиаметрических исследований⁷⁵. Данная методика позволяет определить активность и тональность официальных информационных ресурсов изучаемых стран, а также характер позиционирования России.

В своем выборе мы в первую очередь исходили из того, какие проблемы восприятия России в странах ЕАЭС будут решать данные методы.

согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования.— 2017. № 1 (393).— С. 26–36; Дробужева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.—2020. № 4.—С. 480–498. Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. // Полис. Политические исследования.— 2018, № 4.—С. 8–28.; Евгеньева Т.В. Культурно-психологические основания образа «другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят: Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России.—М.: Институт Африки РАН, 2004—С. 39–57.

⁷² Trowbridge G. On fundamental methods of orientation and «Imaginary maps» // Science, Vol. 88, 1913.; Замятин Д.Н. Геополитические образы современного мирового развития // МЭ и МО.— 2001. № 1(1).—С. 10–16. Замятин Д.Н., Замятина Ю.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение, т. 9.— 2010. № 3.—С. 26–50.

⁷³ Николайчук И. А. Политическая медиаметрия: зарубежные СМИ и безопасность России. М., 2016. 387 с.; Николайчук И. А. Янглева М. М., Якова Т. С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М., 2018. 345 с.

⁷⁴ Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз».— 2018. С. 51–69.; Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе. // Полис. Политические исследования.— 2018. № 1.—С. 26–44.; Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В., Морозикова И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика, т. 10.— 2019. № 3.—С. 74–94.

⁷⁵ Николайчук И. А. Янглева М. М., Якова Т. С. Управление прошлым. М., 2020. 468 с.

Применение политико-психологического подхода поможет нам объяснить проблемы международных отношений процессами осознания и понимания с учетом механизмов искажения политического восприятия.

Метод политической медиаметрии нацелен на соотнесение исследования образа государства с повесткой дня, формируемой ее СМИ.

Хронологические рамки исследования — 2018–2021 год.

Результаты исследования: политико-психологический анализ

Полученные результаты позволили выявить особенности восприятия России в Армении, Республике Беларусь, Казахстане и Киргизии на двух психологических уровнях — рациональном и бессознательном, а также определить факторы, влияющие на это восприятие.

Содержательные особенности образа России

При содержательном анализе образа страны мы учитывали пять образующих его компонентов: образ территории, образ народа, образ власти, образ лидера и внешнеполитический образ России.

Образ территории

Отвечая на вопрос: «Как Вы думаете, могут ли измениться границы России в обозримом будущем?», подавляющее большинство респондентов полагают, что «территория России не изменится» (70,5%). Этот результат может показаться очевидным, если не вспомнить, что в 1990-е годы ситуация была совсем иной. Тогда для многих Россия психологически продолжала ассоциироваться с СССР, и лишь 40% видели ее в ее новых границах⁷⁶.

При этом самый высокий процент тех, кто полагает, что территория России в будущем может расшириться среди представителей Киргизии. Чаще всего это расширение связывают с включением в состав России непризнанных республик ЛДНР, однако встречаются и более экзотические предположения, в том числе о проведении референдума о принятии в состав России самой Киргизии.

В то, что Россия может понести территориальные потери, верят лишь 11% от общего числа респондентов стран ЕАЭС. Среди территорий, которых Россия может лишиться, упоминаются Сибирь, Кавказ, Курильские острова.

Образ народа

В ответах участников интервью значительно преобладали положительные оценки личностных качеств граждан России (76%), среди

⁷⁶ Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? / Журнал политической философии и социологии политики «Политика. Анализ. Хроника. Прогноз», 2018, 51–67 с.

наиболее распространенных категорий оказались — «доброта», «дружелюбность», также высокий процент набрали коммуникативные свойства — «открытость» и «гостеприимство». Меньше всего респонденты уделяли внимание внешним чертам русских, вследствие чего можно сделать акцент в первую очередь на неповторимости русского характера, уникальных свойствах менталитета.

На вопрос: «Кто такие русские для Вас?» ответы были довольно разнообразными, но в целом их характер укладывался в рамки от позитивного к нейтральному, среди самых распространенных можно отметить — «дружественный народ» «друзья», «соседи», «народ». У старшего поколения значительно чаще, чем у молодых людей звучал ответ «братья», «родные люди».

Образ власти

Более позитивное отношение к российской власти наблюдается у представителей среднеазиатских стран, там число отрицательных и амбивалентных оценок гораздо ниже, чем в Республике Беларусь и Армении.

Среди содержательных символов в представлении респондентов особенно выделяется категория «лидер/личности», а точнее самый популярный российский политический лидер Владимир Путин. Можно заключить, что восприятие современной российской власти в странах ЕАЭС замыкается на одном человеке, что свидетельствует об авторитарном характере ее образа, «ручном управлении».

Подавляющее число респондентов в своих характеристиках употребляли слово «сильная», но не всегда это соответствовало исключительно позитивным настроениям, амбивалентность данного суждения в ответах зачастую подкреплялась такими сопровождающими эпитетами как «коррупцированная», «продажная». Однако однозначно можно заключить, что в представлениях граждан ЕАЭС доминирует образ сильной современной власти в России, эмоционально скорее амбивалентной.

Образ лидера

Абсолютный лидер по упоминаниям респондентов всех стран — Владимир Путин (94.5%). При чем даже в тех категориях, где это явление изначально не предполагается (символ страны, факт о стране), что может быть тенденцией к персонификации образа России. Поэтому самый многочисленный ответ на вопрос о современных политических деятелях был довольно предсказуемым.

В целом результаты демонстрируют значительное влияние ярких политических образов, сформированных в СМИ, на представле-

ния граждан соседних стран. На втором месте с большим отрывом от остальных оказался В. Жириновский (69%), также часто звучали фамилии — Д. Медведева, С. Лаврова, С. Шойгу и Г. Зюганова.

Внешнеполитический образ России

Изучая степень влияния России в мире, мы измеряли его в странах ЕАЭС. Можно уверенно заключить, что Россия существенно влияет на внутренние процессы в каждой из стран, это подтверждают результаты интервью: 64,5% — от общего числа опрошенных ответили «да», 22,5% — «частично» и только 13% — влияния не замечают. Больше всего тех, кто считает, что Россия никак не воздействует на их страну в Казахстане — 30%. Самой «зависимой» от России странной по праву можно назвать Кыргызстан, это подтвердили 96% опрошенных.

Это влияние в первую очередь определяют российская военная мощь (особенно это отмечают в Армении, Киргизии, Казахстане), политический и экономический потенциал — их признают представители всех стран. Также большую роль играет географическое положение, и отдельно культурное влияние больше всего респондентов выделили в Армении и Кыргызстане (см. табл. 1).

Таблица 1

В чем состоит это влияние? (не более 3-х вариантов ответа)

Смысл	Армения	Белоруссия	Кыргызстан	Казахстан
Экономический потенциал	35 %	40 %	82 %	40 %
политический потенциал	52 %	52 %	79 %	55 %
культурный потенциал	57 %	35 %	65 %	36 %
исторический потенциал	60 %	38 %	35 %	41 %
военная мощь	79 %	51 %	75 %	60 %
географическое положение	46 %	59 %	55 %	47 %
человеческий, трудовой потенциал	39 %	63 %	60 %	31 %
туризм	14 %	19 %	10 %	13 %

Оценивая влияние России в мире, жители союзных государств в основном отмечали, что оно сильное и скорее позитивное, чем негативное. Особенную уверенность в этих вопросах проявили представители Киргизии и Казахстана. В Армении и Республике Беларусь признают, что Россия имеет серьезное влияние в мире, однако позитивно его могут оценить значительно меньше граждан, чем в среднеазиатских странах. Примечательно выделяется Армения, где только 18% считают влияние России позитивным, и довольно высокий показатель тех, кто

оценивает влияние негативно — 22 %.

В целом можно заключить, что отношение к России среди жителей стран ЕАЭС в подавляющей степени дружественное, эту эмоциональную близость особенно подтверждают ответы на вопрос: «Как Вы охарактеризуете Россию по отношению к своей стране?». Наибольшей популярностью во всех странах пользовался ответ — «как друга», также распространены были скорее нейтральные, чем позитивные характеристики — «как соседа» и «как партнера», но в опять же в большинстве случаев их отмечали в сочетании с первым ответом.

Отдельно хочется обратить внимание, что самый высокий процент негативно воспринимающих Россию по отношению к своей стране в Армении (15% респондентов отметили ее «как врага», все из возрастной категории от 18 до 31). Подобные факты могут свидетельствовать о распространении русофобии среди армянской молодежи.

Психологические особенности образа России

Как показывает анализ результатов, полученных методом неоконченного предложения «Россия — это...» в эмоциональном плане можно констатировать, что образ России для респондентов сегодня скорее укладывается в рамки от нейтрального до привлекательного, процент негативных суждений крайне низок. Большинство ответов на этот вопрос стереотипизированы и не отличаются когнитивной сложностью.

Для анализа поведенческого среза символического содержания образа России мы использовали ответы респондентов на вопрос: «Что (или кто) является для Вас символами России?». С колоссальным отрывом самой популярной фигурой среди респондентов всех стран стал Владимир Путин. В качестве объяснения своего выбора участники отмечали его активность, незаурядные лидерские качества, некоторые уверенно говорили, что «на нем все держится». Примечательно, что вместе с именем нашего президента очень часто в качестве символов страны звучала официальная государственная символика — «герб», «гимн», «флаг», что может свидетельствовать о высокой субъектности нашей страны в восприятии союзных государств. Также среди популярных ответов были символы, связанные с природой — «Байкал», «тайга», «зима» и другие.

Для анализа символического содержания образа страны мы использовали рисуночные тесты: респонденты должны были нарисовать Россию и объяснить изображенное. Всего было проанализировано 200 рисунков. Таким образом, мы планировали «измерить» не только рациональный, но и бессознательный уровни восприятия.

— когнитивная простота/сложность. В основном встречаются ког-

нитивно простые (стереотипные) образы в рисунках России, но есть ряд ярких, оригинальных образов.

- степень ясности/размытости образа. На рисунках образы в 65 % случаев ясные, четкие.
- наличие в образе субъекта. народ, люди (образ девушки, образ личности (современной/исторической), образ воина, солдата и др.) фигурируют в 16 % рисунков. Образ животного как субъекта (чаще всего медведь) встречается у 15 %. В 69 % рисунков субъекта нет. Также присутствует довольно высокий процент абстрактных изображений, практически не поддающихся квалификации и анализу — 11,5 %.

В эмоциональном аспекте бессознательный образ России скорее нейтрален (64 % нейтральных рисунков). Позитивных рисунков — 32,5 %, отрицательных — 3,5 %. То есть, однозначного отношения мы выявить не можем, однако следует отметить, что даже те ответы, которые в целом имели негативную окраску в интервью, в рисунках ее не отражали. Низкий процент откровенно негативных образов может свидетельствовать о том, что бессознательно Россия воспринимается соседями положительно, что в перспективе располагает к укреплению и развитию союзных отношений.

Далее остановимся на содержательном аспекте символов в рисунках респондентов. Анализ свидетельствует, что самыми популярными образами России является ее официальная государственная символика (29 %). Герб и особенно флаг рисовали часто, возможно, потому что это самые очевидные и самые простые в «исполнении» ассоциации. Также нередко встречалось изображение Кремля («Спасской башни», «Красной площади») — 11 %. Традиционно именно с этим местом принято ассоциировать принятие ключевых политических решений в нашей стране. Мы не можем однозначно квалифицировать подобные символы, но отталкиваясь от заданных параметров анализа, большинство рисунков соответствовали категории «государственные символы», которая апеллирует к восприятию образа власти в России.

Сложно оценить эмоциональный посыл изображений, практически невозможно уловить поведенческий аспект, так как все они абсолютно нейтральны — отсутствует субъект. Однако, если учитывать вместе с этим показатели фокусированных интервью, можно отметить, что сегодня лидирующую позицию в комплексном анализе образа Российского государства среди респондентов из стран ЕАЭС занимает образ власти.

Важным выводом проведённого исследования стал факт значитель-

ной стереотипизации образа России в восприятии респондентов из союзных государств. Относительно большой процент от общего числа рисунков (12 %) составили избитые штампы вроде — «матрешка», «балалайка», «печка», «баранки», «берёза», «водка». Это ещё раз подчеркивает слабую работу по формированию содержательного и актуального имиджа страны за рубежом. В восприятии соседей практически отсутствуют достижения современной России.

Медиаметрический анализ

В первую очередь хотелось бы отметить персонификацию образа нашей страны под углом зрения СМИ стран-участниц ЕАЭС. Восприятие России ее действующей власти моделируется с помощью информационной подачи медиа-образа главы государства — Владимира Путина, которая в свою очередь подконтрольна элитам стран ЕАЭС и зависит от их личных отношений с Москвой — либо поддержка курса Кремля, либо оппозиция. При этом в информационной повестке фактически отсутствует образ народа и образ территории России.

С помощью анализа материалов информационно-аналитической системы «Россия в мире» МИА «Россия сегодня» мы исследовали массивы больших данных СМИ Армении, Республики Беларусь, Казахстана и Киргизии, куда входили газеты, интернет-издания, телеканалы и радиоэфир, сюжеты которых содержали в себе информацию о России в период с 1 января 2015 года (с момента вступления договора о создании ЕАЭС в силу) по 31 декабря 2018 года. Наша оценка основывалась на трех уровнях эмоциональной тональности их содержания с ярко выраженным отношением авторов — позитивное, нейтральное или негативное.

Оказалось, что самым медиа-активным государством стала Армения, у нее не только больше разнообразных информационных ресурсов, но и количество материалов о России в указанный период существенно превышает остальные страны. Однако именно у Армении сложился самый негативный образ России, она намного опережает остальных соседей по уровню агрессивных настроений, распространяемых в СМИ.

Самыми позитивными показателями обладает Киргизия, но это одновременно и самое слабо развитое в медиасфере государство. В Казахстане негативных сюжетов о России значительно меньше, чем в Беларуси и Армении, но процент недоверия тоже существует (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты медиаметрического анализа публикаций СМИ стран ЕАЭС.

Большие данные информационно-аналитической системы «Россия

в мире» МИА «Россия сегодня» за 2015–2018 г.

Тональность публикаций	Армения	Республика Беларусь	Казахстан	Киргизия	Общ. по странам ЕАЭС
Позитивная	7 %	24 %	32 %	49 %	28 %
Нейтральная	22 %	44 %	52 %	45 %	40,75 %
Негативная	71 %	32 %	16 %	6 %	31,25 %

Таким образом, можно отметить, что к интеграции с Россией более благосклонны среднеазиатские страны, что также подтверждается по ряду показателей в политико-психологическом анализе образа России. Считаем необходимым продолжить исследование данной темы, перевести его на более серьезный уровень, иначе Россия рискует потерять свое информационное влияние среди стран-союзников.

Заключение

Образ России в странах ЕАЭС, характеризуется внутренней противоречивостью, сочетанием позитивных и негативных (русофобских) элементов. Однако, на бессознательном процент откровенно русофобских настроений низкий, особенно, а значит Россия может обладать некоторыми преимуществами для укрепления интеграционных связей и дальнейшего развития союзных отношений с изучаемыми странами. При этом тенденция негативизации образа нашей страны существует. Это подтверждают тревожные показатели в некоторых рациональных категориях восприятия («власть», «внешнеполитическая миссия») среди молодых людей «европейской части» содружества (особенно в Армении и в меньшей степени в Республике Беларусь). Таким образом, возраст оказался достаточно значимым субъектым фактором, что связано с особенностями политической социализации разных поколений. Содержательная бедность образов, стереотипность и трудности в обосновании своих суждений в наибольшей степени были свойственны представителям младшего поколения.

Также важно отметить, что персонификация образа России с помощью национальных СМИ стран ЕАЭС способствует переносу образа ее Президента на власть и страну в на рациональном уровне восприятия, но на бессознательном уровне (в рисуночных тестах) этого не происходит.

С помощью информационно-аналитической системы «Россия в мире» МИА «Россия сегодня», мы пришли к выводу, что привлекательность нашей страны в союзных государствах тесно зависит от их

информационной повестки. Так, исходя из результатов фокусированных интервью, современный политический образ России более позитивен у жителей среднеазиатских стран (в Казахстане и в Киргизии), что соотносится с характером его информационной подачи. Важно отметить взаимосвязь между оценкой политического образа России и качеством, разнообразием СМИ стран ЕАЭС. Например, самое позитивное восприятие нашей страны у жителей Киргизии, но это государство со слабо развитой медиасферой, а самое негативное в Армении, где выявлено наибольшее количество альтернативных источников.

Подводя итоги, можно сказать, что степень обработки полученных данных и сложность разрабатываемого вопроса не позволяют сделать однозначные выводы, но отмеченные тенденции вполне выразительны для дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Громько А. А. Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы / Под ред. А. А. Громько, Е. В. Ананьевой — М.: Издательство «Весь Мир», 2013. — 230 с.
2. Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. — 2017. № 1 (393). — С. 26–36.
3. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. № 4. — С. 480–498.
4. Евгеньева Т. В. Культурно-психологические основания образа «другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят: Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. — М.: Институт Африки РАН., 2004 — С. 39–57.
5. Замятин Д. Н. Геополитические образы современного мирового развития // МЭ и МО. — 2001. № 1(1). — С. 10–16.
6. Замятин Д. Н., Замятина Ю. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение, т. 9. — 2010. № 3. — С. 26–50.
7. Николайчук И. А. Политическая медиаметрия: зарубежные СМИ и безопасность России. М., 2016. 387 с.
8. Николайчук И. А., Янглева М. М., Якова Т. С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М., 2018. 345 с.
9. Николайчук И. А., Янглева М. М., Якова Т. С. Управление прошлым. М., 2020. 468 с.
10. Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. // Полис. Политические исследования. — 2018, № 4. — С. 8–28.

11. Цыганков П. А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — № 5. — 2013. — с. 3–14.
12. Шестопап Е. Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами // Общество. Коммуникация. Образование. том 11. — 2020. № 4. — С. 16–28.
13. Шестопап Е. Б. Проблема восприятия стран ближнего зарубежья в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2016. № 4. — С. 93–98.
14. Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». — 2018. С. 51–69.
15. Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? / Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2018, 51–67 с.
16. Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе. // Полис. Политические исследования. — 2018. № 1. — С. 26–44.
17. Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В., Морозикова И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика, т. 10. — 2019. № 3. — С. 74–94.
18. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977.
19. Jervis R., Perception and Misperception in International Politics (Princeton, 1976).
20. Kaplan M. A. System and Process in International Politics. N.Y: Wiley, 1957.
21. Trowbridge G. On fundamental methods of orientation and «Imaginary maps» // Science, Vol. 88, 1913.

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE MEDIA AND IN THE MINDS OF CITIZENS OF THE EAEU COUNTRIES

Savelyeva M.A.¹

¹ Lomonosov Moscow State University (MSU),
Moscow, Russia

The author conducted a political, psychological and mediometric analysis of the image of Russia in the countries of the Eurasian Economic Union (in Armenia, the Republic of Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan). The main goal: to identify and correlate the media image of our country with its image in the minds of ordinary citizens. To do this, it is necessary to solve the following research tasks: to determine the substantive and symbolic features of the image of Russia at the rational and unconscious level of perception of the peoples of the EAEU;

to determine the activity and tone of information resources in Armenia, the Republic of Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan, the index of their “aggressiveness” towards Russia. The results of the study studied the nature of Russia’s positioning in the media materials of each of the countries, and also analyzed the political and psychological features of the image of our country in the minds of Eurasian citizens. The results of the study make it possible to form a problematic field of perception of Russia in the EAEU countries, as well as to describe the factors that affect its image..

Key words: Russia, EAEU countries, image of the country, mediametric analysis, political and psychological analysis, perception, media.

ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА В РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА: ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИИ

Мишина Ю. О.¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ),
Москва, Российская Федерация

В статье представлен результат анализа деятельности российских массмедиа (на примере телеканала НТВ) по формированию картины мира у аудитории на современном этапе. Для анализа мы брали данные за 2019–2022 гг. Автор провёл количественный и качественный контент-анализ публикаций и выявил, какие страны чаще остальных упоминаются в материалах данного массмедиа. Отмечается, что в марте 2022 года ситуация критически изменилась, поскольку преобладающее число материалов посвящено проведению специальной военной операции по защите Донбасса.

Ключевые слова: российские массмедиа, география новостей, медиагеография и информационная повестка, специальная военная операция по защите Донбасса.

После начала проведения специальной военной операции по защите Донбасса информационная повестка в российских массмедиа серьезно изменилась. Конфликт на Украине фактически вытеснил из новостного поля все остальные темы и стал главным сюжетом политической и общественной повесток дня.

Чтобы продемонстрировать и доказать это, мы решили проанализировать информационное наполнение сайта телеканала НТВ в период с 1 по 31 марта 2022 года. Полученные данные мы сравнили с результатами исследования, которое проводили ранее. Они опубликованы в выпуске № 4 (105) журнала “Меди@льманах” за 2021 год⁷⁷. Методология исследования описана там же. Отдельно отметим, что результаты поиска по запросам Украина, ЛНР и ДНР, как правило, пересекались, поэтому мы решили объединить их в одну лексическую единицу. Точно так же мы делали в 2020 году, когда результаты поиска по запросу Нагорный Карабах учитывались при подсчете результатов по запросам Армения и Азербайджан.

⁷⁷ Янглева М. М., Мишина Ю. О., Хасан Д. А. География новостей в российских массмедиа: формирование картины мира до и во время пандемии // Меди@льманах. — 2021. — № 4 (105). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mediaalmanah.ru/files/105/818.php> (дата обращения: 14.04.2022).

Отметим, что исследование как тогда, так и сейчас прошло в условиях массированных антироссийских атак в зарубежных медиа, что стало особенно заметно в марте 2022 года. Российским медиа в таких обстоятельствах приходится противостоять внешним информационным угрозам извне⁷⁸.

Чаще всего в марте 2022 года на сайте в разделе новостей, ожидаемо, упоминалась Украина. За месяц вышло 763 материала, прямо или косвенно касающихся этой страны. Для сравнения: второе место по числу упоминаний заняли США, им были посвящены всего 235 материалов. Полные данные приведены в таблице ниже. Также мы приводим данные и число упоминаний разных стран за период с 1 по 30 сентября 2019 года и с 1 по 30 сентября 2020 года.

Таблица 1.

Наиболее часто упоминаемые страны в разделе «Новости» на сайте телеканала НТВ

Страна	Число упоминаний в период 01.09.19 по 30.09.19	Страна	Число упоминаний в период 01.09.20 по 30.09.20	Страна	Число упоминаний в период 01.03.22 по 31.03.22
США	310	США	272	Украина	763
Украина	180	Белоруссия	193	США	235
Германия	72	Германия	125	Белоруссия	99
Великобритания	70	Украина	97	Китай	53
Сирия	69	Великобритания	74	Великобритания	50
Китай	66	Франция	57	Турция	47
Франция	63	Турция	54	Германия	43
Иран	60	Армения	51	Франция	35
Турция	48	Китай	46	Польша	23
Саудовская Аравия	42	Азерб./ Польша	39	-	см. сноску ⁴

Проанализировав эти данные, мы можем прийти к следующим выводам:

Украинская повестка вытеснила из информационного поля все остальные темы. На протяжении последних лет «ближайшим соседом»

⁷⁸ Янглева М. М. Российские нарративы в американском исполнении // Кризис на Украине и крымские события 2014: практика информационной войны. М.: РИСИ, 2015. С. 211–216.

России в ментальном поле оставались США. Именно Штатам было посвящено наибольшее число материалов и в 2019, и в 2020 году. Ни эпидемия коронавируса, ни протесты в Белоруссии в августе 2020 года не смогли сместить США с лидирующих позиций. Однако в 2022 году всё изменилось — повестка Соединённых Штатов явно отошла на второй план. Проведение специальной военной операции является пролонгированной новостью⁷⁹, и очевидно, что эта тема еще долго будет оставаться в повестке дня.

Выросло абсолютное число новостей, посвященных странам, которые находятся в фокусе внимания. И, наоборот, снизилось число новостей, посвященных странам, выпавшим из фокуса внимания. В сентябре 2019 года и в сентябре 2020 года США были упомянуты в материалах телеканала 310 и 272 раза соответственно. В 2022 году Украина упоминалась 735 раз. Мы видим, что число новостей выросло в 2,3–2,7 раза. В нижних строках таблицы ситуация противоположная. В 2019 и 2020 году упоминания были распределены между странами более равномерно. Государства, занимающие 9–10 место, упоминались около 40 раз за месяц. Однако в 2022 году Польша была упомянута 23 раза. Все остальные государства мира, за исключением девяти, приведенных в таблице, были упомянуты меньше десяти раз за месяц.

Дружественные России Белоруссия и Китай заметно улучшили свои позиции. Высокое место республики Беларусь в 2020 году объяснялось акциями протеста, которые прошли после президентских выборов. В 2019 году Белоруссия не была в десятке стран, которые наиболее часто упоминались на сайте телеканала. В марте 2022 года Белоруссия упоминалась 99 раз. Как правило, в контексте российско-украинских переговоров, для которых официальный Минск предоставил площадку. Китай поднялся с 9 строчки в 2019 году на 4 место в 2022 году. КНР упоминалась в контексте противостояния западным санкциям.

Коронавирусная повестка оказалась полностью вытесненной новостями о ходе специальной военной операции по защите Донбасса. Несмотря на то, что пандемия продолжается, появляются новые штаммы и за рубежом по-прежнему действуют ограничительные меры, случаи упоминания пандемии в материалах телеканала единичны и не оказывают влияния на общую картину.

Материалы с ярко выраженной негативной коннотацией были посвящены Украине (были использованы такие лексические маркеры, как

⁷⁹ Якова Т. С., Янглева М. М., Медиагеография / Т. С. Якова, М. М. Янглева. — М.: Издательство ИКАР, 2019. — 188 с.: ил.

“националисты”, “боевики”, “варварский” и т.д.), США и странам Евросоюза (“экономическая война”, “антироссийские санкции”, “русophobia”). В материалах о Белоруссии и Китае была позитивно окрашенная лексика (о Белоруссии — “дружественное нам государство”, “наши партнеры”, о Китае — “торговый партнер”, “сотрудничество”, “экономическая и финансовая помощь”). Материалы о Турции, как правило, были нейтральными и касались предложения Анкары провести российско-украинские переговоры на своей территории.

Ряд стран выпали из фокуса российских массмедиа. Например, Саудовская Аравия (высокое место страны в рейтинге 2019 года было связано с атакой дронов на объекты Saudi Aramco), Сирия (эту страну всё реже обсуждают на заседаниях международных организаций, например ООН), а также Армения и Азербайджан (эти страны были в центре внимания в 2020 года из-за обострения конфликта вокруг Нагорного Карабаха, сейчас ситуация стабилизировалась).

Заключение

В заключение можно обозначить ключевую тенденцию в формировании повестки дня в российских массмедиа в марте 2022 года. Мы наблюдаем, что в настоящее время отечественные издания активно освещают деятельность Вооружённых Сил России на территории Донбасса и Украины. Количество материалов серьёзно превышает показатели прошлых лет. Конфликт является пролонгированной новостью, поэтому мы прогнозируем, что Украина останется в фокусе внимания российских массмедиа в ближайшие месяцы.

Список источников и литературы

1. Якова Т. С., Янглева М. М., Медиагеография / Т. С. Якова, М. М. Янглева. — М.: Издательство ИКАР, 2019. — 188 с.: ил.
2. Янглева М. М. Российские нарративы в американском исполнении // Кризис на Украине и крымские события 2014: практика информационной войны. М.: РИСИ, 2015. С. 211–216.
3. Янглева М. М., Мишина Ю. О., Хасан Д. А. География новостей в российских массмедиа: формирование картины мира до и во время пандемии // Меди@льманах. — 2021. — № 4 (105). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mediaalmanah.ru/files/105/818.php> (дата обращения: 14.04.2022).
4. Lagerkvist A. (2006) Terra (In)cognita: Mediated America As Third Place Experience. In: Falkheimer J., Jansson A. (eds.) Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies. Göteborg: Nordicom.

THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE WORLD IN THE RUSSIAN MASS MEDIA: FEATURES OF GEOGRAPHY

Mishina Yu . O.¹

¹ Lomonosov Moscow State University (MSU),
Moscow, Russia

The article presents the result of the analysis of the materials of the Russian mass media (on the example of the NTV channel) on the formation of an image of the world among the audience at the present stage. For analysis, we took data for 2019–2022. The author conducted a quantitative and qualitative content analysis of publications and identified which countries are most often mentioned in the materials of this mass media. In March 2022, the situation changed dramatically, since the prevailing number of materials was devoted to the conduct of a special military operation to defend the Donetsk and Lugansk People's Republics.

Key words: Russian mass media, geography of news, media geography and information agenda, special military operation to protect Donbass.

Круглый стол
«ИСЛАМСКИЙ МИР В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ»
совместно с Российским отделением Международного
центра изучения политического ислама

УДК 911.3:32

КАРТОГРАММЫ РОСТА ЧИСЛА ИСЛАМСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

Дубич В. В.¹, Бриско А. В.¹, Сухова Е. А.¹

¹ Международный центр изучения политического ислама, Брно,
Чешская Республика

Картограммы исламской официальной организационной инфраструктуры Российской Федерации и Федеративной Республики Германия демонстрируют процессы роста числа исламских организаций, что ведет к усилению социального и политического влияния ислама в этих странах. Источником данных для картограмм являются официальные общедоступные государственные реестры стран. Картограммы отражают как территориальное, так и временное распределение исламских организаций. Также приведены графики роста числа исламских организаций с течением времени.

Ключевые слова: политический ислам, исламские организации, картограммы, организационная инфраструктура, Российская Федерация, Германия.

Тема политического влияния ислама в последние десятилетия вызывает все больший интерес как со стороны научного сообщества, так и общества в целом. Всестороннее изучение проблемы ведется экспертами по вопросам политического ислама не только в России [1, 2], но и за рубежом [3]. Исследуется состояние дел, связанных с вопросами политического ислама, в различных регионах мира [4, 5], в России [6] и других странах, таких как Германия [7], Франция [8, 9] и пр.

Научный подход к изучению любого явления, природного или социального, начинается с наблюдения за этим явлением. Поскольку фокус нашего исследования — явление политического ислама, перед нами встал Овопрос о доступных объектах и способах научного наблюдения за этим явлением. Исламские организации являются одним из таких объектов, доступных для наблюдения и регистрации количественных

и качественных параметров. Визуальным результатом научного наблюдения является картографирование исламской официальной организационной инфраструктуры, которое ведется в некоторых странах. Так, например, Венским университетом созданы карты исламских организаций Австрии [10], в России выпущен Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации» [11].

Международный центр изучения политического ислама продолжает начатый в 2017 году проект по разработке картограмм, отражающих изменение числа исламских организаций в отдельных странах. В дополнение к уже опубликованным в 2021 году картограммам США и Испании [12] разработана картограмма исламских организаций в Германии. Кроме того, обновлены данные исламских организаций в Российской Федерации — теперь картограммы отражают ситуацию на конец 2020 года.

Разработанная нами методология составления картограмм исламских организаций стран, начиная с поиска источников данных и заканчивая созданием последовательности картограмм разных лет, подробно изложена в статье «Территориально-временная динамика исламских организаций в Российской Федерации, США и Испании» [12]. Эта методология успешно применена для составления картограмм исламских организаций Германии и продолжает применяться для составления картограмм исламских организаций других стран.

Методология составления картограмм исламских организаций стран включает в себя следующие этапы:

1. сбор данных об организациях из общедоступных государственных реестров;
2. нанесение местоположения организаций на картограммы;
3. визуализация данных во времени по годам.

Международным центром изучения политического ислама составлены картограммы исламских организаций в Федеративной Республике Германия, представленные на рисунке 1. Источником данных является портал Единого реестра федеральных земель Германии [13]. Общедоступные открытые данные содержат информацию, достаточную для картографирования: название, регистрационный номер, адрес и дату регистрации организации.

Составлены картограммы исламских организаций в Российской Федерации, представленные на рисунке 2. Источником данных является Единый государственный реестр юридических лиц РФ. Общедоступные открытые данные организаций содержат название, регистрационный номер, вид деятельности, юридический адрес и дату регистрации.

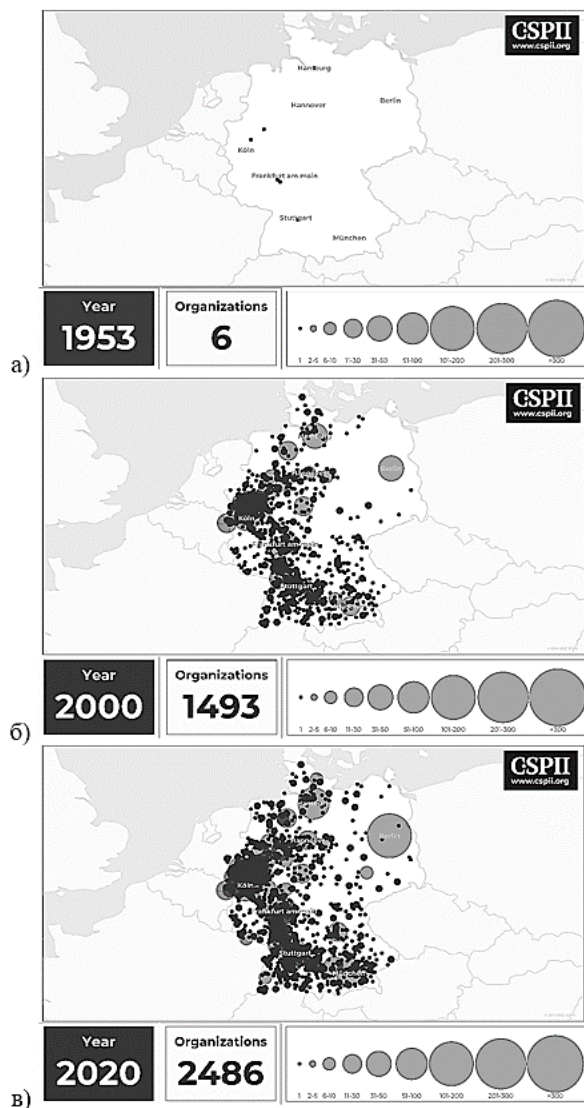

Рис. 1. Картограммы исламских организаций согласно данным портала Единого реестра федеральных земель Германии. На картограммах указан год, соответствующее количество исламских организаций, а также условные обозначения количества организаций: а) 6 исламских организаций в Германии в 1953 году; б) 1493 исламских организаций в Германии в 2000 году; в) 2486 исламских организаций в Германии в 2020 году.

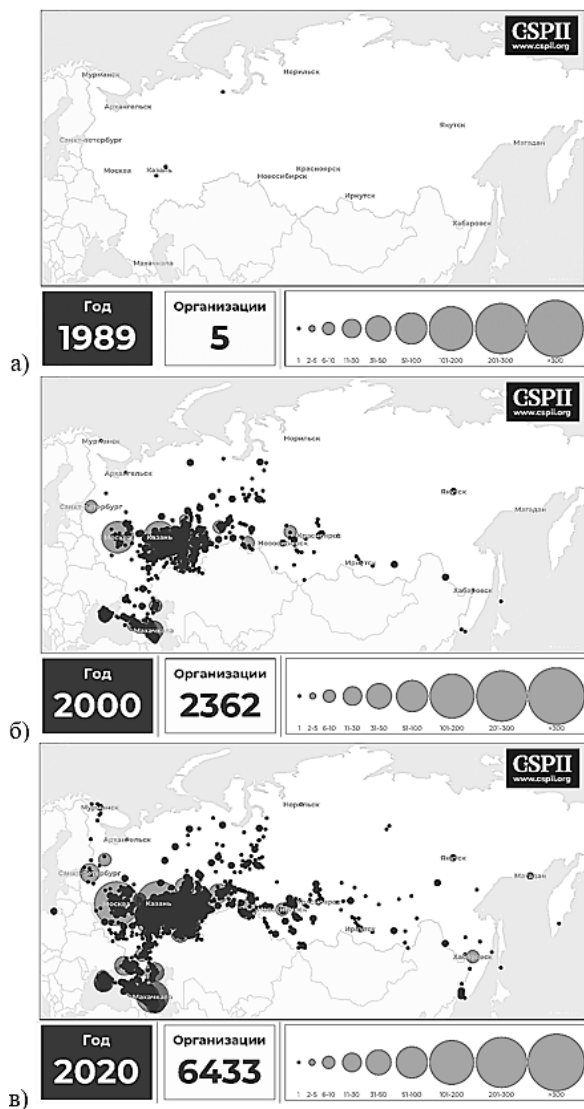

Рис. 2. Картограммы исламских организаций в Российской Федерации согласно Единому государственному реестру юридических лиц РФ. На картограммах указан год, соответствующее количество исламских организаций, а также условные обозначения количества организаций: а) 5 исламских организаций в РФ в 1989 году; б) 2362 исламских организаций в РФ в 2000 году; в) 6433 исламских организации в РФ в 2020 году.

Изменение числа исламских организаций с течением времени можно увидеть на графиках, представленных на рисунке 3. Несмотря на различие систем регистрации в странах, графики отражают общую качественную тенденцию роста числа исламских организаций с течением времени. Эта тенденция наблюдается как на графике числа исламских организаций в Германии, так и на графике числа исламских организаций в Российской Федерации.

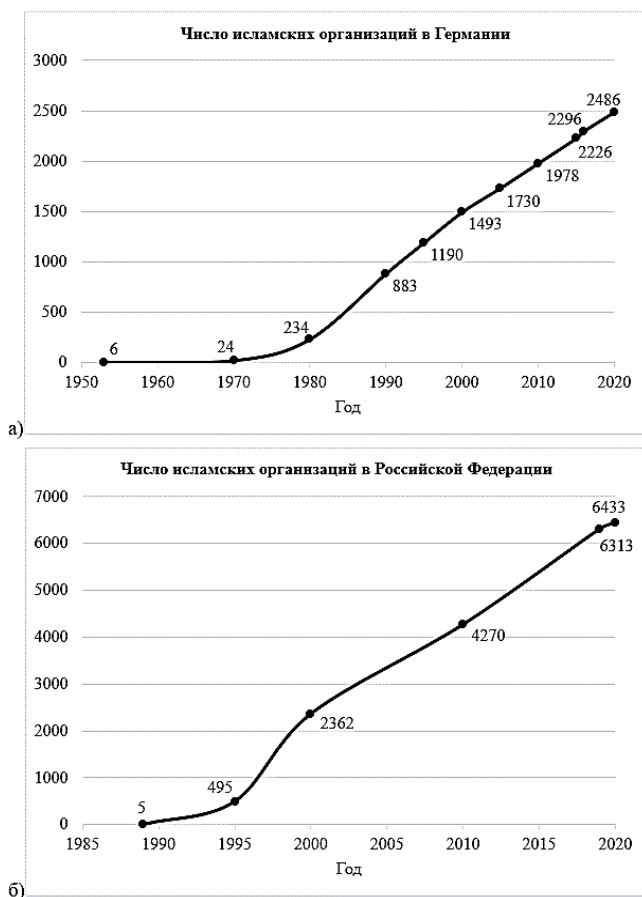

Рис. 3. Изменение числа исламских организаций со временем:

а) в Германии с 1953 года по 2020 год согласно данным портала Единого реестра федеральных земель Германии; б) в Российской Федерации с 1989 по 2020 год согласно Единому государственному реестру юридических лиц РФ.

Таким образом, Международным центром изучения политического ислама составлены картограммы исламской официальной организационной инфраструктуры, а также графики изменения числа исламских организаций в Германии и в Российской Федерации. Картограммы и графики демонстрируют тенденции роста числа исламских организаций с течением времени, что ведет к усилению социального и политического влияния ислама в этих странах. Наглядная визуализация процессов роста исламской организационной инфраструктуры призвана помочь ученым, политологам, политикам, представителям государственного аппарата и общественным деятелям лучше понимать ситуацию, связанную с политическим исламом в неисламских странах, способствуя принятию более взвешенных и информированных решений.

Благодарности. Авторы выражают благодарность членам Международного центра изучения политического ислама за помощь в проведении исследований и подготовке к публикации его результатов.

Список источников и литературы

1. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005–285 с.
2. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004.— 471 с.
3. Warner V. The Political Traditions of Mohammed. CSPI PUBLISHING. 2006. 203 p.
4. Наумкин В.В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. И. Д. М., 2013.— 528 с.
5. Аватков В. А., Тюкаева Т.И. О халифате и геополитике в современном арабо-исламском регионе. // ПОЛИТИЯ, 2014, № 1. С. 106–118
6. Микульский Д. В. Ланда Р.Г. Россия и мир Российского ислама. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. С. 199–203
7. Андреева Л. А. Исламизация Германии: “параллельное” исламское общество и светское государство. // Современная Европа. 2019. № 5. С. 110–121
8. Долгов Б.В. Ислам во Франции: мусульмане и светская республика. // Восток—Oriens. 2015. № 4. С. 123–133
9. Шумилин А. И. Франция: республика против “политического ислама” (ч.2). // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 117–124
10. Islamische Vereine & Moscheen in Österreich. URL: <https://www.islam-landkarte.at/> (Дата обращения: 28.02.2022)
11. Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации». Ю.М. Абсалямов, А.Г. Баймов и др.; ред. Силантьев Р.А. М.: ИНКОТЭК, 2018. 350 с.
12. Бриско А. В., Дубич В. В., Сухова Е. А. Территориально-временная динамика

исламских организаций в Российской Федерации, США и Испании. // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб.: изд-во ВВМ, 2021. С. 89–101.

13. Common register portal of the German federal states. URL: https://www.handelsregister.de/rp_web/mask.do?Typ=n (Дата обращения: 28.02.2022)

MAPS OF GROWTH OF ISLAMIC ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND GERMANY

Dubich V. V. ¹, Brisko A. V. ¹, Sukhova E. A. ¹

¹Center for the Study of Political Islam International (CSPII),
Brno, the Czech Republic

Maps of Islamic official organizational infrastructure of Germany and the Russian Federation demonstrate growth of Islamic organizations, which leads to increase of social and political influence of Islam in these countries. Data sources for the maps are the countries' official state registers accessible to the public. The maps demonstrate both territorial and temporal distribution of Islamic organizations. The article also contains graphs of Islamic organizations growth over time.

Key words: Political Islam, Islamic organizations, maps, organizational infrastructure, Russian Federation, Germany.

ТИПОЛОГИЯ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО СФЕРАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Бриско А. В.¹, Сухова Е. А.¹, Дубич В. В.¹

¹ Международный центр изучения политического ислама, Брно, Чешская Республика

Исламская официальная организационная инфраструктура на территории Российской Федерации представлена в виде 6496 зарегистрированных организаций. Международным центром изучения политического ислама проанализированы сферы деятельности исламских организаций с последующей выработкой системы их классификации по данному признаку. Источником данных для исследования типологии по сферам деятельности является официальный общедоступный Единый государственный реестр юридических лиц РФ (ЕГРЮЛ). Результаты анализа видов деятельности показали их разнообразие, которое, согласно выработанной классификации, представлено в виде пяти основных сфер деятельности: информационной, образовательной, политической, социальной и экономической. Классификация представлена на примере Москвы и Московской области. Результаты данного исследования демонстрируют процессы качественного распространения политического ислама посредством деятельности различных организаций в Российской Федерации. Тщательное исследование данного процесса призвано дополнить существующую аналитику по вопросу политического ислама и помочь более подробному изучению этой темы.

Ключевые слова: политический ислам, исламские организации, типология, организационная инфраструктура, сферы деятельности, Российская Федерация.

В настоящее время во всем мире все больше внимания уделяется воздействиям на общество со стороны политического ислама. Эта тема привлекает интерес со стороны общественности, академического и политического сообщества. Усилиями отечественных и зарубежных специалистов проведены многочисленные исследования, целью которых было тщательное изучение проблемы. Результаты данных исследований позволяют получить глубокое понимание различных направлений изучения ислама в современном обществе [1], а также увидеть историческую перспективу и связь истории проблемы с актуальными процессами в обществе [2].

Некоторые авторы обращают особое внимание на политическое влияние ислама на государственное управление [3], а также предпринимают попытку обнаружить основополагающую мотивацию и основу политического влияния в исламе [4].

Ряд работ привлекает внимание к проблеме политического ислама и его воздействию на различные сферы общества [5], а также его определяющую роль на внешнеполитической арене [6]. Более обширный обзор литературы по теме политического ислама позволяет заметить тенденцию усиления исламского политического влияния в различных неисламских странах.

Реализация политических инструментов в среде государства возможна при наличии организационной инфраструктуры, обеспечивающей планомерное и структурированное внедрение определённых идей, принципов и законов в социальную, правовую, политическую и духовную сферы жизни общества. В случае с политическим исламом его инфраструктура представлена в виде 6496 официально зарегистрированных организаций на территории Российской Федерации [7].

В мире было предпринято несколько попыток исследовать количественные и качественные показатели исламской организационной инфраструктуры. На данный момент доступны карты исламских организаций Австрии [8] и Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации» [9]. Также некоторые труды посвящены актуальному административно-территориальному делению исламского сообщества России с детальным описанием региональных общин [10].

Международный центр изучения политического ислама занимается исследованием количественных и качественных показателей официально зарегистрированных исламских организаций с 2017 года. В дополнение к ряду картограмм, отражающих динамику роста числа организаций на территории различных стран мира [11], командой исследователей была предпринята попытка классифицировать исламские организации на территории Российской Федерации согласно сферам деятельности.

Была проведена работа по следующим направлениям:

1. сбор данных об организациях из общедоступного государственного реестра;
2. разработка классификации типов организаций согласно сферам деятельности;
3. визуализация данных во времени по годам на примере различных субъектов Российской Федерации;
4. анализ роста организаций различных типов по годам;

5. выявление процента ликвидированных организаций различных типов;
6. анализ взаимосвязей различных типов организаций.

Типология исламских организаций по сферам деятельности в Российской Федерации

Международным центром изучения политического ислама была разработана классификация официально зарегистрированных исламских организаций на территории Российской Федерации. Источником данных является портал Единого государственного реестра юридических лиц [7].

В результате тщательной обработки собранных данных 6496 официально зарегистрированных исламских организаций команда исследователей определила пять типов организаций на основании сферы их деятельности: информационной, образовательной, политической, социальной и экономической.

Картограммы исламских организаций по сферам деятельности в Москве и Московской области

Составлены картограммы исламских организаций согласно сферам деятельности в Москве и Московской области, представленные на рисунке 1.

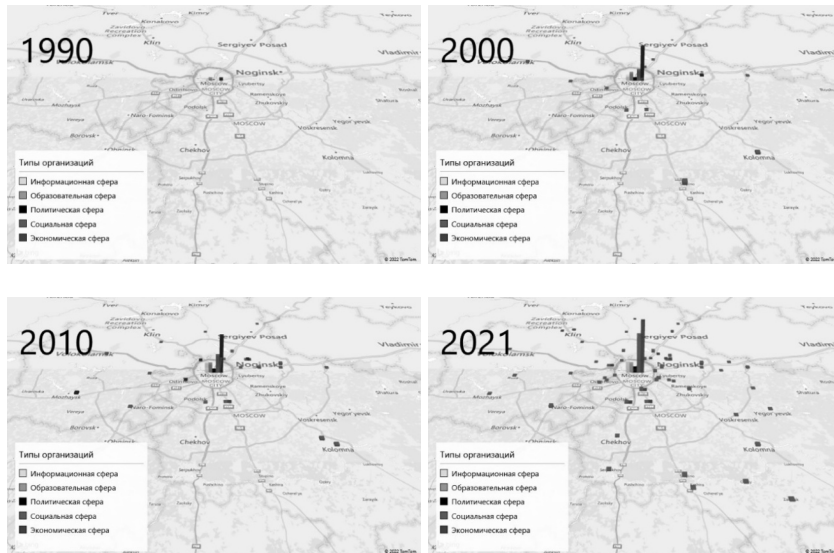

Рис. 1. Карты исламской организационной инфраструктуры по сферам деятельности в Москве и Московской области в период с 1990 по 2021 год.

В Москве и Московской области присутствуют исламские организации всех сфер деятельности, определённых исследователями Центра. На 1990 год в субъектах насчитывалось 2 действующие организации, на 2000 год — 63 действующих организации, на 2010 год — 122 действующих организации, на 2021 год — 235 действующих организаций.

Среди официально зарегистрированных исламских организаций различных сфер деятельности в Москве и Московской области наиболее распространены организации социальной сферы (зарегистрировано 165 организаций), примером которой являются централизованные и местные религиозные организации, исламские молодёжные объединения, исламские культурные центры и др.

Экономическая сфера представлена 142 зарегистрированными организациями, в числе которых находятся центры сертификации и контроля качества продукции халяль, исламские банковские и инвестиционные услуги, исламские туристические агентства и др.

Затем следуют организации образовательной, информационной и политической сфер (зарегистрировано 27, 15 и 13 организаций соответственно).

Примером организаций образовательной сферы деятельности являются советы по исламскому образованию, исламские детские сады, школы, колледжи и институты и исламская академия наук. Организации информационной сферы деятельности представлены исламскими телеканалами, издательствами, объединениями мусульманских журналистов и др. Организации политической сферы деятельности включают в себя миротворческие центры, организации, продвигающие стратегическое партнёрство с исламским миром, правозащитные центры и пр.

Рис. 2. Количество зарегистрированных исламских организаций в Москве и Московской области по годам в период с 1990 по 2021 год

Графики действующих и ликвидированных исламских организаций по сферам деятельности в Москве и Московской области

Стоит отдельно отметить, что среди официально зарегистрированных исламских организаций в Москве и Московской области 35 % организаций было ликвидировано (по данным на 2021 год). Среди них организаций социальной сферы было ликвидировано 18 %, экономической сферы—48 %, образовательной сферы—52 %, информационной сферы—60 %, и политической сферы—46 %.

Рис. 3. Соотношение действующих и ликвидированных исламских организаций в Москве и Московской области на 2021 год

Рис. 4. Соотношение действующих и ликвидированных исламских организаций по сферам деятельности в Москве и Московской области на 2021 год

Таким образом, Российским отделением Международного центра изучения политического ислама выработана классификация официально зарегистрированных исламских организаций в Российской Федерации по сферам деятельности. С целью продемонстрировать результаты качественного анализа были составлены картограммы исламской орга-

низационной инфраструктуры согласно сферам деятельности в Москве и Московской области, график изменения количества исламских организаций в указанных субъектах РФ, а также графики соотношения действующих и ликвидированных исламских организаций в период с 1990 по 2021 год.

Результаты исследования качественных показателей исламских организаций в Российской Федерации демонстрируют разветвлённую структуру исламских организаций, которая становится частью всех сфер жизни неисламского общества. Стоит предположить, что данная тенденция отражает усиление информационного, социального и экономического влияния политического ислама в обществе и требует более тщательных исследований и анализа актуальной ситуации. Своевременная аналитика по вопросу политического влияния внесёт вклад в разработку системы более точного прогнозирования существенно важных социальных и политических процессов в стране и методов своевременного реагирования.

Благодарности. Авторы выражают благодарность членам Международного центра изучения политического ислама за помощь в проведении исследований и подготовке к публикации его результатов.

Список источников и литературы

1. Игнатенко А. А. Ислам в XXI веке: главные направления исследований. // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. — 2007. № 4. — С. 7–34.
2. Наумкин В. В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. Составители: Белокреницкий В. Я., Звягельская И. Д. М., 2013. — 528 с.
3. Пашков, Роман Викторович. Исламское государственное право: учебное издание / Р. В. Пашков. — Москва: РУСАЙНС, 2016. — 144 с.
4. Долгов Б. В. Ислам в политике: идеология или прагматизм. Аналитический доклад. // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2013. — С. 107.
5. Warner B. A self-study course on Political Islam. CSPI, LLC. 2011. 136 p.
6. Bat Ye'Or. Eurabia: The Euro-Arab Axis. Fairleigh Dickinson University Press. 2005. 384 p.
7. Единый государственный реестр юридических лиц. URL: <https://www.rusprofile.ru>
8. Islamische Vereine & Moscheen in Österreich. URL: <https://www.islam-landkarte.at/> (Дата обращения: 28.02.2022)
9. Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации». Ю. М. Абсалямов, А. Г. Баимов и др.; ред. Силантьев Р. А. М.: ИНКОТЭК, 2018. 350 с. Илл.
10. Силантьев Р. Современная география исламского сообщества России. М.: ФИВ. 2016. С. 248.

11. Бриско А. В., Дубич В. В., Сухова Е. А. Территориально-временная динамика исламских организаций в Российской Федерации, США и Испании. // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб.: изд-во BBM, 2021. С. 89–101.

MAPS OF GROWTH OF ISLAMIC ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND GERMANY TYPOLOGY OF THE REGISTERED ISLAMIC ORGANISATIONS ACCORDING TO FIELDS OF ACTIVITY IN MOSCOW CITY AND MOSCOW REGION

Brisko A. V.¹, Sukhova E. A.¹, Dubich V. V.¹

¹Center for the Study of Political Islam International,
Brno, the Czech Republic

Official Islamic organizational infrastructure on the territory of Russian Federation is represented by 6496 registered organisations. The team of researchers at the International Centre for the Study of Political Islam analysed the files of activity of Islamic organisations to develop a classification framework according to the given attribute. The data source which allowed the study of the typology is the Unified State Register of Legal Entities. Research results show a wide variety of organisations grouped into five types according to the fields of activity classification and include social, economic, educational, informational and political fields. This typology is presented visually as maps and graphs based on the data of Moscow city and Moscow Region. The analysis demonstrates the process of expansion of Political Islam in Russian Federation via its organisational infrastructure. Thorough observation and study of this process aims to complement existing body of data and conducted research in the area of Political Islam and to promote a more comprehensive approach towards the subject.

Key words: Political Islam, Islamic organizations, typology, organizational infrastructure, fields of activity, Russian Federation.

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: АНАЛИЗ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ И ПРОГНОЗ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПОЛИТИКИ

Тенчиков А. А.¹

¹Академия управления городской средой, градостроительства и печати)
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье приводится краткая история межэтнических отношений и конфликтов в Казахстане в постсоветское время, анализируются их региональные особенности. Оценивается вклад международных миграций в увеличение конфликтогенности. Производится прогноз дальнейшей политики Республики Казахстан в контексте текущих международных событий.

Ключевые слова: Республика Казахстан, межэтнические отношения, межэтнические конфликты, Средняя Азия, миграции, ислам

С конца XX века и по сей день во многих регионах постсоветского пространства и, в частности, Средней Азии наблюдается комплексная нестабильность: политическая, экономическая социальная и многие другие. В начале 2022 года на западе Казахстана начались вызванные изначально экономическими причинами массовые протесты, которые быстро приобрели характер массовых беспорядков, сопровождаемых политическими требованиями, и распространились на весь Казахстан [1]. До этого, в 2020 году, в Кордайском районе Жамбылской области произошёл крупный межэтнический конфликт между этническими казахами и дунганцами [2]. Всё это, а также множество других межэтнических конфликтов, произошедших в независимой Республике Казахстан, подчёркивает важность исследований в данной области и актуальность данной статьи.

Одним из ключевых факторов такого положения являются межэтнические отношения в их различных аспектах и, в частности, в их радикальных формах — межэтнических конфликтах. Оценка таких отношений представляется имеющей большую важность для прогнозирования дальнейшего развития всего региона.

Целью этой работы является анализ различных аспектов межэтнических отношений, их характерных особенностей и различий, а также прогнозирование возможной политики Республики Казахстан в этой сфере. Задачами являются сбор информации о конфликтах, а также ре-

гионах Казахстана, где они происходили, выявление и оценка различных существующих закономерностей.

Прежде чем перейти непосредственно к освещению темы конфликтов, следует дать общую картину изменений этнического состава населения современного Казахстана в новейшее время.

Этническая структура населения территории современного Казахстана, вследствие масштабных миграций и расселения народов, значительно менялась на протяжении истории. Но дать достаточно точную оценку состава населения можно только с 1897 года, когда в Российской Империи, в состав которой на тот момент входила территория Казахстана, была проведена Первая всеобщая перепись населения. Согласно её результатам, в областях и уездах, территории которых ныне относятся к Республике Казахстан, более 74 % населения назвали своим родным языком казахский (киргиз-кайсацкий). Доля людей, для которых родным языком был русский (великоросский), составляла 10,82 % от общей численности населения, или 541 220 человек в абсолютном исчислении (к сожалению, в переписи населения Российской Империи 1897 года не фиксировалась этническая принадлежность, поэтому о ней можно судить только из ответов о родном языке) [3].

Событиями и факторами XX и начала XXI века, оказавшими наибольшее влияние на изменение этнической структуры населения Казахстана, следует считать:

1) Политику национально-территориального размежевания начала 1920-х — середины 1930-х гг., — в случае с Казахстаном это привело к увеличению доли русских (а также, в меньшей степени, других этносов Европейской части страны) в составе населения страны, даже несмотря на проводимую политику «выдавливания» последних в первой половине 1920-х годов [3]

2) Массовый голод начала 1930-х гг., жертвами которого стало не менее миллиона жителей Казахстана и массовая эмиграция этнических казахов. Одним из следствий голода стало превращение казахов в этническое меньшинство в Казахстане [3]

3) Индустриализацию СССР, сопровождавшуюся значительным притоком специалистов из Европейской части СССР [3]

4) Сталинские депортации, — территория Казахстана была одним из наиболее распространённых мест ссылки депортированных, поэтому одним из следствий такой политики стало появление в республике достаточно крупных общин различных неавтохтонных народов: корейцев, немцев, поляков, ингушей, чеченцев и мн. др. [3]

5) Освоение целины, полностью изменившее облик северной части

Казахстана, поскольку оно сопровождалось массовым притоком работников — в первую очередь русских, а также представителей других этносов Европейской части СССР [3]

6) Распад СССР, вследствие которого началась массовая эмиграция из Казахстана русских и представителей других европейских этносов. Если в 1989 году доля казахов в населении Казахской ССР составляла менее 40 %, то в 1999 году — более 53 % [4]

7) Трудовые миграции, преимущественно из стран Средней Азии, получившие в 2000-х годах массовое распространение [4]

Все эти события способствовали сильному усложнению этнической структуры Казахстана, и межэтнические конфликты постсоветского времени во многом обусловлены именно этими причинами. Крупные конфликты начались ещё до распада СССР: широкую известность получили события июня 1989 года в городе Новый Узень (ныне Жанаозен, Мангистауская область), начавшиеся как локальный конфликт между молодыми людьми-казахами и лезгинами.

В постсоветское время на территории Казахстана произошло не менее двенадцати крупных межэтнических столкновений.

Таблица 1

Крупнейшие межэтнические конфликты в Казахстане в постсоветское время

№	Место	Год	Конфликт	Причины
1	Усть-Каменогорск	1992	Массовые античеченские митинги	Убийство чеченцами четырёх казахов
2	Атырау	2005	Массовая драка местных жителей с турецкими рабочими	
3	Актау	2006	Антикавказские погромы	
4	Месторождение «Тенгиз» (Жылыойский район Атырауской области)	2006	Межэтнический конфликт между казахскими и турецкими рабочими	Бытовой конфликт, вызванный тяжёлыми условиями работы на предприятии
5	Енбекшиказахский район Алматинской области	2006	Конфликт между этническими уйгурами и казахами	Бытовой конфликт
6	Енбекшиказахский район Алматинской области	2007	Конфликт между этническими чеченцами и казахами	Избиение и нанесение травм чеченцем казаху
7	Толембийский район Южно-Казахстанской (ныне Туркестанской) области	2007	Антикурдские погромы	Изнасилование курдом четырёхлетнего казахского мальчика

№	Место	Год	Конфликт	Причины
8	Сайрамский район Южно-Казахстанской области	2014	Антиузбекские погромы	
9	Сарыагашский район Южно-Казахстанской области	2015	Антитаджикские погромы	Убийство этнического казаха
10	Байзакский район Жамбылской области	2016	Массовые столкновения между казахами и турками	Убийство турком пятилетнего мальчика-казаха при попытке ограбления дома
11	Караганда	2019	Антиармянские митинги	Бытовой конфликт
12	Кордайский район Жамбылской области	2020	Антидунганские погромы	Бытовой конфликт

Как можно видеть, сами конфликты и их причины имеют разное происхождение. При этом необходимо отметить несколько особенностей:

1) Большинство конфликтов— семь из двенадцати— произошли в южных и юго-восточных регионах Казахстана, отличающихся очень сложной этнической структурой населения. Однако ряд конфликтов произошёл в западных областях, которые, наоборот, отличаются высокой моноэтничностью [4]

2) Во всех упомянутых конфликтах одной из сторон являлись этнические казахи, а другой— представители какого-либо неавтохтонного народа: узбеки, таджики, курды, турки и др. При этом не отмечено явно выраженных конфликтов между казахами и русскими, а также другими народами Европейской части бывшего СССР

3) Обращает на себя внимание отсутствие выраженной межрелигиозной компоненты: почти во всех перечисленных конфликтах обе стороны были представлены этносами, чьи представители исповедуют преимущественно ислам

Следует отметить некоторые «региональные особенности» межэтнических конфликтов и, в частности, их генезиса.

Так, в регионах Южного Казахстана— Туркестанской, Жамбылской и Алматинской областях— имеются, как уже было сказано, крупные общины неавтохтонных этносов: узбеков, киргизов, таджиков, уйгуров, дунган, курдов и других. Для этих регионов характерно более высокое значение плотности населения, чем в среднем по стране, более высокие показатели естественного прироста населения, более высокая доля

мужского населения (очевидно, что основной движущей силой в любых конфликтах чаще всего являются мужчины), а также более низкий уровень жизни и средней заработной платы (кроме, конечно, Алма-Аты и Алматинской области) [4]. Характерно, что очень часто конфликты начинаются как бытовые, но очень быстро разрастаются до межэтнических. Впрочем, такое развитие является характерной чертой всех полиэтнических сообществ [5].

Здесь важно также отметить влияние исламского фактора. Республика Казахстан весьма привлекательна для трудовых мигрантов, в первую очередь из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, при этом значительный поток мигрантов направлен как раз в южные регионы. При кажущемся противоречии с невысоким уровнем жизни, это объясняется, как уже было сказано выше, присутствием в регионе большого количества неавтохтонных этносов. И хотя в настоящее время не приходится говорить о сильном влиянии ислама на жизнь в Казахстане, в будущем всё может измениться, особенно в случае увеличения числа мигрантов в Казахстане.

Уже в настоящее время в странах Средней Азии растёт влияние ислама. Связано это как с внутренними причинами, такими как низкий уровень жизни, так и внешними — вроде внешнего влияния исламских стран вообще и Турции в частности. И хотя пока не приходится говорить об особенных «успехах» радикального ислама в центральноазиатском регионе вообще и Казахстане в частности, тенденции очевидны. В этом ключе особенно опасным выглядит синтез ислама с леворадикальными идеологиями, — на практике его осуществил в 1990-х годах живший в Узбекистане Акрам Юлдашев. Его последователи в 2005 году организовали массовые беспорядки в Андижане с применением оружия. Несмотря на то, что восстание было подавлено, оно показало, что подобного рода учения опасны, быстро распространяются и могут быть привлекательны для населения [6].

Если конфликты на юге Казахстана вполне ожидаемы и предсказуемы, то конфликты на почти моноэтничном западе страны (в Атырауской и Мангистауской областях доля этнических казахов составляет 92,86 % и 91,40 % соответственно) имеют иное происхождение и объясняются расположением на этой территории крупных нефтегазовых месторождений. Некоторые из них разрабатываются не только казахстанскими компаниями (в первую очередь, АО «НК «КазМунайГаз»), но и многими иностранными: американскими «Chevron» и «ExxonMobil», французской «TotalEnergies», китайской «CNPC» и другими. Многие рабочие места в этих компаниях занимают иностранцы, и, как уже было

сказано, бытовые и рабочие конфликты в таких условиях легко превращаются в межэтнические. Следует также отметить, что беспорядки 2011 и 2022 годов в Казахстане, хотя и не имели под собой явной межэтнической подоплёки, также начинались на западе страны [4].

Что касается северного и северо-восточного Казахстана, то здесь необходимо отметить высокую долю русских в населении регионов, что вызвано вышеупомянутыми историей страны в XX веке. Резкое сокращение численности русских (и других европейских этносов) началось уже после получения Казахстаном независимости и было связано, во многом, с последующей политикой республики. Самый яркий и известный пример этого — перенос в 1997 столицы Казахстана из южной Алма-Аты на север, в Акмолу, что, по наиболее распространённому мнению, было сделано, чтобы стимулировать приток населения из «казахских» регионов на «русский» север страны.

Здесь также нужно упомянуть программу репатриации этнических казахов — кандасов, ранее известных как оралманы, — чьи предки когда-то эмигрировали с территории нынешнего Казахстана. В программе репатриации принимают участие преимущественно северные регионы страны. И хотя, по общему мнению, эта программа не достигла намеченных целей и даже наоборот — усилила некоторые существующие проблемы, приходится признать: во многом именно репатрианты существенно увеличили этноконфликтотенный потенциал территории Северного Казахстана и стимулировали отток этнических русских из региона [4].

Всё это позволяет сделать вывод: постепенное вытеснение этнических русских с севера страны и дерусификация страны в целом будет продолжаться и дальше.

Впрочем, очевидно, что проблема русских северного Казахстана и их взаимоотношений с титульным этносом выходит за границы внутренней политики Казахстана и во многом зависит от взаимоотношений между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. По этим причинам следует также осветить некоторые аспекты внешней политики.

Международные отношения Республики Казахстан в среднесрочной перспективе будут характеризоваться, скорее всего, двумя, на первый взгляд, противоположными тенденциями. С одной стороны, Казахстан однозначно будет поддерживать тесные экономические и политические связи с РФ, оставаться участником многих интеграционных процессов — таких как СНГ и ЕАЭС. Но с другой, также очевидно, что все эти процессы вряд ли будут существенно углубляться и расширяться, — по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Внешнеполитическая поддержка Казахстаном России тоже весьма ограниченная. При этом нужно сделать за-

мечание, что по мере усиления противостояния Касым-Жомарта Токаева со старой элитой, возможно ослабление влияние Российской Федерации на Казахстан как «побочный эффект» такого противостояния.

Наконец, важно отметить, что Казахстан, как и Средняя Азия в целом, находится в сфере интересов не только России, но и других крупных геополитических субъектов: Китай, ЕС, США и Турция. Всё это позволяет сделать вывод, что политика Казахстана в ближайшее время вряд ли останется исключительно пророссийской, и, как следствие, Нур-Султан, не делая разрывов экономических и политических связей с Москвой, постепенно начнёт проводить интеграцию с вышеперечисленными геополитическими субъектами.

Заключение

Резюмируя, нужно сделать основные выводы. Конфликты в южном и юго-восточном Казахстане, несомненно, будут снова возникать и, в долгосрочной перспективе, будут лишь усиливаться. Южный Казахстан в этом отношении представляет собой большую совокупность проблем и противоречий, взаимно влияющих и усиливающих друг друга, и существование простых решений этих проблем представляется маловероятным.

Межэтнические конфликты в западных областях Республики Казахстан тоже, несомненно, будут продолжаться. Но поскольку в данном регионе они возникают преимущественно на крупных предприятиях, активно использующих иностранную рабочую силу, то вероятность возникновения новых конфликтов можно уменьшить совершенствованием республиканского трудового и миграционного законодательства, что, теоретически, позволит снизить влияние и значение хотя бы некоторых этноконфликтогенных факторов.

Что же касается севера и северо-востока, то, как уже было сказано, отток этнических русских и других неавтохтонных этносов будет продолжаться и дальше, но его интенсивность во многом будет зависеть от внешней политики Республики Казахстан и других государств-субъектов политики в центральноазиатском регионе.

Также в заключение нужно сказать, что планируется проведение дальнейших исследований в этой области, с перспективой его расширения до территории всей Средней Азии.

Список источников и литературы

1. КАЗАХСТАН: АНАТОМИЯ ПРОТЕСТА И РЕЦЕПТ ПРОТИВОДЕЙ-

- СТВИЯ [Электронный ресурс] // Центр социально-экономических и геополитических исследований. URL: <https://csegr.ru/kazakhstan-anatomy-of-protest/> (дата обращения: 25.03.2022).
2. 8 человек погибли при инциденте в Кордайском районе [Электронный ресурс] // Главные новости Казахстана. URL: <https://tengrinews.kz/> (дата обращения: 25.03.2022).
 3. Приложение Демоскопа [Электронный ресурс] // Демографический еженедельник. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения: 25.03.2022).
 4. Официальная статистика по отраслям [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики АСПР РК. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry> (дата обращения: 25.03.2022).
 5. Завалишин А. Ю. Этническая конфликтогенность молодежи как предпосылка этнических конфликтов [Электронный ресурс] URL: <http://www.opkhv.ru/files/files/2015/6a6ca28c89b622065413.docx> (дата обращения: 25.03.2022).
 6. Андижанская резня: воспоминания очевидцев 10 лет спустя [Электронный ресурс] // BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/05/150513_andijan_anniversary (дата обращения: 25.03.2022).

REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: ANALYSIS OF INTER-ETHNIC CONTACTS IN THE POST-SOVIET PERIOD AND THE POLICY FORECAST

Tenchikov Aleksandr ¹

¹Academy of Urban Management, Planning and Printing,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article provides a brief history of interethnic contacts and conflicts in Kazakhstan in the post-Soviet period and their regional features analysis. The contribution of international migrations to the conflict potential increase is assessed. The forecast of the Republic of Kazakhstan further policy in the context of current international events is made.

Key words: Republic of Kazakhstan, inter-ethnic contacts, inter-ethnic conflicts, Central Asia, migration, Islam

Круглый стол
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ»
С УЧАСТИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИМРД
МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СНГ

УДК 324, 911

ГОЛОСОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

Амбурцев Р. А. ^{1,2}

Андреев М. В. ^{1,3}

¹ Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются особенности зарубежного голосования на выборах в Республике Молдова в период 2019–2022 гг. На основе изучения миграционных тенденций, уровня вовлеченности молдавской диаспоры в голосование на президентских и парламентских выборах, и их результатов, авторы определяют значение голосования зарубежного голосования для формирования политических институтов Республики Молдова.

Ключевые слова: зарубежное голосование, выборы, Республика Молдова, геополитика, электоральная культура.

Введение. Демократические выборы представляют собой правовой механизм волеизъявления граждан, имеющий значение не только для всех сфер жизни общества и государства, но и для геополитического процесса на региональном и глобальном уровнях.

Связь геополитики, как реальной политической деятельности, направленной на изменение политико-географического пространства [1], и выборов понимается, как правило, в виде внешнего (иностранного) вмешательства во внутренние дела государства, проводящего выборы [2].

Наряду с вмешательством в избирательный процесс иностранных и международных акторов под геополитизацией выборов, по нашему мнению, следует понимать также актуализацию геополитической повестки избирательного процесса, в частности вопрос выбора гражданами интеграционного вектора развития страны, которая может ставить под сомнение их демократичность, продуцируя, в частности, не только угрозы для национальной безопасности, риски для развития общества, но и политическую, экономическую турбулентность в региональном (надгосударственном), и в глобальном масштабе. Сегодня понимание геополитического значения выборов подчеркивается как на уровне властей государств [3], так и в экспертном сообществе (А. В. Манойло, Н. В. Авдеев, И. Б. Борисов, Б. Б. Лавринов и др.).

Геополитическое положение ряда постсоветских государств (Республики Беларусь, Грузии, Украины и Молдовы) во многом детерминировано длительным этапом проектного «вакуума»: после распада СССР перед элитами части постсоветских государств встал выбор: либо «двигаться» в сторону европейской интеграции (вступление в Европейский союз), либо в направлении политического, экономического, социокультурного сближения стран постсоветского пространства, в частности Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). При этом чаще всего геополитический выбор элит меняется с каждой следующей избирательной кампанией.

В Республике Молдова важной составляющей демократических выборов на сегодняшний день выступает организация голосования граждан, находящихся за рубежом при соблюдении принципа всеобщего избирательного права. При этом актуальным вопросом относительно зарубежного голосования является то, как оно может способствовать геополитизации выборов, исключая прямое вмешательство в него геополитических субъектов?

В данной статье предпринимается попытка изучить механизм геополитизации зарубежного голосования на выборах в Республике Молдова. Особое внимание в исследовании зарубежного голосования будет уделено парламентским выборам в Республике Молдова 2021 года.

Важной проблемой выступает абсентеизм (осознанный или бессознательный) части молдавской диаспоры — граждан Молдовы, постоянно или временно проживающих за рубежом. Здесь следует отметить, что фактор зарубежного голосования на молдавских выборах в условиях текущих миграционных процессов изучен ограниченно — как правило, в виде оценки влияния диаспоры на избирательные кампании без дальнейшего осмысления причин диаспоральной активности и ее гео-

политической значимости.

На наш взгляд, недооцененным фактором в голосовании диаспоры выступает ее электоральная культура, являющаяся частью политической культуры. Как пишет В. В. Сутырин, электоральная культура может пониматься как «использование субъектами доступных культурных норм и образцов, а также схем интерпретации политической ситуации, формирующихся на их основе, в качестве инструментов участия в электоральной деятельности» [4].

Геополитический выбор Молдовы. Несмотря на закрепленное в законодательстве Республики Молдова стремление страны к евроинтеграции и практические шаги молдавских властей в этом направлении⁸⁰, существует альтернатива для Кишинева в виде ориентации на усиление взаимодействия на постсоветском пространстве (Л. Брага, А. Ткач): развитие социокультурных, экономических, политических связей со странами СНГ и ЕАЭС, установление прочных связей с соотечественниками в странах постсоветского пространства, в частности с многочисленной диаспорой в России. Данный внешнеполитический курс был обозначен в период президентства Игоря Додона (2016–2020 гг.). Следует полагать, что интересы современных властей Молдовы, после победы на президентских выборах 2020 года Майи Санду — лидера партии «Действие и солидарность» (PAS), осуществлять стремительную реализацию проевропейского курса в условиях текущих глобальных вызовов может нами рассматриваться в качестве еще одного противоречия в молдавском обществе, имеющего геополитическое значение [5].

Обращаясь к оценкам экспертов, следует подчеркнуть, что Молдова с момента обретения независимости находится в состоянии «электорального раскола», связанного в том числе с разной внешнеполитической ориентацией населения (Л. Брага, В. Жук, П. Райлян и др.). Внешнеполитическая направленность Молдовы стала изменяться в сторону европейской интеграции после усиления во власти страны либерально-демократических сил в 2011 году. При этом важно подчеркнуть, что, помимо социально-экономических, этнокультурных, языковых, политических противоречий, в 2010-е гг. ключевым моментом, определившим не только повестку борьбы между представителями политических элит, но и геополитический контекст, стал конфликт отдельных ветвей

⁸⁰ Подписание Соглашения об ассоциации с ЕС, создано Министерство иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова, политическая лояльность в отношении его институтов, повышение объемов взаимной торговли, попытки внедрения ценностных и нормативных стандартов ЕС в практику институтов государства и гражданского общества и т. д.

власти Молдовы: наиболее кризисным моментом оказались события начала июня 2019 года [6].

Молдавская диаспора. Республика Молдова на сегодняшний день выступает страной-донором мигрантов [7]. Так, в 2018 году в качестве временных мигрантов из Молдовы за рубежом находились порядка 350 тыс. молдавских граждан (Согласно информации «Расширенного миграционного профиля»). Отметим, что сегодня не существует адекватной и полной информации о точной численности молдавских эмигрантов.

В 2018 году из числа граждан Молдовы за рубежом 41,9% находились на территории России, 23,5% — Италии, 7,2% — США, 3,2% — Украины, 3,1% — Канады, 21,1% — других стран [9]. К 2020 году, по разным оценкам, за границей проживало около 1 млн. граждан Республики Молдова, хотя все население страны в 2020 году составило около 2,6 млн. человек (постоянное население) [8].

Текущие миграционные тенденции Республики Молдова (массовая трудовая эмиграция) обеспечивают увеличение внешнего электората, то есть граждан Молдовы за границей.

Возникает вопрос относительно вклада молдавской диаспоры в политические процессы страны, а также геополитического значения зарубежного голосования. Рассмотрим подробнее особенности администрирования зарубежного голосования в избирательном процессе Республики Молдова.

Особенности геополитизации зарубежного голосования в период 2019–2020 гг. На парламентских выборах 2019 года обстоятельством, имеющим геополитическое значение, стало введение ЦИК территориального принципа в отношении участия диаспоры на выборах — создание зарубежных избирательных округов Молдовы по принципу трех географических зон: «на востоке от Республики Молдова» — 27 участков; «на западе от Республики Молдова» — 83 участка; «одномандатный округ для США и Канады» — 13 участков [9].

Наибольшее число зарубежных избирательных участков было образовано в Италии (29), Румынии (12), США (12), России (11), Франции (7), Испании (5), Португалии (5) и Великобритании (4) [10]. Следует отметить, что при значительной численности молдавской диаспоры в России, количество российских участков для зарубежного голосования на выборах Молдове более чем в два раза уступало количеству участков во Франции, что предоставляло меньше возможностей для реализации избирательного права граждан Молдовы, находящихся в России.

По результатам выборов в парламент страны прошли: Демокра-

тическая партия Молдовы (проевропейская ориентация), получив 30 мандатов; Избирательный блок «ACUM Platforma DA și PAS»—26 (проевропейский); Партия социалистов Республики Молдова—35 (пророссийская); политическая партия «ШОР»—7 (нейтральная). По итогам выборов сложилась такая ситуация в Парламенте страны, при которой ни одна из сил не имела абсолютного большинства, что допустимо определить, как политический баланс. Однако уже президентских выборах Республики Молдова, которые состоялись в два тура 1 и 14 ноября 2020 года, геополитизация голосования в виде выбора между проевропейским и пророссийским вектором интеграции стала более ошутима.

В первом туре приняли участие 1 368 516 избирателей, из которых 1 046 05 (7,6%)—граждане за рубежом, а во втором туре проголосовал 1 633 621 избиратель, из которых вклад в общую явку был сделан 263 177 избирателями за пределами Республики Молдова (16,1%). Наибольшее число зарубежных избирательных участков было организовано в Италии—30 участков, России—17 участков, Румынии—12, США—12, Франции—8, Великобритании—7, ФРГ—6, Португалии—3, Канаде, Ирландии и Испании—по 4, Израиле, Турции и Украине—по 2. Кроме того, ЦИК приняла решение увеличить количество избирательных бюллетеней на избирательных участках за рубежом.

По результатам второго тура среди граждан Республики Молдова, проживающих за рубежом, М. Санду поддержало 92,94% (243 605 человек). За И. Додона проголосовало 7,06% (18 498 граждан). При этом голосование граждан за рубежом составило около 16% всех проголосовавших. По итогам подсчета всех голосов (и в Молдове, и за рубежом), Санду победила на выборах, набрав 57,75% (943 006 голосов граждан), а Додон набрал 690 615 голосов.

Суммарно за И. Додона за рубежом проголосовало 18 498 человек, при этом из них 56,93% приходится на заграничные избирательные участки в России [11]. Отметим, что только в одной Франции за М. Санду проголосовало 26 324 человека, что составило 10,8% от общего числа сторонников лидера PAS за рубежом (243 605) [11]. Общий вклад диаспоры в победу Санду на президентских выборах составил 25,83% от абсолютного значения проголосовавших за Санду (943 006). Вклад диаспоры в суммарное число голосов за Додона (690 615)—2,68%. Таким образом, на президентских выборах социалисты потерпели поражение на зарубежных участках.

Президентские выборы 2020 года еще больше проявили различия в ценностных и политических ориентациях диаспор на «Востоке» и на

«Западе», в вовлеченности в электоральный процесс, а также позволили говорить о новых внешнеполитических приоритетах властей Молдовы. С учетом численности молдавской диаспоры в РФ, отметим, что низкая явка граждан Молдовы на территории России во многом способствовала победе Санду.

Досрочные парламентские выборы 2021 года. В выборах приняли участие 23 политических силы, из которых 7 политических партий в своих внешнеполитических ориентирах указали евроинтеграционный путь Молдовы⁸¹. У двух политических сил в их предвыборной программе была указана направленность на вхождение Молдовы в состав Румынии («Партия национального единства», «Альянс за объединение румын»), у одной — в состав Российской Федерации (партия «Патриоты Молдовы»). 9 политических сил не стали «афишировать» в своих предвыборных программах выбор внешнеполитической ориентации Молдовы в случае прихода политических сил к власти⁸². Такие политические силы, как Избирательный блок Коммунистов и Социалистов, избирательный блок «Ренато Усатый», политическая партия «Шор» и «Партия регионов Молдовы» в своем дискурсе придерживались евразийского вектора или, как минимум, многовекторности Молдовы на международной арене.

Вопрос организации избирательных участков за рубежом оказался в центре общественного внимания. Постановлением ЦИК № 4966 от 5 июня 2021 года было принято решение о формировании 139 избирательных участков за рубежом, что соответствует количеству участков, открытых для голосования на президентских выборах 2020 года, однако уже 8 июня 2021 года количество избирательных бюро увеличили до 146. Против указанного решения ЦИК открыто выступила Президент Республики Молдова М. Санду, призвав своих сторонников в социальных сетях выйти на акцию протеста [12]. В результате протестных акций пересмотр количества зарубежных участков продолжился, в итоге остановившись на 150 участках [8].

Наибольшее число зарубежных избирательных участков, образованных преимущественно при дипломатических и консульских учреждении-

⁸¹ «Партия Строим Европу Дома—РАСЕ», «Партия Действие и солидарность», PAS, «Демократическая партия Молдовы», «Платформа Достоинство и правда», «Партия национального единства» (PUN), «Демократия—дома», «Экологическая партия зеленых», Политическая партия «Новый исторический выбор».

⁸² «Партия коллективного действия—Гражданский конгресс», политическая партия «NOI», движение профессионалов «Speranța—Надежда», «Партия развития и объединения Молдовы», «Партия Закона и справедливости», «Народная власть», «Партия перемен» «Партия трудящихся» и независимых кандидат Вячеслав Валько.

ях Республики Молдова, было открыто в Италии—31 (+1 в сравнении с президентскими выборами 2020 года), России—17, США—13 (+1), Румынии—12, Великобритании—11 (+4), Германии—11 (+5) и Франции—10 (–2). Пять участков для голосования было открыто в Испании, по четыре—в Ирландии и Канаде, три—в Португалии и два—в Бельгии. Кроме того, по одному участку для голосования образовано в Австрии, Азербайджане, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Греции, Дании, Кипре, Китае, Латвии, Литве, Нидерландах, Норвегии, ОАЭ, Польше, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии и Японии.

Результаты зарубежного голосования на досрочных парламентских выборах 2021 года. 1 июля 2021 года из 2768035 избирателей по основным спискам и 284568 по дополнительным спискам в голосовании приняло участие 1480965 человек, то есть явка избирателей составила 52,3% [13]. За рубежом проголосовало 212434 человека, что составило 14,48% избирателей.

По итогам выборов в Парламент Республики Молдова прошли следующие политические силы: партия PAS—63 места; избирательный блок коммунистов и социалистов—32 места; партия «Шор»—6 мест.

По результатам зарубежного голосования победу за границей одержала проевропейская партия PAS, получив 182654 голосов избирателей—85,98%, 5890 (2,77%)—Ренато Усатый, 5810 (2,73%)—«Демократия—дома», 5228 (2,46%)—Избирательный блок Коммунистов и Социалистов, 3714 (1,75%)—DA [14]. Остальные участвующие в выборах политические силы получили менее 1% голосов избирателей.

Анализируя результаты зарубежного голосования по странам, заметны существенные различия в уровне вовлеченности граждан в голосование. Если в России проголосовало 5873 человека, имеющих молдавское гражданство, то в странах Европейского союза уровень вовлеченности молдавских граждан в голосование оказался существенно выше (в частности, Германия—25960 человек; Италия—66295; Франция—23001) [14]. Причем в России за PAS проголосовало 1538 человек, за Избирательный блок коммунистов-социалистов—2653, то в Германии за PAS проголосовало 22985 человек, за коммунистов-социалистов—203 человека) [14].

Геополитика и электоральная культура. Результаты анализа различий в голосовании в России и странах ЕС показывают, что электоральную культуру можно рассмотреть в качестве одного из основных факторов голосования.

Отсутствие четкой регламентации критериев, связанных с открытием зарубежных избирательных участков Молдовы, нами рассма-

тривается как обеспечение удобной «среды» для политического манипулирования со стороны различных групп интересов, в том числе геополитических субъектов. Исключая фальсификации на молдавских зарубежных участках, ошибки в подсчетах и другие действия, направленные на изменение результатов голосования и искусственное повышение явки, единственным возможным объяснением, по нашему мнению, является эффект «давления места».

Страны Европейского союза являются местом «притяжения» граждан Молдовы. Это объясняется желанием молдавских граждан повысить доходы и уровень благосостояния в целом. Такие проблемы молдавской диаспоры в европейских странах, как длительное оформление гражданства страны ЕС, трудности интеграция в местные сообщества и т. д., мотивируют молдавскую диаспору голосовать за проевропейские силы на выборах в Молдове, в том числе содействуя евроинтеграции страны гражданства.

Что касается молдавских граждан в Российской Федерации, то они легче и быстрее адаптируются к местной среде посредством знания русского языка. Этому процессу также способствует близость культур и исторической памяти двух стран. Кроме того, получив российское гражданство по упрощенным программам, становясь частью российского общества, молдаване не столь мотивированы голосовать за про-российские силы и участвовать в избирательном процессе Республики Молдова в целом.

Еще одним важным фактором, снижающим явку молдавской диаспоры в России, является проблема самоорганизации молдавских граждан, что объясняется, на наш взгляд, небольшой численностью и низкой активности молдавских организаций на территории России в сравнении со странами Еврозоны.

Что касается фактора местной культурной среды, то важно учесть пространственные различия электоральных культур, которые, выступает актуальным предметом политико-географического исследования [15]. Кроме того, как показали исследования А. Н. Журавлева [16], политическая культура имеет свойство распространяться в виде диффузии инноваций (от центра первичного и вторичного типа к периферии), что также рассматривается нами как «механизм» пространственно-временного распространения, который может использоваться геополитическими акторами в период выборов.

Очевидно, что молдавская диаспора внутри себя не гомогенна по степени организованности, численности, общественно-политической активности и этнокультурному составу [14].

Заключение. Проблема зарубежного голосования на выборах Республики Молдова в условиях текущих миграционных тенденций показывает то, каким образом осуществляется геополитизация выборов без прямого вмешательства геополитического субъекта (иностранного государства) посредством зарубежного голосования в условиях миграционных тенденций, разницы в электоральной культуре отдельных частей молдавской диаспоры.

В данном случае геополитический субъект «устраняется», предоставляя диаспоре свою территорию — среду, которая оказывает влияние на интересы и деятельность Республики Молдовы как геополитического субъекта. Нельзя в полной мере согласиться с тезисом, что власть в стране выбирают те граждане, которые в ней не живут, однако именно такая перспектива может оказаться реальной для Республики Молдова в ближайшем десятилетии без участия всего молдавского общества в управлении государством.

По мере продолжения миграционных тенденций, а также политической, социально-экономической и культурной поляризации разных геополитических пространств (европейского, постсоветского, восточно-азиатского и т.д.) геополитическое значение зарубежного голосования будет только усиливаться.

Как показали парламентские выборы в Республике Молдова 2021 года, усилия органов администрирования выборов Республики Молдова недостаточны для снижения геополитизации избирательного процесса. В этих условиях необходимы законодательные меры, позволяющие снизить пространственную диспропорцию избирательных участков, которые важно с точки зрения прав граждан открывать не только в странах, где высокий запрос диаспоры на участие в голосовании (относительно высокий уровень электоральной культуры), но и в тех странах, где граждане имеют более низкий уровень электоральной культуры. Однако такие меры не являются достаточным условием для снижения геополитизации зарубежного голосования: организаторам и участникам выборов необходимо отдавать приоритет прямому взаимодействию с гражданами, длительное время проживающими за рубежом.

Необходимо подчеркнуть важность анализа общественного мнения, запросов граждан, их правовой и электоральной культуры, идеологического потенциала стран, где временно или постоянно находятся граждане государства, проводящего выборы.

На основании вышесказанного, в условиях глобальной миграции возможность прямого геополитического воздействия может снижаться

в пользу культурных и организационных инструментов, позволяющих менять внешнеполитическую ориентацию современных государств, что может укладываться в концепцию «мягкой силы».

Список источников и литературы

1. Аксенов К. Э. Сущностный характер политической географии // Известия РГО. 1992. Т. 124. Вып. 4. С. 331–337.
2. Борисов И. Б. Вмешательство в национальные выборы как сопутствующий фактор демократических процессов в глобальном мире // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3. С. 107–124.
3. Путин предложил СНГ принять заявление против вмешательства в выборы // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2021/10/15/putin-predlozhi-sng-priniat-zaiavlenie-protiv-vmeshatelstva-v-vybory.html>.
4. Сутырин В. В. Электоральная культура: теоретико-методологический аспект: дис... канд. полит. наук. М., 2013. 208 с.
5. Фокина Л. В. Молдова на перепутье между ЕС и ТС // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 2. С. 43–52.
6. Астахова С. В. Молдавия в условиях политического кризиса // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 2. С. 115–126.
7. Оставная А. Н. Проблемы молдавских мигрантов в условиях пандемии COVID-19 // Demographic Research. 2021. Т. 1. № 2. С. 47–56.
8. Постановление о внесении изменений в постановление Центральной избирательной комиссии № 4966 от 5 июня 2021 года «Об образовании избирательных участков за рубежом для проведения досрочных парламентских выборов от 11 июля 2021 года» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Молдова. URL: https://a.cec.md/ru/o-vnesenii-izmeneniy-v-postanovlenie-tsentralnoy-izbiratelnoy-komissii-4966-ot-2751_99748.html.
9. Circumscripții electorale // Pagina oficială Comisia Electorală Centrală a Republicii Moldova. URL: <https://a.cec.md/ro/circumscripții-electorale-3661.html>.
10. Alegeri parlamentare 24 Februarie 2019 // Pagina oficială Comisia Electorală Centrală a Republicii Moldova. URL: <https://a.cec.md/ro/24-februarie-2019-3660.html>.
11. Rezultate alegeri turul II // Pagina oficială Comisia Electorală Centrală a Republicii Moldova. URL: <https://185.108.181.107/ro/rezultate-alegeri-turul-ii-8248.html>.
12. Санду и майданщики ломают ЦИК Молдовы через колено // ПолитНавигатор. URL: <https://www.politnavigator.net/sandu-i-majjdanshiki-lomayut-centrizbirkom-moldovy-cherez-koleno.html>.
13. CEC a totalizat rezultatele alegerilor parlamentare anticipate din 11 iulie 2021 // Pagina oficială Comisia Electorală Centrală a Republicii Moldova. URL:

- https://a.cec.md/ro/cec-a-totalizat-rezultatele-alegerilor-parlamentare-anticipate-din-11-2781_99930.html.
14. Procese verbale scanate Rezultate alegeri Alegeri parlamentare 11 Iulie 2021 // Pagina oficială Comisia Electorală Centrală a Republicii Moldova. URL: [https://a.cec.md/storage/ckfinder/files/38_Externe%20PV%20Scanate%20\(1\)-merged.pdf](https://a.cec.md/storage/ckfinder/files/38_Externe%20PV%20Scanate%20(1)-merged.pdf).
 15. Туровский Р. Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 138–156.
 16. Журавлев А. Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс: дис\...канд. геогр. наук. СПб., 1993. 250 с.

EXTERNAL VOTING: THE GEOPOLITICAL DIMENSION (ON THE CASE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA)

Amburtsev R.A.^{1,2}

Andreev M.V.^{1,3}

¹ International Institute for Monitoring the Development of Democracy,
Parliamentarism and Observance of Voting Rights of Citizens of the IPA
CIS, St. Petersburg, Russia

²Sankt-Petersburgskiy gosdarsnyy ekonomichiy university, Saint
Petersburg, Rossiya

³ Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Rossiya

The article examines the features of external voting in election in the Republic of Moldova during 2019–2022. Examined migration trends, the level of the Moldovan diaspora involvement in presidential and parliamentary elections, and their results, the authors identify the role of external voting in forming of Moldavian political institutes.

Key words: external voting, elections, the Republic of Moldova, geopolitics, electoral culture.

УКРЕПЛЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ СИНХРОНИЗАЦИЮ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОГО КОМПОНЕНТА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА, ОДКБ, СНГ

Лешенюк О. Н.¹

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

Предотвращение вмешательства во внутренние электоральные дела государств, соблюдение принципа невмешательства, сохранение лидирующей роли Устава ООН в международных делах — основные задачи обеспечения электорального суверенитета и национальной безопасности для современных государств. Автор статьи рассматривает данные вопросы сквозь призму синхронизации межпарламентского компонента Союзного государства, ОДКБ, СНГ. Предлагается обеспечить слаженную координацию подходов к развитию сотрудничества в области электоральной безопасности на евразийском пространстве, даются рекомендации по достижению электоральной безопасности для международных наблюдателей. Решение подобных проблем лежит в необходимости эффективного обмена информацией между интеграционными объединениями. Отмечается необходимость совершенствования законодательной базы для обеспечения гарантий свободы и самостоятельности выбора гражданам, их защиты от попыток влияния и давления извне.

Ключевые слова: электоральная безопасность, электоральный суверенитет, координация подходов, Союзное государство, ОДКБ, СНГ.

Вопросы электорального суверенитета в настоящее время приобретают все большую актуальность, притягивая внимание экспертов и рядовых граждан. Основной из задач начала 21 века является предотвращение вмешательства во внутренние электоральные дела государств, соблюдение принципа невмешательства, сохранение лидирующей роли Устава ООН в международных делах.

Так называемый «свободный западный мир» не раз был публично замечен в интервенциях в дела других государств при посредничестве как международных организаций, так и негосударственных некоммерческих образований. Под эгидой демократии, свободы, независимости, зачастую продвигаются различного рода стереотипы, лоббируются интересы определенных акторов, навязываются шаблоны поведения,

диктуются правила игры на международной арене и т.д. Исключением не стала и сфера, связанная с участием граждан в выборах и референдумах. Актуальность данной статьи вызвана необходимостью изучения избирательных процессов сквозь призму обеспечения принципа безопасности. В соответствии с этим принципом электоральный суверенитет стоит рассматривать в широком смысле: как обеспечение безопасности избирателей и организаторов выборов и гарантии информационной безопасности избирательного процесса. На наш взгляд, следует подчеркнуть, что все сферы общественной жизни в ходе выборов должны подвергаться гарантиям защищенности, именно это реализует принцип безопасности и обеспечение электорального суверенитета государств. В условиях расширяющегося за счет интернета коммуникативно-информационного пространства, бесконтрольности информационных потоков, невозможности фильтрации фейковой информации под внешнюю угрозу попадают сложные коммуникационные сети, затрагивающие сегодня как организаторов выборов и избирателей, так и соцсети, СМИ, международные организации, национальных и международных наблюдателей.

В соответствии с одним из основных документов ОБСЕ (Копенгагенским документом ОБСЕ 1990 г.) европейские государства приняли обязательства «гарантировать всеобщность и равенство избирательного права и обеспечить возможность проведения предвыборных кампаний в атмосфере свободы и равенства». В документе говорится и о «воле народа, представляющей собой основу власти и законности любого правительства» [1]. Подчеркивается важность свободно установленного путем волеизъявления народа от деятельности отдельных лиц, групп или организаций демократического порядка, недопустимость терроризма и насилия, направленных на свержение этого порядка или такого порядка в другом государстве-участнике. Тем не менее ни один документ не гарантирует электоральную безопасность от воздействия мягкой или жесткой силой на волеизъявление народа. В свою очередь развитие цифровых технологий позволяет получить доступ непосредственно к потребителю информации, что открывает возможности для осуществления попыток дискредитации власти определенного государства. Подобное противоречие между юридически закрепленным 8 пунктом о невмешательстве наблюдателей в избирательный процесс копенгагенского документа и реальными действиями Европы, демонстрирует кризис ОБСЕ, который послужит толчком к развитию возможностей евразийских интеграционных объединений [2].

Зачастую попытки дискредитации официальной власти начинаются задолго до выборов и носят долговременный характер. Примером вмешательства во внутренние дела государства стала предвыборная и выборная кампания президента Республики Беларусь в 2020 году, в ходе которой была предпринята попытка государственного переворота. Работа с населением страны была организована как иностранными агентами влияния (канал NEXTA и другие), так и представителями оппозиции, открыто призывающих гражданское население к митингам и массовым беспорядкам. Спустя 2 года после этих событий белорусская оппозиция продолжает вести «подрывную» деятельность с территорий западных государств, получая финансовые дотации и различного рода поддержку от европейских партнеров. Их деятельность выражается в призывах к новым более жестким санкционным мерам в отношении своей страны, проводится работа с общественным мнением как среди членов многочисленной белорусской диаспоры, так и среди европейцев: полностью дискредитируется имидж страны в международных кругах, создаются так называемые «народные посольства», получающие признание Запада, однако не имеющие ничего общего с Родиной. Подобная деятельность призвана подорвать государственность страны, патриотизм населения и тем самым завоевать лояльность лидеров коллективного Запада. Как известно, президентские выборы 2020 года в очередной раз не получили признания со стороны стран коллективного Запада, более того наши партнеры ведут активное взаимодействие с альтернативными силами, не говоря уже о многократных попытках публичной и агрессивной демонстрации своего пренебрежения, выражающейся в том числе и в замене официального Государственного Флага Республики Беларусь на альтернативный. Примечательно, что в этой деятельности принимают участие и международные организации, и международные наблюдатели БДИПЧ ОБСЕ (которые отказались приехать в страну для мониторинга избирательных процессов). Отдельные функционеры этих организаций оказывали прямые консультативные услуги лицам, подозреваемым в экстремизме, с целью непризнания результатов выборов и дискредитации власти.

В целях обеспечения электоральной безопасности и недопущения подобных случаев Республика Беларусь в феврале 2022 года провела республиканский референдум по внесению изменений и дополнений в Конституцию страны. Изменения вступили в силу и в соответствии с ними будет идти подготовка к будущим выборам, проводится совершенствование законодательной базы. Для обеспечения электоральной безопасности в том числе создан совершенно новый институт Всебело-

русское народное собрание. С учетом нового органа будут сделаны изменения в Избирательном кодексе [3].

Институт наблюдения за выборами также может представлять внешнюю угрозу, становясь прикрытием для вмешательства во внутренние дела и электоральный суверенитет. Примером тому может служить иностранное финансирование общероссийского общественного движения в защиту прав избирателей «Голос» в России, созданное для попытки дискредитации голосования и его результатов (включен в перечень СМИ-агентов) [4]. Для обеспечения электоральной безопасности, к примеру, национальные органы при содействии наблюдателей МПА СНГ обязаны проконтролировать недопустимость злоупотребления свободой массовой информации при проведении агитационной деятельности, а также обеспечить безопасность самих наблюдателей.

Запрос на координацию совместной деятельности различных стран становится все более актуальным по всем направлениям. После попыток государственного переворота в Казахстане в январе 2022 года, предложена идея введения статуса «координирующего государства» в рамках ОДКБ. Это демонстрирует заинтересованность и необходимость усиления координационной работы в данной международной организации, что позволит оперативно реагировать на возникающие и стремительно развивающиеся кризисы. Данное решение созревало постепенно, так как координация действий международной организации позволяет ускорить процессы принятия решений. Внесение этого вопроса на рассмотрение мотивировано позитивным опытом применения миротворческих сил ОДКБ в Казахстане в начале 2022 года для предотвращения государственного переворота, подогреваемого извне. Так, вопросы электоральной безопасности также могут быть отнесены к сфере компетенции ОДКБ и решаться коллективно.

Подобные примеры говорят о потребности в обеспечении координации в том числе и электоральной деятельности на уровне интеграционных структур на постсоветском пространстве. В условиях роста угроз и вызовов для электорального суверенитета необходимо расширять и полномочия этих структур.

На сегодняшний день на евразийском пространстве функционирует целый комплекс интеграционных объединений: Союзное государство, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ. Евразийские интеграционные объединения успешно работают на многих направлениях: мониторинговая деятельность СНГ, координация военно-политических и миротворческих действий в рамках ОДКБ, программы Союзного государства, призванные к укреплению интеграции Беларуси и России. Электоральная безопасность

государств—это то направление, которое еще не охвачено вниманием интеграционных организаций. Межгосударственная координация электоральных процессов вполне позволила бы создать базу для противостояния западным «демократическим» ценностям, которые идут вразрез с традиционными. Как правило, Евразийскому союзу отдается роль координации экономической интеграции, СНГ—роль сближения законодательств и мониторинга, Союзному государству—координации военно-политических и внешнеэкономических позиций. В некоторых случаях, таких как с договором об экономическом союзе и договором СНГ о зоне свободной торговли, региональные организации работают в одной тематической нише, то есть взаимодополняют друг друга. Координация на уровне межпарламентского компонента региональных организаций в направлении обеспечения электоральной безопасности позволит усовершенствовать подходы к организации, проведению и мониторингу выборных процессов, избегая при этом дублирования полномочий, объединяя интеграционный потенциал.

Кроме того, возможно, закрепить такую координацию на нормативном уровне и создать специальные институциональные структуры, гарантирующие выполнение принятых договоренностей. Подобная координация заложена в «Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденной Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11 декабря 2020 года. Такой документ мог бы сроиться на принципах организации электоральных кампаний и осуществления международного мониторинга выборов любого уровня: принцип уважения национального суверенитета, открытости; универсальности; взаимности; профессионализма; беспристрастности; оказания действенной помощи; законности; безопасности.

Во время электоральной кампании 2020 в Беларуси наблюдатели от СНГ помимо выполнения основных функций следили и за выполнением антиковидных мер на участках для голосования, хотя соответствующего методологического документа принято не было. Это говорит не только о расширении полномочий интеграционных объединений, но, и о недостаточном регламенте организационной деятельности. Задачи расширяются, формы международного взаимодействия становятся более сложными. Решение подобных проблем лежит в необходимости эффективного осуществления постоянного обмена информацией между интеграционными объединениями в целях координации действий в том числе и в области электоральной безопасности.

Подводя итог стоит отметить, что необходимо совершенствовать законодательство таким образом, чтобы гарантировать гражданам сво-

боду и самостоятельность выбора, а именно защитить их от любых попыток влияния извне. В глобальном мире такую проблему решить непросто, потребуется много усилий для обеспечения разумной координации в целях соблюдения принципа ООН о невмешательстве во внутренние дела суверенных государств [5]. Однако, налаживание коммуникации между структурами евразийской интеграции позволит отстаивать интересы интеграционных объединений постсоветского пространства на международных площадках: придание статуса наблюдателя в Совете Европы для Союзного государства, в системе ООН для Евразийского союза, мониторинг со стороны СНГ за рубежом и т.д. Поэтому необходимо обеспечить координацию подходов к развитию сотрудничества в области электоральной безопасности на евразийском пространстве. Стоит проанализировать деятельность института международных наблюдателей, а именно оценить общую ситуацию с безопасностью выборов, каким образом обеспечивается безопасность процессов регистрации партий или кандидатов, а также мероприятий предвыборной кампании. В этом ключе стоит обсудить повышение информированности служб безопасности относительно сложных форм международного сотрудничества, сложной информационной связи между государствами и международными организациями, их содействие или препятствование проведению избирательных мероприятий. Институт наблюдателей, координируемый на интеграционном уровне, должен осуществлять наблюдение не только за обеспечением безопасности в день голосования и при подсчете голосов, но и изучать аспекты подготовки и обучения международных наблюдателей вопросам электоральной безопасности, осуществлять мониторинг вопросов координации действий органов, отвечающих за проведение выборов, исследовать публикации в СМИ на предмет возможных проблем, касающихся восприятия обществом выборных процессов. Все это под эгидой общей координации позволит синхронизировать наблюдение за электоральными кампаниями на евразийском пространстве.

Список источников и литературы

1. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ / ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304> (дата обращения: 07.04.2022)
2. Бояшов А. С. Что стоит за отказом ОБСЕ наблюдать за белорусскими выборами / Евразия. Эксперт. 27.07.2020. URL: https://eurasia.expert/chto-stoit-za-otkazom-obse-nablyudat-za-belorusskimi-vyborami/?sphrase_id=43456 (дата обращения: 07.04.2022)

3. Карпенко: до выборов нужно унифицировать систему и схему проведения электоральной кампании / БЕЛТА. 24.03.2022. URL: <https://www.belta.by/society/view/karpenko-do-vyborov-nuzhno-unifitsirovat-sistemu-i-shemu-provedeniija-elektoralnoj-kampanii-492238-2022/> (дата обращения: 07.04.2022)
4. Россия не допустит вмешательства в свой электоральный суверенитет / СенатИнформ. URL: https://senatinform.ru/news/rossiya_ne_dopustit_vmeshatelstva_v_svoy_elektoralnyu_suverenitet/ (дата обращения: 07.04.2022)
5. Климов А. Электоральный Суверенитет / Известия. 29.09.2017. URL: <https://iz.ru/650692/andrei-klimov/elektoralnyi-suverenitet> (дата обращения: 10.04.2022)

STRENGTHENING ELECTORAL SECURITY BY MEANS OF SYNCHRONIZATION OF THE INTER- PARLIAMENTARY COMPONENT OF THE UNION STATE, CSTO, CIS

Leshenyuk O. N.¹

¹Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

Preventing interference in the internal electoral affairs of states, observing the principle of non-interference, maintaining the leading role of the UN Charter in international affairs are the main tasks of ensuring electoral sovereignty and national security for modern states. The author of the article considers these issues via the prism of synchronization of the inter-parliamentary component of the Union State, the CSTO, the CIS. It is proposed to ensure well-coordinated approaches to the development of cooperation in the field of electoral security in the Eurasian space. Recommendations to achieve electoral security for international observers are given. The solution to such problems lies in the need for an effective exchange of information between integration associations. The need to improve the legislative framework is noted to ensure guarantees of freedom and independence of choice for citizens, their protection from attempts of influence and pressure from outside.

Keywords: electoral security, electoral sovereignty, coordination of approaches, Union State, CSTO, CIS.

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МЕЖДУ РЕГИОНАМИ (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2004–2010 ГГ.)

Черкашин К. В.¹

¹Донецкий национальный университет,
Донецкая Народная Республика

В статье приводятся доказательства существования стабильной пропорциональности электоральной поддержки между регионами страны. В качестве примера взяты итоги трёх туров президентских выборов 2004 и 2010 годов (тех, результаты которых серьёзно не оспаривались сторонами) по десяти регионам Юго-Востока бывшей Украины. Отмечено, что, несмотря на определённые изменения степени поддержки (общих и средних значений, размаха), постоянной между регионами остаётся пропорциональность особого рода. При этом такая пропорциональность отличается от той, которая фиксируется на микрогеографическом уровне. Соответственно и на уровне регионов можно говорить об определённой «норме» поддержки или отклонениях от неё. Стабильность структуры электоральной популярности может объясняться совокупностью факторов, основные из которых, пожалуй, следующие: устойчивость социально-экономического и этно-культурного состава территорий, единство информационного пространства и участников избирательного процесса. В статье широко используются сравнительные методы анализа статистики итогов голосований.

Ключевые слова: электоральная география, поведение избирателей, электоральное поведение, выборы, голосования, регионы.

Одна из наибольших проблем в современной электоральной географии — это точность вычислений. А вернее — проблема точного количественного выражения фиксируемых особенностей и закономерностей. Например, часто имеет место такая картина, когда регионы какой-то страны имеют ярко выраженные особенности электоральных предпочтений населения, повторяющиеся от выборов к выборам годами и десятилетиями. Это в своё время отмечал ещё основоположник электоральной географии Андре Зигфрид, проанализировавший статистику итогов выборов западной Франции за тридцать лет, и которому приписывают высказывание о том, что «гранит голосует за правых, а меловые породы — за левых» [1, с. 24]. Из близких в этом отношении к нам примеров — на территории бывшей Украины до 2014 года (а, в значитель-

ной мере, и сейчас) выделялись прозападные и пророссийские регионы (последние — Юго-Восток страны или Новороссия). Но, одна из наибольших проблем здесь — стабильны ли фиксируемые электоральные особенности территорий в точном количественном выражении? Можно ли сказать, что на каких-то выборах избиратели определённого региона поддержали традиционно популярную здесь силу сильнее, чем должны бы были? Существует ли такая более-менее точно выводимая «норма»?

Есть мнение, согласно которому такой нормы не существует и не может существовать, т.к. мы имеем дело не с физическими, а с социальными «законами». На социальные объекты действует очень большое количество факторов. И в разное время эти факторы влияют в различных объёмах и комбинациях. В результате чего тенденции остаются, но они не имеют фиксированного и универсального количественного выражения. (Хорошо проблема слабой изученности закономерностей/норм электорального поведения затронута в работе Н. В. Гришина [2]).

Однако есть и противоположная точка зрения, в соответствии с которой фиксируются чёткие математические закономерности наблюдаемых электоральных процессов, в частности уровня поддержки тех или иных политических сил. Пожалуй, самый известный, можно даже сказать, самый популярный на постсоветском пространстве в этом отношении пример — так называемый «метод Шпилькина» [3]. Согласно последнему уровень избирательной активности и число голосов полученных политическими силами тесно связаны между собой и, в случае отсутствия серьёзных фальсификаций итогов голосований, должны образовывать кривую нормального распределения — так называемый «колокол Гаусса». Подобная методика ещё в середине 1990-х годов была создана исследователями А. Собяниным и В. Суховольским [4]. Оригинальные собственные методы анализа и выявленные закономерности электорального поведения представляли и многие другие исследователи [5–8]. Эффективность многих из заявленных методов спорна, хотя две первые выше названные методики скорее являются работающими, но требующими дополнительных теоретических обоснований [6–7, 9].

Подобная методика для микрогеографического уровня (избирательные участки, административно-территориальные единицы) была предложена и нами. С подробным её описанием можно ознакомиться здесь [10–11]. Суть её — стабильная пропорциональность электоральной поддержки между территориями от голосования к голосованию. Могут быть выведены устойчивые коэффициенты соответствия показателей популярности между территориями, а отклонения от них будут свидетельствовать о подтасовках или очень успешной агитации на местах,

т. е. о смещении от ранее упоминавшейся здесь нормы.

На прошлогодней конференции «Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность» (СПбГУ, 2021), в рамках обсуждения этой представляемой методики, доцентом А. С. Титковым был задан вопрос о её применимости для анализа на уровне регионов. В ответе было указано, что методика была создана в рамках микрогеографического анализа и она не применима для исследования данных более высокого уровня агрегирования. Однако вопрос действия выявленных закономерностей на уровне регионов во многом остался открытым, и в рамках этой работы будет сделана попытка ответа на него.

В качестве эмпирической базы исследования были взяты результаты трёх туров президентских выборов 2004 и 2010 годов по десяти регионам Юго-Востока Украины (Новороссии) [12]. Именно эти голосования были выбраны из-за признания их итогов достоверными, фактически, всеми сторонами. Юго-Восток же был выбран как единый в электроном отношении макрорегион, на территории которого побеждали политические силы «евразийской» или «пророссийской» политической направленности. В кавычки эти слова взяты из-за того, что население макрорегиона на самом деле поддерживало программу тесной интеграции с Россией, но политические силы, шедшие под пророссийскими лозунгами, зачастую только использовали эти идеи на выборах, но не собирались их реализовывать на практике.

На рисунке 1 регионы Новороссии ранжированы по степени поддержки «евразийских» / «пророссийских» политических сил по убыванию. Основа ранжирования — второй тур президентских выборов-2010, как самое последнее по времени голосование.

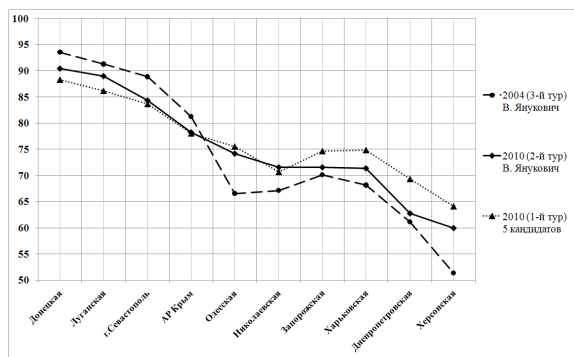

Рис. 1. Поддержка «пророссийских» кандидатов по регионам Юго-Востока Украины на президентских выборах 2004–2010 гг. (в %)

Из рисунка видно, что порядок регионов по степени поддержки «евразийских» политических сил в целом оставался стабильным. Максимальной популярностью была в Донбассе и Крыму, минимальной — в Херсонской и Днепропетровской областях. Однако степень кривизны графика была разной: наиболее «пологими», мало отличающимися друг от друга, были показатели первого тура президентских выборов-2010. Здесь размах (разница между максимальным и минимальным значениями по регионам) составил 24,17%. Итоги второго тура выборов-2010 имеют уже большую степень кривизны — 30,46%. Максимально же были дифференцированы, отличались друг от друга — показатели «третьего» тура президентских выборов-2004 — размах — 42,22%. При этом общие и средние показатели «евразийцев» по всему Юго-Востоку на этих трёх голосованиях примерно одинаковы (с некоторой тенденцией к понижению с ростом дифференциации — из-за того, что большинство (шесть) регионов расположены ниже «поворотной оси», пролегающей между АР Крым и Одесской областью):

Таблица 1

Показатели поддержки «пророссийских» кандидатов по 10 регионам Юго-Востока Украины на президентских выборах 2004–2010 гг. (в %)

Год (тур)	Общее	Среднее	Медиана	Размах
2010 (1)	77,87	75,17	76,53	24,17
2010 (2)	76,95	72,84	75,32	30,46
2004 (3)	76,40	69,13	73,93	42,22

Вроде бы последовательность регионов одинаковая, это же касается общих и средних значений, а размах и показатели по конкретным территориям — разные. Но нет ли здесь какой-то общей закономерности объединяющей все эти три голосования (графика)? При внимательном рассмотрении этих трёх случаев — такая общая тенденция/закономерность наблюдается. Неизменными остаются отношения по разностям.

Формула расчётов будет иметь следующий вид:

$$c_{ijk} = \frac{D_i - D_k}{D_i - D_j}, \quad i, j, k \in \{1, \dots, n\}, \quad i \neq j, i \neq k, j \neq k,$$

где, — процент поддержки доминирующих (пророссийских) сил по регионам.

Расчёты же производятся таким образом. В качестве примера возьмём два максимально друг от друга отличающихся по кривизне графи-

ков голосованиях — выборы 2010 (1-й тур) и 2004 (3-й тур). А на этих голосованиях — три первых по порядку региона, для которых были характерны максимальные показатели поддержки пророссийских сил: Донецкую и Луганскую области, а также город Севастополь (имевший специальный статус в составе Украины, наряду с Киевом). В первом туре президентских выборов 2010 года пророссийские силы по этим трём территориям получили соответственно: 88,32 %, 86,13 % и 83,64 %. Разность показателей между Донецкой и Луганской областями составила 2,19 %, а разность между Донецкой областью и Севастополем — 4,68 %. Если показатель первой разности (2,19 %) принять за 100 %, то вторая разность (4,68 %) составит 214 % от неё. В третьем туре президентских выборов-2004 по этим регионам показатели были соответственно: 93,54 %, 91,24 % и 88,83 %. При подобных расчётах отношений по разностям конечный показатель составит 205 %. То есть, показатели весьма близкие, сопоставимые, несмотря на отличия общих процентных значений по регионам и степени кривизны графиков за разные годы.

Подобные расчёты необходимо провести по всем возможным парам значений и их отношениям, а после этого найти те регионы, которые по таким отношениям по разностям совпадают в наибольшей степени. То есть, исключить выбросы и оставить только «опорные точки», от которых потом и будет производиться «восстановление» показателей по всем территориям.

Если отбросить имеющиеся на каждом из голосований отклонения по отдельным регионам, то «очищенные» значения по трём рассматриваемым волеизъявлениям будут иметь следующий вид:

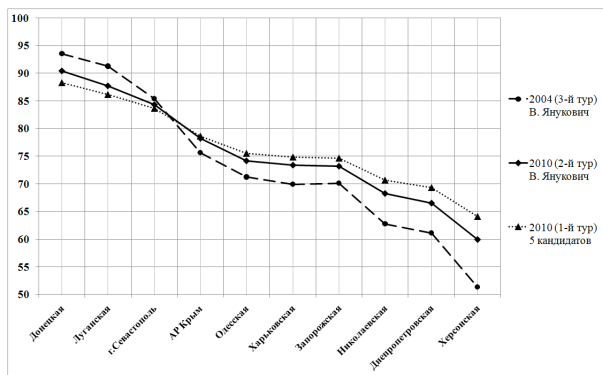

Рис. 2. Моделирование поддержки «пророссийских» кандидатов по регионам Юго-Востока Украины на президентских выборах 2004–2010 гг. после исключения явных выбросов (в %)

В целом картина примерно та же что и на рис. 1. По сравнению с прошлым рисунком здесь поменялась последовательность двух областей (Харьковской и Николаевской), а также «ось пересечения» графиков несколько сдвинулась — была ниже АР Крым, а стала выше.

Как же объяснить проявляющуюся закономерность, пропорциональность показателей по регионам именно такого рода? Интерпретация может быть следующей. В целом общественные настроения от выборов к выборам могут претерпевать и претерпевают определённые изменения. Электоральные процессы в каждом из регионов проходят несколько по-разному, по-своему. Но в целом, в масштабах макрорегиона или страны эти трансформации коррелируют между собой. Это происходит в силу совокупности причин — наличия: относительно стабильных социально-экономических и национально-культурных структур территорий, общего информационного пространства, участия в электоральном процессе одних и тех же политических сил и элит и т.д.

Стоит отметить, что закономерности (пропорциональность), проявившиеся на уровне регионов, отличаются от обнаруженных на микрогеографическом уровне (избирательных участков, административно-территориальных единиц) [10–11]. Если на «микроуровне» с ростом показателей поддержки по двум территориям размах сокращался, то на уровне регионов поддержка могла оставаться стабильной, а размах «произвольно» меняться. Поэтому на микроуровне необходимо рассчитывать «вертикальные» коэффициенты, отражающие высокую неизменность соотношений и, дающие очень точные оценки. А на макроуровне (регионов) необходимо рассчитывать «горизонтальные» коэффициенты, также отражающие пропорциональность между территориями, но дающие не такие точные прогнозы. Это отличие на микро- и макроуровнях отражает ход электоральных процессов: высокая степень стабильности соотношений «внутри» территорий, и ход этих процессов «по-своему» в каждом из регионов.

Таким образом, результаты выборов на уровне регионов демонстрируют достаточно высокий уровень преемственности, пропорциональности. И это такая преемственность, которая имеет весьма точное математическое выражение. Уровень поддержки политических сил может меняться, размах показателей также, но «горизонтальная» пропорциональность между регионами сохраняется. Зная итоги прошлых голосований и достоверный результат на новых выборах хотя бы по двум регионам можно «восстановить» / оценить / спрогнозировать итоги этого нового волеизъявления по всем оставшимся территориям. Пропорциональность показателей, наблюдаемая на уровне регионов, отличается от

пропорциональности имеющей место на микрогеографическом уровне: первая характеризует специфичность территорий, а вторая — их неизменность. Причины наблюдаемой пропорциональности можно искать в стабильности социально-экономической и национально-культурной структур территорий, а также в общности информационного пространства и участников электорального процесса.

Список источников и литературы

1. Салмин А. М. Промышленные рабочие Франции: к изучению сдвигов в политическом поведении. СССР. М.: Наука, 1984. 283 с.
2. Гришин Н. В. Аномалии в электоральном поведении // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований. IX Всероссийский семинар Исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. РФ. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. с. 222–226.
3. Сергей Шпилькин // Троицкий вариант — Наука. — URL: <https://trv-science.ru/tag/sergejj-shpilkin> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Собянин А. А., Суховольский В. Г. Демократия ограниченная фальсификациями. Выборы и референдумы в России в 1991–1993 годах. РФ. М., 1995. 268 с.
5. Войтенко В. П. Математична експертиза аномалій у виборчих протоколах. Україна, К. 1999. 21 с.
6. Бузин А. Ю., Гришин Н. В., Калинин К. О., Коган Д. Л., Коргунюк Ю. Г., Михайлов В. В., Овчинников Б. В., Шалаев Н. Е., Шень А. Х., Шпилькин С. А., Шукшин И. А. Возможности математических методов по выявлению электоральных фальсификаций // Электоральная политика. РФ. 2020. № 2 (4).
7. Шалаев Н. Е. Электоральные аномалии в постсоциалистическом пространстве: опыт статистического анализа. Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. РФ. СПб., 2017. 191 с.
8. Бузин А. Ю. Модификация метода Собянина-Суховольского // Электоральная политика. РФ. 2019. № 1.
9. Черкашин К. В. Эффективность «метода Шпилькина» для анализа итогов голосований // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17–18 ноября 2020 г.). ДНР. Том 7. 2020. с. 317–320.
10. Черкашин К. В. Пропорциональность электоральной поддержки между территориями и восстановление итогов голосований // Вестник Московского университета. РФ. Серия 12. Политические науки. 2021. № 1. с. 70–88.
11. Черкашин К. В. Система отсчёта при углублённом анализе итогов голо-

сований по территориям // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург, СПбГУ. 8–9 апреля 2021 / РФ, 2021. с. 561–570.

12. Офіційний веб-сервер ЦВК України. URL: www.cvk.gov.ua

PROPORTIONALITY OF ELECTORAL SUPPORT BETWEEN REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE SOUTH-EAST OF UKRAINE IN THE PRESIDENTIAL ELECTIONS OF 2004–2010)

Cherkashin K. V. ¹

¹Donetsk National University,
Donetsk People's Republic

The article provides evidence of the existence of a stable proportionality of electoral support between the regions of the country. As an example, the results of three rounds of presidential elections in 2004 and 2010 (those whose results were not seriously disputed by the parties) in ten regions of the South-East of the former Ukraine are taken. It is noted that, despite certain changes in the degree of support (general and average values, range), a special kind of proportionality remains constant between the regions. At the same time, such proportionality differs from that which is fixed at the microgeographical level. Accordingly, at the regional level, we can talk about a certain “norm” of support or deviations from it. The stability of the structure of electoral popularity can be explained by a combination of factors, the main of which, perhaps, are the following: the stability of the socio-economic and ethno-cultural composition of the territories, the unity of the information space and the participants in the electoral process. The article widely uses comparative methods for analyzing the statistics of voting results.

Key words: electoral geography, voter behavior, electoral behavior, elections, voting, regions.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ИТАЛЬЯНЦЕВ НА ВЫБОРАХ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Барабанова Е. М.¹

¹Санкт-Петербургский Государственный Университет,
Санкт-Петербург, Россия

В настоящей статье автором были проанализированы электоральные циклы 1979, 1983–84, 1994, 2008–2009 и 2018–2019 гг. в Италии (нижняя палата национального парламента и Европейский парламента) с целью определения паттернов, характеризующих особенности электоральных предпочтений населения Италии. Предполагается, что особенности избирательных предпочтений, выявленные на основании проведенного анализа, позволят сделать выводы о положении «европейского вопроса» в итальянской политической жизни.

Ключевые слова: электоральные предпочтения, выборы, Палата депутатов Италии, Европейский парламента, «европейский вопрос», электоральные циклы, политические партии.

Проблематика европейской интеграции, включая ее расширение и качественное углубление, является весьма актуальной для Италии на современном этапе.

Целью настоящего исследования является определение паттернов, характеризующих особенности электоральных предпочтений населения Италии на выборах в национальный парламента и Европейский парламента. Предполагается, что выявленные особенности электоральных предпочтений позволят сделать выводы о положении «европейского вопроса» в общей конъюнктуре итальянской политики.

В соответствии с обозначенной концепцией исследования были определены электоральные циклы, результаты которых будут использоваться в настоящей статье: выборы в Итальянский парламента 1979 года в паре с выборами в Европейский парламента 1979 года; выборы в Итальянский парламента 1983 года в паре с выборами в Европейский парламента 1984 года; выборы в Итальянский парламента 1994 года в паре с выборами в Европейский парламента 1994 года; выборы в Итальянский парламента 2008 года в паре с выборами в Европейский парламента 2009 года; выборы в Итальянский парламента 2013 года в паре с выборами

ми в Европейский парламент 2014 года; выборы в Итальянский парламент 2018 года в паре с выборами в Европейский парламент 2019 года.

Данный выбор обусловлен относительно несущественным временным разрывом между национальными и европейскими выборами (1 год или меньше), что позволяет, с определенной долей вероятности, исключить возможность воздействия уровня удовлетворенности или неудовлетворенности населения Италии избранным национальным правительством на результаты последующих европейских выборов.

1979 год стал первой исследуемой датой выборов, поскольку в этом году прошли первые всеобщие выборы в Европейский парламент.

Избирательная система Итальянской Республики

Примечательно, что на протяжении рассматриваемого периода (1979–2019) в Италии было осуществлено четыре реформы избирательной системы.

С 1997 по 1993 год в Итальянской Республике использовалась пропорциональная избирательная система, в рамках которой избиратели голосовали по закрытым партийным спискам [1].

В 1993 с принятием закона Матарелла избирательная система была реформирована: вместо пропорциональной системы была внедрена смешанная, в рамках которой в административных округах избиратели голосовали по закрытым партийным спискам, а в одномандатных округах — за отдельных кандидатов по мажоритарной системе [1].

В 2005 году избирательная система вновь была заменена на систему пропорционального представительства. Нововведение представляло правило, согласно которому партия или коалиция, получившая большинство голосов, но менее 340 мест в парламенте, получала дополнительные места для достижения 55 % [1].

Наконец, в 2017 году был принят ныне действующий закон «Розателлум», внедривший смешанную избирательную систему, в рамках которой 36 % депутатов в нижнюю палату парламента избираются в одномандатных округах по мажоритарной системе относительного большинства, а 64 % депутатов избираются в многомандатных округах по пропорциональной системе [1].

Электоральная система для выборов в Европейский парламент

Законодательство каждого национального государства — члена Европейского Союза самостоятельно определяет, какая система

должна применяться для выборов в Европейский парламент в данном государстве.

В Италии используется смешанная система, сочетающая систему пропорционального голосования по закрытым партийным спискам в сочетании с голосованием за индивидуальных кандидатов в одномандатных округах [2].

Таким образом, на протяжении исследуемого периода для выборов в национальный и европейский парламент в Италии применялись различные системы. В связи с этим необходимо определиться с тем, какие электоральные показатели будут сопоставляться для проведения основной части исследования.

Основным параметром, сравнительный анализ которого будет проводиться в исследовании, является процент голосов, отданный за ту или иную партию в рамках 1) выборов в итальянскую Палату депутатов) 2) в Европейский парламент.

В случае необходимости нами также будут проанализированы иные показатели, такие как явка на выборах; количество голосов, отданное за ту или иную партию; взгляды населения в социологических опросах и т.д.

Электоральный цикл 1979 г.

На выборах в Палату депутатов Италии, прошедших 3 июня 1979 года, победу одержала христианско-демократическая партия Италии, получившая 38,3 % голосов [3]. На втором месте расположилась коммунистическая партия Италии с 30,38 % голосов [3]. Третьей оказалась итальянская социалистическая партия с 9,81 % голосов [3].

В свою очередь, на выборах в Европейский парламент, прошедших 13 июня, первое место, аналогично выборам в палату депутатов, заняла Христианско-демократическая партия, набравшая схожий с национальными выборами процент (36,45 %) голосов [4]. Второе место получила Коммунистическая партия Италии, набравшая 29,57 % [4]. На третьем месте расположилась Социалистическая партия Италии, получившая 11,03 % голосов избирателей [4]. Таким образом, можно констатировать, что итогом электорального цикла 1979 года стало совпадение результатов первых трех партий на выборах в Палату депутатов и Европейский парламент.

Электоральный цикл 1983–1984 гг.

Проведенный сравнительный анализ позволяет утверждать, расположение первых трех партий на выборах 1983 не претерпело изменений

с момента проведения выборов в 1979: на первом месте вновь оказалась Христианско-демократическая партия Италии (32,93 %) [3], на втором — Коммунистическая партия (29,89 %) [3], на третьем — Социалистическая партия (11,44 %) [3].

Примечательно, что электоральные предпочтения сохранились в неизменном виде и на выборах в Европейский парламент: Христианско-демократическая партия вновь одержала победу, набрав 33,33 % голосов [4], Коммунистическая партия осталась второй с 32,96 % голосов [4], Социалистическая партия осталась третьей с 11,21 % голосов [4]. Таким образом, тенденция, при которой результаты выборов в национальный парламент можно экстраполировать на результаты выборов в Европейский парламент, для электорального цикла 1983–1984 годов сохранилась.

Электоральный цикл 1994 г.

Электоральный цикл 1994 года стал первым избирательным циклом с момента проведения операции «чистые руки» и обновления партийной системы Итальянской республики. Так, вместо доминировавшей с момента окончания Второй мировой войны триады «Христианско-демократическая партия — Коммунистическая партия — Социалистическая партия» на выборах 1994 года в Палату депутатов первые три места получили: альянс «Вперед, Италия!»/«Христианско-демократический центр» (21,01 %) [3], «Левые демократы» (20,36 %) [3] и «Национальный альянс (13,47 %) [3]. В свою очередь, выборов в Европейский парламент принесли уверенную победу партии «Вперед, Италия!», на этот раз выступившей независимо от «Христианско-демократического центра» (30,52 %) [4]. Второе место, как и на выборах в Палату депутатов, заняли «Левые демократы» (19,06 %) [4], третье место осталось за «Национальным альянсом» (12 %) [4].

Отметим, что несмотря на сохранение в 1994 году тенденции, в рамках которой результаты первых трех партий на выборах в национальный парламент сохраняются также и на выборах в Европейский парламент, очевидно резкое увеличение количества голосов, отданных за партию «Вперед, Италия!».

Так, выступив на национальных выборах в альянсе с «Христианско-демократическим центром», партия набрала чуть более 21 % голосов, в то время как выступление в качестве независимой силы на выборах в Европейский парламент принесло партии более 30 % голосов.

Анализ существовавшей на тот момент политической конъюнктуры позволяет выделить несколько причин, обусловивших подобный прирост голосов у партии.

Различия в избирательных системах, используемых для выборов в национальный и Европейский парламент (выборы 1994 года стали первыми выборами, проведенными по новой избирательной системе).

Различия в уровне явки, представленном на выборах в национальный и Европейский парламент (явка на выборах в Палату депутатов превысила 75 % [3], в то время как явка на выборах в Европейский парламент составила приблизительно 56 % [4]). Подобный расклад не позволяет исключать возможность ситуации, при которой более активная предвыборная кампания в рамках европейских выборов наряду с возросшей популярностью «Вперед, Италия!» обусловили существенно большую явку избирателей именно этой партии).

Рост популярности партии «Вперед, Италия!» ввиду становления ее главной партией в образованной правящей коалиции (электоральные предпочтения избирателей могли быть модифицированы в сторону сильнейшей партии из коалиции «Полюс свобод («Вперед, Италия!») / «Христианско-демократический центр», «Национальный альянс», «Лига Севера». При этом, партии «Христианско-демократический центр», «Национальный альянс» и «Лига Севера» потеряли голоса в процентном отношении к результатам на выборах в Палату депутатов. В частности, «Национальный альянс» потерял порядка 1 % голосов (с 13,47 % на национальных выборах до 12,52 % на выборах в европарламент [3,4]); а «Лига Севера» потеряла порядка 1,5 % голосов (с 8,36 % до 6,58 % голосов [3,4]). Высока вероятность того, что на выборах в Европейский парламент, где формирование коалиций наподобие национальных выборов невозможно, избиратели свое предпочтение отдавали ведущей партии в национальной правительственной коалиции.

Электоральный цикл 2008–2009 гг.

На парламентских выборах (Палата депутатов) 2008 года первыми тремя партиями стали: «Народ свобод» (37,38 %) [3], Демократическая партия (33,18 %) [3] и «Лига Севера» (8,3 %) [3]. Примечательно, что на выборах в Европейский парламент уже рассмотренная ранее тенденция сохранилась: первая «тройка» партий осталась неизменной. Так, на европейских выборах 2009 года «Народ свобод» набрала 35,26 % [4], став первой среди участвовавших от Италии партий, Демократическая партия осталась второй, набрав 26 % голосов [4], в то время как «Лига Севера» осталась третьей, набрав 10,2 % голосов [4]. Существенное сокращение поддержки Демократической партии в процентах от избирателей, вероятно, можно обосновать внутренним кризисом в партии, произошедшим еще в феврале 2009 года и продемонстри-

стрированным, в том числе, разгромным поражением на региональных выборах в Сардинии [5] и последовавшей отставкой секретаря партии Вальтера Велтрони [6]. Предположительно, голоса бывших избирателей партии распределились между «Италией ценностей», выступавшей в коалиции с Демократической партией на национальных выборах (на выборах 2008 года в Палату депутатов партия набрала 4,37% [3], в то время как на выборах 2009 года в Европейский парламент — 8% [4]), «Лигой Севера» (улучшившей результат с 8,3% на выборах в Палату депутатов [3] до 10,21% на выборах в Европейский парламент [4]) и «Союзом демократического центра» (улучшившем результат с 5,62% [3] на выборах в Палату депутатов до 6,51% на выборах в Европейский парламент [4]).

Электоральный цикл 2018–2019

Электоральный цикл 2018–2019 гг. стал единственным из всех рассмотренных в рамках настоящего исследования циклом, в рамках которого результаты первых трех партий на выборах в Палату депутатов и в Европейский парламент не совпали, притом, для всех трех партий. Так, на выборах в национальный парламент 2018 года первой стала партия «Движение пяти звезд», набравшая 32,7% голосов [3]. Второе место заняла Демократическая партия с 18,7% голосов [3], в то время как третье место осталось за «Лигой» с 17,4% голосов [3]. Выборы в Европейский парламент, однако, принесли совершенно иные результаты, прежде всего, для «Движения пяти звезд», чьи позиции существенно пошатнулись (22% [4]), и «Лиги», которая набрала значительно больше голосов избирателей с результатом 34% [4]. Анализ электорально-политической конъюнктуры позволяет выделить несколько основных факторов, обусловивших подобные изменения в результатах выборов для трех ведущих партий:

Политический кризис, последовавший за выборами в Палату депутатов, прошедших в 2018 году. Выборы в Палату депутатов 2018 году обернулись ситуацией, при которой правоцентристская коалиция, возглавляемая «Лигой» и включавшая также партии «Вперед, Италия!» и «Братья Италии» суммарно получила 37% голосов [3], в то время как «Движение пяти звезд» получило 32,7% [3]. Таким образом, образовался т.н. «подвешенный парламент», обусловивший необходимость построения правительственной коалиции, в которую в итоге вошли «Движение пяти звезд» и «Лига». Коалиция стала итогом непростых компромиссов, и уже в 2018 году стали очевидны внутренние разногласия в правительстве, которые обернулись правительственным кризисом

и снижением рейтинга «Движения пяти звезд». [7].

Так, «Лига» получила существенную поддержку в традиционно «правых» северных и центральных регионах. Отметим, что превосходство «Лиги» в этих регионах стало кардинальным: в среднем, поддержка на Севере и в Центре Италии составила 38,3% [8]. При этом, поддержка «Движения пяти звезд» в этих регионах в среднем составила 12,6% [8]. Одновременно, существенно упала поддержка «Движения пяти звезд» в Южной и Островной Италии, где преимущественное большинство электората поддержало именно эту партию на выборах в национальный парламент. Не менее важным фактором стал разрыв в уровне явки между северо-центральными и южными регионами Италии. Так, в Северо-западном регионе Италии явка составила 62,67% [8], в Северо-восточном регионе—62,46% [8], в Центральном регионе—58,35% [8]. В то же время явка в Южном регионе составила только 46,46% [8], а в Островной Италии—лишь 34,86% [8]. Наконец, важным фактором стало также и то, что, в отличие от существенного отрыва «Лиги» от «Движения пяти звезд» в северных и центральных регионах, в южных и островных регионах Италии отставание «Лиги» от «Движения пяти звезд» не было столь существенным. Подобный расклад объясняется вторым выявленным нами фактором.

Опросы, проведенные за несколько дней до выборов в европарламент в 2019 году, продемонстрировали, что большинство итальянцев поддерживают, помимо прочего: 1) перераспределение между всеми государствами-членами Европейского Союза общих расходов, связанных с приемом беженцев; 2) возмещение каждому государству-члену Европейского Союза расходы, связанные с приемом беженцев на своей территории; 3) сохранение компетенции отдельных государств-членов в отношении их фискальной политики [9].

«Лига», таким образом, стала популистской силой, воспринимаемой избирателями в качестве способной осуществить общественные запросы, в отношении которых есть обширный консенсус, в том числе, в южных регионах Италии, наиболее затронутых проблемой беженцев.

Наконец, внешняя конъюнктура также способствовала победе «Лиги Севера» на выборах в европарламент в 2019 году: группа правого толка «Идентичность и демократия» получила 73 места [10], а некоторые из партий в данной группе стали одними из крупнейших по числу мест в Европейском парламенте (партия «Брекзит» с 35 местами стала самой крупной партией в парламенте [10], а «Национальное объединение» получило беспрецедентные для себя 22 места [10]).

Выводы

Проведенный анализ избирательных циклов позволил установить наличие тенденции, при которой электоральные предпочтения итальянцев на выборах в национальный и европейский парламент, проходящих с разницей в менее, чем один год, для первых трех партий совпадают.

В частности, данная гипотеза подтвердилась в 4 из 5 рассмотренных электоральных циклов. Исключением стал цикл 2018–2019 года, в рамках которого, как удалось выяснить, существовали объективные условия внутренней и внешней политической конъюнктуры, обусловившие изменение результата выборов в Европейский парламент по сравнению с выборами в Палату депутатов Италии.

Подтверждение выдвинутой нами гипотезы означает, что в Италии избиратели не проводят различий между выборами в национальный и Европейский парламент. Следовательно, вопросы европейской политики представляют для итальянского электората равную значимость с вопросами национальной, итальянской политики. Кроме того, подтверждение выдвинутой гипотезы может свидетельствовать о тесной интегрированности вопросов европейской политики в программы ведущих политических партий и о высокой роли, уделяемой данным вопросам в итальянской политической жизни.

Дальнейшие исследования могут использовать результаты настоящей работы в качестве отправной точки для анализа электоральных циклов с разницей между европейскими и национальными выборами в более, чем один год, на предмет наличия повторяющихся паттернов, которые подтвердят итоги проведенного исследования.

Список источников и литературы

1. Савченко Н. М. Из истории реформы избирательной системы Италии/Известия общества археологии, истории и географии при Казанском университете, Т. 40, № 4, 2020, С. 129–140.
2. Elezione dei membri del Parlamento Europeo spettanti all'Italia/Ministero degli Affari interni. URL: http://www.interno.gov.it/mininterno/export/sites/default/it/assets/files/23/9954_Schede_elezione_PE.pdf
3. Risultati delle elezioni nel camera dei deputati / Archivio del Ministero degli Affari interni. URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&d tel=03/06/1979&es0=S&tpa=I&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tpe=A>
4. Risultati delle elezioni nel Parlamento Europeo / Archivio del Ministero degli Affari interni. URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=E&d tel=10/06/1979&es0=S&tpa=Y&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tpe=A>
5. Elezioni regionali — Sardegna / La repubblica. URL: <https://www.repubblica>.

- [it/speciale/2009/elezioni-regionali/provincia-nuoro.html](http://www.italy.gov.it/speciale/2009/elezioni-regionali/provincia-nuoro.html)
6. Italian opposition leader resigns / BBC news. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7895525.stm>
 7. Senato, il giorno della verità per la Tav e il governo. Al voto la mozione M5S contro l'opera. Salvini evoca la crisi /La repubblica. URL: https://www.repubblica.it/politica/2019/08/07/news/tav_alta_velocita_torino_lione_lega_m5s_matteo_salvini_giuseppe_conte_luigi_di_maio-233007618/
 8. Elezioni Europee/La repubblica. URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpe=E&dtel=26/05/2019&es0=S&tpa=Y&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tpe=A>
 9. Italiani ancora europeisti, ma ormai critici e sfiduciati: il super-sondaggio CISE con 19 domande sull'Europa/CISE. URL: <https://cise.luiss.it/cise/2019/05/09/italiani-ancora-europeisti-ma-ormai-critici-e-sfiduciati-il-super-sondaggio-cise-con-19-domande-sulleuropa/>
 10. European elections (2019). Breakdown by parties and political groups/European parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/breakdown-national-parties-political-group/2019-2024/>

COMPARATIVE ANALYSIS OF ELECTORAL PREFERENCES OF ITALIANS IN THE ELECTIONS TO THE NATIONAL AND EUROPEAN PARLIAMENT

Barabanova E. M.¹,

¹St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

In this article, the author analyzed the electoral cycles of 1979, 1983–84, 1994, 2008–2009 and 2018–2019 in Italy (the lower house of the National Parliament and the European Parliament) in order to determine the peculiarities of electoral preferences of the Italian population. It is assumed that the peculiarities of electoral preferences identified on the basis of the analysis will allow to draw conclusions in regard to the position of the «European issue» in Italian political life.

Keywords: electoral preferences, elections, Italian Chamber of Deputies, European Parliament, «the European issue», electoral cycles, political parties

ГЕОГРАФИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПАЛАТУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯПОНИИ

Осипов К. А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Политическая система Японии продолжает сохранять свои уникальные черты, наследованные из традиционного общества, к которым относится и распределение должностей исходя из родственных связей, где женщинам место обычно не отводилось. Однако вместе с постепенной демократизацией общества и отходом от традиционных ценностей и стереотипов поведения женщины всё чаще оказываются на руководящих должностях, в том числе и в качестве депутатов парламента после выборов. В данной статье рассмотрен вопрос территориальной дифференциации и типологизации женского представительства в Палате представителей Японии в период с 2000 по 2021 годы.

Ключевые слова: Япония, Палата представителей, женское представительство.

Участие женщин в политике: опыт Востока. В настоящее время Япония идёт по демократизации и открытости своей политической системы. Одним из аспектов данных изменений является активное вовлечение женщин к управлению государством. Так в 2018 г. был принят закон, который поощрял женщинам баллотироваться в Парламент, а партиям понуждал в рекомендательной форме выставлять на выборах одинаковое количество лиц обоего пола [с.193]. Этот же закон в 2021 г. был расширен и дополнен положением о недопущении дискриминации женщин, которые хотят совмещать свою политическую деятельность с уходом за детьми [1, с. 144].

Из японских женщин, добившиеся заметных успехов на политическом поприще в последние 10 лет, можно привести Юрико Коикэ, Рэнхо Мурата и Томоми Инада. Мурата стала в 2016 г. первой женщиной председателем крупнейшей оппозиционной Конституционно-Демократической партии (КДП), Инада в 2016–2017 г. занимала пост министра обороны, а Коикэ стала мэром Токио и довела процент женщин-работников в своей администрации до 40 % [2, с. 193]. В октябре 2021 г. впервые на должность премьер-министра Японии стали претендовать женщины: Санаэ Такаити и Сэйко Нода, которые, однако, уступили своё место более традиционно настроенным и влиятельным мужчинам-политикам Фумио Кисида и Таро Коно [6].

Однако пока по-прежнему у женщин не так много возможностей для прихода в политику и удержания власти в ней. В руководстве партий сохраняется традиционная семейно-клановая структура, в которой женщины оказываются зависимыми от традиций и мнения мужчин, даже если они занимают более низкие позиции. Ещё важен тот факт, что в составе Либерально-Демократической партии, которая хотя и является инициатором феминизации политики, женщин оказывается меньше, чем в оппозиционных партиях [2, с. 373]. На 19 министерских должностях лишь две занимают женщины, а в общей сложности на руководящих должностях им отведено максимум до 15 % мест [1, с. 144]. Позиция страны в Глобальном индексе гендерного разрыва (GGI) на 2020 год была на 121 месте из 153 представленных стран, что указывает на то, что гендерное неравенство является серьезной проблемой в Японии. Для сравнения, ОАЭ (120 место) занимают немного более высокое место, соседние Южная Корея, Китай и Сингапур занимают 108, 106 и 54 места соответственно, а США, Великобритания и Канада – 53, 21 и 19 места соответственно [4, с. 11].

Таким образом, можно констатировать, что на данный момент в Японии среди развитых стран степень участия и активность женщин в политике заметно отстаёт не только от США и европейских стран, но даже от своих ближайших соседей.

Методология исследования. Для выявления территориальной дифференциации женского представительства в нижнюю палату Парламента Японии брались данные мажоритарной системы [7] в промежутке между 2003 и 2021 годами в разрезе избирательных округов (сетка с последними изменениями на 2017 год). Каждый факт набора кандидаткой максимального числа голосов, а значит и прохождением в депутаты, считаем за 1 балл. Максимальный балл — 7 (прохождение на всех выборах), минимальный — 0 (никогда не становились депутатами). Каждому баллу соответствует свой цвет шкалы, чем более тёмный оттенок, тем большее количество раз женщина становилась депутатом в Палату представителей. Все данные наносятся на картосхему. В районах Токио и Осаки густота округов становится слишком большой, поэтому для данных городов и их окрестностей приводятся отдельные вырезки-картосхемы. То же самое делается и для Окинавы в виду сильной её удалённости от основной части территории Японии (см. Рисунок 1)

На картосхему наносятся также административные границы крупнейших 30 городов Японии, а также границы крупнейших 30 городских агломераций, границы которых совпадают с выделенными в 2002 г. Й. Канемото и К. Токуокой «городскими зонами занятости» (The Urban Employment Areas (UEAs)), смысл которых состоит в том, что у каждой

зоны есть «ядро» («густонаселённый район») с населением каждого отдельного муниципалитета не менее 50 000 человек, вокруг «ядра» располагаются «полупериферия» и «периферия», в которой не менее 10 % местных жителей ездят каждый день на работу в центр города, а население каждого отдельного муниципалитета находится на промежутке между 10 и 50 тыс. жителей [5, р. 9]. На основе того факта, побеждает ли женщина в избирательном округе, границы которого находятся в административных границах города (учитывается и то, что округ находится в центре города или на его окраине), в пределах «зоны занятости» или не принадлежит двум указанным выше видам, строится типология женского представительства Японии (см. Таблица 1).

Результаты исследования. Можно с уверенностью говорить, что женщины в большинстве случаев проходят в Палату представителей в округах, где намного преобладает или состоит исключительно из городского населения. В сельской местности избиратели более консервативны и больше доверяют кандидату-мужчине, который к тому же чаще всего является членом наследственной династии политиков из ЛДП.

Автором настоящей статьи были выделены три типа избирательных округов, в которых на выборах кандидатки проходят в Палату представителей. К первому принадлежит крупнейшие города и агломерации Японии, где женщины побеждают в округах, располагающиеся между историческим и деловым центром и административной границей города, а также за его пределами, но всё ещё лежащем в пределах «зоны занятости». В этом типе в центре города-миллионника достаточно большое количество кандидатов (до 8–10 вместо среднего по стране 4–5) и более жёсткая конкуренция. Ближе к окраинам и в пригородах конкуренция заметно ослабевает, но всё ещё преобладает городское население, которое более лояльно может отнестись к кандидатке. В данный тип входят города агломерации Большого Токио (23 специальных района Токио, Иокогама, Сайтама, Тиба и др.), Осака, Кобе, Нагоя, Саппоро и Фукуока

В городах с населением более 500 тыс. человек избирательные округа делят округа на 2–3 части (у верхней границы) или же занимают всю её территорию. Выигрывать выборы в таких округах уже не так престижно, как в более крупных городах, поэтому и кандидатов выступает меньше, в результате чего женщина может выиграть выборы и в центре города, и на окраинах. В большинстве таких городов в результате слияний муниципалитетов в середине 2000-х годов административные границы городов стали совпадать с пределами «зон занятости», что могло повлиять на то, что женщины концентрировали на себя большую поддержку и проходили в Парламент даже чаще, чем в пре-

дыдущем типе. Примерами таких городов выступают: Сендай, Ниигата, Хамамацу, Сидзуока, Гифу, Нагасаки и другие.

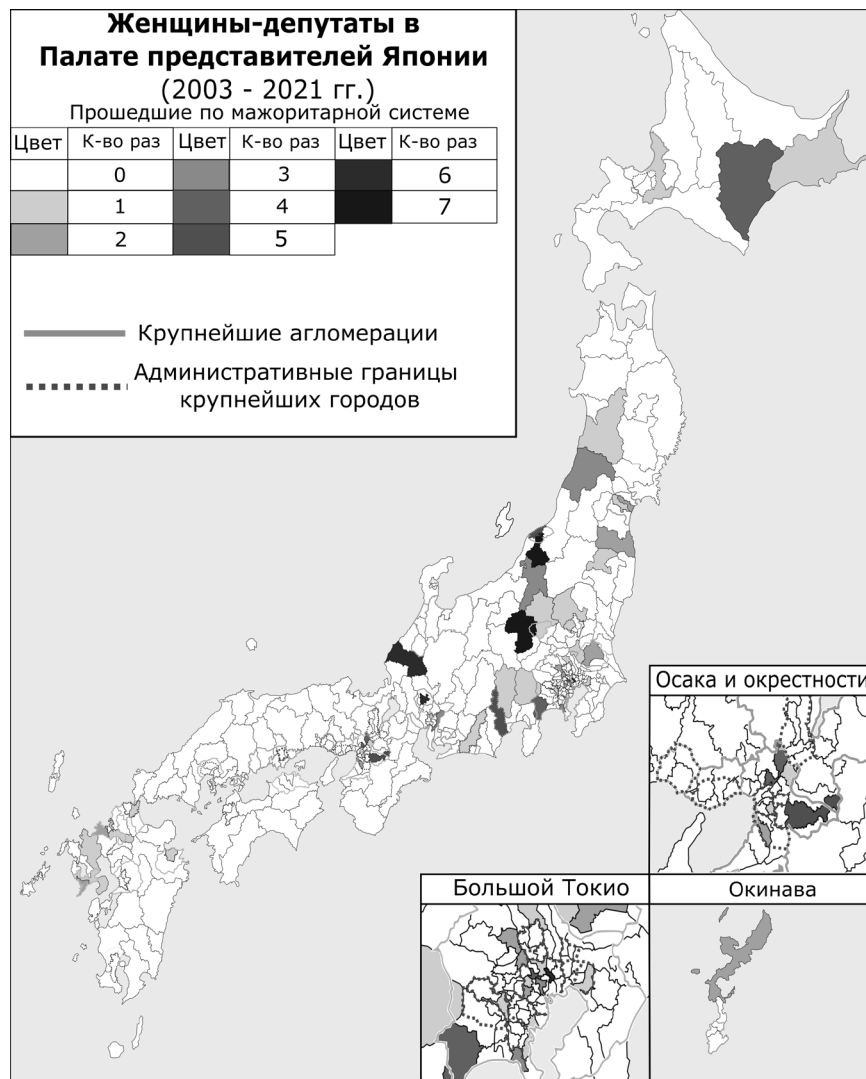

Рис. 1. Прошедшие по мажоритарной системе в Палату представителей Японии женщины-политики (2003–2021 годы) на фоне крупнейших городов и агломераций

В последнем типе население городов не дотягивает до того, чтобы образовывать в своих границах один единый избирательный округ, в результате чего в его состав входят и существенная часть территории с сельским населением. Победа в таких округах возможна для действительно ярких и амбициозных женщин и (или) при активной поддержке двух главных партий Японии: ЛДП и КДП. К данному типу принадлежат и практически все округа, где женщины с 2003 по 2021 годы проходили в Парламент на всех или практически на всех выборах. Примеры: Хоккайдо-11, Ямагата-3, Ниигата-4, Гунма-5, Фукуи-1 и Токусима-2. Ядрами данных округов выступают города Обихиро, Нагаока, Маэбаси, Фукуи, Токусима соответственно. Население данных округов превышает 100 тыс., но не достигает 500 тыс. чел.

Есть достаточно много избирательных округов, где женщины никогда не проходили в нижнюю палату Парламента. Это в первую очередь округа с очень большой долей сельского населения, небольшими городами, в которых консервативное население, которое на выборах предпочтёт наследственного мужского кандидата из ЛДП КДП. Выпадают также городские округа с наибольшей поддержкой коммунистов или Партии инноваций (пример — Киото). В случае Хиросимы сказался и тот фактор, что территория города была поделена несколькими сходящими в центре города крупными избирательными округами, где оказалась высокая доля сельского населения.

Заключение. В целом, участие женщин в японской политике с каждым годом становится всё активнее, хотя на высоких должностях происходит данный процесс несколько заторможенно из-за консервативности политической системы и общества. В территориальной дифференциации женского представительства в нижнюю палату страны прослеживаются определённые закономерности, главным образом связанные с тем, что за женщину-кандидата в городской среде голосуют охотнее, чем в сельской. Первый тип женщин-депутатов принадлежит к округам, расположенные в границах административных границ городов-миллионников, а также примыкающие к ним округа, входящие в «зону занятости» или тяготения крупнейших городов. Второй тип принадлежит к округам, занимающие всю или большую часть территории города с населением более 500 тыс. чел. Третий тип принадлежит к округам, выходящие далеко за пределы городской среды, но имеющие в своём основании ядро с населением более 100 тыс. чел. Дополнительные причины, препятствующие к проходу женщин-политиков в Парламент: сильные позиции традиционных партий, определённая нарезка округов.

Список источников и литературы

1. Колбасеева Д., Хорсун Д. Гендерный фактор в политике азиатских стран на примере Японии // В сборнике: НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В НАШИ ДНИ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Материалы XLIII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 142–147.
2. *Седых Т. С.* Статус женщины в японской политике: история и современность // В сборнике: III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности. материалы Международной научной конференции. 2019. С. 367–375.
3. *Хоршева Е. С.* Феномен женщин-политиков в современной Японии // В сборнике: Актуальные проблемы современности. материалы 13-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир». Ответственный редактор Д. В. Буяров. 2018. С. 192–195.
4. Dalton, Emma. Sexual Harassment in Japanese Politics. Palgrave Macmillan, 2021. 246 p.
5. Kanemoto Y. and Tokuoka K. Proposal for the Standards of Metropolitan Areas of Japan. Journal of Applied Regional Science No.7, 1–15. 2002. (in Japanese)
6. В Японии состоятся выборы лидера правящей партии, который станет и премьер-министром — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12529913> (дата обращения: 11 марта 2022 г.)
7. Senkyo Dottokomu [Электронный ресурс] // Shuugiingiin Senkyo [сайт]. URL: <https://go2senkyo.com/shugiin> (дата обращения: 11 марта 2022 г.) (in Japanese)

GEOGRAPHY OF WOMEN'S REPRESENTATION IN THE HOUSE OF REPRESENTATIVES OF JAPAN

Osipov K. A. ¹

¹ Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

The political system of Japan continues to retain its unique features inherited from traditional society, which include the distribution of positions based on family ties, where women were usually not given a place. However, along with the gradual democratization of society and the departure from traditional values and stereotypes of behavior, women are increasingly finding themselves in leadership positions, including as deputies of parliament after elections. This article examines the issue of territorial differentiation and typologization of women's representation in the House of Representatives of Japan in the period from 2000 to 2021.

Keywords: Japan, House of Representatives, women's representation.

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2021 ГОДА

Максимович Н. В.¹

Альтман Л. Л.¹

¹Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена изучению территориальных особенностей электорального поведения граждан Северо-Западного федерального округа, а именно были изучены закономерности голосования, зависимость результатов выборов на уровне муниципальных районов от уровня урбанизации данных районов, а также от национального состава изучаемых районов. Путём использования статистического и картографического методов были проанализированы данные, свидетельствующие о наличии корреляции между факторами урбанизации, долей русского населения в районе и распределением голосования. Данное исследование показало, что население городов голосует в большей степени за партию Новые люди, а также урбанизация имеет большое влияние на электоральные процессы. Национальный фактор неоднозначен (в каких-то районах он имеет силу, а в каких-то — нет).

Ключевые слова: электоральная география, электоральные особенности, выборы, Северо-Западный федеральный округ, урбанизация

Динамика политических настроений населения России, а также факторы, влияющие на неё — одни из центральных вопросов политического развития страны. Анализ электорального пространства и электоральных процессов России и её регионов позволяет выявить специфику голосования за различные политические партии и факторы, влияющие на голосование в разных регионах страны.

Для анализа были взяты выборы федерального уровня (в данном случае парламентские выборы), потому что они снижают степень субъективного голосования населения, а также эффекта друзей [1], в том числе голосование за своего “земляка”. Также стоит отметить, что с 2000 гг. электоральная карта России и её дифференциация стали заметно скуднее, что связано с повышением авторитарности политической системы в России [2], но протестное голосование в регионах остаётся ярко выраженным. Генеральная совокупность исследования — голосование за ос-

новых участников парламентских выборов по районам СЗФО во время последних выборов в Государственную Думу в 2021 году. Таким образом, цель исследования — выявить территориальные особенности голосования по районам СЗФО, проследить их специфику, а также выявить факторы, влияющие на результаты голосования.

В исследовании использованы картографический метод, суть которого заключается в картировании результатов выборов по каждому району (данный метод позволяет выявить географические различия в голосовании районов и описать их в структуре) и статистический метод (сводится к подсчету коэффициентов вариации, а использовании корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона)). Исследования выборов в разных странах позволяют говорить о наиболее типичных региональных расколах в голосовании. Прежде всего это, особенно в России, — раскол «центр-периферия», выделяемый Туровским Р. Ф. в своих исследованиях [4], объясняющий поляризацию электорального процесса. Вариант этого раскола — раскол «город-село», который будет рассмотрен в данной работе при статистическом анализе. Также Туровский выделял национальный фактор [3], анализ которого также представлен в виде корреляционного анализа между долей русского населения в районе и долей голосов за разные партии.

При рассмотрении электоральных процессов в СЗФО, стоит учитывать общую картину, которая сложилась во всех регионах России и место СЗФО в ней. Ранее по материалам общефедеральных голосований 1990-х и начала 2000-х годов исследователями, политическими географами, Петровым и Титковым были выделены электоральные районы, в частности, объединяющий субъекты СЗФО, Северо-Западный район [5]. В данной работе Петрова и Титкова стоит выделить Северо-Запад как район, в которую входят твердые реформаторские, умеренные и консервативный субъекты РФ Северо-Западного федерального округа (рис. 1).

Рассмотрим специфику голосования в субъектах СЗФО по партиям (относительно друг друга) (табл. 1). Данные, проанализированные из ЦИК [6] — процент голосов за те или иные партии. В данном случае был использован коэффициент корреляции: значение от 0,3 до 0,5 — слабая связь, от 0,5 до 0,7 — средняя связь.

Выводы: можно считать, что основными оппозиционными партиями относительно партии власти являются КПРФ и НЛ, а также, в меньшей степени, ЛДПР и СР. Также был проведен анализ внутри самих субъектов и были выявлены следующие особенности: во всех субъектах, кроме Ленинградской области и Карелии из-за их низкой распространенности, оппозиционной партией также является Яблоко. Также выявлено, что во

многих субъектах география голосования за КПРФ, Яблоко и НЛ схожи, что подтверждает оппозиционность партии Яблоко.

Рис. 1. Северо-Западный федеральный округ, составлено авторами

Таблица 1

Специфика голосования в субъектах СЗФО по партиям (относительно друг друга), составлено авторами

	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	Я	НЛ
ЕР	1					
КПРФ	-0,54*	1				
ЛДПР	-0,36*	-0,06	1			
СР	-0,36*	-0,16	-0,03	1		
Я	-0,19	-0,08	-0,20	0,10	1	
НЛ	-0,60*	0,23	0,17	0,02	0,11	1

Географическая дифференциация голосования также играет большую роль в формировании электорального ландшафта России в целом и СЗФО в частности (Рисунок 2 и 3). В исследовании произведён расчёт среднего квадратического отклонения (СКО) и среднего арифметического значения (САЗ) голосования за каждую партию, что показано на формуле. Затем вычислено их отношение, выраженное в процентах. Результат расчётов — процент географической дифференциации голоса-

ния в районах Ленинградской области. Чем выше данный показатель — тем выше географическая гетерогенность голосования за партию, то есть партия в районах представлена больше. В данном исследовании, опираясь на предыдущих исследователей (Гришина Н. В.) принято, что если статистический коэффициент вариации составляет менее 33 %, то распределение голосов считается относительно однородным, при превышении 33 % множество утрачивает однородность и становится гетерогенным, более кластеризованным, очаговым [7].

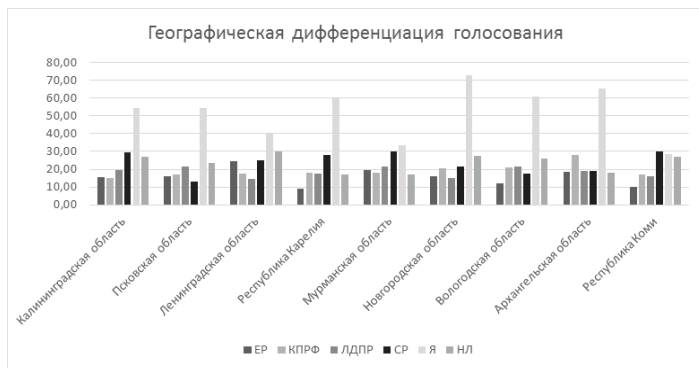

Рис. 2. Географическая дифференциация голосования, составлено авторами по [6]

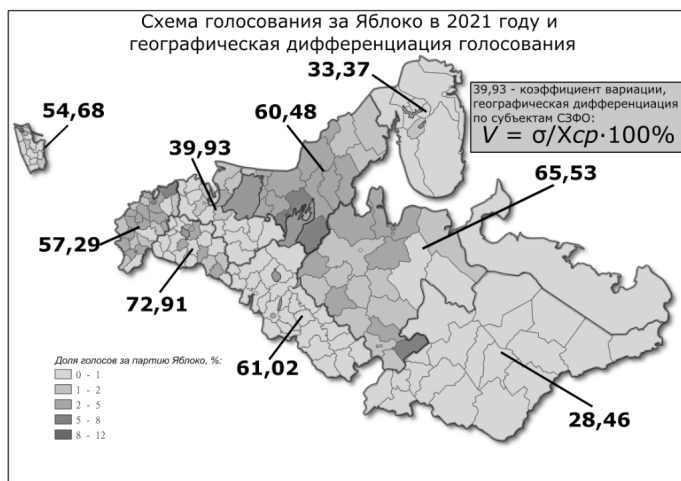

Рис. 3. Картограмма голосования за Яблоко и коэффициент вариации голосования за Яблоко, составлено авторами по [6]

Рассмотрим следующие закономерности географической дифференциации голосования за разные партии:

- Наиболее высокая однородность характерна для партии власти (ЕР). Это объясняется высокой популярностью партии во всех районах области, как и страны в целом, а также их доминирующим положением в стране, а также усилившимся электоральным авторитаризмом (после изменений в процессе выборов в ГосДуму в 2003 году) [9].
- Партия КПРФ обладает средней однородностью голосования (по сравнению с другими партиями). Это может объясняться её пониженным голосованием в СЗФО, а, как следствие, голосованием в одних и тех же районах субъектов СЗФО.
- Справедливая Россия обладает достаточно высокой дифференциацией, что может быть связано с отказом некоторых устоявшихся регионов голосовать за данную партию, вследствие понижения её рейтинга в 2021 году.
- ЛДПР обладает также относительно низким показателем коэффициента вариации, что связано с однородностью голосования в районах СЗФО.
- Голосование за партию Яблоко на протяжении всего рассматриваемого периода обладает высокой дифференциацией, что связано с очаговостью голосования за данную партию, а также особенностями её электората. Также это может быть связано с отсутствием агитационной программы или её узостью.
- Голосование за НЛ имеет достаточно высокую, но однородную структуру голосования, что связано с очаговостью голосования вследствие новизны партии, а также её нераспространенностью в электоральном ландшафте России.

Рассмотрим факторы, которые играют роль в формировании электорального ландшафта СЗФО и его регионов. Для этого понадобится картографический (визуальное представление явления) и корреляционный (статистическое доказательство явления). Гипотеза состоит в том, что национальный фактор и фактор урбанизации (раскол город-село) имеют отрицательное или положительное влияние на голосование населения за ту или иную партию. Для выявления некоторых закономерностей необходимо рассмотреть и проанализировать набор матриц корреляций, составленных по каждому субъекту СЗФО (табл. 2).

Необходимо сделать следующие выводы: наибольший эффект на голосование оказывает фактор урбанизации (отрицательная корреляция разной силы с партией власти и положительная корреляция в большинстве субъектов с партиями Яблоко и Новые Люди, что говорит о про-

тестном потенциале городского населения и его либеральных взглядах), а фактор национальности действует неоднозначно — отрицательные и положительные корреляции с одними и теми же величинами говорят о его необъективности.

Таблица 2

Корреляционные матрицы голосования и факторов по субъектам, составлено авторами по [6]

Субъект	Фактор	Партии					
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	Я	НЛ
Ленинградская область:	ЕР						
	УРБ	-0,44	0,46	0,11	0,14	0,11	0,52
	РУС	0,28	-0,40	-0,30	0,16	0,07	-0,32
Калининградская область:	ЕР						
	УРБ	-0,13	0,36	-0,18	-0,23	0,41	0,39
	РУС	-0,07	0,37	-0,41	-0,33	0,38	0,55
Псковская область:	ЕР						
	УРБ	-0,22	0,18	-0,08	0,06	0,23	0,40
	РУС	-0,14	0,27	0,02	0,40	0,09	-0,32
Новгородская область:	ЕР						
	УРБ	-0,63	0,48	-0,22	0,25	0,29	0,49
	РУС	0,24	-0,07	0,09	-0,22	-0,31	-0,29
Вологодская область:	ЕР						
	УРБ	-0,23	0,24	-0,27	-0,15	0,48	0,33
	РУС	0,09	-0,20	0,25	0,36	-0,27	-0,34
Карелия:	ЕР						
	УРБ	-0,27	0,19	-0,23	-0,12	0,13	0,37
	РУС	-0,50	0,47	-0,03	0,03	0,14	0,00
Мурманская область:	ЕР						
	УРБ	0,13	-0,34	0,22	-0,14	0,08	0,27
	РУС	0,22	-0,33	0,02	-0,13	0,16	0,21
Архангельская область:	ЕР						
	УРБ	-0,24	0,28	-0,36	-0,12	0,23	0,35
	РУС	-0,51	0,23	0,36	0,49	-0,01	0,30
Коми:	ЕР						
	УРБ	-0,64	0,34	-0,36	-0,07	0,58	0,66
	РУС	-0,50	-0,07	0,17	-0,07	0,35	0,46

Для рассмотрения фактора урбанизации возьмем один из самых ярких примеров влияния данного фактора на голосование за партию власти в республике Коми (рис. 4). Был использован метод картограмм, который показал, что в тех районах, где голосование за ЕР высоко, доля городского населения низка или равна нулю и наоборот. Данное явление подтверждается графиком (рис. 5), где представлены все городские округа и районы с наименьшим уровнем урбанизации. Данный график подтверждает вышесказанное и значимость такого фактора, как уровень урбанизации по всему Северо-Западному федеральному округу в той или иной степени выраженным в субъектах СЗФО.

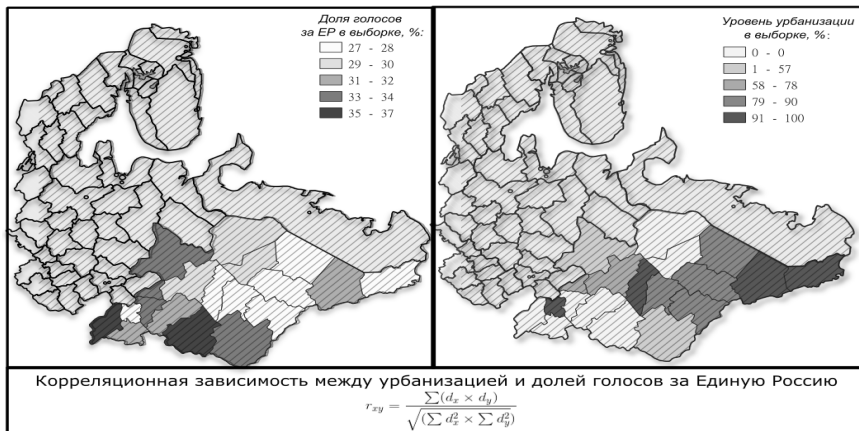

Рис. 4. Зависимость между урбанизацией и долей голосов за Единую Россию, составлено авторами по [6],[8]

Рис 5. Разница в голосовании городских округов субъектов СЗФО и районов с самой низкой долей городского населения, составлено авторами по [6],[8]

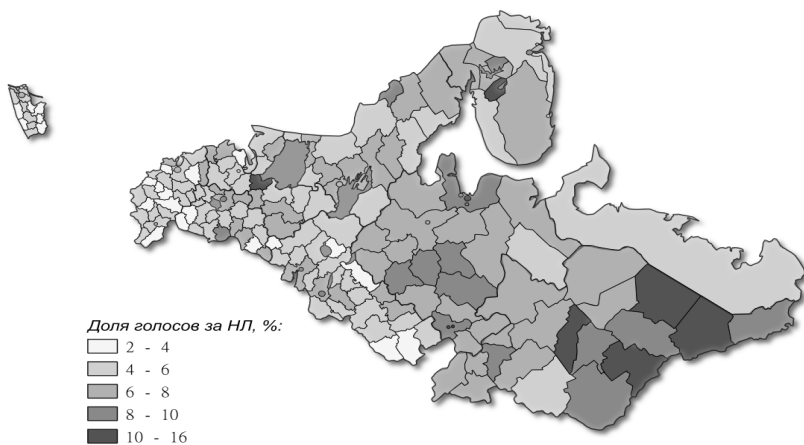

Рис. 6. Голосование за партию Новые люди в СЗФО по [6]

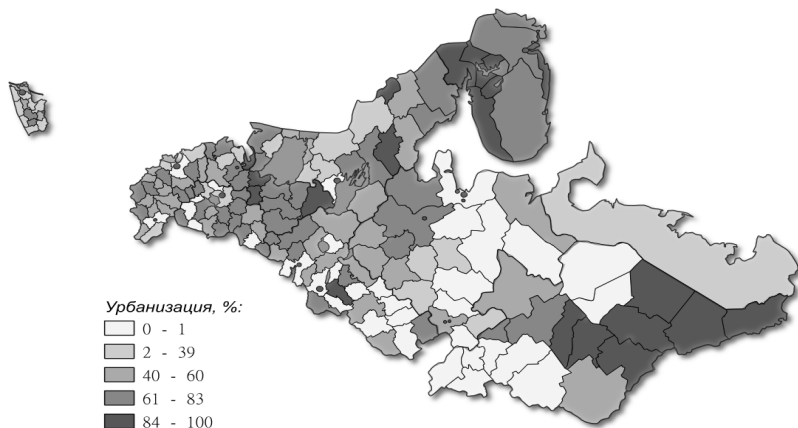

Рис. 7. Уровень урбанизации СЗФО, составлено авторами по [8]

В заключение можно сказать, что были выявлены основные особенности электоральных процессов СЗФО и факторы, влияющие на них. Основной оппозиционной партией оказалась КПРФ, а вслед за ней—

Яблоко и Новые Люди. В то же время, города, в которых население является более оппозиционным и либеральным, в отличие от сельской местности, показали высокий уровень голосования за центристскую и либеральную партии, а также за КПРФ, но в меньшей степени. Фактор национальности играет меньшую и неоднозначную роль в формировании и структуре электоральных процессов, но, тем не менее, было выявлено, что русское население меньше голосует за партию власти (ЕР). Таким образом, сельское население, которое имеет в своем составе меньше людей русской национальности является более консервативным, что подтверждает влияние различных факторов на электоральные процессы. Наиболее очаговым голосованием является голосование за партию Яблоко, что связано с очаговостью её электората и представительства партии. Партия власти обладает самой низкой географической дифференциацией, что связано с её доминирующим положением среди других партий. Остальные партии имеют среднюю географическую дифференциацию голосования, а партия Новые Люди — повышенную, что связано с её новизной и кластеризованностью голосования (больше доля голосов там, где больше городского населения).

Список источников и литературы

1. Туровский Р. Ф., Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа/Полития, Россия, 2004 — № 1(32)—с. 7
2. Паликова А. М., Особенности партийной системы современной России/ ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ, Россия, 2008, с. 30
3. Туровский Р. Ф., Политическая география. Учебное пособие, Россия, 1999, с. 195
4. Туровский Р. Ф., Концептуальная электоральная карта постсоветской России, Россия, 2005, с. 161
5. Электоральное районирование России — Н. Петров и А. Титков, 2 часть [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0159/tema02.php> (дата обращения 15.03.2022).
6. Календарь выборов ЦИК [Электронный ресурс] URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения 15.03.2022).
7. Гришин Н. В., Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: Сравнительное исследование/Социально-политическая МЫСЛЬ, Россия, 2008, с. 185
8. Показатели муниципальных образований [Электронный ресурс] <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.html> (дата обращения 15.03.2022)
9. Голосов Г. В., Электоральный авторитаризм в России, Россия, 2008, с. 22

FACTORS AND FEATURES OF ELECTORAL PROCESSES IN THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT AS ILLUSTRATED BY ELECTIONS FOR THE STATE DUMA IN 2021

**Maximovich N. V.¹
Altman Lev Leonidovich¹**

¹St. Petersburg State University (SPbU),
St. Petersburg, Russia

The article covers the territorial characteristics of electoral behavior of people living in the Northwestern Federal District. In particular, the research embraces voting patterns, the dependency of municipal-level election returns on the urbanization levels in the corresponding districts, and ethnic composition of the districts in question. Statistical and cartographical methods were implemented to analyze the evidence of correlation between urbanization factors, the proportion of Russian population in the district and voting distribution. The research showed that urban population votes mainly for the New People party, and urbanization has a significant influence on electoral processes. The national factor is questionable as it has effects in some districts but does not have any effects in other districts.

Keywords: electoral geography, electoral features, elections, North-Western Federal District, urbanization

ПРИМЕНЕНИЕ ЭФФЕКТА СОСЕДСТВА ДЛЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ

Смирнов Е. В.¹

¹Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Россия

В настоящей статье анализируется результат применения «эффекта соседства» для электорального прогнозирования на примере земельных выборов в Германии. Автор использует результаты избирательных циклов в 2011–2012 гг. и 2016–2017 гг. в семи землях, чтобы доказать, что между определёнными землями существует «эффект соседства», поэтому это положение можно использовать для прогнозирования выборов в Сааре, Шлезвиг-Гольштейне, Мекленбурге—Передней Померании и Нижней Саксонии в 2022 г. В заключении автор приводит свой прогноз экстраполяции результата одних выборов на другие на основании полученного знания.

Ключевые слова: Германия, электоральное прогнозирование, земельные выборы в ландтаги, экстраполяция, электоральная география, «эффект соседства», коэффициент корреляции

Введение

Настоящее исследование посвящено применению «эффекта соседства» для подготовки прогноза результатов выборов в земельные ландтаги в Германии. Данный эффект в электоральной географии был предложен американским исследователем Б. Берельсоном. Он предполагает, что избиратели, состоящие в хороших или дружеских отношениях между собой, проголосуют одинаково на выборах [1]. Однако российский исследователь Р. Ф. Туровский предложил также применять такой же эффект для объяснения того, почему соседние регионы могут голосовать одинаково [2]. Таким образом, доказательство существования «эффекта соседства» позволяет применять это знание в электоральном прогнозировании на региональных выборах, если выборы в разных регионах проводятся примерно в одно время, но в разные дни, чтобы одна электоральная кампания служила источником прогноза для второй.

В контексте изучения немецкого кейса автором настоящей статьи было доказано, что в Германии существует эффект соседства на примере результатов партии Союз 90/Зелёные и партии Левые на выборах в Бундестаг в 2002–2017 гг. [3]. В этой связи исследовательский инте-

рес представляет применение полученного значения для определения того, как завершатся земельные избирательные кампании в Германии в 2022 г. Это будут выборы в ландтаги Саара (27 марта), Шлезвиг-Гольштейна (8 мая), Северного Рейна — Вестфалии (15 мая), Нижней Саксонии (9 октября).

Электоральное прогнозирование представляет из себя комплекс научных методов, которые нужны для подготовки сценариев того, каким образом пройдут целевые выборы или какие тенденции будут влиять на развитие партийной системы страны и как. На данный момент прогнозирование выборов является формирующейся дисциплиной, которое требует определённого творческого подхода к решению поставленных задач, так как будущее не является определённым и его нельзя высчитать по определённой формуле. Однако анализ того, что из себя представляет партийная система в стране, как завершались последние выборы на национальном или местном уровне, какая была история явки на выборах, какие вопросы являются актуальными для населения и т. д., позволяет выявить определённые закономерности, которые можно использовать при подготовке научного прогноза.

Исследователь Р. Кларк предложил разделить исследование этих закономерностей по трём разным методам стратегического прогнозирования: экстраполяция, проекция и прогноз (forecasting) [4]. Экстраполяция является продлением существующих трендов, которые влияли на партийно-политическую систему на момент проведения прогноза, на целевое событие. Проекция предполагает усложнение исследования и высказывание предположений, основанных на анализе развития известных тенденций, что эти системные силы могут измениться и повлиять таким образом на целевое событие. Наконец, прогноз представляет из себя фактически выдумывание совершенно новых политических сил и системных факторов, которые могли бы повлиять на целевое событие в будущем. Настоящее исследование построено на применении метода экстраполяции.

В настоящей статье результаты выборов в одних регионах продлеваются или экстраполируются на другие соседние регионы, причём делается предположение, что такая экстраполяция возможна только в пределах одного календарного года и между землями границы 1 порядка. Граница 1 порядка означает, что изучаемые земли имеют границу непосредственно между собой. Граница 2 порядка означает, что две земли не имеют общей границы, а между ними расположена ещё одна земля. И так далее. В настоящем исследовании делается предположение, что «эффект соседства» возможен только между землями границы 1 порядка.

Для проведения прогноза экстраполируется именно динамика результата партии на одних выборах по сравнению с предыдущими выборами в земле на динамику результата этой же партии на выборах в другой земле по сравнению с прошлой кампаний. Таким образом, если партия в одной земле потеряла голоса избирателей по сравнению с выборами пятилетней давности, то она недосчитается голосов и на выборах в соседнем регионе.

Чтобы доказать эффективность применения такого метода экстраполяции земельных результатов на основании «эффекта соседства» в электоральном прогнозировании, в настоящей статье анализируются и сравниваются результаты прошедших выборов в целевых немецких землях, то есть анализируются избирательные циклы, где результат целевых выборов уже известен. В этой связи необходимо сравнить, во-первых, существуют ли закономерности на голосованиях в Сааре, Шлезвиг-Гольштейне, Северном Рейне—Вестфалии и Нижней Саксонии в 2017 г. между этими земельными кампаниями, во-вторых, существуют ли закономерности на голосованиях в этих землях, но уже в сравнении с земельными выборами в соседних землях в 2016 г. в Рейнланд-Пфальце, Мекленбурге—Передней Померании и Саксонии-Анхальт. Если будет доказано первое, то выборы в Сааре и Шлезвиг-Гольштейне можно будет использовать для подготовки прогноза для двух других земельных кампаний в 2022 г. Кроме того, если будет доказано второе, то результаты выборов 2021 г. в Рейнланд-Пфальце, Мекленбурге—Передней Померании и Саксонии Анхальт можно будет использовать уже для прогнозирования всех четырёх кампаний 2022 г. Чтобы подкрепить выдвигаемую гипотезу, в исследовании также анализируется избирательный цикл 2011–2012 гг., когда проводились эти же земельные кампании, чтобы определить, не было ли «эффекта соседства» также в эти годы.

Помимо сравнения непосредственно того, совпадает ли динамика между результатами в двух соседних землях в электоральной истории, в настоящей статье вычисляется коэффициент корреляции по формуле линейного коэффициента корреляции Пирсона. Для этого используется онлайн-калькулятор. Результат варьируется от -1 до 1 , где отрицательное значение показывает существование обратной зависимости, а положительное—прямой [5]. Вычисление коэффициента позволяет показать, существует ли зависимость между двумя результатами в землях. Для этого вычисляется разница в процентах между двумя избирательными кампаниями в одной земле и между двумя выборами в другой земле, и тогда онлайн-калькулятор вычисляет коэффициент корреляции

между двумя этими показателями.

В настоящем исследовании рассмотрены результаты немецких партий: Христианско-демократический союз (ХДС), Социал-демократическая партия (СДПГ), Свободная демократическая партия (СвДП), Левые, Союз 90/Зелёные (Зелёные), Свободные избиратели (FW), Пиратская партия (Пираты). Первые пять партий на период проведения земельных кампаний в 2011–2017 гг. были главными политическими силами Германии, представленными в Бундестаге и во всех землях. Свободные избиратели и Пираты были выбраны как наиболее популярные среди малых политических партий Германии и как наиболее представленные в разных землях. Результаты партии Альтернатива для Германии не могли быть использованы в настоящем исследовании для подтверждения гипотезы, так как партия была образована только в 2013 г., то есть невозможно проанализировать динамику на исследуемых земельных выборах.

Основная часть

В 2017 г. трендами земельных выборов было падение социал-демократов, зелёных, пиратов и свободных избирателей, а также рост популярности христианских демократов, свободных демократов и левых, что демонстрируют результаты земельных выборов. В 2016 г. наблюдалась обратная картина для христианских демократов и левых, поэтому экстраполяция изначально была осложнена этим обстоятельством. Следует также учитывать особенности земельной партийно-политической истории и культуры при подготовке прогноза. В 2016 г. были проведены выборы в двух «новых землях» Германии, то есть в регионах, которые составляли ГДР в прошлом. И именно в этих землях особенной популярностью среди избирателей пользуется «Альтернатива для Германии», дебютировавшая именно в 2016 г., чем объясняется отрицательная динамика для всех других партий в Саксонии-Анхальт и Мекленбурге—Передней Померании, кроме свободных демократов.

В таблице 1 представлены данные о разнице результатов для каждой партии в процентах между земельными выборами 2012–2013 гг. в четырёх землях и земельными выборами 2017 г. Для экономии места в таблице не приводятся результаты партий отдельно по каждой земельной кампании. Этим же принципом автор исследования руководствовался при подготовке таблиц 2 и 4–5. Положительное значение означает положительную динамику партии на целевых земельных выборах по сравнению с предыдущими, а отрицательное значение—отрицательную динамику. В таблице 2 представлены данные о динамике

избирательного цикла 2011–2016 гг. в трёх землях. Именно эта разница в процентах сравнивается между землями в онлайн-калькуляторе, что позволяет вычислить коэффициент корреляции, который покажет существование или отсутствие прямой зависимости. Земельные кампании расположены слева-направо в порядке их проведения в целевом году.

Таблица 1

Разница в процентах результатов партий между земельными выборами в 2012 г. и 2017 г. для каждой из трёх земель: Саар (март), Шлезвиг-Гольштейн (май), Северный Рейн—Вестфалия (май); между земельными выборами в 2013 г. (январь) и 2017 г. (октябрь) для Нижней Саксонии [6]

	Саар: разница в процентах	Шлезвиг-Гольштейн: разница в процентах	Северный Рейн—Вестфалия, разница в процентах	Нижняя Саксония: разница в процентах
ХДС	+15,6%	+3,9%	+25,5%	-6,7%
СДПГ	-3,3%	-10,2%	-20,2%	+13,2%
СвДП	+175%	+40,2%	+46,5%	-24,2%
Левые	-20,5%	+65,2%	+96%	+48,4%
Зелёные	-20%	-2,3%	-43,4%	-36,5%
FW	-54%	-16,7%	+95%	-63,6%
Пираты	-90%	-85,4%	-87,2%	-90,5%

Таблица 2

Разница в процентах результатов партий между земельными выборами в 2011 г. и 2016 г. для каждой из трёх земель: Саксония-Анхальт (март), Рейнланд-Пфальц (март), Мекленбург—Передняя Померания (сентябрь) [6]

	Саксония-Анхальт: разница в процентах	Рейнланд-Пфальц: разница в процентах	Мекленбург—Передняя Померания: разница в процентах
ХДС	-8,3%	-9,7%	-17,4%
СДПГ	-50,7%	+1,4%	-14%
СвДП	+18,3%	+47,6%	+7,1%
Левые	-31,2%	-6,7%	-28,3%
Зелёные	-26,8%	-65,6%	-44,8%
FW	-21,4%	-4,3%	-45,6%
Пираты	нет	-50%	-73,7%

В таблице 3 представлено общее сравнение совпадения динамики и коэффициента корреляции между всеми рассмотренными в таблицах 1–2 землями с учётом последовательности земельных кампаний. Данные в таблице отсортированы по четвёртому столбцу, то есть по значению коэффициента корреляции между результатами сравниваемых земельных кампаний. Данная группа была выделена по следующим признакам: период между проведением двух земельных кампаний не превышает одного года; рассматриваемые земли являются землями границы 1 порядка (исключение сделано для Северного Рейна—Вестфалии, где приоритет был отдан первому признаку).

Таблица 3

Сведение информации из таблиц 1–2 в единую таблицу. Общие данные 2016–2017 гг. для определения того, какие земельные кампании можно использовать в прогнозировании

Земля 1	Земля 2	Совпадение динамики (из 7)	Коэффициент корреляции	Граница порядка 1,2...	Период между выборами
Шлезвиг-Гольштейн 2017	Нижняя Саксония 2017	4	0,81	1	5 мес
Рейнланд-Пфальц 2016	Саар 2017	5	0,77	1	Год
Шлезвиг-Гольштейн 2017	Северный Рейн—Вестфалия 2017	6	0,73	2	дни
Мекленбург—Передняя Померания 2016	Шлезвиг-Гольштейн 2017	5	0,73	1	8 мес
Северный Рейн—Вестфалия 2017	Нижняя Саксония 2017	3	0,47	1	5 мес

Таким образом, для прогнозирования результата выборов в ландтаг Нижней Саксонии было доказано существование «эффекта соседства» со Шлезвиг-Гольштейном: динамика совпала в 57 % случаях, а коэффициент корреляции показал высокую прямую зависимость, а также с Северным Рейном—Вестфалией: динамика совпала в 43 %, а коэффициент корреляции показал умеренную прямую зависимость. Для прогнозирования результата выборов в ландтаг Саара было доказано существование «эффекта соседства» с Рейнланд-Пфальцем: динамика совпала в 71 %, а коэффициент корреляции показал высокую прямую зависимость. Для прогнозирования результата выборов в ландтаг Северного Рейна—Вестфалии было доказано существование «эффекта соседства» со Шлезвиг-Гольштейном: динамика совпала в 86 %, а коэффициент корреляции показал высокую прямую зависимость. Наконец,

для прогнозирования результата выборов в ландтаг Шлезвиг-Гольштейна было доказано существование «эффекта соседства» с Мекленбургом — Передней Померанией: динамика совпала в 71 %, а коэффициент корреляции показал высокую прямую зависимость.

В исследовании также был проанализирован избирательный цикл 2011–2012 гг., чтобы определить, является ли «эффект соседства» постоянным или его влияние может изменяться в разные избирательные циклы. В таблице 4 и 5 приведены данные для тех же земель, которые были рассмотрены выше, но на этот раз были взяты избирательные циклы, которые предшествуют тем, что были рассмотрены в предыдущей части исследования.

Таблица 4

Разница в процентах результатов партий между земельными выборами в 2009 г. (сентябрь) и 2012 г. (май) в Шлезвиг-Гольштейне; между земельными выборами в 2009 г. (август) и 2012 г. (март) в Сааре; между земельными выборами в 2008 и 2013 г. в Нижней Саксонии (январь); между земельными выборами в 2010 г. и 2012 г. в Северном Рейне — Вестфалии (май) [6]

	Саар: разница в процентах	Шлезвиг-Гольштейн: разница в процентах	Северный Рейн—Вестфалия, разница в процентах	Нижняя Саксония: разница в процентах
ХДС	+2%	-2,2%	-24%	-15,3%
СДПГ	+24,9%	+19,7%	+13,3%	+7,6%
СвДП	-87%	-45%	+28,4%	+20,7%
Левые	-24,4%	-61,7%	-55,4%	-56,3%
Зелёные	-15,3%	+6,5%	-6,6%	+71,3%
FW	+12,5%	-40%	+50%	+120%

Таблица 5

Разница в процентах результатов партий между земельными выборами в 2006 г. и 2011 г. для каждой из трёх земель: Саксонии-Анхальт (март), Рейнланд-Пфальц (март), Мекленбург — Передняя Померания (сентябрь) [6]

	Саксония-Анхальт: разница в процентах	Рейнланд-Пфальц: разница в процентах	Мекленбург—Передняя Померания: разница в процентах
ХДС	-10,2%	+7,3%	-20,1%
СДПГ	+0,5%	-21,7%	+17,9%

	Саксония-Анхальт: разница в процентах	Рейнланд-Пфальц: разница в процентах	Мекленбург—Передняя Померания: разница в процентах
СвДП	-43,3 %	-47,5 %	-70,8 %
Левые	-1,7 %	+15,4 %	+6,4 %
Зелёные	+97,2 %	+234,8 %	+155,9 %
FW	+460 %	+43,75 %	нет

В таблице 6 объединены вычисления совпадения динамики и коэффициента корреляции для рассмотренных земель. В данном избирательном цикле «эффект соседства» проявился более слабо, однако он остался актуальным для нескольких земель. Это касается Нижней Саксонии, где было подтверждено существование «эффекта соседства» с Северным Рейном—Вестфалией, Шлезвиг-Гольштейна, где было подтверждено существование «эффекта соседства» с Мекленбургом—Передней Померанией, а также Северного Рейна—Вестфалии, где было подтверждено существование «эффекта соседства» со Шлезвиг-Гольштейном. Причём первоначальные подсчёты коэффициента корреляции показали слабую прямую зависимость для Нижней Саксонии и Северного Рейна—Вестфалии при сравнении с результатом Шлезвиг-Гольштейна, и тогда из вычислений был убран результат FW, что позволило показать умеренную прямую зависимость для малых и народных парламентских партий.

Таблица 6

Сведение информации из таблиц 4–5 в единую таблицу. Общие данные 2011–2012 гг. для определения того, какие земельные кампании можно использовать в прогнозировании

Земля 1	Земля 2	Совпадение динамики (из 6)	Коэффициент корреляции	Граница порядка 1,2...	Период между выборами
Северный Рейн—Вестфалия 2012	Нижняя Саксония 2013	5	0,8	1	8 мес
Мекленбург—Передняя Померания 2011	Шлезвиг-Гольштейн 2012	4 из 5	0,48	1	8 мес
Рейнланд-Пфальц 2011	Саар 2012	3	0,18	1	год
Шлезвиг-Гольштейн 2012	Нижняя Саксония 2013	4	0,14 / 0,37 (без FW)	1	8 мес
Шлезвиг-Гольштейн 2012	Северный Рейн—Вестфалия 2012	3	0,1 / 0,55 (без FW)	2	дни

Заключение

Таким образом, в настоящей статье было продемонстрировано, что «эффект соседства» возможно применить для электорального прогнозирования в Германии на земельном уровне, если рассматриваемые земли являются землями границы 1 порядка и если период между двумя земельными кампаниями составляет не больше одного календарного года. В 2017 г. средний коэффициент корреляции для пяти рассмотренных циклов составил 0,7, а среднее количество партий, динамику которых можно было бы спрогнозировать с помощью этого метода, составило 5. В 2012 г. средний коэффициент корреляции для пяти рассмотренных циклов составил уже только 0,48, а среднее количество партий, динамику которых можно было бы спрогнозировать с помощью метода, составило 4.

В контексте прогнозирования результата земельных выборов в Сааре, Шлезвиг-Гольштейне, Северном Рейне—Вестфалии и Нижней Саксонии в 2022 г. можно было бы сделать вывод, что необходимо использовать результаты выборов в Рейнланд-Пфальце и Мекленбурге—Передней Померании в 2021 г. На выборах в Рейнланд-Пфальце отрицательная динамика наблюдалась для социал-демократов, христианских демократов, свободных демократов, левых и «АдГ», а положительная динамика—для зелёных и свободных избирателей. На выборах в Мекленбурге—Передней Померании отрицательная динамика наблюдалась для христианских демократов, левых и «АдГ», а положительная динамика—для социал-демократов, зелёных и свободных демократов. В этой связи следует ожидать, что эти результаты экстраполируются на выборы в Сааре и Шлезвиг-Гольштейне соответственно из-за «эффекта соседства». Однако следует предположить, что поддержка социал-демократов и свободных демократов может вырасти в Сааре после выборов в Бундестаг, так как сейчас они стали правящими партиями в Германии и на выборах в Бундестаг в сентябре 2021 г. они получили прирост голосов в этом регионе.

Список источников и литературы

1. Захарова Е. А. Влияние административно-территориальной реформы на электоральное поведение во Франции / Международные процессы, Том 19 № 3 (66), сс. 123–146. 2021
2. Окунев И. Ю., Политическая география: Учебное пособие для вузов/М.: Издательство «Аспект Пресс», Россия, 512 с., 2019
3. Смирнов Е. В. Земельное голосование и национальные электоральные размежевания в Германии для прогнозирования результата парламентских выборов 2021 г. / Политическая география и геополитика в России:

- исторический опыт и современность, материалы конференции, стр. 660–674, 2021
4. Clark R. M. Intelligence Analysis. A Target-Centric Approach. Fourth Edition. CQ. Press. 2013. 275 p.
 5. Коэффициент корреляции. Калькулятор—URL: <https://www.easycalculation.com/ru/statistics/correlation.php>
 6. Ergebnisse Früherer Landtagswahlen. Stand: 29. Juni 2021. Informationen des Bundeswahlleiters, Deutschland, 2021, 201 S.

APPLICATION OF THE NEIGHBORHOOD EFFECT FOR ELECTORAL FORECASTING IN GERMANY

Smirnov E. V.¹

¹St. Petersburg State University (SPbU),
St. Petersburg, Russia

This article analyses the result of applying the “neighbourhood effect” for electoral forecasting on the example of state elections in Germany. The author uses the results of the election cycles in 2011–2012. and 2016–2017 in seven states to prove that there is a “neighbourhood effect” between certain states, so this provision can be used to predict elections in the Saar, Schleswig-Holstein, Mecklenburg-Western Pomerania, and Lower Saxony in 2022. In conclusion, the author gives his extrapolation forecast the result of one election to another based on the knowledge gained.

Keywords: Germany, electoral forecasting, landtag elections, extrapolation, electoral geography, neighbourhood effect, correlation coefficient

Сведения об авторах

Абросимова Наталья Валерьевна, к. пол. н., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Saint-Petersburg State University, e-mail: rio00@ya.ru

Адамайтис Станислав Александрович, аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ). (Россия, Москва) e-mail: stalad97@gmail.com

Алибекова Гульназ Жанатовна, PhD, заместитель генерального директора Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки, Республика Казахстан, г. Алматы, e-mail: g_alibekova@mail.ru

Альжанова Фариды Газизовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки, Республика Казахстан, г. Алматы, e-mail: farida.alzhanova@gmail.com

Альтман Лев Леонидович, студент 3 курс, бакалавриат, институт наук о Земле, Санкт-Петербургский университет, 10 линия В.О., д. 31–33, (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: st076353@student.spbu.ru

Амбурцев Роман Альбертович, начальник аналитического отдела Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников МПА СНГ, старший преподаватель кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: romanambur@gmail.com

Андреев Андрей Александрович, аспирант кафедры региональной политики и политической географии, СПбГУ, e-mail: st073895@student.spbu.ru

Андреев Максим Владимирович, консультант аналитического отдела Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников МПА СНГ, аспирант Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, Россия.

Аширова Оксана Илнуровна, Российский университет дружбы народов, Москва, ул. Миклухо-Маклая 6, Россия e-mail: ashox107@gmail.com

Бабич Никита Дмитриевич, студент, МГИМО МИД России, Факультет Управления и Политики, ул. Проспект Вернадского 76, г. Москва, Россия

Барабанова Елизавета Максимовна, студентка 4-го курса Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: lizkabar001@gmail.com

Боброва Василиса Васильевна, инженер-исследователь Института Наук о Земле, Санкт-Петербургский Государственный Университет, старший хранитель фонда «Сибирь», Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

Бриско Анна Викторовна, директор Российского отделения Международного центра изучения политического ислама, e-mail: anna.briscoe@cspii.org

Бурла Михаил Порфирович, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 октября, 128, 3300, г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова

Ван Ци. Университет Цинхуа, район Хайдянь, Пекин, 100084, КНР, e-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор Академического колледжа Ахва (Израиль), e-mail: irena@achva.ac.il

Географии, Нижневартковский государственный университет, Нижневартовск, Россия, e-mail: snsokolov1@yandex.ru

Дебелая Ирина Дмитриевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем ДВО РАН; e-mail: debelaya@rambler.ru

Девина Юлия Романовна, студент, Смоленский государственный университет, 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, д.4, e-mail: devina.julia1999@mai.ru

Дельва Кирилл Игоревич Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Средний проспект В.О., 57/43, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kirdelva93@gmail.com

Диденко Дмитрий Юрьевич, АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А, Россия, e-mail: geowork9818@gmail.com

Добровольский Сергей Гаврилович, д. геогр. н., зав. лабораторией Института водных проблем Российской академии наук, e-mail: sgdo@bk.ru

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва

Дубич Виктория Викторовна, кандидат технических наук, доцент, руководитель исследовательского отдела Российского отделения Международного центра изучения политического ислама, e-mail: victoria.dubich@cspii.org

Елацков Алексей Борисович, к. геогр. н., старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: elatskov@mail.ru

Елацков Алексей Борисович, к. геогр. н., ст. преподаватель, Институт наук о Земле, СПбГУ, e-mail: elatskov@mail.ru

Зверев Юрий Михайлович, Институт геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта, Калининград, ул. А. Невского, 14, Россия, e-mail: YZverev@kantiana.ru

Зотова Ольга Александровна, кандидат географических наук, преподаватель кафедры географии Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова (г. Уральск, Республика Казахстан). e-mail: jubanova@mail.ru

Исайчиков Виктор Фёдорович, главный редактор журнала «Просвещение», Москва, Россия, Ул. Твардовского, д. 21, кор. 2, кв. 153, e-mail: mihmarkin@mail.ru

Каледин Николай Владимирович, к. геогр. н., доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: n.kaledin@spbu.ru

Калинин Никита Дмитриевич, бакалавр, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nikitadm01@mail.ru

Кебец Владислав Валерьевич, студент Белорусского государственного университета, e-mail: shcola45v@mail.ru

Когут Виктор Григорьевич, к.полит.н., Заместитель Генерального Секретаря МПА СНГ— полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь, ул. Минск, Республика Беларусь; e-mail: vgkogut@gmail.com

Кондратов Николай Александрович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и гидрометеорологии ФГАОУ ВО САФУ имени М. В. Ломоносова

Котов Александр Владимирович, Институт Европы РАН, г. Москва, ул. Моховая, д. 11–3, Россия РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, Россия, e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Крусанов Дмитрий Андреевич, магистрант Боннского университета им. Фридриха Вильгельма, e-mail: dkrusanov@gmail.com

Кулаковский Евгений Сергеевич, к. геогр. наук, преподаватель кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет (ВГУ); ассистент кафедры географии и туризма, Воронежский государственный педагогический университет (ВГПУ). (Россия, Воронеж), e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

Лазарева Жанна Васильевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии и методики обучения географии, Омский государственный педагогический университет, e-mail: zhanna_lazareva@inbox.ru

Лачининский Станислав Сергеевич, к. геогр. н., доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lachininsky@gmail.com

Лебедев Павел Сергеевич, Тверской государственный университет, Тверь, ул. Желябова, 33, Россия, e-mail: lebedevpavelgeo@gmail.com

Лешенюк Олег Николаевич, директор Центра международных исследований факультета международных отношений Белорусского го-

сударственного университета, заместитель декана по международной деятельности ФМО БГУ. Адрес: ул. Ленинградская 20/1108, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com

Логвинов Илья Александрович, бакалавр 4-го курса, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия

Лопатина Василиса, стажёр-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений МГИМО (У) МИД России, Россия, г. Москва, пр. Вернадского 76, 119454, e-mail: lopatina-vasilisa@mail.ru

Максимович Никита Вячеславович, студент 3 курс, бакалавриат, институт наук о Земле, Санкт-Петербургский университет, 10 линия В.О., д. 31–33,, (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: st076353@student.spbu.ru

Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия. E-mail: region-psk@yandex.ru

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mary_krot@mail.ru

Махновский Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Россия, 191023, город Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литер А., e-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru

Медведков Алексей Анатольевич, к. геогр. наук, доцент, доцент Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация, e-mail: a-medvedkov@bk.ru

Меркушев Сергей Александрович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии и кафедры туризма ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Россия,

Мирзеханова Зоя Гавриловна, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории Оптимизации регионального природопользования, институт Водных и экологических проблем, e-mail: lorp@ivep.as.khb.ru

Митрюкова Ксения Андреевна, аспирант Санкт-Петербургский госу-

дарственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: st084990@student.spbu.ru

Михеева Наталия Михайловна, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия; Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект 57, Россия, e-mail: n.miheeva@spbu.ru

Мишина Юлия Олеговна, магистрант, факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, РФ, e-mail: juliamishina99@mail.ru

Морковская Дарья Николаевна, студентка кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, НИУ «БелГУ».

Морозова Галина Юрьевна, к. биол. н., старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, e-mail: morozovaiyer@mail.ru

Нерсисян Наре Сасуновна, Российский государственный гуманитарный университет, студентка 3-го курса направления Политология, Миусская пл. д. 6, Москва, РФ, e-mail: nersesyan.nare@yandex.ru

Нурьшев Геннадий Николаевич, д.полит.н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул.Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: g.nuryshv@yandex.ru

Осипов Константин Анатольевич, студент 2 курс, магистратура, институт наук о Земле, Санкт-Петербургский университет, 10 линия В.О., д. 31–33, (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kostia.osipov2015@yandex.ru

Пекер Ирина Юрьевна, аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Россия, Калининград), e-mail: IPeker@kantiana.ru

Пенья Пегеро Франсиско Хосе, студент 4 курса экономического факультета, Российский университет дружбы народов, e-mail: chicofranciscojose@gmail.com

Першуткина Светлана Павловна, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, e-mail: pershutkina2000@gmail.com

Полякова Татьяна Анатольевна, к. геогр. н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, НИУ «БелГУ».

Попов Дмитрий Игоревич, студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет международных отношений, Кафедра европейских исследований, e-mail: dp04@mail.ru

Прибышин Тарас Кириллович, научный сотрудник, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», ул. 7-я Красноармейская, 25, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: pribyshin@leontief.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1561-2048>

Райко Гнято, проф. д-р, естественно-математический факультет, Университет у Баня-Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина, e-mail: gnjator@pmfbl.org

Савельева Мария Анатольевна, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Ломоносовский проспект, д.27, корп. 4, факультет политологии e-mail: mashtaler_94@mail.ru

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Самарин Виктор Александрович, студент, МГИМО МИД России, Факультет Управления и Политики, ул. Проспект Вернадского 76, г. Москва, Россия, e-mail: shmatov.aleks@bk.ru

Саркисян Сусанна Гайковна, ведущий инженер лаборатории глобальной гидрологии Института водных проблем Российской академии наук, e-mail: sus_sar@mail.ru

Сатыбалдин Азимхан Абилкаирович, академик НАН РК, доктор экономических наук, профессор, генеральный директор Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки, Республика Казахстан, г. Алматы, , e-mail: ieconomkz@gmail.com

Серебряков Кирилл Дмитриевич, Санкт-Петербургский государ-

ственный университет, Университетская наб., д. 7–9, Россия, e-mail: st049746@student.spbu.ru

Сидоркина Валерия Владимировна, студент, МГИМО МИД России, Факультет Управления и Политики, ул. Проспект Вернадского 76, г. Москва, Россия.

Силантьев Константин Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра истории журналистики, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: k.silantiev@spbu.ru

Смирнов Егор Владимирович, бакалавр, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: smirnovlegor@gmail.com

Смирнов Илья Петрович, к. геогр. н., доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета, e-mail: Smirnov.ip@tversu.ru

Смирнов Пётр Александрович, аспирант, Северо-Западный институт управления / Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Тучков пер. д. 7, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: smirnov-pa@ganera.ru

Собянин Владимир Владимирович, ООО «ВКонтакте», ул. Херсонская, д. 12–14, литер А, Россия, e-mail: vsobyanin96@yandex.ru

Соколов Сергей Николаевич, д. геогр. наук, доцент, профессор кафедры

Сухова Елена Анатольевна, руководитель юридического отдела Российского отделения Международного центра изучения политического ислама, e-mail: legal_rus@cspii.org

Теренина Наталья Константиновна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия. e-mail: brazelon@yandex.ru

Тисленко Мария Игоревна, Российский университет дружбы народов, аспирант кафедры региональной экономики и географии, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, Российская Федерация, e-mail: tislenko-mi@rudn.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, д. пол. н., профессор кафедры

международных отношений Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор исторических наук (Санкт-Петербург), e-mail: toropyuginav@mail.ru

Туркин Владислав Александрович, магистр программы Геоурбанистика, Санкт-Петербургский Государственный Университет, e-mail: vturk@mail.ru

Ульянова Светлана Борисовна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, 194064, Политехническая ул., 29, Россия, e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

Урпер Мехмет, к. пол.н., факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: mehmeturper@mail.ru

Усс В.В., магистр программы «Геоурбанистика», Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9, Российская Федерация e-mail: valik.02.uss@gmail.com

Федоров Геннадий Михайлович, геогр. наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийского федерального университета им. И. Канта, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, ул. А. Невского, 14 (Россия, Калининград), e-mail: GFedorov@kantiana.ru

Фокин Иван Алексеевич, Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., д. 116, e-mail: ivan.fokin.2014@mail.ru

Фотопулу Антониа, магистрант 2-го курса, факультета международных отношений и политических исследований, Северо-Западного института управления РАНХиГС, (Санкт-Петербург, Российская Федерация), e-mail: afotopulu-20@edu.ranepa.ru

Хаботько Никита Андреевич, преподаватель ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Россия e-mail: nikitakhabotko@icloud.com

Хлопов Олег Анатольевич, кандидат политических наук, факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва

Хрущев Сергей Андреевич, к. геогр. н., доцент, кафедра международных отношений Факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; e-mail shr60@mail.ru

Чайка Егор Евгеньевич, студент, Российский университет дружбы народов

Черкашин Кирилл Валерьевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Донецкий национальный университет, Донецкая Народная Республика, e-mail: k.cherkashyn@donnu.ru

Чистобаев Анатолий Иванович — д. геогр. н., профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: chistobaev40@mail.ru

Чугунова Надежда Васильевна, к. геогр. н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, НИУ «БелГУ»

Чэнь Диной, Университет Цинхуа, район Хайдянь, Пекин, 100084, КНР, e-mail: cdy21@mails.tsinghua.edu.cn

Шматов Александр Сергеевич, студент, МГИМО МИД России, Факультет Управления и Политики, ул. Проспект Вернадского 76, г. Москва, Россия, e-mail: shmatov.aleks@bk.ru

Шумилов Михаил Михайлович, д. ист. н., профессор кафедры международных отношений Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: mshumilov@mail.ru

Шупер Вячеслав Александрович — доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН. E-mail: vshuper@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Abrosimova Natalia V., Ph.D., lecturer. Saint-Petersburg State University, e-mail: rio00@ya.ru

Adamaitis Stanislav Al., postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (MSU). (Russia, Moscow), e-mail: stalad97@gmail.com

Alibekova Gulnaz Zh. PhD, Deputy General Director of the Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, Almaty, E-mail: g_alibekova@mail.ru

Altman Lev Leonidovich, 3rd year student, bachelor's degree, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg University, 10 line V.O., 31–33, (St. Petersburg, Russia), e-mail: st076353@student.spbu.ru

Alzhanova Farida G., Doctor of Economy, Chief Researcher, Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, Almaty, E-mail: farida.alzhanova@gmail.com

Amburtsev Roman Alb, Head of the Analytical Department of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Observance of Electoral Rights of Citizens of the IPA CIS Member States, Senior Lecturer at the Department of Regional Economics and Environmental Management of the St. Petersburg State University of Economics. St. Petersburg, Russia. E-mail: romanambur@gmail.com

Andreev Andrey Aleksandrovich., postgraduate student of the Department of Regional Politics and Political Geography, St. Petersburg State University, e-mail: st073895@student.spbu.ru

Andreev Maksim Vl., Consultant to the Analytical Department of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Observance of Electoral Rights of Citizens of the IPA CIS Member States, Postgraduate student at St. Petersburg University. St. Petersburg, Russia. E-mail: maxander1308@gmail.com

Briscoe Anna, Russian Branch Director, Center for the Study of Political Islam International (CSPII), E-mail: anna.briscoe@cspii.org

Babich Nikita Dmitrievich, student, MGIMO University, Faculty of Management and Politics, Prospekt Vernadskogo 76, Moscow, Russia

Barabanova Elizaveta Maksimovna, 4th year student of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University, E-mail: lizkabar001@gmail.com

Bobrova Vasilisa V., Research Engineer, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University, Senior Curator of the Siberia Foundation, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg). E-mail: bobrovva.vasilek@yandex.ru

Burla Mikhail Porfirovich, Candidate of Sciences (Ph.D.), Associate professor, Head of Research Laboratory “Regional Research”, Pridnestrovian State University, 3300, Tiraspol, st. October 25, 128, e-mail: burla57@list.ru

Chen Diyu Tsinghua University, Haidian District, Beijing, 100084, P.R. China, e-mail: cdy21@mails.tsinghua.edu.cn

Cherkashin Kirill V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Donetsk National University, Donetsk People’s Republic. E-mail: k.cherkashyn@donnu.ru

Chistobaev Anatoliy I., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: chistobaev40@mail.ru

Chugunova Nadezhda V., k. geogr. Ph.D., Associate Professor of the Department of Environmental Management and Land Cadastre of the Institute of Earth Sciences, National Research University “BelSU,” e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

Debelaya Irina D., Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Institute of Water and Environmental Problems of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; IInstitute of Water and Environmental Problems FEB RAS st. Dikopoltseva, 56, Khabarovsk, Russia, e-mail: debelaya@rambler.ru

Delva Kirill I. North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Sredniy Prospekt V. O., 57/43, St. Petersburg, Russia; e-mail: kirdelva93@gmail.com

Devina Julia Romanovna, Smolensk State University, 214000, Russia, Smolensk, st. Przhhevskiy, 4, e-mail: devina.julia1999@mai.ru

Didenko Dmitry Y., ANOOVO “European University in St. Petersburg”, St. Petersburg, Gagarinskaya St., 6/1, A, Russia, e-mail: geowork9818@gmail.com

Dobrovolsky Sergey G.—d. geogr. Ph.D., Head of the Laboratory of the

Institute of Water Problems of the Russian Academy of Sciences, e-mail: sgdo@bk.ru

Druzhinin Alexander, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University, Rostov-on-Don; Leading Researcher at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Elatskov A. B. Aleksey B., k. geogr. n., senior lecturer, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University, e-mail: elatskov@mail.ru

Elena Sukhova, Legal Division Manager, Russian Branch, Center for the Study of Political Islam International (CSPii), e-mail: legal_rus@cspii.org

Elsukov Mikhail Yur., Ph.D., Associate Professor North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (SZIU RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: elsukov-my@ranepa.ru

Fedorov Genadiy Mikhailovich, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the Center for Geopolitical Studies of the Baltic Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, A. Nevsky Str., 14 (Russia, Kaliningrad), e-mail: GFedorov@kantiana.ru

Fotopoulou Antonia, Master's degree student of the faculty of International Relations and Politics of the North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), e-mail: afotopulu-20@edu.ranepa.ru

Isaichikov Viktor F., editor-in-chief of the magazine "Enlightenment", Moscow, Russia, Tvardovsky str., 21, kor.2, kv. 153. E-mail: mihmarkin@mail.ru.

Kebets Vladislav V., student of the Belarusian State University, e-mail: shcola45v@mail.ru

Khabotko N.A. assistant professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: nikitakhabotko@icloud.com

Khlopov Oleg A., Candidate of Political Sciences, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow

Khrushchev Sergey A., k. geogr. Ph.D., Associate Professor, Department of International Relations, Faculty of International Relations and Political Studies, RANEPА Under the President of the Russian Federation; e-mail shr60@mail.ru

Kirill Serebryakov D., St. Petersburg State University, Universitetskaya Nab., 7–9, Russia, e-mail: st049746@student.spbu.ru

Koguta Victor G., Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: vgkogut@gmail.com

Kondratov Nikolai A. Associate Professor, Department of Geography and Hydrometeorology High School of Natural Science and Technology SAFU named after M. V. Lomonosov, e-mail: n.kondratov@narfu.ru

Kotov Alexander VI., Institute of Europe RAS, Moscow, st. Mokhovaya, 11–3, Russia, RANEPa, Moscow, Vernadsky Ave., 82, Russia, e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Krotova Maria VI., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: mary_krot@mail.ru

Krusanov Dmitry Andreevich, Master's student of the University of Bonn named after Friedrich Wilhelm, e-mail: dkrusanov@gmail.com

Kulakovskiy Evgene S., k. geogr. Ph.D., Lecturer at the Department of Socio-Economic Geography and Regional Studies, Voronezh State University (VSU); Assistant of the Department of Geography and Tourism, Voronezh State Pedagogical University (VSPU). (Russia, Voronezh), e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

Lazareva Zhanna V., Candidate of Geography, Associate Professor, Associate Professor of Geography and Geography Teaching Methods, Omsk State Pedagogical University, e-mail: zhanna_lazareva@inbox.ru

Lebedev Pavel S., Tver State University, Tver, Zhelyabova str., 33, Russia, e-mail: lebedevpavelgeo@gmail.com

Leshenyuk Oleg, Head of the Center for International Studies of the Faculty of International Relations Belarusian State University, Deputy Dean for International Affairs. Address: 20/1108 Leningradskaya str., Minsk, Republic of Belarus, e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com

Logvinov Ilya AI., Bachelor of the 4th year, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 7–9, Russia e-mail: ilia.logvinov@yandex.ru

Lopatina Vasilisa, Intern-researcher of the Center for Spatial Analysis of International Relations of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russia, Moscow, Vernadsky Ave. 76, 119454, e-mail: lopatina-vasilisa@

mail.ru

Makhnovsky Dmitry E., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, e-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru

Maksimovich Nikita Vyacheslavovich, 3rd year student, bachelor's degree, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg University, 10 line V.O., 31–33,, (St. Petersburg, Russia), Maksimovich Nikita Vyacheslavovich, 3rd year student, bachelor's degree, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg University, 10 line V.O., 31–33,, (St. Petersburg, Russia), e-mail: st076353@student.spbu.ru

Manakov Andrey G., Doctor of Geographical Sciences, Professor, Professor of the Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia. E-mail: region-psk@yandex.ru

Medvedkov Aleksey A., k. geogr. Ph.D., Profesor Asociado, Profesor Asociado, Universidad Estatal Lomonosov de Moscú (MSU), Moscú, Federación de Rusia, e-mail: a-medvedkov@bk.ru

Merkushev Sergey Aleksandrovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Economic Geography and the Department of Tourism of the Perm State National Research University, e-mail: merck.sergey@yandex.ru

Mikheeva Natalia M., St. Petersburg State University, Universitetskaya Embankment 7–9, St. Petersburg, Russia; North-West Institute of Management of RANEPa under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Sredniy Prospekt 57, Russia, e-mail: n.miheeva@spbu.ru

Mirzekhanova Zoya G., Doctor of Geographical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Optimization of Regional Environmental Management, Institute of Water and Environmental Problems FEB RAS. Dikopoltseva, 56, Khabarovsk, Russia, e-mail: lorp@ivep.as.khb.ru

Mishina Yuliya Ol., Undergraduate, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia, e-mail: juliamishina99@mail.ru

Mitryukova Ksenia A., postgraduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: st084990@student.spbu.ru

Morkovskaya Daria N., student of the Department of Natural Resources Management and Land Cadastre of the Institute of Earth Sciences, BelSU.

Morozova Galina U., k. biol. n., Senior Researcher, Institute of Water and Environmental Problems feb RAS, e-mail: morozova-ivep@mail.ru

Nersesyan Nare S., Russian State University for the Humanities, 3rd year student of Political Science, Miussskaya Sq. 6, Moscow, Russia, e-mail: nersesyan.nare@yandex.ru

Nuryshhev Gennady N., Doctor of Economic Sciences, St. Petersburg, State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: g.nuryshhev@yandex.ru

Osipov Konstantin Anatolyevich, 2nd year student, Master's degree, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg University, 10 line V.O., 31–33, (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kostia.osipov2015@yandex.ru

Peker Irina Y., postgraduate student of the Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad), e-mail: IPeker@kantiana.ru

Pena Peguero Francisco Jose, RUDN University, Moscow, Russian Federation, e-mail: chicofranciscojose@gmail.com

Pershutkina Svetlana P., Moscow State University named after M. V. Lomonosov, e-mail: pershutkina2000@gmail.com

Polyakova Tatyana A., k. geogr. Ph.D., Associate Professor of the Department of Environmental Management and Land Cadastre of the Institute of Earth Sciences, National Research University “BelSU”.

Popov Dmitrii Ig., undergraduate student, Saint Petersburg State University, School of international relations, Chair of European Studies, e-mail dp04@mail.ru

Pribyshin Taras K., Researcher, International Center for Socio-Economic Research “Leontief Center”, 7th Krasnoarmeyskaya Street, 25, 190005 г. St. Petersburg, Russia, e-mail: pribyshin@leontief.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1561-2048>

Rajko Gnjata, Prof. Dr., The Faculty of Natural Sciences and Mathematics, University of Banja Luka, RS, B&H, e-mail: gnjator@pmfbl.org

Sargsyan Susanna H.—Leading Engineer of the Laboratory of Global Hydrology of the Institute of Water Problems of the Russian Academy of Sciences, sus_sar@mail.ru

Satybaldin Azimkhan Abilkairovich, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economy, Professor, General Director of the Institute of Economics of the Science Committee of the

Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, Almaty, e-mail: ieconomkz@gmail.com

Savelyeva Maria A., postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Lomonosovskiy.pekt, 27, korp. 4, Faculty of Political Science, e-mail: — mashtaler_94@mail.ru

Savicheva Elena M.—Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations 1Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Savicheva Elena Mikhailovna—Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Shumilov Mikhail M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); e-mail: mshumilov@mail.ru

Shuper Vyacheslav A.—Dr. Hab. in Geography, Professor, Leading Researcher at the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. E-mail: vshuper@yandex.ru

Sidorkina Valeria Vladimirovna, student, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Faculty of Management and Politics, Prospekt Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: — sidorkina.lera@mail.ru

Silantev Konstantin V., PhD in Philology, Assistant Professor, Department of history of journalism, Institute “School of Journalism and Mass Communications”, St. Petersburg State University. E-mail: k.silantiev@spbu.ru

Smirnov Egor VI., bachelor's degree, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: smirnovlegor@gmail.com

Smirnov Ilya, Ph.D., Associate Professor of the Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning Tver State University, e-mail: Smirnov.ip@tversu.ru

Sobyanin Vladimir VI. LLC “VKontakte”, Khersonskaya str., 12–14, letter A, Russia, e-mail: vsobyanin96@yandex.ru

Sokolov Sergey N., d. geogr., Professor of the Department of Geography Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, e-mail:—

snsokolov1@yandex.ru

Tenchikov Aleksandr, Academy of Urban Management, Planning and Printing, 33A Rustaveli Street, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: iamalexten@gmail.com

Tenchikov Alexander Al., St. Petersburg State Budgetary Professional Educational Institution “Academy of Urban Environment Management, Urban Planning and Printing”, St. Petersburg, Rustaveli Street, 33 letter A., Russian Federation

Terenina Natalia K., Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia. E-mail: brazelon@yandex.ru

Tislenko Maria Ig., Peoples’ Friendship University of Russia, postgraduate student of the Department of Regional Economics and Geography, Moscow, Miklouho-Maclaya Street, 6, Russia, e-mail: tislenko-mi@rudn.ru

Toropygin Andrey Vl., Doctor of Political Sciences., Professor of the Department of International Relations of the North-West Institute of Management of the RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Historical Sciences (St. Petersburg), e-mail: toropyginav@mail.ru

Turkin Vladislav Al., Master of the Program “Geourbanistics”, St Petersburg State University, e-mail: vturk@mail.ru

Ulyanova Svetlana N., Peter the Great St.Petersburg Polytechnic university, Saint-Petersburg, 194064, Polytechnicheskaya ul., 29, E-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

Urper Mehmet, Ph.D., Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: m.urper@spbu.ru

Uss V. V., Master of the Program “Geourbanistics”, St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, University Embankment 7–9, Russian Federation, e-mail: valik.02.uss@gmail.com

Victoria Dubich, PhD, Ass. Professor, Research Division Manager, Russian Branch, Center for the Study of Political Islam International (CSPii), [victoria.dubich@cspii.org](mailto: victoria.dubich@cspii.org)

Vladimirsky Irene., Doctor of Historical Sciences, Professor, Achva Academic College (Israel), e-mail: irena@achva.ac.il

Wang Qi Tsinghua University, Haidian District, Beijing, 100084, P.R. China,

e-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Zotova Olga Al., Candidate of Geographical Sciences, Lecturer of the Department of Geography of the West Kazakhstan University named after M. Utemisov (Uralsk, Republic of Kazakhstan), e-mail: jubanova@mail.ru

Zverev Yuri Mikhailovich, Institute of Geopolitical and Regional Studies of IKBFU, Kaliningrad, A. Nevsky Street, 14, Russia, e-mail: YZverev@kantiana.ru

Научное издание

Региональная политика,
политическая география и геополитика:
история и современность

Материалы Международной конференции,
посвящённой 20-летию
кафедры региональной политики
и политической географии СПбГУ

Под редакцией Н. М. Михеевой и Н. В. Каледина

Компьютерная верстка: Михеева Н. М., Мещерин В. В.

Подписано в печать 08.08.2022. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 44,64. Тираж 50 экз. Заказ № 1801.

Отпечатано в Издательстве ВВМ.
198095, Санкт-Петербург, ул. Швецова, 41.